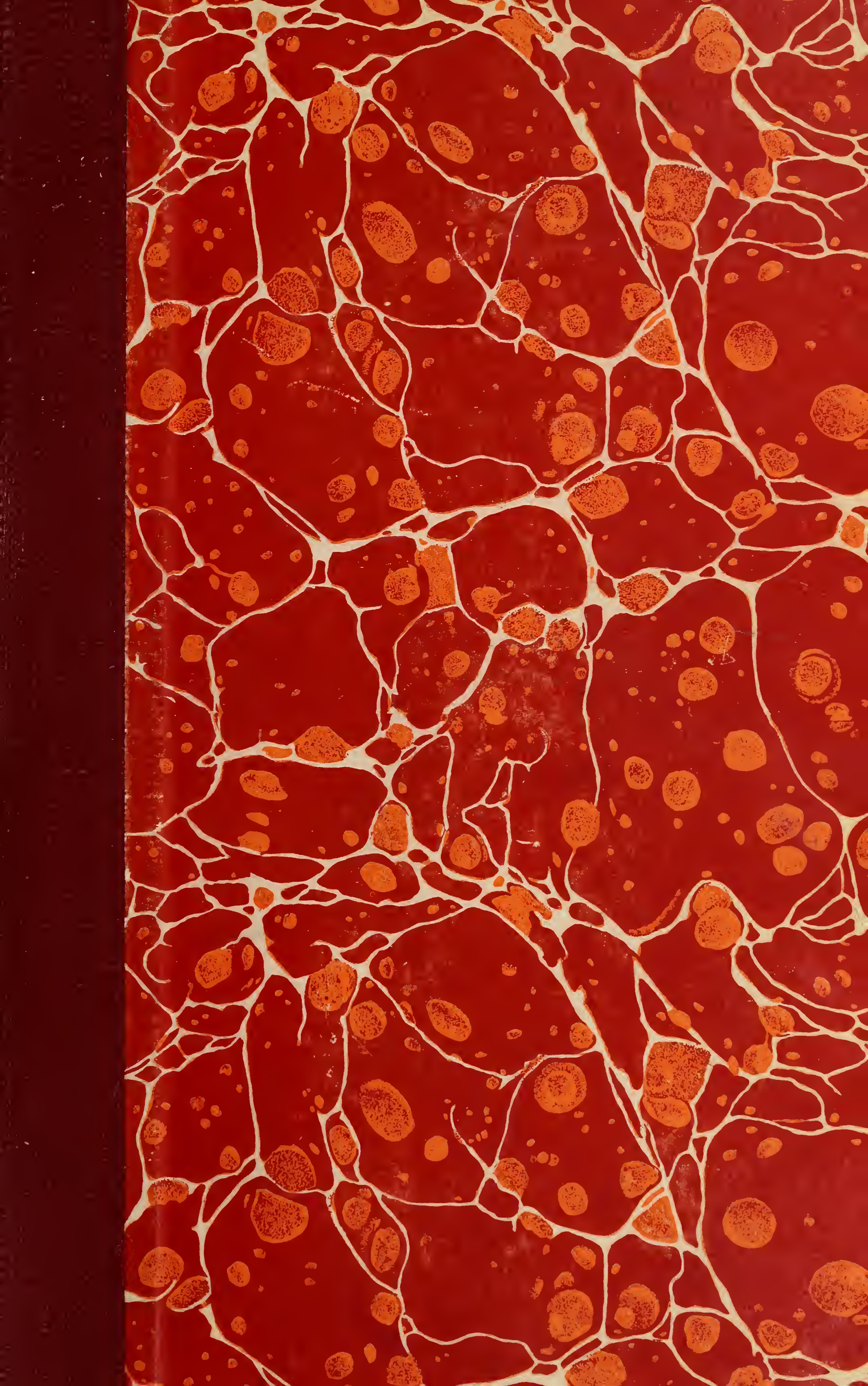




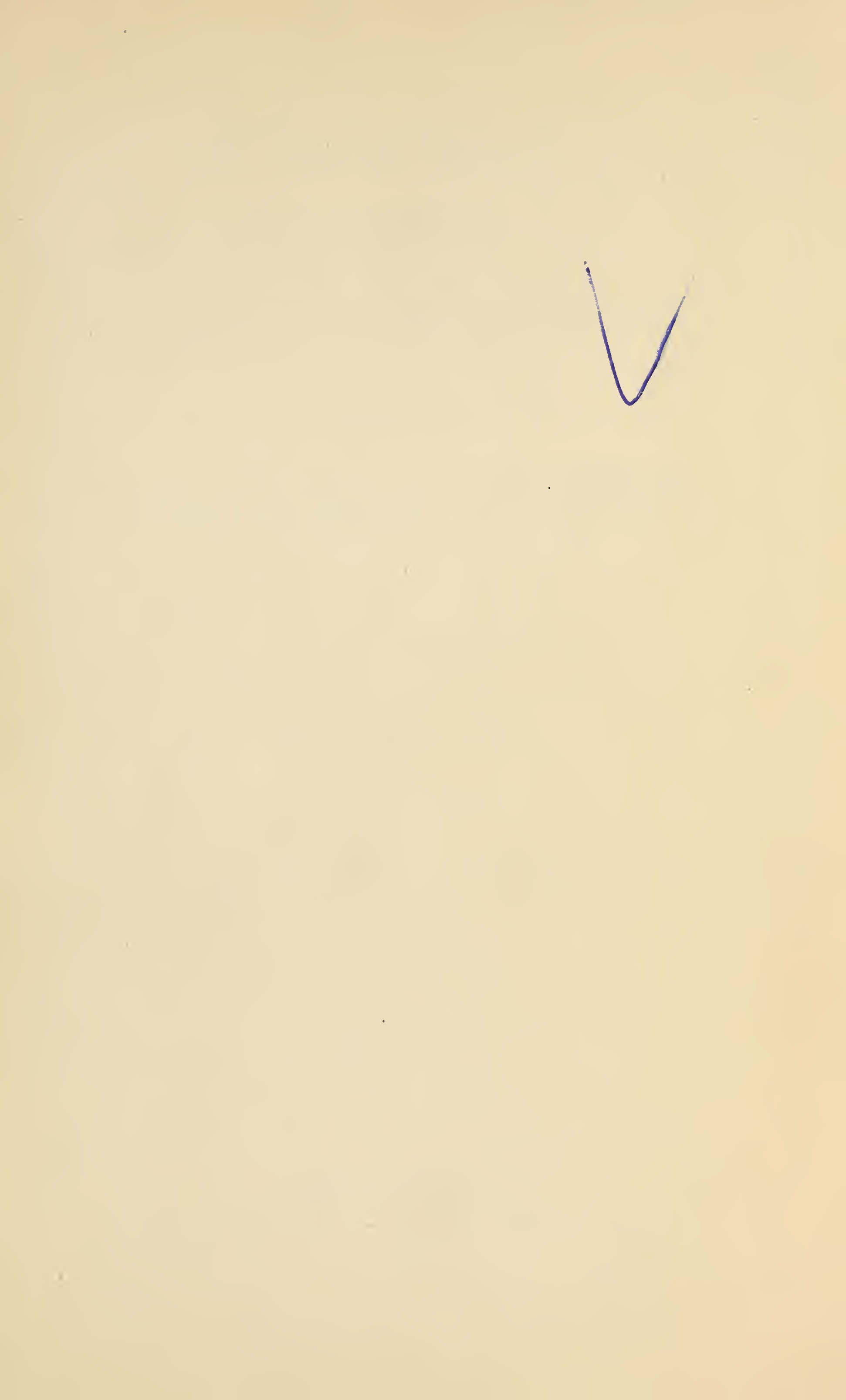


Class PGR 2595

Book .P

Copy 2

YUDIN COLLECTION



Vel'tman, Elena Ivanovna
Prikliucheniia korolevicha Gustava Irikovicha

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
КОРОЛЕВИЧА
ГУСТАВА ИРИКОВИЧА,
ЖЕНИХА
ЦАРЕВНЫ КСЕНІИ ГОДУНОВОЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

ЕЛ. ВЕЛЬТМАНЪ.

Изъ Отечественныхъ Записокъ 1867 г. № 1. 2. 3. 4. 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго, (Литейная № 38).
1867.

PG3447
.V38P7
1867



I.

Шведскіе витіи-лѣтописцы сравниваютъ сыновей великаго Густава Вазы—Эрика XIV, Іогана III и Карла IX, съ огнедышащими волканами посреди цвѣтущей природы.

Такая фигура краснорѣчія даетъ понятіе о горячей вазовской крови, вспышки которой нарушали всѣ добрыя свойства и дарованія этихъ королей.

Но неистовымъ ли пыломъ нравовъ объясняются грозы того времени на поприщѣ власти? проявляютъ ли онѣ собою волканическое состояніе почвы, или вліяніе и дѣйствіе отравы, внесенной извнѣ?

Въ то время религіозныя бури колебали міръ. Набатъ варѳоломеевской ночи отозвался во всѣхъ концахъ Европы. Въ Швеціи разыгрывалась та же драма съ подкопами, поставленная на сцену неизреченнымъ искуствомъ саперовъ и минеровъ легіона, основаннаго Игнатіемъ Лойолою.

Въ первомъ актѣ этой драмы, средній сынъ преобразователя Швеціи, Іоганъ, женится на польской принцессѣ Катеринѣ Ягеллонъ. Братъ Іогана, Эрикъ, заключаетъ его въ темницу, за измѣну отечеству, за явное уклоненіе къ ненавистному шведамъ папизму.

Четыре года проводитъ Іоганъ въ заточеніи. Катерина неразлучна съ нимъ. Въ темницѣ нарождается Сигизмундъ, будущій король польскій—возлюбленное чадо Рима. Римъ способствуетъ освобожденію отца его.



Демонскія козни осѣтили уже дворъ Эрика. Подъ вліяніемъ навѣтовъ и морока, внушаемаго астрологами, король проникается подозрѣніемъ и страхомъ, и, какъ пораженный обманомъ зрѣнія, видитъ на лицахъ, преданныхъ ему, измѣну; сѣкира его падаетъ, вмѣсто клевретовъ папы и Іогана, на знатнѣйшія фамиліи, опоры государства.

Освобожденный Іоганъ, движимый местью, объявляетъ тогда царственнаго брата умалишеннымъ, и въ свою очередь осудивъ его на заточеніе, вступаетъ на престолъ.

Но нѣсколько отчаянныхъ покушеній низвергнутаго короля Эрика къ возвращенію свободы вскорѣ встревожили похитителя. Подстрекаемый своими союзниками, Іоганъ рѣшился положить конецъ своимъ опасеніямъ.

20 января 1577 года, въ силу тайнаго повелѣнія, выѣхалъ изъ Стокгольма уполномоченный королевскій секретарь Іоганъ Генриксонъ, по дорогѣ въ Эрбингусъ, укрѣпленное вазовское помѣстье въ погостѣ Венденскомъ, въ Упландіи, гдѣ король Эрикъ содержался тогда подъ стражею. Вооруженные драбанты открывали безопасный путь везомому въ металлическомъ сосудцѣ снадобью и письму къ королевскому повару.

21 числа слѣдующаго мѣсяца, духовникъ низверженнаго короля, Андрей Эрици, и пасторъ венденскій, приготовили его незавѣдомо къ смерти. На слѣдующій день, въ обѣдъ, подали Эрику тарелку гороховаго супа съ приправой, изготовленной придворнымъ фельдшеромъ Филиппомъ Керномъ, черезъ два съ половиною часа король испустилъ духъ, и съ каѳедръ стокгольмскихъ церквей возвѣщено о смерти Эрика XIV, и послано къ меньшому королевскому брату, герцогу Карлу, и къ епископу вестероскому увѣдомленіе о томъ, что державный узникъ скончался отъ долговременной болѣзни.

Вскорѣ послѣдовало погребеніе. Епископъ Эразмъ произнесъ краткую рѣчь, послѣ которой поставили гробъ въ приготовленномъ подъ церковью склепѣ.

Умолкъ погребальный колоколъ, но безмолвно возгласили надъ склепомъ, высѣченныя на латинскомъ языкѣ слова: «Translatum est regnum et factum fratris mei a Domino constitutum est».

Но смертью Эрика не вполнѣ обезпечивалась корона на головѣ Іогана. У Эрика былъ сынъ, законный наслѣдникъ правъ отца и престола.

Чрезъ два мѣсяца, въ глубокую полночь, тотъ же придворный фельдшеръ, въ должности королевскаго камердинера, Филиппъ Кернъ, вышелъ изъ дворца въ простой одеждѣ кочевыхъ горныхъ финновъ, которые обыкновенно продавали въ городѣ добычи звѣ-

риной ловли. Онъ шелъ съ ношею на плечахъ, боязливо оглядываясь и осторожно обращаясь съ лежащимъ въ холщевомъ мѣшкѣ сокровищемъ. Стража окликала его на пути; но онъ произносилъ отзывъ, и достигъ безпрепятственно до самыхъ королевскихъ дачъ на озерѣ, до пустынной стороны берега, куда держалъ свой путь.

Фельдшеръ Филиппъ Кернъ, наторѣлый въ своемъ искуствѣ, безтрепетно кроилъ живое тѣло, точилъ кровь, изготовлялъ адскія снадобья, и въ тайныхъ экспедиціяхъ, когда не требовалось торжественности эшафота, совершалъ недрогнувшей рукой роковые приговоры. Но неробкій въ ремеслѣ своемъ, онъ трепеталъ теперь отъ малѣйшаго шороха.

Одинаково дѣйствовали на нервы его и звуки разгульной пѣсни запоздалаго хмѣльного рыцаря, и перебранка бурливыхъ, во всякое время дня и ночи, бродящихъ студентовъ; во всемъ подозрѣвалъ онъ тайное предательство и содрогался за свою собственную голову.

На этотъ разъ нельзя было ему оградиться надежнымъ конвоемъ, потому что порученіе его было тайное: онъ одинъ долженъ былъ о немъ вѣдать и совершить его.

Бояться, однако же, повидимому было нечего: все было тихо вокругъ; въ беззаботномъ снѣ покоился городъ, и мало-по малу біеніе сердца королевскаго камердинера становилось правильнѣе. Благополучно миновалъ онъ встрѣчныя подозрительныя лица; пріютныя ущелья укрывали уже его отъ любопытныхъ взоровъ. Поспѣшая къ цѣли, осторожно прокрадывался онъ къ знакомой ему скалѣ надъ пучиной, гдѣ только яркія звѣзды на свѣтломъ ночномъ небѣ сѣвера смотрѣли несчетными глазами, да заунывно свистѣлъ въ ущельяхъ вѣтеръ, и глухо стонало озеро.

Окинувъ робкими взорами окрестность, Кернъ рѣшился приблизиться къ обрыву; но едва только показался онъ черною тѣнью на поверхности Мелара, надъ ухомъ его внезапно брякнуло оружіе, и сильная рука схватила его за воротъ.

— Спарре! воскликнулъ Кернъ, узнавъ съ изумленіемъ въ остановившемъ его человѣкѣ одного изъ придворныхъ короля Іогана. — Спарре! — повторилъ королевскій слуга, опустивъ на землю ношу свою и не зная, друга или недруга видитъ передъ собою.

— Молчи! тихо промолвилъ Спарре; но голосъ его пронизалъ какъ ножомъ слухъ Филиппа. — Живъ ли ребенокъ? — поспѣшно спросилъ сановникъ.

— Живъ, произнесъ дрожа отъ страха Кернъ.

Онъ нагнулся къ мѣшку, вытащилъ изъ него полумертваго, связаннаго мальчика, раскрутилъ ему руки и ноги и уже коснулся платка, которымъ былъ завязанъ ротъ.

— Оставь! повелительно сказалъ Спарре:—вопль дитяти можетъ погубить его—и онъ свиснулъ какъ озерная чайка.

Вооруженный всадникъ выѣхалъ на этотъ зовъ изъ-за скалы, осторожно соскочивъ съ коня.

— Дѣлай свое дѣло, Гудмундъ! сказалъ ему Спарре.

Гудмундъ поднялъ ребенка, завернулъ его въ плащъ свой и, вскочивъ на сѣдло, мигомъ скрылся изъ виду.

— Теперь расправа будетъ недолга съ тобою, сказалъ Спарре Керну. Поставивъ однимъ толчкомъ тщедушнаго составителя ядовъ на колѣни, онъ произнесъ торжественно: — клянись!

— Клянусь, клянусь! завопилъ безъ памяти отъ страха Кернъ, готовый произнести какую угодно клятву, предчувствуя въ этомъ требованіи свое спасеніе.—Клянусь трисвятымъ Богомъ!

— Не Богомъ! Не смѣй произносить имя Бога нечистыми устами! Клянись врагомъ божіимъ! сказалъ Спарре, религіозность котораго была несвободна отъ суевѣрія того вѣка, также какъ рѣчь отъ современнаго риторства.—Клянись *сатаною—царемъ преисподней, владыкой мрака, главою своихъ сподвижниковъ*!

Спарре вычислилъ всѣ титулы демонской силы, изъ ходившаго въ то время по рукамъ пасквиля, составленнаго врагами лютеранскаго ученія, подъ заглавіемъ: «Открытая грамата сатаны».

— Клянись, продолжалъ онъ: — что ты отыщешь въ царствѣ мертвыхъ тоскующую тѣнь короля Эрика XIV, и скажешь ему, что прислалъ тебя Эрикъ Спарре съ доброй вѣстью о спасеніи сына его, наслѣдника престола и надежды Швеціи!... Скажи королю, что вѣрный слуга его будетъ блюсти орленка, покуда оперится онъ, и заклюетъ хищника, скликающаго латинскихъ изувѣровъ, какъ вороновъ на добычу.

Филиппъ Кернъ застоналъ, заткнувъ уши и сжавъ глаза. Онъ какъ будто силился избавить себя отъ страшной довѣренности, послѣ которой смерть должна была наложить на уста его печать молчанія.

— Скажи еще, шепнулъ чуть слышно, почти мысленно Спарре:— чтобы король простилъ любовь мою къ супругѣ его, прекрасной Коринн... Въ искупленіе этой непроизвольной вины, я спасъ жизнь и возвращу престолъ его сыну!...

Съ этимъ словомъ блеснулъ во мракѣ мечъ канцлера, и тяжелое тѣло рухнулось въ пучину.

Отправивъ этого чрезвычайнаго посла въ невѣдомый міръ съ своимъ страннымъ порученіемъ, Эрикъ Спарре воротился въ городъ, и замѣнивъ обрызганный кровью суконный плащъ штофнымъ кафтаномъ, а окровавленный мечъ парадною шпагой, отправился съ восходомъ солнца во дворецъ.

Вбѣгая по лѣстницамъ стокгольмскаго замка въ тревожномъ волненіи духа, онъ спѣшилъ въ одинъ изъ внутреннихъ покоевъ, гдѣ присланный изъ Рима іезуитъ Антоній Поссевинъ служилъ уже раннюю обѣдню.

Заботливою рукою Екатерины, супруги короля Іогана, ревностной католички, комната, преобразованная въ каплицу, сіяла золотомъ и огнями. Подъ парчевымъ балдахиномъ возвышался алтарь, покрытый фіолетовымъ бархатомъ, съ крестомъ, изукрашеннымъ жемчугомъ и алмазами. На ступеняхъ, усыпанныхъ цвѣтами, горѣли въ канделябряхъ свѣчи; у подножія стоялъ папскій нунцій и отправлялъ свое великолѣпное служеніе.

Красивое лицо іезуита и сценическая осанка много содѣйствовали успѣхамъ его обольстительнаго и ловкаго ума.

Уроженецъ Мантуи, смуглый, высокій и худощавый, Поссевинъ проникалъ въ душу пріятностью кроткаго выраженія лица, и въ то же время вызывалъ безпрекословное послушаніе назидательною суровостью, мелькавшею въ его взглядѣ.

Антоній Поссевинъ былъ гофмейстеромъ при дворѣ принца Франциска-Гонзаго и секретаремъ императора Фердинанда I. По вступленіи въ іезуитскій орденъ, онъ былъ употребляемъ савойскимъ дворомъ въ дѣлѣ обращенія валденцевъ, а французскимъ — для противоборства гугенотамъ въ Ліонѣ. Вмѣстѣ съ врожденными способностями, онъ обладалъ еще обаяніемъ придворныхъ пріемовъ и изысканною ловкостію образованнѣйшихъ народовъ Европы. Онъ господствовалъ ласкательствомъ и остроумной любезностію надъ грубою правдивостію шведовъ. Въ самыя торжественныя минуты богослуженія, это очаровательное вліяніе проявлялось во всѣхъ его движеніяхъ.

Король Іоганъ слушалъ обѣдню на колѣняхъ въ набожномъ восторгѣ; королева сидѣла умиленно, упиваясь сладкимъ голосомъ Поссевина, музыкально звучавшимъ среди глубокой тишины. Она безпрестанно поощряла къ внимательнѣйшей молитвѣ сына своего, уже объявленнаго кронъ-принцемъ, Сигизмунда, который и безъ того былъ весь вниманіе и молитва. Готовясь къ принятію короны польской по смерти дяди своего Стефана-Баторія, онъ воспитывался въ вѣрѣ матери своей. При флегматическомъ характерѣ и лѣнивомъ разумѣ, Сигизмундъ легко подчинялся внушеніямъ его наставниковъ. Обвѣшанный присланными изъ Рима реликвіями, съ молитвенникомъ въ рукахъ, богомольно склонилъ онъ юную голову свою. За нимъ два королевскіе секретаря, представители усерднѣйшихъ изъ придворныхъ папистовъ, громкими воздыханіями обнаруживали свое благоговѣніе. Одинъ Спарре, вошедшій

незамѣтно въ капллицу, вовсе не молился и смотрѣлъ исподлобья. Онъ пришелъ за другимъ дѣломъ и дожидался своей очереди.

Разсѣяннымъ взоромъ блуждалъ онъ по всѣмъ предметамъ и не разъ останавливалъ его съ содроганіемъ на лежавшей на полу, близъ короля, книгѣ подъ заглавіемъ: «Антонія Поссевина отвѣты на вопросы высокорожденнаго на Сѣверѣ мужа, возжелавшаго познать уготованное на небеси вѣчное блаженство и ученіе объ истинной церкви». Въ этой книгѣ, въ сильныхъ доводахъ, были разсѣяны всѣ сомнѣнія Іогана, объяснены всѣ его недоразумѣнія, устранены всѣ безпокойства на счетъ скоропостижности обращенія, могущаго произвести въ государствѣ смуты. Эта книга—приношеніе іезуита, была подобострастно повержена къ стопамъ монарха.

Нерѣдко сталкивались глаза Спарре съ испытующимъ взоромъ Поссевина, который, смотря горѣ, обнималъ въ то же время всѣ дольніе предметы.

Эти взгляды благородный шведъ умѣлъ выдерживать твердо. Онъ зналъ, что̀ такое волки въ овечьей шкурѣ.

— Gloria tibi Domine! Deo gratia! восклицалъ повременамъ Іоганъ, распростертый по полу въ изступленіи фанатической набожности. Въ необузданныхъ сынахъ великаго Густава Вазы, всякое человѣческое чувство могло обращаться въ неистовство, проявленіе котораго раздражительно дѣйствовало на окружающихъ.

Воспріимчивый Сигизмундъ, тщетно воздерживая себя нѣсколько минутъ, громко зарыдалъ; но этотъ плачъ не отрезвилъ Іогана. Онъ, казалось, даже не слыхалъ, что обѣдня кончилась, и когда Поссевинъ, сложивъ съ себя облаченіе, приблизился къ нему, король обнялъ іезуита и произнесъ торжественно свое отреченіе отъ Лютера, по-латыни, словами: «et ego te amplector, et ecclesiam Romanum in aeternum».

Но въ подобную минуту Іоганъ не могъ удовольствоваться столь пристойнымъ отреченіемъ. Въ послѣдней степени фанатическаго изступленія, онъ изрекалъ страшныя за себя и за свое царство клятвы, гремѣлъ анаѳемой на ослушниковъ, проклиналъ вѣру отца своего и свое въ той вѣрѣ рожденіе и воспитаніе.

Іезуитъ, полагая цѣли своихъ домогательствъ достигнутыми, упалъ на колѣни, изъ глазъ его заструились слезы, и онъ вслухъ сталъ читать молитву за обращеннаго; но еслибъ въ этотъ мигъ взглянулъ онъ ненарокомъ на стоящаго поодаль Спарре, то выраженіе лица его остудило бы этотъ восторгъ.

«Угаръ преступленія!» думалъ рыцарь: «хмѣль отъ пролитой невинной крови! .. Позорный хмѣль, послѣ котораго слѣдуетъ тяжелая тоска похмѣлья!»...

Нунцій продолжалъ оглашать своды капллицы хвалами небу; но

король, какъ всякій разъ бывало съ нимъ послѣ подобныхъ порывовъ, сталъ видимо изнемогать и, въ оправданіе мысли Спарре, опустился въ безсиліи на близь стоявшія кресла.

Екатерина подошла къ супругу съ кроткимъ выраженіемъ лица: сынъ ея бросился къ ногамъ родителя и лобызалъ край его одежды; но Іоганъ не видалъ уже и не чувствовалъ ничего. Глаза его помутились, руки повисли, голова склонилась на грудь.

Царедворцы, изучившіе нравъ короля, одинъ за другимъ незамѣтно скрылись. Всѣ знали, что онъ не любилъ свидѣтелей припадковъ его. Спарре также вышелъ; онъ чувствовалъ необходимость вздохнуть свободнѣе въ другой атмосферѣ. Впечатлѣнія минувшей ночи тяготили его душу, а сцена въ королевской часовнѣ увеличила эту тягость. Не разъ присутствовалъ онъ при латинскихъ богослуженіяхъ, отправляемыхъ для королевы и наслѣднаго принца въ замкѣ, всегда уносилъ съ собою непріятное впечатлѣніе, но никогда еще не испытывалъ ничего подобнаго, и, несмотря на то, что зналъ намѣренія Іогана, онъ не ожидалъ такъ скоро рѣшительной развязки.

II.

Эта развязка была, однако же, какъ нельзя болѣе послѣдовательна. Въ минуту укоровъ совѣсти, воображеніе бываетъ наиболѣе воспріимчиво и способно подчиняться убѣжденіямъ. Не воспользоваться подобнымъ состояніемъ духа Іогана было бы оплошностію со стороны членовъ Societatis Jesu.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время Спарре, не вдаваясь въ эти соображенія, чувствовалъ, что голова его шла кругомъ. Онъ стоялъ при дворѣ на зыбкой почвѣ, и необходимо было чутко сторожить надъ самимъ собою, чтобы не потерять равновѣсія.

Король Іоганъ и королева Екатерина предложили ему въ супружество прекрасную Евву Брагге, родственницу по матери дому Вазовъ.

Спарре, столь же высокаго и родственнаго королевскому дому происхожденія, первый придворный красавецъ, остроумникъ и щеголь, приглянулся завидной невѣстѣ. Король радовался этой склонности, которая могла застраховать ему преданность одной изъ самыхъ пылкихъ и образованныхъ головъ въ государствѣ.

По этому случаю оказывался Спарре во дворцѣ почетъ, возбуждавшій опасное негодованіе герцога Карла.

Сметливый Спарре умѣлъ, однако, лавировать межъ благосклонностью короля и ненавистью герцога, не роняя своего достоинства. Одаренный тонкимъ чутьемъ и зоркимъ взглядомъ, онъ, казалось

беззаботно слонялся по всѣмъ закоулкамъ дворца, но ничто не ускользало отъ его вниманія.

Многіе почитали его безхитростнымъ повѣсой, который расточалъ весь юношескій пылъ свой на любовь, пѣсни и вино: любовь его принимали за поэзію хмѣля, звуки цѣвницы—за порывы разгула.

Но беззаботный по наружности пѣвецъ вычислялъ про себя съ математическою точностію свои средства; повѣса взвѣшивалъ мысленно золотыя заздравныя чаши, опредѣлялъ ихъ цѣнность и смотрѣлъ съ прискорбіемъ на скудное свое казнохранилище: денегъ—этой двигательной силы, было слишкомъ мало у Спарре для его широкихъ замысловъ.

Объ этомъ, а быть-можетъ и о многомъ другомъ размышлялъ онъ, расхаживая по галереямъ дворца, въ ожиданіи отъѣзда Поссевина, который отправлялся съ добрыми вѣстями въ Римъ. Знаменитый іезуитъ везъ съ собою окончательное рѣшеніе переговоровъ на счетъ введенія въ Швеціи латинской вѣры. Напутствуемый привѣтными желаніями новаго прозелита, онъ былъ въ полномъ упоеніи надеждъ.

Когда Спарре вошелъ въ аудіенц-камеру короля, Іоганъ уже успокоился и облекся въ наружный видъ величія, которымъ такъ искусно умѣлъ прикрывать свои недостатки. Онъ сидѣлъ на рѣзномъ раззолоченномъ стулѣ, въ любимомъ своемъ покоѣ, обитомъ зеленымъ венеціанскимъ атласомъ, съ вытканными изображеніями боя гладіаторовъ. На полу во всю комнату былъ разостланъ коверъ съ ликами семи добродѣтелей, которыя въ палатахъ Іогана во всѣхъ смыслахъ попирались ногами.

Государственный совѣтникъ и верховный судья, Нильсъ Гильденстьернъ, въ ожиданіи новыхъ распоряженій короля, стоялъ наготовѣ съ докладомъ о дѣйствіяхъ сената; секретарь Генриксонъ сторожилъ изъ-за спины монарха мановеніе высочайшей воли.

Спарре отошелъ нѣсколько въ сторону. Онъ былъ здѣсь по своему пазначенію безотлучно-присутствующаго при особѣ короля, свято хранящаго втайнѣ все, чтó слышали уши и видѣли глаза.

— Читай, проговорилъ наконецъ король, прервавъ молчаніе.

Секретарь выступилъ впередъ и, принявъ приличную позу, началъ, по обычаю, читать такимъ внятнымъ и звучнымъ голосомъ, что слова его должны были пробиться сквозь тяжелыя думы короля.

— «О своевольномъ гощеніи рыцарей въ королевскихъ зáмкахъ и мызахъ», произнесъ онъ, и, прочитавъ во взорахъ повелителя расположеніе слушать, продолжалъ:

— «Воспрещается рыцарству своевольное проживаніе въ королевскихъ зáмкахъ и мызахъ, со всѣми служителями, на счетъ тѣхъ

мѣстъ; воспрещается травля королевской дичи въ коронныхъ лѣсахъ и безчинства съ дочерьми и женами крестьянъ.

«За нарушеніе этого воспрещенія, повелѣвается взыскивать съ виновнаго, по приговору суда, отъ пяти до десяти маркъ пени».

Іоганъ кивнулъ головою въ знакъ согласія на распоряженія сената по этому пункту.

— Далѣе! сказалъ онъ отрывисто.

— «О распространяющейся въ мѣщанскомъ сословіи роскоши», продолжалъ Генриксонъ.

Повсемѣстная общая зараза роскоши и щегольства, составляла еще въ концѣ пятнадцатаго столѣтія одинъ изъ главныхъ государственныхъ вопросовъ Европы.

Іоганъ, не обращая вниманія на непомѣрныя издержки двора своего, занимался тщательно экономическими учрежденіями для низшихъ сословій, издавая образцы покроя юбокъ и кофтъ для мѣщанскихъ жонъ, и назначая ткани по различію сословій. Секретарь читалъ:

«Воспрещается мѣщанству всякое излишнее великолѣпіе при свадьбахъ и другихъ обрядахъ и пиршествахъ, а также употребленіе бархата и дорогихъ тканей. Воспрещается жонамъ мѣщанъ носить шелковыя и бархатныя платья, подобно знатнымъ госпожамъ. Довольствоваться имъ, какъ то было въ прежніе годы, шерстяной тканью и не мѣнять образца сборчатыхъ юбокъ изъ камлота и кармазиннаго сукна. Для воротниковъ, корсетовъ и кофтъ, дозволяется атласъ и камка, но ни подъ какимъ видомъ ни бархатъ, ни парча. Въ случаѣ нарушенія этого запрещенія, взыскивается денежная пеня по одной маркѣ, и сверхъ того, за каждую шелковую юбку или бархатную кофту, ставится экзекуція — пѣхотинецъ на полномъ хозяйскомъ содержаніи».

Получивъ то же безмолвное согласіе на вопросъ о шелковыхъ юбкахъ мѣщанскихъ жонъ, секретарь перешелъ къ третьей статьѣ:

«Грамата русскаго царя Ивана IV...»

Глаза короля засверкали при этихъ словахъ.

— Грамата царя русскаго! крикнулъ онъ:—царь домогается Лифляндіи?... предъявляетъ на нее права свои?... Онъ когда-то домогался и законной супруги нашей, Екатерины Ягеллонъ, которую обѣщалъ ему коварный братъ мой, послѣ моей смерти!... Пиши! повелѣлъ онъ грозно.

Изливъ въ отвѣтной граматѣ давно накопленную горечь на соперника своего, король перешелъ къ четвертому предмету, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ Спарре. Онъ весь обратился въ слухъ, когда очередь дошла до посланія вдовѣ короля Эрика, просившей высочайшаго покровительства для дѣтей своихъ.

Корина, со времени заточенія Эрика, жила на мызѣ въ Финляндіи, занимаясь мелочными заботами хозяйства, и, получая ничтожное содержаніе, въ которомъ расписывалась громкимъ именемъ королевы шведской, готской и венденской. Этотъ титулъ былъ единственнымъ оставшимся ей блескомъ отъ царственнаго величія, въ которое ненадолго возвелъ ее покойный король. Къ довершенію горестнаго ея положенія, не дозволялось ей имѣть при себѣ дѣтей: сына Густава и дочери Зигриды, воспитываемыхъ во дворцѣ дяди и похитителя ихъ наслѣдія.

Какъ и слѣдовало ожидать, письмо Іогана къ невѣстѣ было кратко, холодно и уклончиво:

«Мы получили ваше посланіе, любезная Корина—писалъ онъ—вы просите покровительства нашего себѣ и близкимъ вашимъ, и поручаете попеченію нашему дѣтей своихъ. Что касается до васъ, то мы уже исполнили долгъ свой передъ вами, опредѣливъ во владѣніе ваше достаточное имѣніе; дѣтей же вашихъ, внѣ или внутри государства, мы постараемся обезпечить».

Король Іоганъ продиктовалъ это письмо такъ спокойно, какъ будто бы тайное посольство камердинера его, Филиппа Керна, было постороннимъ для него дѣломъ.

Спарре стоялъ передъ лицомъ преступника и смотрѣлъ на него взоромъ почтительнѣйшаго изъ царедворцевъ.

— Поручаемъ тебѣ немедленно отправиться съ этой граматой къ любезной невѣсткѣ нашей, сказалъ король, сдѣлавъ любимцу своему знакъ приблизиться и выслушать его волю.—Присовокупи къ тому изустно наше изволеніе опредѣлить ей съ королевскаго помѣстья въ погостѣ св. Петра, въ Гобовскомъ Уѣздѣ, сто дней барщины въ годъ, три бочки лососины и три бочки сиговъ, въ добавокъ къ пожалованнымъ уже ей въ прошломъ году тремъ мызамъ, приносящимъ ежегодно тридцать талеровъ.

При этомъ словѣ король ласково взглянулъ на Спарре и милостиво протянулъ ему руку.

— Какъ здравствуешь, любезный родственникъ нашъ? спросилъ онъ его.

Взвѣшивая каждое движеніе и слово Іогана съ недовѣріемъ и осторожностію, Спарре преклонилъ колѣно и, цалуя протянутую ему руку, терялся въ догадкахъ:

«Что значатъ эти щедроты? Почему именно его избралъ король для этого посольства? Хотѣлъ ли онъ присутствіемъ милаго королевѣ человѣка придать болѣе цѣны своему подарку, или облегчить ударъ, готовившійся ея материнскому сердцу?»...

— Вліяніе такого прекраснаго юноши обаятельно для всякой женщины, сказалъ король, какъ-будто подслушавъ мысль его.

Любимецъ Корины понялъ намекъ; но бровь его не шевельнулась, и онъ спокойно стоялъ, выжидая объясненія.

— Я намѣренъ воспользоваться этимъ вліяніемъ, продолжалъ король:—Коринь, дочь Монса, обладаетъ тайной, которую я неоднократно убѣждалъ ее открыть мнѣ. Я знаю достовѣрно, что покойный король Эрикъ, до взятія его подъ стражу, скрылъ въ стокгольмскомъ замкѣ огромное количество государственнаго золота и серебра. Объ этомъ сокровищѣ должна знать королева; отъ нея братъ нашъ ничего не таилъ.

Пораженный этимъ неожиданнымъ открытіемъ, Спарре оцѣпенѣлъ. Это оцѣпененіе не скрылось бы отъ взора короля, еслибы взоръ его, какъ жгучій лучъ изъ-подъ хмары, былъ обращенъ на него; но Іоганъ смотрѣлъ исподлобья въ землю.

— Сообщая о милостивомъ опредѣленіи нашемъ любезной невѣсткѣ, продолжалъ онъ:—поручаемъ тебѣ, какъ достойному высочайшей довѣренности, вразумить королеву, что если это сокровище и останется утаеннымъ, то во всякомъ случаѣ, ни ей, ни дѣтямъ ея принадлежать оно не будетъ... Поручаемъ тебѣ обнадежить ее честнымъ рыцарскимъ словомъ нашимъ, что за добросовѣстное сознаніе, которое, впрочемъ, есть прямая ея обязанность, мы не преминемъ оказать ей королевскую нашу признательность: мыза Ліуксальская въ Смоландіи, съ 26 крестьянами, утвердится за нею въ вѣчное владѣніе, и еще десять бочекъ соленой рыбы будутъ даны ей впослѣдствіи.

Эти богатыя обѣщанія проскользнули мимо ушей Спарре; преклонясь передъ Іоганомъ, онъ мысленно располагалъ уже ниспосланнымъ съ неба сокровищемъ на приведеніе въ дѣйствіе замысловъ своихъ и обѣта, даннаго тѣни короля Эрика.

— Кладъ! восклицалъ онъ въ душѣ, откланиваясь и произнося безсознательно удостовѣренія въ исполненіи священной воли. — Кладъ! повторялъ онъ, выходя изъ пріемной комнаты.— О, Коринь! для чего не сказала ты мнѣ давно объ этой тайнѣ? Ты умолчала о ней передъ лучшимъ другомъ твоимъ!... Скорѣй укажи мнѣ эту золотую могилу: я разрою ее своими руками!...

Направляясь къ выходу мимо обширной залы, гдѣ вокругъ накрытыхъ столовъ суетились придворные чины, Спарре съ презрѣніемъ взглянулъ на разставляемыя на узорныхъ скатертяхъ постныя яства: этотъ постъ наложилъ на короля Поссевинъ, для успокоенія и очищенія совѣсти его отъ грѣха, совершоннаго надъ братомъ и долженствовавшаго довершиться надъ сыномъ его.

— Кладъ! повторилъ снова Спарре. — Не двадцать-шесть крестьянъ твоихъ и не десять бочекъ соленой рыбы купимъ мы этой цѣною, новый прозелитъ латинства!

III.

По захожденіи солнца заревая пушка брандвахты прогремѣла салютацію выходящему изъ пристани славному кораблю Біорну, отбитому у датчанъ знаменитымъ адмираломъ Классомъ Флемингомъ.

Біорнъ, то-есть *медвѣдь*, носившій, какъ говорится, по шерсти эту кличку, громадный и неуклюжій, съ мохнатымъ рыломъ звѣря на носу, разсѣкая балтійскія волны, уносилъ пассажировъ къ живописнымъ берегамъ Финляндіи, гдѣ жила поселянкою вдовствующая королева Коринь.

Спарре сидѣлъ у открытаго окна адмиральской каюты. Темнота ночи обняла уже небо и воду; едва замѣтная зыбь волновала море, похожее въ ту пору на клокочущую смолу, по которой фосфорнымъ блескомъ струилась бразда корабельнаго слѣда, издавая тихій шорохъ, какъ хрустящіе сухіе листья подъ знакомою стопою.

Но этотъ раздражительный звукъ не настроивалъ воображенія Спарре; весь духъ его сосредсточенъ былъ на одной мысли.

Въ безпокойномъ раздумьѣ разглаживалъ онъ свою окладистую, янтарнаго цвѣта бороду, золотившую воротъ его алаго полукафтанья, и вздыхалъ изъ глубины души. Этими тяжелыми вздохами онъ втягивалъ въ себя запахъ ужина, за которымъ сидѣлъ товарищъ и родственникъ его, самъ Классъ Флемингъ, Викскій, Свидіасскій и Квидіасскій.

Не разъ уже пытался радушный морякъ угощать друга лакомымъ кускомъ; но тревожныя мысли Спарре отбили апетитъ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на трапезу адмирала, который вкушалъ съ такимъ смакомъ, что онъ невольно долженъ былъ сообщиться присутствующимъ, и сообщался въ самомъ дѣлѣ другому участнику чревоугодія Флеминга.

На порогѣ противоположной двери, ведущей на палубу, сидѣлъ любимый матросъ адмирала, Иваръ—нехристь, идолопоклонникъ, лапландецъ, дикарь, исправляющій должность корабельнаго пѣсельника и шута. Онъ сидѣлъ на корточкахъ, держа въ рукѣ бубенъ, по которому то зычалъ, то барабанилъ пальцами, то ловилъ имъ налету швыряемые въ него куски мяса и хлѣба, какъ подачку собакѣ, удѣляемую адмираломъ отъ собственнаго пая.

Но, кромѣ этого наслажденія, Ивара занимала еще другая забота. Онъ напѣвалъ какую-то заунывную пѣсню, и въ тѣ особенно минуты громче раздавался рѣзкій голосъ его, когда изъ-за перегородки слышался бранчивый ропотъ Гудмунда, слуги-приспѣшника и оруженосца Спарре.

Бѣглые, косые взгляды Ивара, которые онъ бросалъ на перего-

родку, искривляли и безъ того безобразное лицо его гримасой, возбуждая смѣхъ ничего неподозрѣвающаго адмирала.

Флемингъ былъ привязанъ къ этому дикому уроду безсознательнымъ влеченіемъ, которое объяснялось собственнымъ дикимъ характеромъ адмирала.

Атлетическаго сложенія, неустрашимый и неутомимый во время войны, лѣнивый и сонный въ мирное время, Флемингъ былъ такъ сроденъ морю, что его избраніе главнокомандующимъ флотомъ Швеціи составляло одно изъ геніальныхъ дѣлъ покойнаго короля Эрика XIV.

Безпощадный и неукротимый, поднимался онъ, какъ штормъ, на волнахъ балтійскихъ, и трепетали его иноземные порты; но, совершивъ подвигъ свой, разметавъ непріятеля, Классъ Флемингъ ложился на долгій отдыхъ, подъ кровомъ неба, на палубѣ, какъ дѣлали праотцы его, викинги, почитавшіе позоромъ покоиться дома и пить у очага изъ семейной чаши.

Лежа такимъ образомъ, онъ похожъ былъ на упитанное животное; но громадное туловище и во время усыпленія внушало страхъ; опасно было разбудить этого звѣря.

Когда вставалъ онъ на-дыбы, когда свистокъ его шкипера, какъ вѣщій гласъ, раздавался на поверхности моря, когда обнималъ Флемингъ соколинымъ окомъ всю стаю кораблей и вступалъ въ борьбу съ непріятельскимъ огнемъ и разъяренными стихіями—тогда онъ былъ воплощенный духъ моря. Огонь смолилъ ему бороду, вода обдавала его волнами и струилась съ его густой гривы, кровь его мѣшалась съ кровью собратовъ; громъ орудій, ревъ бури, стоны издыхающихъ—вдохновляли его: Классъ Флемингъ, тяжелый и неуклюжій, былъ тогда великолѣпенъ.

Но этой красотой его, къ несчастію, не имѣла случая тѣшить взоровъ своихъ нѣжная Ева Стенбокъ, супруга адмирала, всегда пребывающая въ Стокгольмѣ.

На ея долю доставался онъ только въ самую невыгодную для него пору. Въ замкѣ своемъ, въ кругу статныхъ рыцарей, Классъ Флемингъ проигрывалъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Щекотливый слухъ прекрасной адмиральши содрогался отъ безпрерывныхъ обмолвокъ неосторожнаго моряка, привыкшаго къ языку своихъ матросовъ. Его совершенное пренебреженіе къ дорогимъ тканямъ и коврамъ, на которыхъ оставлялъ онъ слѣды корабельной смолы и сала, приводили въ отчаяніе чопорную Еву.

И Флемингъ рѣдко обременялъ ее своимъ присутствіемъ: онъ предпочиталъ, за кружкой бархатнаго пива, слушать старыя баллады Ивара о щитоносныхъ дѣвахъ, амазонкахъ Сѣвера, воин-

ственныхъ спутницахъ предковъ, первымъ достоинствомъ которыхъ считались тѣлесныя силы и неустрашимость.

Можетъ быть, въ сравненіи съ этими героинями, причудливая супруга Флеминга еще болѣе была для него невыносима; но, почитая слабаго противника нестоющимъ вражды, онъ оставлялъ ее въ покоѣ.

Не таковъ былъ Классъ Флемингъ въ отношеніи иной ненависти. Тамъ, гдѣ возставала противъ него равная или крѣпчайшая сила, тутъ являлся онъ безпощаднымъ, какъ богъ мести.

Былъ у Флеминга одинъ заклятый врагъ — меньшой королевскій братъ, герцогъ Карлъ, хитрѣйшій и дальновиднѣйшій изъ сыновъ Вазы, который неблагосклоннымъ глазомъ видѣлъ въ рукахъ необузданнаго вандала такую сосредоточенную силу государства. Было время, когда пытался герцогъ склонить его на свою сторону; но и каждая изъ мыслящихъ партій добивалась того же—каждой изъ нихъ была нужна эта желѣзная рука, ведущая слѣпо сквозь огонь и воду къ указанной цѣли.

Герцогъ Карлъ, при всемъ обширномъ соображеніи своемъ, на этотъ разъ сдѣлалъ промахъ; не успѣвъ склонить къ своимъ видамъ моряка ласкательствомъ, онъ имѣлъ неосторожность затронуть его самолюбіе.

Съ этой поры, чѣмъ болѣе старался герцогъ вредить Флемингу и уничтожать его, тѣмъ болѣе старались противныя партіи вооружать противъ него безхитростнаго адмирала.

Для многихъ не было уже тайной, что герцогъ Карлъ, способствовавшій низверженію старшаго брата, готовилъ ту же участь второму, и, выжидая удобнаго времени, объявилъ уже себя открытымъ противникомъ католичества, вводимаго Іоганомъ.

Въ это время не одно честолюбіе братьевъ колебало Швецію. Кромѣ короля Іогана, вспомоществуемаго папою и католическими державами, кромѣ герцога Карла, который предъявлялъ права свои именемъ защитника отечественной вѣры, былъ еще малолѣтный принцъ Густавъ, спасенный, какъ мы видѣли, Эрикомъ Спарре, за котораго держалась аристократическая партія гордаго шведскаго дворянства, для своихъ видовъ.

Въ настоящую минуту, избавитель принца клонилъ разговоръ къ предмету, затрогивающему Флеминга за живое, къ припоминанію злобныхъ насмѣшекъ герцога, услужливо передаваемыхъ моряку врагами Карла.

Классъ Флемингъ слушалъ молча, обгладывая огромную кость ветчины.

— Знаешь ли ты, вскричалъ онъ вдругъ, ударивъ по столу

мощнымъ кулакомъ:— знаешь ли, чтó говоритъ герцогъ, когда видитъ меня за такимъ ужиномъ?

— Чтó говоритъ герцогъ? спросилъ Спарре.

— Герцогъ говоритъ, что тогда *одна свинья ѣстъ другую.*

— А чтò отвѣчаетъ тотъ, кто ѣстъ? спросилъ язвительно Спарре.

— Отвѣтъ мой впереди, угрюмо проговорилъ адмиралъ.

Онъ отбросилъ въ пользу Ивара не совершенно очищенную кость и, погладивъ сальными ладонями по поламъ своего кафтана, вынулъ изъ кармана свернутый табачный листъ.

Это зелье, вывезенное, какъ извѣстно, изъ Америки въ половинѣ XVI столѣтія и быстро распространившееся въ Европѣ, передано было въ Швецію англійскими матросами, но немного еще находило послѣдователей въ другихъ сословіяхъ.

Когда адмиралъ зажегъ сигару и исчезъ въ облакахъ дыма, Спарре началъ отмахиваться и чихать.

— А знаешь ли ты, снова спросилъ Флемингъ: — какъ зоветъ меня герцогъ, когда я курю табакъ, въ которомъ онъ не понимаетъ толку?

— Не знаю, отвѣчалъ Спарре, на этотъ разъ вѣроятно согласный съ общимъ врагомъ.

— Онъ зоветъ меня *копченымъ носомъ*, сказалъ Флемингъ, и захохоталъ такимъ страшнымъ смѣхомъ, что переливы его покатились по волнамъ моря.

— Герцогъ Карлъ, сказалъ Спарре:—можетъ говорить все, чтó хочетъ: герцогъ Карлъ заступникъ отечественной вѣры; на его сторонѣ масса народа, и онъ теперь уже называется *королемъ оратаевъ.* Этотъ поборникъ *земли* пересилитъ папскихъ поборниковъ *неба.*

— Дѣла неба, отвѣчалъ, махнувъ рукою, морякъ: — не мои дѣла; въ нихъ, пока живъ, я не мѣшаюсь; а по смерти разочтется, какъ знаетъ, душа, и пусть себѣ герцогъ Карлъ будетъ *королемъ оратаевъ*, сколько хочетъ: дѣла земли также не мои дѣла. Не земля вѣроятно приметъ трупъ мой, который канетъ въ какой-нибудь битвѣ на дно морское; а до тѣхъ поръ мое дѣло бороться съ остальными стихіями: съ огнемъ, вѣтромъ и водою... тутъ моя сила и мое царство, и пусть не трогаетъ ихъ самъ герцогъ Карлъ.

Въ этихъ словахъ высказался весь Классъ Флемингъ, безотчетно страстный къ упоенію бурь и битвъ, и еще безотчетнѣе страстный къ власти.

Спарре молчалъ; въ ушахъ его безсвязными звуками раздавалась еще рѣчь адмирала, который, отяжелѣвъ отъ своего воодушевленія, отъ сытнаго ужина и отъ выпитыхъ кружекъ пива, зѣвнулъ зѣ-

вомъ, напоминающимъ рыкъ львиный, потянулся такъ, что затрещали его составы, и всталъ въ намѣреніи отправиться къ войлочному ложу своему на палубу, гдѣ обыкновенно проводилъ дни и ночи, несмотря ни на какое время года и ни на какую погоду.

Проходя мимо сидѣвшаго у дверей и вздремнувшаго Ивара, онъ толкнулъ его ногою, напомнивъ этимъ толчкомъ наперснику своему его обычную обязанность — снять съ адмиральскихъ ногъ огромные сапоги и поставить ихъ на вахтѣ: обычай, служившій условнымъ знакомъ, чтобы съ усыпленіемъ начальника бдительнѣе бодрствовали подчиненные, потому что всякая оплошность во время адмиральскаго сна подвергалась сугубой пени.

Иваръ вскочилъ съ мѣста и отправился за своимъ господиномъ.

Оставшись одинъ, Спарре вполнѣ предался любимымъ своимъ думамъ, создавая въ головѣ планъ конституціи, изданной впослѣдствіи подъ названіемъ: *Pro lege, rege et grege*.

Замыслы о переустройствѣ правленія выработывались въ тогдашней шведской аристократіи изъ порядка вещей.

Король Іоганъ, обременившій тяжкими грѣхами душу, для успокоенія робкой совѣсти, рабствовалъ передъ Римомъ, подчиняя государство деспотизму *единоспасающей* церкви; герцогъ Карлъ, противопоставя ему свободу совѣсти, поддерживалъ, въ своихъ видахъ, крѣпнувшее тогда начало абсолютной монархіи; дворянство же отстаивало стародавнія привилегіи свои—права и вольности сословій.

Нетрудно было предвидѣть, что латинскія бредни Іогана должны были пасть предъ твердой волей герцога, опирающагося на народъ, что воспитываемый въ католической вѣрѣ Сигизмундъ непроченъ для Швеціи.

Вслѣдствіе этихъ предвидѣній, единомышленная партія высшихъ классовъ создавала въ своемъ воображеніи зависимаго отъ нея короля въ лицѣ малолѣтняго принца Густава.

Судьба, какъ будто льстя смѣлымъ замысламъ, предоставила неожиданно царственное дитя въ полное распоряженіе Спарре и указала ему на громадныя средства для предполагаемаго переворота.

Великъ былъ соблазнъ видѣть въ этомъ попущеніи волю промысла, и Спарре не думалъ ограждать себя отъ обаянія; онъ смотрѣлъ свысока на подозрѣнія, которыя могли возникнуть отъ неявки къ своему мѣсту придворнаго фельдшера Керна. Спарре былъ увѣренъ, что концы канули въ воду.

Тѣмъ не менѣе вопиство такъ-называемаго *чернаго папы*, генерала іезуитовъ, Клавдія Аквавивы, разсѣянное при шведскомъ

дворѣ подъ фирмою учителей, медиковъ, музыкантовъ, конюховъ, лакеевъ и другихъ личностей, имѣющихъ у себя на откупу сподвижниковъ, еще болѣе разнородныхъ, не преминуло подвести подъ эти замыслы шведскаго дворянства свои неосязаемые щупы.

Между тѣмъ, какъ, предаваясь жаркимъ грезамъ своимъ и прислушиваясь къ плеску волнъ, Спарре не думалъ о покоѣ, его приспѣшнику, Гудмунду, единственному свидѣтелю спасенія принца, также не спалось. Онъ ворочался на своей койкѣ въ мукахъ искушенія.

Молчаливый по природѣ и необщительный, онъ чувствовалъ себя съ нѣкотораго времени въ положеніи человѣка, надъ которымъ вздумала потѣшиться вражья сила. То слышались ему какія-то соблазнительныя обѣщанія, то какія-то непонятныя угрозы, и онъ какъ будто боялся самого себя.

Когда корабль отчалилъ отъ берега, онъ вздохнулъ свободнѣе; ему казалось, что морская пучина отрѣшитъ его отъ демонскаго навожденія; но здѣсь преслѣдующій его злой духъ, казалось, вселился въ Ивара, который, точно какъ по найму, задиралъ его во весь вечеръ, не давая ему ни на минуту покоя.

Промаявшись за полночь съ одолѣвающею тоскою, Гудмундъ почувствовалъ наконецъ тяготѣющій сонъ; но едва только повернулся къ стѣнѣ и началъ заводить глаза, за дверями послышался шорохъ и мяуканье кошки.

— Брысь! крикнулъ онъ, полагая, что жирный корабельный котъ, баловень всей команды, царапается въ дверь.

Но, вмѣсто кота, въ каморку прыгнулъ кошачьимъ прыжкомъ Иваръ.

— Не бойся, Гудмундъ, я не котъ, я Иваръ, Лаппъ Иваръ.

— Не котъ, такъ дьяволъ —убирайся!

— Тебѣ мерещится дьяволъ? Не бойся; я Иваръ, Лаппъ Иваръ, съ озера Улà.

И Иваръ зазычалъ:

А кипитъ Улá,
Ой, Юмалà,
Какъ въ котлѣ смола...

Гудмундъ съ досады заскрипѣлъ зубами; его коробило отъ гробовой пѣсни Ивара.

— Вонъ, проклятый! кричалъ онъ: — убирайся, бѣсовъ колдунъ!

— На яву тебѣ грезится, Гудмундъ! Я не бѣсовъ колдунъ, я Иваръ, я Лаппъ, а не рыжій финнъ; я съ озера Улà

Ой Юмалá! Юмалà!

— Чтобъ тебя, косматую рожу, на цѣпь приковать къ медвѣжьему рылу на корабельномъ носу!... вонъ пошелъ!... Я спать хочу...

— Кто хочетъ спать, тотъ спи; кто мѣшаетъ? А ты знаешь, Гудмундъ, изъ чего сдѣлана цѣпь лукаваго?

Изъ змѣинаго волоса,
Изъ рыбьяго голоса,
Изъ корня скалы,
Изъ прядей смолы...

Гудмундъ хотѣлъ вскочить, чтобъ вышвырнуть за бортъ неотвязнаго Ивара; но нѣтъ силъ приподняться: все тѣло, какъ будто заковало въ желѣзную броню. Онъ простоналъ, закуталъ голову въ плащъ, стиснулъ глаза и, казалось, замеръ.

Между тѣмъ, какъ зыкъ бубна не умолкалъ, Гудмундъ, вдругъ дрогнувъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто провалившись, очутился на скалѣ, надъ озеромъ Меларъ, и кто-то страшный стоялъ передъ нимъ и вызывалъ его на борьбу.

— Это я! вскричалъ онъ въ бреду, всматриваясь въ противника своего, и видя, какъ въ зеркалѣ, самого себя.

— Ты, ты! отозвался Иваръ.

Но двойникъ Гудмунда обхватилъ уже его и влекъ къ безднѣ.

— Нѣтъ, проклятый, не мнѣ, а тебѣ туда дорога! проговорилъ удушливымъ голосомъ Гудмундъ, повернувшись на койкѣ.

— Тебѣ, тебѣ! отозвался Иваръ.

И, какъ будто по новому удару въ бубенъ, передъ глазами Гудмунда исчезло озеро и развернулась площадь, покрытая народомъ. Гремятъ барабаны, звучатъ цѣпи, идутъ осужденные на казнь, кладутъ головы на плаху, и двойникъ Гудмунда стоитъ уже съ поднятымъ мечомъ надъ головою Спарре.

— Господинъ мой! возопилъ оруженосецъ.

Но полоса меча сверкнула—и голова рыцаря скатилась.

— Палачъ! крикнулъ Гудмундъ, бросаясь на своего двойника.

И изступленно вскочилъ онъ съ койки и вцѣпился въ Ивара.

— Ой, задушилъ! воскликнулъ, освобождаясь отъ него, Иваръ.

— Ты Гудмундъ, ты Іуда предатель! завопилъ снова оруженосецъ.

— Я Гудмундъ? Ты сбредилъ! Я не ты, я Иваръ, я бѣдный Лаппъ съ озера Ула́.

Ой Юмала̀!
Кипитъ Ула́,
Какъ въ котлѣ смола!...

И Иваръ громко ударилъ въ бубенъ, а Гудмундъ, очнувшись, уставилъ на него изумленные глаза.

IV.

Спарре вышелъ на знакомый ему берегъ Финляндіи и немедленно отправился на мызу королевы.

Съ нетерпѣніемъ приближаясь къ мирному жилью, онъ послышалъ, какъ-будто въ привѣтъ, мычанье и блѣянье маленькаго стада, клохтанье и гоготъ дворовой птицы. Крикъ пѣтуха привѣтствовалъ его при входѣ на крыльцо сельскаго домика, и дружески встрѣтила и обняла его хозяйка.

Черезъ нѣсколько минутъ, Коринь и Спарре сидѣли глазъ на глазъ въ небольшомъ покоѣ, который назывался параднымъ именемъ пріемной королевы.

Трудно было бы объяснить, что̀ могло нравиться великолѣпному Спарре въ этой, начинающей уже терять первый блескъ и свѣжесть красоты и, повидимому, ничтожной женщинѣ, которая сидѣла предъ нимъ въ сельскомъ нарядѣ. И не было ничего живописнаго въ ея фламанской кофтѣ, сборчатой юбкѣ и бѣломъ чепцѣ.

Несмотря на это, вліяніе Корини на Спарре было огромно. Его чаровало одно рѣдкое человѣческое свойство, которымъ въ высшей степени обладала королева — младенческая естественность, рѣзко отличавшая ее отъ всѣхъ. Эта, казалось бы, пошлая добродѣтель плѣняла сердце и воображеніе Спарре. Въ средѣ свѣта, гдѣ вращался онъ, именно это качество было баснословнымъ божествомъ — миѳомъ, извѣстнымъ лишь по сказкамъ, но въ существованіе котораго никто уже не вѣрилъ.

Несмотря на свои великія цѣли и намѣренія, Спарре самъ чувствовалъ себя воплощеннымъ лицемѣріемъ, въ безпрерывномъ состязаніи съ другими высшаго и низшаго разряда лицемѣріями; и потому, можетъ быть, по присущему въ сердцѣ человѣка духу противорѣчія, простодушіе и искренность Корини въ глазахъ его были лучезарны.

— Здоровы ли мои дѣти? было первое слово королевы.

— Здоровы и невредимы, отвѣчалъ Спарре: — Зигридь, въ званіи миніатюрной фрейлины двоюродной сестры своей, принцессы Анны, опустошаетъ вмѣстѣ съ нею цвѣтники загородныхъ за̀мковъ.

— А Густавъ?

— О, этотъ маленькій герой намѣревается совершить большое странствіе.

— Куда? съ изумленіемъ спросила Коринь.

— Будь покойна, Коринь, отвѣчалъ Спарре, ублажая ее нѣжной улыбкой и вручая письмо Іогана.

Не слишкомъ грамотная Коринь начала читать его медленно, безпрестанно возвращаясь къ прочитаннымъ строкамъ; Спарре ожидалъ терпѣливо окончанія этой работы, не спуская глазъ съ милаго лица.

— Я угадывала этотъ отвѣтъ, сказала она съ выраженіемъ презрѣнія, отбросивъ въ сторону листокъ.

— Въ такомъ случаѣ, для чего же было вызывать его? замѣтилъ Спарре.

— Это справедливо; мудрено отдать себѣ отчетъ, для чего дѣлаешь иногда недолжное, чего легко можно было бы не дѣлать.

При этихъ словахъ, Коринь прислонилась хорошенькой головкой своей на плечо Спарре; но, взглянувъ въ глаза его, прочла въ нихъ постороннюю мысль, въ которой не было обычнаго привѣта на ея ласку.

— О чемъ ты думаешь? спросила она.

— О порученіи короля, которое слѣдуетъ мнѣ присовокупить къ его великодушному отвѣту.

— Что̀ такое? спросила Коринь, принявъ прежнее положеніе.

— Коринь! сказалъ Спарре: — теперь, когда судьба допустила меня оказать тебѣ впервые важную услугу, я чувствую противъ тебя горькое негодованіе.

— Говори же, Спарре, что̀ такое? нетерпѣливо произнесла Коринь.

— Твоя скрытность оскорбляетъ меня... Если въ чувство, связывающее два существа, закралась тайна, которая и остается тайной для одного изъ нихъ, святыня нарушена, и недовѣріе расторгаетъ ихъ союзъ. Ты не вѣришь мнѣ, ты отказываешься вручить мнѣ безусловно судьбу свою.

— А ты хочешь уморить меня этими неслыханными словами, Эрикъ!

— Король Іоганъ требуетъ отъ тебя свѣдѣнія о сокровищѣ, зарытомъ покойнымъ королемъ въ стокгольмскомъ за̀мкѣ.

— Ахъ, опять эти сокровища!... Но что̀ же въ нихъ общаго съ твоими упреками?

— Какъ что общаго? Неразумная женщина! Ты обладаешь кладомъ, и молчишь объ немъ въ то время, когда преданные тебѣ и твоему сыну нуждаются въ средствахъ.

При этихъ словахъ глубокая грусть выразилась на лицѣ королевы.

— Ты знаешь, сказала она: — я не хочу, чтобы сынъ мой наслѣдовалъ этотъ престолъ, окровавленный и опозоренный преступленіями!...

Смиреномудріе королевы показалось фанатику женскимъ малоуміемъ; онъ взглянулъ на нее съ чувствомъ непріятнаго сожалѣнія.

— Пойми, сказалъ онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе и смягчивъ голосъ:—сыну твоему предстоитъ завидная участь быть преобразователемъ своего народа, благодѣтелемъ государства; разумный законъ, предоставивъ ему власть благотворить и возвеличивать державу свою, оградитъ его въ то же время отъ искушенія, слабостей и страстей человѣческихъ...

— Не говори, не говори, прервала Коринь, готовая зажать уста его, чтобы не слышать этихъ ненавистныхъ для нея мечтаній.— Спарре, ты знаешь меня, милый другъ: причуда покойнаго короля, въ которомъ было такое множество причудъ, увѣнчавъ меня короной, не сдѣлала изъ меня королевы. Ты видишь, я не заразилась болѣзнію власти, и хочу предохранить сына моего отъ этого пагубнаго недуга.

— Но можешь ли ты такъ самовластно распоряжаться его судьбой и отвергать права его? Развѣ не наступитъ часъ, когда онъ спроситъ тебя, зачѣмъ молчала ты тогда, когда по твоему слову, преданные тебѣ люди готовы были жертвовать ему жизнію?

— Я скажу ему тогда, что высочайшее блаженство, купленное цѣною жертвъ, перестаетъ быть блаженствомъ. Мое желаніе, милый Эрикъ, чтобы Густавъ былъ независимымъ человѣкомъ. Я добросовѣстно сохраню все, завѣщанное ему покойнымъ отцомъ, для того, чтобъ доставить ему эту спокойную и счастливую независимость, которая по моимъ понятіямъ есть первое благо въ мірѣ.

— Ты безумствуешь, Коринь!... Въ твоихъ рукахъ орудіе, которымъ ты можешь ниспровергнуть всѣхъ противниковъ твоихъ, отстоять слѣдующую по праву сыну твоему корону и вмѣстѣ съ нею купить прочное благоденствіе отечеству... Скажи, скажи скорѣй, гдѣ зарытъ кладъ покойнаго короля.., говори, если не хочешь, чтобъ я умеръ у ногъ твоихъ!

— Чтó могу я сказать тебѣ?... Я не знаю... я ничего не знаю объ этомъ кладѣ, проговорила Коринь смущенно.—Въ ней видимо происходила внутренняя борьба.

— Лжешь, вскрикнулъ, внѣ себя, Спарре:—неправду ты говоришь, Коринь! а твои слова я привыкъ почитать святыней!... Ты лжешь въ погибель лучшему другу твоему и въ торжество того, по чьей волѣ сынъ твой лежалъ бы теперь холоднымъ трупомъ на днѣ моря...

Пораженная этою неожиданною, ужасною вѣстію, Коринь съ воплемъ упала на руки Спарре, который довелъ преданность свою до жестокости.

Много увѣщаній, много увѣреній въ безопасности принца, мно-

го нѣжныхъ ласкъ расточилъ Спарре прежде, нежели Коринь была въ состояніи возобновить прерванную бесѣду.

— Тайной, которую ты такъ желаешь знать, обладаю не я, сказала она, оправившись отъ испуга.—Не могу даже назвать и лица, которому заповѣдано покойнымъ королемъ Эрикомъ хранить ее. Въ предосторожность, чтобъ эта тайна не была исторгнута изъ вѣрныхъ устъ пыткой, король не назвалъ мнѣ имени хранителя. Вотъ все, что̀ я знаю.

— Но когда жь эта тайна перестанетъ быть для тебя тайной? Тогда ли, когда обладанье всѣми сокровищами Новаго Свѣта будетъ безполезно для нашего дѣла?

— Терпѣніе, милый Эрикъ! выслушай мою полную исповѣдь, и тогда суди меня.

«Ты знаешь, что я была дочь простого служителя... Я была рѣзва и безпечна, какъ птичка, и не было веселѣе и довольнѣе меня существа въ цѣломъ мірѣ, до тѣхъ поръ, пока я не соединила судьбы своей съ судьбой покойнаго короля.

«Мнѣ и во снѣ никогда не снилось того, что̀ должно было совершиться надо мною. Пятнадцати лѣтъ я полюбила одного изъ драбантовъ нашихъ, молодого Максимиліана. Нетрудно было убѣдиться въ томъ, что и онъ любитъ меня, и я рѣшилась выйдти за него замужъ, и надѣялась быть счастливѣе всѣхъ королевъ въ мірѣ. Но отецъ мой — да почіетъ въ мирѣ прахъ его! — имѣлъ иное понятіе о счастіи.

«Крестная мать моя, жена одного изъ придворныхъ конюховъ, доставила мнѣ своимъ вліяніемъ мѣсто горничной при старшей сестрѣ короля, принцесѣ Елисаветѣ, и старикъ Монсъ, который гордилея выгоднымъ положеніемъ дочери, не захотѣлъ уронить его несоотвѣтственнымъ, по его мнѣнію, бракомъ. Онъ сталъ преслѣдовать склонность мою къ Максимиліану, измучилъ насъ и внушилъ мнѣ смѣлость просить высокаго покровительства госпожи моей въ моемъ сердечномъ дѣлѣ.

«Выбравъ удобный день и часъ, со страхомъ и трепетомъ, шла я къ благодѣтельницѣ моей, и помню какъ теперь, что несла въ рукахъ корзину лѣсныхъ орѣховъ—деревенскій гостинецъ моей матери. Мнѣ вздумалось предложить его принцессѣ вмѣстѣ съ моей просьбой; но на крыльцѣ встрѣтилъ меня неожиданно король и однимъ взглядомъ рѣшилъ мою участь...

«Вскорѣ старый Монсъ имѣлъ новыя причины гордиться мною, и надежда на исполненіе моего желанія погибла!... Максимиліанъ требовалъ отъ меня объясненія, и я должна была согласиться на послѣднее, тяжкое съ нимъ свиданіе... Я ждала его въ назначенный часъ, и въ напрасномъ ожиданіи застали меня ночь

и утро, съ которымъ разнеслась ужасная вѣсть, что тѣло Максимиліана было найдено обезглавленнымъ на берегу Черной Рѣчки.

«Съ той минуты, милый Эрикъ, я возненавидѣла коронованнаго любовника моего... Богъ знаетъ, до чего довела бы меня эта ненависть, еслибъ судьба не опрокинула на грѣшную голову его такихъ казней, которыя обезоружили мою злобу.

«Тогда былъ выпущенъ изъ темницы братъ короля, нынѣшній король, герцогъ Іоганъ, осужденный за измѣну. Эрикъ, освободивъ плѣнника, тотчасъ же сталъ подозрѣвать его во враждебныхъ противъ себя замыслахъ, и это подозрѣніе дошло въ немъ до омраченія смысла... Тогда цѣлое семейство Сванте-Стуре погибло отъ руки его... Ужасны были слѣдствія этого преступленія и еще ужаснѣе раскаяніе преступника!...

«Помнишь ли, въ какомъ страхѣ былъ весь Стокгольмъ, когда открылись припадки помѣшательства покойнаго короля, который, сбросивъ одежду, нагой бѣжалъ въ загородный лѣсъ, гдѣ я нашла его въ такомъ отчаяніи, что вдругъ перестала ненавидѣть.

«Богъ знаетъ, какого труда мнѣ стоило уговорить его возвратиться въ столицу, гдѣ онъ выдержалъ ужасную болѣзнь, во время которой тѣни убіенныхъ безпрестанно грезились ему и пугали его воображеніе.

«За мои усердныя заботы объ немъ впродолженіе этой болѣзни, онъ пожелалъ торжественно совершить бракъ со мною и сына моего Густава признать наслѣдникомъ престола. Но такая высокая награда за всѣ мои страданія сдѣлалась виною новыхъ и бо̀льшихъ для меня страданій. Отъ принцевъ, отъ надменныхъ вельможъ дворца, на каждомъ шагу терпѣла я оскорбленія и не умѣла переносить ихъ великодушно.

«Мое коронованіе было какъ-будто сигналомъ для возстанія герцоговъ-братьевъ на несчастнаго короля... и скоро совершилось его заточеніе...

«Впродолженіе этого долгаго плѣна, я получала отъ него безсмысленныя письма, въ которыхъ онъ обременялъ меня то незаслуженными упреками, то столь же незаслуженными похвалами.

«Предъ концомъ своимъ, онъ предчувствовалъ приговоръ свой и требовалъ позволенія видѣться со мною. Съ смертною тоскою въ душѣ, онъ благодарилъ меня въ послѣдній разъ за утѣшеніе, которое находилъ во мнѣ впродолженіе своей несчастной жизни, и, полагая конецъ свой близкимъ, поручилъ заботамъ моимъ сына, открылъ мнѣ друзей нашихъ, и сказалъ о существованіи собранныхъ имъ сокровищъ. Вотъ буквально слова, сказанныя мнѣ королемъ: «когда бренные останки мои будутъ покоиться въ землѣ, куда прежде времени отправляютъ меня враги-братья, въ назначен-

ный день и час явится къ тебѣ мой посланный и вручитъ ключъ отъ клада, скрытаго въ извѣстномъ ему одному мѣстѣ.

«Тогда, признаюсь тебѣ, милый Эрикъ — продолжала Коринь — я была увѣрена, что эти странныя слова покойнаго короля были не что иное, какъ слѣдствіе его разстроеннаго разсудка. Я бы досихъ-поръ осталась того же мнѣнія, еслибы король Іоганъ не домогался отъ меня открытія этой тайны, которой я не знаю».

Спарре, выслушавшій молча отчасти уже извѣстную ему романическую повѣсть королевы, которую она пересказывала ему теперь въ припадкѣ нервическаго желанія говорить—продолжалъ стоять предъ ней молча, принимая рѣшимость, которая выражалась въ немъ чѣмъ-то недобровѣщимъ.

— Слушай, Коринь, сказалъ онъ, взявъ ее за руку:—я такъ привыкъ тебѣ вѣрить, что не могу сомнѣваться въ словахъ твоихъ. Ты видѣла во мнѣ до сей минуты покорнаго раба, послушнаго исполнителя твоей малѣйшей воли. Теперь, и только въ этомъ крайнемъ случаѣ, я принимаю на себя роль непреклоннаго друга. Знай, что до тѣхъ поръ, покуда не будетъ мнѣ извѣстно, гдѣ находятся сокровища покойнаго короля, опредѣленныя имъ самимъ на возвращеніе правъ тебѣ и твоему сыну, ты не будешь знать о мѣстѣ пребыванія принца... Эта мѣра необходима для его безопасности. Покуда въ рукахъ нашихъ не будутъ средства, нужныя для пораженія враговъ нашихъ, мы должны хранить это драгоцѣнное дитя отъ посягательствъ на жизнь его, которыя безъ сомнѣнія не прекратятся.

Королева поблѣднѣла, смотря съ ужасомъ на Спарре; но онъ упалъ передъ ней на колѣни и продолжалъ:

— Клянусь тебѣ, что сынъ твой, надежда Швеціи, будетъ подъ вѣрнымъ оплотомъ, что ты будешь получать объ немъ извѣстія отъ преданнаго тебѣ друга; но клянусь еще страшной клятвой, что я останусь твердъ въ своемъ словѣ. Этого требуетъ отъ меня совѣсть и отчизна!... Прощай, Коринь, прибавилъ Спарре:—время уже секретарю твоему войдти къ тебѣ для сочиненія королю отвѣта. Я буду ждать его подъ парусами.

Но, вмѣсто секретаря королевы, добраго фламандца Нильдебрандта, вошелъ въ гостиную Корини королевскій секретарь и верховный судья Іоганъ Генриксонъ, который *бралъ обѣими руками и былъ всегда на сторонѣ болѣе щедраго дателя.* Онъ прилетѣлъ на голландской шкунѣ экстреннымъ гонцомъ, съ прискорбной вѣстію отъ короля Іогана о похищеніи, неизвѣстно кѣмъ, изъ стокгольмскаго дворца принца Густава.

V.

Въ жидовской корчмѣ, въ пяти миляхъ отъ Вильны, на одной изъ глухихъ литовскихъ дорогъ того времени, старая жидовка Ганза встала до разсвѣта. Она разбудила своихъ домашнихъ и проѣзжаго фурмана Лейбу. Съ этого дня, по уложенію Равви Еліезера, слѣдовало вставать до восхода солнца—*будить утреннюю зарю*.

Лейба, какъ еврей ученый, осмыслившій такъ-называемый уставъ Бова̀-Борза̀, зналъ, что одѣваться слѣдуетъ лежа, не вылѣзая изъ-подъ перины, служащей одѣяломъ, и остерегаясь надѣть что нибудь наизнанку.

Когда Ганза достала изъ печки уголь, раздула его и зажгла, вмѣсто свѣчи, лучину, Лейба показался на поверхности постели въ полномъ своемъ нарядѣ; но еще обувался, помня, что не слѣдуетъ надѣвать лѣвой туфли прежде правой.

Между тѣмъ хозяйка суетилась въ тѣсной каморкѣ. Главная комната въ корчмѣ была занята сѣдокомъ Лейбы, паномъ, въ пользу котораго стоило потѣсниться, потому что за вчерашній ужинъ, состоявшій изъ одной щуки и бараньей печонки, Ганза получила полкопъ грошей.

По мѣрѣ того, какъ начинало свѣтать, въ корчмѣ раздавалась сильнѣе и сильнѣе какофонія жидовской рѣчи, прерываемой пискомъ ребятъ, шлепаньемъ туфлей и бормотаньемъ Лейбы, который, сидя по обычаю въ саванѣ, читалъ нараспѣвъ утреннія молитвы и покачивался съ боку на бокъ. Эти движенія означали *трепетъ отъ страха Господня*. Произнося сто благодареній, онъ обращалъ лицо къ Землѣ Ханаанской; прося мудрости, онъ поворачивался къ полудню; прося богатства — къ полуночи — жилищу подземныхъ гномовъ.

Лейба кичился своею ученостію; онъ читалъ толковники великихъ раввиновъ: Равви Соломона—Іархи, Равви Бехай, Равви Давида — Кихми и всѣхъ иныхъ равви, и не пропускалъ случая блеснуть мудростію учителей. По окончаніи молитвъ, онъ тотчасъ же закусилъ, и также не спроста̀, для утоленія голода, а вслѣдствіе начитаннаго знанія, что *желчь подвержена тридцатишести болѣзнямъ*, и потому, что въ Талмудѣ сказано: «тридцать-шесть гонцовъ бѣгутъ, но не могутъ догнать человѣка, который не на тощій желудокъ пустился въ дорогу».

Позавтракавъ, Лейба вышелъ задать корму разношерстнымъ клячамъ своего экипажа, приказавъ жидовкѣ приготовить *фрыштикъ* для путешественниковъ, которые, со вчерашняго вечера, не подавали голоса.

Когда кончились всѣ эти сборы неторопливой ѣзды того вѣка, бричка фурмана выѣхала наконецъ изъ-подъ *стодолы*.

На одной изъ клячъ сидѣлъ Лейба съ раскиданными по воздуху рыжими пейсами и подскакивалъ на сѣдлѣ, то пиная пѣгую ногами, то ободряя ее бичомъ.

Въ то самое время, какъ этотъ экипажъ, по ступицу въ навозѣ, направлялся къ крыльцу, въ ожиданіи выхода сѣдоковъ, другой, подобный же ему, съ такимъ же возницею, подъѣзжалъ съ поля.

Ганза уже нѣсколько минутъ, стоя на дворѣ съ грязнымъ жидёнкомъ на рукахъ, смотрѣла на спускающагося съ горы къ ея корчмѣ новаго постояльца, который, подъѣхавъ, ловко соскочилъ съ подножки и вбѣжалъ по ступенямъ; но на порогѣ внезапно остановился при встрѣчѣ съ особой, выходившей изъ дверей.

Эта особа была наружности самой благообразной, въ одеждѣ евангелическаго священника, и вела за руку миловиднаго мальчика, заботливо окутаннаго, въ предосторожность отъ утреннихъ холодныхъ тумановъ Литвы. На лицѣ пастора показалось непріятное впечатлѣніе при видѣ новопріѣзжаго, судя по одеждѣ, католическаго капеллана.

Реформа и католичество встрѣчались въ тотъ вѣкъ всегда непріязненно; но здѣсь, кромѣ общей антипатіи, проявилось еще что-то особенное, личное. Протестантъ, съ маленькимъ спутникомъ своимъ, поспѣшилъ сойти съ крыльца и укрыться въ бричку Лейбы; но католикъ обернулся, глядя ему въ слѣдъ, и правильный римскій профиль смуглаго лица его долго еще былъ видѣнъ на темномъ отверстіи двери.

Войдя въ корчму, онъ узналъ, что здѣсь ночевалъ нѣмецкій пасторъ, который ѣдетъ изъ Риги и везетъ сына въ цесарскую землю.

Между тѣмъ бричка Лейбы медленно плыла во мглѣ разлитаго надъ землею тумана, потому что по лѣсной дорогѣ, едва пробитой въ густой чащѣ, разсоренный хворостъ и торчащіе пни замедляли движеніе, и лошади поминутно спотыкались.

Передъ спутниками открылись картины суровой природы: дикія дебри Литвы, гдѣ въ разсѣянныхъ бѣдныхъ селахъ и неменѣе бѣдныхъ городахъ, жило малочисленное, отчужденное отъ всѣхъ племя, непомнящее родства и испытывающее горькую сиротскую долю.

Литвины и жмудь были богаты только лѣсомъ, изъ котораго нарѣзывались тѣ знаменитые вѣники, исконная дань, приносимая убогимъ народомъ русскимъ князьямъ, которыхъ земли облегали ихъ гнѣздо.

Поросшій лѣсомъ, тамошній житель не щадилъ этого добра для своего обихода. Изъ дерева онъ рубилъ свое убогое жилище, дерево согрѣвало его и освѣщало, и во всей домашней рухляди не было у него иного матеріала.

Заѣхавъ въ лѣсъ съ одной лошадёнкой и сѣкирой, онъ выѣзжалъ изъ него съ готовымъ возомъ на деревянныхъ гвоздяхъ и съ полной сбруей изъ лыка.

Нѣкій польскій піитъ съострилъ надъ этимъ убожествомъ края:

Wiele tam posciele bez pior
Wiele trzewikow bez skor,
Wiele miast bez murow,
Wiele panow bez gburow.

Въ описываемое нами время торчали уже тамъ, по гребнямъ горъ, каменныя гнѣздища, свитыя коршунами, налетѣвшими на новую страну и озиравшими ее, какъ добычу.

Эти зàмки, каменйцы, укрѣпленныя обители панства и латинскаго монашества, посреди православнаго народонаселенія, служили издали указателями пути по глухимъ дорогамъ.

Въ тѣ времена, только одни знаменитые странники, какой нибудь важный бояринъ, вельможный панъ, или бискупъ, съ многочисленнымъ поѣздомъ своимъ, останавливались въ заготовляемыхъ для ихъ особъ шатрахъ. Всѣ прочіе путешественники пробирались, какъ Богъ поможетъ, запасаясь отъ селенія до селенія и отъ города до города путевыми припасами.

Всѣ эти города были весьма сходны между собою: въ каждомъ изъ нихъ наши путешественники видѣли окруженный цвинтаромъ костелъ, кичливо возвышающійся надъ православными храмами, изъ которыхъ многіе доживали уже третье столѣтіе; видѣли ратушу, отъ которой тянулись двѣ-три кривыя улицы, ведшія въ поле.

Въѣзжая въ подобный городъ, съ обычною торговою площадью, покрытой навозной топью, застроенной лѣсными и хлѣбными лавками, кузницами, домишками сапожниковъ, портныхъ, скорняковъ, шмуклеровъ и другихъ ремесленниковъ, гордыхъ своимъ магдебургскимъ правомъ, Лейба сворачивалъ обыкновенно въ жидовскую улицу, неутратившую донынѣ своего извѣстнаго характера. Проѣхавъ по ней большее или меньшее разстояніе, онъ останавливалъ измученныхъ клячъ своихъ передъ знакомой ему корчмой, гдѣ встрѣчала гостей старая жидовка — мать или свекровь хозяина.

Разнообразіе этихъ гостиницъ ограничивалось только тѣмъ, что въ одной изъ нихъ хозяйка была толще, въ другой сухоща-

вѣе, въ одной огромная печь стояла на востокъ, въ другой на западъ, въ одной едва находили проѣзжіе, чѣмъ утолить голодъ, въ другой не находили вовсе ничего.

Потому ли, что въ то время никто безъ особой необходимости не двигался съ мѣста, или потому, что двигаться было неудобно, на дорогѣ встрѣчалось мало проѣзжихъ; чаще всего попадались воза съ обгорѣлыми бревнами изъ выжигаемыхъ подъ пашню лѣсовъ.

Каждый, замѣчаемый издали встрѣчный возбуждалъ, кромѣ любопытства, опасеніе Лейбы, которому была извѣстна несовершенная безопасность дорогъ; но, по мѣрѣ приближенія предмета, безпокойство жида исчезало. *Досконально* зная край, онъ тотчасъ же могъ смекнуть, къ какому разряду людей принадлежала каждая личность, и на этомъ основаніи разнообразились его отвѣты на повторяемые вопросы: гей, кого везешь? кто ѣдетъ?

Въ числѣ встрѣчныхъ былъ убогій польскій шляхтичъ въ поношенномъ кунтушѣ, съ подобранными полами, которыя обнаруживали самую жалкую шляхетскую нищету. Опоясанный саблей и обутый въ лапти, онъ несъ за плечами сапоги съ прицѣпленными къ нимъ шпорами, выступая, тѣмъ не менѣе, съ отвагой хозяина на новосельѣ, заломивъ на ухо измятый беретъ.

— Жидку, кто ѣдетъ? спрашивалъ онъ.

— Панъ *писаржъ*, гордо отвѣчалъ Лейба.

При этомъ словѣ любопытствующій быстро сворачивалъ съ дороги, не желая компрометировать шляхетскаго достоинства своимъ непараднымъ *строемъ*.

Попадались бояре и паны, пестрымъ поѣздомъ, въ устланныхъ коврами колымагахъ.

— Гей! жидовинъ! кого везешь?—спрашивалъ кто-нибудь изъ многочисленной конной дворни, по порученію его милости.

— Кагальный ѣдетъ, отвѣчалъ фурманъ, и важный путникъ, оставляя безъ вниманія неважнаго, ѣхалъ далѣе.

Мчался на поджаромъ конькѣ казакъ — странствующій рыцарь того времени; глядя на него, Лейба думалъ: «вражья порода вездѣ воюетъ, со всѣмъ свѣтомъ бьется, а не избываетъ. Говорятъ же люди, что у каждаго изъ нихъ по девяти душъ за пазухой въ запасѣ».

— Кто ѣдетъ?—вскрикивалъ казакъ, свиснувъ нагайкой подъ самымъ носомъ Лейбы.

— *Старушекъ* на богомолье, отвѣчалъ онъ, отстраняясь и подгоняя клячъ. Всадникъ припадалъ къ лукѣ и мчался, оставляя въ покоѣ стараго богомольца.

Встрѣчался татаринъ, потомокъ тѣхъ татаръ, которыхъ изъ орды выселилъ Вптивтъ въ Польшу.

— Сторонись!—прикрикивалъ на него въ свою очередь, пріосанившись, еврей.

Татаринъ, переродившійся изъ хищника въ ручного, удалялся поспѣшно: «Алтуръ пукъ, душа—іокъ», говорилъ онъ, коверкая польскую пословицу: gdy ruszina chuknie dusza w ciele stuknie.

Попадались толпами жиды, успѣвающіе мимоходомъ и скороговоркой обмѣниваться съ Лейбой такимъ количествомъ словъ, что всякому другому не переговорить бы и половины того въ долгій часъ бесѣды.

Попадались, наконецъ, гурьбами тѣ хлопы, на которыхъ Лейба не обращалъ никакого вниманія; сплошною своею массою они представляли поле картины, на которой выступали впередъ личности, дающія физіономію краю.

Путешественники наши ѣхали безъ приключеній, или, вѣрнѣе сказать, только и было приключеній, что въ одномъ городѣ, увязнувъ посреди площади, они сломали колесо, въ другомъ смѣнили приставшую вороную клячу на пѣгую, а въ третьемъ Лейба отпраздновалъ шабашъ.

Теперь спѣшилъ онъ къ наступающей суботѣ въ Вильно.

По мѣрѣ приближенія къ главному *мѣсту*, стало замѣтно болѣе движенія и разнообразія; дорога стала торнѣе и многолюднѣе. Они наѣзжали на цѣлые обозы, везущіе въ городъ припасы; на ватаги *парубковъ*, идущихъ на заработки. Мелкая шляхта, конная и пѣшая, тащилась съ тою же цѣлію стяжанія, а знать, окруженная тѣлохранителями своими, для противоположной цѣли — расточительности.

Лошадёнки Лейбы, почуявъ близость жилья, набрались рыси и побѣжали. Скоро въѣхали они на возвышенность, и вдругъ блеснула предъ глазами путешественниковъ свѣтлая Вилія, по которой неслись на Гданскъ барки съ хлѣбомъ, и показалась столица Литвы, посреди рощей и садовъ, подъ тремя горами: горою *Трехъ Крестовъ*, съ которой были свергнуты христіанскіе мученики, горою *Лысой*, впослѣдствіи прозванной *Бекешовой*, и горою *Турьей*, гдѣ было жилище Перуна, гдѣ, по преданію, Гедиминъ забилъ Тура, и гдѣ снился ему дивный сонъ.

Ему снился огромный волкъ въ желѣзной бронѣ, а вокругъ его сто волковъ, которыхъ вой оглашалъ лѣсъ на далекое пространство. Проснувшись, Гедиминъ послалъ гонца искать вѣщуновъ. Къ нему привели Криве-Кривейту Леждейку, который жилъ при капищѣ Перуна и былъ великій сновъ толкователь. «Волкъ въ желѣзной бронѣ, сказалъ онъ Гедимину, значитъ, что на

жглицъ Перуна возникнетъ городъ — глава государства, а сто волковъ, которыхъ вой оглашалъ окрестность, значитъ, что громко огласитъ міръ слава новаго города». Великій князь, выслушавъ толкованіе, принесъ богамъ жертву и заложилъ на горѣ крѣпкій зàмокъ.

Но зàмокъ остался въ сторонѣ. Лейба ѣхалъ уже по предмѣстью. Онъ зналъ Вильно, какъ свои карманы, и потому тотчасъ же замѣтилъ, что въ городѣ происходило что-то чрезвычайное.

Рабочій людъ сваливалъ на телеги уличный соръ, по которому въ обыкновенное время съ трудомъ можно было пробраться. Мелкіе чиновники рàды, ознаменованные *нобилитàціей*, при сабляхъ, надсматривали надъ рабочими, кричали, бранились и раздавали толчки.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ зàмковой улицѣ, откуда видна была часть нижняго зàмка, гдѣ стояли судейскія палаты и дворцы бояръ и магнатовъ, тѣмъ больше было замѣтно всякаго рода суеты.

Колымаги, *кòчи*, *лектики*, конные и пѣшіе дворяне, сновали въ разныхъ направленіяхъ. Солдаты *трибунальской хоругви* маршировали въ парадной формѣ, отряды литовской конницы съ тòрчами и крылатые гусары, проѣзжали па красивыхъ коняхъ; венгерская пѣхота несла бѣлое знамя Баторія.

Поровнявшись съ костеломъ св. Яна, послышались звуки органа и голосъ *набожéнства*; по Святоянской Улицѣ не было проѣзда отъ ксендзовъ, педагоговъ и семинаристовъ. Далѣе, къ ратушѣ, съ стоящими по обѣимъ сторонамъ ея позорнымъ столбомъ и висѣлицей, обставленной лавками и амбарами, гдѣ по обыкновенію кипѣла самая дѣятельная торговля, гдѣ раздавался базарный гамъ съ утра до поздней ночи, теперь гарцовали рыцари, переходили войска, рыскали *бурмистры* и *райцы*, опоясанные саблями, съ кипами бумагъ подъ мышкой.

— Чтò бы то такое было? говорилъ самъ съ собою Лейба, озираясь на всѣ стороны. — Или ксендзы поспорили опять съ нѣмцами за вѣру? Но па что же бы тогда улицы чистить? Или панъ воевода велитъ праздновать побѣду надъ Гданскомъ? Но зачѣмъ же бы тогда базары были пусты?

Лейба недолго оставался въ недоумѣніи: лишь только выѣхалъ онъ къ Нѣмецкой Улицѣ, его окружила стая жидовъ, слетѣвшихся подобно воронамъ, почуявшимъ добычу. Они тотчасъ же объяснили собрату, что въ городъ пріѣхалъ король Стефанъ, который, по принятіи короны, въ первый разъ посѣтилъ Вильно. Въ свою очередь узнали жиды, что въ Ригѣ дѣлается то, что

боже упаси! что царь московскій шлетъ въ Инфляндскую Землю несметное войско. Узнали жиды, что въ Гданскѣ королевскія войска рѣжутъ жителей, и что въ ходу монастырскіе червонцы, которыми епископы снабдили короля Стефана.

Покуда кагалъ еврейскій, представлявшій собою ходячую биржу, основываясь на этихъ извѣстіяхъ, дѣлалъ свои комерческія соображенія, бричка Лейбы двигалась далѣе, въ глухіе переулки, куда не досягала суета, волнующая городъ. Тамъ, на разспросы фурмана, гдѣ живетъ панъ *поручникъ* Петръ Кэрта, отвѣчали направленіемъ указательныхъ пальцевъ къ Рудницамъ, и Лейба остановился, наконецъ, передъ воротами низенькаго домика.

Путешественники вылѣзли изъ экипажа, вошли на небольшой дворикъ и въ сѣни, раздѣляющія домъ на двѣ половины. Притворивъ одну изъ дверей, они услышали произносимое хриплымъ женскимъ голосомъ чтеніе литаній: «ora pro nobis, libera nos», раздавалось въ концѣ каждаго стиха.

— Пани *поручникòва*, тихо произнесъ Лейба.

Вмѣсто отвѣта, послышался шелестъ шаговъ, и на порогѣ показалась старая, нахмуренная женщина, въ одеждѣ, похожей на монашескую, давно уже оставленную новымъ поколѣніемъ. Приближаясь, она еще болѣе нахмурила брови, которыя и безъ того сбѣгались у ней надъ орлинымъ ея носомъ.

— *Пся віяра!* пробормотала она, увидѣвъ протестанта; потомъ нехотя отворила противоположную дверь, и сдѣлавъ пріѣзжимъ знакъ, чтобы вошли, вернулась назадъ, не сказавъ болѣе ни слова. За то Лейба, который служилъ иностранцу нетолько путеводителемъ и *толмачомъ*, но и надзирателемъ за дитятей, съ которымъ былъ во всю дорогу въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, вмѣнилъ себѣ въ обязанность водворить ихъ, какъ слѣдуетъ, на новой квартирѣ.

Внося пожитки, онъ разговаривалъ съ мальчикомъ на жидовско-польскомъ нарѣчіи, къ которому впродолженіе нѣсколькихъ недѣль странствованія успѣлъ довольно привыкнуть смышленый ребёнокъ.

— А вотъ мы и пріѣхали, говорилъ Лейба:—и вотъ панычу славная квартира; вотъ кровать съ матрацомъ: на ней будетъ спать покойно; а вотъ лавки и стулики, чтобы сѣсть было можно; а вотъ раскиданы по полу душистыя *зёлки*, чтобы запахъ былъ хорошій; а вотъ на окнахъ цвѣточки въ *куфелькахъ* и клѣтка съ птицей, чтобы панычу было чѣмъ заняться отъ скуки.

Толкуя такимъ образомъ, жидъ указывалъ на каждый предметъ, какъ будто ребёнокъ не видалъ ничего собственными глазами.

— А вотъ панычу обѣдъ готовый, сказалъ онъ, вернувшись въ послѣдній разъ и вводя съ собою торговку съ съѣстными припаса-

ми и литовскимъ медомъ; послѣ чего, получивъ приказаніе пастора, тотчасъ же по окончаніи шабаша быть готовымъ къ отъѣзду, отправился въ Іудею литовской столицы.

Ребёнокъ принялся за принесенные торговкою *марцыпаны* и *крепли* (печенья), съ острымъ дѣтскимъ апетитомъ. Между тѣмъ пасторъ, расположившись у стола, началъ писать. Перо его живо строчило бумагу, и онъ чрезвычайно углубился въ свое дѣло; а маленькій его спутникъ, утоливъ голодъ, по совѣту Лейбы, началъ заигрывать съ сидящимъ въ клѣткѣ скворцомъ.

Долго хлопоталъ около него ребёнокъ; но, не видя къ себѣ никакого привѣта, отошелъ и началъ разглядывать висѣвшія на стѣнѣ картинки изъ священнаго писанія. Вскорѣ, однакожь, наскучивъ и этимъ занятіемъ, подошелъ къ пастору и нечаянно толкнулъ его подъ руку.

— Не мѣшай, замѣтилъ ему кротко писавшій.

— Не буду, сказалъ послушно мальчикъ, но тотчасъ же съ дѣтскою забывчивостію толкнулъ локтемъ столъ, и снова перо продернуло хвостъ безхвостой буквѣ.

Писавшій взглянулъ на него и укоризненно покачалъ головою.

Уличенный въ неосторожности, онъ отошелъ опять къ безотвѣтной птицѣ; но, по свойственной дѣтямъ способности ненадолго оставлять въ покоѣ близкихъ къ нимъ людей, онъ началъ тревожить спутника своего вопросами:

— Патеръ Эразмъ, что̀ это за птица?... Патеръ Эразмъ, въ какой это мы пріѣхали городъ?... Патеръ Эразмъ, долго ли мы здѣсь пробудемъ?...

Но патеръ Эразмъ продолжалъ писать, не обращая вниманія на дѣтскій лепетъ, умолкнувшій внезапно. Уже нѣсколько минутъ стоялъ ребёнокъ, какъ вкопаный, глядя на кудрявую головку прекрасной дѣвочки, которая заглядывала въ противоположную дверь. Эта головка представляла необыкновенное сходство съ хозяйкой дома, но сходство въ разительной противоположности безобразія и красоты.

Черные глаза малютки, черные, какъ смоль волосы, правильный носикъ, алыя губки, яркій румянецъ на смуглой кожѣ, выраженіе живости и отваги, производили столько же пріятное впечатлѣніе, сколько видъ старухи былъ непріятенъ. Дѣвочка просунула въ дверь руку и поманила къ себѣ маленькаго незнакомца.

Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на нее молча, съ изумленіемъ, наконецъ медленно и робко подошелъ къ двери.

— Пойдемъ въ садъ! шепнула малютка, и схвативъ его за руку, потащила за собой.

Слегка упираясь и поглядывая исподлобья, мальчикъ невольно

поддавался своей похитительницѣ, которая привела его въ небольшой садикъ и посадила возлѣ себя на скамейкѣ.

— А я знала, что ты пріѣдешь, сказала она: — у меня ухо свербѣло: «ухо свербитъ, значитъ будешь кланяться съ пріѣзжимъ». И сорока стрекотала возлѣ дому: «сорока стрекочетъ, гостей пророчитъ». И котикъ, облизываясь, умывался: «котикъ умывается, будутъ гости».

Мальчикъ смотрѣлъ на нее молча, внимательно прислушиваясь къ польской рѣчи, нѣсколько уже ему знакомой, но не осмѣливался еще произнести ни одного слова.

— Какой на тебѣ хорошій пестрый *жупанекъ гафтованный*, съ *кутасами*, съ *гудзиками* и *кнафликами*!... И у меня есть шолковая юбка и тѣсный корсетикъ и *червонные* ботики съ мѣдными каблучками... Я надѣвала ихъ вчера, когда ходила къ рудницкой *брамѣ* смотрѣть, какъ въѣзжалъ *до мяста* король Стефанъ на бѣломъ *коню*, и какъ ѣхали за нимъ паны и лыцари въ *стрòѣ коштòвномъ*, и какъ сидѣли въ каретахъ *бялоглòвы* *, въ *перукахъ*, въ *баретахъ*, въ *корнуфàсахъ* съ *фереткàми* и *пасаманàми*.

Болтунья продолжала говорить, не заботясь о молчаливости гостя. Она разсказала ему, что живетъ на свѣтѣ гетманъ Жарколъ, который злыхъ дѣтей глотаетъ; что у Жаркола лобъ медвѣжій и бараньи роги, зубы какъ у вепря, а ноги коровьи; что онъ голый пò-поясъ, а отъ пояса, какъ волкъ косматый. Въ одной рукѣ держитъ мечъ, а въ другой булаву золотую.

Разсказала, что ее зовутъ Касей Картувной, что отецъ ея русинъ, а мать полька, что отецъ держится *лютерова хлопства*, а мать съ паномъ ксендзомъ капланомъ навращаютъ его до вѣры.

Наговорившись досыта, Кася Картувна замѣтила, что гость ея не вымолвилъ еще ни слова; ей пришло въ голову, что онъ не понимаетъ попольски, и она заговорила порусски.

Съ этой перемѣной языка удвоилось вниманіе слушателя; въ голубыхъ глазахъ его выразилось такое усиліе соображенія, что опытный физіономистъ угадалъ бы въ ребенкѣ будущаго замѣчательнаго лингвиста и глубокаго мыслителя.

Однако же Кася, убѣдившись въ неудачѣ попытки своей, прибѣгла къ послѣднему способу, къ знакамъ. Она, не задумавшись, разыграла пантомиму, которая возбудила искренній, громкій хохотъ ея собесѣдника, развязала языкъ его, и поставила обоихъ въ пріятнѣйшія отношенія.

Игра въ мимику пришлась имъ какъ нельзя болѣе пò сердцу; начались гримасы, жесты, разныя ужимки; причемъ въ движеніяхъ

* Дамы.

дѣвочки проявлялось своеволіе и деспотизмъ. Въ ней видимо было съ перваго взгляда свободное дитя, ненаходящееся ни подъ чьимъ присмотромъ, своеобычное и настойчивое. Она чутьемъ поняла мягкость нрава новаго знакомца, и взяла его въ полное свое распоряженіе.

Кася поворачивала его во всѣ стороны, тормошила, дергала за петлицы и пуговицы его кафтана, и вдругъ вскрикнула отъ радости, всплеснувъ въ восторгѣ руками. Золотая съ медальйономъ цѣпь на груди мальчика блеснула ей въ глаза изъ-подъ ворота его кафтана.

— Ахъ, какой *ланцўшекъ* съ *дукàтомъ!* Дай мнѣ, подаруй мнѣ его! просила она, лаская его и цалуя.

Эта просьба испугала маленькаго товарища ея.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! кричалъ онъ, вырываясь изъ рукъ шалуньи. Онъ объяснялъ ей, что этой цѣпи не велѣно ему снимать никогда съ шеи, что ее подарила ему мать, которая теперь далеко, и которую онъ долго не увидитъ.

Но нелегко было убѣдить Касю. Прельщенная драгоцѣнной вещицей, она продолжала добиваться неотступно, и наконецъ ей удалось сорвать ланцўшекъ силой. Нарядившись въ него, она не хотѣла уже съ нимъ разстаться.

— Ты оставь мнѣ ланцўшекъ, говорила она, ублажая безпокойство мальчика:—я сберегу его, я его не потеряю, я опять отдамъ его тебѣ! И она обнимала и ласкала его, заглушая всякое противорѣчіе поцалуями и милованьями.

Ребенокъ, довольный обѣщаніемъ, что медальйонъ возвратится ему въ цѣлости, и растроганный ласками, успокоился и повеселѣлъ. Съ этой минуты, дружба ихъ установилась совершенно; играмъ, затѣямъ, шалостямъ не было бы конца, еслибъ не прервало ихъ неожиданное появленіе пастора, который вошелъ въ садъ и, тревожно оглядываясь во всѣ стороны, искалъ своего маленькаго спутника.

— Зачѣмъ вышелъ ты безъ спроса изъ комнаты? строго спросилъ онъ, и взявъ его за руку, увелъ съ собою.

— Ахъ, какой же онъ, патеръ Эразмъ! Зачѣмъ мнѣ сидѣть въ комнатѣ?... Мнѣ было такъ весело въ саду съ Касей! ворчалъ про себя мальчикъ, слѣдуя за путеводителемъ своимъ, и оглядываясь на покинутую подругу, которая притаилась въ кустахъ, спрятавъ за пазуху медальйонъ.

Когда пріѣзжіе вошли въ свою комнату, Кася также отправилась окольною дорожкою домой; но тутъ, какъ нерѣдко случалось, кромѣ ея, не было живой души.

Мать ея еще не возвращалась отъ *вижильи*; отецъ былъ на

стражѣ въ дольномъ замкѣ; дворня, состоящая изъ одной служанки, также была въ отсутствіи. Кася привыкла къ такому одиночеству, потому что пани поручникова проводила большую часть времени въ церкви; панъ поручникъ былъ постоянно то на службѣ, то ходилъ по дѣламъ своихъ единовѣрцевъ, изъ чего и слѣдовало, что дѣвочка получила навыкъ быть полной госпожою своего времени, своихъ поступковъ и даже своего родительскаго дома.

Она вошла въ спальню матери, примостилась къ маленькому висѣвшему въ простѣнкѣ зеркальцу, и стала смотрѣться въ него, играя цѣпочкой: то надѣвала ее на шею, то пытала разомкнуть ушко медальйона, то пристально разсматривала чеканъ и латинскую надпись, равно для нее непонятныя. Скоро, однако же, она почувствовала охлажденіе къ вещи, которую никто уже не оспоривалъ у ней. По рельефному изображенію человѣка въ коронѣ, она рѣшила, что это святой *образекъ*, и навѣсила его на статуетку *панны Маріи*, чувствуя мучительное желаніе заглянуть въ комнату пріѣзжихъ, запертую въ предосторожность на ключъ.

Поминутно сновала она чрезъ сѣни, прислушиваясь и заглядывая въ щелку, и снова возвращалась къ своей цѣпочкѣ. Какъ ребенокъ, ничѣмъ незанятый, какъ балованный, блудливый котенокъ, лазя, прыгая и вѣшаясь, провела она довольно времени, не забывая сторожить и наблюдать надъ тѣмъ, что происходило у интересныхъ сосѣдей.

Въ сотый разъ заглянувъ въ щелку, она увидѣла, наконецъ, что насторъ досталъ изъ дорожнаго чемодана богатое шолковое платье; видѣла потомъ изъ-за угла, какъ вышелъ онъ, закутанный плащомъ, изъ-подъ котораго торчала шпага; видѣла, наконецъ, какъ тщательно заперъ онъ за собою дверь, оставивъ въ комнатѣ маленькаго плѣнника.

Кася подождала нѣсколько минутъ въ сѣняхъ, размышляя и прислушиваясь къ умолкающему звуку шаговъ; потомъ проворно сбѣжала съ крыльца, обошла вокругъ домъ и, вскочивъ на заваликку, приложилась лицомъ къ стеклу окна. Въ тотъ же мигъ, изнутри покоя, подбѣжалъ къ нему заключенный. Увидѣвъ сплюснутые на стеклѣ носъ и губы маленькой красавицы, онъ захлопалъ въ ладони и захохоталъ.

Кася отодвинулась отъ стекла, мальчикъ въ свою очередь прильнулъ къ нему, и въ свою очередь дѣвочка захохотала и забила руками. Потомъ оба однимъ движеніемъ приложили губы къ стеклу и поцаловались.

— Поди ко мнѣ, сказалъ мальчикъ.

— Дверь заперта, сказала Кася.

— Влѣзь въ окно.

— Окно опущено, тяжело, не подымешь.

— Я разобью стекло.

— Мама будетъ *лаять* (бранить).

Дѣти начали усиливаться, чтобы поднять раму. Долго возились они, надрываясь понапрасну; наконецъ рама тронулась и, скрипя, стала подаваться.

— Еще, еще! кричала Кася.

Мало-по-малу рама поднялась на четверть.

— Теперь довольно, сказала она:—держи, я попробую, пролѣзетъ ли голова.

Кася просунула головку свою, и еслибъ въ этотъ мигъ силы измѣнили маленькому ея другу, опускное тяжелое окно упало бы какъ гильйотина. Но гибкая и ловкая Кася быстро шмыгнула въ узкое отверстіе, какъ бѣлка.

Когда она спрыгнула на полъ, мальчикъ отнялъ руки, и рама съ грохотомъ захлопнулась за нею, какъ западня. Дѣти не обратили на нее вниманія, обрадованныя удачей. Не понимая опасности, которая благополучно миновалась, они запрыгали отъ радости.

— Какъ зовутъ тебя? спросила Кася, вспомнивъ, что еще не знаетъ имени своего пріятеля.

— Какъ зовутъ? повторилъ онъ, озадаченный этимъ вопросомъ.

— Какъ твое имя? Какъ тебя кличутъ? объясняла Кася, думая, что онъ не понимаетъ ее.

Но мальчикъ стоялъ, приложивъ ко лбу руку, какъ будто позабывъ свое имя.

— Зови меня, какъ хочешь, сказалъ онъ.

— Развѣ я ксендзъ, чтобъ давать тебѣ имя? Развѣ можно называть человѣка инымъ именемъ, а не такъ, какъ его крестили?

— Можно.

— Нѣтъ, неможно!

— Говорю тебѣ, что можно. Меня теперь зовутъ не такъ, какъ прежде.

— А какъ звали тебя прежде?

— Я не смѣю сказать, какъ меня звали. Если скажу, то придетъ злой старикъ и утопитъ меня въ морѣ.

— Не говори, не говори! въ испугѣ вскричала Кася.

— Такъ зови жь меня, какъ хочешь.

— Я буду звать тебя Ясю .. нѣтъ, Власю... нѣтъ, лучше Казю... хочешь?... Казю, Казмиръ...

Мнѣ все равно; пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь.

— Касю! Казю! повторяли съ хохотомъ, рѣзвясь, дѣти.

— Давай играть въ *машкàры*, Казю.

— Чтò такое *машкàры*, Касю?

— Въ машкàры играютъ важные паны и пани. Они убираются *вѣдмедемъ*, *купидономъ* или *мнихомъ*, или дьябломъ. Дай мнѣ свой пестрый *жупàнекъ* и червонную шапочку; а ты возьми мой *лѣтничекъ* и *каптýрекъ*. Уберемся въ нихъ; я буду самъ панъ воевода, а ты вѣдьма съ Лысой Горы.

Кася перерядила своего нареченнаго Казмира въ женское платье.

— Вотъ ты теперь, какъ *блазень* * *корчемный*, который на канатѣ скачетъ.

Шалунья переодѣлась въ платье послушнаго исполнителя ея причудъ и затѣй, и по удалымъ ухваткамъ тотчасъ стала похожа на мальчика. Оба взялись за руки, и Кася начала учить свою даму плясать *гайдýка* и *скочнàго*, напѣвая всѣ польскія и русскія пѣсни, какія только знала.

Наплясавшись и напѣвшись донельзя, дѣти, наконецъ, устали, почувствовали голодъ и въ особенности жажду. Мальчикъ вспомнилъ о марцыпàнахъ, которыхъ осталось еще довольно, а также и о кувшинѣ съ литовскимъ медомъ.

Но чѣмъ больше они закусывали и прихлебывали, тѣмъ меньше и меньше сознавали, чтò съ ними дѣлается. Стѣны комнаты какъ будто стали кружиться передъ ними, предметы двигаться, въ глазахъ темнѣло...

Кася, сидѣвшая на кровати, почувствовала вдругъ, что подушка приподнялась съ своего мѣста и прильнула къ головѣ ея. Товарищъ ея свалился со скамьи подъ столъ, и оба заснули крѣпкимъ сномъ.

VI.

Между тѣмъ пани поручникòва Картòва возвратилась изъ церкви, гдѣ проводила бòльшую часть дня, и, не нашедъ дома ни мужа, ни дочери, нисколько тому не удивилась. Мужъ, какъ намъ извѣстно, рѣдко оставался дома; а Кася, наскучивъ сидѣть одна, часто уходила къ старой тёткѣ своей, которая жила въ сосѣдствѣ и баловала ее безмѣрно.

Вслѣдъ за пани Картòвой, пришелъ отецъ Гиларій, посѣщавшій домъ поручника по тому случаю, что душа пани Картòвой, находящаяся подъ еретическимъ вліяніемъ пана Карты, была ввѣрена его храненію. Отецъ Гиларій, *кармелита бòсый*, поставлялъ

* Шутъ.

себѣ непремѣннымъ долгомъ, въ концѣ каждой недѣли, выслушать исповѣдь жены о безплодныхъ дѣйствіяхъ ея вразумленій на мужа.

— О тожь-то, моя пани, заключилъ онъ по обыкновенію, садясь на скамью и поджавъ босыя ноги свои подъ полы долгой рясы.

Пани Картòва, сидя на другой скамьѣ, напротивъ духовника своего, отвѣчала глубокимъ вздохомъ сокрушенія.

Отецъ Гиларій также вздыхалъ и, взывая къ святымъ Флоріану и Войцеху, произносилъ молитву за нераскаяннаго грѣшника; но послѣ того не зналъ уже, что̀ сказать болѣе, потомучто не владѣлъ даромъ слова, и, повторивъ много разъ одни и тѣ же увѣщанія, находился въ положеніи врача, истощившаго надъ больнымъ всю свою латынь.

Отецъ Гиларій принадлежалъ къ числу смиренныхъ духомъ. Вступивъ въ монашество изъ простого званія, не получивъ никакого семинарскаго образованія, онъ нисколько не былъ способенъ дѣйствовать въ рядахъ поборниковъ, громящихъ словомъ, дѣломъ, перомъ, мечомъ и иными орудіями.

Кроткій сердцемъ, при младенческомъ невѣдѣніи вещей міра сего, Гиларій боялся реформы, какъ повальной болѣзни, и смотрѣлъ на иновѣрцевъ, какъ на одержимыхъ бѣсомъ, испрашивая для нихъ у Покровительницы небесной исцѣленія.

— Prosze, tie Panie, oswiec oczy slepich! повторилъ онъ плачевно, въ сотый разъ въ тотъ вечеръ.

— Ересь проклятая, кàра господня! съ озлобленнымъ сердцемъ проговорила пани Картòва, вздохнувъ еще глубже, сдвинувъ и нахмуривъ еще мрачнѣе брови.

Она представляла собою совершенную противоположность добродушію кармелита. Пани Картòва принадлежала къ числу тѣхъ *набожныхъ*, у которыхъ постъ и молитва дѣйствуютъ болѣе на желчь, нежели на душу, которые истязуютъ и морятъ плоть свою, какъ-будто для того только, чтобъ имѣть право язвить и казнить своихъ ближнихъ.

— Чтобъ ихъ въ пекло *вшисткимъ дъябламъ на мордованье!* прошипѣла она.

— Богъ дай, чтобъ спастись! Богъ дай, чтобъ на радость ангеламъ небеснымъ войдти въ рай заблужденнымъ овцамъ стада! Тамъ не столько радуются девяти праведникамъ, сколько одному навращенному грѣшнику, сказалъ смиренно Гиларій.

Пани Картòва, которая мысль о праведности относила только къ своимъ великимъ заслугамъ набоженства, съ изумленіемъ и негодованіемъ закачала головой.

— Или на судѣ божіемъ не будетъ правды, или того не можетъ быть, пане отче! сказала она ядовито: — тотъ, кто бичуетъ плечи свои четырехвостнымъ ременнымъ бичомъ, кто лежитъ *крыжемъ* у порога церкви, чтобъ тѣло его топтали люди; кто моритъ себя голодомъ и власяницей во имя *Христу́са*, ка̀къ же таки тотъ заслужитъ меньше *ла̀ски* божіей, чѣмъ эти плотоугодники, которые жрутъ въ постъ мясо и строютъ дьявольскія козни противъ костела?

— Та̀къ-есть, моя пани, та̀къ-есть; скорѣе пройдетъ земля и небо, а ни одна іота изъ слова божія не пройдетъ, чтобы не сбылась. Раскаянные грѣшники внидутъ въ царствіе божіе и *малжо̀некъ* твой, Піотръ Карта, твоими молитвами обратится къ нашей вѣрѣ.

— Я молюсь день и ночь, колѣни мои изранены, чело избито объ камень костела, сердце надорвалось, кости сокрушились; я покинула домъ и родное дитя, все молюсь, и все нѣтъ пользы!

— Молись еще, дѣлай *офяры* по примѣру св. Ядвиги, которая покинула ложе *малжо̀нка* своего, Генри̇ка, и какъ ледъ холодная ко всему мірскому, изъ кляштора Требницко̀го, а ни ногой не тронулась, какъ только въ него вступила; а по смерти дѣтей и мужа, а ни слезки не уронила; затѣмъ, что умерла для свѣта.

Глаза пани Карто̀вой засверкали; въ душѣ ея поднялась страшная борьба, потому что жертва ея не была дѣломъ любви, которая даетъ терпѣніе исповѣднику и силу мученику. Боязнь предстоящихъ новыхъ испытаній, безсиліе, ожесточеніе, уязвили ея сердце.

— Iesus-Maria! вскрикнула она. — Матко Боска! взмилуйся надо мною! Какое я могу принять еще мученье? какой еще могу наложить постъ? О полночи встаю на *паціержъ*, что̀ день читаю литаніи, что̀ день хожу до костела, стою на колѣняхъ и подкладываю полѣнья, власяницу надѣваю пять разъ въ недѣлю, *дисциплины* на себя налагаю, сплю на голой доскѣ, желѣзнымъ поясомъ съ острыми гвоздями опоясываю тѣло, на память мукъ Христовыхъ; пощу понедѣльники и среды, пятницы и суботы — ѣмъ одинъ сухой хлѣбъ и пью одну воду, молитвой начинаю все и молитвой все кончаю...

— *Ото̀ жъ добрже*, моя пани! прервалъ Гиларій, глядя на нее съ удовольствіемъ и одобреніемъ. — Але жь, моя пани, для ласки пана Бога, трудъ не въ трудъ и жертва не въ жертву. Знаешь ли, что̀ дѣлали угодники божіи? знаешь ли, что̀ сдѣлалъ Теодо̀рикъ прусакъ навращенный? Онъ такъ, съ *жалу*, приказалъ слугѣ своему отсѣчь себѣ шею, и слуга послушалъ своего пана.

Это странное назиданіе, сказанное въ простотѣ сердечной, вывело изъ себя пани Картову. Она встала и, въ крайнемъ волненіи пройдясь взадъ и впередъ по комнатѣ, остановилась, въ сокрушеніи сердца, передъ статуеткой панны Маріи; но, взглянувъ на золотой медальйонъ, вскрикнула отъ изумленія:

— Что́ то такое?

— Что̀ такое? въ свою очередь спросилъ Гиларій, еще не зная, въ чемъ дѣло.

— Смотри, пане-отче! указывая, проговорила пани Картова.

Кармелитъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ, и также, уставивъ глаза, смотрѣлъ молча и съ изумленіемъ.

— Поганская цата на *особкѣ* панны Маріи! укоризненно проговорилъ онъ наконецъ, всплеснувъ руками.

Пани Картова обомлѣла. Увѣренная, что мужъ ея не могъ вернуться, во время ея отсутствія, изъ замка, гдѣ былъ на стражѣ, нисколько не подозрѣвая Каси, она пришла въ ужасъ при мысли, что то̀ навожденіе дьявола, что то̀ его злоба. Сорвавъ цѣпь со святаго изваянія, она бросила ее на полъ.

— А кто жь бы то кощунствовалъ надъ святыней? съ сокрушеніемъ спросилъ Гиларій.

Пани Карто́ва устремила на него выпученные глаза.

— А то жь они, то лютеровы хлопы! вскрикнула она вдругъ, вспомнивъ о постояльцахъ.

— Моя пани, сказалъ кармелитъ, подумавъ: — да не будемъ лжесвидѣтелями, оставимъ темное дѣло на судъ тѣхъ, кто лучше насъ все знаетъ.

И Гиларій, нагнувшись, поднялъ цѣпь.

Еслибы понятія старца были нѣсколько образованнѣе и грамотность нѣсколько удовлетворительнѣе, то, прочитавъ латинскую надпись королевскаго изображенія: «Eric. XIV, Rex Sueciae», а на другой сторонѣ, вокругъ падающаго съ неба скиптра надъ головою женщины: «Dat cui vult», онъ не нашелъ бы въ этомъ ничего богопротивнаго и поганскаго. Но общее настроеніе того времени привело ему прежде всего на память недавно состоявшееся и обнародованное повелѣніе—немедленно представлять въ святоянскій семинаріумъ всякую еретическую книгу или рукопись и всякое не-католическое изображеніе.

— Моя пани, повторилъ Гиларій, послѣ долгаго размышленія:—это темное дѣло надо представить на судъ тѣхъ, которые лучше насъ понимаютъ.—И, положивъ медальйонъ за пазуху, онъ благословилъ духовную дщерь свою, и вышелъ.

Проводивъ его, пани Карто̀ва осталась въ совершенномъ недоумѣніи.

VII.

Здѣсь необходимо отступить отъ разсказа, чтобы бросить взглядъ на минувшія событія, изъ которыхъ выработалось описываемое время.

Извѣстно, что изъ Кіева, на берегахъ святой купели всей Руси, возникла великая вѣтвь восточной церкви, и православіе оградило ее своими митрополіями: на сѣверѣ новгородскою, на востокѣ—суражскою, на западѣ—галицкою, владиміро-волынскою и литовскою. Эта послѣдняя, по росписи епископствъ при греческомъ императорѣ Андроникѣ, относилась къ Великой Руси.

Во время возрастающей духовной силы Россіи, двинулись на нее враждебныя силы съ двухъ сторонъ: съ востока азіатскія орды, съ запада—рати орденовъ папскихъ «Fratres minores, anno 1237, Poloniam et successive alias ejusdem regiones attigerunt».

Покуда Русь восточной стороны вела двухвѣковую борьбу съ ордой, и гатью силъ своихъ удерживала полчища, грозившія потопить всю Европу, въ Западную Русь, пользуясь истомленіемъ восточной, проникала всѣми путями пропаганда латинства, тщательно сѣя религіозныя распри и семейные раздоры.

Какъ, однако, ни было ревностно это тщаніе, но двухвѣковыя насажденія католицизма въ Западной Руси были еще весьма слабы. Несмотря на такъ-называемое крещеніе Литвы, приписываемое Ягеллѣ, отступнику православія; несмотря на unio personalis, посредствомъ брака его съ Ядвигой, несмотря на горестную комедію пресловутой люблинской уніи—латинство въ Западной Руси не процвѣтало.

Кромѣ естественнаго, могучаго сопротивленія народа, крѣпко стоящаго за свою православную вѣру, латинству въ XVI вѣкѣ нанесено было тамъ жестокое пораженіе: реформація Лютера, быстро распространяясь по Германіи, проникла въ Польшу и оттуда въ высшіе слои западно-русскаго народонаселенія.

Преслѣдованія и возобновленная инквизиція только усилили зло, достигшее ужасающихъ размѣровъ—до восьмидесяти сектъ попирали другъ друга, разъѣдая жизнь всего края.

Латинство видѣло уже здѣсь конецъ своего владычества: «Въ то время — пишетъ проповѣдникъ королевскій Петръ Скарга — католическому капеллану нельзя было показаться на улицѣ, и почти никто, во всемъ великомъ княжествѣ, не исповѣдовалъ католической вѣры».

Но въ одно прекрасное утро, жители Вильно увидѣли въѣзжающую въ городъ, по Троицкой Улицѣ, открытую колымагу,

въ сопровожденіи вооруженной стражи. Въ ней сидѣли іезуиты, призванные сюда виленскимъ бискупомъ Валеріаномъ Протасовичемъ-Шушковскимъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, они начали знакомство съ новою мѣстностію и подвиги свои устройствомъ своей полиціи, умѣньемъ зорко сторожить всѣ случаи и пользоваться всѣми обстоятельствами, для пріобрѣтенія вліянія. Посѣтившее на слѣдующій годъ Литву моровое повѣтріе послужило имъ въ особенности успѣшно.

Посреди всеобщаго ужаса и бѣдствій, іезуиты явились въ образѣ подвижниковъ милосердія: «Бѣси рищуще яко человѣци и уязвляху невидимо» язвой пропаганды. Цѣною сострадательнаго ухода за страждущими, безмезднымъ врачеваніемъ недужныхъ, радушнымъ насыщеніемъ голодныхъ, они вербовали свой легіонъ прозелитовъ.

Проникая въ общее довѣріе благоугодіемъ и благоязычіемъ, этотъ орденъ благочестивыхъ педагоговъ не велъ сначала открытой борьбы ни съ реформой, ни съ православіемъ, но смиренно предлагалъ отъ плода своего женамъ: «И видѣ жена яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти, и красно есть еже разумѣти: и вземши отъ плода его, яде, и даде мужу своему, и ядоста».

Способникъ полнаго успѣха ордена былъ избранный въ короли Польши семиградскій воевода Стефанъ Баторій. «Не будь я королемъ, я былъ бы іезуитомъ», говорилъ онъ, какъ будто не сознавая, что былъ уже и тѣмъ и другимъ. Іезуиты торжественно и повсемѣстно отпраздновали восшествіе его, какъ своего сообщника, на престолъ. Въ страшной силѣ ихъ Баторій видѣлъ надежный для себя оплотъ посреди польскаго смѣшенія языковъ.

Предоставивъ іезуитамъ полную свободу распространять и устроивать свои колонизаціи въ Польшѣ и литовской Руси, онъ дарилъ имъ православные храмы и монастыри, со всѣми землями и имѣніями, имъ принадлежащими.

Съ тѣхъ поръ іезуиты обратили главную дѣятельность свою на распространеніе школъ для образованія въ своемъ духѣ новаго поколѣнія и для *навращенія* въ латинство стараго.

Зная людскую простоту, эти отступники отъ вселенской православной церкви, существенные *схизматики*, не затруднялись оглашать собственнымъ своимъ именемъ, безразлично, и реформаторовъ и православныхъ.

До нашествія этихъ своего рода варваровъ, въ Вильнѣ было нѣсколько малыхъ, латинскихъ *школокъ* для *катехизованья*, гдѣ учили граматѣ, службѣ костельной и *канту съ партѐзовъ;* но

школы высшихъ разрядовъ принадлежали исключительно протестантамъ, гдѣ обучались дѣти литовскихъ магнатовъ. Само собою разумѣется, что такого первенства члены ордена не могли оставить за своими противниками, и вскорѣ Вильно увидѣло у себя іезуитскій коллегіумъ, для котораго и имѣлось теперь въ виду испросить у короля Стефана Баторія разныя права и привилегіи.

Для этой цѣли Поссевинъ, апостольскій легатъ и его викарій въ Западной Россіи и во всѣхъ сѣверныхъ странахъ, едва возвратясь изъ Швеціи, поспѣлъ уже въ Вильно къ пріѣзду короля. Онъ присутствовалъ, въ числѣ прочаго духовенства, при торжественной встрѣчѣ Баторія, въ то же самое утро имѣлъ аудіенцію и получилъ приглашеніе къ вечеру явиться въ собственные покои королевы.

Въ то время, какъ въ домѣ поручика Петра Карты происходила сцена явленія медальйона на *особкѣ панны Маріи*, въ собраніи отцовъ іезуитовъ у ректора святоянской семинаріи, СтаниславаВаршевицкаго, пресловутаго ученостію и поставленнаго папою Григоріемъ XIII во главѣ просвѣтителей всѣхъ *не-католиковъ* литовскаго края, велись переговоры чрезвычайной важности.

Въ покоѣ, установленномъ шкафами библіотеки покойнаго короля Сигизмунда-Августа, засѣдали члены ордена, вокругъ большого стола, покрытаго алымъ сукномъ, на которомъ лежали бумаги, развернутая тетрадь уложеній іезуитской колегіи и академіи, и карта Великаго Княжества Литовскаго.

Почетное мѣсто занималъ пріѣхавшій изъ Рима Поссевинъ. Онъ сидѣлъ въ размышленіи, наклонясь надъ картой. Одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды другихъ товарищей. Низенькая о четырехъ углахъ шапочка оттѣняла правильныя черты лица его и сдвинутыя соображеніемъ брови; однобортный изъ чернаго сукна подрясникъ съ невысокимъ стоячимъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы и опоясанный ремнемъ, облегалъ гибкій станъ его.

Противъ него сидѣлъ худощавый и суровый на взглядъ Варшевицкій, первый ректоръ святоянской семинаріи, пользующійся большою популярностію, какъ за проповѣди, которыя говорилъ онъ ежедневно на польскомъ языкѣ, такъ и за памятные еще подвиги милосердія, во время повальной болѣзни.

Не менѣе уважаемый своей паствой и прозванный Златоустомъ и Августиномъ, королевскій проповѣдникъ Петръ Скарга сидѣлъ по правую сторону; онъ отличался прекраснымъ славянскимъ типомъ лица, выраженіе котораго напечатлѣвалось въ памяти.

Это были три главныя особы собранія.

Любопытно было взглянуть со стороны на это засѣданіе, гдѣ столько замѣчательныхъ головъ напрягали умственныя силы, произнося немного словъ, имѣющихъ однако великое значеніе:

— До адвоката.

— До провинціала.

— До генерала, до Риму.

Отмѣчалъ, перебирая исписанные листы, держащій въ рукѣ перо, Піотръ Скарга.

— Seminarium.

— Collegium.

— Academia.

— Residentia.

— Missio.

Произносилъ Варшевицкій, слѣдуя соображеніемъ за указаніями на картѣ Антонія Поссевина, который ставилъ красные кресты на стратегическихъ пунктахъ, гдѣ надлежало утвердиться извѣстнымъ отдѣламъ конгрегаціи.

Этотъ лаконизмъ уступилъ мѣсто объясненіямъ болѣе пространнымъ, когда дѣло коснулось до утренней аудіенціи, данной Поссевину королемъ.

На этой аудіенціи государственный канцлеръ и воевода виленскій Николай Радзивилъ отказался приложить печать къ привилегіямъ, даннымъ королемъ Стефаномъ въ пользу іезуитскаго колегіума.

Канцлеръ отговаривался необходимостію совершить дѣло въ полномъ собраніи литовскихъ сенаторовъ, которые противились тому, выставляя на видъ духъ преслѣдованія, оказанный *братіею закона* за границей. Но король не хотѣлъ принимать возраженій своихъ сановниковъ съ этой точки зрѣнія. Онъ признавалъ основаніе колегіума іезуитовъ, какъ ручательство въ успѣшной *цивилизаціи* края.

Видя упорство канцлера, король потребовалъ Воловича, кастелляна Троцкаго и подканцеляржѐго литовскаго, и приказалъ ему приложить печать. Призванный колебался.

— Пусть печатаетъ немедленно, сказалъ переводчику своему, полатыни, Баторій, незнавшій попольски: — или пусть отдастъ мнѣ печать и она болѣе къ нему не возвратится!

Устрашенный Воловичъ притиснулъ печать, и *братія* торжествовала.

Въ настоящемъ засѣданіи отцовъ-іезуитовъ готовилось повтореніе той же сцены по случаю второй привилегіи на *маентнòсти*, укрѣпленныя училищу.

— И эта статья будетъ утверждена, если не печатью канцлера, то *каптуркомъ* отъ сабли короля, по *жолнерски*, сказалъ Варшевицкій.

Въ эту минуту дверь покоя тихо пріотворилась, и показалась голова *Сосіуша*. Онъ доложилъ о прибытіи отца Гиларія, который по чрезвычайному обстоятельству просилъ немедленнаго дозволенія представиться ректору.

«Что за крайность постигла нашего старца?» подумалъ Варшевицкій, глядя на вошедшаго кармелита, который смутился при видѣ собранія духовныхъ знаменитостей.

— Храни насъ Боже отъ обольщенья дьявольскаго! Милый Боже, не введи во искушеніе! молилъ Гиларій въ душѣ, донося нескладно о чрезвычайномъ происшествіи, о сомнительныхъ постояльцахъ въ домикѣ поручика Петра Карта, и о поруганіи святыни.

Іезуиты, вѣрные своей неизмѣнной наружности, слушали его молча, съ тою окаменѣлой невозмутимостію, при которой говорящій съ ними всегда оставался въ недоумѣніи, слышалъ ли его слушавшій, внялъ ли словамъ его, принялъ ли ихъ за бредъ или вразумился ихъ смысломъ.

Вручивъ медальйонъ ректору, Гиларій какъ будто сбросилъ съ плечъ тяжелую ношу.

Сколь ни были премудры и проницательны личности, засѣдавшія въ собраніи, но нелегко было уяснить себѣ этотъ странный случай.

Заподозрѣнная вещица переходила изъ рукъ въ руки. Каждый изъ присутствовавшихъ, взглянувъ на нее, окидывалъ взглядомъ стоявшаго въ почтительномъ отдаленіи старца и безмолвно передавалъ ее другому.

— Эта медаль чеканена въ Швеціи, по случаю коронованія наложницы покойнаго короля Эрика XIV-го, сказалъ, взглянувъ на нее, въ свою очередь, Антоній Поссевинъ.

И въ могучей памяти его возникли разомъ два воспоминанія: его воображенію живо представился въ стокгольмскомъ замкѣ прекрасный ребенокъ, на шеѣ котораго, въ недавнемъ времени, видѣлъ онъ подобное украшеніе, и въ то же время передъ глазами его какъ будто повторилась встрѣча, въ подгородной корчмѣ, съ путешественникомъ, который велъ за руку мальчика, напоминающаго собою сына Эрика XIV-го.

— Мои подозрѣнія не обманули меня: это былъ онъ!—произнесъ Поссевинъ про себя, взлянувъ на часы итальянской механики, показывающіе тринадцатый часъ дня, то-есть седьмой по полудни.

— Этого обстоятельства нельзя оставить безъ изслѣдованія, сказалъ онъ, обращаясь къ собранію:—теперь я ѣду во дворецъ.

И, положивъ медальйонъ въ карманъ, онъ всталъ съ мѣста, окинулъ всѣхъ почтительнымъ взоромъ, и вышелъ.

VIII.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ. Королева Анна сидѣла въ одномъ изъ парадныхъ покоевъ *Дольняго Замка*, расположеннаго противъ каѳедральнаго костела. Мёбель и всѣ убранства были въ итальянскомъ вкусѣ, въ томъ же видѣ, какъ остались по смерти Сигизмунда - Августа, потому что *Валезіушъ Анжегавѣнскій*, въ короткое время царствованія своего, не заботился о перемѣнахъ и обновленіяхъ.

Королева сидѣла у стола, покрытаго шелковой скатертью съ золотыми гербами, склонясь надъ древней библіей, принадлежавшей св. Ядвигѣ, писанной на польскомъ языкѣ и украшенной рисунками. Она разсматривала ихъ, перевертывая въ раздумьѣ страницы.

Возвращеніе въ Вильно пробудило въ сердцѣ королевы грустныя воспоминанія послѣднихъ годовъ жизни короля — то время, когда любовницы Августа опустошали его *скарбы* и убивали его силы; когда Глинскіе и Мнишки расточали сокровища королевской казны, а сестры короля оставались забытыми и нерѣдко терпѣли нужду. Но сердце Анны было неспособно къ злопамятному негодованію на слабости, омрачавшія столько доблестныхъ достоинствъ брата, горькая кончина котораго должна была изгладить всякое укоризненное чувство.

И что̀ могло быть, въ самомъ дѣлѣ, печальнѣе этой кончины, посреди корыстолюбивыхъ наложницъ и наемныхъ прислужниковъ! Едва закрылись вѣки Августа, и тѣ, которые похвалялись наиболѣе своею преданностію, не уронивъ ни одной слезы на хладный трупъ, бросились забирать все, что̀ еще взять было можно, до того, что не осталось даже ни цѣпи, ни перстня, которые, по обычаю, надлежало похоронить вмѣстѣ съ останками короля.

По смерти Августа, принцесса Анна оставалась выгоднымъ призомъ для состязателей польскаго престола, назначаемаго избранному, вмѣстѣ съ ея рукою. Сестра ея, Екатерина, была уже давно замужемъ за шведскимъ королемъ Іоганомъ.

Нелегко было рѣшить выборъ. Русины желали сына Грознаго, соединяя въ своихъ мысляхъ корону Литвы и Польши съ короною Россіи. Екатерина Медичисъ искала этой короны для своего сына.

Герцогъ австрійскій Эрнестъ и воевода семиградскій Баторій имѣли своихъ сторонниковъ. Кромѣ того, права родного племянника принцессы, королевича шведскаго Сигизмунда, предъявлялъ въ то же время король шведскій черезъ посла своего, Лориха.

На первый разъ, хитрая итальянка пересилила домогательства соискателей; но изнѣженный и развращенный Генрихъ скоро пренебрегъ своимъ сѣвернымъ царствомъ и пятидесятилѣтней невѣстой, и бѣжалъ во Францію за отечественной короной. Принцесса Анна снова осталась яблокомъ раздора и предметомъ споровъ для своевольнаго польскаго дворянства.

Наконецъ, партія Замойскаго восторжествовала въ пользу воеводы седмиградскаго, Стефана Баторія, и «цѣломудренный Стефанъ, не бывъ связанъ никакою сердечною склонностію, принесъ престарѣлой королевѣ свободное сердце, а королевству—какъ говоритъ польскій историкъ — свои доблести.»

Вступивъ на престолъ, Баторій почтилъ полнымъ довѣріемъ и осыпалъ милостями Замойскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, затаилъ въ душѣ сильную вражду къ своеволію магнатовъ и задумалъ преобразовать республику.

Серьёзный характеръ Стефана сообщился королевѣ; она, казалось, утратила легкомысліе польки. Строгая, полная достоинства наружность ея назидала окружающихъ.

Она не подымала глазъ съ библіи, взглядывая только, отъ времени до времени, на открытую дверь, ведущую на галерею, гдѣ сидѣли придворныя дамы ея и фрейлины. Тутъ были молодыя *менжатки* и дѣвицы извѣстныхъ литовскихъ и польскихъ фамилій.

Прозрачныя вуали, узенькія повязки изъ дорогихъ камней и бѣлыя платья отличали дѣвицъ отъ замужнихъ, разодѣтыхъ въ алтабасъ, бархатъ, парчу, дамаскъ и атласъ, съ длинными шлейфами и длиннѣйшими тройными рукавами. На нихъ были высокіе чепцы, убранные бусами и алмазными репейками. Перстни, кольца, поручи и ожерелья сверкали на нихъ во множествѣ.

Головки этой купы, какъ цвѣты пестраго букета, были обращены на *дѣдинецъ*, гдѣ толпились рыцари и придворная молодёжь, сопровождавшая короля, который только-что вернулся съ осмотра Верхняго Зâмка и другихъ замѣчательныхъ зданій города.

Взглянувъ на толпу этихъ блистательныхъ царедворцевъ, можно было бы принять ихъ за маскарадныхъ гостей, перенесенныхъ сюда съ какого-нибудь венеціанскаго карнавала. Тутъ были одежды разныхъ народовъ: платья долгія и узкія съ высокимъ кóзыремъ; платья широкія и короткія съ пышнымъ испанскимъ оборкомъ; платья южныхъ климатовъ съ безчисленнымъ множествомъ прорѣхъ, украшенныхъ буфами; платья цифрованныя погусарски;

куцые нѣмецкіе кафтаны, казацкіе широкіе шаравары, испанскіе береты, венгерскія шапочки, длинноволосыя головы съ бритыми бородами, и длинныя бороды съ бритыми головами, усы висячіе и усы взъерошенные. Все это рисовалось подъ магнитнымъ призоромъ очей красавицъ, сидѣвшихъ на галереѣ.

Однако же, не одно простое желаніе рисоваться выражалось во всѣхъ взглядахъ: къ нему примѣшивалось многое иное. Здѣсь, какъ и вездѣ въ то время, были враждебныя, непримиримыя религіозныя убѣжденія. Здѣсь было предчувствіе той узды, которую накидывала на пановъ рады сильная воля Стефана.

Присутствіе на галереѣ королевскаго шута Антонія Ріальто, исправлявшаго, какъ полагали, должность шпіона, и вдовствующей маркграфини баденской—принцессы шведской Цециліи, которая пріѣхала съ королевой изъ Кракова, стѣсняли изліянія враждебныхъ чувствъ, проявляемыхъ лишь украдкою въ скользящихъ взглядахъ.

Принцесса Цецилія безпрерывно путешествовала по всѣмъ европейскимъ дворамъ, принимая жизнь за безконечное празднество. Братъ маркграфини, герцогъ шведскій Карлъ, называлъ ее сумасбродной и опасной головой; но король Іоганъ и королева Екатерина осыпали ее подарками, назначали ей во владѣніе значительные лены, давали ей большія суммы денегъ и множество бочекъ жита и рыбы — все это, какъ говорили, за добровольное принятіе латинской вѣры.

По той же, вѣроятно, причинѣ она пользовалась особеннымъ почетомъ при польскомъ дворѣ, несмотря на ея слишкомъ свободные нравы.

Цецилія сохранила до сорока лѣтъ красоту свою и продолжала обольщать молодыхъ рыцарей вольностію своихъ пріемовъ.

Сидѣвшія тутъ дамы слушали подобострастно разсказы маркграфини о ея путешествіяхъ. Цецилія говорила съ особеннымъ удовольствіемъ о ея пребываніи въ Лондонѣ, гдѣ королева Елисавета оказывала ей большую благосклонность.

— О, это было самое веселое время моей жизни! произнесла она съ глубокимъ вздохомъ.

Вздохъ ея передразнилъ громогласно шутъ, сидя на перилахъ въ остроконечной шапкѣ своей, въ *шахованной* одеждѣ, съ бубенчиками въ ушахъ, вмѣсто серегъ, и съ пестрымъ кіемъ, увѣшаннымъ лисьими хвостами, въ рукахъ.

— Да, это было самое веселое время моей жизни! повторила маргафиня, не обращая на него вниманія. Дни, недѣли, мѣсяцы летѣли въ безпрерывныхъ удовольствіяхъ и самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ королевой, несмотря на то, что она рев-

новала меня ко всякому взгляду, ко всякому слову своихъ любимцевъ.

— Oh dolci sguardi, oh parolette accorte! проговорилъ съ новымъ вздохомъ королевскій блазень.

Въ собраніи послышался сдавленный смѣхъ; но Цецилія продолжала, не смущаясь ничѣмъ.

— Время летѣло, какъ на крыльяхъ, говорила она:—одинъ только покойный маркграфъ не забавлялся нисколько нашими забавами, скучалъ невыносимо и всегда торопился домой. Несчастный мой маркграфъ тосковалъ по роднпѣ и начиналъ сердиться. Однажды онъ вздумалъ было силою похитить меня изъ дворца, но ему не удалось исполнить этого злаго намѣренія, потому что за мои долги его схватили и посадили подъ стражу.

Хохотъ раздался нѣсколько сильнѣе. Ріальто тряхнулъ всѣми бубенчиками и заигралъ пальцами на губахъ.

Шутовской цинизмъ маркграфини превзошелъ его присяжное скоморошество.

— Poverino Antonio Rialto! забили тебя на смерть! завылъ онъ, валясь съ перилъ и растянувшись на полу.

— Скоро ли, наконецъ, и здѣсь вспомнятъ про удовольствія? разглагольствовала свое Цицилія, начиная скучать степеннымъ обществомъ двора никогда неулыбающейся Анны.—Скоро ли будутъ праздновать твою свадьбу? спросила она, обращаясь къ сидѣвшей рядомъ съ нею молоденькой племянницѣ Баторія, Гризельдѣ, которую король прочилъ въ супружество Яну Замойскому.—Намъ по этому случаю обѣщаютъ нѣсколько банкетовъ, и мнѣ поручено составить планъ маскарада. За мной не станетъ дѣло; мы тотчасъ же олицетворимъ побѣды короля подъ Гданскомъ и представимъ дни благоденствія, которые наступаютъ для рыцарства на лонѣ мира.

Всѣ присутствовавшіе издали единодушное одобрительное восклицаніе.

— У насъ будутъ въ лицахъ разныя аллегоріи, говорила маркграфиня:—и старый Сатурнъ, и храбрый Марсъ, и прекрасная *Венюсъ*, и хитрый *Купидо*; будетъ колесница на сферахъ, покрытая облаками, и слонъ съ башнею на спинѣ, и Парисъ, и яблоко, назначенное, разумѣется, тебѣ—прибавила Цецилія, обращаясь къ хорошенькой невѣстѣ, которая, опустивъ глаза, поминутно краснѣла отъ нескромныхъ рѣчей маркграфини.

— А что жь достанется моему брату Стефану? прервалъ шутъ.— Ужь развѣ мнѣ придется пожаловать ему мой дурацкій колпакъ и этотъ кій съ хвостами, чтобы обметать спѣсь со вздернутыхъ носовъ пановъ рады?

На эту рѣчь многія изъ наѣзжихъ воеводзянокъ, маршалокъ и кастелянокъ надули губы, потому что король Стефанъ и безъ того уже начиналъ крушить надменное магнатство; но обижаться выходками, хотя и грубыми, шута, почиталось дурнымъ тономъ, и бесѣда шла своимъ порядкомъ.

Марêграфиня взяла отъ скуки лежащую возлѣ нея подзорную трубочку и начала, безъ церемоніи, разглядывать стоящихъ на дѣдинцѣ придворныхъ *фирциковъ* (франтовъ).

— Это кто такой? спросила она, обращаясь къ одной изъ дамъ, сидѣвшей ближе къ периламъ, указывая на молодого щеголя въ шелковой епанчѣ съ кружевными брызжами, который безпрестанно поправлялъ прическу свою и передергивалъ плечами по модѣ того времени.

— Миколай Вольскій, коронный мечникъ, отвѣчала она.

— Микола хохлатый чубъ; подъ чубомъ дымъ да вѣтеръ гудитъ, крутитъ, въ ушахъ шумитъ, проговорилъ сквозь зубы Ріальто.

— А это что за молодецъ, въ венгерскомъ платьѣ, съ длинными черными усами? спрашивала Цецилія, глядя на статнаго мужчину, который стоялъ поотдаль, держа подъ уздцы коня.

— То Кàспаръ Бекешъ, молодой венгръ, который отличался подъ Гданскомъ.

— Какое прекрасное лицо! съ восторгомъ воскликнула марêграфиня.—Какой ловкій станъ! Какая отвага въ его глазахъ! какъ идетъ къ нему эта баранья шапка съ краснымъ мѣшкомъ! какой живописный на немъ кафтанэкъ?

— Этотъ кафтанъ, по имени его, называется *бекеша*, и входитъ въ моду, объяснила собесѣдница.

— Барма дьябѐльска! прошипѣла одна изъ *набожныхъ*, намекая на то, что Бѐкешъ принадлежалъ къ злой сектѣ *антитринитаріумовъ*.

— Ну, а кто этотъ медвѣдь? спросила Цецилія, всматриваясь въ приземистаго, широкоплечаго рыцаря, въ полномъ вооруженіи, который, опираясь на копье, поворачивалъ то въ ту, то въ другую сторону свою косматую голову, не отвѣчая ни слова на шутки и насмѣшки, которыя видимо сыпались на него отъ окружавшей его молодёжи.

— То Лукашъ Серна, ротмистръ пѣшій изъ Сандоміра. Онъ славится необычайной силой, поспѣшила отвѣчать пани, которой не удалось еще вставить своего слова.

— Говорятъ, что, ухватившись за перекладину воротъ зубами, онъ подымаетъ на воздухъ лошадь, сидя на ней верхомъ и стиснувъ ее ногами—перехватила другая.

— Пане-брате, пане-брате! а поднять ли тебѣ на своихъ плечи -

щахъ шляхетскій *гоноръ* ихъ мосцей? закричалъ шутъ, обращаясь къ ротмистру и указывая на предстоящее собраніе королевскихъ дворянъ.

Маркграфиня продолжала разспрашивать, кто̀ изъ рыцарей участвуетъ въ турнирахъ, кто̀ считается первымъ кава̀леромъ, и тому подобное. Дамы весьма охотно удовлетворяли ея любопытству.

— Нунцій его святѣйшества! возгласилъ вошедшій въ гостиную королевы дежурный пажъ.

При этомъ извѣстіи, болтовня на балконѣ умолкла: всѣ обратили взоры къ дверямъ, въ ожиданіи его появленія.

— Красивый мужчина! замѣтила маркграфиня, глядя на вошедшаго въ слѣдъ за докладомъ монаха.

Антоній Ріальто, взглянувъ на него мелькомъ, слѣзъ съ перилъ, прокрался въ уголокъ, свернулся въ комокъ, зажмурилъ глаза и захрапѣлъ; но бывалые изъ придворныхъ знали, что въ этомъ положеніи бдительность италянца была еще опаснѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что вѣки *бла̀зня* были закрыты, онъ видѣлъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело явленіе этого новаго лица на представительницъ древнихъ православныхъ родовъ края, вѣрныхъ своей народности и вѣрѣ; видѣлъ, какіе неодобрительные взгляды устремились на почетнаго гостя королевы, который началъ бесѣду съ видомъ глубочайшаго почтенія, сохраняя притомъ вполнѣ собственное достоинство.

Успѣхи Поссевина при шведскомъ дворѣ были уже извѣстны королевѣ Аннѣ; но монашеская скромность и политическая тонкость ревнителя приписали этотъ успѣхъ неутомимой заботливости сестры ея, Екатерины.

Безпокойство, выраженное королевою на счетъ смутныхъ слуховъ о томъ, что король Іоганъ, тотчасъ по отъѣздѣ нунція изъ Стокгольма, какъ-бы устрашенный своею поспѣшностію, сталъ колебаться, было разсѣяно семоувѣренностію Поссевина. Въ настоящее время его заботило другое обстоятельство: основательное подозрѣніе, что похищенный изъ стокгольмскаго дворца принцъ Густавъ скрывается въ Вильнѣ.

О похищеніи принца составились различныя понятія и мнѣнія. Король Іоганъ ошибался болѣе всѣхъ, обвиняя въ измѣнѣ довѣреннаго камердинера своего, Керна; приверженцы герцога Карла подозрѣвали самаго Іогана, и только іезуиты, извѣщенные лучше ихъ, видѣли ясно машинацію Спарре и его партіи преобразователей; они уже держались слѣда, по которому можно было изобличить истину. Для нихъ была очевидна необходимость исхитить принца, какъ опасное орудіе въ рукахъ сообщниковъ, для замышляемаго

ими переворота, и теперь легче всего было это исполнить, накрывъ дитя въ домѣ поручика Петра Карта.

Поссевинъ и королева говорили поиспански. Многія дамы, непонимавшія этого языка, усиливались слѣдить за разговоромъ по выраженію лицъ, и дѣлали свои заключенія, отвѣчая невпопадъ на неотвязные распросы маркграфини.

— Какое отличіе получилъ этотъ Каспаръ Бе́кешъ за одержанную побѣду? спросила она, продолжая интересоваться статнымъ венгерцемъ.

— Папскую реликвію! сказала одна изъ дамъ, у которой вырвалось это восклицаніе при видѣ золотой медали, передаваемой нунціемъ королевѣ.

Цецилія нахмурилась, строго взглянувъ на оторопѣвшую отвѣтчицу. Къ счастію, въ эту минуту, въ дверяхъ гостиной, показался король Стефанъ. Всѣ, кромѣ Анны, встали и отдали честь вошедшему низкимъ поклономъ.

Наружность Ботарія, которому было тогда лѣтъ сорокъ, была обаятельна. Онъ былъ плотный мужчина, русый съ окладистой бородой и съ строгимъ взглядомъ. Воевода седмиградскій, ставъ королемъ польскимъ, носилъ постоянно одежду своего новаго отечества. На немъ былъ бѣлый глазетовый жупанъ, гранатовый кунтушъ, богатый, украшенный дорогими каменьями поясъ, и у бедра осыпанная алмазами сабля.

Принявъ привѣтствіе нунція, онъ поздоровался съ супругой и сѣлъ на приготовленное для него мѣсто. Королева тотчасъ же вручила ему полученную медаль, указывая на изображенія и надписи, и приглашала легата къ скорѣйшему объясненію.

Поссевинъ въ краткихъ и точныхъ выраженіяхъ передалъ Баторію сущность дѣла, ловко затронувъ чувствительную струну короля, начинавшаго у себя дома борьбу съ тѣми же элементами, которые теперь угрожали поколебать настоящій образъ правленія въ Швеціи.

По мѣрѣ того, какъ Стефанъ выслушивалъ разсказъ и присоединяемыя къ нему замѣчанія Анны, суровый взглядъ его воспламенялся. Присутствовавшій въ сосѣдней комнатѣ секретарь получилъ приказаніе и бросился передавать его кому слѣдовало.

На дѣдинцѣ произошла замѣтная суета; подъ предводительствомъ Каспара Бекеша отдѣлился небольшой отрядъ, въ которомъ были и ротмистръ Лукашъ Серна, и коронный мечникъ Миколай Вольскій.

Всѣ глаза проводили выѣхавшихъ всадниковъ; каждый съ недоумѣніемъ спросилъ или самъ себя, или близь стоящихъ: куда и по какому чрезвычайному порученію такъ поспѣшно отправились ихъ

мосцы; но объ этомъ зналъ только Каспаръ Бекешъ и сопутствовавшіе ему рыцари.

Каспаръ Бекешъ, о которомъ дамы сообщили нѣсколько свѣдѣній маркграфинѣ, былъ ненавидимъ дворянами короля. Этотъ соотечественникъ Баторія, когда-то надменный состязатель его на Трансильванію, теперь же вѣрный слуга его и любимецъ, возбуждалъ зависть, всегда алчную, царедворцевъ и презрѣніе со стороны всѣхъ религіозныхъ партій. Его называли соціаниномъ, анабаптистомъ и даже атеушемъ.

Неохотно принялъ его начальство въ исполненіи королевскаго приказа коронный мечникъ Миколай Вольскій — рыцарь съ *гòноромъ*, отличаемый дамами, который, промотавшись въ пухъ на *стрòи* и *рынштỳки*, на пиры и корты, купилъ этой цѣною своего рода славу, завидную не одному смертному.

Самолюбіе придворнаго щеголя страдало тѣмъ болѣе, что онъ нетолько видѣлъ себя подъ командою ненавистнаго человѣка, но и въ обществѣ, по его мнѣнію, совершенно недостойномъ, ротмистра Лукаша Серны, неизвѣстнаго выходца, дикаго звѣря, дурня, надъ которымъ безнаказанно могъ издѣваться каждый встрѣчный, и который въ эту несчастную минуту былъ поставленъ на одну ступень съ нимъ, прекраснымъ кумиромъ *бѣлоглòвыхъ*.

Воображеніе короннаго мечника разгоралось болѣе и болѣе, и всадники не успѣли еще проѣхать до половины замкòвой, какъ уже благородный рыцарь чувствовалъ себя готовымъ вспыхнуть отъ малѣйшаго повода.

Первый ближайшій предметъ, который почувствовалъ на себѣ необычное состояніе короннаго мечника, былъ конь его, татарской породы. Съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ движеніемъ удилъ, безпокойство животнаго усиливалось. Оно стало выходить изъ повиновенія и нажимать идущаго съ нимъ рядомъ коня Лукаша Серны, какъ будто раздѣляя нерасположеніе хозяина своего къ его всаднику. Но тяжелая съ косматыми ногами и длинной до земли гривой, истинно богатырская лошадь ротмистра, шла своею дорогою, не заботясь о непристойности товарища, который съ толкомъ, достойнымъ безсловеснаго, нежданно обратилъ злобу свою на красиваго венгерскаго скакуна, на которомъ ѣхалъ Каспаръ Бекешъ. Ни съ того ни съ сего, сдѣлавъ лансаду впередъ, татаринъ взмахнулъ задними ногами и лягнулъ венгерца по бедру.

Въ тотъ же мигъ воздухъ огласился страшнымъ проклятіемъ, невѣроятной цифрой *тысѐнцъ дьяблòвъ*, и сабли рыцарей засверкали.

— Чтò это за сорванцы! проворчалъ мысленно пѣшеходъ, который, пробираясь по краю улицы, удалялся поспѣшно, изъ опасенія сдѣлаться непроизвольнымъ участникомъ въ чужой ссорѣ. Онъ

тщательно закутывался въ широкій длинный плащъ, и не желая быть узнаннымъ, бѣжалъ безъ оглядки.

Пѣшеходъ былъ, безъ сомнѣнія, иностранецъ, потому что никто изъ жителей не обратилъ бы вниманія на поединокъ—вещь слишкомъ обыкновенную въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, когда саблей рѣшались дѣла на улицахъ, на рынкахъ и даже въ палатахъ.

Ротмистръ Лукашъ Серна, который остался единственнымъ начальникомъ отряда и вмѣстѣ дѣйствительнымъ исполнителемъ королевскаго приказа, продолжалъ путь свой не сбившись съ ноги, какъ будто не произошло никакого безпорядка.

Между тѣмъ, пѣшій путникъ, отбѣжавъ на нѣкоторое пространство, съ трудомъ переводя духъ, пошелъ тише.

«Боже всесильный, что̀ за времена!» продолжалъ онъ бесѣду самъ съ собою: «страхъ терзаетъ душу при мысли, что ребёнокъ остается одинъ, въ чужомъ домѣ, безъ всякаго покровительства и надзора.»

Сердце замирало въ груди идущаго при этомъ опасеніи, и онъ прибавлялъ шагу.

Путникъ, въ которомъ нетрудно узнать евангелическаго священника, патера Эразма, не былъ однако же ни духовнымъ лицомъ, ни Эразмомъ. Лицо, скрывавшее себя подъ этимъ названіемъ, былъ Андрей Лорихъ, котораго Эрикъ Спарре почиталъ правой рукой своей и которому поручилъ спасеннаго имъ отъ смерти наслѣднаго принца Швеціи.

Лорихъ долженъ былъ видѣться съ роднымъ братомъ Спарре, Іоганомъ, который эмигрировалъ въ Вильно, вслѣдствіе притѣсненій, чинимыхъ королемъ Іоганомъ всѣмъ явнымъ ненавистникамъ католицизма. Ему долженъ былъ Лорихъ передать изустно то, чего невозможно было довѣрить бумагѣ, и взять отъ него письма, безъ которыхъ нельзя было ѣхать далѣе.

Чувство страха, волновавшее Лориха, смѣнялось поминутно иными тревожными мыслями.

Память его непроизвольно повторяла бесѣды того вечера, и смѣлые замыслы сторонниковъ горѣли въ головѣ его.

Между тѣмъ, сумерки становились уже ночью темной, безлунной; и хотя Лорихъ, посылаемый въ разныя времена и по разнымъ посольствамъ въ Литву и Польшу, зналъ Вильно, однако же, боясь сбиться съ дороги, спѣшилъ воспользоваться отблескомъ угасавшей зари; но чѣмъ больше спѣшилъ онъ, тѣмъ тревожнѣе становилось состояніе его духа.

Запоздалые прохожіе подобно ему торопились домой, потому что темныя улицы были небезопасны въ ночное время. Стараясь благополучно разминуться съ каждымъ изъ нихъ, онъ выбрался

въ пустынные переулки, гдѣ, увязая въ грязи, успокоивалъ себя надеждою скоро дойти до дому.

Когда обогнулъ онъ, наконецъ, послѣдній уголъ послѣдняго закоулка, слухъ его былъ неожиданно пораженъ говоромъ нѣсколькихъ голосовъ, фырканьемъ коней и бряцаньемъ оружія. Подходя ближе, онъ съ ужасомъ увидѣлъ спѣшившихся всадниковъ, окружавшихъ домъ Петра Карта.

Волосы встали дыбомъ на головѣ Лориха.

Стиснувъ руками грудь, казалось, онъ силился потушить огонь, охватившій его нѣдра. Между тѣмъ, стража, окружавшая домъ, точила на досугѣ балясы.

Иной похвалялся коханкой, какъ смѣтана бѣлой, какъ копна дородной.

Другой бранилъ наемныхъ нѣмцевъ за то, что безъ *гельту* и *трўнку* не правятъ службы, бѣсовы дѣти!

Третій высказывалъ свою національную гордость, покручивая трехъярусный усъ и приговаривая: co Pòlak to Hetman!

— Это, можетъ быть, обыскъ по какому-нибудь постороннему дѣлу, утѣшалъ себя Лорихъ, но въ душѣ не вѣрилъ этой успокоительной мысли.

Чрезъ нѣсколько мгновеній, на крыльцѣ послышался шумъ, на ступеняхъ показалась широкоплечая фигура Лукаша, который что-то держалъ на рукахъ. Ему подвели коня; ватага засуетилась и всѣ, вскочивъ на лошадей, помчались рысью.

Когда конскій топотъ утихъ, Лорихъ безъ памяти бросился въ домъ. Встрѣтивъ въ сѣняхъ хозяйку, онъ вырвалъ изъ рукъ ея свѣчу, отдернулъ дверь, такъ что она ударилась въ стѣну, вбѣжалъ въ свою комнату, окинулъ ее глазами — и голова его поникла, какъ подсѣченная, свѣча выпала изъ рукъ — въ комнатѣ никого не было!

— Все погибло! вскричалъ Лорихъ и, казалось, замеръ, въ отчаяніи оцѣпенѣвъ и не трогаясь съ мѣста.

Вдругъ послышался протяжный вздохъ и голосъ испуганнаго ребёнка:

— Патеръ Эразмъ! патеръ Эразмъ!

— Боже, это онъ! это ты! воскликнулъ, внѣ себя, Лорихъ: — гдѣ ты?

— Патеръ Эразмъ! повторилъ ребёнокъ.

— Ратўйте, ратўйте, кто въ Бога вѣруетъ — ратўйте! раздался въ то же время хриплый голосъ хозяйки, которая ворча вышла снова со свѣчой, и увидѣла сбѣгавшаго съ крыльца Лориха; лѣтничекъ и каптўрекъ Каси мелькнула въ ея глазахъ, и она завопила: Ратўйте! Касю, мòя Касю!

Крикъ ея оглашалъ мертвую тишину улицы.

IX.

Спустя не болѣе часа времени, въ небольшомъ покоѣ *Дольняго замка*, называемомъ *секретовою* палатою дворца, назначенною для чрезвычайныхъ тайныхъ аудіенцій, гдѣ при Сигизмундѣ-Августѣ разъигрывались первыя сцены его историчускаго романа съ Барбарой, въ этомъ покоѣ, на обитой алымъ бархатомъ мягкой скамьѣ, лежалъ сонный ребёнокъ. У его изголовья сидѣла королева Анна; она поддерживала голову дитяти на алой же бархатной подушкѣ и смотрѣла взоромъ умиленія, которымъ смотритъ бездѣтная женщина на чужое прекрасное дитя.

Поодаль, скрестивъ спокойно руки, съ невозмутимой іезуитской наружностію, стоялъ нунцій. Глядя неопредѣленно, онъ прислушивался къ бесѣдѣ маркграфинѣ Баденской, призванной для объясненій съ великимъ маршаломъ Яномъ Замойскимъ, заступавшимъ здѣсь мѣсто самого короля.

— Это неестественный сонъ, сказала королева: — ни шумъ, ни безпокойная ѣзда не могли разбудить ребёнка.

— Въ подобныхъ обстоятельствахъ встрѣчается всегда много неестественнаго и сомнительнаго, подтвердилъ монахъ.

— Сомнителенъ, какъ нельзя болѣе и этотъ странный поединокъ: Каспаръ Бекешъ лежитъ безъ чувствъ отъ полученной раны, прибавилъ Замойскій.

— Но таинственный ребёнокъ въ нашихъ рукахъ, и это главное. Захваченныя съ нимъ вещи и бумаги несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что искомое найдено, заключилъ Поссевинъ.

— Во всякомъ случаѣ, моему племяннику гораздо спокойнѣе спать, нежели намъ дожидаться его пробужденія, сказала Цецилія, нетерпѣливый характеръ которой возмущался противу всякаго серьёзнаго дѣла.

Королева, продолжая заботиться о малюткѣ, сняла съ головы его шапочку, изъ-подъ которой хлынули волнами черные какъ смоль волосы и разсыпались по подушкѣ.

— Ахъ, какіе прекрасные, густые, черные волосы! сказала Анна.

— Это, однакоже, странно, возразила маркграфиня. — Сколько мнѣ помнится, сынъ Корини, дочери Монса, былъ бѣлокуръ. Я какъ теперь смотрю на свѣтлыя, льняныя кудри его, въ знаменитый день коронаціи служанки сестры моей, когда два государственные совѣтника носили этого мальчика подъ балдахиномъ, чтобы придать ему болѣе законности, прибавила она смѣясь, и не утаивая старой непріязни къ той, которую неохотно признавала сестрой и королевой.

— Сынъ покойнаго брата вашей свѣтлости, короля Эрика XIV,

былъ бѣлокуръ? спросилъ тономъ допроса нунцій, смутясь и не вѣря даже собственной памяти.

— Я думаю, что бѣлокуръ, если можно полагаться на глаза, отвѣчала рѣзко Цецилія, затронутая этимъ тономъ.

— Но въ такихъ случаяхъ меньше всего можно полагаться на память. Весьма часто послѣ болѣе или менѣе продолжительной разлуки, люди не узнаютъ другъ друга именно потому, что слишкомъ хорошо помнятъ, каковы они были, не принимая въ соображеніе перемѣнъ, производимыхъ временемъ. Извѣстно, что цвѣтъ дѣтскихъ волосъ темнѣетъ съ возрастомъ, замѣтилъ Замойскій.

Любопытные и пытательные взгляды присутствовавшихъ на соннаго ребёнка, видимо потревожили его сонъ, гораздо болѣе, нежели нещадно убаюкивавшій переѣздъ до зàмка, на рукахъ такой няньки, какъ Лукашъ Серна. Ребёнокъ сталъ ворочаться, вертѣть головой, проговорилъ сквозь сонъ нѣсколько невнятныхъ словъ, наконецъ, вздохнувъ тяжело, открылъ вѣки.

— Какіе прекрасные черные глаза! сказала опять королева.

— Но какимъ же это чудомъ, у сына Эрика и Коринн, этой четы бѣлоснѣжныхъ голубей, могъ родиться черный грачъ? спросила, усмѣхаясь легкомысленная Цецилія.

— А какимъ же это чудомъ, шепнулъ ей на ухо Замойскій:— у маркграфа Баденскаго и супруги его родился сынъ, напоминающій чертами своими графа Остфрифляндскаго Іогана?

— Игра природы, отвѣчала Цецилія, нисколько не смущаясь и продолжая смотрѣть съ усмѣшкой на загадочное дитя, которое, привставъ, озиралось безсознательно вокругъ.

Королева протянула къ нему ласково руки; но ребёнокъ въ испугѣ рванулся отъ нея назадъ.

По приглашенію Анны, Маркграфиня проговорила ему нѣсколько успокоительныхъ словъ пошведски; но въ глазахъ его выразилось ясно, что онъ ихъ не понималъ; вмѣсто отвѣта, ребёнокъ хныкалъ, и на глазахъ его копились слезы.

— Странно! онъ не понимаетъ своего роднаго языка! сказала королева.

Въ умѣ нунція сверкнуло уже подозрѣніе на подлогъ. Это подозрѣніе однимъ взглядомъ сообщилось маршалу, который недаромъ обучался въ школѣ отцовъ іезуитовъ въ Падуѣ.

— Это демонская насмѣшка! сказалъ Замойскій; но слова его заглушилъ раздавшійся вопль ребёнка, который, какъ-будто внезапно очнувшись, вскочилъ, хотѣлъ бѣжать; но окруженный со всѣхъ сторонъ чужими для него людьми, въ отчаяніи залился горькими слезами.

Королева съ участіемъ пыталась его утѣшить.

— Прочь! взвизгнулъ онъ, цапнувъ ее когтями. Всѣ присутствовавшіе невольно оглянулись съ изумленіемъ другъ на друга.

Замойскій подошелъ, чтобъ освободить королеву отъ этого тигрёнка.

— Прочь! прочь! вопилъ онъ оглушительно, вырываясь: — пусти меня домой, къ мамѣ!

— Это непостижимо! сказала въ недоумѣніи королева. — Кто жь ты? Кто твои отецъ и мать? спросила она.

— Я Кася Карту̀вна, моя ма̀ма — пани Карто̀ва, отецъ мой — панъ Ка̀рта! отвѣчалъ, хныкая ребёнокъ.

Маркграфиня залилась хохотомъ, который проникъ язвительно въ души инквизиторовъ.

— Предательство! сказалъ голосомъ невозмутимаго хладнокровія нунцій.

— О, я добьюсь правды! Я подыму и выверну на изнанку весь городъ! произнесъ съ запальчивостію, выходя поспѣшно, Замойскій.

Между тѣмъ Лейба, одѣвшись попраздничному, началъ чтеніе такъ-называемой кабала̀-шаба̀шъ и пошелъ къ дверямъ навстрѣчу суботѣ; но въ эти двери вошелъ человѣкъ съ такимъ ужаснымъ выраженіемъ въ чертахъ, что жидъ, отскочивъ, едва не выронилъ изъ рукъ книги.

— Вей-миръ! вскрикнулъ онъ въ испугѣ, готовый скликать весь кагалъ на помощь.

— Лейба, лошадей! сію же минуту лошадей! едва выговорилъ, запыхавшись, вошедшій, спуская съ рукъ ребёнка и прикрывая его плащомъ.

— Лошадей! повторилъ Лейба въ изумленіи, узнавъ сѣдока своего и мгновенно успокоившись отъ страха.

— Скорѣе! ради Бога, скорѣе! повторялъ то повелительнымъ, то умоляющимъ голосомъ нежданный посѣтитель.

— Але-жъ неможно, пане, никакъ неможно!

— Можно, Юде! можно!

И золото звякнуло надъ ухомъ Лейбы.

— *Дальбу̀гъ* неможно! Что жь *ро̀бить*, коли неможно! Въ шабашъ не можно ѣхать, повторялъ Лейба, заложивъ за спину руки, потому что ихъ тянуло къ золоту, какъ магниту.

— Мало этого? получишь больше; но до утреннихъ пѣтуховъ чтобъ мы были далеко отсюда!

— Ай, ай, ай! застоналъ жидъ, мучась соблазномъ: — и зачѣмъ панъ спѣшитъ такъ шибко? Пану надо отдохнуть, и панычу надо отдохнуть съ дороги; панычъ такой щупленькій; избави Богъ какой: такой, какъ муха! И Лейба, приподымая полы плаща, смотрѣлъ на дитя, которое, присмирѣвъ, жалось къ покровителю своему, какъ перепуганная птичка.

Но увѣщанія жида, похожія на иронію, взбѣсили путешественника. Онъ вцѣпился бы въ его пейсы, еслибъ не чувствовалъ, на сколько въ эту минуту отъ него зависитъ.

— Мнѣ надо ѣхать! проговорилъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва:— слышишь ли, жидъ? мнѣ надо ѣхать!

— Дзъ-дзъ, пану не надо ѣхать, пану надо остаться! сказалъ Лейба, дзыкая пожидовски, качая головою и оглядывая то своего нѣмецкаго пастора, переодѣтаго въ цивильный кафтанъ, то паныча, переряженнаго въ женское платье. — Пану надо остаться! твердилъ онъ, отступая изъ предосторожности передъ грозою, которая копилась въ глазахъ пылкаго Лориха.

— Жидъ поганый! вскричалъ онъ, внѣ себя, хватаясь за рукоять сабли:—я запрягу тебя самого, или изрублю, какъ собаку.

— Дзъ-дзъ, и что̀ жь съ того будетъ, коли панъ меня изрубитъ? Кто жь тогда поможетъ пану? Кто спрячетъ пана? Кто обманетъ лазутчиковъ пана воеводы, которые такъ и шныряютъ по улицамъ, такъ и смотрятъ, гдѣ бы можно было схапать человѣка, да представить его радѣ?... У! они таки сердитые, цуръ имъ!

Жидъ плюнулъ, сдѣлавши знакъ чрезвычайнаго омерзѣнія.

Въ эту минуту послышался шумъ, похожій на отдаленное завываніе бури. Жидъ приподнялъ тонкій носъ свой и, устремивъ глаза въ потолокъ, навострилъ уши.

— То наши всполошились, сказалъ онъ, прислушиваясь къ гулу, который увеличивался и приближался, какъ потокъ, прорвавшій преграды.

Черезъ нѣсколько секундъ, гвалтъ тысячи жидовскихъ языковъ, говорящихъ въ перебой, извѣстилъ Лейбу о предстоящей неизвѣстной опасности.

— Нехай панъ войдетъ вотъ въ эту каморку, да надѣнетъ мой дорожный кафтанъ и яломокъ, сказалъ онъ блѣдному, какъ мертвецъ, Лориху, указывая на отвратительныя лохмотья, лежавшія на скамейкѣ: — а паныча нехай спрячетъ хоть въ хозяйскія перины.

Онъ еще не успѣлъ кончить этихъ распоряженій, какъ въ полуотворенную дверь просунулась тощая нога въ башмакѣ; за нею жидовская борода, которая заходила, какъ метелка въ ра-

ботѣ, при донесеніи о чрезвычайномъ происшествіи, поднявшемъ весь іудейскій кварталъ на ноги и возмутившемъ благочестивое празднованіе суботы.

Изъ этого донесенія Лейба узналъ, что королевская команда обходитъ всѣ дома у корчмы и ищетъ кого-то. Но это извѣстіе нисколько не смутило Лейбы. Отдавъ свои приказанія вѣстнику, онъ вошелъ въ каморку и тщательно притворилъ за собою дверь.

Лейба не даромъ гордился своими познаніями и своею мудростію: эта мудрость помогала ему во всѣхъ случаяхъ жизни.

Когда по ступенямъ лѣстницы, ведущей въ занимаемую имъ комнату, послышалось бряцанье сабель и грубый голосъ гайдуковъ, Лейба сидѣлъ уже, какъ ни въ чемъ не бывалъ, рядомъ съ новымъ товарищемъ, прикрытымъ саваномъ и уткувшимъ носъ въ развернутую передъ нимъ книгу. Лейба голосилъ во все горло, покачиваясь изъ стороны въ сторону и напѣвая «Шаддай Іишмерени, Шаддай Іацциленй, Шаддай Іаазрени».

Отъ этого громогласнаго пѣнія хозяйскіе ребятишки, раздѣтые почти до нага и спавшіе въ перинахъ, проснувшись и протирая глаза, начинали вторить ему рёвомъ. Трое изъ нихъ были рыжи и покрыты веснушками. Они поглядывали исподлобья на четвертаго, который, Богъ знаетъ, откуда очутился между ними въ одной *кошулькѣ*.

Гайдуки начали осмотръ по всѣмъ угламъ. По приказанію Лейбы, жидъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ и покрытый саваномъ, взялъ со стола свѣчу и свѣтилъ дозорцамъ, нагибаясь къ полу, приподнимаясь къ потолку, ворочая перины и отодвигая разную рухлядь.

Нашумѣвъ, наругавшись, надававши толчковъ толпѣ евреевъ, которые бормоча провожали дозорцевъ изъ дома въ домъ, команда провалилась, наконецъ, въ дверь и отправилась далѣе.

— Я добре говорилъ пану, что то такія собаки, что ховай Боже! сказалъ Лейба, снимая съ Лориха свой саванъ.

X.

Спустя значительное время послѣ этихъ происшествій, осенью, въ ясный теплый вечеръ, въ окрестности небольшого городка на южной границѣ Мазовіи, лежалъ, раскинувшись на отлогомъ берегу рѣчки, миловидный юноша. Поджавъ подъ голову руки и разметавъ свѣтлыя кудри волосъ, онъ утопалъ голубыми очами въ голубомъ небѣ.

Окружавшая его природа не представляла живописной картины, но при заревѣ заходящаго солнца была не безъ очарованія. Берегъ вздымался лужайкой до обрыва, надъ которымъ торчалъ одиноко ветхій домикъ, обнесенный живою изгородью кустарника. Противоположная сторона рѣчки омывала обширную равнину, на которой были разбросаны хижины и корчмы бѣднаго мѣстечка и возвышался костелъ, построенный прусскимъ муромъ, среди разсѣянныхъ по кладбищу надгробныхъ крестовъ и камней.

На небѣ не было ни облачка; только густые клубы зеленоватаго дыма, выбрасываемые трубой одинокаго домика на вершинѣ обрыва, носились въ воздухѣ и коптили свѣтлую лазурь.

Легкій вѣтерокъ струилъ поверхность рѣчки, и журчанье воды наводило на юношу раздумье, въ которомъ было столько неопредѣленности и вмѣстѣ столько ясныхъ видѣній, что оно похоже было на сонъ.

Это раздумье напоминало ему его младенчество: отца-страдальца-узника въ мрачной комнатѣ съ желѣзными рѣшотками, и мать съ ея грустнымъ выраженіемъ во взглядѣ, но постоянно нѣжной улыбкой.

Напоминало другую мѣстность: пышныя палаты дворца и царственную семью, подъ кровомъ которой было непріютно и неотрадно.

Еще какое-то смутное, тяжкое воспоминаніе проявлялось въ душѣ юноши: какое-то страшное происшествіе на берегу озера, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета.

Но всѣ эти тяжелыя думы разсѣяла свѣтлая мысль: прекрасный призракъ — смуглая кудрявая дѣвочка, обвивающая душу, какъ обвиваетъ плющъ своими рѣзвыми, живыми побѣгами все, что встрѣчаетъ на пути своемъ. Игры, пѣсни, пляски, въ какомъ-то чужомъ домѣ; картинки на стѣнахъ, птичка въ клѣткѣ на окнѣ... Всѣ эти мелочи и подробности уцѣлѣли въ памяти юноши, сохранились изумительно ясно въ воспоминаніи первыхъ лѣтъ его жизни.

Покуда лежалъ онъ, предаваясь любимымъ грезамъ, въ избушкѣ, труба которой безустали дымились и днемъ и ночью и прослыла въ окрестности чортовой печью, скрыпя растворилась покосившаяся дверь. Изъ нея вышелъ дряхлый жилецъ, согбенный, худощавый старецъ. На блѣдномъ, изрытомъ морщинами лицѣ его горѣли, какъ два карбункула, полные еще жизни глаза; но взоры его, будто неразлучные съ мыслями, казалось смотрѣли внутрь и не видѣли ничего внѣшняго.

Медленно подвигался онъ, спускаясь по извивистой тропинкѣ,

спотыкаясь почти на каждомъ шагу, какъ гость, поздно возвращающійся съ пира, или какъ младенецъ, ступающій нетвердо.

Безвласая, непокрытая голова его, украшенная на вискахъ двумя клоками сѣдыхъ волосъ, представляла удобную выпуклость сосредоточенію солнечныхъ лучей. Долгая одежда его, неопоясанная и незастегнутая, тащилась за нимъ, подметая и взвивая пыль по его слѣду.

Иногда останавливался онъ, приподымая носъ и нюхая воздухъ, напитанный благовонными медовыми испареніями осени и какъ будто вычисляя обоняніемъ составныя его части по навыку къ безпрерывнымъ химическимъ вычисленіямъ, которыя составляли эпидемію того вѣка и предметъ личной маніи старца.

Этотъ старецъ былъ Самуилъ Гансъ Андроніусъ, ученикъ знаменитаго базельскаго врача и алхимика Аврелія-Филиппа Ѳеофраста, Бомбастъ-фонъ-Гегенгейма-Парацельса, который, доискиваясь элексира, продолжающаго человѣческую жизнь на нѣсколько столѣтій, не избѣжалъ общаго удѣла — смерти, не доживъ до полувѣка.

Но Гансъ Андроніусъ, оставя втунѣ примѣръ учителя, въ томъ же ожиданіи искуственнаго безсмертія, дошелъ до дверей гроба, не вкусивъ жизни.

— Domine! воскликнулъ радостно, увидѣвъ его, сидѣвшій на берегу юноша, и, вскочивъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Но глаза Ганса были устремлены неподвижно на румяный закатъ, обливающій золотомъ всю окрестность.

— Смотри! сказалъ онъ своему ученику, голосомъ восторженнаго вдохновенія, указывая на солнце: — вотъ оно, истинное изображеніе *красной тинктуры*. Малѣйшая частица ея превращаетъ огромныя массы воздуха въ *тинктуру перваго разряда*, и, въ свою очередь, малѣйшая частица этой тинктуры превращаетъ массы несовершеннаго металла въ золото.

— Но кому же удастся уловить самое *вещество*, служащее для этой проекціи? возразилъ ученикъ.

— Каждому, кто преслѣдуетъ свою цѣль съ истиннымъ убѣжденіемъ, каждому изъ насъ. Учители, до насъ обладавшіе великой тайной, оставили намъ столько намековъ, слѣдовъ и наводящихъ пред'ній...

— Другъ другу противорѣчащихъ, перебилъ юноша съ простодушною улыбкой. — Гоберъ доказываетъ, что *медицина третьяго разряда* есть вещество жидкое и нелетучее; а Парацельсъ описываетъ свой *философскій камень*, какъ вещество очень твердое, ярко-краснаго цвѣта, подобное рубину, и говоритъ, что оно.

прозрачно какъ кристалъ, гнется какъ смола, ломается какъ стекло, а истолченное въ порошокъ походитъ на шафранъ.

— Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Одно и то же вещество можетъ являться и въ жидкомъ и въ твердомъ видѣ. Вода посредствомъ охлажденія становится льдомъ, золото посредствомъ сильнѣйшаго нагрѣванія не становится ли жидкостію?... И самая степень совершенства не представляетъ ли той же разницы, которая находится между философскимъ камнемъ и красною тинктурою, малымъ элексиромъ и малымъ *мастерствомъ?* Эти разнородныя явленія суть не что иное, какъ разнородные пути, по которымъ стремится къ одной и той же цѣли герметическое искуство.

Помолчавъ немного и протянувъ руку, которая побагровѣла отъ рефлекціи угасающихъ лучей зари —

— Вотъ оно, сказалъ Гансъ Андроніусъ, какъ-бы стараясь удержать на ладони яркое отраженіе:—вотъ оно! Однакоже, видимое слѣдуетъ довести до осязательнаго, эѳирное до твердаго. Нынѣ уже извѣстно, что солнечный лучъ, проходя сквозь землю, твердѣетъ въ ней и становится золотомъ. Процесъ естественный, неподверженный, въ наше время, ни малѣйшему сомнѣнію; но онъ объяснится намъ, или посредствомъ долгаго, послѣдовательнаго изученія, или случайнымъ образомъ. Для перваго можетъ быть недостаточно трехвѣковой жизни; второе можетъ выпасть на долю неопытнаго младенца. Представь себѣ на земномъ шарѣ одну точку, которую тщетно отыскиваютъ мильйоны зрячихъ, и одинъ слѣпецъ попадаетъ на нее непроизвольно своею клюкою.

— Но это драгоцѣнное открытіе не разъ вводило людей въ страшные соблазны и преступленія! сказалъ съ чувствомъ юноша.—Напримѣръ, Николай Фламель, которому случайно досталась таинственная рукопись жида Авраамія, писанная на древесной корѣ. Слишкомъ двадцать лѣтъ провелъ онъ отшельникомъ и скитальцемъ, изучая всѣ языки міра, объѣзжая всѣ страны и тщетно добиваясь ключа для singulae litterae. Когда же, наконецъ, испанецъ въ Сан-Яго-де-Компостелло разрѣшилъ ему задачу, ка̀къ отблагодарилъ онъ его? Изъ зависти, и чтобъ быть одному обладателемъ тайны, онъ отравилъ его ядомъ... Ка̀къ воспользовался онъ открытымъ сокровищемъ? Мертвецомъ зарылся въ подземномъ затворѣ и, претворяя тайнымъ своимъ искуствомъ низкіе металлы въ золото, отправлялъ его въ Римъ, за очистительную буллу...

— Фламель злодѣй! прервалъ въ порывѣ страстнаго негодованія Андроніусъ.—Похитивъ рукопись Авраамія, завѣщанную единоплеменникамъ великаго мужа, онъ похитилъ наслѣдіе евреевъ, обокралъ все человѣчество, зарывъ тайну великаго искуства

вмѣстѣ съ собою въ могилу; сократилъ жизнь своихъ ближнихъ, потому что свойство философскаго камня не ограничивается превращеніемъ въ золото несовершенныхъ металловъ—оно исцѣляетъ всѣ недуги, продолжаетъ жизнь, совершенствуетъ самую природу... Николай Фламель иперболическій воръ! иперболическій убійца!...

Продолжая карать злодѣя Фламеля, Гансъ Андроніусъ, въ пылу краснорѣчія, шелъ вдоль рѣчки, не обращая вниманія на то, что полы его длинной одежды, которыя тащились за нимъ по болотистому прибрежью, мокли и грязнились.

— Domine! прервалъ его въ свою очередь юноша:—посмотри на свой паліумъ... Ай, Domine, достанется же намъ обоимъ отъ нашей старой воркуньи, Михалины!

Доминусъ Андроніусъ пріостановился, посмотрѣлъ на свой паліумъ, и, казалось, негодуя на глупыя загрязнившіяся полы его, направилъ стопы свои обратно къ дому.

Кабалистическая обстановка черепами, скелетами и чудовищными чучелами звѣрей, птицъ и пресмыкающихся, составляла неизбѣжную принадлежность лабораторіи алхимика того вѣка; но въ мастерской Ганса Андроніуса не было такого изобилія этихъ украшеній.

Въ домикѣ его, который раздѣлялся на жилые покои и рабочую избу, занималъ почетное мѣсто огромный очагъ.

Аламбики, реторты, шмельцъ, тигели и весь химическій апаратъ, въ безпорядкѣ разбросанный вокругъ, болѣе освѣщался брезжущимъ на этомъ очагѣ огнемъ, нежели дневнымъ свѣтомъ.

Лучъ солнца, который, въ извѣстный часъ дня, прокрадывался сквозь небольшое окно въ это пасмурное жилище, блуждалъ по полкамъ, уставленнымъ банками и пузырьками съ разными снадобьями, между которыми торчалъ, оскаливъ зубы, черепъ, или глобусъ, опоясанный яркимъ зодіакомъ. Въ ясные лѣтніе дни замѣтны были, кой-гдѣ, какіе-то знаки и надписи, которые расползлись по стѣнамъ, какъ насѣкомыя, перепутавшіяся головами, хвостами и лапами.

Чорный котъ, расхаживавшій тихой поступью по грудамъ рукописей, сваленныхъ на полу, не составлялъ, однакоже, атрибута чернокнижія. Это былъ баловень Михалины, старой служанки ученаго, единственный предметъ ея ласкъ и попеченій.

Похоронивъ, въ 1541 году, въ Зальцбургѣ, знаменитаго учителя и патрона своего, Ѳеофраста Парацельса, Гансъ Андроніусъ взвалилъ на плеча наслѣдованныя отъ него сокровища мудрости и отправился путешествовать. Исходивъ всю Германію, онъ пришелъ въ Польшу, въ намѣреніи пробраться чрезъ Московію

на Востокъ; но, остановившись на отдыхъ близь одного городишка, Гансъ Андроніусъ вздумалъ сдѣлать опытъ какой-то химической *проекціи*. Опытъ за опытомъ, и испытатель, зарывшись въ занятіяхъ и разработкѣ сокровищъ науки, не замѣчалъ времени и не трогался съ мѣста.

Михалина поступила въ услуженіе Ганса вмѣстѣ съ домомъ, пріобрѣтеннымъ имъ отъ хозяина, который, не зная, какъ выжить поселившагося въ немъ чернокнижника, рѣшился отступиться отъ этой собственности за-дешево.

Въ началѣ своего поприща Михалина состояла на положеніи служанки, исправлявшей всѣ обязанности домоводства; но, пріобрѣтая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе вліянія, она нечувствительно забрала въ свое владѣніе нетолько все хозяйство Ганса Андроніуса, но простерла опеку свою даже на его личность, не встрѣчая никогда и ни въ чемъ ни малѣйшихъ противорѣчій со стороны мудреца, безпечнаго ко всему, что̀ не касалось его занятій.

За нѣсколько лѣтъ передъ описываемымъ временемъ, въ одно памятное для Михалины утро, съ евреями, доставлявшими Гансу письма отъ разныхъ ученыхъ, имѣвшихъ съ нимъ постоянныя сношенія, пріѣхалъ какой-то иностранецъ, привезъ съ собою миловиднаго бѣлокураго мальчика, и отдалъ его въ обученіе адепту науки-наукъ.

Господынѣ видимо не понравилась эта прибыль въ домѣ. Съ тѣхъ поръ, угрюмый отъ природы нравъ ея сдѣлался еще угрюмѣе; завистливая ревность змѣею сосала ея сердце при видѣ проявляющейся въ старикѣ привязанности къ ребёнку.

Смышлёный мальчикъ, въ часы занятій, казалось, мужалъ въ понятіяхъ, воспринимая каждое слово учителя. Въ часы отдыха, старикъ, въ свою очередь, какъ будто впадалъ въ ребячество, находилъ неизъяснимое удовольствіе слушать лепетъ ребёнка, забавляться его забавами и испытывать невѣдомую еще жизнь сердца.

Привязанность мальчика къ учителю была чистая, естественная привязанность ребёнка къ человѣку, который занимается имъ съ любовью; чувство же стараго Ганса брало начало свое несравненно глубже. Онъ видѣлъ въ ученикѣ своего послѣдователя, свое безсмертіе; на него возлагалъ онъ драгоцѣннѣйшія упованія, ему завѣщевалъ сокровища своихъ познаній.

Нѣсколько счастливыхъ лѣтъ, безоблачныхъ, какъ небо яснаго лѣтняго дня, пронеслись невидимо для Ганса въ товариществѣ съ молодымъ другомъ, который вступалъ теперь въ тотъ

возрастъ, когда сердце предчувствуетъ тревоги обуревающей юности.

Его помыслы, блуждавшіе неопредѣленно, стали сосредоточиваться, раздумье стало посѣщать его въ минуты уединенія; невѣдомый доселѣ трепетъ пробѣгалъ по нервамъ, воспоминанія дѣтства воскресали въ памяти, и душа искала связи прошедшаго съ настоящимъ.

Съ нѣкотораго времени, мысль его чаще и отраднѣе останавливалась на воспоминаніи одной счастливой минуты дѣтства. Сердце его билось и кровь бросалась въ лицо юноши, когда пытливый взоръ учителя ловилъ его въ этой задумчивости.

«Какъ желалъ бы я знать, помнитъ ли меня она?» мысленно повторялъ юноша, и воображеніе его рисовало облитое горячимъ румянцемъ личико, и жгучій взоръ черныхъ глазокъ Каси.

— О чемъ такъ задумался? скучно тебѣ, дитя мое? иногда спрашивалъ его съ участіемъ старикъ Гансъ: — ну, пойдемъ на *кіермашъ*, посмотримъ, какъ хлопцы пляшутъ краковяка.

— Не хочется, domine.

— Ну, такъ пойдемъ, подшутимъ надъ Михалиной, предлагалъ Андроніусъ, желая развлечь юношу, какъ скучающее дитя: — пойдемъ запремъ кота въ *камдру*, пусть онъ тамъ похозяйничаетъ, покуда господыня ходитъ по базару.

— Нѣтъ, domine, я займусь провѣркой опыта по *тестаменту* Раймунда Люлли, отвѣчалъ юноша, принимаясь за апаратъ. Химическія занятія были для его чувствъ успокоительнѣе прогулокъ и разсѣянія.

Возвратясь въ упомянутый нами вечеръ домой, Гансъ Андроніусъ и ученикъ его долго работали около очага, подъ звукъ веретена и неумолкаемой воркотни Михалины, которая, пользуясь свѣтомъ двухрожковой лампады, освѣщавшей лабораторію, сидѣла тутъ же за прялкой.

Она бормотала сквозь зубы, то заговаривая съ котомъ, лежавшимъ у ногъ ея, то соображая въ слухъ свои хозяйственные разсчеты, то негодуя на занятія алхимиковъ.

— Тихо! ты, кудлатый! развозился на ночь глядя, говорила она коту, гладя его противъ шерсти: —весь крещеный міръ ужь выспался, куръ ужь третій разъ пропѣлъ, а мы съ тобой еще и не ложились. Бѣдная моя головка, до свѣту промаешься, а со свѣтомъ вставай, чтобъ поспѣть до мѣста, къ торгу... а на базарѣ ни къ чему нѣтъ приступа... идетъ голодный часъ, скоро волкъ волка грызть будетъ, а намъ все ничего, знаемъ только день и ночь роемся въ угляхъ, какъ въ пеклѣ дьяблы, варимъ *псю-юху!*... Не проучила бѣда, въ позапрошлое лѣто, какъ ро-

зорвало трубу, и чуть хата сквозь землю не провалилась... Ужь дождешься ты лихой годины, колдовская химера!...

Злыя предреканія Михалины проходили, однакоже, мимо ушей ея слушателей. Герметики дѣлали свое дѣло, занимаясь приготовленіемъ важнаго эксперимента, для котораго выжидалось только удобное время въ отношеніи атмосферныхъ явленій, способствующихъ процесу.

— А что, на небѣ ясно? спрашивалъ ежедневно Андроніусъ, просыпаясь, приподымая лысую голову свою и всматриваясь въ окно.

— Нѣтъ, неясно, пасмурно, туманно, облака нависли, отвѣчалъ ученикъ, протирая стекло окна и смотря на погоду.

— Видно, нынѣшнее полнолуніе пройдетъ опять попустому! вздыхая говорилъ старикъ.

— А, можетъ быть, прояснѣетъ.

— Можетъ быть! повторялъ съ грустію Андроніусъ, вставая и въ сотый разъ пересматривая составленный имъ проектъ новаго препарата, дѣйствіе котораго, въ пріемѣ *величиною въ бобъ*, алхимикъ намѣревался испытать на собственномъ своемъ желудкѣ.

— Не лучше ли испытать его предварительно на желудкѣ чернаго друга Михалины? предостерегалъ молодой послѣдователь Ганса.

Но такого рода предостереженія сердили ученаго: они, казалось ему, высказывали недовѣріе къ его искуству.

— Истратить цѣлый драгоцѣнный пріемъ *великой панацеи*, которая можетъ возстановить силы и здоровье человѣка, въ пользу старой кошки! сказалъ онъ:—или къ положеніямъ священной науки нельзя имѣть бо̀льшаго довѣрія, нежели къ составамъ, которыми травятъ крысъ? ворчалъ старикъ, роясь въ своихъ рецептахъ.

XI.

Несмотря на позднюю осень, солнце взошло, наконецъ, въ одно утро блистательно, какъ будто нарядившись во всѣ лучи на прощанье съ лучшимъ временемъ года.

Учитель и ученикъ встали съ разсвѣтомъ; съ этимъ разсвѣтомъ для Андроніуса, какъ для жениха, наставалъ день давно желаннаго союза. Въ этотъ день разрѣшалась для мудреца тайна, которой жаждала душа его полвѣка.

Астрономическія наблюденія возвѣстили Гансу, что планеты пришли наконецъ въ то положеніе, при которомъ дѣйствіе хи-

мическихъ силъ должно было исполниться съ ожидаемымъ успѣхомъ. Состояніе атмосферы было самое благопріятное, и слѣдовательно не было уже никакого препятствія къ тому, чтобъ приступить къ давно обдуманному и сполна приготовленному плану.

Гансъ Андроніусъ былъ веселъ. Сердце его трепетало отъ сладостнаго ожиданія. Окончивъ послѣднее распоряженіе, какъ-бы сбираясь съ духомъ и готовясь привести всѣ чувства въ спокойное состояніе, онъ сѣлъ на старое кресло и, посадивъ возлѣ себя ученика, сталъ объяснять ему свое опредѣленіе.

— Прочти эту древнюю надпись, сказалъ Андроніусъ, подавая ему ветхій свитокъ, украшенный по всѣмъ пробѣламъ изображеніями планетъ, людей, животныхъ и различныхъ условныхъ знаковъ магіи.

Ученикъ читалъ слѣдующее:

«Я состою изъ девяти буквъ,
Изъ четырехъ слоговъ.
Пойми меня!
Первый слогъ состоитъ изъ трехъ буквъ,
Три послѣдніе изъ двухъ.
Пойми меня!»

— Какой знакъ поставленъ подъ этой надписью? спросилъ Андроніусъ.

— Знакъ Меркурія.

— Mercurius. Изъ сколькихъ буквъ состоитъ это слово?

— Изъ девяти.

— Повѣрь сказанное о числѣ слоговъ.

— Сказанное вѣрно.

— Читай далѣе.

— Далѣе ничего не написано.

— Но какіе знаки находятся по обѣимъ сторонамъ планеты Меркурія?

— Знаки солнца, земли и луны.

— Довольно! сказалъ ученый, и глаза его сверкнули.—Когда Меркурій стоитъ на одной линіи между землею и солнцемъ, когда золотой лучъ, проходя сквозь орбиту земли и орбиту Меркурія, теряется въ сліяніи съ серебрянымъ лучомъ луны, тогда жидкій металлъ, носящій имя планеты, сосредоточиваетъ въ себѣ это сліяніе. Смотри, продолжалъ Андроніусъ, взявъ пергаментъ изъ рукъ юноши:—вотъ фигура лежащаго человѣка съ сосудомъ въ рукѣ; она изображаетъ смерть Сократа; вотъ мелколиственная вѣточка цикуты, подъ которой начертано слово *мудрость*; она значитъ то, что ядъ, при извѣстномъ условіи, теряетъ свою силу и слѣдовательно болѣзнь, тотъ же ядъ, разрушающій орга-

низмъ человѣка и причиняющій хилость тѣла его, теряетъ свою силу отъ равносильнаго яда, не иначе, какъ при сказанномъ условіи.

— При какомъ же это условіи, domine? спросилъ юноша, тщетно усиливаясь слѣдить за сложными положеніями Ганса.

— Условіе находится въ сліяніи Меркурія съ животворящимъ лучомъ солнца и магнитическимъ лучомъ луны. Жизнь, возбужденная этимъ токомъ сліянныхъ лучей, получаетъ такое благотворное свойство, что побѣждаетъ и переработываетъ всякую разрушительную силу.

Говоря такимъ образомъ, учитель смотрѣлъ на ученика своего съ видомъ такого торжества, какое могъ сознавать только алхимикъ, открывшій тайну философскаго камня; но молодой человѣкъ, или еще неготовый къ разумѣнію великаго открытія, или одаренный слишкомъ здравымъ смысломъ, смотрѣлъ на него вопросительно и съ недоумѣніемъ.

— Ну, что же? спросилъ Гансъ, удивляясь этому молчанію.

— Ничего, отвѣчалъ юноша, ни сколько не понимая вопроса.

— Какъ ничего? спросилъ снова старикъ, не вѣря ушамъ своимъ, потому что сказанное имъ о лучахъ солнца и мѣсяца казалось ему вѣнцомъ человѣческой мудрости, истиной, которая должна быть яснѣе яснаго дня.—Какъ ничего? повторилъ онъ.

— Ничего, domine; я ровно ничего не понялъ.

Этотъ откровенный отвѣтъ затронулъ самолюбіе Ганса. Онъ не ожидалъ такого обиднаго невниманія, такого невѣжественнаго равнодушія, въ такую торжественную, великую минуту, и отъ кого же? отъ того, кому довѣрялъ драгоцѣннѣйшее знаніе, плодъ вѣковыхъ трудовъ.

«Неужели онъ такъ безсмысленъ?» подумалъ старикъ, въ сокрушеніи сердца. «Неужели ошибся я, принимая вспышки его живаго воображенія за проблески свѣтлаго и глубокаго ума?»

Гансъ грустно покачалъ головой и, не вымолвивъ болѣе ни слова, отвернулся и, противъ обыкновенія, принялся одинъ за дѣло.

Напрасно заговаривалъ съ нимъ юноша, который въ простотѣ чистаго сердца не понималъ причины внезапнаго негодованія учителя. Напрасно порывался онъ принять какое нибудь участіе въ работѣ старика, предлагая ему свою помощь—онъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать его услугъ.

— Domine, что́ думаешь ты о лампадѣ Кассіодора, которая горѣла безъ масла и свѣтильни? спросилъ онъ, пытая завести разговоръ.

Но dominus хранилъ упорное молчаніе.

— Domine, продолжалъ юноша, желая затронуть чувствитель-

ныя струны учителя:—молотъ Зехіиля есть мечта, сказка, придуманная врагами науки... Зехіиль утверждалъ, что произнося условное заклинаніе и ударяя по желѣзному гвоздю, онъ извлечетъ изъ него искры, сила которыхъ могла дѣйствовать на самые отдаленные предметы.

Гансъ Андроніусъ былъ врагъ всякаго шарлатанства и жестоко преслѣдовалъ его. Въ иное время стоило навести его на этотъ предметъ, и старикъ воспламенялся и говорилъ безъ умолку. Но на этотъ разъ уловка молодого человѣка осталась втунѣ: Гансъ не удостоилъ его простымъ отвѣтомъ.

Въ свою очередь огорчился и юноша; онъ впервые переносилъ тоску непонятнаго и незаслуженнаго гнѣва отъ человѣка, къ добротѣ и ласковому обращенію котораго привыкъ. Несправедливость оскорбила его. Онъ желалъ бы въ эту минуту сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ обладателемъ секрета, превращающаго въ золото всевозможные несовершенные металлы и проекціи всѣхъ возможныхъ разрядовъ; желалъ этого для того единственно, чтобы сказать учителю: «видишь, я достоинъ быть твоимъ ученикомъ; перестань же на меня сердиться, перестань смотрѣть такъ угрюмо и молчать такъ мучительно!»

Въ этомъ положеніи прошло все утро; ни Гансъ, ни ученикъ его не вспомнили о завтракѣ, что̀ крайне изумило Михалину. Она замѣтила хмару, которая обложила дружескія отношенія сотрудниковъ, и сердце ея взыграло.

— Старый гнѣвается на него, говорила она сама съ собою:—по дѣломъ! давно бы такъ! давно пора проучить молокососа! А то ужь не путемъ зазнался. Еще не родился, а ужь крестился. Постой, *дўдекъ долгій чўбекъ*, придетъ и мой праздникъ!

Во время обѣда Михалина ухаживала за старикомъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ; по два и по три раза подчивала его тѣмъ же блюдомъ, причемъ ловко обносила ученика; но ни тотъ, ни другой не замѣчали ея продѣлокъ—обоимъ было не до ѣды.

Гансу было точно такъ же тяжело сердиться на юнаго друга своего, какъ и ему сносить его сердце. Сквозь синій паръ, клубившійся надъ жаровней, сквозь стеклянную маску, которую надѣвалъ старикъ, наклоняясь надъ ядовитыми испареніями своихъ микстуръ, онъ видѣлъ сидящаго въ отдаленіи юношу; а тотъ сколько ни углублялся въ посторонні мысли, непріятное чувство смущало думы его.

Непривычная борьба, которую поднялъ разсудокъ Ганса съ его сердцемъ, а самолюбіе съ дорогою привязанностію, сбили наконецъ старика съ толку; раздраженные нервы его пришли въ такое состояніе, что исходъ былъ неизбѣженъ, и къ вечеру на-

копившаяся туча разразилась бурей, вмѣстѣ съ взрывомъ маленькаго сосудца, въ которомъ Гансъ по разсѣянности оставилъ пробку.

— Видишь, domine, ты оттолкнулъ меня отъ работы, а самъ позабылъ откупорить стклянку. Ты всегда что-нибудь да позабудешь, сказалъ юноша, который не обдумывалъ и не взвѣшивалъ рѣчей своихъ съ добрымъ Гансомъ, и радъ былъ придраться къ случаю и высказать свое огорченіе; но на этотъ разъ учитель принялъ слова его страннымъ образомъ:

— Да, да, конечно, точно такъ! я всегда что нибудь позабуду! я старый безумецъ, сумасбродъ, къ которому надо приставить няньку, наставника, опекуна! заговорилъ старикъ съ непроизвольнымъ судорожнымъ содроганіемъ.

— Что̀ съ тобою, domine? съ чего ты это взялъ? за что ты такъ озлился? что̀ ты говоришь такое?

— Говорю то, что̀ долженъ говорить дуракъ, который не можетъ обойтись безъ такого мудреца, какъ ты. Да, да, я не могу обойтись безъ тебя, какъ безъ правой руки .. какъ безъ головы... Ты голова моя, которую я долженъ посадить себѣ на плеча. Безъ этой головы я не могу обойтись... не могу жить на свѣтѣ!

— Domine! произнесъ робко укоризненнымъ голосомъ юноша.

— Вотъ какого благодѣтеля послала мнѣ судьба! продолжалъ Андроніусъ, вскочивъ со стула и ходя быстрыми шагами изъ угла въ уголъ.—Вотъ какого змѣеныша согрѣвалъ я у сердца!

— Что̀ это значитъ? перебилъ молодой человѣкъ, взглянувъ на учителя такимъ взглядомъ, отъ котораго можно было опомниться и придти въ себя; но Андроніусъ не замѣтилъ этого взгляда: онъ былъ ослѣпленъ приливомъ крови къ головѣ и бредилъ на яву.

— Что̀ это значитъ? ты приказываешь объяснить тебѣ, что это значитъ?... Это значитъ то, что я не вѣдаю самъ, что̀ говорю, не знаю самъ, что́ дѣлаю и чего добиваюсь, что всѣ мои труды могутъ служить только для доказательства моего сумасбродства. Вотъ что̀ это значитъ!

— Domine, произнесъ юноша съ горестнымъ чувствомъ опасенія за разсудокъ старца:—говорилъ ли я, думалъ ли я...

— А! ты ничего не говорилъ, ничего не думалъ? Такъ кто же изъ насъ думаетъ и говоритъ? Кто говоритъ о сліяніи золотого луча солнца, проходящаго сквозь орбиту Меркурія и орбиту земли съ серебрянымъ лучомъ мѣсяца, въ металлѣ, носящемъ имя планеты? Кто говоритъ объ этомъ важномъ, до сихъ поръ никому неизвѣстномъ процесѣ? Кто говоритъ о немъ? Кто сдѣ-

лалъ это важнѣйшее въ мірѣ открытіе? Я спрашиваю тебя, кто его сдѣлалъ?

— Помилуй, domine, кто оспориваетъ у тебя твое открытіе?

— Кто оспориваетъ у меня мое открытіе? ты хочешь знать, кто его оспориваетъ?... Оспориваетъ его тотъ, кто коварно, изподтишка слѣдилъ впродолженіе столькихъ лѣтъ за моими дѣйствіями, за моими трудами, съ предательской, злодѣйской цѣлью завладѣть моей тайной, присвоить ее себѣ!...

— Перестань, domine, умолкни! вскрикнулъ обвиняемый, которому внезапно сообщилось раздраженіе Ганса.

Онъ вышелъ вонъ изъ комнаты, хлопнувъ за собою дверью, не въ силахъ будучи сносить долѣе эти безумные укоры.

— Онъ не въ своемъ умѣ! За что сердится онъ на меня? Что̀ сдѣлалъ я ему? Что̀ такое говоритъ онъ о моей неблагодарности, о моемъ намѣреніи завладѣть его славой?.. Что̀ съ нимъ сдѣлалось?— недоумѣвая спрашивалъ самъ себя взволнованный юноша.

Выбѣжавъ изъ дому, онъ торопливо шелъ по тропинкѣ, по которой привычка вела его къ берегу рѣки, гдѣ часто отдыхалъ онъ отъ занятій и любилъ предаваться своимъ мечтамъ; но теперь мечты его разлетѣлись, какъ испуганное стадо птицъ.

Горько сжималось его сердце; какъ дитя заплакалъ онъ, изливая слезами горе, и далеко была родная мать этого дитяти! Но другая мать, не менѣе родная, пришла утѣшить его — мать природа, съ беззаботной, ничѣмъ неодолимой и вопреки всему счастливой юностью.

Онъ вздохнулъ, припалъ на землю и безсознательно смотрѣлъ въ глубину неба, какъ будто впивая въ себя изъ недозримаго пространства успокоеніе взволнованнымъ чувствамъ.

Солнце закатилось, проницательный туманъ разостлался по долинѣ, и поздно уже юноша возвратился домой и бросился въ постель, не заглянувъ въ лабораторію учителя, который работалъ до глубокой ночи.

XII.

На разсвѣтѣ юноша проснулся внезапно отъ прикосновенія ледяной костлявой руки, которая будила его.

— Domine, что̀ съ тобой?—въ ужасѣ вскрикнулъ онъ, видя передъ собою Ганса, въ чертахъ котораго произошла страшная перемѣна:—что̀ съ тобой, добрый другъ мой?

— Встань и подп ко мнѣ, сказалъ Гансъ слабымъ, едва внятнымъ, голосомъ и, дотащась съ трудомъ до постели своей, упалъ на нее безъ чувствъ.

— Что̀ съ нимъ сдѣлалось? Боже мой! повторялъ юноша.— Онъ боленъ! страшно боленъ! какъ помочь ему? И юноша хотѣлъ уже бѣжать искать лекаря.

Но Гансъ, который лежалъ нѣсколько секундъ съ закрытыми глазами, протянувшись какъ мертвецъ, открылъ ихъ снова.

— Поди сюда, сказалъ онъ, взглянувъ на ученика:—мнѣ надо сказать тебѣ многое, а минуты дороги.

— Успокойся, domine, ты работаешь слишкомъ много, проводишь безъ сна цѣлыя ночи; ты разстроилъ себя; отдохни; все пройдетъ.

Гансъ отрицательно покачалъ головою и, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Нѣтъ... я умираю.

— Неправда, неправда, domine! не терзай меня! Зачѣмъ вообразилъ ты себѣ Богъ знаетъ что? — вскрикнулъ юноша, едва удерживаясь отъ слезъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Я долженъ умереть, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Андроніусъ твердымъ голосомъ:—долженъ умереть отъ ошибки своей. Я пропустилъ срокъ: животворящій лучъ потерялъ силу, и ядъ превозмогъ его... Вотъ онъ, пріемъ, величиною въ бобъ: я чувствую его въ желудкѣ, какъ горячій уголь; а кровь постепенно стынетъ въ жилахъ.—Противъ этого яда не существуетъ въ мірѣ никакого противоядія, никакого спасительнаго средства... Я долженъ умереть.

— Domine, что́ ты надѣлалъ? вскричалъ зарыдавъ юноша.

— Не плачь! строго сказалъ старикъ:—теперь не время рыдать надо мной, какъ надъ трупомъ. Теперь минуты дороги... Подай мнѣ связку бумагъ, завернутыхъ въ платокъ; она лежитъ тамъ, въ углу скрыны.

Юноша ничего не видѣлъ сквозь струи текущихъ слезъ, и съ трудомъ могъ исполнить приказаніе старца.

— Вотъ, здѣсь все, что̀ принадлежитъ тебѣ, милый другъ мой, сказалъ Андроніусъ, развязывая узелъ. — До сихъ поръ я не могъ говорить съ тобою о томъ, что̀ относится до твоего рожденія... Это должно было оставаться тайной до извѣстнаго времени... тайной и для тебя... но теперь... Не воля нарушаетъ мой обѣтъ... Вотъ «дневникъ» отца твоего; изъ него ты узнаешь все, что̀ тебѣ знать слѣдуетъ. Вотъ письма твоей матери... Причина, по которой ты находишься здѣсь, мнѣ неизвѣстна. Я зналъ только то, что передъ тобой, можетъ быть, откроется современемъ великая будущность, и ты займешь высокое мѣсто въ свѣтѣ... Но, во всякомъ случаѣ, сокровище твое въ наукѣ...

— Ненужна мнѣ эта высокая будущность! прервалъ юноша,

цалуя холодныя руки учителя. — Пусть судьба сохранитъ мнѣ только тебя! Выздоравливай, domine, и будемъ жить попрежнему!

Андроніусъ поблагодарилъ его улыбкой, и въ то же мгновеніе скатилась съ рѣсницы его слеза.

— Прошлаго не воротишь! сказалъ онъ: — я умираю, и умираю спокойно, съ чистой совѣстію: я свято исполнилъ долгъ мой передъ тобою... Я передалъ тебѣ знанія, которыя выше всѣхъ знаній человѣческихъ... Я оставляю тебѣ не вполнѣ еще разработанныя сокровища, но сокровища, которыя современемъ доставятъ тебѣ несметное богатство, вознесутъ тебя собственнымъ твоимъ достоинствомъ на высоту безсмертія... И помни, помни мое послѣднее завѣщаніе! продолжалъ учитель, увлекаясь послѣднимъ порывомъ чувствъ къ своей ипотезѣ.—Помни о сліяніи золотого луча солнца съ серебрянымъ лучомъ мѣсяца въ жидкомъ металлѣ, носящемъ имя планеты. Препаратъ, который совершенствуется въ этомъ металлѣ, достигаетъ до *великой панацеи*... Соломонъ Трисмозинъ, посвященный знаменитымъ Парацельсомъ въ тайну, въ глубокой старости принялъ одинъ гранъ этого препарата и внезапно помолодѣлъ... морщины исчезли, лицо покрылось живымъ румянцемъ, бремя лѣтъ спало съ плечъ его...

При этихъ словахъ старецъ провелъ рукой по морщинамъ высокаго чела своего и по впалымъ, блѣднымъ щекамъ. Разслабленный, онъ какъ будто старался распрямить станъ свой, и, чувствуя уже въ нѣдрахъ страшное опроверженіе своихъ словъ, не переставалъ въ нихъ вѣрить.

— Во время дѣйствія этого великаго элексира, продолжалъ онъ:—человѣку кажется, что онъ не человѣкъ, а духъ безплотный... что онъ въ раю, вкушаетъ плодъ отъ древа жизни... Душа его, въ безпечномъ блаженномъ состояніи, не заботится о завтрашнемъ днѣ, но предоставляетъ Богу заботиться о судьбѣ своей... Это подтверждаетъ и Синезій въ коментаріяхъ на ложнаго Демократа. Онъ говоритъ: если въ точности исполнишь мое завѣщаніе, то достигнешь высочайшаго блаженства и доживешь до конца міра... Исполнить въ точности!—вотъ главное... Но нелегко соблюсти всѣ условія! Положеніе свѣтилъ небесныхъ, состояніе температуры, гармонія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, качества, свойства, вѣсъ, мѣра и время...

Глубокій вздохъ прервалъ слова Ганса при мысли, что онъ погрѣшилъ противъ времени, пропустивъ положенный срокъ.

— Мнѣ холодно, произнесъ онъ страдальческимъ голосомъ, начиная чувствовать сильное дѣйствіе яда.

Юноша накинулъ на него теплую одежду, сѣлъ у ногъ его съ скорбной душою и не спускалъ глазъ съ умирающаго учителя. Онъ силился согрѣть горячими ладонями холодѣющія ноги его; но глаза Ганса видимо помутились, и только губы его, шевелясь, шептали еще чуть слышно: «Парацельсъ, Раймундъ Луллъ, Меркурій... лучъ солнца, лучъ мѣсяца...» но, наконецъ, стихли и онъ впалъ въ совершенную безчувственность.

Громкія рыданія молодого друга его разбудили Михалину, которая второпяхъ вбѣжала въ комнату.

— Мати Божія! вскричала она, всплеснувъ руками: — умеръ человѣкъ, а кто знаетъ, какой онъ былъ вѣры! До костела не ходилъ, въ пана-Бога не вѣровалъ!... Уховай, Боже, отъ такой смерти! голосила она, бросаясь изъ угла въ уголъ и прибирая все, что̀ попадалось подъ руку.

— Онъ живъ! онъ не умеръ! вскрикнулъ радостно, сквозь слезы, юноша, который, приложивъ руку къ сердцу Ганса, ощутилъ слабое его біеніе. — Бѣги, Михалина, позови лекаря; можетъ быть, онъ поможетъ ему!...

— Лекаря? гдѣ жь таки у насъ тутъ искать лекаря? не въ городъ же бѣжать за нимъ!

— Позови хоть жида Соломона!

— Соломонъ уѣхалъ въ Варшаву за товаромъ.

— Бѣги, зови хоть кого нибудь—знахаря или знахарку! бѣги скорѣй, ради-бога!

— Какую знахарку? какого знахаря? одинъ клеха костельный знаетъ зелье отъ огневицы.

— Ну, бѣги, зови хоть клеху!

Повинуясь непроизвольно силѣ убѣжденія, которая звучала въ голосѣ юноши, Михалина сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, но вдругъ остановилась. Мысль, не выживаетъ ли ее панычъ изъ дому, чтобъ въ ея отсутствіе завладѣть добромъ Ганса, ужаснула ее.

— Ступай самъ куда знаешь! сказала она рѣшительно, и, возвратясь, сѣла у кровати больного:—«не поможетъ ворону мыло, а мертвому кадило!» ворчала она во слѣдъ юноши, который бросился вонъ и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся въ сопровожденіи старенькаго *сакристина* довольно грязной наружности.

Красный носъ его и пухлое лицо не внушали большаго довѣрія къ его медицинскому искуству; но, несмотря на то, въ его шутовской осанкѣ и въ некрасивомъ лицѣ проглядывало добродушіе и простосердечная увѣренность въ знаніи своего дѣла.

Онъ подошелъ къ больному, подергалъ его сперва за руку, потомъ за носъ, потомъ дунулъ на него изо всей мо̀чи, причемъ

распространился въ комнатѣ такой сильный спиртуозный запахъ, что Михалина плюнула, проворчавъ что-то сквозь зубы, а больной очнулся.

Гансъ открылъ глаза, и радостный юноша кинулся къ нему со слезами.

— Живи, domine, не умирай! вскричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.

Послѣднее энергическое усиліе жизни проявилось въ лицѣ Андроніуса. Оно озарило его чуднымъ свѣтомъ предсмертнаго ясновидѣнія. Во взорѣ его просіяло кроткое выраженіе праведника.

— Боже вѣчный! сказалъ онъ:—источникъ жизни и безсмертія хлынулъ въ душу мою сладкою струею! Печали, горе, старость, смерть, исчезла сила ваша! Великая, святая тайна открыта предо мною!...

И, поблѣднѣвъ, онъ упалъ навзничь на подушку.

— In manus tuas commendo spiritum meum; redimisti me, Domine, Deus veritatis! произнесъ, крестясь, клеха и началъ читать отходную.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть I.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
29	2	Витивтъ	Витовтъ.
52	3	по испански	по италіански
53	13	корты	карты.
54	6	палатахъ	палацахъ
64	24	шмельцъ, тигели	Шмельцъ-тигели

I.

По смерти Ганса, Михалина, не справляясь съ литовскимъ статутомъ *о тестаментахъ*, объявила себя законною наслѣдницею всего *рухòмаго* и *нерухòмаго* достоянія покойнаго. Не призывая къ тому ни *каплàна*, ни иныхъ *свéтковъ*, ни *людей вѣры годныхъ*, она все забрала въ свое распоряженіе, и ни одна душа не вошла съ нею въ споръ, потому-что никому не было охоты касаться этого вертепа чернокнижія и входить въ сношенія съ темной силой, съ которой, по мнѣнію жителей *мѣстечка*, водился покойный.

Такимъ образомъ, лишь только бренные останки алхимика покинули кровъ его, старая господы̀ня водворилась уже подъ этимъ кровомъ полною хозяйкою, и тотчасъ же стала выживать ненавистнаго *у̀чня*.

Юноша долго не замѣчалъ ея коварныхъ продѣлокъ; имъ овладѣли другія заботы: бумаги и письма, врученныя ему учителемъ, напомнили ему о его происхожденіи и подняли въ душѣ его страшную тревогу.

Воспитаніе у мудреца-отшельника не приготовило Густава къ тому поприщу, къ которому прочили юношу дѣйствующіе за него самовластно люди; а ипотезы хаотической науки наэлектризовали его соблазномъ успѣховъ и славы, совершенно противоположнымъ соблазнамъ власти.

Послѣднія слова умирающаго Ганса еще звучали въ ушахъ его. Завѣщаніе учителя въ смертный часъ было для него священнымъ глаголомъ, который слышался ему изъ горняго міра.

— Я не обману твоихъ ожиданій, восклицалъ онъ въ душѣ своей: — не промѣняю нашей мудрости на корону!... Я уже не принцъ крови, я жрецъ науки, которая зоветъ меня къ служенію!...

Перебирая рукописи старца, онъ нашелъ нѣсколько писемъ отъ знаменитостей того времени. Изъ этихъ свѣтилъ науки составилось въ его воображеніи какое-то лучезарное собирательное солнце, которое освѣщаетъ и согрѣваетъ все, къ нему приближающееся, и юношу влекло желаніе видѣть этихъ людей и заимствоваться ихъ опытомъ.

Онъ просиживалъ въ раздумьи цѣлые часы, не произнося ни одного слова; на лицѣ его выражалось сильное волненіе духа; одежда его и волосы были въ безпорядкѣ, и безсознательно смотрѣлъ онъ на угасшій очагъ, изъ котораго Михалина выгребала накопившуюся золу.

— Съ этой работой и въ недѣлю не справишься, говорила она вслухъ сама съ собою: — а мое дѣло безпомощное, одинокое, пришла пора кормиться впроголодь.

— Мы еще не обѣдали сегодня? спросилъ Густавъ, которому слова Михалины напомнили, что онъ голоденъ.

— Было бы что̀ обѣдать!... Далъ Богъ зубы съ чревомъ, да не далъ сыру съ хлѣбомъ, проворчала старуха.

— Дай мнѣ чего нибудь ѣсть! нетерпѣливо проговорилъ Густавъ.

— Лихая *болѣзть*, когда хочется ѣсть; да гдѣ взять?

— А гдѣ же прежде брали?

— Гдѣ прежде брали? Былъ хозяинъ, было и хозяйство; а теперь мое дѣло горькое, сиротское! — и Михалина вздохнула громко и отерла передникомъ сухіе глаза.

— Дай мнѣ хоть кусокъ хлѣба; вѣдь сама ты ѣла же что-нибудь сегодня.

— Ѣла! сама ѣла! еще упрекать вздумалъ! Ѣла свое, а не чужое.

— Дай мнѣ хлѣба, слышишь! крикнулъ юноша.

— Слышу, какъ не слышать; да *у хлѣба есть рòги, а у нужды ноги.*

Густавъ вскочилъ съ мѣста, кровь бросилась ему въ лицо; онъ бы смялъ въ комокъ и затопталъ ногами старую скрягу, но рыцарское сердце его воспротивилось такому поступку. Онъ снова опустился въ кресло и подавилъ свое негодованіе; однако Михалина не оставила его въ покоѣ.

— А вотъ я вымету весь этотъ поганый соръ, да выкину на *гной* всю бѣсовщину, всѣхъ дохлыхъ чучелъ, да мертвыя кости; продамъ хату и пойду на свою сторону, вѣкъ доживать съ родными — говорила она, сгребая въ кучу всѣ утвари алхиміи и всѣ ея отвратительныя украшенія.

— Не тронь бумагъ моихъ! въ ужасѣ вскрикнулъ Густавъ, видя, что старуха добирается до ветхой библіотеки Ганса. Онъ вырвалъ изъ рукъ ея кипу листовъ и свитковъ.

— Бери, бери, покуда цѣлы! Забирай свой смердячій хламъ, да и ступай себѣ самъ восвояси. Вѣдь, чай, и у тебя есть же гдѣ-нибудь родина и родные, или ты вырвался, какъ *Филиппъ изъ конопли*?

— Пойду! сказалъ раздраженный Густавъ, вставая съ мѣста.

— Съ Богомъ, давно пора! пробормотала Михалина, очень довольная этой рѣшимостью.

— Давно, давно пора! повторилъ юноша, который внезапно, какъ птенецъ, почуялъ крылья и рванулся на просторъ.

Опытъ не всегда пріобрѣтается постепенно съ лѣтами. Бываютъ роковыя мгновенія въ жизни человѣка, и въ эти мгновенія онъ вдругъ мужаетъ и старѣетъ.

Видя благія его намѣренія, Михалина смягчилась, принесла миску гороховой похлебки и сунула ее на столъ.

— Ѣшь! сказала она: — и больше ничего не спрашивай. Настали *сухіе дни*, и варить больше ничего не буду! И усѣвшись за прялку, жужжа веретеномъ, она думала себѣ, ухмыляясь: «останусь одна, все запру, все припрячу. Запру *спижарню*, запру покои, лягу на печи и буду лежать сама себѣ пани. Вѣкъ не съѣмъ того хлѣба, что накопила въ коморѣ. Приберу и свои кровные пенязи, сложу ихъ въ горнушекъ, замажу глиной, зарою въ подпольѣ, и буду стеречь скарбъ свой; никому не дамъ, никого не пущу къ себѣ въ хату: въ ней все мое родное до остатной крохи!»

И старое лицо Михалины осклабилось невыразимымъ удовольствіемъ.

Герой нашъ не заставилъ ее долго дожидаться желанной минуты; онъ пересчиталъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ въ кошелькѣ своемъ, связалъ все имущество въ небольшой узелокъ, надѣлъ его на палку, и перекинувъ на плечо, къ вечеру того же дня вышелъ изъ дому, не оглянувшись ни разу на покинутое пепелище, гдѣ угасъ огонь, грѣвшій его душу.

Онъ спустился на знакомый берегъ рѣчки, и здѣсь, не простившись съ своими грезами, сѣлъ на стоящую у берега лодочку, переправился на противоположную сторону, гдѣ встрѣтили его и проводили одни, пасущіеся на лужайкѣ, гуси, и пошелъ къ мѣстечку, мимо жидовскихъ *шинковъ* и бѣдныхъ *мазанокъ*, прямо къ костелу.

Приблизившись къ свѣжей одинокой могилѣ, вблизи отъ *цвинтара*, Густавъ сѣлъ на простой, безъ всякой надписи, камень, и приникъ сердцемъ къ праху стараго друга своего, прощаясь съ нимъ.

Мысль юноши, склонная къ умозаключеніямъ, не дошла еще до

заключительнаго sic transit gloria mundi, какъ звукъ раздавшейся внезапно громогласной пѣсни заставилъ его быстро оглянуться.

Онъ увидѣлъ знакомца своего, костельнаго клеху, который, возвращаясь съ полевыхъ работъ, несъ за плечами грабли и кричалъ во все пономарское горло, изливая жалобы свои на судьбину:

Живи съ своей долей цыганской
Весь вѣкъ до послуги *плебанской* *;
Поспѣй уложить хлѣбъ *въ стодолѣ*,
Згреби ему сѣно на полѣ;
Работай ксендзу добродѣю,
Чтобы онъ тебя вытолкалъ въ шею.

— Добрый вечеръ, пане, воскликнулъ клеха, остановясь передъ юношей и снимая шапку.

— Vale amice Claude, сказалъ Густавъ, указывая на дорожный посохъ свой.

При этомъ словѣ, Клавдій изобразилъ собою воплощенное изумленіе. Онъ прислонился къ оградѣ цвинтара, потому что голова его тяготѣла то въ ту, то въ другую сторону, а ноги поминутно сбивались съ прямого пути; ясно было, что Клавдій, идучи съ работы, зашелъ по дорогѣ въ корчму подъ высѣскою *Шевца ноги*.

— Куда? спросилъ онъ.

— Иду въ люди искать счастья, сказалъ Густавъ, вставая, и, бросивъ послѣдній взглядъ на могилу, пошелъ своей дорогой.

Постоявъ нѣсколько секундъ на своемъ мѣстѣ въ размышленіи, клеха пустился въ догоню.

— Стойте, пане, стойте! кричалъ онъ вслѣдъ за удаляющимся:— да стойте жь, говорю! И ковыляя изъ стороны въ сторону, онъ спѣшилъ, что̀ было мочи.

— Что̀ тебѣ нужно? спросилъ, остановясь, Густавъ, съ которымъ наконецъ поровнялся клеха.

— Я иду съ вами! произнесъ онъ рѣшительно, разставивъ ноги и уперпись на уткнутыя въ землю грабли.

— Куда, другъ Клавдій?

— Да туда жь, въ люди.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ же: искать счастья.

Отвѣтъ былъ забавенъ. Густавъ, усмѣхнувшись, поглядѣлъ на старика.

— Если до сихъ поръ ты не пыталъ искать счастья, то теперь не будетъ ли поздно?

— А кто жь сказалъ вашей милости, что я не пыталъ искать

* Ксендзъ-плебанъ, то-есть приходскій священникъ.

счастья? Я ищу его съ тѣхъ поръ, какъ живу на свѣтѣ. Искалъ его и направо, и налѣво, и передъ собою; а оно все-таки оставалось позади, и его за мной подбирали люди.

— Такъ тебѣ слѣдуетъ обернуться вспять, и оно, безъ сомнѣнія, пойдетъ тебѣ на встрѣчу.

— Теперь и пойду вспять, молвилъ, соглашаясь, Клавдій.

— Ну, а я иду впередъ; стало быть, намъ не по дорогѣ.

— Стойте, пане, стойте! закричалъ опять неотвязчивый попутчикъ, снова останавливая Густава, который сдѣлалъ движеніе, чтобъ идти далѣе. — Стойте! повторялъ онъ, садясь на деревянную ступень костела, протянувъ спокойно ноги и поджавъ руки въ бо́ки.

Шутовской и вмѣстѣ убѣдительный тонъ клехи заставилъ Густава еще разъ уступить его желанію. Онъ присѣлъ тутъ же въ ожиданіи, что́ еще скажетъ Клавдій.

— Панъ пойдетъ впередъ, а я пойду назадъ, и намъ обоимъ будетъ по дорогѣ.

— Какъ-такъ?

— Такъ же, такъ.

— Не понимаю.

— Ужь сказалъ я пану, что искалъ счастья и впереди себя, и направо, и налѣво, и прошелъ всѣ дороги. Былъ и въ Краковѣ, и въ Варшавѣ, и въ Вильнѣ, и въ Гданскѣ былъ, былъ и въ Римѣ, и гдѣ только не былъ Клавдій?... Въ Краковъ пришелъ я съ кумомъ Янушемъ; пришелъ, да и пошелъ съ тѣмъ же; а кумъ Янушъ остался клирикомъ въ костелѣ Всѣхъ Святыхъ. А знаешь ли, панъ, что̀ такое клирикъ у Всѣхъ Святыхъ въ Краковѣ? Онъ мало чѣмъ отстанетъ отъ кантора св. Анны Краковской, который считается наистарѣйшимъ канторомъ во всей Польшѣ. Въ Вильнѣ, кумъ Матеушъ перебилъ у меня мѣсто... Онъ живетъ теперь въ отставкѣ при костелѣ *дѣдомъ*, и говорятъ люди, что ужь до́бре начинилъ свои карманы.

— Ты былъ въ Вильнѣ? спросилъ Густавъ, которому по воспоминанію пріятно было названіе этого города.

— Недиво, что былъ въ Вильнѣ; я говорю пану, что былъ и въ Римѣ, и куда бы панъ идти ни вздумалъ, вездѣ былъ Клавдій, стало-быть, вездѣ я пойду теперь назадъ, и вездѣ мнѣ будетъ попути съ паномъ. Пусть панъ скажетъ: versus locum? и я пойду, куда угодно, лишь бы не стоять на мѣстѣ. Не хочу жить здѣсь у ксендза на помыканьи... довольно! Наработался онъ Клавдіемъ, какъ воломъ въ полѣ... Кто встанетъ раньше всѣхъ и отпираетъ костелъ?—Клеха. Кто печетъ облатки, кто чиститъ костельныя *ста̀тки*?—Клеха. А придетъ *посполѝтое рушѐнье*, да въ силу рыцарскаго права велятъ

ксендзу ставить ратника до бою: кто идетъ на войну? — Опять клеха. Тогда ксендзъ-плебанъ шануетъ клеху, зоветъ *фратромъ*, тогда панъ-примасъ коллегіальный не учитываетъ *юргельтъ* съ похоронъ, съ *коляды* и съ *визитацій*. А пока нѣтъ о войнѣ слуховъ, на клеху плебанъ и смотрѣть не хочетъ. Клеха до всякой работы, а живи, чѣмъ знаешь: учи ребятъ по домамъ и по школамъ, лечи хворыхъ бабъ, точи дѣвчатамъ веретёна, ходи съ кропиломъ по деревнѣ, да выгоняй изъ хатъ *дъяблов*ъ, звони на чаровницѣ, угождай *земьянамъ* и шляхтѣ, а они жь тебѣ не дадутъ *ординаріи*, они же обнесутъ тебя чаркой!...

Видя, что Клавдій ad vinum disertus, и что говорливости его не будетъ конца, Густавъ, не дослушавъ пѣней его, снова всталъ и, приподнявъ беретъ свой, пожелалъ ему лучшей доли.

— Стой, пане, стой! Куда идти на ночь глядя!... Пойдемъ ко мнѣ, повечеряемъ вмѣстѣ, переночуемъ, а завтра хоть съ разсвѣтомъ и отправимся вмѣстѣ. — Куда? спроситъ ксендзъ-плебанъ: — несетъ тебя нелегкая, Клавдій; куда задумалъ опять съ похмѣлья? На богомолье, скажетъ Клавдій, да и поминай, какъ звали! И Клавдій, оскаливъ свои волчьи зеленые зубы, захохоталъ такимъ добродушнымъ хохотомъ, что Густавъ, глядя на него, не могъ удержаться отъ смѣха.

Онъ взглянулъ на угасающую зарю и почувствовалъ справедливость словъ клехи, который не безъ затрудненія всталъ на ноги и повелъ путника въ домъ свой.

Ступая черезъ порогъ, Густавъ долженъ былъ нагнуть голову, чтобъ не удариться о притолку. Въ первую минуту его ошеломила атмосфера жилища клехи.

— Сто лѣтъ здравія! сказалъ онъ своему гостю, который чихнулъ, какъ будто понюхавъ табаку.

Перевалившись черезъ разбросанныя по сѣнямъ метлы, лопаты и другія орудія, они вошли въ хату. Въ ней грязная поваренная печь была заставлена горшками и мисками. На столѣ, гдѣ лежалъ початой хлѣбъ и стоялъ буракъ съ солью, валялись засаленные и растрепанные буквари, церковныя книги и томъ Корнелія Непота, по которому Клавдій всю жизнь свою продолжалъ упражняться въ латыни.

Усадивъ гостя на скамью, стоявшую столь же нетвердо на ногахъ, какъ и самъ хозяинъ, клеха принялся стряпать ужинъ. Онъ развелъ огонь, и скоро затрещало на сковородѣ масло, издавая отвратительный угарный запахъ.

Но Густавъ переносилъ эти неудобства жизни стойко, какъ-бы предчувствуя въ нихъ начало своего жребія. По врожденной безпечности характера, онъ ничего не обдумывалъ и не соображалъ.

Видя необходимость идти, онъ шелъ въ надеждѣ на высшее покровительство провидѣнія; цѣлію жизни его была наука, и она указывала ему дорогу.

Мысли его были самыя неопредѣленныя въ ту минуту, какъ хозяинъ перваго ночлега поставилъ передъ нимъ готовую яичницу и *гарнекъ* пива.

Клавдій сѣлъ на скрипучую, покрытую старымъ ковромъ, кровать свою, противъ гостя, и принимаясь за трапезу, перекрестился; но, повременивъ нѣсколько секундъ, въ ожиданіи, что юноша сдѣлаетъ то же самое, спросилъ его, не держится ли онъ лютерова ученія?

На утвердительный отвѣтъ, клеха покачалъ головою.

— Худо! сказалъ онъ.

— Почему же худо?

— Потому худо, что нехорошо.

— Да почему жь нехорошо? спросилъ Густавъ, ожидая догматическаго спора.

— Невыгодно, сказалъ Клавдій, утирая масляныя губы коркой хлѣба.

— Какъ невыгодно?

— Какая же, пане, выгода въ разрѣшеніи ѣсть мясо, когда не на что купить рыбы? Знаю я ваши *сбôры*, въ нихъ и голодной крысѣ нечѣмъ поживиться; а вотъ у насъ въ кляшторскихъ подвалахъ, такъ стоятъ сороковыя бочки венгерскаго и мальвазеи, да нерѣдко пахнетъ въ оградѣ и ветчиной; панъ примасъ pro pisciculus eam habet. Знаю я также вашихъ кистеровъ и пасторовъ; невелика имъ прибыль въ томъ, что имѣютъ позволеніе на женитьбу: *бѣлыя серны* протоптали тропинки и въ наши ограды, прибавилъ старикъ съ лукавою ужимкой, осушая кýфель пива.—Такъ, пане, такъ, дали бýгъ такъ, продолжалъ Клавдій, наливая и гостю.—Непригоже это ученье такому пану: ужь кто отдается той голодной вѣрѣ, тому вѣкъ не нажить гроша... А позвольте спросить у вашей мóсци, вѣдь люди *говендзили*, что у покойника только куры не клевали денегъ? Что онъ самъ ковалъ ихъ на бѣсовой наковальнѣ, добавилъ, улыбаясь, клеха.

— А ты какого объ этомъ мнѣнія? также съ улыбкою спросилъ Густавъ.

— Собака брешетъ, вѣтеръ носитъ, пане; а про то, какое у человѣка кумовство съ дьябломъ, кто жь то знаетъ. Бываетъ всякое на свѣтѣ. Былъ на нашей памяти Твардовскій, да и теперь живутъ такіе, что, не здѣсь будь сказано... Не смѣйтесь, пане, дьяволъ ухищряется на всякія искушенія и строитъ всякія козни человѣку. Посмѣялся я однажды на свою голову, да еще въ св. пятницу, и

стала мутить меня вражья сила. Я на базаръ — она за мною; я въ лѣсъ—она туда же; я въ шинокъ—она тутъ-какъ тутъ!... Водила, водила меня цѣлые сутки, волокла по преисподней; лазилъ я съ дробины на дробину, изъ вертепа въ вертепъ. Въ глазахъ тьма кромѣшная, въ ушахъ громъ... Что̀ жь, пане, думаете?... Очнулся въ свѣтлую заутреню подъ мельницей, надъ самымъ омутомъ... На силу высвободили добрые люди. А съ кумой Прекестой хуже того было: въ прорубь провалилась; а Василю вездѣ мерещился хворостъ: идетъ, бывало, по гладкому мѣсту, а ноги выше носу задираетъ. А ужь что̀ сталось съ Петромъ-бочаромъ на подгорьѣ, такъ про то разскажетъ только жонка его, Зося.

Густавъ не дослушалъ всѣхъ этихъ удивительныхъ происшествій, гдѣ было несомнѣнное присутствіе злого духа; прилегши на скамью, и положивъ подъ голову свой дорожный узелокъ, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

II.

Сонъ Густава былъ смутенъ, какъ его мысли. То сидѣлъ онъ попрежнему у очага съ добрымъ старымъ Гансомъ, а Михалина носилась надъ нимъ нетопыремъ, опрокидывала ему на голову, вмѣсто короны, старую реторту, набрасывала на плечи, вмѣсто багряницы, дырявый плащъ Ганса. То казалось ему, что онъ младенецъ на рукахъ матери, чувствуетъ ея благотворныя ласки, вглядывается въ ея дорогія черты; но эти черты мало-по-малу измѣняются въ иной чудный обликъ съ черными пожирающими глазами: жаркое солнце озаряетъ это видѣніе... и младенецъ внезапно почуялъ въ себѣ порывы юноши; но призракъ, озаряемый все ярче и ярче, вдругъ расплавился золотомъ.—Ненавистный металлъ! — вскричалъ адептъ герметическаго искуства, и, открывъ глаза, увидѣлъ стоящаго передъ собою Клавдія, capellus circum caput negligenter rejectis.

— Пора! сказалъ клеха: — вставайте, пане; ксендзъ-плебанъ осерчалъ и гонитъ вонъ... Cum bona gracia dimissus! прибавилъ онъ, сдѣлавъ комическій жестъ, который высказывалъ, что его добрымъ порядкомъ выпроводили въ шею.

Сборы были непродолжительны. Хозяинъ оставлялъ всю рухлядь свою, по обычаю, въ пользу будущаго намѣстника, и выходилъ налегкѣ, то-есть въ *полномъ збрҍъ* канторской одежды, не имѣя, какъ добрый апостолъ, про запасъ другой смѣны.

— Закусите, пане, на дорогу, сказалъ онъ, предлагая хлѣбъ-соль:—да отдайте мнѣ вашу ношу: непристойно такому пану носить торбу за плечами.—И клеха всунулъ все имущество Густава

въ небольшой ранецъ, пристягнулъ его ремнями къ спинѣ своей, и перекрестившись, вышелъ, почтительно уступая шагъ Густаву.

На площади клеха остановился передъ домомъ плебана.

— Vivat! крикнулъ онъ, снявъ шляпу.

На лицѣ его изобразилось веселіе духа; онъ чувствовалъ себя свободнымъ, неподчиненнымъ ни чьей волѣ, необязаннымъ никакой работой. Бродяга былъ опять на дорогѣ, въ собственномъ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ.

Едва выбрались они въ поле, какъ, приложивъ ладонь къ уху, клеха затянулъ, что̀ было мочи:

Рано вставши съ постелечки,
Мы напьемся горѣлочки,
Отъ горѣлочки до хлѣба;
А *пацержа* * намъ не треба:
Мы его ужь начитались,
Когда клехой прозывались.

— Богъ дай пану здравья, что вызвалъ меня на путь, сказалъ онъ Густаву, который шелъ молча, поглядывая на страннаго товарища, посланнаго ему судьбой.

— Ты, кажется, много постранствовалъ, Клавдій, и тебѣ еще не надоѣло скитаться? сказалъ онъ.

— Э, пане, то, какъ пиво ченстоховское, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется. Съ тѣхъ поръ, какъ шатаюсь на бѣломъ свѣтѣ, я не оставался никогда полугоду при одномъ костелѣ.

— Какую жь выгоду находишь ты метаться такимъ образомъ съ мѣста на мѣсто?

— Да какъ сказать пану? такова ужь вылилась у Бога моя доля. Какъ уродила меня мать, такъ и оставила на паперти при храмѣ, на ступеняхъ, и пошла прочь; вынянчили меня костельныя *бабы;* взросъ я и сталъ на клиросъ *дискантѝстомъ;* а какъ набрался *ка̀нторскаго куншту*, мнѣ дали править должность кантора въ маломъ костелѣ. И пошелъ бы я, можетъ быть, и до каплана, да грѣхъ попуталъ: жена навязалась мнѣ на шею. Съ женой дѣло извѣстное: пану *коллятордо̀ве* на глаза не суйся женатый канторъ. Вотъ и пустился странствовать, пошелъ, куда глаза глядятъ; съ тѣхъ поръ все и шатаюсь по міру, служу — гдѣ *ка̀нторомъ*, гдѣ *рыба̀льтомъ*, гдѣ *клехой.*

— Куда же дѣвалась жена твоя?

— Отстала на дорогѣ; а я и не погнался за ней; пошелъ себѣ впередъ безъ оглядки, да и теперь иду; цыганское житье пришлось по сердцу, не хочу инаго.

* Молитва.

Дорогою клеха продолжалъ развлекать юношу разсказами разныхъ отрывковъ изъ своей жизни и изъ своихъ путешествій. Опытный странствователь былъ для него небезполезенъ во многихъ отношеніяхъ.

Выступивъ въ добрый часъ, они шли благополучно. Лѣсистая страна украшалась разнообразіемъ тѣней и красокъ осенней зелени. По утрамъ надъ болотами дымились густые туманы, къ полудню обогрѣвало; въ воздухѣ носилась паутина, опутывая сучья деревъ и разстилаясь по лугамъ серебристыми нитями. Отдыхая и ночуя въ попадавшихся корчмахъ и хатахъ, они уже вступили въ міръ болѣе гражданскій и многолюдный. Путешествіе оказывало видимо благотворное дѣйствіе на привычнаго къ этому роду жизни Клавдія, который ѣлъ съ завиднымъ аппетитомъ и выпивалъ со смакомъ добрую чару на счетъ Густава, за его здоровье; но герой нашъ чувствовалъ изнеможеніе; морозные утренники непріятно проницали его до костей, ноги страдали, и новыя сцены производили на него мало впечатлѣнія.

Вышедъ однажды на разсвѣтѣ прихрамывая, но прибавляя шагу, чтобы движеніемъ разогрѣться и одолѣть пробѣгающую по тѣлу дрожь, юноша замѣтилъ, что народъ, въ праздничной одеждѣ, стекался изъ проселокъ на торную дорогу.

— Куда идутъ эти люди? спросилъ онъ своего спутника.

— Въ село на *кіермашъ**, пане, отвѣчалъ всезнающій клеха:— уу! слышите благовѣстъ? св. угодникъ зоветъ и насъ на божью службу... Единъ Богъ и одна душа въ людяхъ, пане; грѣха не будетъ помолиться, намекнулъ онъ, предчувствуя на праздникѣ возможность натянуться.

Подходя къ селу, клеха отряхнулъ прахъ съ одежды, расправилъ волосы, и приведя въ порядокъ свой уборъ, смѣло выступилъ на площадь, которая кипѣла народомъ. Всѣ шинки были открыты, торгъ былъ въ полномъ разгарѣ; *набожные* спѣшили къ обѣднѣ.

— Пане, сказалъ Клавдій, выступая впередъ:—не отставайте!

Онъ пошелъ скорымъ шагомъ къ костелу. Миновавъ жидовъ, которые на ступеняхъ самаго храма продавали янтарные образки и крестики своего издѣлья, наши странники вошли въ костелъ, и Клавдій, смѣло расталкивая богомольцевъ, по праву странствующаго кантора вошелъ на клиросъ и, не прося о позволеніи, сталъ въ шеренгу поющихъ хоромъ сакристиновъ **.

Густавъ, пріютившись на одной изъ послѣднихъ лавокъ, радъ былъ настроить душу на умиленіе; но его невольно смущалъ видъ

---

* Приходскій праздникъ.

** Въ XVI вѣкѣ во многихъ мѣстахъ пѣніе замѣняло еще органы.

Клавдія, который, прищуривъ глаза и отверзши гортань, тянулъ *градуалъ*, покрывая своимъ трубнымъ гласомъ голоса другихъ канторовъ, такъ что у прихожанъ трещали уши.

По окончаніи обѣдни, пѣвчіе, видимо озадаченные искуствомъ Клавдія, пригласили его въ шинокъ.

— Не отставайте, пане, сказалъ опять клеха, поровнявшись съ своимъ спутникомъ:—куда люди, туда и мы.

Густавъ, можетъ быть, и оставилъ бы его идти своею дорогою, но вся библіотека ученыхъ занятій Ганса была въ ранцѣ Клавдія, и за нею надо было слѣдовать поневолѣ.

Картина польской корчмы того времени напоминала фламандскіе кабаки, которые въ такомъ безчисленномъ разнообразіи представляетъ намъ древняя живопись.

Природный и сельскій бытъ Польши, особенно по большимъ дорогамъ, сильно уже отзывался въ то время нѣмчизной: гражданская порча, заносимая и завозимая изъ чужихъ цивилизованныхъ краевъ, проникала въ низшее сословіе и растлѣвала его, между тѣмъ, какъ высшіе городскіе слои были растлѣваемы роскошью, развращеніемъ нравовъ, политическими и религіозными интригами.

Тутъ захожіе городскіе холопы, раздѣтые до рубахи, рѣзались въ *дружбарта* и шлепали по грязному столу истрепанными картами, на которыхъ съ трудомъ можно было различить *звунки*, *сердца*, *жлуди* и *вины*, намалеванныхъ львовъ, коней, королей и краль, и надпись фабриканта *Бартоша картовника*. Играющіе шумѣли, уличая другъ друга въ скрадываньи и подсматриваньи картъ, и улики сопровождались бранью и толчками.

Тутъ жалкіе рыцари въ лохмотьяхъ, въ тусклой мишурѣ и съ сверкающими лицами, то надменно подымали носъ и горделиво покручивали усы, то униженно и ласкательно протягивали жадные уста къ подносимой чаркѣ горѣлки.

Тутъ же гайдукъ угощалъ свою *коханку*, и обращался съ нею весьма безцеремонно.

Хлопы и дѣвчата носились посрединѣ, выплясывая *скочнаго*. Крикъ, брань, притоптыванье, припѣванье, возгласы лихого разгула: *гуляй*, *душа*, *безъ кунтуша!* заглушали пискотню корчемнаго *дуды*, который за шесть грошей гудѣлъ *доспѣву и танца франтовскаго*.

Причетники, ввалившись въ это сборище, обратили на себя общее вниманіе. На лицахъ гостей проявилась новая степень веселости. Зная обычай этого разряда людей, громада ждала отъ нихъ новыхъ шутокъ и фиглярствъ.

— А здѣсь ли станція, *господа рыбальтовска?* спросилъ, начиная острить одинъ изъ сакристиновъ.

— Здѣсь, ваши мосци, здѣсь! отвѣчала шинкарка, очищая мѣсто и ставя на столъ медъ, пиво и горѣлку.

— «Спѣвакъ до партѐзовъ, а гнѐекъ до гнѐю!» сказалъ другой, толкнувъ въ шею упившагося холопа, который, не видя ничего передъ собою, наткнулся на вошедшихъ церковниковъ.

Общій хохотъ привѣтствовалъ эту выходку *ученыхъ*, которые, дорожа своей репутаціей, крошили семинарскую латынь въ польскія рѣчи.

Они шутили съ хозяйкой, подымали на смѣхъ подгулявшихъ *земьянъ*, доставалось и рыцарямъ и флейтѣ, которая поминутно сбивалась съ толку: кàнторы поддерживали тактъ, стучали кулаками и барабанили пальцами по столу, подхватывая хоромъ:

А кто не выпіе,
Того ве два кія!

Войдя въ шинокъ, Густавъ окинулъ глазами всю честную компанію и замѣтилъ въ отдаленіи стараго дѣда, который въ состояніи *кейфа* курилъ, сидя на бочонкѣ, *файку* и жмурилъ очи, какъ дремлющій котъ. Юноша помѣстился въ его сосѣдствѣ и приказалъ хозяйкѣ подать кусокъ сыру и ломоть хлѣба, вглядываясь въ странную толпу и вслушиваясь въ безтолковый хоръ переплетнаго говора.

— Просимъ пана-кавалера, сказала всеобщая кума, обращаясь съ чаркой горѣлки къ шляхтичу, который, волоча по землѣ свою гремящую саблю, подошелъ къ ея столу.

— За здравье ея мосци-костелянки Троцкой, моей коханки, первой красавицы во всей Польшѣ! сказалъ онъ, выпивая и не заботясь о томъ, что костелянъ Троцкой былъ вдовъ.

— А гдѣ жь панъ оставилъ свою коханку, пани костелянку? спросила кума, пользуясь случаемъ завести бесѣду съ паномъ-кавалеромъ.

— Въ моемъ собственномъ замкѣ, въ двухъ миляхъ отъ Троковъ, отвѣчалъ не обинуясь коханекъ костелянки.

Кума была очень довольна, что ея вопросъ удостоился отвѣта такого пана.

— Просимъ пановъ канторовъ въ мой замокъ, въ собственную мою замковую капеллу, продолжалъ съ тою же увѣренностію рыцарь, приближаясь къ столу пѣвчихъ, въ надеждѣ на угощенье.

— *Дзенкуемъ*, пана, отвѣчали переглядываясь церковники: — per pedes apostolorum, будетъ накладно; пусть панъ пришлетъ за нами цугъ коней; да говорятъ, что кони передохли на панскихъ конюшняхъ, иначе кто жь бы велѣлъ вашей мосци идти пѣшкомъ на *кіермашъ!*

Эта грубая насмѣшка не смутила рыцаря, который безъ зазрѣнія совѣсти продолжалъ разглагольствовать корчемному сброду о своихъ коханкахъ, о своихъ замкахъ, о своихъ бранныхъ подвигахъ, подтверждая божбой вѣрность словъ своихъ.

Но пока клехи забавлялись надъ паномъ-шляхтичемъ, въ сосѣдствѣ Густава собралась кучка слушателей вокругъ широкоплечаго богатыря, въ одеждѣ пилигрима — въ сѣромъ, изъ толстаго сукна, плащѣ съ длиннымъ воротникомъ и капюшономъ. Черты лица его, противорѣча смиренному званію, носили отпечатокъ разгульной жизни.

Богомолецъ разсказывалъ про дивное озеро, изъ котораго почерпнутая и перенесенная куда-нибудь вода, вела за собою бури и грозы. Разсказывалъ про студенецъ, который обращаетъ дерево въ камень, а человѣка въ оборотня.

— То еще не диво, продолжалъ странникъ, искоса поглядывая на Густава: — а вотъ что̀ диво: когда кто слушаетъ про чудеса, которыхъ насмотрѣлись бывалые люди, да ухмыляется, такъ у того во лбу выростаютъ ро̀ги.

Этотъ намекъ былъ прерванъ крикомъ и ссорой, возникшей между играющими въ карты.

Музыка, танцы, говоръ, лихіе и веселые возгласы мгновенно смолкли, драка вспыхнула, изъ подбитыхъ носовъ хлынула кровь, толпа освирѣпѣла.

Бросившіеся разнимать нечувствительно раздѣлились на двѣ партіи, и своей массой увеличили свалку. Бой разгорѣлся не нашутку, хотя тутъ не было другаго оружія, кромѣ кулаковъ, потому что храбрые, вооруженные рыцари тотчасъ же подъ шумокъ юркнули въ двери.

Опытная хозяйка побѣжала за *пахо̀лкомъ*, представляющимъ въ единственномъ лицѣ своемъ сельскую полицію, и лишь только показался онъ на порогъ корчмы и погрозилъ дубинкой — драка мигомъ прекратилась, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

Очутившись вмѣстѣ съ другими на улицѣ, Густавъ объявилъ своему спутнику рѣшительное намѣреніе не оставаться долѣе на кіермашѣ и, не слушая возраженій клехи, пошелъ изъ села скорымъ шагомъ.

Обычаи бродяжничества воспрещали Клавдію отставать отъ товарища; но такъ-какъ случившееся происшествіе помѣшало старику напиться вдоволь, то онъ съ прискорбіемъ оглядывался назадъ и неохотно слѣдовалъ за Густавомъ.

— И куда торопимся? точно кто въ шею гонитъ? ворчалъ онъ себѣ подъ носъ.—Люди ходятъ съ роздыхомъ, сами напрашиваются-

ся на угощенье; а мы что̀? насъ зовутъ честью, а мы отворачиваемъ морду!...

Покуда они шли мѣстечкомъ, Клавдій ласкалъ себя надеждой, что молодой человѣкъ одумается и убѣдится его увѣщаніями, но когда послѣдній жидовскій шинокъ остался позади, досада старика разразилась громкимъ хохотомъ.

— Вотъ-то добрый клеха! заговорилъ онъ, помирая со смѣху:— идетъ изъ села и ни въ одномъ глазѣ!... Вотъ-то погулялъ на праздникѣ святого угодника! И куда жь это спѣшимъ мы, просимъ позволенія узнать отъ вашей мосци?

— Туда, по крайней-мѣрѣ, гдѣ нѣтъ такого бѣсовскаго гвалту, отвѣчалъ Густавъ.

— А куда поспѣемъ мы къ ночлегу?

— Куда Богъ приведетъ, не все ли равно?

— Subter lunam? спросилъ, продолжая смѣяться, клеха.

— Super-frondi viridi, amice Claude.

Но послѣ порыва этого нервнаго смѣха, Клавдій надулся. Онъ шелъ долгое время, не говоря ни слова, какъ будто прикованный къ пятамъ юноши, и какъ будто ему не было никакого дѣла до того, что Густавъ, глядя себѣ подъ ноги, и углубившись въ думу, сбился съ дороги, пошелъ сначала кустарникомъ, спотыкаясь на кочки и пни, и незамѣтно забрался въ чащу лѣса. По сродной его характеру разсѣянности, онъ даже не чувствовалъ накрапывающаго дождя, и не обращалъ вниманія на тучи, которыя подернули небо.

— А въ какую это мы зашли палестину? спросилъ наконецъ язвительно клеха.

Юноша оглядѣлся вокругъ, и безпокойство выразилось въ лицѣ его.

— Гдѣ мы? спросилъ онъ.

— Гдѣ? въ лѣсу, отвѣчалъ спокойно Клавдій.

— Какъ же это мы сбились съ дороги?

— А такъ же; говорили намъ добрые люди: погуляемъ, какъ слѣдуетъ, да и пойдемъ вмѣстѣ. Монастырскіе клехи упьются пьянѣе вина, а и тогда сами ноги доведутъ ихъ, куда нужно... Да еслибъ и заночевали въ мѣстечкѣ, такъ не пришлось бы намъ теперь искать подъ открытымъ небомъ крыши.

— Что̀ жь намъ дѣлать? перебилъ юноша.

— А что̀ жь дѣлать? день не лѣтній, вотъ ужь и ночь, въ темнотѣ куда доберешься?

— Какъ же быть?

— Да такъ же и быть, сидѣть вотъ здѣсь до разсвѣта. — И Клавдій растянулся навзничь на травѣ, усталый еще болѣе отъ

неудовольствія, нежели отъ значительнаго перехода. Глядя на сквозную сѣнь вѣтвистой ивы, онъ предвидѣлъ, что ихъ промочитъ до костей.

— Ты шутишь, Клавдій; оставаться такимъ образомъ на съѣденье волкамъ и медвѣдямъ невозможно; поищемъ дороги.

— Врагъ найдетъ ее въ этой трущобѣ! Клавдій торжествовалъ, и, несмотря на то, что и самъ расплачивался за неосторожность Густава, онъ продолжалъ лежать, не трогаясь, покуда Густавъ ходилъ вокругъ, осматривая мѣстность. Вдругъ трескъ ломающихся вѣтвей заставилъ его вскочить на ноги и броситься въ ту сторону.

— Пане, пане! крикнулъ онъ, забывъ мгновенно свое негодованіе... гдѣ вы, пане?

— Здѣсь, Клавдій, провалился въ какую-то пропасть, отвѣчалъ Густавъ изъ глубины оврага.

Клавдій сунулся на его голосъ и, ступивъ нѣсколько шаговъ, покатился кубаремъ вслѣдъ за Густавомъ.

— Вотъ, нашелъ панъ бѣсову дорогу! проворчалъ старикъ, кряхтя, и съ трудомъ подымаясь на ноги.

— Смотри! вскрикнулъ радостно юноша, указывая на мерцающій вдали огонекъ, отъ котораго лоснилась на землѣ бѣлая полоса свѣта. Эта счастливая неожиданность ободрила путниковъ. Прибавивъ шагу, они пошли прямо на свѣтъ, въ окнѣ землянки, стоявшей одиноко на днѣ оврага. Подойдя ближе, Клавдій заглянулъ въ окно, затянутое пузыремъ, въ скважинку котораго проходилъ свѣтъ отъ горящей внутри на свѣтцѣ лучины.

Посреди хаты стоялъ столъ, уставленный мисками, горшками и куфлями; а на скамьѣ, близъ печи, сидѣла за прялкой старуха. Хриплымъ голосомъ напѣвала она заунывную пѣсню:

Еслибъ вѣщему сну мнѣ присниться,
Что змѣенышъ такой народится —
Я въ утробѣ его бы стравила,
Я въ куски бы его искрошила,
Черныхъ вороновъ ими кормила.
Ты-бъ не рыскалъ въ лѣсу о полночи —
Не гасила бъ слезами я очи!

«Что̀ за диво», подумалъ клеха: «сидитъ одна старая баба, поетъ бѣсовщину, все готово до вече́ри, а никто не ѣстъ?» Онъ толкнулъ локтемъ своего спутника, и сказалъ ему шепотомъ:

— Знаете ли, что̀ мнѣ сдается, пане?

— Что̀ такое?

— Мнѣ сдается, что то все *мо̀рокъ*.

— Почему это тебѣ сдается, Клавдій?

— Ужь какъ себѣ хотите, пане, а я побожусь святою пятницею, что то все вражій морокъ.

— Ты обезумѣлъ, Клавдій; развѣ не видишь, что сидитъ живая старуха? сказалъ Густавъ, также заглянувъ въ скважину окна: — развѣ не слышишь, какъ она поетъ, и какъ жужжитъ ея веретено?

— Слыхали мы, какъ напѣваютъ *кабалы* и *нардки* вѣдьмы, и какъ онѣ прядутъ человѣческій волосъ.

— Но намъ теперь ничего иного дѣлать не остается, какъ просить ночлега хоть бы даже у вѣдьмы.

— Эй, пане, послушайте меня старика, не ходите!... Стойте! стойте! прибавилъ онъ, схвативъ Густава за руку изо всей силы, и отдернувъ отъ окна, заставилъ его пригнуться къ кустамъ, густо заросшимъ хату. Клеха заслышалъ приближающійся конскій топотъ.

Нѣсколько всадниковъ, подскакавъ къ землянкѣ, слѣзли съ коней; трое изъ нихъ, въ числѣ которыхъ Густавъ узналъ корчемнаго пилигрима, вошли въ хату. Съ ихъ приближеніемъ, старуха перемѣнила унылый голосъ своей пѣсни на живой и веселый:

Еслибъ знать, хоть во снѣ бы присниться,
Что соколикъ такой уродится;
Его-бъ медомъ въ утробѣ питала,
Да въ винѣ бы заморскомъ купала,
И парчей дорогой повивала—
Чтобъ цвѣли на него мои очи
Ненаглядно отъ у̀тра до но̀чи!

Оставшіеся на дворѣ люди разнуздали взмыленныхъ коней, отпустили подпруги и стали водить ихъ по маленькой площадкѣ.

— Хлопче, а хлопче, сказалъ одинъ изъ нихъ своему товарищу: — слышалъ?

— Что̀? спросилъ другой.

— Говорятъ, что волкъ идетъ въ одну сторону, а ксендзъ — въ другую.

— А мы съ кѣмъ?

— Пусть съ ксендзомъ идетъ кто хочетъ, а я отъ волка не отстану.

— Куда несетъ его нелегкая сей ночи?

— Къ кляштору бернардиновъ *велькой воли*.

— А за коимъ бѣсомъ?

— А за тѣмъ, что съ ласки пана *опа̀та* (настоятеля), нашъ *Сивый Голембекъ* сидитъ въ ратушѣ и дожидается *шубеницы* (висѣлицы). Панъ-атаманъ хочетъ отслужить за то его превелебной мосци, посчитать его монастырскіе скарбы.

— Такъ-таки сейчасъ же и пересчитаетъ: еще какъ-то переберется черезъ окопы: мы ихъ знаемъ.

— Дѣдъ костельный, Тадеушъ лысый, получилъ отъ нашихъ братиковъ задатокъ: онъ проведетъ всю громаду черезъ лазейку, что̀ устроили паны-отцы въ передовой башнѣ.

При этомъ словѣ Клавдій не могъ удержаться отъ смѣху, такъ и фыркнулъ, и едва успѣлъ зажать горстью глотку, чтобъ себя не выдать.

— Чу! каркнулъ воронъ, не добро вѣщуетъ, молвилъ одинъ изъ разбойниковъ.

— На твою голову, трусъ поганый! сказалъ молодецъ, неосторожно выболтавшій планъ атаки на монастырь бернардиновъ, лежащій въ двухъ миляхъ, и давно извѣстный Клавдію, какъ свои пять пальцевъ.

— Такъ вотъ оно что̀, милый кумъ Тадеушъ? сказалъ себѣ мысленно клеха: — постой же, пане брате, съиграю жь я тебѣ добраго *кунштю̀ка*! расплачусь за старый долгъ съ лихвой.

Воображеніе клехи озарилось такою богатою мыслью, что забывъ опасность, онъ готовъ былъ заржать отъ восторга. Между тѣмъ, привязавъ лошадей къ яслямъ, разбойники повалили также въ хату, не оставивъ ни одного на сторожѣ, вѣроятно, въ полной увѣренности на неприступность своего вертепа.

— А что̀, пане, сказалъ тогда вполголоса Клавдій: — куда это мы попали?

— Да попали, кажется, не къ добрымъ людямъ, пойдемъ скорѣй отсюда.

— Выбирайтесь наверхъ оврага, и тамъ сидите тихо и ждите Клавдія; Богъ дастъ, уберемся цѣлы. Хорошо, что бѣсовы дѣти не держатъ собакъ: они боятся, чтобъ лай ихъ не накликалъ стражу, а ужь съ ними не сдобровать бы намъ сей ночи.

III.

Клавдій былъ что̀ называется *пройди-свѣтъ*; навыкъ къ странствованію, развилъ въ немъ до крайней степени инстинктъ самохраненія и находчивости. Онъ слышалъ чутьемъ опасность, и нетолько не терялся въ бѣдѣ, но подчасъ умѣлъ извлечь выгоду изъ самыхъ крутыхъ обстоятельствъ.

Ползкомъ подкравшись къ яслямъ, онъ проворно отпуталъ повода, которыми были привязаны къ нимъ лошади; недолго думавши, отдѣлилъ пару, стоявшую ближе къ кустамъ, и благополучно переправилъ ее черезъ оврагъ.

— Садитесь, пане, да не мѣшкайте, сказалъ онъ Густаву, когда они отыскали другъ друга въ потемкахъ:—теперь давай Богъ ноги!

Густавъ былъ въ крайнемъ изнеможеніи, а потому радъ былъ вскарабкаться на сѣдло, благо усталые кони были покорны новымъ сѣдокамъ.

— Да ка́къ же это ты ухитрился обокрасть воровъ, amice Claude? спросилъ юноша.

— Обокрасть вора, пане, все едино, что задавить гадю́ка: въ томъ нѣтъ грѣха. Да только этихъ кабановъ не воровалъ Клавдій, а взялъ ихъ на малый часъ на подержанье, чтобы скорѣе прибыть къ мѣсту; а то на бѣса намъ эта обуза. Вѣкъ свой ходилъ я пѣшимъ, и вездѣ была мнѣ дорога: устанутъ ноги, отдыхай-себѣ сколько хочешь, ѣсть не просятъ, не уйдутъ никуда безъ позволенія; а съ ко́ньми, пане, возня такая, что *захо̀вай* Боже! съ ними только и думай, какъ ихъ *нагодовать* и ухолить. Цуръ имъ, только бы намъ выбраться отсюда, а тамъ неси ихъ дьяволъ, куда знаетъ!

Густавъ, непривычный къ верховой ѣздѣ, примѣнялся къ стременамъ и къ поводьямъ, и нерѣдко оглядывался, какъ будто боясь погони; но Клавдій съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ выступалъ впередъ, направляясь на удачу: его занималъ теперь кумъ Тадеушъ.

«Угощу жь я тебя», говорилъ онъ самъ съ собою: «припомню, какъ поспѣлъ ты о прошлой веснѣ съ доносомъ на Клавдія къ отцу опату!... Теперь, братику, пришелъ и мой чередъ; долгъ платежомъ красенъ. Погоди, дѣдуню, помянешь и ты, какъ стоялъ Клавдій на реколекціи *, когда готовили его на должность *рыбальта* въ большомъ костелѣ... Бѣсъ велѣлъ имъ, тутъ же въ коморѣ, поставить куфу *выстоянки!* и на что̀ жь бы и быть ей тутъ, какъ не для реколекціи духа?... Придетъ отецъ катехиста — Клавдій лежитъ на землѣ ницъ, *крыжемъ*, какъ слѣдуетъ. А кто обнесъ Клавдія? — Тадеушъ, ты, мой пане-брате! Ты вывелъ все на чистую воду, чтобъ отбить мѣсто *рыбальта* для своего зятя... Ну, посмотримъ, какъ-то ты самъ теперь приступишь до отвѣта!

Между тѣмъ, дождь, который во весь вечеръ накрапывалъ, полилъ ливнемъ, вѣтеръ оглушительно свистѣлъ въ вѣтвяхъ деревъ, молнія безпрерывно сверкала, раскаты грома оглашали окрестность.

— Хва̀ла Богу! сказалъ клеха, перекрестившись послѣ удара, отъ котораго дрогнули земля и небо. — Держите, пане! крикнулъ онъ, схвативъ налету за поводъ испуганную лошадь Густава.

---

* *Реколекція* значитъ испытаніе, для котораго кандидата запираютъ въ уединенное мѣсто, чтобы онъ могъ собраться съ духомъ и приготовиться къ своему назначенію.

Въ этотъ мигъ они увидѣли, при свѣтѣ мелькнувшей снова молніи, несущагося мимо ихъ, оторопѣвшаго коня; хвостъ и грива его развѣвались по вѣтру, сѣдло съѣхало подъ брюхо, поводъ путался въ ногахъ.

— Хвàла Богу! весело повторилъ клеха. — Затѣмъ-то я ихъ всѣхъ и отвязалъ отъ яслей, чтобы онѣ разомъ шарахнулись до лѣса. Пускай теперь гоняются за ними панство-кавалеры пѣхтурóю, а мы тѣмъ часомъ, съ помощью пана-Бога, выберемся на дорогу.

Нужна была по истинѣ помощь божія, чтобы въ эту темную, бурную ночь пуще не заблудиться въ трущобѣ. Не разъ приходилось нашимъ путникамъ слѣзать съ коней, и раздвигая перепутанныя вѣтви, спускаться въ овраги, переходить ручьи, а главное, изъ опасенія, чтобы лошади по чутью не воротились домой, наблюдать промежъ тучъ едва мерцающія звѣзды.

Густавъ, промокшій до костей, измученный донельзя, удивлялся неутомимости Клавдія, который, подобно старому, бывалому солдату, ободряющему на походѣ новичка рекрута, поддерживалъ духъ его веселыми шутками.

Къ полуночи погода стихла; небо прояснѣло, и луна, освѣтивъ землю, доставила путникамъ возможность выбраться наконецъ изъ лѣса и напасть на торную дорогу, по которой унослые кони побѣжали доброй рысью.

Клавдій взглянулъ на стоящую посреди дороги корчму, и невольный вздохъ вырвался изъ его груди; но остановиться въ ней было небезопасно. Можно было ожидать, что кто-нибудь изъ шайки воровъ, бродящихъ по окрестности, признаетъ своихъ коней.

— А вѣдаетъ ли панъ, почему человѣка тянетъ до корчмы, какъ муху до меду? спросилъ клеха.

Юноша не былъ въ состояніи отвѣчать на этотъ умозрительный вопросъ.

— Знаютъ про то, пане, тѣ, кому надо, продолжалъ Клавдій: — знаютъ бѣсовы дѣти, что когда въ подполье корчмы зароютъ веревку, на которой былъ удавленъ злодѣй, ужь мимо той корчмы никто не пройдетъ, не оставивъ въ ней послѣдняго гроша; или, когда лихая шинкарка, подученная злымъ человѣкомъ, побрызжетъ стѣны муравейнымъ настоемъ, то всякій, кто только нюхаетъ горѣлку, такъ привяжется до того шинка, какъ муравьи до своей кучи.

Проѣхавъ храмъ Вакха, и пробѣжавъ безостановочно еще около часа, они поднялись на вершину горы, съ которой Клавдій указалъ Густаву на черную громаду стараго аббатства.

— Теперь мы дома, сказалъ онъ, свиснувъ въ воздухъ упругой вѣткой, служившей ему хлыстомъ.

Эта вѣсть придала бодрости юношѣ, изнемогшему до одуренія и почти уже больному отъ трудовъ не по силамъ. Онъ взглянулъ, какъ на обѣтованную землю, на кляшторъ бернардиновъ *Вельхой Воли*, лежащій на красивой мѣстности, среди зеленѣющихъ рощей и обширныхъ пажитей. Зубчатыя стѣны и башни обрисовывались передъ глазами нашихъ путниковъ все яснѣе и яснѣе. Они переправились благополучно черезъ безводный ровъ, заваленный мусоромъ и исполосанный безчисленными тропинками.

— Сюда, сюда! указывалъ клеха, направляясь къ извѣстной ему лазейкѣ.

Подъѣхавъ, онъ остановилъ, едва волочащую ноги, лошадь свою, и соскочилъ съ сѣдла. Густавъ послѣдовалъ его примѣру; въ то же время, изъ отверстія въ башнѣ, показалась лысая голова человѣка, стоявшаго тутъ, безъ сомнѣнія, на сторожѣ.

— Чи, въ умѣ вы, паны-братики! Зачѣмъ кони? проворчалъ онъ тихо.—Говорилъ же я подступать пѣше: еще мѣсяцъ не садился... храни Боже, кто завидитъ на сторожкѣ!... А много жь васъ? прибавилъ онъ, озираясь.

Но вмѣсто отвѣта, клеха молча взобрался на подготовленную лѣстницу, бросился на монастырскаго дѣда, какъ котъ на мышь, и схватилъ его за̀ воротъ.

— Стой, дѣдуню! Іуда, предающій святую братію! сказалъ онъ, удерживая своей медвѣжей лапой оторопѣвшаго старика.

У Тадеуша подкосились ноги; онѣмѣвъ отъ ужаса, онъ всматривался на карателя своего, какъ на привидѣніе.

— Пане! крикнулъ Клавдій Густаву: — *клеплѝте въ кимпаны!* взбирайтесь на звоницу по лѣсенкѣ; тамъ нащупаете веревку.

Покуда юноша съ великимъ усиліемъ исполнялъ эту команду, клеха выволокъ Тадеуша на монастырскій дѣдинецъ.

— Не губи брате! вопилъ дѣдъ: — пусти душу на покаяніе!...

Но раздавшійся набатъ разбудилъ уже монаховъ; дремлющая стража проснулась и, протирая глаза, спрашивала другъ друга, что̀ случилось.

— Сюда, сюда, паны-отцы! заоралъ во всю мочь Клавдій, увидѣвъ приближающіяся двѣ тѣни.

Одна изъ нихъ, чрезвычайно малаго роста, ковыляла, не отставая отъ другой колоссальнаго вида, выступавшей воинскимъ шагомъ; за ними, какъ будто ползли еще другія тѣни.

— Кой бѣсъ бьетъ тревогу? что̀ случилось? гаркнулъ зычнымъ басомъ великанъ, подходя ближе.

— А вотъ, пане-отче, поймалъ вашу старую лису, что̀ стакнулась съ волками.

— Эге! да это ты, клеха-бродяга?

— А кто же? Кому же, кромѣ бродягъ, спасать ваши бѣдные головы отъ гайдамацкихъ ножей!

— Что̀, что̀ такое? проговорила съ испугомъ выдвигаясь впередъ ковыляющая тѣнь.

— А вотъ же, отче Янушъ, самъ Клавдій скажетъ отцу-опату, что̀ оно такое. Самъ Клавдій поведетъ Тадеуша къ его превелебной мосци, вымолвилъ торжественно клеха.

— А вотъ, сперва заберу я васъ обоихъ! крикнулъ богатырь въ бернардинской рясѣ, и отдалъ братишкамъ приказъ, вслѣдствіе котораго дюжія руки подхватили виновниковъ тревоги и повлекли ихъ по дѣдинцу.

Вся собравшаяся толпа двинулась за ними. Когда Густавъ спустился съ звоницы, на площади оставался только хромой Янушъ, остолбенѣвшій отъ недоумѣнія.

— Вотъ-то дурень, жолнѐръ поганый, знается въ людяхъ, какъ волкъ въ звѣздахъ! ворчалъ Янушъ, по прозванію *Кулявый*. — Не выслушаетъ человѣка, ничего не разберетъ, ломитъ кого попало, благо, что отецъ-пріоръ далъ ему волю! Мати божія! воскликнулъ онъ, увидѣвъ передъ собой Густава. — Человѣче, кто ты?

— Дай мнѣ напиться, сказалъ юноша, котораго уста запеклись отъ внутренняго жара.

Янушъ, заглянувъ ему въ молодое, страждущее лицо, повелъ его къ колодцу. Густавъ, слѣдуя за нимъ въ совершенномъ истощеніи нетолько тѣлесныхъ, но и душевныхъ силъ, скользилъ безсмысленными глазами по освѣщенному луннымъ свѣтомъ фасаду костела, отъ котораго тянулись по обѣимъ сторонамъ низенькія строенія.

У стоящаго посреди двора колодца, торчала собачья конура, и цѣпной песъ надрывался лаемъ.

— Тихо, Салтанъ, тихо, окликалъ его, поровнявшись, Янушъ, и Салтанъ, почуявъ кормильца своего, замоталъ хвостомъ и смолкъ.

Старецъ подошелъ къ студенцу и нагнулъ бадью, къ которой юноша припалъ жадными устами. Утоливъ болѣзненную жажду, онъ какъ могъ отвѣчалъ на разспросы монаха.

— Іезусъ-Марія! Святой Іосифъ! восклицалъ старикъ, слушая извѣстіе о предполагаемомъ нападеніи злодѣевъ. Схвативъ Густава за полу въ боязни, чтобы грозный блюститель монастырскаго порядка не перехватилъ его, прежде, нежели онъ допытается всего, что̀ ему знать хотѣлось, Янушъ потащилъ нашего путника волею и неволею къ себѣ въ келью.

Они вошли на крыльцо одного изъ зданій монастырскаго дѣдинца, и повернули въ корридоръ съ длиннымъ рядомъ дверей, которыя иногда пріотворялись, и изъ нихъ выглядывали остроконечныя каптурки бернардиновъ.

Всполошившіеся монахи проносились мимо, озираясь съ изумленіемъ на Густава.

Остановясь у своей двери, Янушъ вынулъ изъ-за пазухи ключъ, и, отворивъ келью, вошелъ въ нее съ гостемъ, который уже едва передвигалъ ноги.

Свѣтъ лампады, горѣвшей передъ распятіемъ, мерцая по стѣнамъ убогаго покойца, освѣщалъ бѣдный одръ старца, подернутый войлокомъ, простой деревянный столикъ, двѣ скамьи и шкафикъ, стоявшій въ углу съ надписью *библіотека*, въ которой однако же не было ни одной книги.

— Сядай, хлопче, отпочинь, мое дзѣцко, говорилъ Янушъ, усаживая на кровать Густава, и садясь противъ него на скамейкѣ. — Такъ вотъ какъ старый злодѣй Тадэушъ! врагъ его попуталъ! восклицалъ онъ, разводя руками. — А тотъ дурень гайдукъ безмозглый, порвалъ какъ вора, добраго человѣка, пришедшаго предостеречь братію! И тебѣ-бъ тò-жъ было, хлопче, еслибъ не попался тебѣ Янушъ-Кулявый.

Болѣзненное состояніе томило уже Густава; безмолвно, мутными глазами смотрѣлъ онъ на старца; голова его шла кругомъ.

— Да! съ самаго лѣта въ нашей сторонѣ стало неблагополучно, продолжалъ свое словоохотный старецъ. — Какіе-то *гультàи* дѣлаютъ великія *шкòды*: мало что нападаютъ на дорожныхъ, нападаютъ на мѣстечки, на купеческіе и шляхетскіе домы. Въ позапрошлый *тыждень* схватили жида съ товаромъ, отобрали грòши, разбили корчму, вытянули всю горѣлку и сказываютъ, что у одной папи увезли дочку...

Подумавъ и покачавъ головою, онъ продолжалъ:

— Да, сказываютъ люди, и еще съ присягой, что промежь этихъ злодѣевъ есть такіе, которыхъ не берутъ ручницы; видали много разъ, какъ они мечутъ изъ-за пазухи тѣ *кýли*, что̀ трафили имъ въ груди; а вотъ, когда бы, мое сердце, отливали тѣ кýли на святой пшеницѣ, тогда потеряли бы свою силу ихъ бѣсовскіе заговоры.

Янушъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе, тянулъ нить своихъ размышленій.

— Бывали съ давнихъ лѣтъ и въ Велькопольшѣ, и въ Краковскомъ и въ Русскомъ подгорьи, сѣдлища злодѣевъ, и разбѣгались они шайками по всѣмъ шляхамъ на сотни милей, и тогда-жь то, мое дѣтко, немало было ихъ тамъ перевѣшано и четвертовано и на колъ сажено, и брали ихъ на пытку, и палили ихъ свѣчьми въ боки... А былъ я еще малымъ хлопцемъ, видѣлъ самъ, какъ отсѣкли голову злодѣю пану Юшкѣ и женѣ его Катеринѣ, которая разбойничала съ нимъ вмѣстѣ... и такъ-то боялся ихъ народъ, что когда палачъ накинулъ ему петлю, то и сталъ передъ нимъ въ

своемъ *бычномъ капелюшѣ*, поклонился ему въ поясъ, и сказалъ: «прости мнѣ, твоя милость, для Бога, предъ симъ судомъ открытымъ, что я тебя повѣшу»... Такъ, такъ, мой хлопче; а нынѣ хуже того стало; нынѣ, какъ только панокъ попромотался, пропился—смотри, ужь и присталъ къ разбойничей шайкѣ. Днемъ ихъ займища стоятъ какъ пустыни, молчатъ какъ гробы, не видать человѣка, не слыхать живаго слова, песъ не тявкнетъ; а въ ночи, какъ изъ земли выростетъ ватага и разсыплется по околодку; да и плохо же смотрятъ за ними товарищи пана-воеводы, не *мордуютъ* своихъ коней за этимъ гультайствомъ, а дѣлятъ съ ними добычи. Теперь уже, бѣсовы дѣти, не боятся подступать къ крѣпкимъ стѣнамъ кляшторнымъ; свой же имъ откроетъ въ ночи лазейку, и передушатъ они насъ братью, какъ слѣпыхъ котятъ въ печуркѣ.

Въ эту минуту Густавъ, блѣдный какъ полотно, чувствуя, что въ ушахъ его звенитъ, глаза помутились, всталъ, чтобы выйти на воздухъ; но потерявъ сознаніе, упалъ навзничь.

— Мое сердце, что́ съ тобою! вскрикнулъ перепуганный Янушъ, бросаясь къ нему на помощь и совершенно растерявшись.

Къ счастію, въ келью вошелъ Клавдій, въ довольно растрепанномъ видѣ, какъ птенецъ, вырвавшійся изъ когтей коршуна.

Увидя юношу въ этомъ положеніи, онъ позабылъ о своей невзгодѣ, подхватилъ его на руки и всполошился.

— Ахъ, бѣдная твоя головка!... Вотъ-то попали мы сюда на бѣду съ тобою, пане!... Отче! отче! кричалъ онъ Янушу:—да вспрысни-жь его водицей, подуй въ ноздри, похлопай по ладонямъ...

Все это, однако же, не помогало.

— Что́ намъ дѣлать? сокрушался Клавдій. — Сбѣгай, отче, къ сосѣдямъ, попроси горѣлки; какъ пропустимъ ему въ горло добрый *килишекъ*, такъ, богъ-дастъ, очнется.

Клавдій, по опыту, могъ ожидать всякаго благотворнаго дѣйствія отъ этой живой воды, врачующей, по его мнѣнію, всѣ душевные и тѣлесные недуги, и лишь только Янушъ вернулся съ желанной флягой, а юноша подалъ первый знакъ жизни, онъ влилъ въ него такую порцію, что тотъ снова упалъ замертво на подушку.

— Теперь пусть себѣ проспится, завтра встанетъ какъ ни въ чемъ не бывало, рѣшилъ клеха и подсѣлъ къ остаткамъ своего лекарства.

— А что, пане брате, за что это такъ осерчалъ на тебя нашъ жолнеръ Викентій? повелъ бесѣду Янушъ, также успокоенный на счетъ больного.

Но клеха только плюнулъ въ сторону, махнулъ рукою и промычалъ себѣ что-то подъ носъ.

Онъ чувствовалъ себя въ безопасности подъ кровомъ Януша

Куляваго, который пользовался авторитетомъ въ кляшторѣ и могъ постоять за себя даже противъ Викентія, прозвище котораго изобличало его состояніе до вступленія въ монашество.

Отецъ Викентій, смолоду закалившись въ толпѣ буйныхъ товарищей, сдѣлался уже совершеннымъ булатомъ въ неменѣе буйной толпѣ братій бернардиновъ, въ орденъ которыхъ поступали большею частію люди *пассіи разгуканыхъ и авантурники*, то-есть всякій разгульный сбродъ; почему и обычаи исправленія отличались у нихъ отъ прочихъ орденовъ. Здѣсь наказывали не посредствомъ *дисциплинъ* и смиреній, а какъ только оглашался какой-нибудь зазорный или грубый поступокъ, то съ виновнаго безъ церемоніи совлекали рясу и давали ему жестокое *отеческое поученіе*. Завѣдывающій этими экзекуціями и полицейскою частію *кляштора*, отецъ Викентій, ломалъ пуки розогъ о ребра братіи, и потому естественно не пользовался расположеніемъ.

Но Янушъ, по давнему исключительному праву, не состоялъ подъ его военнымъ начальствомъ, и даже представлялъ собою нѣкоторую оппозицію его власти. Онъ, казалось, былъ поставленъ въ эту оппозицію съ благодѣтельной цѣлію, потому что гдѣ гнѣвъ, тамъ должна быть и милость; и понятно, что милость съ гнѣвомъ не могли уживаться въ ладу.

— А что, пане брате, заговорилъ опять старецъ: — такъ-таки насъ и хотѣли ограбить сей почи?

— Такъ-таки и хотѣли, отвѣчалъ сердито клеха: — а за спасибо тому, кто избавилъ васъ отъ бѣды, поломали боки!

— Такъ-таки и поломали? Да чего жь другаго дождаться отъ этой собаки! Вотъ, говорятъ, что *ксенже бискупъ* выѣзжаетъ до осмотра; ужь когда бъ-то заглянулъ онъ въ наше захолустье: сбилъ бы онъ *гонору* этому *жолнеру*, который самого отца-опата ни во что ставитъ.

Клеха, слушая, прихлебывалъ себѣ и молчалъ надувшись.

— Мало того, что сбилъ бы *гонору*, продолжалъ Янушъ: — онъ поставилъ бы его посередь цѣдинца на колѣна, на позоръ всей братіи, и далъ бы ему въ губы его файку съ поганымъ зельемъ, на смѣхъ людямъ!

— Правду молвить, пане отче, не пристало бы монаху жечь это бѣсово зелье, замѣтилъ клеха.

— Много дѣлается тутъ такого, что̀ монаху не пристало; и говорить тошно!

Янушъ покачалъ головою и взглянулъ на Густава, лицо котораго побагровѣло, глаза горѣли и онъ началъ бормотать что-то въ бреду и охать.

— Пане брате, у него сдается *огневица*, сказалъ старецъ, пощу-

павъ голову юноши, на котораго принятое снадобье подѣйствовало настоящимъ ядомъ.

Клавдій, въ качествѣ знахаря, подошелъ также, посмотрѣлъ, и рѣшилъ, что это просто съ глазу.

— Такъ надобно положить крестъ на крестъ на порогѣ вѣникъ да сѣкиру, да вспрыснуть съ уголька, и *фебра* тотчасъ минетъ.

— А не лучше ль напоить росою съ заячьей капусты, по три утра сряду, по восходѣ солнца?

— А не смазать ли ему пятки лошадинымъ пòтомъ, да не покурить ли перьемъ?

— Кладутъ также паука въ сорочье гнѣздо; какъ только птица склюетъ гадину, такъ и жаръ потухнетъ.

— Да кто жь, пане мой, этотъ хлопецъ? спросилъ Янушъ, постоянно любопытный.

— То, отче, дивный хлопецъ: съ виду—отрокъ, съ разуму—старецъ, мудрый, какъ змѣй, кроткій какъ голубь.

— Откуда жь онъ пришелъ? и кто его отецъ и матка?

Этотъ вопросъ озадачилъ Клавдія. Какъ истинный закоснѣлый бродяга, непомнящій родства, онъ естественно не обращалъ вниманія на родословную другихъ людей.

— А кто его родилъ, святой Богъ знаетъ, сказалъ онъ, подумавъ. — Вылетѣлъ этотъ птахъ изъ гнѣзда, чтò свили у насъ на пустырѣ, противъ костела, старый колдунъ съ колдуньей.

— Мати божія! вскрикнулъ Янушъ.

— Промаялся я тамъ, у нашего ксендза, пусть ему лихо будетъ, цѣлые полрока, и своими очами видѣлъ, какъ день и ночь дымила труба чортовой печи, и выкидывала огненныхъ змѣевъ; разлетались они во всѣ стороны по поднебесью; а чтò ужь дѣялось въ той хатѣ, кто-жь то знаетъ?

— Да что-жь тамъ дѣялось такое? допрашивалъ монахъ съ возрастающимъ изумленіемъ.

— А кто-жь ихъ вѣдаетъ? никто не водилъ съ ними хлѣба-соли. Знали люди, что тамъ жилъ колдунъ да вѣдьма, да вотъ этотъ хлопецъ съ ними, и никому до нихъ не было дѣла.

— Такъ они жь-то, пане мой, быть можетъ, и выкрали его малымъ *дзѣцкомъ* изъ колыбелки, прервалъ Янушъ, указывая съ комическимъ участіемъ на больного.

— А быть можетъ и выкрали, кто-жь ихъ душу знаетъ?

— А можетъ, то было *дзѣцко* какой-нибудь важной пани?

— А можетъ, и важной пани, соглашался Клавдій, языкъ котораго ворочался уже съ затрудненіемъ.

— Такъ это ты, мой братку, выручилъ его оттуда?

— А то кто же? подтвердилъ не обинуясь клеха.

— А оно жь крещено, фрате? спросилъ монахъ уже строго.

— Не вѣмъ, отче; я на его крестинахъ не пилъ пива.

— Милый Боже! съ ужасомъ произнесъ Кулявый. — Такъ скорѣй же бы крестить его; что̀ жь думаетъ нашъ жолнеръ съ своимъ опатомъ?

На это Клавдій пробормоталъ что-то такое, чего уже понять было невозможно. Наконецъ и его угомонила тревога безпокойнаго дня; тяжелая голова его склонилась на руки, которыми онъ облокотился на столъ, и, неутомимый странствователь, заснулъ сномъ, нельзя сказать, чтобы совершенно невиннымъ.

Янушъ, оставшись самъ съ собою, сталъ развивать въ воображеніи цѣлую балладу, согласную съ предразсудками вѣка, о похищеніи младенца вѣдьмами изъ колыбели.

Прошло нѣсколько времени въ этомъ положеніи. Клавдій спалъ, оглашая келью храпомъ на разные отголоски; Уставъ лежалъ недвижно въ тяжеломъ лихорадочномъ безпамятствѣ; иногда стонъ вырывался изъ его груди, иногда губы его шептали непонятныя слова и жадно ловили подносимую ему Янушемъ воду.

Подходя къ нему, старецъ чувствовалъ дрожь, пробѣгавшую по его тѣлу. Для отогнанія страха ночного, онъ началъ читать свой *бревіяржъ*. Произнося одну молитву за другою, онъ невольно взглядывалъ въ окно, въ которое смотрѣла съ надворья темная осенняя ночь. Ему представлялись въ радужныхъ оттѣнкахъ стекла̀ образины вѣдьмъ, засматривавшихъ на соннаго юношу, какъ на похищенную изъ ихъ когтей добычу, и Янушъ осѣнялъ знаменіемъ креста и болящаго и окно, и снова устремлялъ взоръ на распятіе, шепча и перебирая чотки.

IV.

Между тѣмъ отецъ Викентій, оттрепавъ, богъ-знаетъ на какомъ основаніи, Тадеуша и клеху, съ спокойной совѣстью человѣка, исполнившаго по инструкціи свою обязанность, отправился докладывать о происшествіи отцу-опату, и проходя дворомъ, ворчалъ, разсуждая самъ съ собою:

— Какіе тамъ злодѣи? Что̀ сдѣлаютъ эти дурни нашей громадѣ? Ихъ карабины не пробьютъ нашихъ муровъ; мы ихъ ошпаримъ, какъ смердячій гадъ, со стѣнъ горячей водою и зашвыряемъ головнями; а если придетъ до свалки, то мои ребята сломятъ бѣса!

Вбѣжавъ на крыльцо и торопливо промииувъ нѣсколько покоевъ, онъ вступилъ въ опочивальню, и устремилъ взоръ на сидящаго въ креслахъ духовнаго сановника, живописно озареннаго свѣтомъ трехъ лампадъ, горѣвшихъ у божнички.

по чрезвычайной тучности, опатъ находилъ удобство спать въ сидячемъ положеніи. Толстыя руки его опоясывали громадное чрево, едва сцѣпляясь на вершинѣ его концами пухлыхъ пальцевъ. Отвислый подбородокъ покоился на его груди; круглое, какъ полный мѣсяцъ, румяное лицо, увѣнчанное коронкою сѣдыхъ волосъ, выражало такое безмѣрное благоденственное житіе, что не вдругъ можно было рѣшиться прервать этотъ сладкій сонъ.

Пришедшій изъявилъ свое присутствіе кашлемъ, который изъ трубнаго горла его выходилъ веліимъ гласомъ.

— Это ты, Викентій? спросилъ старецъ, пріотворивъ вѣки. — Чтò тамъ былъ за гвалтъ? договорилъ онъ укоризненно, подавляемый дремотой.

— Чему тутъ быть, велебный ойче; бѣшеная собака ударила въ набатъ, какъ на пожаръ, всполошила братію.

— На пожаръ! повторилъ опатъ, посмотрѣвъ нѣсколько бодрѣе.

— Какой же тамъ пожаръ, откуда быть огню! Побились бѣсы на погостѣ, да очумѣлъ бродяга клеха: брешетъ, что какіе-то гультаи наступаютъ на обитель.

Пріоръ, не совершенно очнувшись, не могъ понять, сквозь сонъ ли путаются въ ушахъ его слова докладчика, или самъ онъ, по обычаю, несетъ какую-нибудь нелѣпицу.

Настоятелю была извѣстна степень развитія умственныхъ способностей монастырскаго воеводы, но извѣстна ему была также его безпримѣрная способность держать въ страхѣ толпу *пàссіи разгукàныхъ*. Благодаря этой способности, его превелебной мосци можно было дремать безпечно, несмотря ни на какіе раздающіеся набаты.

— Чтó? наступаютъ на обитель? спросилъ онъ, повторяя послѣднія слова, которыя странно подѣйствовали на его воображеніе.

— А гдѣ-жь таки тамъ наступаютъ? Пришелъ Клавдій-клеха, тотъ, чтò вытянулъ на реколекціи куфу кляшторной выстоянки.

— Чтò? какой Клавдій-клеха?

— А тотъ же самый, чтò просился въ рыбальты до нашего кляштора.

— Ну, такъ что-жь такое?

— А кто-жь знаетъ, чтó такое? Брешетъ онъ, старый песъ, что Тадеуша лысаго подговорили злодѣи, да что цѣлая рать ихъ засѣла въ лѣсѣ.

При этихъ словахъ опатъ встрепенулся на креслахъ, глаза его гнѣвно сверкнули; Викентій, взглянувъ на него, невольно оторопѣлъ; онъ не видывалъ еще никогда своего безмятежнаго владыку въ такомъ состояніи.

Надо знать, что въ ту пору стало нарушаться узаконенное дав-

нимъ обычаемъ правило повышенія духовныхъ чиновъ. Съ незапамятныхъ временъ, по смерти высшаго изъ сановниковъ, слѣдующій за нимъ получалъ его мѣсто, и всѣ остальные подвигались по разряду *діоцезій;* но склоняясь на происки и окольные забѣги, на домогательства возвышеній, по праву и безъ права, король дозволялъ уже себѣ нарушать существующій порядокъ и раздавать мѣста по произволу и по проискамъ. Кромѣ того, нерѣдко какой-нибудь настоятель монастыря, добившись высшаго званія, старался удержать за собою и прежнее, хоть на короткое время, или выпрашивалъ дополнительный доходъ съ другого монастыря или пресвитерства; отчего, разумѣется, и бывало, что иной пастырь вовсе не зналъ своего стада, а стадо въ глаза не видывало своего пастыря. Понятно, что изъ такихъ безпорядковъ возникали ненависть и распри. Монашество, имѣющее право избранія своихъ пріоровъ, отвергало назначаемыхъ королемъ, а тѣ брали кляшторы свои приступомъ, такъ что иногда опатъ вступалъ на свое опатство, предшествуемый пушками и отрядомъ солдатъ, осаждалъ стѣны монастыря, и, одержавъ побѣду, пѣлъ благодарственный молебенъ.

Кляшторъ бернардиновъ *Вселькой Воли* былъ въ настоящее время въ такомъ положеніи. Избранный братіею опатъ могъ ожидать осады монастыря своего королевскими войсками, и потому естественно, что мысль его остановилась на этомъ предположеніи.

— Такъ это что̀-жь такое? грозно воскликнулъ пріоръ: — и съ нами теперь поступаютъ такъ же, какъ съ врагами вѣры!... Блаженной памяти король Сигизмундъ-Августъ отдавалъ монастыри *схизматиковъ* въ награду своимъ панамъ, оказавшимъ услуги Рѣчи Посполитой; а Стефанъ Баторій до сей поры лучше того дѣлалъ: онъ своими магнатами, какъ татарами, расхищалъ ихъ монастырскіе скарбы и за то-жь его называютъ мудрымъ и *горлйвымъ* къ вѣрѣ; но если король станетъ заводить раздоры въ своей церкви, тогда домъ, раздѣлившійся и возставшій самъ на себя, погибнетъ... Что̀ думаетъ Стефанъ?...

— А я-жь развѣ знаю, что̀ онъ думаетъ? отвѣчалъ Викентій, понявшій, что вопросъ относится къ нему:—на то воля вашей превелебной мосци, прибавилъ онъ, сбитый съ послѣдняго толку.

— Пусть громятъ домъ божій, пусть ругаются святынѣ, какъ еретики, или поганые нехристи! продолжалъ свое разгорячившійся пріоръ.

— Видалъ я тѣхъ еретиковъ! я и въ туречинѣ бывалъ, и съ татарами бился, проговорилъ, вспомнивъ свои воинскіе подвиги, Викентій:—а если до чего дойдетъ, то ужь не посрамимъ святую обитель!...

Опатъ презрительно улыбнулся.

— Поразятъ пастыря, разыдутся овцы стада! сказалъ онъ. — Какъ подошлютъ къ вамъ аспидовъ, насулятъ золотыя горы, такъ не то заговорите!

— Чего-жь тутъ говорить; а коли биться, такъ благослови, отче!

— Чѣмъ возьмешся, брате? Наши старыя *рушнйцы* проржавѣли въ подвалѣ, да и порохъ ни на бѣса не годится!

— Про то вѣдаетъ отецъ-*скàбрникъ;* у него на рукахъ весь хламъ кляшторный.

— Тожь оно и есть, что хламъ, и гдѣ-жь съ нимъ устоять противъ коронныхъ пушекъ.

— Противъ пушекъ! воскликнулъ съ изумленіемъ Викентій. — Не бывало того на свѣтѣ, чтобы у пса выросли рòги, чтобы у лѣсныхъ гультаевъ были пушки!

— Дурень ты, я вижу, вымолвилъ пріоръ, опускаясь снова въ кресла. Онъ отеръ выступавшій на лбу потъ, повѣявъ на себя платкомъ, и вздохнулъ глубоко.

Мысль, чтобы толпа лѣсныхъ гультаевъ осмѣлилась подступить къ крѣпкимъ монастырскимъ стѣнамъ, была для него невозможна. Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ отдалъ приказаніе, чтобы лысый дѣдъ былъ немедленно представленъ предъ лицо его, и Викентій выбѣжалъ исполнить это приказаніе.

Но гдѣ ужь было взять лысаго дѣда? Чуя за собою вину, а передъ собой бѣду неминучую, онъ далъ тягу, его и слѣдъ простылъ. Напрасно Викентій метался по всему кляштору и лаялъ на вѣтеръ— никто не получалъ приказа задержать лысаго дѣда и не могъ дать ему отвѣта. Прибѣжавъ въ келью Януша, и увидя клеху, отецъ-хорунжій опрокинулъ на него всю свою злобу.

— Подавай сюда бѣсова дѣда! рявкнулъ онъ, дернувъ его за полу.

— Вотъ-то дурень! проговорилъ Янушъ:—реветъ, какъ волъ зарѣзанный, будто не видитъ, что тутъ лежитъ недужный.

— Подавай его сюда! повторилъ еще громче Викентій, схвативъ за воротъ соннаго Клавдія и поставивъ его могучей рукой на ноги.

Клеха стоялъ, вытаращивъ на него глупо-изумленные глаза, ничего не понимая и не говоря ни слова.

— Гдѣ онъ, гдѣ дѣдъ Тадеушъ? а? подавай его къ опату! продолжалъ грозно кричать Викентій.

— Вотъ-то собака! проворчалъ Кулявый Янушъ, глядя съ состраданіемъ на больного, который вскидывалъ глаза и съ испугомъ озирался.

— Да взбѣсились вы, что ли, съ своимъ опатомъ! крикнулъ и Клеха, выведенный изъ терпѣнія.—Пытаете чужого псаря о своихъ собакахъ!

— Давай его сюда, говорятъ тебѣ, слышишь?

— Давалъ я его тебѣ руками, такъ не умѣлъ брать; теперь ищи гдѣ знаешь! отвѣчалъ огрызаясь клеха.

Укоръ затронулъ Викентія за живое! Онъ снова схватилъ клеху заворотъ и началъ тузить его изо всей силы. Въ это время Густавъ приподнялся на кровати съ разбросанными въ безпорядкѣ волосами и съ пылающимъ лицомъ. Мутный взоръ его устремился на борцовъ, онъ шевелилъ губами, дѣлая усиліе что-то сказать...

— Вонъ отсюда! кричалъ освирѣпѣвшій Викентій.—Вонъ! чтобъ и духу твоего поганаго не пахло въ монастырскихъ стѣнахъ! И онъ вытолкалъ совершенно обездоленнаго клеху за двери, и провалился вслѣдъ за нимъ изъ кельи.

Янушъ пожималъ плечами.

— Мои сокровища! мое безсмертіе! вскрикнулъ вдругъ Густавъ, порываясь вслѣдъ за Клавдіемъ, и указывая на сумку за спиной его!—Domine! злодѣи похитили нашу славу!

— Что̀ съ тобой, хлопче! Куда ты? сказалъ Янушъ, придерживая больного.

— *Великая панацея!* Simplicia pura! Торжество науки! Лучъ солнца, растворенный въ металлѣ, носящемъ имя планеты! проговорилъ снова юноша, уставивъ пылающій взоръ на старца.

— Что̀ онъ такое бредитъ? повторилъ въ недоумѣніи Янушъ:—ложись, прилягъ, Богъ съ тобою; то не воры, не злодѣи, то я, мое сердце.

Уложивъ больного бережно снова на изголовье, Янушъ укрылъ его своей одеждой, и ублажая ласковымъ голосомъ, какъ ребенка, старался его успокоить.

— Засни, засни, закрой очи, мое дзѣцко!

— Это ты, domine? спросилъ юноша, на слухъ котораго подѣйствовалъ благодушный голосъ монаха.

— Я, я, сынку, я самый, Янушъ Кулявый.

— Гдѣ-жь пропадалъ ты такъ долго? Я вездѣ искалъ тебя; я думалъ, что ты все еще на меня сердишься...

Больной продолжалъ говорить непонятныя для Януша, несвязныя рѣчи, то обращаясь къ нему и называя его доминусомъ, то вздрагивая съ ужасомъ, какъ будто передъ нимъ возникало какое нибудь страшное видѣніе. Онъ вскрикивалъ и трепеща обвивалъ Януша руками.

— Панъ-Богъ съ нами! что̀ онъ говоритъ такое? шепталъ крестясь и содрогаясь Янушъ.—Молчи, молчи, мое дзѣцко; врагъ мутитъ тебя и ужасаетъ твой разумъ.

Но стихая мало-по-малу, Густавъ забылся, одолѣваемый болѣзненнымъ сномъ, а Янушъ сталъ дочитывать свой *брѐвіяржъ*.

V.

Вѣсть о предполагаемомъ нападеніи злодѣевъ на обитель быстро разнеслась по окрестности. Жители позагоняли съ поля стада, жиды позапрятали свои червонцы, разглашая страхи и ужасы, чтобы задерживать на постоѣ, въ корчмахъ богатыхъ проѣзжихъ.

Наконецъ, по дошедшей молвѣ, войско *коронпаго и чужеземнаго аутораменту*, спѣша медленно, выѣхало на слѣдъ *злодѣевъ*, за которыми любило оно охотиться, какъ за разжирѣвшею въ позднюю осень дичью, когда добрые молодцы возвращались до главныхъ сѣдлищъ своихъ съ добычей.

О Тадеушѣ запали слухи, онъ какъ въ воду канулъ, и чернѣе хмары ходилъ, понуривъ голову, отецъ Викентій.

— Силоховалъ ты, брате, сказалъ ему въ укоръ и выговоръ опатъ:—продалъ псу очи, выпустилъ изъ рукъ лысаго дѣда, да тѣми же руками выпроводилъ и Клавдія. Клавдій указалъ бы разбойничье гнѣздо пальцемъ; а теперь стой ночи на сторожѣ.

Избывъ воображаемую бѣду со стороны небывалаго соперника, опатъ подсмѣивался теперь надъ своимъ воеводой, подсмѣивались надъ нимъ и *братишки*, подымая гомонъ между собою. Отецъ Викентій копилъ все это на-сердцѣ.

Всего обиднѣе было ему то, что тутъ торжествовалъ Янушъ Кулявый, что онъ сообщилъ пріору всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ отъ нашихъ путниковъ и успокоившія тревогу его превелебной Мосци.

Между тѣмъ, Густавъ лежалъ безъ памяти въ жестокой горячкѣ. Новый покровитель, посланный ему судьбою, не отходилъ отъ него ни днемъ, ни ночью, и окружалъ его самыми нѣжными заботами и попеченіями.

Двигателемъ достохвальнаго подвига монаха была возвышенная цѣль—спасти вмѣстѣ съ тѣломъ и душу погибающаго. Желаніе возвратить къ жизни это существо, вырванное у адской силы, и привести некрещеное, по его мнѣнію, *дзѣцко* до вѣры, дошло въ немъ до восторженія.

Онъ поилъ своего паціента разными *зёлками*, и смазывая тѣло *мастями*, нашелъ на груди его, вмѣсто креста, зашитыя въ шолковый мѣшечекъ какія-то *папирки*.

Снявъ эти цыдулки, Янушъ посмотрѣлъ на нихъ сомнительно и прибралъ къ сторонѣ, въ намѣреніи посовѣтоваться объ нихъ съ отцемъ-скарбникомъ Христофоромъ, котораго не безъ основанія почитали въ кляшторѣ мудрымъ.

Усердныя попеченія старца о болящемъ и теплыя, возсылаемыя за него молитвы, возымѣли свою святую силу; на пятнадцатый

день, юноша взглянулъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ. Онъ обвелъ глазами незнакомый покой, посмотрѣлъ на старца, сидящаго у ногъ его, но не выговорилъ ни слова, слабыя вѣжди его опять сомкнулись.

Это было, однако, уже не болѣзненное безпамятство, а добрый, возстановительный сонъ. На другой день Густавъ проглотилъ нѣсколько ложекъ какого-то навару и могъ отвѣчать на вопросы старца.

— А не хочешь ли ты поѣсть, мое дзѣцко? спросилъ его Янушъ.

— Хочу, отвѣчалъ юноша.

— Молись Богу, мое сердце. Богъ посылаетъ болѣзнь, Богъ даруетъ и выздоровленіе... А вѣруешь ли ты въ пана-Бога?

— Вѣрую въ пана-Бога, проговорилъ Густавъ, какъ-бы испытывая способность говорить.

— А ну, познаменуйся крыжемъ.

Густавъ не понялъ этого требованія.

— Развѣ-жь ты некрещеный, мое сердце?

Юноша безсознательно посмотрѣлъ на Януша и, видимо утомленный допросомъ, пошаталъ головою, въ знакъ нежеланія отвѣчать, и задремалъ снова.

— Некрещеный! повторялъ Янушъ съ мучительной заботой.— Милый Боже! не дай погибнуть душѣ человѣка! расторгни узы дьявола! Спаси отъ муки вѣчной!

Старецъ ощущалъ себя вдохновеннымъ, и набожная ревность побуждала его немедленно же начать свое *катехизованье*.

— Посмотри, мой хлопче, подивись, какой даетъ намъ панъ-Богъ свѣтлый день, сказалъ онъ съ умиленіемъ, глядя на Густава, который, послѣ крѣпкаго спокойнаго сна цѣлой ночи, проснулся видимо бодрѣе:—Богъ даетъ свѣтъ дню и тьму ночи: все отъ Бога.

Возвращающійся къ жизни юноша, утративъ память всего прошедшаго, былъ въ положеніи младенца, который обрѣтаетъ постепенно понятіе о томъ, что̀ видитъ и слышитъ. Онъ смотрѣлъ на попечителя своего тѣмъ неподражаемымъ, младенческимъ взглядомъ, въ которомъ еще видно блаженное невѣдѣніе добра и зла.

Отъ времени до времени мелькали въ головѣ его воспоминанія, какъ метеоры, и гасли, оставляя хаотическую смуту понятій.

— А вотъ мы дождемся *свята*, продолжалъ свое оглашающій:—и съ благословенія пана-Бога пойдемъ до крещельницы... Изъ нея отверзтый человѣку путь прямой въ царствіе божіе, гдѣ люди живутъ вѣчно и не умираютъ.

— Живутъ вѣчно и не умираютъ!... Тайна *великой панацеи?* проговорилъ юноша, углубляясь въ думу, и напрягая ослабѣвшія умственныя силы. Въ мысляхъ его богословіе Януша путалось съ химическими процесами доминуса Ганса.

— Такъ, такъ, мое сердце, живутъ вѣчно и не умираютъ; а некрещеный не можетъ быть наслѣдникомъ царства благодати.

— Наслѣдникомъ царства? повторилъ Густавъ тихо, и дѣлая отрицательный знакъ рукою:—тс! молчи, молчи!... Я уже не наслѣдникъ царства... Врагъ владѣетъ имъ, онъ ищетъ погубить мою душу...

— Да, да, мое дзѣцко, врагъ человѣконенавистникъ царствуетъ во тьмѣ кромѣшной и владаетъ темными душами; но не страшись, не ужасайся, сынку мой! Господь порушитъ оковы вражьей силы и возвратитъ тебя твоимъ кровнымъ и возвеселится сердце твоей родной матки и плачъ ея обратится въ радость.

— Плачъ ея обратится въ радость? спросилъ въ смутномъ раздумьи юноша.

— Такъ, сынку, такъ! Долго, долго ждала она свое родное дитя, котораго отторгла злая сила отъ ея сердца; но Богъ ее утѣшитъ. Уповай на Бога! Богу всѣ пути извѣстны, и ведетъ онъ человѣка тѣми неисповѣдимыми путями, и приводитъ къ тихому пристанищу, гдѣ человѣческой душѣ такъ сладко, такъ отрадно, гдѣ она упивается такимъ неописаннымъ блаженствомъ, которое знаютъ только ангелы божіи, сидящіе вокругъ престола господня.

Умилительныя рѣчи старца, звучавшія простодушіемъ и теплой вѣрой, безотчетно вливались въ сердце юноши. Глядя на своего учителя, онъ улыбался какъ дитя, которому ласковая няня обѣщаетъ какую нибудь радость.

— Такъ желаешь ли ты креститься, мое сердце, разрушить узы дьявола, связавшія тебя? Желаешь ли получить блаженную жизнь въ небесномъ царствѣ и быть тамъ вмѣстѣ съ кровными, родившими тебя? Хочешь ли быть съ ними? Хочешь ли ихъ видѣть, мое дзѣцко?

— О, хочу быть съ ними, хочу ихъ видѣть! воскликнулъ юноша, съ выраженіемъ истиннаго счастія.

Послѣ этого яснаго, удовлетворительнаго отвѣта, Янушъ ликовалъ въ душѣ своей побѣду надъ дьяволомъ и началъ, съ благословенія пріора, дѣлать необходимыя для обряда распоряженія.

Но идея, одушевлявшая Януша, не оживляла прочую братію. Ничтожная личность воображаемаго *паганина* не возбуждала ихъ сочувствія, и потому въ назначенную для его просвѣщенія суботу, Янушъ суетился одинъ однимъ въ кельи, готовясь къ обряду, а Густавъ, сидя на постелѣ, прислушивался къ завыванью осенняго вѣтра.

Время отъ времени, старецъ обращался къ нему съ наставленіями. Густавъ то смотрѣлъ на него молча, то снова прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ, то безсознательно вглядывался въ

окружающие его предметы. Отупѣніе памяти и смысла, обыкновенное слѣдствіе воспалительной мозговой горячки, выражалось на его лицѣ.

Наступившее ненастное время осени обложило небо тучами и грозило бурей; Густавъ былъ болѣе воспріимчивъ, и начиналъ чувствовать нервное раздраженіе, когда пришелъ посланный сакристинъ съ извѣщеніемъ, что его ожидаютъ.

— Слышишь, сердце, ожидаютъ, сказалъ Янушъ.

Не подозрѣвая, что дѣло касается до него, юноша оставался безотвѣтенъ.

— Часъ идти; вставай, мой хлопецъ!

— Куда идти? спросилъ Густавъ.

— Развѣ-жь ты не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Густавъ.

— Дьяволъ отнялъ твою память, врагъ смущаетъ твою душу! вѣдьмы тѣ, что̀ выкрали тебя отъ родной матки, не хотятъ твоего спасенія!... Вотъ, смотри, не даромъ подымается такая хмара... слышишь, загудѣло?... То онѣ, мой сынку, вооружаются противъ креста господня.

Густавъ вздрогнулъ отъ раздавшагося порыва вѣтра, и, какъ испуганное дитя, приникъ къ груди старца.

— Ратуй насъ, мати божія, говорилъ, крестясь, Янушъ:—огради насъ, боже, отъ силы злого духа. Та сила чуетъ свою близкую неволю, и оттого она такъ озлилась... слышишь, какъ грохочетъ?...

Крупный дождь стучалъ въ тесовую кровлю, вѣтеръ перебиралъ ветхими драницами и свистѣлъ въ расщелинахъ. Издали слышалось, какъ шумѣлъ лѣсъ и бушевала рѣчка, текущая за оградой. Это подѣйствовало на слабые нервы юноши, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Не бойся, мое сердце, злоба дьявола разсыплется какъ прахъ и унесетъ ее та же буря въ тартаръ преисподній... Вставай, спѣши скоро, скоро мое дзѣцко!

Съ напуганнымъ воображеніемъ, въ состояніи полоумія, Густавъ смиренно и послушно покорялся старцу.

— Пойдемъ, сказалъ Янушъ, взявъ юношу за руку.

— Куда? спросилъ онъ снова непроизвольно, возбудивъ этимъ вопросомъ истинное сокрушеніе монаха.

— Глаза и уши раба сатаны закрыты! сказалъ онъ угрюмо и, накинувъ свою толстую, суконную рясу на Густава, вывелъ его поспѣшно изъ кельи.

Обрядъ совершился; но для неофита онъ былъ не болѣе, какъ сновидѣніемъ. Густавъ безсознательно повторялъ нашептываемыя ему Янушемъ слова. Возгласы ксендза, чтеніе сакристина, гудѣли

въ его ушахъ безъ всякаго смысла, и казалось, что знаменательное священнодѣйствіе потратило дары свои надъ истуканомъ.

Но ввечеру опатъ не безъ удовольствія взглянулъ на единицу, которою умножилось число навращенныхъ, въ управляемомъ имъ кляшторѣ.

VI.

По совершеніи обряда, Янушъ вспомнилъ и о ладонкѣ, найденной на груди Густава, и передалъ ее на разсмотрѣніе кляшторному докѣ, отцу-*скарбнику* Христофору.

Отецъ-скарбникъ пользовался особеннымъ покровительствомъ виленскаго епископа Протасовича-Шушковскаго—тогда уже древняго старца, который, во всѣхъ подвластныхъ ему монастыряхъ и приходахъ, имѣлъ свой глазъ и свое ухо.

Не по душѣ былъ отцу-пріору этотъ приставленный къ нему *дозорца*, смотрѣвшій на все изподлобья. Простодушный опатъ дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ своимъ покоемъ и своимъ кухаремъ изъ капуциновъ, орденъ которыхъ такъ славился поваренымъ искуствомъ, что приготовляемая капуцинами рыба была красою королевскихъ обѣдовъ. Присутствіе Христофора ставило настоятеля въ положеніе человѣка, который не могъ заснуть покойно, потому что надъ его головою паукъ заткалъ себѣ гнѣздо и тревожилъ его непріятнымъ сосѣдствомъ.

Отецъ-скарбникъ, распоровъ шелковую ладонку и развернувъ сложенныя бумаги, сталъ разсматривать ихъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Братишекъ Янушъ Кулявый и самъ опатъ, дурень фирмованый, обезголовѣли, сказалъ онъ:—съ кѣмъ это нянчатся они? кого лечили и крестили?... что̀ значитъ эта королевская корона на печати?... эти титулованные документы?...

Христофоръ еще внимательнѣе сталъ разглядывать ихъ. Потомъ, вложивъ граматки въ шелковый мѣшочекъ, разсудилъ отправиться съ ними къ опату; но его уже предупредилъ панъ хорунжій, которому ужасъ какъ щемила сердце забота надосадить Янушу и выпроводить поселившагося въ кляшторѣ хлопца.

Этотъ хлопецъ былъ для него живымъ укоромъ, живымъ, несноснымъ напоминаніемъ сдѣланнаго имъ промаха.

— Что̀ скажешь? спросилъ снова обезпокоенный опатъ.

— Жидокъ Мозеръ пріѣхалъ, отвѣчалъ хорунжій, избравъ эту вѣсть причиною своего безвременнаго прихода.

— А привезъ онъ мнѣ шафрану?

*

— Привезъ шафрану, пане отче; да привезъ и слухи, что *ясноосвъцдный* бискупъ ѣдетъ въ наши края.

— Знаю я, какъ онъ ѣдетъ; вотъ уже три года, какъ жидки привозятъ эти слухи.

— Люди брешутъ, пане отче, а иной разъ и правду скажутъ.

— Ну, пусть себѣ и правду, пусть себѣ ѣдетъ *ясноосвъціоный*, у насъ все въ порядкѣ.

— Гдѣ жь таки все въ порядкѣ, когда по кельямъ живутъ бродяги?

— Какіе тамъ бродяги? а ты чего же смотришь!

— Гдѣ я смотрю, тамъ и сметьё подмѣтено и сору нѣтъ, а не то что чужого человѣка...

— А какіе жь у насъ чужіе люди?

— О томъ надо спросить Куляваго... окрестилъ *балвохвальца*, ну, и пусти его идти своей дорогой... а то панъ-Богъ его знаетъ, кто онъ тамъ такой, да еще хворый, умретъ пожалуй! что̀ тогда съ нимъ дѣлать?

— Умретъ, такъ стало быть на то воля божія, сказалъ невозмутимо опатъ:—умретъ, такъ и похоронимъ.

— А какъ отыщутся родные, тогда и отвѣчай имъ, куда его дѣвали?... А по моему разуму вынести его заживо за ограду, а тамъ пусть себѣ и умираетъ.

Пріоръ посмотрѣлъ на него строго. Нетрудно было ему проникнуть въ коварные навѣты хорунжаго, который постоянно подъискивался подъ стараго Януша.

— Полно, брате, не монаху говорить такія рѣчи!... Ступай себѣ и не гнѣви пана-Бога празднымъ словомъ!

Выходя съ досадой, Викентій встрѣтилъ на крыльцѣ отца Христофора.

— Альбо то, а̀льбо о̀во; а его превелебная милость, а ни то, а ни о̀во! проговорилъ пуще злобясь хорунжій, проходя мимо.

Скарбный молча розминулся съ нимъ и приказалъ служкѣ доложить о своемъ приходѣ.

— Ну, что тамъ еще? спросилъ настоятель вошедшаго Христофора.

— Пришелъ доложить вашей превелебной милости о новокрещенномъ.

— Опять о немъ! да что вы паны братья, что̀ вамъ дался тотъ хлопецъ? Что онъ вамъ такое сдѣлалъ?

— Да онъ-то, пане отче, ничего не сдѣлалъ; а мы, съ благословенія вашей превелебной мосци, не знаемъ кого крестили.

— Окрестили *балвохва̀льца*, развѣ жь ты не знаешь?

— Будьте ласковы, пане отче, попытайте взглянуть на эти листочки.

И скарбникъ, вынувъ письма, подалъ ихъ опату.

— Ну, какія тамъ бѣсовы цыдулы?

— Какія жь то бѣсовы цыдулы; хлопецъ, должно быть, былъ христіанинъ.

— Что жь, *схизматикъ* или лютра тотъ же *балвохвалецъ:* имя божіе произноситъ всуе... Пошли Януша, пусть онъ скажетъ, кто таковъ тотъ хлопецъ! крикнулъ раздосадованный опатъ.

Христофоръ съ язвительной улыбкой пошелъ исполнять приказаніе.

— Ну! еще громче грянулъ настоятель, когда въ дверяхъ заковылялъ Янушъ.

— Чтó прикажешь, ваша превелебная милость?

— Кого навротили вы до вѣры?

— Поганина, съ твердостію отвѣтилъ Янушъ.

— Ну, говори ему, отецъ-скарбникъ.

— Пане брате, въ листахъ тѣхъ, чтò хлопецъ носилъ на шеѣ, значится, что то былъ...

— Ну, кто? кто онъ былъ? кому ему быть, ну, кому ему быть? прикрикнулъ опатъ, который, по темпераменту своему, приходилъ въ безтолковое раздраженіе каждый разъ, когда выводили его изъ блаженнаго состоянія покоя.

— А кому жь ему быть, когда вѣдьмы выкрали его изъ колыбели малымъ дзѣцкомъ, когда онъ не зналъ съ роду ни отца, ни матки, а жилъ въ наукѣ у колдуна съ колдуньей; самъ Клавдій то все дѣло своими очами видѣлъ, хлопецъ самъ просилъ святой купели.

— Слышишь, отецъ-скарбникъ, сказалъ опатъ:—или тебя самаго обошла вражья сила?

— Вражья сила строитъ всякія козни монаху, продолжалъ свое Янушъ:—когда крестили хлопца, какую она подняла бурю, рвалась въ окна, такъ бы вотъ и выхватила свою добычу изъ-подъ креста Господня!

— Ступайте вонъ, дайте мнѣ пóкой! порѣшилъ пріоръ:—и чтобъ того хлопца сего же дня не было въ кляшторѣ!

— Взмилуйся, пане отче! онъ же еще хворый да *дурной*; надо жь ему придти въ разумъ.

— А для Бога дайте жь мнѣ покой! проговорилъ, выпроваживая ихъ рѣзкимъ жестомъ опатъ, выведенный совершенно изъ терпѣнія. Однако одумавшись, и принимая во вниманіе личность скарбника, пріоръ послалъ за нимъ въ тотъ же вечеръ.

Узнавъ, что новокрещенный долженъ быть высокаго, быть мо-

жетъ державнаго рода, онъ встревожился не на шутку и разразился въ жалобахъ на свою участь.

— Хорошо вамъ тутъ сидѣть за спиною старшаго; а моя какая собачья доля? отвѣчай за всякаго дурня, да знай, чѣмъ и отплатиться отъ всякой тяги!... дай поборъ, дай корчѐмнаго съ своихъ *добръ*, дай половину десятины особо отъ побору; отбудь постой войсковой... Изъ своей властной шкатулы подавай *донатйву* королю на его выправы, подымай его со всѣмъ дворомъ, когда проѣзжаетъ по твоему *маёнтку*, справляй почетъ его людямъ обознымъ, не забудь и гетмана, чтобъ онъ оборонялъ твои *вёски;* угости и ротмистровъ съ товарищами, чтобы не грабили; дай имъ на подкову талеровъ со сто... А Римъ тоже тянетъ съ Польши свои доходы: то грошъ св. Піэтра, то плати *аппаtу*, да повсечасные *офіяры!...*

Отецъ-скарбникъ выслушалъ всю эту рацею равнодушно.

— Да кто жь онъ таковъ, тотъ новокрещенный? перешелъ къ внезапному вопросу опатъ.

— Мнѣ сдается, пане ойче, что тотъ хлопецъ съ нездоровой головой... Сдается мнѣ, велебный ойче, что онъ утекъ съ дуру изъ родного дома, отвѣчалъ скарбникъ смиренно и уже не почитая нужнымъ высказывать свои предположенія.

— Да на бѣду нашу и попалъ къ намъ въ кляшторъ, добавилъ пріоръ.—Что̀ жь ты думаешь съ нимъ дѣлать?

— Везти его въ Вильно, къ самому *ясноосвѣцонѐму.*

— Что̀ жь будетъ онъ говорить бискупу, о томъ, какъ мы его крестили?

— А что̀ будетъ говорить дурень, святой Богъ знаетъ.

— Такъ ты такъ же и скажи нашему наипревелебнѣйшѐму, что то дурень... и что сами мы съ нимъ одурѣли, добавилъ опатъ, смѣясь и радуясь въ тайнѣ, что судьба избавляетъ его хоть на время отъ претящаго душѣ человѣка.

Дѣло на томъ и порѣшилось.

Янушъ страшно огорчился, когда ему объявили о разлукѣ съ паціентомъ.

— Куда везутъ тебя, мое дѣтко? спросилъ онъ его плачевно.

— Куда везутъ? спросилъ и Густавъ.

— Везутъ тебя въ Вильно, мое сердце!

— Въ Вильно? повторилъ Густавъ, что-то припоминая.

— Хочешь ѣхать въ Вильно?

— Хочу, хочу! сказалъ юноша, въ смутномъ воображеніи котораго, какъ въ магическомъ фонарѣ, возникало изъ отдаленной точки горячее личико съ огненными глазками и манило его къ себѣ.

VII.

Через нѣсколько времени послѣ этихъ происшествій, въ знакомомъ читателю кабинетѣ Станислава Варшевицкаго, ректора святоянскаго семинаріума въ Вильнѣ, сидѣлъ облокотясь на столъ и погруженный въ глубокую думу гость, часто посѣщавшій столицу Литвы и всегда избиравшій эту комнату своею станціею.

По римскому типу смуглаго лица его, по четырехугольной шапкѣ и по длинному плащу отцовъ професовъ, накинутому на однобортный подрясникъ, нетрудно было узнать въ немъ іезуита Поссевина, который безпрестанно сновалъ по Европѣ и находился теперь, по случаю пріѣзда короля, въ Вильнѣ, гдѣ имѣлъ ежедневныя конференціи съ задушевнымъ другомъ своимъ, Замойскимъ.

Нунцій, по порученію папы Григорія XIII и генерала своего, Клавдія Аквавивы, отправлялся въ Москву, вслѣдствіе посольства къ римскому двору царя Ивана Васильевича Грознаго, который, видя себя въ необходимости защищаться противу нѣсколькихъ враговъ, почелъ за нужное обратиться къ посредничеству папы.

Это лестное довѣріе русскаго царя изумило римскаго первосвятителя, который до сихъ поръ напрасно выискивалъ случая открыть своимъ мисіонерамъ дорогу въ Россію и рѣшился, послѣ тщательныхъ попытокъ, дѣйствовать оружіемъ: по его вліянію храбрый шведскій полководецъ Понтъ-де-ла-Гарди громилъ сѣверные города наши; онъ же опоясывалъ Баторія священнымъ мечомъ, благословляя на борьбу съ Россіей, и его-то избиралъ Грозный своимъ медіаторомъ въ Швеціи и Польшѣ.

Григорій, однако, не проявилъ восторга, ожиданнаго царемъ Иваномъ. Онъ выразилъ царю свою претензію за то, что въ просьбѣ его было пропущено обѣщаніе подчинить своихъ подданныхъ духовному вліянію намѣстника св. Петра, и за то, что въ титулѣ папа названъ не вселенскимъ святителемъ, а только пастыремъ и учителемъ римской церкви. Этотъ горделивый укоръ объяснялся тѣмъ, что Понтъ-де-ла-Гарди осадилъ уже Нарву, а Баторій, послѣ тяжелыхъ побѣдъ, при помощи и хитрости нѣмцевъ, подъ Полоцкомъ, Соколомъ и Великими-Луками, явясь на сеймъ съ лицомъ блѣднымъ отъ перенесенныхъ трудовъ и болѣзни, говорилъ панамъ своимъ, требуя отъ нихъ еще людей и денегъ: «Радуйтесь успѣхамъ, но умѣйте пользоваться ими; судьба предаетъ намъ, кажется, все Московское государство; отвага и увѣренность руководятъ къ великому». Такія слова внушали Риму надежды на стяжанье правъ на обширную Московію мечомъ трансильванца.

Но если Григорій XIII, освѣтившій потѣшными огнями Римъ при вѣсти о злодѣйствахъ варѳоломеевской ночи, славился ревно-

стію къ своей церкви, то генералъ іезуитовъ Аквавива былъ не менѣе его достоинъ славы великаго ревнителя интересовъ своего ордена. Преминуть воспользоваться предложеніемъ московскаго царя, открывающимъ свободный пропускъ нунціямъ въ Россію, было бы слишкомъ оплошно, и посредничество между воюющими державами было принято съ предварительнымъ удостовѣреніемъ польскаго короля въ томъ, что посольство изъ Рима въ Москву, имѣя характеръ не столько политическій, сколько религіозный, не будетъ въ ущербъ его интересамъ; что мирные переговоры не будутъ имѣть никакого вліянія на ходъ войны, и что его святѣйшество даже почтетъ за лучшее, если военными дѣйствіями Стефана, царь будетъ доведенъ до крайности.

Въ подтвержденіе этихъ словъ, Аквавива вручилъ своему легату, на всякій случай, вмѣстѣ съ посылаемыми царю Ивану въ даръ крестомъ съ изображеніемъ страстей Господнихъ и алмазными чотками—экземпляръ дѣяній флорентинскаго собора.

Въ Швеціи, казалось бы, члены Societatis Iesu должны были искреннѣе служить московскому царю, потому что были озлоблены на короля за его непостоянство и колебаніе въ новой вѣрѣ, однако и тамъ, на несчастье Грознаго, они старались поддерживать своего прозелита, озабоченнаго противоборствомъ съ герцогомъ Карломъ, который уже отважился собрать въ Никепингѣ сеймъ, гдѣ было все первое духовенство и все знатнѣйшее дворянство Швеціи, присягнувшее единодушно противъ латинской обѣдни.— Побѣды Понта-де-ла-Гарди на сѣверѣ Россіи возбуждали восторгъ народа, и потому папа не спѣшилъ лишить своего, хотя и плохого католика, блеска, придаваемаго ему трудами храбраго полководца, и не торопился слишкомъ невыгоднымъ для Швеціи миромъ, а напротивъ поддерживалъ ея войну съ Россіей даже тогда, когда въ Москвѣ ждали уже нунція, какъ миротворца—съ почетомъ, котораго до того времени не удостоивались ни королевскіе, ни императорскіе послы.

Дѣла Швеціи въ особенности обратили на себя вниманіе папы и его клевретовъ съ тѣхъ поръ, какъ тамошніе придворные іезуиты сообщали безпрерывно о явившихся въ рукахъ королевы и ея приверженцевъ несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя дали внезапно сильный перевѣсъ этой партіи.

Извѣстно, что золото всегда возбуждало въ лжебратіи христовой инстинктъ ворона, жаждущаго крови. Старые слухи о кладѣ покойнаго короля Эрика, снова пронеслись изъ конца въ конецъ Европы и произвели необыкновенное движеніе по дорогамъ изъ Рима въ Стокгольмъ. Гонцы и подозрительные путешественники стали носиться по нимъ такъ часто, что протестантскія державы

почли за нужное увѣдомить о томъ герцога Карла. Особенно въ послѣднее время возбудили опасеніе безпрестанные проѣзды Поссевина. Его уже подстерегали на дорогѣ чрезъ Верхній-Пфальцъ въ Богемію; но онъ ловко миновалъ разставленныя ему сѣти, въ которыя, по ошибкѣ, попалъ какой-то епископъ, ѣхавшій изъ Ирландіи въ Прагу.

Избѣгнувъ благополучно этой опасности, вѣроятно не о ней думалъ теперь іезуитъ. Роль, которую онъ готовился разыгрывать, требовала соображеній и вырабатывалась въ головѣ его, покрытой черной четырехугольной скуфейкой. Этой скуфейкѣ не разъ могъ повторить онъ извѣстныя слова: «Я бы сжегъ тебя, еслибъ ты знала, что́ я думаю».

Его соображенія были прерваны вошедшимъ коадъюторомъ, который увѣдомилъ о прибытіи великаго канцлера Замойскаго.

— Bon giorno, padre, сказалъ сановникъ, показавшійся въ дверяхъ тотчасъ послѣ доклада, по домашнему, въ простомъ жупанѣ и безъ сабли.

Іезуитъ привѣтствовалъ посѣтителя благословеніемъ, подалъ стулъ, и, скрестивъ руки, устремилъ на него вопросительный взоръ.

— На этотъ разъ нѣтъ никакой надежды, отвѣчалъ, понимая безмолвный вопросъ, Замойскій: — деньги нужны для войска. Настойчивость московскаго царя, который съ такимъ упорствомъ добивается мира, слишкомъ сильно поощряетъ насъ на войну.

— Но основаніе въ Вильно и въ главныхъ пунктахъ края новыхъ школъ нашего ордена, для дѣтей здѣшнихъ *греческихъ схизматиковъ*, обѣщаетъ такіе великіе результаты для церкви, что неблагоразумно было бы пренебречь этимъ важнымъ дѣломъ, ради другихъ государственныхъ выгодъ: «сіе творите и того не оставляйте!» Самыя побѣды не принесутъ пользы, если не будетъ попеченій о совѣсти народа.

— Дѣло въ деньгахъ, padre mio, а теперь ихъ нѣтъ. Еслибъ было возможно заложить жидамъ этотъ Collegium и новиціушевъ одѣть въ латы, то король не поколебался бы это сдѣлать. Мы сосредоточиваемъ всѣ средства, напрягаемъ всѣ силы въ надеждѣ, что Московія вознаградитъ жертвы и утраты, и потому въ настоящее время невозможно ждать успѣха въ пользу какого бы то ни было предпріятія, требующаго издержекъ.

Нунцій, испытавшій неоднократно, что невозможное дѣлается возможнымъ, просилъ настоятельно послѣдней аудіенціи у короля. Онъ понималъ свое выгодное положеніе въ настоящее время, потому что отправляясь въ Москву, онъ могъ быть столь же полезенъ, сколько и вреденъ для короля. Іезуитъ имѣлъ основательныя при-

чины не уступать въ своихъ требованіяхъ; но Замойскій, видимо уклоняясь отъ безполезныхъ переговоровъ, намекнулъ, что причина его посѣщенія другая.

— Что̀ угодно сказать вашей свѣтлости? спросилъ Антоній, садясь и ожидая объясненій.

— Вопервыхъ то, что добрый старецъ нашъ, Валеріанъ Протасовичъ Шушковскій...

— Достойнѣйшій изъ епископовъ, съ благоуваженіемъ прибавилъ іезуитъ.

— Наидостойнѣйшій, безспорно. Къ сожалѣнію, на старости лѣтъ, онъ страдаетъ безсонницей; и потому разбудилъ меня сегодня до разсвѣта, чтобы съ большою важностію сообщить о маломъ дѣлѣ.

— Весьма часто малыя дѣла принимаютъ великіе обороты, замѣтилъ Поссевинъ, которому, впрочемъ, былъ извѣстенъ обычай канцлера говорить шутливо о серьёзныхъ предметахъ.

— Это предоставляется твоему собственному обсужденію, padre mio, рѣшить, на сколько былъ правъ посягнуть на мой краткій отдыхъ бискупъ нашъ Шушковскій, который напомнилъ мнѣ сегодня утромъ смѣшную сцену, разыгранную нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *секретовой* палатѣ дольняго замка.

— При розыскахъ о малолѣтнемъ принцѣ Густавѣ шведскомъ, котораго, несмотря на строгія мѣры, принятыя вашей свѣтлостію, приверженцы матери его умѣли скрыть и донынѣ скрываютъ отъ нашихъ взоровъ.

— Теперь, старый бискупъ Валеріанъ, хотя, можетъ быть, нѣсколько и поздно, поправилъ нашу ошибку.

Это извѣстіе сильно пощекотало нервы іезуита, но онъ привыкъ не проявлять своихъ ощущеній, и потому отвѣчалъ спокойно:

— Теперь, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ поздно. Тогда вниманіе было обращено на королевскаго младенца, какъ на будущаго соперника царствующаго дома. Теперь же время много смягчило это обстоятельство: Сигизмундъ, воспитанный въ строгихъ правилахъ истинной церкви, приближается къ совершеннолѣтію.

— Къ несчастію, характеръ Сигизмунда не проявляетъ достаточно энергіи, чтобы противоборствовать такому сопернику, какого онъ уже имѣетъ въ дядѣ своемъ, герцогѣ Карлѣ. Его слѣдовало бы воспитывать не такъ, какъ дѣлаетъ Екатерина, которая способна выработать изъ него не болѣе, какъ ограниченнаго мисіонера...

— Принцъ окруженъ надежными наставниками, замѣтилъ съ достоинствомъ іезуитъ:—и ваша свѣтлость знаетъ по себѣ, что религіозная ревность, самая пламенная, не убиваетъ патріотизма.

При этомъ словѣ Замойскій всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ іезуиту, и положивъ ему на плечо руку, сказалъ:

— Слѣдуетъ помнить, что Сигизмундъ послѣдняя отрасль дома Ягеллоновъ, и что на головѣ его должны сосредоточиться три короны.

— Amen! произнесъ Поссевинъ.

— Но съ высоты, на которой стоитъ мое отечество, продолжалъ Замойскій:—имѣя передъ собою блистательныя надежды, мы должны предвидѣть всѣ обстоятельства, изъ которыхъ главное составляетъ оправданіе нашихъ надеждъ въ лицѣ Сигизмунда.

— Какія же свѣдѣнія сообщены вашей свѣтлости епископомъ Валеріаномъ? перебилъ Антоній эту рѣчь Замойскаго, нѣсколько укоризненную извѣстному способу воспитанія отцовъ іезуитовъ.

— Эти свѣдѣнія страннымъ образомъ совпадаютъ съ свѣдѣніями, полученными въ недавнемъ времени сенатомъ короля Іогана, о побѣгѣ Андрея Лорихія въ Парижъ, съ ввѣренными ему суммами для уплаты жалованья войскамъ въ Финляндіи. Вѣроятно, что это немало обезпокоило короля и блюстителя его финансовъ.

— Вѣроятно, замѣтилъ Поссевинъ.

— Вѣроятно, тѣмъ болѣе, что по весьма правдоподобнымъ слухамъ, іеуитскою конгрегаціею въ Парижѣ перехвачено письмо, въ которомъ бѣглецъ увѣдомляетъ единомышленника своего, Эрика Спарре, о сношеніяхъ съ сильными лицами при дворѣ Генриха III и о помощи, обѣщанной королемъ для отмщенія за убійство короля Эрика XIV и для возведенія на престолъ сына его вассаломъ французскаго монарха.

— Можетъ быть, кто нибудь изъ провинціаловъ нашихъ въ Стокгольмѣ имѣетъ о томъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія; насъ же, странствующихъ мисіонеровъ, не посвящаютъ въ тайны подобнаго рода, проговорилъ своимъ іезуитскимъ тономъ Поссевинъ.

— Быть можетъ! тѣмъ же тономъ сказалъ канцлеръ.

Il grande custode d'e sigili, самъ прошедшій школу іезуитовъ, зналъ вѣсъ каждаго своего слова, и почелъ нелишнимъ дать замѣтить, что ему извѣстна эта интрига до подробностей.

— Слухи подтверждаютъ, сказалъ онъ:—что шведскими агентами во Франціи изготовляются нѣсколько вооруженныхъ судовъ, двѣ тысячи воиновъ, множество инженеровъ и штурмановъ, на условіи уплаты двухъ мильйоновъ рейхсталеровъ, изъ тайныхъ сокровищъ покойнаго короля Эрика.

Антоній выслушивалъ эти извѣстія съ тою же невозмутимостію.

— На сколько же могутъ быть справедливы эти разсказы о сокровищахъ, которыми обладаетъ королева Коринь? сказалъ вопро-

сительно Замойскій.— Это повидимому какое-то баснословное богатство, съ которымъ ихъ ничтожная партія пріобрѣтаетъ значеніе.

— Сказки о кладахъ давно уже вышли изъ вѣры, холодно промолвилъ іезуитъ.

— Однако, новость, сообщенная нашему почтенному бискупу, изъ одного монастыря его діоцезіи, небезполезна для тѣхъ, кого интересуютъ подобныя сказки. Вотъ нѣкоторыя удостовѣренія о существованіи нашего волшебнаго принца, сказалъ канцлеръ, передавая Поссевину письма, доставленныя изъ Велькой Воли.

Антоній, принявъ ихъ, началъ разсматривать съ обычнымъ своимъ равнодушіемъ, съ тѣмъ великимъ искуственнымъ спокойствіемъ, пріобрѣтаемымъ силою воли и долгимъ опытомъ, которое необходимо для быстраго пониманія и соображенія, какъ тишина для вѣрнаго отголоска звуковъ.

— Откуда же взялись эти письма, которыя несомнѣнно касаются до сына Эрика? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта Замойскій подошелъ къ двери, далъ знакъ войти, и протянувъ руку молодому человѣку, болѣзненной наружности, въ полумонашеской одеждѣ, ввелъ его въ кабинетъ.

— Вотъ тотъ, кому принадлежатъ эти бумаги, сказалъ онъ, не безъ удовольствія поражая неожиданностію одного изъ всевѣдущихъ членовъ темной полиціи.

Антоній вопросительно взглянулъ на канцлера, потомъ окинулъ пытливымъ взоромъ вошедшаго юношу. Его лѣта, сѣверо-тевтонскій типъ, фамильныя черты, все повидимому согласовалось съ достовѣрностію документовъ, сообщенныхъ Замойскимъ.

Поссевинъ привсталъ и показалъ молодому человѣку на кресла; но Густавъ, не обращая вниманія на приглашеніе нунція, обводилъ глазами комнату, и остановивъ взоръ на большой картинѣ страшнаго суда, спросилъ:

— Что̀ это такое?

Это была посредственная копія извѣстной картины Буонароти, съ подписью его отвѣта папѣ Леону X.

Подойдя ближе, юноша смотрѣлъ то на отверзтое небо, то на отверзтую пасть ада.

— Вотъ онъ, Dominus Гансъ Андроніусъ, сказалъ онъ, указывая на изображеніе старца въ ликѣ праведниковъ.

Поссевинъ продолжалъ озирать Густава, который, тяжело вздохнувъ, приложилъ руку къ головѣ и, казалось, что-то припоминалъ. Мысль его еще весьма медленно отправляла свое дѣйствіе, а пораженная память затрудняла его соображеніе.

— Довольно странное, но съ независимымъ нравомъ существо! проговорилъ поитальянски нунцій.

— Предложите ему нѣсколько вопросовъ, сказалъ Замойскій.

— Тебя что-то смущаетъ, сынъ мой, сказалъ своимъ мягкимъ голосомъ Поссевинъ: — успокойся, ты съ людьми, принимающими доброе участіе въ судьбѣ твоей.

Густавъ, глядя на скуфейку нунція, молчалъ и, казалось, сравнивалъ ея форму съ митрой живописнаго кардинала, котораго папа Леонъ X хотѣлъ выкупить хоть изъ картины ада, но получилъ остроумный отвѣтъ Микель-Анжело: «in inferno nulla redemptio».

Поссевинъ пожалъ плечами.

— Сядь, сынъ мой, заговорилъ онъ снова, взявъ его за руки и сажая. — Скажи намъ, помнишь ли ты родителей своихъ?

Молодой человѣкъ сѣлъ послушно и устремилъ неопредѣленный взоръ на нунція.

— Помнишь ли ты своего отца, или мать свою?

— Мать мою? воскликнулъ Густавъ:—гдѣ она? когда увижу я ее?

— Знакомъ ли тебѣ этотъ почеркъ? спросилъ снова нунцій, подавая ему письмо.

Густавъ взялъ письмо и всматривался, какъ будто разбирая какія нибудь изгладившіяся или таинственныя начертанія.

— Его я не увижу болѣе, онъ умеръ, проговорилъ онъ.

Антоній переглянулся съ Замойскимъ.

— Отвѣты на мои разспросы были не болѣе удовлетворительны; если это не притворство, то, безъ сомнѣнія, идіотизмъ, сказалъ канцлеръ.

— Легко быть можетъ, замѣтилъ Поссевинъ: — что это наслѣдственный недугъ. Въ послѣдніе годы жизни короля признаки помѣшательства были въ немъ несомнѣнны.

— Скажи намъ свое имя, кто ты? какъ зовутъ тебя? спросилъ іезуитъ, приступая рѣшительнѣе.

Разнородные вопросы терзали больной мозгъ Густава. Съ самаго дѣтства онъ привыкъ таить свое имя. Эта привычка опасенія и теперь оказала на него свое дѣйствіе.

Онъ отрицательно покачалъ головою и молчалъ.

— Это совершенный идіотъ, заключилъ Замойскій. — Это обликъ человѣка, лишенный духа, во всякомъ случаѣ безопасный соперникъ Сигизмунду.

— Непонятно, добавилъ Поссевинъ:—что такіе люди, какъ Эрикъ Спарре и Андрей Лорихъ играютъ судьбою своего отечества, опираясь на идіота...

— Какимъ случаемъ попалъ онъ въ руки епископа? добавилъ Поссевинъ.

— Онъ явился скитальцемъ въ монастырѣ Велькой Воли, тамъ

отцы бернардины приняли его идіотизмъ за язычество, и какъ поганина окрестили по закону римской церкви.

— Въ такомъ случаѣ отцы бернардины были слѣпыми исполнителями воли провидѣнія.

— Но теперь, повидимому, провидѣніе предоставило дальнѣйшую участь его въ наши руки.

— Теперь слѣдуетъ подвергнуть молодого человѣка надлежащему испытанію, сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія Поссевинъ.— Въ этомъ дѣлѣ съ увѣренностію можно положиться на брата нашего, ректора здѣшняго коллегіума. Человѣколюбіе повелѣваетъ неоставлять несчастнаго безъ призрѣнія. Если современемъ опытный наблюдатель нашъ откроетъ въ немъ какія либо, хотя малыя человѣческія способности, первою заботою его будетъ направить ихъ на путь истинный. Изъ этого, почти животнаго, можетъ выработаться полезный членъ общества; духъ смиренія и нищеты, внѣдренный въ его сердцѣ, можетъ поставить его на высокую нравственную ступень въ лицѣ послѣдняго изъ послѣднихъ служителей церкви.

Замойскій посмотрѣлъ на распорядителя судьбы принца, и ему пришли въ голову извѣстныя слова старшинъ Венеціанской Республики: «voi altri padri di Giesu avete la mente al cielo le mani al mondo, l'anima al diavolo».

Канцлеръ понималъ, что предоставленіемъ въ руки отцовъ іезуитовъ сына королевы Корины, онъ щедро вознаграждалъ искателей ея клада за временный отказъ просимой суммы на устройство школъ для такъ называемыхъ *греческихъ схизматиковъ*.

— Adio padre, сказалъ онъ, вставая и собираясь во дворецъ.

Въ этотъ проѣздъ Баторія чрезъ Вильно, въ виду предстоящей войны съ царемъ московскимъ, Замойскій, на плечахъ своихъ, подымалъ всю тяжесть соображеній.

Антоній проводилъ своего гостя до послѣдней ступени крыльца; вернувшись, онъ долго бесѣдовалъ съ ректоромъ Варшевицкимъ, попеченію котораго передалъ принца Густава, потомъ написалъ три письма, и столь поспѣшно, какъ дозволяли средства того времени, они были получены въ Римѣ, въ Стокгольмѣ и Парижѣ, куда мы послѣдуемъ за нитью своего разсказа, оставивъ Поссевина ѣхать своею дорогою въ Москву.

VIII.

Непостижимую для разума человѣческаго картину представляли тогда западныя государства Европы; воображеніе путается въ противорѣчіяхъ, и напрасно было бы искать въ нихъ какого-нибудь

смысла. Тутъ крайнее растлѣніе нравовъ, въ особенности духовенства, и кровопролитныя, нескончаемыя войны за вѣру; возстановленіе наукъ и художествъ по древнимъ образцамъ, и бредни алхиміи и астрологіи, судебные поединки, суды надъ животными, и отлученіе ихъ отъ церкви, колдовства, порчи посредствомъ восковыхъ изваяній (empoulements), вакханаліи, *празднества безумцевъ*, и костры инквизиціи...

Францiя, наравнѣ съ другими, была позорищемъ тѣхъ же кровавыхъ сценъ, того же разврата, тѣхъ же смутъ и противорѣчій. Представитель ея, Генрихъ III, безъ сомнѣнія позабывавшій о кратковременномъ пановании своемъ въ Польшѣ, подготовлялъ много рода интересные матеріалы для исторіи, переданные потомству въ любопытныхъ подробностяхъ авторомъ дневника его. Извлечемъ на выдержку нѣсколько дней.

«Во вторникъ, 10 декабря, былъ пиръ у прежняго золотыхъ дѣлъ мастера, нынѣ королевскаго совѣтника и главнаго интенданта его финансовъ. Онъ праздновалъ свадьбу своей дочери въ отели Гизовъ, гдѣ обѣдали: король, три королевы, принцъ и семейство хозяевъ дома. Послѣ ужина, король костюмированный, самъ тридцатый, съ тридцатью костюмированными принцесами и придворными дамами, разодѣтые въ парчи и шелковыя ткани, усыпанныя жемчугами и драгоцѣнными каменьями, явились съ своими свитами и произвели такую тѣсноту и кутерьму, что свадебные гости должны были выйдти вонъ. Благоразумнѣйшія изъ дѣвицъ и дамъ отправились домой, и хорошо сдѣлали, потому что королевскій маскарадъ принесъ съ собою такія безчинства, что еслибъ стѣны и вещи могли свидѣтельствовать объ нихъ, то открылось бы много *любопытнаго*.

«Въ понедѣльникъ, 6 января, въ день трехъ-царей, дѣвицу Понъде-Бретань, *бобовую королеву*, отчаянно расфранченную, завитую и разгофрированную на коронный счетъ, вели въ Лувръ, къ обѣднѣ, въ каплицу Бурбоновъ, въ присутствіи его величества, сопровождаемаго своими *фаворитами*, разряженными великолѣпнѣе самого короля. Бюсси д'Амбуазъ, фаворитъ королевскаго брата, одѣтый скромно и просто, но съ свитой изъ шести пажей, сверкающихъ дрогоцѣнностями отъ головы до ногъ, провозглашалъ во всеуслышаніе, что пришла пора предоставить щегольство холопамъ. Послѣдствіемъ этого было много раздоровъ, ссоръ и неудовольствій.

«Въ воскресенье, 27-го апрѣля, въ знаменитой дуэли на конномъ рынкѣ, возникшей по ничтожному поводу, были убиты Шомбергъ и Могріонъ, а любимѣйшій фаворитъ королевскій Квѣлюсъ-

получилъ двѣнадцать ранъ. Вотще была милость короля, который не отходилъ отъ его изголовья и сулилъ хирургу сто тысячъ франковъ за его выздоровленіе: прекрасный любимецъ переселился изъ этого міра въ иной, а придворные насмѣшники повторяли:

Господь, прими въ свое святое лоно
Шомберга, Квѣлюса и Могріона!»

Королевскіе фавориты продолжали быть героями дворцовыхъ драмъ. Сен-Мегренъ палъ подъ ножомъ убійцы, подосланнаго Гизами; но покуда Генрихъ III воздвигалъ умершимъ фаворитамъ своимъ пышные мавзолеи, и тратилъ громадныя суммы на свадьбы живыхъ, Генрихъ Наварскій, бѣжавшій изъ Лувра, во главѣ гугенотовъ, началъ уже героическія битвы, которыя прославили его покрытую рубищемъ армію, а Генрихъ Гизъ, вспомоществуемый Филиппомъ Испанскимъ, усиливалъ *святую лигу*.

Въ это-то самое время, знаменитая іезуитская конгрегація въ Парижѣ, въ свою очередь, работала по полученнымъ свѣдѣніямъ отъ Поссевина изъ Вильно.

Въ одномъ изъ узкихъ, грязныхъ закоулковъ столицы, въ старомъ домѣ, смотрящемъ на улицу только слуховымъ окномъ подъ гребнемъ крутой крыши, проснулся рано утромъ человѣкъ, среднихъ уже лѣтъ и благообразной наружности.

Едва открылъ онъ глаза, мысли его мгновенно сосредоточились на соображеніяхъ, которыя ему, даже сонному, не давали покоя.

Это былъ Андрей Лорихъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей аристократической партіи въ Швеціи, которая съ терпѣніемъ, настойчивостью и осторожностью вела дѣло свое къ цѣли. Десять лѣтъ подготовляла она предусмотрительно всѣ обстоятельства, выжидая узаконеннаго возраста принца Густава, и завѣщанныхъ ему покойнымъ королемъ Эрикомъ сокровищъ, которыя должны были дать существенныя средства для воплощенія замысла.

Кто былъ хранителемъ клада до совершеннаго возраста Густава — осталось тайной; но въ настоящее время, онъ уже былъ въ рукахъ поборниковъ за права сына Эрика, и часть этихъ сокровищъ перешла уже къ знатнѣйшимъ вельможамъ Генриха III. Кромѣ того, ловкій агентъ не щадилъ заемныхъ обязательствъ, по которымъ уплата должна была совершиться по успѣшномъ окончаніи дѣла.

Приподнявъ съ подушки отягченную заботами голову, Лорихъ искалъ разсѣяннымъ взоромъ своихъ башмаковъ; но, къ удивленію его простая, обыкновенная обувь превратилась въ бѣлые бархатные башмаки съ оранжевыми кокардами.

Не довѣряя собственнымъ глазамъ, долго смотрѣлъ онъ на эти

башмаки, какъ будто ожидая, что они примутъ, наконецъ, прежній свой видъ; но дѣйствительность была очевидна.

Лорихъ всталъ, подошелъ къ двери, чтобъ позвать служанку; но дверь оказалась запертою снаружи.

— Что́ это значитъ? спросилъ онъ самъ себя, какъ будто боясь еще подозрѣвать въ этомъ что-нибудь недоброе.

Постучавъ слегка въ двери, онъ проговорилъ осторожно своимъ иностраннымъ выговоромъ:

— Маргарита, Маргарита!... поди сюда, моя добрая дѣвушка!

Но Маргарита не откликалась на зовъ.

— Что̀ жь это значитъ? повторилъ въ недоумѣніи шведъ.

Взглянувъ на стѣну, гдѣ обыкновенно висѣлъ на гвоздѣ плащъ его, и на скамью, гдѣ лежало его платье, онъ невольно оторопѣлъ. Вмѣсто простой ежедневной одежды его, тутъ былъ уже бархатный беретъ съ оранжевымъ перомъ, такой же камзолъ, шитый гербовыми лиліями, глазетовые чулки, парчевая епанча, также украшенная лиліями и королевскими вензелями, и орденъ Св. Духа; словомъ, полное командорское облаченіе.

Лорихъ протеръ себѣ глаза. Онъ почти увѣренъ былъ, что все это сонъ. Не разъ уже мучило его подобное сновидѣніе, особливо когда, ложась въ постель, онъ распредѣлялъ часы слѣдующаго дня на новыя заботы, и обдумывалъ каждый шагъ по лабиринту, чрезъ который должно было ему идти къ цѣли. Впродолженіе ночи ему грезилось, что онъ торопится одѣваться, а платье не лѣзетъ на плеча; хочетъ уже идти, а ноги босы; идетъ, и поминутно сбивается съ пути, и тысячи препятствій ему мѣшаютъ.

— Это сонъ! повторялъ онъ самъ себѣ:— но надо же сдѣлать усиліе, чтобъ проснуться!

И снова Лорихъ подошелъ къ двери, постучалъ, прислушался: опять нѣтъ отвѣта. Взглянулъ въ окно — по тѣни, падающей отъ дому, было уже позднее утро.

— Возможно ли проспать такъ долго и такъ крѣпко! вскрикнулъ наконецъ Лорихъ: — не слышать, какъ отворили дверь, и похитили мои вещи!...

Но откуда же явилось здѣсь это убранство?...

Тутъ только почувствовалъ онъ въ головѣ своей какую-то неестественную тягость: сомнѣнье начало возмущать его, и вдругъ кольнула его въ сердце какая-то страшная мысль. Онъ бросился къ кровати, отодвинулъ ее, отнялъ панель, приподнялъ половицу, вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Мѣшокъ червонцевъ, привезенный имъ съ собой, изъ котораго черпалъ онъ съ такимъ строгимъ разсчетомъ — исчезъ!...

Пораженный страшною неожиданностью, Лорихъ не зналъ, что̀ думать и что̀ дѣлать.

Кто-то стукнулъ въ дверь.

— Кто тамъ? крикнулъ Лорихъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Другъ, послышалось за дверью.

— Кто такой? повторилъ шведъ.

Но вмѣсто отвѣта щелкнулъ замокъ, дверь отперлась, и Лорихъ увидѣлъ передъ собою тучнаго господина, въ одеждѣ странствующаго фигляра. Онъ держалъ подъ рукою какой-то узелъ.

— Я другъ человѣчества, по ремеслу гадатель и прорицатель судьбы, сказалъ незнакомецъ, бросивъ искоса взглядъ на безпорядокъ въ комнатѣ и на встревоженную наружность шведа.

Въ эту минуту Лорихъ менѣе всего былъ расположенъ забавляться прорицаніями площадного шарлатана. Онъ бросилъ на него вопросительный, строгій взглядъ; во всякое другое время онъ незамедлилъ бы вытолкать его вонъ, но въ настоящемъ положеніи имъ овладѣла робость.

— Я одаренъ способностію, продолжалъ неизвѣстный:—угадывать тѣ мгновенія, когда какое нибудь человѣческое существо наиболѣе нуждается въ моей помощи. Я уже, кажется, оказалъ вамъ услугу, отомкнувъ эту дверь, не правда ли? Но вы испытаете болѣе благотворное дѣйствіе моихъ предвидѣній.

Онъ развязалъ принесенный имъ узелъ и вынулъ изъ него цѣлый комплектъ платья, подобнаго своему.

— Ваша личность не существуетъ болѣе на этомъ свѣтѣ, сказалъ онъ, странно улыбаясь: — вамъ остается выбирать: или эту скромную оболочку моего собрата, или пышныя павлиныя перья, подъ которыми слишкомъ скоро узнаютъ ощипаную ворону, прибавилъ онъ, указывая на разметанныя парчевыя одежды, которыя, неизвѣстно откуда, явились въ комнатѣ.

Взволнованный Лорихъ почувствовалъ, отъ неумѣстной шутки, неодолимый порывъ гнѣва, и готовъ былъ растерзать незванаго гостя; но незнакомецъ, равнодушный къ безмолвному его неблагорасположенію, вынулъ изъ кармана и раскрылъ передъ глазами Лориха копію съ письма, о которомъ упомянулъ гетманъ Замойскій въ разговорѣ съ Поссевиномъ.

— Знакомъ ли вамъ смыслъ этого посланія? спросилъ онъ.

Лорихъ взглянулъ, и для него сталъ понятенъ весь ужасъ его положенія. Онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, порывался собрать потрясенныя силы души своей, но чувствовалъ себя подавленнымъ и молчалъ.

— Извините меня, сказалъ, подождавъ немного, и какъ будто насладясь его смущеніемъ, роковой вѣстникъ: — время дорого, прошу

васъ потороппться вашимъ туалетомъ, потому что черезъ полчаса васъ арестуютъ именемъ короля.

— Этого не можетъ быть! запальчиво возразилъ шведъ, получившій отъ Генриха обезпеченіе своего проѣзда.

— Признаюсь вамъ, въ такомъ государственномъ дѣятелѣ я предполагалъ болѣе знанія человѣческаго сердца. Вы были увѣрены, что лица, которыхъ вы обязали ссудою значительныхъ суммъ и снабдили росписками на полученіе впослѣдствіи еще вдвое, будутъ терпѣливо ждать исполненія вашихъ обязательствъ? Но вѣдь отъ нихъ самихъ зависѣло удовлетворить себя безотлагательно. Для повѣрки словъ моихъ, не угодно ли вамъ осмотрѣть потщательнѣе эту перегородку, и вы тотчасъ замѣтите въ ней скважину. Сквозь это маленькое отверстіе, алчный взоръ вашихъ кредиторовъ проникъ до вашего подполья, и они заранѣе раздѣлили между собою золото, которымъ вы полагали привязать ихъ къ себѣ до окончанія вашего предпріятія.

Выслушивая эти нежданныя, ужасныя вѣсти, Лорихъ чувствовалъ, что понятія его путаются. Онъ началъ думать, что видитъ передъ собою олицетвореннаго демона, потому что сердце отказывалось признать въ немъ добраго духа.

— Не брезгайте моимъ смиреннымъ рубищемъ, продолжалъ безпощадный обличитель:—въ настоящую минуту оно для васъ несравненно полезнѣе этихъ великолѣпныхъ золотыхъ ризъ; потому что люди, которые обобрали васъ такъ безсовѣстно, придумали замысловатый способъ отдѣлаться отъ васъ. Они замѣнили ваше платье чужимъ, чтобы заставить васъ по необходимости надѣть его и тогда накрыть васъ въ немъ, какъ самозванца. Повторяю вамъ, что чрезъ двадцать-пять минутъ, вы будете арестованы за похищеніе командорскаго платья изъ уборной принца анжуйскаго... говорю вамъ, что этого нелѣпаго обвиненія слишкомъ достаточно, чтобы предать васъ въ руки правосудія, которое окончится, безъ сомнѣнія, въ Стокгольмѣ.

Лорихъ, дѣйствовавшій болѣе десяти лѣтъ на скользкомъ поприщѣ, долженъ былъ привыкнуть къ ожиданію драматическаго окончанія своей участи. До сихъ поръ онъ смотрѣлъ на этотъ возможный конецъ съ рыцарскимъ великодушіемъ и страшился единственно неуспѣха; но теперь мужество его исчезло, онъ не въ силахъ былъ остановиться ни на одной мысли, затрепеталъ, и въ отчаяніи воскликнулъ:

— Что̀ жь мнѣ дѣлать?

— Одѣваться поспѣшнѣе и слѣдовать за мною.

— Но кто же вы? Что̀ заставляетъ васъ принимать во мнѣ такое

*

участіе? Если намѣренія ваши благія, они не могутъ быть для меня тайной.

— Вамъ грозитъ позорная казнь; а я желаю спасти васъ.

— Кто ручается мнѣ за искренность этого желанія?

— Сомнѣніе неумѣстно; вамъ остается не болѣе четверти часа на обсужденіе.

Ошеломленный Лорихъ потерялся окончательно; онъ утратилъ всякое сознаніе и ощущалъ единственно страхъ. Онъ боялся грозы, готовой надъ нимъ разразиться, боялся своего избавителя, боялся и идти... Приложивъ руку къ груди, онъ ощупалъ складной ножъ, который носилъ на тѣлѣ, за кожанымъ поясомъ, и рѣшившись вонзить его въ сердце предателя при малѣйшемъ подозрѣніи, одѣлся наскоро въ принесенныя лохмотья и сказалъ дрожащимъ голосомъ: «пойдемъ!»

Они вышли безпрепятственно изъ дому. Мрачный, безмолвный, съ потупленнымъ взоромъ, съ надвинутой на глаза шляпой, слѣдовалъ Лорихъ за таинственнымъ своимъ вожатымъ. Боязливо оглядываясь вокругъ, и страшась быть узнаннымъ, онъ чувствовалъ такой совершенный и унизительный упадокъ духа, что еслибы еще наканунѣ могъ подозрѣвать себя къ тому способнымъ, онъ закололъ бы себя самого, какъ предателя, этимъ самымъ, носимымъ за пазухою ножомъ. Его терзала уже не совѣсть укоромъ за то, что не умѣлъ исполнить возложеннаго на него долга, что подвергалъ и честь и жизнь своихъ единомышленниковъ, что не сберегъ довѣренныхъ ему суммъ... Онъ страшился лишь за себя самого, за свою собственную жизнь, которою такъ добровольно и столько разъ готовъ былъ жертвовать своей идеѣ.

Чтобы испытанное сердце его могло такъ мгновенно измѣнить себѣ, надо было искусною рукою потрясти его нервы; нужны были внезапные, наносимые однимъ за другимъ, удары; необходимо было, быть можетъ, прибѣгнуть къ бывшимъ тогда въ большомъ ходу снадобьямъ, имѣющимъ подобныя дѣйствія на человѣческій организмъ.

И напрасно боялся онъ быть узнаннымъ: никто, изъ самыхъ искреннихъ друзей его, не узналъ бы теперь Лориха, всегда глубокомысленнаго и суроваго, съ его степеннымъ видомъ и важной осанкой, въ этомъ шутовскомъ платьѣ, съ этою перепуганною наружностью, идущаго подъ прикрытіемъ какого-то скомороха, который, какъ будто потѣшаясь его отчаяніемъ, острилъ и выказывалъ фарсы, перебраниваясь съ прохожими и вымещая получаемые отъ нихъ толчки на первыхъ встрѣчныхъ. Въ одномъ узкомъ переходѣ онъ вскочилъ чехардою на спину толстой торговки, загородившей со-

бою дорогу; въ другомъ перекатился колесомъ сквозь толпу, собравшуюся вокругъ студентовъ, игравшихъ посреди площади въ кости.

Пройдя такимъ образомъ изрядный конецъ по старому Парижу, по его тѣснымъ, грязнымъ, заваленнымъ разными нечистотами улицамъ, съ стоящими на нихъ непросыхаемыми вонючими лужами; миновавъ нѣсколько великолѣпныхъ зданій, которыя возвышались тамъ-и-сямъ надъ безобразными и ветхими жилищами, они подошли къ оградѣ маленькой приходской церкви, и путеводитель Лориха постучалъ въ калитку, которую немедленно отперъ самъ пасторъ, сухощавый человѣкъ, простодушно-глуповатой наружности. Онъ почтительно поклонился вошедшимъ и посторонился, чтобы дать имъ дорогу.

— Здравствуй, другъ Ансельмъ! Дома ли твой постоялецъ? спросилъ, пыхтя отъ усталости, толстякъ, пропустивъ Лориха въ калитку.

— Я думаю, что онъ дома, отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ отецъ Ансельмъ.

— Ты цѣлый вѣкъ все только думаешь, и никогда ничего не знаешь. Надо согласиться, мой любезный, что ты не видишь далѣе своего носа. Веди насъ въ свою коморку.

Послушный отецъ Ансельмъ, поклонившись вторично, повелъ пришельцевъ въ свою комнату, гдѣ бросилась имъ въ глаза стоящая подъ образами кровать, со взбитымъ горою пуховикомъ, на которомъ покоилась поджарая датская собака. Приподнявъ морду и проворчавъ привѣтствіе вошедшимъ, она снова свернулась кренделемъ, и предалась лѣнивому успокоенію.

— Будьте здѣсь, какъ дома, сказалъ безцеремонный гость, указывая шведу покойное кресло и садясь къ столу, на которомъ лежала раскрытая приходская книга.

Облокотясь надъ книгою съ безпечнымъ довольствіемъ отдыха, онъ скользилъ глазами по свѣжимъ, только что написаннымъ строкамъ. Отецъ Ансельмъ, прислонившись къ двери, казалось, ожидалъ еще какого нибудь приказанія, а Лорихъ помѣстился противъ своего неизвѣстнаго покровителя и остановилъ взоръ на этомъ загадочномъ для него человѣкѣ.

Вглядываясь въ его ражее лицо, въ сѣрые маленькіе глаза сверкающіе надъ красноватымъ, какъ сочная дуля, носомъ, въ выраженіе большого рта, поминутно движимаго насмѣшливой улыбкой, ему казалось, что онъ уже гдѣ-то видалъ эту замѣчательную образину. Но толстякъ не ощущалъ устремленнаго на

него пытливаго взора Лориха; онъ занятъ былъ необязательнымъ просмотромъ приходской книги и скалилъ зубы.

— Какія любопытныя подробности ты помѣщаешь рядомъ со свидѣтельствами о рожденныхъ, крещенныхъ, сочетавшихся бракомъ и умершихъ твоей паствы! сказалъ онъ, обращаясь къ отцу Ансельму, и читая вслухъ:

«Сего 1583 года, въ день св. Гильома, моя псица Бишонетта принесла мнѣ трехъ щенковъ. Я отнесъ лучшаго изъ нихъ аббату Грегуару, а двумъ другимъ обрѣзалъ уши.

«Въ день св. Августина, мамзель Форетъ, моя набожная прихожанка, принесла мнѣ бутылку вина и большой кусокъ пирога; мамзель Розалія подарила полъ-экю денегъ, мадамъ Шароль — копченый языкъ, сосѣдъ Ламарсъ прислалъ три бутылки вина, жареную утку и два кружка сыру».

— Вотъ какъ другъ нашъ Ансельмъ увѣковѣчиваетъ дѣла своей совѣсти! Теперь слѣдуетъ подѣлиться съ нами, мой любезный, винцомъ г. Ламарса и прочими приношеніями твоихъ доброхотныхъ дательницъ.

— Слушаю, отецъ Эмонт-Ожеръ, произнесъ нѣсколько жалобнымъ голосомъ Ансельмъ, отправляясь исполнить это нескромное требованіе.

Состояніе Лориха, выслушивающаго подобный вздоръ, было ни съ чѣмъ несравнимо. Склонивъ на грудь свою тяжелую голову, онъ страдалъ невыносимо, и вдругъ коснувшееся его слуха имя *отца Эмонт-Ожера* заставило его встрепенуться. Оно пролило лучъ свѣта на его смутныя мысли.

Лорихъ не ошибся: онъ точно видѣлъ этого человѣка въ духовной процесіи, которую совершалъ Генрихъ въ припадкѣ набожности и сокрушенія о грѣхахъ своихъ, изъ монастыря кармелитовъ въ церковь Благовѣщенія. Вся толпа этихъ богомольцевъ, не исключая короля, была одѣта въ холщевые мѣшки, осыпанные пепломъ; между ними отличалась тучная, шутовская фигура Эмонт-Ожера. Лорихъ слышалъ, какъ герцогъ майанскій, въ качествѣ церемоніймейстера, неоднократно произносилъ это имя и останавливалъ неумѣстныя выходки монаха, вызывавшія смѣхъ пѣвчихъ и сакристиновъ.

Іезуитъ, отецъ Эмонт-Ожеръ, до вступленія въ этотъ орденъ, былъ балаганнымъ скоморохомъ, и несмотря на строгое значеніе своего новаго поприща, не могъ отстать отъ привычекъ и ухватокъ стараго.

Лорихъ понялъ, что попалъ въ руки іезуитовъ, и содрогнулся.

Между тѣмъ, Ансельмъ поставилъ на столъ большой подносъ, нагруженный питіями и яствами, за которыя почетный гость

принялся съ несвойственнымъ уставному воздержанію апетитомъ. Онъ налилъ себѣ полную чару, пропустилъ ее въ горло, чмокнулъ и, наполнивъ снова до краевъ, поднесъ шведу. Лорихъ чувствовалъ необходимость подкрѣпить павшія свои силы и подавить одолѣвшее его отчаяніе. Онъ выпилъ чару до дна, и, томимый возрастающей жаждою, не отказался отъ второй и третьей. Эмонт-Ожеръ, замѣтивъ оживленье, начинавшее проявляться въ его взглядѣ, сказалъ Ансельму, который, не участвуя въ трапезѣ, смиренно сидѣлъ въ углу:

— Ты намъ теперь болѣе ненуженъ! Ступай-себѣ вмѣстѣ съ своей собакой къ аббату Грегуару, прибавилъ онъ, толкнувъ ногою Бишонетту, которая, почуя запахъ мяса, соскочила съ кровати и, заявляя права свои, положила переднія лапы на столъ.

Отецъ Ансельмъ съ примѣрнымъ послушаніемъ взялъ собаку свою за ошейникъ и вышелъ.

— Ненавижу лишнихъ свидѣтелей при дружеской трапезѣ, сказалъ іезуитъ, ухмыляясь и наполняя чару виномъ.

— Это дружба волка и ягненка, сказалъ Лорихъ, возвысивъ голосъ и перемѣнивъ тонъ.

— Кто же изъ насъ, позвольте спросить, представляетъ кроткаго агнца, а кто хищнаго звѣря?

— Отвѣтъ, я полагаю, вовсе ненуженъ, сказалъ шведъ тономъ, въ которомъ звучала перемѣна его духа.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, жалобно произнесъ Эмонт-Ожеръ: — по истинѣ ты невинный агнецъ и по неопытности вмѣшался не въ свои дѣла.

— Къ чему эти неумѣстныя шутки? спросилъ, сдерживая гнѣвъ свой, Лорихъ: — морочить меня: трудъ напрасный! я ужь сѣдъ!...

— Ошибаетесь, господинъ мой, это не сѣдины, а локоны легкомысленной и довѣрчивой блондинки.

Слова эти были сказаны такимъ патетическимъ голосомъ, что вызвали усмѣшку на устахъ сидѣвшаго скрытно за перегородкой человѣка.

За этой перегородкой было что-то въ родѣ походной канцеляріи миссіонера, гдѣ безмолвно и сдерживая дыханіе скрывался человѣкъ странной наружности и неопредѣленныхъ лѣтъ.

При взглядѣ на него, трудно было рѣшить, обветшалый ли это юноша, или старецъ съ моложавымъ и вмѣстѣ болѣзненнымъ видомъ. Впалые глаза, узкія губы, иппократовскій носъ, матовая бѣлизна лица и румянецъ пятнами на щекахъ, составляли загадочную и непріятную физіономію, въ которой выражались пожирающее самолюбіе и демонская гордость.

Закинувъ ногу на ногу, сложивъ узломъ руки и уткнувъ носъ

въ воротъ своего камзола, онъ прислушивался къ тому, что происходило за перегородкой. Это былъ сановникъ инквизиціи, іезуитъ Пьераціо-Лукдунензи.

Дерзкая насмѣшка Эмонт-Ожера не вывела изъ себя Лориха, слишкомъ въ себѣ увѣреннаго, но невольно озадачила его.

— Согласитесь, сказалъ, не давъ ему опомниться, таинственный собесѣдникъ: — согласитесь, что вы надѣлали непростительныхъ безразсудствъ, связавшись съ такими же безразсудными, и въ добавокъ, безнравственными людьми.

Укоръ въ безнравственности въ устахъ Эмонт-Ожера показался Лориху такою циническою ироніею, что онъ невольно усмѣхнулся.

— Вы полагаете, что я нахожусь теперь въ болѣе надежномъ обществѣ? спросилъ онъ въ свою очередь иронически.

— Я представляю вамъ на то очевидныя доказательства. Вы имѣли случай испытать основательность моихъ словъ и дѣйствій. Вопервыхъ, если вы имѣете сколько-нибудь соображенія, то, безъ сомнѣнія, признаете, что ваши единомышленники не могли оставить васъ дѣйствовать безъ надзора.

— Безъ какого надзора? спросилъ горделиво Лорихъ.

— Неподражаемая младенческая простота! воскликнулъ Эмонт-Ожеръ.

— Я вижу, что въ этой комнатѣ повторяется вавилонское смѣшеніе языковъ; кажется, мы не понимаемъ другъ друга, вспыльчиво прервалъ Лорихъ.

— Если хотите, то я постараюсь быть вразумительнѣе. — Друзья ваши въ Стокгольмѣ и Данцигѣ имѣютъ достовѣрныя свѣдѣнія, что богатства, ввѣренныя вамъ, расточаются фигурантками дворца вѣчно празднующаго Генриха, и это, разумѣется, послужило уже поводомъ къ нѣсколькимъ придворнымъ сценамъ и поединкамъ.

— Что за вздоръ! произнесъ Лорихъ, стойкость и степенность котораго никогда еще не были заподозрѣны.

— Странно! сказалъ іезуитъ съ мимикой отличнаго актера: — мы здѣсь безъ свидѣтелей ведемъ задушевный разговоръ; если отнять у него искренность, то онъ не будетъ имѣть никакого смысла, и къ чему послужитъ теперь лицемѣріе?

— О чемъ говорите вы? спросилъ вскочивъ съ своего мѣста Лорихъ. — Какая искренность? какое лицемѣріе?

Эмонт-Ожеръ устремилъ на него взоръ такого искуснаго, великодушнаго негодованія, что понятія помутились въ головѣ благороднаго шведа, который невольно задалъ себѣ вопросъ: не игралище ли онъ какого-нибудь несчастнаго недоумѣнія.

— Вы заставляете меня говорить себѣ такія вещи, которыя могли бы остаться недосказанными — не извольте же по крайней-мѣрѣ претендовать на рѣзкость и прямоту моихъ выраженій, вѣжливо проговорилъ Ожеръ.

— Продолжайте! сказалъ задыхаясь Лорихъ.

Невозмутимо-насмѣшливое выраженіе лица іезуита могло свести съума.

— Васъ не должно удивлять, мнѣ кажется, что главные дѣятели вашей партіи не сомнѣваются болѣе въ употребленной вами во зло ихъ довѣренности; что лица, избранныя вами, увлекли васъ пагубнымъ примѣромъ; что вы растратили ввѣренныя вамъ суммы на удовлетвореніе личныхъ страстей вашихъ...

— Я? воскликнулъ Лорихъ въ бѣшенствѣ.

— Вы, спокойно отвѣчалъ іезуитъ: — и къ сожалѣнію, я обязанъ служить въ томъ свидѣтелемъ предъ другомъ вашимъ Іоганомъ Спарре.

— Лжецъ! произнесъ внѣ себя Лорихъ, вцѣпившись въ клеветника, и выхвативъ изъ-за пазухи ножъ.

— За что вы такъ прогнѣвались, скажите на милость? спросилъ Эмонт-Ожеръ съ демонской усмѣшкой.

Изступленный Лорихъ взмахнулъ уже ножомъ; но рукой его овладѣлъ Пьераціо, подкравшійся сквозь потаенную дверь перегородки.

Лорихъ взглянулъ съ ужасомъ на это новое явленіе, которое стояло передъ нимъ безмолвнымъ призракомъ. Въ отчаяніи онъ рванулся къ выходу; но дверь была заперта, а желѣзная рѣшотка окна пояснила ему, что онъ попалъ въ западню.

Въ изнеможеніи, скрежеща зубами, Лорихъ опустился на скамью.

Между тѣмъ, Пьераціо, возвратясь въ свой застѣнокъ, бросилъ отнятый у Лориха ножъ на столъ, и спокойно занялся переборкой бумагъ, между которыми были и послѣднія извѣстія шведскаго двора.

Одно изъ важнѣйшихъ, было увѣдомленіе о смерти королевы Екатерины — опоры католицизма въ государствѣ. Въ послѣднія минуты жизни, королева, вѣрная своему направленію, просила короля, чтобы всѣмъ ея единовѣрцамъ была невозбранная свобода богослуженія, и чтобы самъ онъ неуклонно ревновалъ о скорѣйшемъ водвореніи господства католицизма въ землѣ своей, какъ о единственномъ средствѣ утвердить своихъ потомковъ на престолѣ. Призвавъ дѣтей, она взяла съ сына своего Сигизмунда клятвенное обѣщаніе быть неизмѣннымъ поборникомъ и достойнымъ сыномъ главы римской церкви.

Пьераціо перешелъ съ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ

къ документамъ о конституціонномъ комплотѣ шведской аристократіи.

Іезуитъ судорожно кусалъ ногти и пощелкивалъ зубами, прочитывая внимательно эти документы.

Взявъ перо, онъ быстро наметалъ слѣдующую инструкцію:

«Доставить шведскаго дворянина Андрея Лорнхія немедленно въ Данцигъ. Тамъ обѣщать ему возвращеніе довѣренности короля на условіи, чтобы онъ открылъ имена всѣхъ соучастниковъ заговора. Въ случаѣ же его упорства, предать злоумышленника правосудію, которое поступитъ съ нимъ по гражданской своей совѣсти».

На слѣдующій день, скромное жилище отца Ансельма снова опустѣло, и онъ, сотворивъ молитву, началъ обычную, безпечную жизнь въ обществѣ Винонетты и благодушныхъ прихожанъ, до новаго нашествія, которое выпадало на долю его, какъ обязательное послушаніе.

IX.

Ровно черезъ три мѣсяца, на стогнахъ Стокгольма, около полудня, раздавалась тревожная дробь барабаннаго боя, мѣрный шагъ пѣхоты, идущей къ назначенному мѣсту, и тяжеловѣсный топотъ закованныхъ въ латы конныхъ драбантовъ. Пронзительный звукъ трубы трещалъ зловѣщимъ голосомъ въ ушахъ собирающейся толпы, влекомой необъяснимымъ любопытствомъ на площадь, къ эшафоту, еще праздному.

Въ это время, король Іоганъ, блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ, съ разстроеннымъ лицомъ, пробѣгалъ скорыми шагами изъ конца въ конецъ по своему покою. Онъ свирѣпѣлъ, подозрѣвая первыхъ сановниковъ своего государства въ измѣнѣ. Передъ нимъ стоялъ одинъ только государственный секретарь, Нильсъ Гильзенстьернъ, убѣленный сѣдиною, но не маститой старости, а тревогою низкихъ страстей и преступленій.

— Гдѣ онъ? вскричалъ Іоганъ, остановясь внезапно и вперивъ грозный взоръ въ подобострастное лицо слуги своего, который, видимо, не понимая вопроса, самъ смотрѣлъ вопросительно, и не смѣлъ отвѣчать наобумъ.

— Гдѣ скрывалось до сихъ поръ отродье безумца и тирана?

Эти применованія, которыми Іоганъ честилъ брата своего Эрика, какъ будто въ оправданіе совершеннаго надъ нимъ убійства, вразумили Гильзенстьерна.

— Допросъ Лориха, въ тюремномъ отдѣленіи пытки, не послужилъ ни къ чему, отвѣчалъ онъ.

— Пытать, и еще пытать! крикнулъ Іоганъ: — тянуть жилы, сдирать кожу!

— Но преступнику прочтенъ уже приговоръ.

Король, казалось, не слыхалъ этого возраженія. Кровь била ему въ голову, и судорожныя движенія лица изобличали внутреннюю бурю, которая проявлялась въ немъ припадками изступленія. Онъ былъ какъ въ бреду.

— Гдѣ эти разъяренные псы, которые рвутся на меня отвсюду?... Гдѣ они? спросилъ онъ, остановясь снова съ грозою во взорѣ передъ Гильзенстьерномъ.

И снова, не понимая, или не смѣя понимать, секретарь стоялъ какъ вкопанный, не зная, чтò отвѣчать.

— Кто они, эти враги мои? продолжалъ король, меча взоры вокругъ себя. — Кто они?... Первые люди Швеціи! опора моего трона!... и эта дочь Монса, эта презрѣнная мать змѣеныша, котораго не можетъ раздавить пята моя... чтó задумали вы!... Но... вѣдь я еще король! слышишь!...

И Іоганъ уставилъ свои страшные глаза на трепещущаго секретаря, который невольно сдѣлалъ шагъ назадъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ пятился, преклонясь и потупивъ глаза, Іоганъ наступалъ на него громовой тучей. Потерявъ всякое сознаніе, онъ, казалось, видѣлъ въ лицѣ любимаго своего чиновника всѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ злодѣевъ своихъ.

— Ты, постыдная наложница Эрика! проговорилъ онъ голосомъ, который отъ бушующаго гнѣва шипѣлъ: — ты, съ своимъ возлюбленнымъ, затѣяла опасную игру! ты знаешь ли, что онъ расплатится со мной своею головою?...

Нильсъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, притиснутый изступленнымъ королемъ къ стѣнѣ.

— У тебя въ рукахъ золото... но вѣдь у меня въ рукахъ сѣкира и плаха!... кто изъ насъ сильнѣе?...

Эти послѣднія слова проговорилъ Іоганъ почти шопотомъ.

— Развратница! прогремѣлъ онъ снова, какъ будто почерпнувъ изъ глубины груди своей новую ярость. — Ты думаешь, что постыдный приплодъ твой будетъ сидѣть на престолѣ Вазовъ?... А слышишь ли ты этотъ барабанный бой и звукъ трубы? Вотъ вѣнецъ, который ожидаетъ его и твоихъ клевретовъ! Знаешь ли ты силу руки моей? — и Іоганъ схватилъ Гильзенстьерна за воротъ, сдавилъ его, и такъ потрясъ, что лицо перепуганнаго Нильса посинѣло и онъ припалъ на колѣна.

Въ это мгновенiе, въ дверяхъ королевскаго кабинета показалась молодая дѣвушка поразительной красоты.

Это была Гунилла Бьелке, младшая фрейлина покойной королевы — дочь одной изъ знатнѣйшихъ фамилiй въ государствѣ и любимица короля. Она пришла ходатайствовать о помилованiи осужденнаго преступника.

Король бросилъ на нее взглядъ, который, какъ взглядъ Артаксеркса на Эсѳирь, говорилъ: что всякiй предстающiй безъ зову предъ лицо царя, повиненъ смерти. Но Гунилла не смутилась.

Нильсъ, сложивъ руки, казалось, молилъ ее о заступленiи.

— Вонъ! крикнулъ на него Iоганъ, въ которомъ еще кипѣла буря, и Гильзенстьернъ опрометью выбѣжалъ изъ двери.

— Король! сказала Гунилла, устремивъ на Iогана умоляющiй взоръ и протягивая къ нему руки.

Волненiе въ клокочущей груди Iогана, казалось, затихало, и человѣческое чувство проявилось въ глазахъ.

— Что̀ тебѣ? Какой еще жертвы хочешь ты отъ меня? проговорилъ онъ, взявъ Гуниллу за руку.

— Король!... милости, а не жертвы хочу я.

— Молчи! произнесъ Iоганъ, который въ эту минуту самъ уже страшился раздражать себя.

Но Гунилла не затѣмъ пришла, чтобы молчать.

— Король, тебя обманули; ты игралище гнусной клеветы iезуитовъ!

— Гунилла! строго произнесъ король.

— Я не боюсь тебя, Iоганъ! отвѣчала она спокойно: — эшафотъ готовъ, палачъ на мѣстѣ, вотъ голова моя... повели!

— Гунилла! повторилъ дрожащимъ голосомъ король: — поди отсюда, это не твое дѣло!

— Я останусь здѣсь, у ногъ твоихъ! продолжала съ неотступной мольбой Гунилла. — Не обременяй своимъ несправедливымъ гнѣвомъ невинныхъ!... Королева Коринь не знаетъ, гдѣ сынъ ея, она оплакиваетъ его, какъ мертвеца... Спарре потерялъ его изъ вида, и всѣ они увѣрены, что несчастный юноша болѣе не существуетъ. Я говорю тебѣ правду, Iоганъ, ты знаешь!

— Ты сама игралище гнуснѣйшей интриги!

Нѣтъ! здѣсь есть люди, которые видѣли Коринь... притворство такъ не плачетъ... Въ душѣ ея адъ, и если было въ ней когда-нибудь преступное покушенiе, то теперь уже для него нѣтъ мѣста, теперь казнь Лориха безполезное злодѣянiе... Прости его, король! Я не могу вынести безславiя, которымъ эта казнь покроетъ моего монарха!

Слово *моего* коснулось до сердца Iогана.

— Молчи, дитя, ты не понимаешь тяжкой обязанности государя. Лорихъ растратилъ суммы, ввѣренныя ему для уплаты войскамъ въ Лифляндіи; онъ вошелъ въ злонамѣренныя для государства сношенія съ иностранными державами; онъ осужденъ сенатомъ, и я не въ правѣ даже смягчить участь этого преступника... Гунилла! прибавилъ съ страннымъ чувствомъ Іоганъ, схвативъ ее обѣими руками и сажая близь себя: — не терзай меня больше! Тебѣ одной я еще вѣрю, и горе намъ обоимъ, если эта, благотворная для души моей, вѣра возмутится...

Іоганъ опустилъ голову, на глаза его выступили слезы. Гунилла смотрѣла на нихъ съ умиленіемъ. Она любила короля тою непонятною любовью, къ которой иногда бываетъ способно женское сердце. Эта любовь не была страсть пылкой природы — король годился ей въ отцы. Это не было также нѣжное чувство дочери къ любимому родителю — это была духовная любовь хранителя души къ ввѣренному ей промысломъ человѣку. Невинное созданіе не гнушалось преступнымъ Іоганомъ, не страшилось его свирѣпости, не тяготилось ядовитостію его изступленнаго нрава: Гунилла была вся вниманіе къ болѣзнямъ души его; любовь ея изливалась, какъ врачующее муро, какъ свѣтъ, разгоняющій тьму.

— Такъ вѣрь же мнѣ, вѣрь несомнѣнно; недовѣріе твое — страшный грѣхъ, который не простится тебѣ ни въ этой жизни, ни въ будущей!

— О, моя отрада, посланная небомъ страдальцу! сказалъ король, цалуя чело любимицы своей.

Іоганъ зарыдалъ, это былъ истерическій исходъ его припадка.

— Безъ тебя, я былъ бы презрѣннѣйшій изъ смертныхъ! продолжалъ онъ, давъ волю изліянію сердца.—Я взросъ, питая зависть къ старшему брату, который родился быть моимъ господиномъ. Эта зависть, какъ лютая змѣя, поминутно жалила меня. Братъ чуялъ мою злобу... Онъ ненавидѣлъ и страшился меня... и лишь только получилъ власть, заточилъ меня въ темницу... Мнѣ оставалось одно, или свергнуть тирана, злодѣянія котораго превзошли мѣру терпѣнія народа, или пасть самому жертвой... Принявъ грѣхъ на душу, я одолѣлъ врага... дорого стоило мнѣ это преступленіе! оно изожгло меня, исполнило горечью, отравило мою жизнь!...

— Іоганъ! прервала его Гунилла:—дѣла милосердія искупаютъ грѣхъ.

— А это пугало, этотъ мнимый наслѣдникъ!... Онъ, какъ привидѣніе, какъ окровавленный призракъ отца его, возникаетъ передо мною изъ праха и не даетъ мнѣ покоя!

— Этотъ призракъ — созданіе твоего больнаго воображенія. Король! время дорого, вырони слово милосердія, и я полечу на крыльяхъ возвѣстить его твоему народу... Король! минуты дороги... прости!... молила Гунилла въ слезахъ, и снова у ногъ Іогана, который видимо колебался.

Въ эту минуту раздался пушечный выстрѣлъ; это былъ сигналъ, повѣстившій о совершеніи казни.

— Кончено! проговорилъ Іоганъ: — теперь ужь поздно!

Гунилла встала. Она не произнесла болѣе ни одного слова; но скорбь выразилась на ея лицѣ съ такой силой, что Іоганъ смутился и опустилъ голову, не выдержавъ ея взгляда.

— Не вини меня! сказалъ онъ: — не въ моей власти воскрешать умершихъ; но все, что̀ я могу сдѣлать, проси!

— Оставь королеву Коринь окончить дни спокойно въ ея уединеніи; не преслѣдуй гнѣвомъ друзей ея, я отвѣчаю за нихъ головою! сказала твердымъ голосомъ Гунилла: — и еще прошу, умоляю тебя: удали отъ себя римскихъ монаховъ! прибавила, тихо склонясь къ плечу Іогана, будущая его супруга и королева Швеціи.

X.

Въ числѣ учениковъ виленской академіи, посѣщавшихъ infima minorum, то-есть младшіе классы, гдѣ, какъ донынѣ водится, между подростками, былъ не одинъ заматорѣлый изъ отсталыхъ и скорбныхъ головою, появился новичокъ, неимѣвшій ни родства, ни знакомства.

Онъ поступилъ подъ особую опеку одного изъ такъ-называемыхъ *директоровъ*, проживавшихъ на *станціяхъ* съ нѣсколькими ввѣренными ихъ надзору студентами.

Новичокъ былъ молчаливый, робкій юноша, слабаго сложенія, аттестованный *простачкомъ*, то-есть неодареннымъ способностію къ наукѣ.

Его скромная наружность и смиренные обычаи вызывали немилосердыя насмѣшки и злыя шутки разнохарактерной школьной общины. Сыновья значительныхъ, богатыхъ гражданъ отличались чванливою осанкой и щеголеватою одеждой, а изъ бѣднѣйшихъ, кто тянулся подражать богачамъ и знатнымъ, а кто самостоятельно щеголялъ своими лохмотьями, своимъ неряшествомъ и своею удалью.

Одинъ изъ этихъ послѣднихъ не могъ не обратить на себя, съ перваго же взгляда, вниманія новобранца. Это былъ величаемый Голіафомъ, Ярошъ Осовецкій, литвинъ со щетинистою шапкою волосъ на головѣ, съ крупными, топорными, но добро-

душными чертами, съ плечищами, годными подъ любой сводъ, съ походкою, напоминающею жителей отечественныхъ дебрей.

Этотъ богатырь былъ также не изъ способныхъ; полатинѣ зналъ онъ только неласковыя выраженія, и какъ всякое сильное животное, былъ безпощаденъ къ себѣ подобнымъ, но добръ и гордо-снисходителенъ къ слабымъ. На этомъ основаніи онъ пользовался авторитетомъ.

Наткнувшись мимоходомъ на ватагу, осаждавшую новаго *ўчня*, онъ остановился, окинулъ его своимъ тусклымъ взглядомъ, и прочитавъ въ глазахъ юноши то, что̀ иногда и звѣрь читаетъ въ глазахъ человѣка, повернулся къ нему своею крутою спиной, какъ будто для того, чтобы онъ его погладилъ.

По этому знаку благоволенія, задорные хлопцы—Маиръ Изайшевичь—на чужіе гроши бражникъ, рябой Григорій Бренко—вѣстовщикъ не по найму, а по охотѣ, и лукавый Жукъ Муравецкій—помогай боже нашимъ и вашимъ, тотчасъ поняли, что новичокъ поступаетъ подъ защиту Голіафа.

Не сближаясь, однакоже, ни съ кѣмъ и ни отъ кого не отстраняясь, юноша чувствовалъ тяготу и неловкость въ чуждомъ для него шумномъ сообществѣ, чувствовалъ и всю невозможность прилюбить какой нибудь уголъ на этомъ новосельи; потому что подъ *станціи* студентовъ того времени отводились избы, плохо натопленныя зимою, душныя лѣтомъ, обильныя всякой нечистотой и всегда тоскливо дѣйствующія своею убогостію и неопрятностію на свѣжаго человѣка.

Изъ этихъ вертеповъ, въ извѣстные часы, ватага студентовъ отправлялась въ академію, куда стекались въ то же время и студенты изъ родительскихъ домовъ. Странно раздавались непривычному уху официальныя наименованія всѣхъ начальствующихъ и старшинъ изъ выборныхъ академиковъ и изъ присяжныхъ наставниковъ. Тутъ были магистры majorum и minorum ordinum, отцы професорà, *аудиторы*, dictatores, imperatores, consules, *цензоры*—тайные и явные, и всѣ эти чины древняго Рима, высшіе и низшіе—кочевали по длиннымъ заламъ академіи, посреди оглушительнаго гама нѣсколькихъ сотъ голосовъ, и только по раздавшемуся звонку, сзывавшему на лекцію, весь бурливый рой смолкалъ внезапно и разсаживался въ чинномъ порядкѣ.

Студенты раздѣлялись тогда на овецъ и козлищъ, на pars romana и pars graeca. Первенствующая, pars romana, имѣла на своей половинѣ висѣвшую на стѣнѣ, бѣлую доску, съ огромной цифрой *лаудесъ*, то-есть похвалъ, стяжанныхъ въ предыдущую недѣлю. На сторонѣ унижаемой pars graeca, висѣла черная доска съ меньшимъ числомъ *лаудесъ*. Переднюю скамью занимали *кон-*

сулы и imperatores, избиравшіеся изъ показистыхъ по наружности и одеждѣ; они составляли видимую закраску школы.

У подножія каѳедры професора, на особой лавкѣ, возсѣдалъ *диктаторъ*—первый ученикъ, пользовавшійся большими привилегіями. *Аудиторы* или репетиторы разсаживались въ рядахъ между студентами, и наконецъ, позади, на послѣднихъ скамьяхъ, стоя или прислонясь къ стѣнамъ, тѣснился послѣдній разрядъ учащихся хлопцовъ-служителей, прозванныхъ *калефакторами*, допускавшихся въ классы на условіи прислуживать на станціяхъ *директору* и *панентамъ*, топить печи въ зданіи академіи, убирать залы, и исполнять требованія и приказанія старшихъ.

Съ началомъ лекціи, начиналась азартная игра въ *лаудесъ*: ученики наперерывъ вызывались отвѣчать на вопросы, затруднявшіе противоположную сторону, и хватали вычитаемыя у ней, судя по важности предмета: decem laudes, centum laudes, mille laudes и болѣе. Эта игра, какъ и всѣ игры, не была чужда лукавства: подсказыванья, подсматриванья, а главное—подкупа *диктатора*, который, въ числѣ своихъ привилегій, получалъ *лаудесъ* вдесятеро противу другихъ студентовъ и имѣлъ право дарить свои тысячи и мильйоны по собственному усмотрѣнію той или другой партіи. Само собсю разумѣется, что pars romana и pars graeca старались располагать диктатора въ свою пользу сластями, *подарунками*, всякаго рода выслуживаньями, и перевѣсъ клонился на ту сторону, гдѣ было болѣе мастеровъ пользоваться этимъ шулерствомъ.

Всѣ эти ухищренія не вдругъ разъяснились для новаго *учня*.

По окончаніи лекціи, шумный потокъ студентовъ наводнялъ городскія улицы и площади, гдѣ тотчасъ заводились рекреаціонныя забавы—*клотни* съ иновѣрцами или съ учениками другихъ школъ, оглушавшія прохожихъ криками: psia wiara, psia ielita; или чинились уличныя расправы съ жителями, начиная съ жидовъ, которыхъ безпощадно преслѣдовали, до важныхъ пановъ, которыхъ нерѣдко высаживали посреди улицы изъ колымагъ своихъ. Все это совершалось въ силу академическихъ правъ, которыя ставили учащихся неподлежащими иному суду, кромѣ ихъ ученой іерархіи. Душить встрѣчныхъ жидовъ вошло въ такой завѣтный обычай, что въ тѣ часы, когда школьная молодёжь шла въ училища, или возвращалась домой, іудеи страшились показаться на улицѣ, зная заранѣе, что озорники затравятъ неосторожнаго, какъ зайца.

Не меньше жидовъ боялись академиковъ и торговки булками и бубликами, печеными яйцами и огурцами, калбасами и прочею снѣдью. Рынокъ былъ table d'hôte студента XVI вѣка; базарныя матроны, завидя издали голодную стаю, какъ насѣдки распускали

воскрилія юбокъ и кофтъ своихъ надъ припасами. Бабій визгъ и брань раздавались гвалтомъ во слѣдъ хищниковъ.

Начинивъ свои карманы, громада разсыпалась по пустырямъ и закоулкамъ, гдѣ мгновенно уничтожала добычу, и потомъ брела въ разныя стороны, или забѣгала навѣстить шинкарку Вихню и погребокъ жидка Юськи. Это былъ притонъ единственной привилегированной четы изъ гонимаго племени, застрахованной отъ нападеній и насилій—за вѣру въ долгъ пива и горѣлки, за факторство въ студенческихъ шашняхъ, и за держаніе, для потребы ўчней, картъ, предпочитавшихся книгамъ.

Любители изящнаго отправлялись лицедѣйствовать или наслаждаться зрѣлищемъ мистерій, которыя разыгрывались въ зданіи или на дворѣ академіи, гдѣ общій буйный восторгъ школьной публики возбуждали любимыя представленія *смерти* и *дьябла*, то бьющихся, то отплясывающихъ вмѣстѣ; *шинкарки* и *кавалера*, романсующихъ на потѣху зрителей; или *жидковъ*, надувающихъ и расплачивающихся пейсами и бородами.

Не принимая участія ни въ продѣлкахъ, ни въ потѣхахъ, новый учень предпочиталъ сидѣть сиднемъ, гдѣ нибудь въ углу, и недоумѣвать надъ знаменитымъ *альва̀ромъ*.

Творецъ этой общеупотребительной въ то время граматики—, испанецъ іезуитъ Эммануилъ Альварецъ, по имени котораго названо и твореніе, изложилъ въ неуклюжихъ латинскихъ виршахъ значеніе частей рѣчи, съ цѣлію ли вознести этимологію на Парнасъ и сопричислить къ музамъ, напитать ли учениковъ піитическимъ *ку̀нштомъ*, или съ мудрымъ намѣреніемъ продержать пылкій юношескій возрастъ на учебной лавкѣ, до возраста возмужалости и холоднаго благоразумія—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ *альва̀ръ* служилъ нетолько пробнымъ камнемъ терпѣнія, но и однимъ изъ средствъ притупленія природныхъ дарованій.

Если мы припомнимъ состояніе Густава послѣ болѣзни, которая какъ будто оторвала отъ памяти его все прошедшее и даже сознаніе, кто̀ онъ, и что̀ сбылось съ нимъ, то неудивительно, что прозвище «простачекъ» къ нему подходило.

Онъ безсознательно твердилъ хитросплетенные гекзаметры Альвареца, объясняющіе граматическіе роды:

«Quae maribus solum tribuantur, masculino sunto.
Est commune duum sexum quod claudit utrumque» etc.

Но усиленная гимнастика соображенія надъ помрачающимъ здравый смыслъ *альваромъ*, противу всякаго ожиданія, подѣйствовала на него обратно.

Одолѣвъ послѣдній стихъ послѣдней страницы, онъ какъ будто очнулся мгновенно отъ долгаго сна, швырнулъ книгу и вскрикнулъ:

— Domine, Domine! еслибъ ты видѣлъ это злоупотребленіе человѣческаго слова!...

Счастливая перемѣна, происшедшая въ ученѣ-*простачкѣ*, осталась, однако, для всѣхъ незамѣтной. Какъ всегда кроткій правомъ, онъ присутствовалъ на лекціяхъ молча, не вызывался отвѣчать на вопросы, не оспаривалъ *лаудесъ*, и его смиреніе вознаграждалось тою снисходительностію и терпимостію, которая выпадаетъ на долю нравственнаго или физическаго убожества.

Преподаватель піитики, *вавржинецъ* Боеръ — poeta laureatus, проходя мимо Густава, ласково трепалъ его по плечу, какъ треплютъ добраго пуделя, лежащаго смирно и никого небезпокоющаго своимъ присутствіемъ. Професоръ Юстусъ Рабусъ, риторики и богословія контроверсійнаго преподаватель, простиралъ свою благосклонность еще болѣе. Онъ указывалъ на него, какъ на образецъ, что слѣпое послушаніе и прилежаніе къ наукѣ изощряетъ даже тупоумныхъ.

Съ жадностію алкая познанія, подвизался онъ втихомолку надъ четырьмя классическими отдѣлами философіи: *діалектикой*, *логикой*, *физикой* и *метафизикой*, и не утоливъ жажды, вступилъ въ разрядъ ѳеологовъ, и наконецъ, по особенному назначенію властей, на курсъ каноническаго права; но здѣсь онъ остановился, какъ будто съ разгона.

— Гдѣ я? спросилъ онъ самъ себя, озираясь, какъ человѣкъ, который, воображая, что идетъ по темному пути къ морю свѣта, вдругъ очутился въ непроходимой трущобѣ, на краю бездны.

Густавъ понялъ, къ чему его готовятъ забравшіе въ руки свои его участь, отцы іезуиты.

— Ни Іероѳантомъ, ни Іерофантомъ! воскликнулъ онъ.

И съ этой поры напрасно Якобъ Вуекъ, докторъ богословія и магистръ *штукъ вызволёныхъ*, возглашалъ съ каѳедры, напрасно и самъ Піотръ Скарга разсыпалъ передъ аудиторіею свои жемчужины — Густавъ оставался равнодушенъ. Его мысли блуждали, порою уносились къ очагу Ганса Андроніуса, и въ памяти его оживало счастливое время микстуръ, *проекцій* и *тестаментовъ* великой герметической науки.

— Гдѣ онѣ, гдѣ драгоцѣнныя хартіи учителя, завѣщанныя мнѣ добрымъ Гансомъ! допрашивалъ самъ себя Густавъ въ горькомъ раздумьи.

И онъ съ тяжкою грустью припоминалъ послѣднія слова Андроніуса: «помни, помни мое завѣщаніе: сокровище твое въ наукѣ;

я передалъ тебѣ это сокровище еще не вполнѣ воздѣланнымъ; воздѣлай его!»

— Погибли труды великаго мастера! восклицалъ юноша въ отчаяніи, и ходилъ на лекціи лишь по долгу послушанія.

Никто не заботился о его нерадѣніи, потому что никто не чаялъ отъ него проку, а между тѣмъ онъ, какъ голодный волкъ, поломавшій зубы о сухія кости, сталъ рыскать по улицамъ Вильно, и чутьемъ искать себѣ пищи внѣ опостылившаго академическаго крова.

На этихъ улицахъ раздавался говоръ на иностранныхъ языкахъ, на которыхъ во всеуслышаніе болтали *паненты*, побывавшіе въ іезуитскихъ училищахъ, въ Падуѣ и Парижѣ, и въ германскихъ школахъ. Любознательность Густава слѣдила за этими представителями моды рядиться въ чужія перья и щебетать не своимъ природнымъ голосомъ.

Жажда познанія вспыхнула снова въ юношѣ и онъ страстно предался изученію языковъ.

Онъ не удовольствовался усвоеніемъ всѣхъ исчадій латинской и готской рѣчи. Живя, какъ плѣнникъ, посреди іезуитскаго стана на землѣ русской, Густавъ пожелалъ знать родной языкъ могучаго и непреоборимаго противника католицизма.

Славянскій языкъ, казалось, поразилъ молодого лингвиста неожиданно, какъ достопочтенная личность своей дебѣлой осанкой, своимъ разумомъ, достоинствомъ и сердечностью рѣчи.

И онъ вполнѣ предался изученію славянскаго языка со всей великой его семьей.

Для упражненій въ разговорѣ, Густавъ свелъ знакомство съ удалой и прямой русской душой — съ Петромъ Зубцовскимъ, сыномъ извѣстнаго москвича Кириллы Ивановича Зубцовскаго, старо̀сты ковельскаго, который послѣдовалъ на Литву за княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ-Ярославскимъ.

Разбитной парень, Петръ взросъ при дворѣ этого знаменитаго выходца, славнаго своимъ закаленымъ боярскимъ характеромъ, своею современною ученостію и набожностію.

Густавъ любилъ слушать разсказы учителя своего о Москвѣ, а Петръ любилъ Москву и разсказывалъ, какъ волшебныя сказки, о чудесахъ московскихъ: о зубчатомъ бѣлокаменномъ Кремлѣ, о дивѣ-дивномъ — многоглавой новой церкви Василія Блаженнаго; о царскихъ и боярскихъ столованьяхъ, о кулачныхъ бояхъ, гдѣ потѣшалась молодецкая душа, шла стѣна на стѣну, или одинъ на одинъ. Не пропускалъ онъ погуторить и о Запорожьѣ, гдѣ три года казаковалъ въ бѣгахъ изъ дому, вслѣдствіе испытаннаго однажды черезчуръ жесткаго поученія отъ своего боярина.

Весь этотъ чудный міръ, съ его особыми обычаями, рисовался въ воображеніи Густава чѣмъ-то внушающимъ любопытство видѣть его. Но что бы ни разсказывалъ Петръ, ученикъ находилъ свой разсчетъ его слушать.

Вспоминая о московскихъ красныхъ дѣвицахъ—кровь съ молокомъ, грудь лебединая, бровь соболиная, Петръ не забывалъ и кохановъ чужого края. Часто проговаривался онъ объ одной паненкѣ съ соколинымъ глазомъ, которая жила близь Острой-Брамы, у окошечка посиживала, добрыхъ молодцевъ заманивала, а на вельможныхъ пановъ загадывала:

— Давайте, паны братья, поставимъ ей ясновельможнаго, подалъ голосъ Жукъ Муравецкій; вотъ и снарядили Яроша въ панаграбе. Смотримъ — поднялась на кислыхъ дрожжахъ опара, да скоро опала! То-то было смѣху!... А что—перебивалъ свои розсказни Петръ:—не пройдтись ли намъ къ Острой-Брамѣ?

— Пойдемъ лучше на торгъ, послушать, какъ ваши православные отповѣдываютъ ксендзамъ каменьемъ, на ихъ базарное *катехизованье* по ярмарочнымъ святамъ.

— И то дѣло, сказалъ Петръ, на все согласный.

Выбравшись изъ переулка, противъ палаца бискупа, они вдругъ послышали какой то необычайный гвалтъ: какъ будто ураганъ, взрывая морскія волны и разсѣкая воздухъ протяжнымъ воплемъ, то замиралъ въ пространствѣ, то снова отзывался переливнымъ гуломъ.

— Это что такое? спросилъ изумленный Густавъ.

— А стало-быть разгулялись, отвѣчалъ Петръ, вслушиваясь.

— Какой же это разгулъ? видишь, дымъ около ратуши.

— Стало-быть пожаръ?

И прибавляя шагу, товарищи шли по направленію къ ратушѣ.

— Что горитъ? спросилъ Петръ, у кого-то бѣжавшаго безъ памяти.

— Чтобы самимъ вамъ такъ же горѣть въ пеклѣ на томъ свѣтѣ! крикнулъ, не останавливаясь, бѣжавшій.

— Лѣшій! послалъ ему въ отвѣтъ Петръ, также не останавливаясь и не оглянувшись.

Площадь захлебнулась народомъ, въ общей свалкѣ раздавался неумолкаемый гамъ, крика, воплей и брани. Клочки волосъ летѣли на воздухъ, кровь брызгала и струилась по землѣ.

У позорнаго столба противъ висѣлицы горѣла какая-то безобразная куча, отъ которой дымъ вздымался къ облакамъ, и смрадъ, какъ одуряющее курево, приводилъ въ бѣшенство борцовъ.

— Костеръ! вскрикнулъ Густавъ, блѣднѣя отъ ужаса и негодованія.

— Кого тамъ жгутъ! рявкнулъ Петръ не своимъ голосомъ.

— А Богъ дай тебя! отозвалось изъ толпы злобной насмѣшкой.

Видалъ Петръ на своемъ молодомъ вѣку схватки съ нехристями, да то было дѣло ратное. Меркло солнце, стонала мать-сыра земля, подъ побоищемъ, тратилась сила богатырская, да то было въ чистомъ полѣ, противъ супостата.. Видалъ Петръ и широкіе разгулы запорожскіе, да то было во хмѣлю съ крѣпкаго веселья... А это что̀ за бойня лихая? Вѣдьмы, что ли, шабашъ правятъ?

— Латыняне схизму караютъ! подалъ кто-то голосъ:—палятъ книги еретицкія!...

Такъ и было.

Іезуиты, именемъ стараго бискупа Валерьяна Протасо̀вича, въ силу изданнаго, за цѣлое столѣтіе назадъ, эдикта Владислава Ягеллы, совершали автодафе, руками палача жгли православныя и евангелическія книги, которыхъ значительное число выходило въ Вильнѣ.

Само собою разумѣется, что католичество, при подобномъ одобреніи, разнуздалось и привело народъ въ ярость, которая сообщилась всему, что̀ только способно было чувствовать негодованіе отъ звѣронасильственнаго поступка.

Товарищи ринулись непроизвольнымъ влеченіемъ въ толпу, и какъ будто угорѣвъ и охмѣлѣвъ въ общемъ хмѣлю и угарѣ, освирѣпѣли. Смиренный философъ, непонимающій нравственной возможности наступить произвольно на ползающаго червя, почуялъ львиные инстинкты.

— Въ огонь лжехристей! кричали сотни голосовъ.

— На костеръ бѣсовскихъ катехизантовъ! ревѣла толпа.

Но катехизантовъ, настоящихъ виновниковъ свалки, уже успѣли извлечь изъ этого ада. Одного изъ нихъ, по приказанію своего академическаго начальства, взвалилъ на могучія рамена Ярошъ Осовецкій, и ломилъ съ нимъ, какъ слонъ, сквозь сплошную гущу народа.

— Ярошъ, стой! крикнулъ не своимъ голосомъ Густавъ, на котораго напоролся колоссъ съ своей ношей

Ярошъ остановился послушно.

— А! это ты мой пане-брате? проговорилъ онъ, ухмыляясь; но, замѣтивъ пылъ негодованія во взорахъ и въ выраженіи лица юноши, всегда спокойнаго, свѣтлаго безмятежнымъ, влекущимъ къ нему, благодушіемъ, Ярошъ оторопѣлъ отъ недоумѣнія.

— На костеръ ксендза! грянулъ приспѣвшій Петръ Зубцовскій.

— На костеръ! повторилъ народъ хоромъ, какъ словно страшнымъ отголоскомъ.

Ярошъ пріостановился, допрашивая Густава безсмысленно покорнымъ взглядомъ.

— Что-жь, въ огонь, что ли?...

И онъ повернулъ къ костру.

Но въ то же мгновеніе раздался выстрѣлъ. Пуля прошизала ногу Яроша и свалила этотъ крѣпкій дубъ.

Возникло новое смятеніе, новый натискъ толпы, новый хаосъ, въ которомъ потерялось всякое сознаніе.

Цѣлый день клокотала площадь бунтующимъ народомъ; нѣсколько труповъ валялось на землѣ; ихъ топтали освирѣпѣлые борцы; но войско не вступалось въ *домашній споръ;* отцы іезуиты, *всегда миролюбивые*, надѣялись прекратить его своимъ *кроткимъ словомъ*, которое раздалось уже въ глубокія сумерки, когда покрытая пòтомъ и кровію, на половину изувѣченная толпа вынуждена была разойдтись.

XI.

Еще въ похмѣльи послѣ кроваваго пира, на который попалъ незванымъ гостемъ, Густавъ воротился домой въ поздній уже часъ ночи, и первый предметъ, обратившій на себя его вниманіе, былъ тотъ же Ярошъ Осовецкій, который, охая, нянчился съ своей раненой ногой и бранился немилосердно.

— Чтò ты, чтò съ тобой? спросилъ, подходя къ нему еще съ взволнòваннымъ духомъ, юноша.—Кого бранишь ты?

— Собаку! бернардина! смотри, присыпалъ рану перцемъ!...

— Перцемъ? вскричалъ Густавъ, изумленный этимъ бывшимъ тогда въ употребленіи средствомъ лечить раны.

И онъ осмотрѣлъ перевязку, сбросилъ ее, обмылъ тщательно рану, и принялся готовить лекарство.

Вскорѣ Ярошъ не чувствовалъ уже боли, а чрезъ нѣсколько дней могъ уже снова идти на площадь.

— А я, пане, вотъ чтò, сказалъ онъ своему исцѣлителю:— пусть только кто зацѣпитъ моего пана!

И онъ приподнялъ какъ булаву огромный кулакъ свой, которымъ договорилъ остальное.

— Гдѣ панъ академикъ учился лекарской наукѣ? допытывали товарищи.

Но панъ академикъ промолчалъ на этотъ вопросъ.

Продолжая въ дружномъ обществѣ Петра Зубцовскаго свои шатанья по улицамъ Вильно, гдѣ ссоры и схватки не унимались и вспыхивали почти безпрерывно, Густавъ спрашивалъ съ негодованіемъ:

— Когда настанетъ конецъ этимъ сварамъ?

— А тогда, когда дѣло станетъ по мудрому слову святотроицкаго братства, отвѣчалъ ему Петръ.

— Какое же это мудрое слово?

— А то, что не положилъ Господь границы между Русью Великою и Малою, Красною, Бѣлою и Черною и между святою землею Кіевскою; и что у православнаго народа и вѣнчанная глава должна быть православная...

Слушая сужденія Петра Зубцовскаго, Густавъ начиналъ впервые вдумываться въ религіозные вопросы своего времени; мысль его никогда еще не настроивалась сознательно на богословіе. Первый наставникъ его, покойный Dominus Гансъ, принадлежалъ къ тѣмъ *невѣдущимъ закона*, которые *естествомъ законная творятъ;* въ ортодоксальности же латинства, судя по тому, что̀ дѣлалось вокругъ него, онъ весьма сильно сомнѣвался. Никогда еще не спрашивалъ онъ себя строго, къ какому принадлежитъ исповѣданію и, какъ судья безпристрастный, склонялся теперь на сторону гонимыхъ.

— Стыдно сказать, а грѣхъ утаить, продолжалъ Петръ Зубцовскій: — житье православному люду подъ латинской справою не лучше собачьяго; хребетъ его словно пряникъ медовой, сапогами печатаный, словно калачъ крупичатый, чеботами толоченый! Вольнѣй стоять у дѣла ратнаго, у часа смертнаго, чѣмъ маяться здѣсь врагу на потѣху! Пойдемъ, пане, пойдемъ на Великую Русь, гуляти, людей видати, себя казати? Пойдемъ и до Москвы дойдемъ, поглядимъ на ея золотыя маковки!

— Что жь, пойдемъ, полушутя отвѣчалъ Густавъ: — давно ужь и мнѣ самому тошнится, глядя на подрясники нашихъ отцовъ-профессовъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, добрые молодцы подошли къ монастырю св. Троицы, состоявшему въ вѣдѣніи виленскаго братства. Изъ Святыхъ воротъ выѣзжалъ на конѣ бояринъ, окруженный своей блестящей свитой. Петръ проворно сдернулъ шапку и поклонился ему въ поясъ.

— Это кто? спросилъ Густавъ, смотря ему во слѣдъ.

— Аль не знаетъ твоя милость нашего князя Константина Константиновича Острожскаго? Прослышалъ, видно, о здѣшнихъ бѣдахъ и пріѣхалъ навѣстить братчиковъ. Князь нашъ не таковъ, что̀ низко выю гнетъ, носомъ въ землю претъ. Добрымъ слугою и пѣстуномъ русскаго народа вѣкъ прожилъ, на другой перевалилъ, а каковъ? смотри-ко.

— Бодро сидитъ онъ на конѣ, замѣтилъ Густавъ.

— Старъ матёръ человѣкъ нашъ князь Константинъ Кон-

стантиновичъ. Не будь его, не такого бы еще горя и напасти, холоду и голоду, наготы и босоты всякія натерпѣлись бы наши люди!... Его милость былъ, видно, у владыки Онисифора Петровича Дѣвочки. Ужь какъ ни вертятъ хвостами панскія лисицы, чтобы поссорить его съ братчиками, а блаженный миротворецъ, князь нашъ, держитъ ихъ рука объ руку... Пытали тоже обносить и владыку предъ паствою!...

И сердце Зубцовскаго заходило, распалилось негодованьемъ.

— Дьяволъ только можетъ измыслить такія хитрости, продолжалъ онъ:—пишутъ отъ нашего митрополита ложныя письма къ римскому папѣ. Правятъ на свой ладъ служебники наши, вводя ихъ тайно въ церкви православныя. То говорятъ намъ, что патріахъ цареградскій самъ подпалъ подъ начало султану, и что мы, стало быть, слушаемся магометанина; то учатъ, что древняя-то вѣра латинская, а что мы отщепенцы и *схизматики*. Поносятъ насъ, говорятъ, что русскіе попы тѣ же хлопы и не знаютъ своего православія! А кто привелъ ихъ въ злую нищету и всякое убожество? кто поставилъ наравнѣ съ корчмарями и млынарями нести повинности Рѣчи Посполитой? Сами же своими магнатами расхитили церковныя и монастырскія имущества... И отъ всего того душегубства охлестываются и ошевертываются, и валятъ всю вину на наши же головы! Да то ли еще будетъ, какъ скончаетъ свой долгій вѣкъ князь нашъ Константинъ Константиновичъ! добавилъ, махнувъ рукою, Петръ.

— Будетъ то, что̀ будетъ, а̀ будетъ то, что̀ Богъ дастъ, сказалъ, ободряя его, Густавъ.

— Не Богъ, пане, даетъ то, что̀ теперь дѣется! а я такого разума: коли не изгибнуть правдѣ на землѣ, такъ не одолѣть врагамъ православія; а коли еще на худое пойдетъ, то судъ божій не далече!

Говоря это, обычно-веселое, беззаботное лицо Петра принимало выраженіе глубокаго убѣжденія.

Ка̀къ думалъ Петръ Зубцовскій, та̀къ думало и все народонаселеніе южной и западной Руси, а латинцы дѣлали свое дѣло.

Однажды на зарѣ, раздавшійся у св. Яна колокольный звонъ поднялъ хоръ всѣхъ костельныхъ виленскихъ глашатаевъ. Городъ встрепенулся, какъ одинъ человѣкъ; гудящіе колокола возвѣщали о процесіи «божьяго тѣла», отправляемой съ небывалою на Литвѣ картинностью и великолѣпіемъ, которыми отцы іезуиты *цѣлили чрезъ очи на души окатоличиваемаго народа*.

Повалилъ людъ со всѣхъ концовъ, толпы текли потоками дивиться: *ка̀къ латиняне Бога своего чтить будутъ*.

Нетолько христіане всѣхъ исповѣданій, но и татары, жиды,

женщины съ грудными младенцами на рукахъ—все высыпало на улицу. Да и какъ было неподивиться на это замысловатое, маскарадное, возбудительное богопочитаніе.

Тамъ и сямъ раздавался ропотный голосъ братчика, называющаго католическія мистеріи площадныхъ зрѣлищъ богохульствомъ и бѣснованіемъ. Но слабый голосъ заглушали радостные вопли настоящаго масляничнаго веселья.

Лицедѣи, разряженные въ разныя аллегорическія фигуры, въ святыхъ и грѣшниковъ, въ ангеловъ и демоновъ, во всѣ чины іерархіи неба и преисподней, исполняли эту олицетворенную эпопею. Музыка и пѣніе, прерываемыя дикими воплями, потрясали воздухъ.

Шествіе открывали, выстроенные правильными шеренгами, молодые показистые академики, изъ которыхъ бо̀льшая часть была хорошо знакома всѣмъ рынкамъ и сборищамъ города; но теперь они въ бѣлыхъ одеждахъ, съ горящими свѣтильниками въ рукахъ, шли чинно и смиренно, опустивъ очи въ землю и воспѣвая, con dolcezza, вновь сочиненный гимнъ трогательнаго напѣва.

За этими представителями невинности и чистоты, слѣдовали *вои небесные* съ золотыми крыльями, и такъ строго было выраженье ихъ лицъ, такъ искуственна постановка, что они походили болѣе на движущіяся изваянія, нежели на живыхъ людей.

Въ числѣ зрителей, Густавъ съ своимъ Петромъ Зубцовскимъ, въ честной компаніи Яроша Осовецкаго, встрѣтили процесію у самыхъ воротъ коллегіума.

— Глядите, пане! то наши! крикнулъ Ярошъ, указывая на Жука Муравецкаго, Маира Изайшевича и рябого Григорья Бренка, которые шли въ сонмѣ наряженныхъ пророковъ, съ хартіями въ рукахъ.

Онъ двинулся къ нимъ, пробивая плечомъ сквозь толпу дорогу своимъ спутникамъ.

— И ты, Маиръ, попалъ въ пророки? крикнулъ къ Изайшевичу Густавъ.

— Ахъ ты, осипа дряблая, смолье вяжленое! крикнулъ и Петръ, приголубивъ тукманкой Жука.

— Doctor bullatus, asinus coronatus! возгласилъ и Ярошъ свой привѣтъ Бренку.

Но не время было разсчитываться, народъ валма-валилъ; а промежь народа сновали дозорцы и глашатаи, объяснявшіе смыслъ божественной комедіи, сновали и господа члены *трибунала святой инквизиціи*, водвореннаго съ правомъ отыскивать на Литвѣ еретиковъ и карать отщепенцевъ.

Вдали улицы показалось что-то на подобіе кустовъ горящихъ;

это несли знаки страданій господнихъ и огромный *крыжъ*, до того изукрашенные *блискотками*, что они казались пламенѣющими.

— Фу!... Очи слѣпитъ! проговорилъ, жмурясь какъ котъ, Ярошъ Осовецкій.

— Правду ты сказалъ, пане брате: здѣсь все слѣпитъ глаза и ничто не просвѣщаетъ! замѣтилъ Густавъ.

При этомъ словѣ, неизвѣстная темная особа заглянула ему въ лицо и молча прошла далѣе.

Вопли какихъ-то женщинъ, умиленныхъ надъ трагическими олицетвореніями мучениковъ, влекомыхъ за крестомъ, посреди копій, дреколій, клещей, цѣпей и другихъ орудій истязанія, огласили воздухъ.

— Цыцъ, бабы горынянки! погрозилъ имъ Петръ, и нѣкоторыя изъ плакальщицъ, узнавъ своего знакомаго уличнаго хвата, расхохотались на соблазнъ окружающимъ.

— Смотри! смотри! завопилъ Ярошъ, указывая на явившуюся нагую фигуру, съ намалеванными по тѣлу язвами и потоками крови, которая, кривляясь, стонала и приходывалась изнемогающею подъ бременемъ посаженныхъ ей на плеча куколъ, одѣтыхъ въ жидовскія и другія *некатолическія* одѣянія.

— То святая *прявда!* объяснялъ одинъ изъ глашатаевъ: — то *истина* святая, которую язвятъ и попираютъ схизма съ іудействомъ.

— Твоя *правда*, пане добродѣю, въ глаза лжетъ! крикнулъ къ нему Петръ Зубцовскій: — ломается, словно разыгрался упинъ въ хребтѣ! щемятъ видно больно язвы-то ея, шкарлатомъ писанныя!

— Безобразное кощунство! проговорилъ Густавъ при видѣ этой отвратительной, поддѣльной *истины*.

Онъ уже начиналъ чувствовать то волненіе, которое возбуждаетъ зрѣлище по смыслу своему и по воспріимчивости зрителя, приводя его въ восторгъ, или въ озлобленіе.

Глаза Петра Зубцовскаго также начинали сверкать; но Ярошъ ощущалъ только безпокойство животнаго, которое видитъ совершающуюся вокругъ него непонятную суету. Глаза его разбѣгались, уши не знали къ чему прислушиваться; онъ ломилъ себѣ богатырскими плечами сквозь толпу, оглядываясь на товарищей, какъ песъ на хозяина, и руководясь безсознательно ихъ волей.

А маскарадная *правда*, разъигрывая свои муки, продолжала шествіе, окруженная толпою прекрасныхъ дѣтей, одѣтыхъ въ шитыя золотомъ далматики. Они представляли хоръ поющихъ херувимовъ; но ихъ стройное пѣніе прерывалось визгомъ бѣсенятъ, скакавшихъ вокругъ, во всѣ стороны, замахиваясь на толпу пылающими въ рукахъ ихъ смоляными факелами.

Чертенята исполняли свою должность съ такимъ усердіемъ, такъ жарко воодушевившись своей ролью, на зависть прочимъ ребятишкамъ и на потѣху публики, что подошедши къ нимъ, наши пріятели невольно увлеклись ихъ бѣснованьемъ.

— Ахъ вы, пострѣлы, скоморошная челядь! повторялъ Петръ, ловя и дергая ихъ за хвосты, а Ярошъ сгребъ одного въ лапы и бросилъ на головы народа.

Громкій смѣхъ сотни гортаней привѣтствовалъ эту выходку и пуще воодушевилъ дюжаго Яроша, который схапалъ другого чертенка за шиворотъ и, держа на воздухѣ, казалось, высматривалъ, куда бы зашвырнуть его повыше.

— Сажай его, пане брате, на спину этого misericordia et justitia! крикнулъ разгорячась и Густавъ, указывая на хорунжаго, который несъ инквизиціонное знамя съ надписью этихъ словъ и предшествовалъ колесницѣ смерти.

Въ это мгновеніе, чья-то сильная рука схватила юношу за руку, и повлекла изъ толпы; но Ярошъ не прозѣвалъ.

Какъ сорвавшійся съ цѣпи, бросился онъ на инквизиціоннаго дозорца и грянулъ его объ землю.

Нахлынувшая толпа народа за процессіею, затопила схватку и, казалось, стерла ее безслѣдно, никто, повидимому, не обратилъ на нее вниманія; и до того ли было?...

— Дивись! дивись! смерть ѣдетъ на колесницѣ! взревѣли тьмы голосовъ.

На черныхъ дрогахъ, запряженныхъ вороными конями подъ черными попонами, слѣдовалъ колоссальный скелетъ. Онъ держалъ въ рукѣ огромную косу, а другой тянулъ за собою вереницу тѣней всѣхъ возрастовъ и состояній, которыя стонами, воплями и погребальнымъ напѣвомъ раздирали душу.

Но этимъ явленьемъ заключилась процессія, которая прошла весь городъ и продолжала свои поученья въ личинахъ на пятьдесятъ верстъ въ окружности.

Воротясь домой, утомленный Густавъ уснулъ крѣпкимъ сномъ, не подозрѣвая, что давно уже на *картелюшѣ* тайной цензуры, подъ графою, носящей его имя, писались разныя недобровѣщія отмѣтки, что на нихъ значилось: *площадныя буйства, якшанье съ еретиками и гультаями*, значилось даже *искушеніе въ богопротивной наукѣ врачеванія посредствомъ чернокнижія.*

Не снилось Густаву и того, что въ тотъ же вечеръ, ко всѣмъ тяжкимъ, прибавилось въ графѣ три *икса*, означавшіе въ высшей степени буйство, вслѣдствіе чего виновный долженъ былъ лишиться *конвікта*, то-есть содержанія на общественный коштъ, и осуждался на пропитаніе трудами рукъ своихъ.

XII.

— Qui non laborat, non manducet! сказалъ герой нашъ, когда приговоръ этотъ, безъ суда, былъ ему объявленъ на слѣдующее утро.

Противъ такого логическаго вывода онъ не находилъ возраженія; но, неопытный въ его примѣненіи, остановясь подъ открытымъ небомъ, Густавъ осматривалъ свою слишкомъ философскую одежду, въ которой выпроводили его со станціи. Желудокъ его также заявлялъ свои права и требовалъ немедленно разрѣшенія задачи.

— Гей, хлопецъ! крикнулъ ему, принимая его за корчемнаго служителя, кто-то входящій въ гостинницу, предъ которой остановился изгнанный студіозусъ: — почисти мнѣ *буты!*

— Qui non laborat, non manducet! повторилъ Густавъ, нагнулся и исполнилъ просьбу незнакомца. Поднявъ брошенный пенязь, онъ вошелъ съ нимъ въ гостинницу, гдѣ и получилъ первый добытый собственными трудами кусокъ хлѣба.

Онъ престалъ посѣщать и академію, и отцы профессорà не думали понуждать его къ тому. Убѣдились ли они въ безличности нашего героя, или ихъ вниманіе было отвлечено на какія нибудь важнѣйшія заботы и помышленія, но къ великому удовольствію Густава, они оставили его, повидимому, въ покоѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, не до него было главнымъ членамъ святоянскаго коллегіума. Ихъ усилія втравить іезуитское латинство въ низшіе слои православнаго западно-русскаго народа; ихъ дерзкія навращенія, поправшія православную вѣру, вызвали оборону и противодѣйствіе. Православныя братства усилили свое подвижничество. По примѣру виленскаго и львовскаго, начинали собираться и другія: въ Брестѣ, Кобринѣ, Пинскѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и въ Кіевѣ, гдѣ извѣстный князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, тогда уже маститый старецъ, окруживъ себя духовными учеными Греціи и Руси, оборонялъ всю страну отъ нашествій папежа. Около городскихъ братствъ стали возникать сельскія и союзно примыкать къ нимъ. Латинство, встревоженное этимъ повсемѣстнымъ единодушіемъ, изыскивало всевозможныя средства и всѣ удобные случаи, чтобъ подорвать его крѣпость и силу.

Случай въ высшей степени благопріятный незамедлилъ представиться. Римско-католическая Европа приняла тогда новый григоріанскій календарь. Польша не отстала отъ Европы. И вотъ езуиты замыслили сближеніе съ православными на этой астроно-

мической точкѣ; они поспѣшили выхлопотать у Баторія грамату, вводящую грегоріанскій календарь во все литовско-польское государство.

Пріѣздъ съ этимъ эдиктомъ въ Вильно папскаго легата и кардинала Алберта Болоньета, мгновенно взволновалъ всю страну. Православные, спознавъ бѣду, встали твердой стѣной противъ *порухи* ихъ обычнаго законнаго счисленія. Пошли споры и *клотни*; но за ними послѣдовали новые указы, возбранявшіе въ дни празднествъ по новому стилю производить ремесла, открывать лавки и торговать, подъ страхомъ значительной пени и секвестра. Сцены *паленья* православныхъ книгъ и свалки огласили снова площади городовъ и отозвались на весяхъ.

Памятенъ былъ день пятидесятницы того лѣта въ Вильнѣ, когда гвалтомъ влекли православныхъ къ суду и расправѣ за празднованіе въ монастырѣ Святой Троицы этого дня по древнему соборному уставу.

На слѣдующее утро, въ праздникъ св. Духа, вся площадь, окружающая ратушу, покрылась народомъ. Виленское братство рѣшилось постоять за вѣру и все православное народонаселеніе сплотилось одною волею. Занявъ улицы, ведущія къ монастырю, оно оградило дорогу своимъ богомольцамъ.

Напрасно камни и пылающія головни летѣли въ безмолвную толпу; напрасно отряды всадниковъ врѣзывались въ народъ и топтали его конями. Народъ напиралъ и оттѣснялъ насильниковъ, а богомольцы чинно и спокойно, не оглядываясь на угрозы и ругательства, какъ будто не ощущая сопротивленія, шли къ паперти церковной.

Необычайное зрѣлище представляла эта картина. Шествіе въ свой древній храмъ гонимыхъ собственниковъ края, не было похоже на ту процесію Божьяго тѣла. Безъ театральныхъ эфектовъ, безъ музыки и пѣнія, безъ алегорическихъ олицетвореній и показнаго *набожѐнства*, эта картина своею одною глубокою правдою потрясала нервы зрителя. Слуха его касался отрывками только глухой ропотъ идущихъ:

— Одинадцать сутокъ скинуть со счетовъ! да куда жь ихъ дѣнешь?

— Одинадцать службъ соборнаго устава выбросить вонъ изъ вѣнца лѣта Господня!

— И не знать уже, когда чтить своего ангела, и въ день какого святого человѣку народиться!

— На святомъ никейскомъ соборѣ установлены наши годовые праздники, а не на папежскомъ звѣздочетствѣ!

— Постоимъ, братья, за вѣру отцовъ, за святую, и неизмѣнную, на вѣки вѣковъ единую!

— За Христа-Бога, главу церкви православной!

— Вѣра православная! сокровище многоцѣнное! причиталъ плетущійся во слѣдъ старецъ.

— Райское древо жизни! насажденное сыномъ Божіимъ, воздѣланное святыми апостолами, утвержденное семью вселенскими соборами! возглашалъ другой.

— Постоимъ, православные, благонадежно, да не встрѣтится наша святая пасха жертва — безкровная съ обветшалою пасхою распинателей Христовыхъ, наша св. пятидесятница съ кущей жидовской! взывали идущіе, другъ къ другу.

— Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ грѣшныхъ! шептала старица, опираясь на посохъ.

— Пся вѣра! Пся юха! раздалось ей вослѣдъ, и камень, пущенный изъ пращи, пролетѣлъ надъ ея головою.

— Хвали, душе моя, Господа, восхвалю Господа въ животѣ моемъ, пою Богу моему дондеже есмь! продолжала старица, не смущаясь и вскинувъ къ небу свой дѣтскій, ясный взоръ.

— Наталья убогая! пронеслось въ устахъ всей окружающей толпы, и все обернулось въ ту сторону, откуда пролетѣлъ пущенный камень. Но этого общаго взгляда было довольно, чтобъ дерзкая рука не бросила другого камня: этимъ взглядомъ рѣшилось дѣло.

И совершилось оно чудно и никому непонятно; никто даже не могъ отдать себѣ отчета, почему народъ не счелъ уже нужнымъ вступиться за свою Наталью *убогую*, которая была членомъ братства.

Доселѣ православные, выводимые повременамъ изъ терпѣнія, утоляли свое горе только въ рукопашныхъ свалкахъ, исходъ которыхъ, усиливая вражду, былъ безплоденъ; но теперь народъ шелъ молча и спокойно, онъ почуялъ свою силу, которую немедленно же почуяли и враги. Яростные вопли ихъ, разрывая безмолвіе шествія, перекликались, какъ громы въ пустынѣ, и наконецъ смолкли.

Баторій понялъ это грозное молчаніе, и поспѣшилъ издать универсалъ, противоположный первому, и воспрещавшій принуждать православныхъ къ соблюденію новаго календаря. По новому указу опредѣлено было, что рѣшать подобные вопросы подлежитъ константинопольскому патріарху.

Вотъ этотъ-то указъ, крайне озаботившій старшинъ іезуитскаго колегіума, отвлекъ ихъ бодрствующее вниманіе отъ королевича Густава, который, между тѣмъ, по совѣту благопріятелей,

устроился на жительство въ маленькой каморкѣ въ корчмѣ жида Юськи. Здѣсь нашъ алхимикъ, философъ и филологъ, позабывъ о своемъ высокомъ происхожденіи, занялся надосугѣ составленіемъ химическихъ снадобьевъ, цѣлебныхъ мастей и элексировъ, которыми снискивалъ скудное пропитаніе.

Жидъ Юська не оставлялъ его своимъ покровительствомъ. Этотъ еврей пріобрѣлъ исключительную монополію въ студенческомъ мірѣ своимъ замѣчательнымъ тактомъ и умѣньемъ подчасъ выручить изъ бѣды и затрудненія молодёжь, которая жила очертя голову и спустя рукава по обычаю: день мой—вѣкъ мой.

Присылалъ ли какой-нибудь арендаторъ или мелкій владѣлецъ сынку-студенту листъ на полученіе денегъ за доставленные въ городъ продукты—Юська обдѣлывалъ комисію и выручалъ сумму, которая зачастую, вмѣсто арендаторской скрыни, сполна пересыпалась въ его жидовскіе карманы. За то въ голодный часъ Юська умѣлъ доставить случай панычу бѣднягѣ заработать *шелягъ*. У жида была своя полиція, свои соглядатаи, которые пронюхивали, для какой пани нужно смышленаго хлопца приготовить къ школѣ ея малыхъ дѣтокъ; знали, гдѣ играютъ свадьбу и нуждаются въ дружкѣ, роль котораго всегда исполнялась бѣднымъ студентомъ, получавшимъ отъ молодой въ награду платокъ и нѣсколько грошей; провѣдывали, гдѣ въ богатомъ домѣ случится покойникъ; потому что и тутъ бывала пожива студентамъ за чтеніе псалтири или за спѣвы въ процесіи. И вездѣ успѣвалъ Юська поставлять своихъ опекаемыхъ бидаковъ.

Незамѣтно протекли для нашего героя нѣсколько довольно спокойныхъ мѣсяцевъ. Въ это время внезапная смерть Баторія снова смутила умы; во всѣхъ слояхъ населенія раздавались толки о новомъ избраніи; но все это шло мимо, не затрогивая Густава.

Покорный судьбѣ и безпечный по природѣ, онъ сидѣлъ однажды на завалинкѣ, на грязномъ жидовскомъ дворишкѣ, наслаждаясь теплымъ вечеромъ, рѣдкимъ подъ литовскимъ небомъ, и держа въ рукахъ свирѣль, наигрывалъ что-то похожее на пѣніе пташки, у которой нѣтъ иной заботы.

— Добраго здоровья! сказалъ пришедшій провѣдать его Петръ Зубцовскій.—Какъ ваша милость поживаетъ? спросилъ онъ, садясь возлѣ Густава.

— А какъ говорится по вашей московской поговоркѣ?

— У насъ поговорокъ въ волю и къ добру и къ худу. Кто живетъ, хлѣбъ жуётъ, да небо коптитъ; кто живетъ не тужитъ, никому не служитъ; кто живетъ въ тоскѣ, спитъ на голой доскѣ; а ты, пане, живешь припѣваючи.

— А вотъ, какъ видишь.

— Добра-пѣвца Богъ милуетъ; а мы послушаемъ.

— Слушать мое дѣло, твое говорить.

— Да что жь мнѣ сказать тебѣ, пане? Вотъ говорятъ, что паны шляхта порѣшили выборъ на двухъ: зборовскіе хотятъ звать Арцы-Арцука Максимиліана, а панъ примасъ съ Замойскимъ хотятъ шведскаго королевича Жигмонта.

— Сигизмунда? воскрикнулъ страннымъ голосомъ Густавъ, вспомнивъ объ этомъ своемъ двоюродномъ братѣ.

— Его, его, подтвердилъ Петръ, взглянувъ на юношу съ удивленіемъ.

— Но кто жь кого пересилитъ?

— А Богъ ихъ святой знаетъ. Литва и Русь тянутъ за царевича Ѳеодора, седмиградская орда Баторіевъ съ своимъ назойливымъ Андреемъ, стоитъ за себя; а въ Краковѣ поютъ молебны, кто за Ракушанина, а кто за шведа... и Господу съ небесъ не знать уже кого слушать.

Раздавшійся на улицѣ шумъ прервалъ разглагольствія Петра. На дворъ къ Юськѣ ввалила толпа студентовъ съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, живо расположилась на бочонкахъ, на опрокинутыхъ кадкахъ, на сваленныхъ въ кучу дровахъ и гдѣ попало.

Одинъ изъ нихъ тащилъ въ охабкѣ какое-то женское платье.

— Жидку! жидку! жидуню! кричалъ онъ: — ходь сюда Юсю! что дашь за наслѣдство?

Юська сидѣлъ въ корчмѣ за вечерней трапезой, и наблюдая догматы кабалы и талмуда, не ѣлъ досыта, чтобъ не переполнить чрева, а прикусывалъ перышко чесноку съ огрызкомъ хлѣба.

Несмотря на громкій зовъ, смыслъ котораго не былъ для него лишенъ интереса, жидъ не тотчасъ всталъ съ своего мѣста и не откликнулся пока не пережевалъ, проглотилъ куска по правилу: «имѣя во рту пищу нетолько не говори, но даже и не пожелай чихающему здоровья».

Ступивъ за порогъ шлепающей туфлей, и просунувъ въ дверь голову, онъ окинулъ глазами все собраніе, слегка поклонился, и во взглядѣ и въ поклонѣ его видно было умѣнье обращаться съ молодёжью.

Развернувъ принесенную одежду, онъ тотчасъ же смекнулъ въ умѣ своемъ вѣрнѣйшую ей оцѣнку; но наружность Юськи при оцѣнкѣ какой бы то ни было чужой вещи, сохраняла невозмутимое равнодушіе.

По осмотрѣ платья, онъ возвратилъ его владѣльцу съ замѣтнымъ пренебреженіемъ.

— Много получаютъ panычи наслѣдства, да отъ него не богатѣютъ, сказалъ онъ.

— Ты говори, жидуню, что̀ дашь.

— *Лядàщее* ваше наслѣдство, пане.

Юська назвалъ его *лядàщимъ*, вопервыхъ, для того, чтобъ дать о немъ ничтожное понятіе; а вовторыхъ, потому что и по совѣсти нельзя было назвать его благопріобрѣтеннымъ.

Въ наслѣдники свои обыкновенно выбирали *учней* разные должники евреевъ. Не имѣя возможности выкупить заложенную вещь, они завѣщевали ее какому-нибудь пану *студентòвъ*, который такъ или иначе добывалъ свою собственность изъ рукъ жида.

— У кого есть лишнія деньги, проворчалъ какъ-бы нехотя еврей:—можно дать десять грошей.

— За десять грошей? да я скорѣе втопчу его въ лужу! сказалъ студентъ, намѣреваясь тотчасъ же исполнить свое слово.

— Пятнадцать; такъ уже и то для пана.

— Въ лужу! повторилъ *у̀чень.*

— Ну, не хай ужь будетъ двадцать.

— Давай *кòпу.*

— Ой-вей-миръ! Не хай, панъ въ лужу броситъ. Въ каждой кòпѣ шестьдесятъ грошей, а въ каждомъ грошѣ десять пенязей бѣлыхъ.

— Давай двуухій ку̀фель горѣлки и *цѐберъ* гданскаго пива! сказалъ рѣшительнымъ голосомъ продавецъ, бросивъ на голову покупателя товаръ свой.

Вихня проворно ухватила платье подъ мышку и побѣжала исполнять требованіе своихъ практикантовъ.

Предстоящее разливанное море оживило бесѣду. Молодёжь загомонила. Явились карты и *файки.* Жидовка едва успѣвала прислуживать, покрикивая на наймочку, которая вертѣлась какъ юла, откликаясь на поминутное *херштъ-ду!* своей хозяйки.

Юська присѣлъ на крылечкѣ, наблюдая издали за громогласнымъ своимъ собраніемъ.

— Вздавай *флюса!* сказалъ кто-то изъ пирующихъ Жуку Муравецкому, всегда готовому до послуги панской.

— Пусть себѣ во *флюса* играютъ съ королемъ магнаты, возразилъ задорный Григорій Бренко:—а мы побьемся въ *щу̀тки.*

— Ужь не прометать ли *панну?* перебилъ Маиръ Изайшевичъ, безъ котораго не обходилась ни одна попойка.

— Мечи панну! покрылъ голоса своимъ басомъ Ярошъ Осовецкій.

Поставили ставку, мечущій началъ класть передъ собой карту за картой, приговаривая:

Панна Петрунелла,
Семь кавалеровъ имѣла;
Осьмого за пана прибрала,
Девять ей служатъ,
Карло за ней ходитъ,
За карломъ семь карлицъ,
Король съ своей свитой
И тузъ на поддачу!

И снова: панна Петрунелла и проч.

— Моя! крикнулъ Ярошъ, остановивъ выпавшую кралю, и протягивая руку къ ставкѣ.

— Не твоя, пріятель! сказалъ, оттолкнувъ его руку, Петръ Зубцовскій.

Ярошъ выпучилъ на него изумленные гнѣвные взоры.

— Твоя, пане Грабе, умчалась въ колымагѣ ясновельможнаго пана кастеляна.

— Куда? крикнули разомъ всѣ студенты, догадавшись, о комъ идетъ рѣчь.

— Куда? въ вельможныя палаты въ *панны*, къ кастелянской дочкѣ.

— Брешишь, пане брате! возразилъ Бренко:—и какъ же-таки наша пріятелка не сказала бъ намъ ни слова?

— Наша пріятелка заведетъ теперь пріятелей почище насъ: у пана кастеляна собираются паны со всей Литвы и Польши, перебилъ Петръ Зубцовскій.

— Такъ, стало быть, то не брехня, что наша панна Катарина загадала за стараго вдовца замужъ? спросилъ Маиръ Изайшевичъ.

— Завтра жь, паны братья, до костела! смотрѣть, какъ наша кастелянская невѣста прокатитъ въ ко́чѣ цугомъ, гаркнулъ расходившись задорный Жукъ Муравецкій.

— Куда ужь до костела—прогуляли! не кивнетъ попрежнему головкой, не поведетъ соболиной бровью! проговорилъ напѣвомъ Петръ.

— А я жь ей наступлю на долгій хвостъ! взговорилъ, вставая на дыбы, Ярошъ Осовецкій.

— Много панычи начитываются въ наукахъ, да не становятся умнѣе, проговорилъ поучительно съ своего крылечка Юська.

— Молчи, Юсю! не твое дѣло! паннѣ Катаринѣ надо сшибить роги! ревѣлъ Ярошъ, плохо уже владѣя языкомъ.—Слушай, жидку: высторожимъ мы паненку у костела!...

— А на что бы сторожить ее умнымъ панентамъ? перебилъ Юська.

— А на то, чтобы отвѣсить ей по низкому поклону!

— И на что жь ей тѣ поклоны?

— А на то, чтобъ и она поклонилась намъ низенько!

— А если панна не поклонится низенько?

— Ну, тогда мы ей сшибемъ *рôги!*

Юська покачалъ на это головой.

Разсѣянно прислушиваясь къ удалому говору студентовъ, Густавъ сидѣлъ молча. Петръ Зубцовскій неумышленно затронулъ въ глубинѣ души его давно забытыя тяжелыя воспоминанія, и воскресилъ передъ нимъ образъ Сигизмунда, величіе котораго возрасло на попранныхъ правахъ его.

Густавъ привыкъ уже къ своей неизвѣстности и помирился съ страннымъ жребіемъ своимъ. Отторгнутый съ младенчества отъ родного корня, онъ утратилъ чувства кровныхъ связей. Любовь къ сестрѣ и матери жила еще въ его сердцѣ, но, питаемая однимъ воспоминаніемъ, которое, что далѣе, то становилось туманнѣе, ослабѣвала незамѣтно.

И теперь еще онъ ощущалъ порою это святое чувство; но оно было похоже на благоговѣніе къ душѣ уже не здѣшняго міра, и горѣло не живымъ огнемъ, а лампадой, брезжущей въ гробовомъ склепѣ.

Давно уже Густавъ отвлекъ жизнь сердца въ голову, обогащая ее познаніями; но бывали дни, когда утомленные мозговые нервы отвергали новый даръ и упорно противились работѣ; тогда сиротство его становилось ему ощутительно и въ душѣ подымался какой-то непроизвольный, безотчетный ропотъ.

Подобное раздумье посѣтило его въ этотъ вечеръ и мѣшало ему принять участіе въ товарищеской бесѣдѣ.

— Пане! шепнулъ внезапно Юська, наклонясь надъ самымъ его ухомъ.—Пане! пришелъ Шмуль, факторъ пана кáстеляна. Его милость требуетъ семинариста читать завтра утромъ божье слово, въ покояхъ его цурки. Она *чего-съ нездужаетъ* и не ѣдетъ до костела. Его милость такой щедрый; у него паничъ заробитъ добраго шеляга.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть II.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
69	19	одобреніи.	одобренія
72	4	панскія.	папскія

I.

На другой день, рано утромъ, Юська разбудилъ своего постояльца, и снарядивъ въ имѣвшееся у него для такихъ случаевъ приличное платье, выпроводилъ за ворота, пожелавъ ему счастья и копу грошей.

Густавъ отправился на новые заработки, ни о чемъ не думая, и шелъ ощущая себя въ полномъ безмятежномъ настроеніи духа.

Брама кастелянской каменицы была отворена настежь; отъ подъѣзда отъѣзжала надворная *хоругвь* вельможи, для какой-то городской требы. Густавъ вошелъ по указанію на крыльцо, на лѣстницу и въ передніе покои, гдѣ многочисленная дворня, уроженаго шляхетскаго роду, ждала возстанія отъ сна *мостúваго* своего пана.

Главныя лица этого придворнаго штата были: капеланъ, опекающій панскую душу; лекарь, завѣдывающій состояніемъ здравія панскаго тѣла; *прáвникъ*, называемый также *прокуратóромъ*— хранитель и рачитель достоянія его мосци, и шутъ, блюститель благопріятнаго расположенія его духа. Остальные состояли въ его свитѣ на вѣчныхъ побѣгушкахъ, исполняя различныя дѣла и бездѣлья, приказанія и порученія пана и его *маршáлка-двóру*.

Съ утренней зари толпилась вся эта дворня въ переднихъ сѣняхъ, въ ожиданіи зóву. Въ числѣ ожидающихъ остановился и Густавъ. Пока о его прибытіи докладывали паннѣ Іоганнѣ, единственной дочери кастеляна, онъ смотрѣлъ на толпу этихъ праздныхъ каріатидовъ, подпиравшихъ своими плечами преддверія и стѣны. Одни изъ нихъ, для препровожденія времени, поддували пущенныя

въ воздухъ перушки, забавляясь ихъ летаньемъ; другіе стучали объ полъ подковками *бутовъ*, находя въ этомъ занятіи странное удовольствіе четвероногихъ; тѣ же, которые сознавали въ себѣ болѣе значенія и задатковъ умственной дѣятельности, передавали другу другу новинки высокаго слоя литовской столицы, представляя собою живыя вѣдомости всѣхъ боярскихъ и магнатскихъ дворовъ края. Тутъ же нѣсколько вольнодумцевъ осмѣливались передразнивать разныя странности и особенности вельможъ, а иногда и своего патрона.

Послѣ довольно долгаго ожиданія, вышла изъ внутреннихъ покоевъ женщина, исполнявшая въ домѣ должность *старой-пани*, то-есть *барской барыни*. При ея появленіи, вся шляхта пріосанилась и почтила ее низкимъ поклономъ, по той причинѣ, что *стара-пани* завѣдывала подвалами и кладовыми, и что отъ нея зависѣла раздача съѣстныхъ припасовъ и *трунковъ*, отпускаемыхъ на каждое шляхетское рыло.

Она молча сдѣлала нашему академику знакъ слѣдовать за нею, и повела его чрезъ рядъ покоевъ, обитыхъ шпалерами изъ цареградскихъ тканей, или размалеванныхъ красками съ золотымъ наводомъ и съ пестрой лѣпной работой, уставленныхъ разнымъ *крамомъ*, то-есть домашнею движимостію, вкуса того времени. Тутъ красовались на столбцахъ и поставцахъ чары и кубки въ видѣ серебряныхъ съ чернью драконовъ, золотыхъ оленей съ коралловыми рогами, павлиновъ съ драгоцѣнными камнями на распущенномъ хвостѣ, и жбановъ съ пучками душистыхъ цвѣтовъ и *зёлковъ*.

Стара-пани, непривлекательной наружности, съ выраженіемъ спѣсиваго и безтолковаго бабьяго деспотизма, впустивъ Густава въ комнату панны, указала ему порывистымъ движеніемъ на аналой, на которомъ лежала открытая книга.

— Читай! гамкнула она грубо, и вышла.

Густавъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, какъ на тявкнувшую неожиданно собаку, изъ предосторожности, чтобъ она не укусила, и въ то же мгновеніе оглушилъ его залпъ раздавшагося звонкаго смѣха. Онъ торопливо оглянулся, и увидѣлъ двухъ молоденькихъ паннъ, которыя сидѣли въ углу большого дивана, обтянутаго богатой голубой тканью.

Одна изъ нихъ, смуглянка, съ жаркимъ румянцемъ на щекахъ, съ сверкающими алмазомъ очами, напоминала типъ красоты еврейской; другая, русая, съ видимымъ обликомъ достоинства рода, съ синими глазами, опущенными темными рѣсницами и бровями, бѣлая какъ кипень, съ играющимъ живымъ румянцемъ, который нисколько не изобличалъ, чтобы вельможная панна

«*чегожъ несдужала*, и не могла ѣхать до костела», какъ выразился Юська.

Густавъ остолбенѣлъ передъ этой новой, неожиданной для него, картиной. Ему было съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Сочувствіе къ прекрасному, выразившееся на лицѣ юноши восторженнымъ изумленіемъ, усилило хохотъ паннъ. Чему смѣялись панны— трудно было понять, и онѣ сами того не понимали.

Это были двѣ пылкія, рѣзвыя природы, незнающія ни удержу, ни угомону, и какъ будто утоляющія себя неумолкаемымъ смѣхомъ, въ которомъ онѣ такъ изощрились, что онъ дошелъ у нихъ почти до музыкальности.

Только что въ соловьиномъ горлѣ одной раздавались перекаты дробящихся звуковъ, ей уже вторила другая—и начиналась фуга заразительнаго хохота.

— Касю, перестань! проговорила наконецъ вельможная панна къ подругѣ.

— Касю! повторилъ Густавъ, почти вслухъ, какъ будто затронутый за сердце любимымъ отголоскомъ своихъ темныхъ воспоминаній. И онъ такъ задумчиво всматривался въ рѣзкія черты подруги Іоганны, что умолкнувшій на минуту хохотъ разразился снова.

Сдерживая однакоже порывы смѣха, лукавая паненка въ свою очередь смотрѣла изподлобья на привлекательную наружность юноши, и, казалось, припоминала, не изъ числа ли онъ знакомыхъ ей учней-академиковъ; но разувѣрившись, отворотилась съ пренебреженіемъ отъ пожирающаго ее взора.

— Іогасю! Іогасю! раздался вдругъ рѣзкій голосъ вбѣжавшаго *блазня*: — тату кличетъ, ступай!

Панна Іоганна нахмурилась, догадавшись, что отецъ намѣренъ предложить ей ѣхать съ собою въ костелъ. У нея были свои соображенія, въ силу которыхъ еще наканунѣ она распорядилась домашнимъ келейнымъ набожѐнствомъ.

— Сердце Станчикъ, скажи его ясновельможной мосци, что я не могу ѣхать, и слушаю набо́жное чтеніе у себя въ комнатѣ.

— Тожъ-то я и вижу, моя ясочка, что ты слаба, не ду́жаешь бѣдняжка! проговорилъ блазень съ жалобной гримасой. — Потому-жъ-то такъ и пылаютъ зарей алыя твои щечки, а голосокъ звенитъ на три мили!... Пойду, скажу старому Михасѣ, что его дочка, панна Іоганна, крѣпко недужа́етъ!... Такъ?

— Такъ, такъ, Станчикъ, такъ и доложи пану его мосци!

Станчикъ вышелъ, а панна Іоганна, расположившись съ ножками на диванѣ, склонила голову на подушку, усадила возлѣ себя Касю, и приложила пальчикъ къ губамъ въ знакъ чанімоля* молчанія

Густавъ, собравшись съ духомъ, началъ чтеніе.

Смѣшливыя панны шушукали еще между собою, забавляясь смущеніемъ юноши; но когда раздался пріятный голосъ Густава и наружность его оживилась смысломъ чтенія, обѣ дѣвушки притихли, и поддались обаянію. Іоганна, позабывъ притворную немощь свою и соотвѣтственное ей положеніе, привстала, подперла рукою голову и устремила сосредоточенный взоръ на юношу. Кася также навела на него магнитныя очи, и въ этомъ положеніи засталъ ихъ вошедшій тихо кастелянъ, который не слышалъ души въ единственномъ своемъ дѣтищѣ, оставшемся послѣ смерти матери на его рукахъ младенцемъ.

Станчикъ сопровождалъ его милость на ципочкахъ, и обѣ дѣвушки опомнились тогда только, когда увидѣли ихъ передъ собою.

— Іогасю, ты больна? спросилъ съ видимымъ безпокойствомъ въ лицѣ вельможный панъ, красивый, и еще бодрый старикъ, въ осанкѣ котораго шляхетская напыщенность обезобразила уже боярскую величавость.

Іоганна посмотрѣла на него равнодушно.

— Ничего, татуню, сказала она.

— Ты испугала меня: мнѣ сказали, что ты больна?

— Ничего, повторила панна, сдвинувъ бровки, видимо недовольная посѣщеніемъ отца.

— Но ты, можетъ быть, скрываешь? былъ ли панъ лекарь? Станчикъ, позови его!

— Не нужно, не нужно мнѣ его! вскрикнула Іоганна:—не ходи, Станчикъ!

— Касю, обратился кастелянъ къ подругѣ своей дочери, съ какимъ-то особеннымъ взглядомъ: — скажи, точно ли здорова Іоганна?

— Панна Іоганна какъ всегда больна причудами, отвѣчала съ кокетливой усмѣшкой Кася.

— Нѣтъ, мы не поѣдемъ, отвѣчала Іоганна.

— Весь городъ у св. Яна, Іогасю.

— И пусть себѣ будетъ весь городъ у св. Яна.

Отецъ покачалъ укоризненно головой.

Кастелянъ любилъ являть свое благочестіе міру, восполняя показною набожностію внутреннюю пустоту.

Надо знать, что этотъ литовско-русскій вельможа измѣнилъ вѣрѣ отцовъ своихъ, по примѣру многихъ другихъ бояръ западной Руси, для того, *чтобы не стѣснять себя непосильными узами*, какъ выражались подобные отщепенцы. «Лучше быть добрымъ *лютромъ*, нежели худымъ православнымъ», говорили они.

Но, совѣсть ли не мирилась съ этимъ удобствомъ, посреди

смуты понятій того времени, или разсчитывая на преимущества для удовлетворенія честолюбія, онъ не замедлилъ измѣнить и Лютеру и увѣровать, что безъ латинскаго чистилища нѣтъ спасенія.

Съ этихъ поръ ложь духовнаго состоянія отступника извратила жизнь его. Подозрѣвая во всѣхъ и въ каждомъ вполнѣ заслуженное неуваженіе, онъ отражалъ его матеріальною силою богатства, и прикрывалъ нравственную несостоятельность лицемѣріемъ въ храмѣ, а гражданскую—лицемѣріемъ при дворѣ.

Искренность доступна была душѣ кастеляна только въ безграничной любви къ дочери, сдѣлавшейся его кумиромъ; но этимъ самымъ дорогимъ ощущеніемъ, душа его какъ будто казнилась за все остальное. Іоганна возмущалась пристрастіемъ отцовской любви, сознавая чистотой сердца кощунство его показнаго усердія къ вѣрѣ и престолу.

— Садись, тату, и слушай съ нами, сказала она, со свойственной ея самобытному характеру настойчивостію, и, взявъ отца за руки, усадила насильно рядомъ съ собою.

Поддаваясь ея непреклонной волѣ, кастелянъ снова посмотрѣлъ на Касю такимъ взглядомъ, что невольное, хотя еще безправное чувство ревности ужалило сердце Густава.

Съ нѣкотораго времени, эти, бросаемые вельможнымъ паномъ взгляды на паненку были замѣтны для всѣхъ окружающихъ; но была ли то простая барская прихоть, или старческая блажь, или думалъ кастелянъ потопить тревожное состояніе духа въ этомъ хмѣлѣ—рѣшить было еще трудно.

— Чтó же мы будемъ слушать? спросилъ онъ разсѣянно, и только теперь замѣтилъ неизвѣстное ему лицо въ покоѣ дочери.

— А вотъ то, чтò читаетъ намъ панъ академикъ.

— Панъ академикъ? сухо повторилъ кастелянъ, окидывая Густава подавляющимъ взоромъ.

— Эксъ-академикъ, довольно сурово проговорилъ Густавъ, съ невольнымъ раздраженіемъ противъ пана.

Чуткому уху его милости, привыкшему къ созвучію съ собой всѣхъ окружающихъ, не понравились эти два слова, произнесенныя безъ почтительнаго поклона.

Густавъ продолжалъ чтеніе.

— Но, чтò такое онъ читаетъ? спросилъ кастелянъ, прервавъ его на первыхъ строкахъ.

— Легенда святой Цециліи, отвѣчалъ чтецъ отрывисто.

— Не мѣшай, тату! сказала Іоганна.

Но его милость уже гнѣвался на самое это ясное и благозвучное чтеніе, потому что Іоганна слушала его съ какимъ-то особеннымъ, восторженнымъ вниманіемъ.

— Станчикъ! обратился кастелянъ къ своему блазню: — прикажи внести курильницу съ китайскими курительными свѣчками. Здѣсь какой-то корчемный запахъ! прибавилъ онъ, намекая на присутствіе смерда, и какъ будто желая охладить предосудительный восторгъ Іоганны.

— Не надо! крикнула Іоганна: — у меня болитъ голова отъ всякихъ куреній! и облокотясь на стоявшій передъ нею столикъ, она устремила свои синіе глаза на юношу съ такою невоздержностію взгляда, что кастелянъ почувствовалъ желаніе выбросить его за окно.

— Станчикъ! перебилъ онъ снова, сдерживая гнѣвъ и прибѣгая къ лукавству: — подай, вонъ тамъ, мою латинскую книгу; пусть хлопецъ прочтетъ легенду полатини.

— Да не мѣшай же, милый тату! проговорила умоляющимъ голосомъ Іоганна:—не хочу я той латини! прибавила она повелительно: — я хочу понимать то, что̀ мнѣ читаютъ.

Густавъ остановился, угадавъ чутьемъ коварство отца Іоганны; самолюбіе его вспыхнуло.

— Можно читать то же самое и полатини, сказалъ онъ, и, продолжая чтеніе легенды, сталъ передавать ее чистымъ цицероновскимъ слогомъ.

Іоганна лукаво улыбнулась, а кастелянъ закусилъ съ досады губы, и глаза его сверкнули.

Станчикъ, зная свою обязанность блазня—быть отводомъ грозы въ подобныхъ случаяхъ, подошелъ къ чтецу.

— Не такъ, пане брате, не такъ! вскричалъ онъ, замахавъ обими руками: — ты слушай: Et dixit cum terribile voce: brrrr! et faciens pouf, hurlat ho! ho! вотъ какъ читаютъ наши *дидаскалы*, съ гокомъ, съ гикомъ, съ иксомъ, съ биксомъ, съ бомбиксомъ!

И онъ съ такимъ искусствомъ передразнилъ школьнаго лектора, что панны разразились хохотомъ; Густавъ также усмѣхнулся, но чело кастеляна нисколько не прояснилось.

— Касю! шепнула Іоганна, побуждая ее принять участіе, чтобъ разсѣять отцовскую хмару: — погладь его по шерсти своей мягкой лапкой.

Кася нагнулась къ лежащей на полу подушкѣ, пододвинула ее подъ ноги папа и взглянула на него такимъ подобострастно-умильнымъ взоромъ, что разгнѣванное сердце его мгновенно смирилось.

— Станчикъ! Поди, скажи пани Симановой, чтобы она подала сюда *фрыштикъ*, сказала Іоганна, съ тѣмъ же умысломъ умиротворенія:—иди скорѣй; я угощаю тату здѣсь, въ своей комнатѣ.

— Такъ надо заплатить хлопцу за труды, сказалъ кастелянъ,

спѣша выпроводить чтеца, виновника его нерасположенія, и онъ выложилъ изъ-за пазухи кошелекъ свой на столъ; но эта поспѣшность снова прогнѣвала Іоганну.

— Нѣтъ, нѣтъ, *татуню*! вскрикнула она. — Ваша милость у меня въ гостяхъ, и я приглашаю папа академика быть также моимъ гостемъ!

Кастеляна покоробило: но деспотъ по природѣ, по духу времени и по своему исключительному положенію, онъ съ непонятною слабостію раболѣпствовалъ передъ деспотизмомъ дочери, которая находила какое-то необъяснимое удовольствіе то тревожить, то ублажать его поминутно.

Вошедшая старà пани Симонòва, сопровождаемая пахоликами, несшими подносы и блюда, слышала приглашеніе Іоганны, которое Густавъ принялъ за приказаніе остаться, для продолженія чтенія.

Облокотясь на аналой, онъ водилъ глазами по потолку, какъ будто боясь встрѣтиться со взорами пана и Каси, которые одинаково его волновали.

Стара-пани, въ своемъ родѣ домашній деспотъ, помѣшанная на *пунктѣ гонора*, посмотрѣла филиномъ на юношу, и желчь ея вскипѣла.

— Такихъ гостей просятъ—дверь указываютъ, проворчала она, замѣтивъ, что и панъ его милость смотрѣлъ на лишняго гостя искоса.

Но такова уже была панская воля его милости, чтобы слово дочери его было для всѣхъ въ домѣ, не исключая и его самого, закономъ.

— Молчать! крикнулъ онъ на пáни Симонòву, такъ что у ней подкосились ноги.

— Садись, панъ академикъ! молвилъ онъ, обратясь къ Густаву, и преложивъ гнѣвъ на милость, указалъ ему на стулъ.

Отъ подобной ласки каждый изъ шляхетской дворни, его мосци, палъ бы ему дó-ногъ, но къ немалому изумленію присутствовавшихъ, юноша принялъ и это приглашеніе свободно, и видимо не обращалъ на чествующихъ его вниманія.

— Прошу пана отвѣдать этого *щупàка*, предложила довольная его независимостію Іоганна: — не желаетъ ли панъ *курчентка* подъ шафраномъ и *присмàчки* съ *лимоніемъ* и *розинкàми*, да не покоштýетъ ли вина: *ревýлу*, *малмазéи* или *мушкатéлу*, продолжала она, заботливо и любезно угощая его то тѣмъ, то другимъ.

Но Густавъ разсѣянно принималъ эту любезность: его возмущала Кася; она невыносимо ластилась и юлила передъ старымъ паномъ.

Между тѣмъ блазень, по обычаю занимать его милость во время завтрака сплетнями высшаго разряда, заговорилъ о политикѣ.

— Слушай, Михасю! сказалъ онъ:—нашъ Янко Замойскій похоронилъ, словно родного батьку своего, Стефана, посыпалъ голову пепломъ, одѣлъ все войско свое въ *жалобу*, да и не примыслитъ, гдѣ бы добыть себѣ вмѣсто его сынка въ опеку: сладилъ-было съ шведомъ, а тутъ нѣмецъ, какъ изъ земли выросъ.

— Арматами перегородитъ гетманъ дорогу Максимиліану!... Щиро ненавидитъ онъ нѣмцевъ! отозвался съ усмѣшкой кастелянъ, бодро пріосанясь.

— А за тожъ Зборовскіе дюже ихъ любятъ! пытали они ополячить того Максимиліана, оженивъ на Аннѣ, сестрѣ нашего королевича Жигмунта, чтобы онъ послѣ на славу *обракузилъ* насъ поляковъ.

— Хм! золотить чужой мѣдный кубокъ, когда есть свой золотой! Жигмунтъ Свейскій—чистая ягеллонская порода, сказалъ панъ, пристукнувъ кубкомъ. Лицо его уже нѣсколько прояснилось, глаза косились на Касю.

— А читалъ ли ты, Михасю, какъ пописываетъ Арцы-князь гетману, *въ листѣ*, что̀ привезъ венгринъ Нагарелло? Ракушанинъ сулитъ намъ, уроженымъ полякамъ, золотыя горы.

Блазень не безъ намѣренія честилъ пана—*уроженымъ полякомъ*. Обратясь въ латинство, панъ льстился этимъ титуломъ, щеголялъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и какъ будто позабывъ родной языкъ, не говорилъ иначе какъ попольски.

— Не все дается въ руку, что̀ сулятъ, сказалъ онъ, бросивъ въ панну Картувну скатанный изъ хлѣба шарикъ.

При этой любезности, горячія щеки паненки еще болѣе зардѣлись; она улыбнулась самодовольно; улыбнулась и Іоганна; но Густавъ вскипѣлъ непонятнымъ для него самого негодованіемъ.

— Кто, подумаешь, не протягиваетъ теперь лапу къ той коронѣ, продолжалъ свое Станчикъ, допивая недопитое паномъ вино въ подносимыхъ кубкахъ.— Какъ ты думаешь, сердце мое, Касю, не протянуть ли и мнѣ лапу? Не попытать ли счастья промѣнять мой старый колпакъ на новый? Тогда, моя люба, ты выйдешь за меня замужъ, и цуръ ему, тому королевскому сынку, что̀ заручился съ тобою!

Кася желанно усмѣхнулась, а Густавъ кинулъ быстрый взглядъ на блазня.

— Что̀, пане брате, смотришь на меня, какъ будто очами проглотить хочешь? спросилъ Станчикъ, замѣтивъ его изумленіе.—Или не знаешь, что съ ея милостію нашей Касей Картувной,

заштатный королевичь Свейскій законтрактовался своей шапочкой и жупа̀нкомъ, *зашлюбилъ* ей свою душу да и згинулъ со свѣта?...

— Ври, ври, сказалъ кастелянъ въ веселомъ уже расположеніи духа: — а почему жь бы къ головкѣ Каси не присталъ и вѣнецъ? прибавилъ онъ, лаская ее своими распаленными очами.

Кася захохотала, но Густавъ оцѣпенѣлъ, сердце его замерло, кровь бросилась въ лицо.

Теперь не было уже сомнѣнія: передъ нимъ была та самая Кася, о которой такъ часто мечталъ онъ въ своихъ дѣтскихъ грезахъ.

Чтобъ скрыть взволнованныя свои чувства, онъ всталъ со стула, и отошелъ къ окну.

Кастелянъ взглянулъ на него и гнѣвно покосился. Ему уже слишкомъ дика показалась дерзость учня встать изъ-за стола прежде хозяина.

— А на какіе гроши панъ учился?... я спрашиваю пана академика! сказалъ онъ, усиливъ голосъ.

— На какіе гроши? повторилъ Густавъ разсѣянно.

— Значитъ книженъ, да не гладко стриженъ? отозвался Станчикъ.

— Учился, видно, панъ на мѣдные гроши, усмѣхаясь прибавилъ кастелянъ, замѣчая смущеніе Густава.

— Наука пріобрѣтается не грошами, а трудомъ, настойчивостію и терпѣніемъ, отвѣчалъ юноша съ достоинствомъ.

— А главное-то? то̀, чего не слѣдуетъ забывать, панъ эксакадемикъ, сдается мнѣ, уже забылъ.

— Что̀ такое? спросилъ Густавъ.

— Ферулу-то, поучительную академическую ферулу. А вѣдь кто забываетъ зады, тому ихъ напоминаютъ.

Іоганна вспыхнула, понявъ обидный намекъ отца.

Но Густавъ отразилъ этотъ безсмысленный, незаслуженный намекъ однимъ презрительнымъ взглядомъ. Онъ безмолвно взялъ беретъ свой и поклонился паннамъ.

— Охо-хо! проговорилъ Станчикъ, вздыхая: — намъ вельможнымъ блазнямъ не острили батогами разума... И оттогожь-то мы остались дурнями и золотой юности помянуть нечѣмъ! прибавилъ онъ плачевно.

— Постой, пане! вскрикнула удерживая Густава Іоганна: — я докажу его милости, что если панъ учился на мѣдные гроши, то пріобрѣтенныя имъ познанія чистое золото, проговорила она раздражительно, высказывая гнѣвъ свой на отца, за оскорбленіе ея гостя.

Она взяла лежащій на столѣ полновѣсный кошелекъ кастеляна

и подала его Густаву съ усмѣшкой своенравнаго ребёнка, когда онъ дѣлаетъ что нибудь на зло старшимъ.

— Что̀ мнѣ не слѣдуетъ, того я не могу принять, отвѣчалъ Густавъ: — я сознаю себя равно недостойнымъ ни поучительной ферулы его милости, ни этой массы червонцевъ панны, прибавилъ онъ, возвращая кастеляну кошелекъ его.

— Честно! вскрикнулъ панъ, невольно сознавая шляхетный поступокъ Густава: — но что̀ жалуетъ моя дочь, того я назадъ не беру.

— Пане, сказала Іоганна: — я приму за обиду отказъ пана. Панъ можетъ поквитаться со мной продолженіемъ чтеній, договорила она смутившись.

— На этомъ условіи я во всю жизнь не поквитаюсь съ панной, отвѣчалъ столь же смущенно и взглянувъ на Касю юноша, которому улыбнулась надежда видѣть ее въ непродолжительномъ времени.

II.

Когда взволнованный до глубины души, Густавъ вышелъ, кастелянъ вздохнулъ свободнѣе, и объявивъ дочери о скоромъ своемъ отъѣздѣ на сеймъ въ Краковъ, отправился на проходку. Іоганна, привыкшая къ его частымъ отлучкамъ, выслушала разсѣянно это объявленіе. Она усѣлась на свое мѣсто, и притихла въ настроеніи чувствъ, когда въ душѣ происходитъ быстрый и безотчетный переходъ отъ смѣха и радости къ тоскѣ и грусти.

Въ мысляхъ Іоганны повторялись теперь непроизвольно сцены этого утра. Миловидная и вмѣстѣ полная достоинства наружность чтеца мелькала передъ ея взоромъ, и легенда перечитывалась въ памяти пріятнымъ и живительнымъ его голосомъ.

Нѣсколько минутъ длилось это молчаніе.

Кася, раскинувшись на диванѣ и перебѣгая взорами съ предмета на предметъ, также погрузилась въ легкую задумчивость.

Въ небрежномъ ея положеніи выражалась полная непринужденность, несообразная съ ея значеніемъ дворской паненки при дочери магната. Въ неспокойномъ взглядѣ высказывались порывы страсти и алчное желаніе первенствовать и властвовать.

Судьба, одаривъ это созданіе замѣчательной красотою, толкнула ее съ этимъ опаснымъ даромъ на распутія жизни безъ всякаго руководства.

Мы уже видѣли отрывокъ изъ ея дѣтской жизни. Изувѣрство матери отвратило ее отъ святыни; ядовитыя семейныя ссоры, замѣнявшія ей колыбельную пѣснь, отвратили ее отъ семейнаго

гнѣзда. Эти бури угомонились только со смертію отца и матери, загрызшихъ другъ друга, и бросили ее на руки глупой тётки, убогое состояніе и тошная заботливость которой легли еще болѣе тяжелымъ бременемъ на сердце Каси, несродной къ терпимости, заносчивой, жаждущей другихъ условій жизни.

Кася рвалась изъ душной хижины въ богатыя хоромы, и это рвеніе усиливалось ежеминутно соблазнами, распаляя юную голову ея дерзкими мечтами.

Извѣстный читателю случай, послужившій спасеніемъ нашему герою, придалъ ей нѣкоторое значеніе. Королева Анна тогда же положила хорошенькой дѣвочкѣ, взятой въ домѣ поручика Петра Карта, вмѣсто принца Густава, маленькую пенсію и поручила ее нѣкоторымъ изъ литовскихъ вельможъ, а въ томъ числѣ и нашему кастеляну.

Съ тѣхъ поръ Кася, сверстница панны Іоганны, призывалась иногда для ея забавы и впивала въ себя всѣми пòрами обаяніе роскошной панской жизни того вѣка.

Эта жизнь чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе мутила ея душу, и лишь только пылкая Кася поняла силу своей красоты, въ ней зародилась уже мысль основать на ней свою будущность, сообразную съ ея мечтами.

Не понять этой силы Касѣ было невозможно, когда мимо ея оконца не проходилъ ни одинъ хлопецъ, не засмотрѣвшись на нее, когда всѣ глаза искали ее, когда вокругъ ея слышались восторженныя восклицанія молодёжи. Но Кася не высматривала себѣ хлопца по сердцу, она бросала приманчивые взоры только на тѣхъ, которые были богаче и знатнѣе.

Подмѣтивъ эту замашку панны Картувны, семинарскіе студенты жестоко надъ ней подшутили. Снаряженный ими Ярошъ Осовецкій разыгралъ съ ней комедію влюбленнаго вельможнаго пана Грабе, и когда обнаружился подлогъ, пострѣлы замучили ее дерзкими насмѣшками. Подъ окнами ея каждый вечеръ, по студенческому обычаю, раздавались *шаривари* гиканья, хохота и рукоплесканій. Касѣ пришлось хоть бѣжать изъ родного дома.

Она стала чаще навѣщать панну Іоганну и впиваться ей въ душу, не оставляя въ покоѣ и пожилое, но еще задорное сердце пана кастеляна. Вскорѣ онъ, какъ желѣзная глыба, потянулся къ магниту, и Кася сдѣлалась необходимой для дочери его, и водворилась въ его домѣ.

Бойкая и смѣлая, она быстро преобразовалась изъ бѣдной сироты, прислужницы, въ неразлучную подругу Іоганны, и жгучій ея взоръ изощрялся уже надъ молодыми прихожанами кастелянскаго палаца.

Дворня его мосцп пожимала плечами, когда Кася выступала по коврамъ барскихъ покоевъ поступью кастелянши. Пани Симонова не разъ пытала осадить ее рѣзкимъ словомъ; но это не проходило ей даромъ: Кася Картувна умѣла настроивать противъ нея проказы панны Іоганны, до того, что *старой пани* приходилось не разъ просить помилованья у той же Каси.

Но что же такое была панна Іоганна съ непостижимымъ ожесточеніемъ противу нѣжнѣйшаго изъ отцовъ?

Вглядываясь въ милое лицо ея съ постояннымъ выраженіемъ какого-то внутренняго недовольствія и душевнаго томленія, нельзя было не принять участія въ невѣдомомъ ея горѣ.

Невѣдомомъ потому, что Іоганна сама не могла отдать себѣ яснаго отчета, отчего такъ несчастно дѣйствуетъ на нее все то, что могло бы счастливить всякаго другого; отчего святое отцовское чувство дышетъ на нее такъ тлетворно и повременамъ приводитъ ее въ отчаяніе?

Іоганна не знала матери, но память умершей госпожи — дочери славнаго, боярскаго роду, была долго жива въ домѣ: святыня, наполнявшая божницы, говоръ прислуги, сохранившей благоговѣйное воспоминаніе къ именитымъ доблестнымъ ея предкамъ, восполняли утрату для Іоганны. Въ этомъ говорѣ слышались ей урывками жестокія укоризны тому, кто попралъ святыню отцовъ и дерзнулъ совершить надъ невиннымъ младенцемъ святотатное отчужденіе отъ церкви его...

Сердце Іоганны чувствовало безотчетно какую-то ужасную совершившуюся надъ ней неправду, и чѣмъ болѣе окружали ее угодливостію, чѣмъ болѣе навязывали ей всѣ блага, тѣмъ для нея яснѣе обличался въ нихъ лукавый подкупъ, какая-то ненавистная фальшь.

Въ этомъ настроеніи вступивъ въ возрастъ дѣвушки съ условіями богатѣйшей невѣсты, Іоганна видѣла и въ искателяхъ своихъ то же неискреннее ласкательство. Ни одинъ изъ нихъ, какъ на бѣду, не имѣлъ терпѣнія дождаться благосклонности панны, каждый спѣшилъ взять съ бою ея сердце, и Іоганна возненавидѣла расточителей этого льстиваго и корыстнаго обожанія, заподозрила всѣхъ и все, отбилась отъ всѣхъ рукъ на полную свободу своихъ прихотей и причудъ, и напрасно отецъ Іосифъ, капелланъ зàмка, и главенствующій надъ нимъ отецъ ректоръ Варшевицкій придумывали средства обуздать и привести духовную дщерь ихъ въ надлежащее послушаніе. Ни страхъ, ни мòрокъ, ни ублаженія, не имѣли на нее никакого вліянія.

— О чемъ задумалась панна? спросила вдругъ Кася, которой надоѣло молчать.

— А о чемъ мнѣ задумываться? отвѣчала рѣзко Іоганна.

— А что̀ теперь дѣлаютъ наше панство кавалеры? снова спросила Кася, вспомнивъ, что панна Іоганна для того именно и осталась дома, что назначила всѣмъ поклонникамъ своимъ свиданіе въ костелѣ.

— Ксенже Войцехъ крутитъ съ досады усы свои.

— А можетъ быть, ксенже Войцехъ пьетъ себѣ спокойно *каву* у пани *вдо̀вой*, замѣтила Кася, любя затрогивать самолюбіе своей знатной подруги.

— Нѣтъ, не можетъ быть; моя ми́ла пани *вдо̀ва* сама одна выпила свою *ка̀ву;* а ея коханый кава̀леръ на стражѣ у костела, въ ожиданіи высадить меня изъ колымаги. И толстый Ми́халъ напрасно сѣдлалъ своего венгерца, чтобы скакать за мною!

— О, что до Ми́хала, то панъ рыцарь проспалъ мшу послѣ вчерашняго пира.

— Нѣтъ! искатели невѣстъ, какъ добрые ловцы, не просыпаютъ.

— Однакожъ, скучно! сказала Кася, послѣ долгаго молчанія:— хоть бы куцый журавѐль пришелъ надоѣдать паннѣ своимъ пѣньемъ!

— Фу! проговорила Іоганна съ сердцемъ:—и такъ ужь онъ истерзалъ меня разсказами о своемъ оркестрѣ: о его басахъ, альтахъ, дискантахъ, тенорахъ, вага̀нтахъ... Лучше пусть придетъ чубатый Инфланчикъ. Я въ сотый разъ буду разсказывать ему дѣтскую сказку, какъ Янъ Замойскій похитилъ тебя вмѣсто королевича и привезъ въ *Дольній за̀мокъ.* Это очень забавляетъ нашего кавалера, особенно когда дѣло доходитъ до засвидѣтельствованія великимъ гетманомъ, что ты дѣвчина, а не хлопецъ.

Касѣ однакоже и самой разсказъ этотъ былъ пріятенъ и забавенъ.

— Я какъ теперь припоминаю, сказала она:—того малѐнькаго королевича; какъ теперь вижу его золотыя кудри.

— За недостаткомъ золота, можно довольствоваться и серебромъ, лукаво замѣтила Іоганна, намекая на сѣдины отца.

Въ это время, вбѣжавшій пахоликъ доложилъ о прибытіи валежныхъ рыцарей, которые, послѣ тщетнаго ожиданія Іоганны въ костелѣ, пріѣхали освѣдомиться о ея здоровьи.

— Пусть подождутъ еще, покуда панна кончитъ свой уборъ! сказала Кася, съ привычной ей усмѣшкой досады.

— Пусть подождутъ! проговорила и Іоганна:—прошу тебя, Касю, своди скорѣе съ ума стараго *татуню*, выходи за него замужъ!

— Это для чего?

— Народи невѣстъ для этихъ жениховъ, чтобъ они оставили меня въ покоѣ!

Кася принужденно расхохоталась.

III.

Густавъ воротился домой поздно вечеромъ. Онъ прошатался весь день за городомъ, ходилъ по лѣсу, исходилъ десятки верстъ, не чувствуя утомленія.

Юська слышалъ за стѣною, какъ онъ продолжалъ еще сновать всю ночь изъ угла въ уголъ въ своей коморкѣ.

На зарѣ юноша бросился на бѣдный одръ свой; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ его; ему стало вдругъ невыносимо тяжело влачить свое презрѣнное существованіе... Вчера еще не зналъ онъ этой тяготы и, какъ пловецъ дремлющій въ ладьѣ, не заботился о томъ, куда несутъ его волны и буйный вѣтеръ. Еще такъ недавно ему жилось беззаботно и онъ отважно носилъ свои лохмотья и процвѣталъ отъ скуднаго куска хлѣба.

Корчмарка Вихня, расположеніемъ которой онъ пользовался, потому что лечилъ хворыхъ жиденятъ ея, сказала бы, что панича кто нибудь сглазилъ. Какъ бы то ни было, и потому ли, что къ любви Густава была подготовка, но, съ перваго взгляда на Касю, онъ уже былъ въ чаду безумной страсти.

— Такъ вотъ она, воплощенная мечта моя? говорилъ онъ самъ съ собою. — Я носилъ въ душѣ этотъ милый образъ съ самаго дѣтства и любилъ его вѣрной, неизмѣнной любовью!... Для чего же была во мнѣ способность такого неестественнаго постоянства? Неужели для того, чтобы, встрѣтивъ ее однажды, никогда не видѣть болѣе?... Я не искалъ ея, я только любилъ ее и помнилъ, не простою человѣческою памятью, а силой души, неподчиненной времени и пространству... для чего жь все это было?... Для чего не встрѣтилъ я ее случайно на какомъ нибудь перепутьи, гдѣ она прошла бы незамѣченною, и исчезла бы неузнанная мною? Нѣтъ, судьба поставила ее лицомъ къ лицу передо мною: мнѣ назвали ее вслухъ по имени, мнѣ напомнили нашу первую встрѣчу; мнѣ объяснили, что она меня знаетъ и помнитъ... Неужели же это былъ пустой случай, вздоръ, о которомъ не стоитъ думать?... Неужели же она, эта пышная роза, будетъ украшать старческія сѣдины?...

При этихъ задаваемыхъ себѣ вопросахъ, Густавъ не замѣтилъ промелькнувшей ночи, и едва только раздалось обыкновенное шлепанье туфлей Юськи, отправился къ нему и встрѣтилъ хозяина своего выходящимъ на крыльцо.

— Жидку, вымолвилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:— не можно ли тебѣ сдѣлать мнѣ послугу?

— А какъ же не можно, пане, всегда можно послужить такому пану.

— У тебя въ скрынахъ есть много закладнаго продажнаго платья.

Жидъ остановился и посмотрѣлъ на своего постояльца, что-то соображая.

— У меня, пане, платье *коштòвное*, плохаго нѣтъ; панъ знаетъ, что я ветошнымъ ремесломъ не занимаюсь и на что мнѣ заниматься этой дрянью.

— Дряни мнѣ не надо; покажи мнѣ свое *коштòвное*, хорошее платье.

— Алежъ панъ знаетъ: коштòвное дорого и *коштỳетъ*.

— А ты мнѣ дорогое продай по дружбѣ подешевле.

— И на что пану дорогое платье? *далибугъ* же оно вашей мосци непристойно!

— Мнѣ надо быть въ добромъ строѣ, жидку, разумѣешь? сказалъ Густавъ, нѣсколько раздосадованный упорствомъ Юськи.

— Ни, пане, я того не разумѣю; не треба пану шелковаго контуша, чтобы варить снадобья въ своей *грỳбкѣ*, да мѣсить грязь по нашей улицѣ пѣхтурòю. Время къ осени, панъ видитъ, пойдутъ дожди, слякоть — и что̀ будетъ съ того платья?

Густавъ вынулъ изъ кармана червонецъ, и отдалъ его жиду.

— Давай сюда товаръ свой; вотъ тебѣ задатокъ.

Юська взвѣсилъ сперва на ладонѣ червонецъ, потомъ посмотрѣлъ на Густава и усмѣхнулся.

— А я уже зналъ, проговорилъ онъ, прищурясь лукаво:—что панычу будетъ счастье!

И не обинуясь болѣе, Юська повелъ постояльца къ своимъ скрынамъ.

— Вотъ, пане, шелковый *жупанекъ*, того *фирцика*, которому что день, то треба шить въ долгъ новый... А вотъ *кабатекъ полушкорлатный* богатаго сынка; отецъ справитъ ему *стрòикъ*, а онъ изъ подъ иглы *кравца*, тутъ же и проиграетъ его въ карты... А вотъ этотъ гранатный бекешикъ пришелъ сюда отъ мосциваго пана, за мѣшочикъ шафрану; нужны были гроши справлять гостямъ *ỳчту*...

Такимъ образомъ еврей продолжалъ излагать историческія свѣдѣнія о своемъ скарбѣ, покуда юноша выбралъ все, что̀ ему было надо.

— Нехай панъ носитъ на здоровье! сказалъ Юська, получивъ по запросу и безъ торгу два червонца. Когда же юноша чрезъ

часъ времени, прошелъ мимо его *убра̀ннымъ* и пригляднымъ, онъ посмотрѣлъ ему вослѣдъ съ знаменательной улыбкой и вымолвилъ: — дзъ! якой панъ пышный!

Густавъ не чувствовалъ земли подъ собою; тревожное состояніе духа выражалось въ его взглядѣ. Встрѣчные, сторонясь, давали ему дорогу. Онъ шелъ по Замко̀вой улицѣ къ св. Яну и вглядывался во всѣ экипажи, которые направлялись къ этому костелу.

Близъ входа стоялъ уже Ярошъ Осовецкій съ ватагой товарищей. На ту пору рабочіе щекотурили стѣны костела, и сорванцы взобрались на наваленныя кучи песку и извести, глазѣя на проходящихъ богомольцевъ и обращая особенное вниманіе на подъѣзжающія кочи и колымаги.

Повѣсы горланили на свободѣ, величая панну Катаржину Картувну *ката̀вкой*, что̀ на языкѣ волокитъ того времени означало жестокую красавицу — тигрицу.

Къ нимъ примкнулъ и Петръ Зубцовскій.

— Куда это собралось панство?

— Собралось на *ко̀кошью битву!* отвѣтилъ Маиръ Изайшевичъ.

— На *виваты* будущей пани кастелянкѣ, прибавилъ Григорій.

— Посмотримъ, какъ ваша па̀вица будетъ чваниться! замѣтилъ москвичъ.

— Не зѣвать, паны братья: какъ только ея мосць ступитъ изъ колымаги, а мы капелюши *до гу̀ры* и разъ въ разъ: «витай вас-панна, добродѣйка»!

— Посмотримъ, какъ-то повита̀етъ и подя̀куетъ насъ наша добродѣйка!

— А не повитаетъ, не по̀дякуетъ, такъ быть ей безъ хвоста! сказалъ Ярошъ.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! подалъ голосъ зоркій Григорій.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! загомонили и прочіе.

Вниманіе всей толпы обратилось къ быстронесущейся, цугомъ коней, колымагѣ въ сопровожденіи цѣлой кавалькады.

Панна Картувна сидѣла рядомъ съ Іоганной — и та и другая были такъ великолѣпно расфранчены, что нельзя было отличить вельможной панны отъ ея паненки.

Только что два гайдука высадили ихъ изъ экипажа, академики мгновенно столпились у крыльца и, вскинувъ шляпы, гаркнули въ одинъ голосъ условный привѣтъ Касѣ.

Она вздрогнула, узнавъ своего мнимаго пана Грабе; но выступала гордо, какъ будто ничего не видя и не слыша. Іоганна, не подозрѣвая заговора, посмотрѣла на студіозовъ, простодушно

улыбнулась и слѣдовала за Касей, какъ смиренная спутница за планетой.

— Виватъ, панна Катаржина! грянулъ вторично всклокоченный и похожій на пугало Ярошъ.

Въ этомъ виватѣ слышалась уже гроза, и Кася, поблѣднѣвъ, отворотилась.

Взбѣшенный Ярошъ недолго думалъ; по обычаю академиковъ обдавать за обиду *болдтомъ*, онъ выхватилъ изъ рукъ работника коновку и размахнулся, чтобъ окатить растворомъ извести пышный нарядъ спѣсивицы.

— Стой! раздался знакомый ему голосъ, и прежде нежели Кася успѣла вскрикнуть, Ярошъ лежалъ уже на землѣ, а брызги извести заставили ватагу разступиться.

Подобнаго рода буйства академическихъ ўчней были тогда дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ. Іезуитское начальство, ограждая ихъ въ своихъ видахъ, чтобы въ случаѣ нужды спускать эти стаи на преслѣдуемаго звѣря, нетолько избавляло буяновъ отъ отвѣтственности, но нерѣдко, за неправильное будто бы обжалованье, взыскивало въ ихъ же пользу денежный штрафъ или угощенье.

Взволнованная Кася вбѣжала на паперть, не оглянувшись на своего защитника; но отъ зоркаго глаза Іоганны не скрылся Густавъ въ своемъ шляхетскомъ строѣ.

— Пане! сорвалось-было съ ея устъ съ пріятной улыбкой, но стукъ сабель опоздавшихъ вельможныхъ асистентовъ панны заглушилъ это слово, и Густавъ, не желая величаться передъ ними своимъ поступкомъ, смиренно удалился.

Возвратясь домой, взволнованный въ свою очередь, онъ принимался то за одно, то за другое дѣло, но ничего его не занимало; онъ бралъ въ руки то одну, то другую книгу, усиливался сосредоточить свое вниманіе, но мысли разбѣгались.

— Ничего не понимаю! безсмысленъ кажется мнѣ теперь и самъ знаменитый Парацельсъ! проговорилъ Густавъ, бросивъ книгу.

Порывисто схватилъ онъ беретъ, выбѣжалъ на чистый воздухъ и побрелъ безъ цѣли, какъ будто довѣряясь чутью сердца.

Незамѣтно очутился онъ у садовой рѣшотки кастелянской каменицы; прошелъ мимо отворенной фортки, воротился назадъ, и какъ будто заманенный чувствами, вошелъ въ калитку, отъ которой мощеная дорожка провела его въ аллею вѣковыхъ вязовъ.

День уже клонился къ вечеру, погода была тиха и ясна; роскошный, со всѣми причудами того времени, садъ могъ бы пока-

заться раемъ для жильца душной жидовской корчмы; но Густавъ смотрѣлъ равнодушно на все окружающее его.

Онъ шелъ въ полномъ самозабвеніи, не сознавая своей дерзости, и опомнился тогда уже, когда увидѣлъ прямо предъ собой панну Іоганну, которая сидѣла на дерновой скамьѣ подъ тѣнистымъ деревомъ.

Изумленіе панны было такъ мгновенно, что Густавъ почти его не замѣтилъ, и ясный, привѣтливый взглядъ ея вывелъ его изъ затрудненія. Почтительно поклонясь, онъ остановился въ нерѣшимости.

— Очень рада видѣть пана, сказала, замѣтивъ это, Іоганна:— я одна, моя Кася сидитъ дома и гнѣвается на вашихъ семинаристовъ... А я никакъ не могу безъ смѣху вспомнить.

И панна, взглянувъ пристально на Густава, захохотала.

Юноша посмотрѣлъ на нее съ безмолвнымъ укоромъ; ему казался невеликодушенъ этотъ смѣхъ надъ обиженной подругой.

— Какъ панна любитъ смѣяться! сказалъ онъ такимъ голосомъ упрека, который былъ новъ для пресыщенной лестью и ласкательствами вельможной панны.

Она остановила на немъ долгій, проницательный взоръ.

— А пану не хочется смѣяться?

— Нѣтъ, мнѣ не до смѣху.

— Почему-жъ такъ?

— Потому, что мнѣ грустно.

— Но это все равно; я тогда именно и смѣюсь, когда мнѣ грустно... Еслибъ панъ зналъ, какъ становится легко, когда прохохочешь свое горе.

— Жаль, что панна Катарина не такъ счастливо создана и не можетъ смѣяться надъ своимъ оскорбленіемъ!

— Надъ какимъ оскорбленіемъ? спросила Іоганна такъ простодушно, что Густавъ взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Надъ тѣмъ оскорбленіемъ, которое панна видѣла своими очами, сказалъ онъ сухо.

— Какое же это оскорбленіе? Толпа глупцовъ вздумала бросить въ насъ грязью—это панъ называетъ оскорбленіемъ?

Въ словахъ и голосѣ Іоганны прозвучало достоинство, къ которому не льнетъ незаслуженная, дерзкая выходка черни. Слово *въ насъ* показалось Густаву такъ умѣстно, что онъ помирился съ нею.

— Панна не гнѣвается на меня? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— За что?

— За то, что я осмѣлился придти сюда, не имѣя на то никакого права.

— Такъ пусть же панъ получитъ, одинъ разъ навсегда, право гулять въ нашемъ саду, когда ни пожелаетъ.

Только зная надутое чванство пановъ того вѣка, можно было понять, на сколько былъ смѣлъ и независимъ поступокъ Іоганны, бесѣдующей съ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ и дающей ему свободный доступъ пользоваться ея обществомъ во всякое время.

Но Іоганна, какъ мы видѣли, не привыкла стѣснять своей воли, бояться отвѣтственности и думать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ; а въ настоящемъ случаѣ, она дѣйствовала не по одной причудѣ. Ее увлекало въ юношѣ что-то мудреное и вмѣстѣ обаятельное. Чуткимъ сердцемъ видѣла она въ немъ то, чего не могла разгадать разумомъ. Безотчетное чувство, какъ любопытство, щекотало ея воображеніе такимъ пріятнымъ ощущеніемъ, что ей самой было какъ нельзя болѣе хорошо съ страннымъ, новымъ знакомцемъ.

Но вблизи послышался звонкій голосъ Каси, и вскорѣ она въ сопровожденіи какого-то кавалера явилась предъ ними.

Этотъ кавалеръ былъ Войцехъ Конецпольскій, родственникъ старосты виленскаго и самый рьяный изъ искателей руки панны Іоганны. Онъ не скрылъ своего удивленія при видѣ новаго, незнакомаго ему лица, и Кася также не вдругъ узнала Густава въ щеголеватомъ его нарядѣ.

— *Пáдамъ дò ногъ панскихъ!* сказалъ Войцехъ развязно, со всѣмъ наскокомъ тогдашняго рыцарскаго поклона. Сабля его прогремѣла, шпоры брякнули, кудри встрепенулись, плеча заходили и голова его съ перваго размаха долго еще колебалась, подобно цвѣтку на тонкомъ стебелькѣ, колеблемому вѣтромъ.

Особа Войцеха была преисполнена своего рода талантами: крутя усы, онъ умѣлъ принимать живописную позитуру, умѣлъ рисоваться и на конѣ подъ окнами красавицъ, звонко щелкалъ шпорами и въ тактъ притопывалъ каблукомъ въ танцахъ, пилъ залпомъ вспѣненный кубокъ, съ кудрявымъ привѣтомъ коханкамъ. Въ глазахъ Іоганны, ксендже Войцехъ былъ смѣшонъ и несносенъ высокой оцѣнкой этихъ собственныхъ его талантовъ.

— Мы завтра съ панной на *полевáнье?* сказалъ онъ, щелкнувъ лосиной рукавичкой по бедру.

— Ѣдемъ, пане, отвѣчала Іоганна сухо:—я хочу воспользоваться еще разъ этой забавой, потому что отецъ на дняхъ отправляется въ Краковъ.

— Онъ долженъ спѣшить на *пассификаціонный* сеймъ, кото-

*

рымъ заключится все, чего не окончилъ экзорбитаціонный, утверждающій дѣла междуцарствія.

— Пощадите, пане, мои уши! какія невыносимыя слова! Это скрыпъ несмазаннаго воза! Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ король Стефанъ, я совсѣмъ не вижу отца; онъ вѣчно пропадаетъ на этихъ *звычайныхъ* и *надзвычайныхъ*, *конвокаціонныхъ и элекціонныхъ*, пасификаціонныхъ и экзорбитаціонныхъ сеймахъ!

— Панна не совсѣмъ добрая патріотка: уши нашихъ полекъ не страдаютъ даже отъ грома пушекъ, когда дѣло идетъ о славѣ отчизны, проговорилъ напыщенно Войцехъ.

— Грома пушекъ я еще не слыхала, пане: онъ очищаетъ дорогу нареченному королю Сигизмунду, на мою же долю достается только трескотня пустыхъ рѣчей объ этихъ пушкахъ.

Валежный рыцарь закусилъ губы.

— А панъ слыхалъ грохотъ пушекъ? спросила Іоганна, быстро обернувшись къ Густаву.

— Нѣтъ, отвѣчалъ юноша:—и не желаю слышать. Война для меня невообразима, «я не могу смотрѣть равнодушно даже на убитую птицу».

Надо было однакоже много храбрости, чтобы въ тотъ, хотя и мнимый уже рыцарскій вѣкъ допустить себя до подобнаго сознанія въ присутствіи любимой женщины.

Войцехъ презрительно усмѣхнулся, окинувъ надменнымъ взглядомъ незнакомца.

— Это что̀ за робкій голубокъ? спросилъ онъ, приклонясь къ уху Каси.

— Панна Іоганна приголубила его; а гдѣ поймала, не знаю, столь же насмѣшливо отвѣчала Кася.

— Ахъ, какая неправда! возразила Густаву Іоганна:—ваша мосць хотя и представляетъ изъ себя труса, но сегодня утромъ я имѣла случай убѣдиться въ противномъ.

— Когда и гдѣ? спросили въ одинъ голосъ Войцехъ и Кася.

— Я видѣла, какъ тотъ кудлатый богатырь грохнулся въ грязь отъ толчка пана.

Кася вспыхнула при непріятномъ для нея напоминаніи.

— Если я ненавижу войну, то это не значитъ, чтобы я не былъ готовъ жертвовать жизнію для защиты, проговорилъ Густавъ.

— Для защиты прекрасной особы! прибавилъ дерзко Войцехъ:— но дѣло, панъ, идетъ объ отчизнѣ...

— Для отчизны нѣтъ невозможной жертвы, отвѣчалъ Густавъ сурово:—это однакоже не мѣшаетъ видѣть въ войнѣ зло. Химія изобрѣла порохъ, храбрость упала въ цѣнѣ; химія изобрѣтетъ еще болѣе разрушительный составъ, и война потеряетъ смыслъ.

Это философское предположеніе показалось совершенною безсмыслицей воинственному кавалеру парадовъ, и онъ захохоталъ.

— Чему смѣется панъ? спросилъ спокойно Густавъ.—Панъ не знаетъ пѣсни о томъ витязѣ, который не вѣрилъ въ изобрѣтеніе пороха, и чтобъ убѣдиться на собственномъ опытѣ, приложилъ дуло пищали къ своей ладони. Когда пуля прошибла ее на вылетъ, онъ, съ презрѣніемъ бросивъ оружіе, сказалъ:—теперь нѣтъ разницы между храбрымъ и трусомъ, теперь всякій трусъ изъ-за угла можетъ убить героя.

— Я хочу извѣдать храбрость пана, отозвалась панна Іоганна:—пусть панъ ѣдетъ завтра съ нами на полеванье. Я посмотрю, какъ ваша мосць не можетъ видѣть умирающей птички, прибавила она съ очаровательной улыбкой.

Густавъ поклонился; наступившія сумерки напомнили ему время удалиться.

Конецпольскій повторилъ Іоганнѣ вопросъ, уже сдѣланный имъ Касѣ: кто этотъ робкій голубокъ, который однакоже пытается храбриться?

— То, пане, моей ксёнжны *вуянки*, брата жены *сестржинецъ!* сказала она, смѣясь, и убѣгая вмѣстѣ съ Касей, оставивъ озадаченнаго рыцаря разсуждать на досугѣ о степени этого родства.

IV.

Въ лѣсистомъ краѣ, людъ, привычный къ коню и бою, охотно тѣшился ловитвой, и нетолько паны, шляхта и рыцари, но и паньи забавлялись гоньбою по доламъ и дебрямъ. «Любо было смотрѣть — пишетъ Горницкій — ка̀къ быстрыя наши амазонки носились за дикимъ и опаснымъ звѣремъ!»

Съ распространеніемъ средневѣковой роскоши и безумнаго мотовства, столь успѣшно водворившихся истинной повальной болѣзнью въ Польшѣ, а чрезъ нее и въ окрестныхъ русскихъ областяхъ, охота сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ, къ которымъ привилось завистливое соревнованіе въ щегольствѣ и въ тріумфахъ полеванья.

«Безъ числа было тогда актеоновъ въ нашей отчизнѣ — говоритъ лѣтописецъ — неимѣющихъ хлѣба и пробавляющихся *позыче̇ннымъ;* потому что свой *вла̀стный* съѣдали гончіе псы. Дворы стѣснялись псарнями и ловчими птицами. Въ нихъ было больше соколовъ и кречетовъ, чѣмъ гусей, куръ и утокъ, больше гончихъ собакъ, чѣмъ домашней скотины».

Охота кастеляна, устроенная на широкую руку, славилась въ цѣломъ краѣ.

По желанію панны Іоганны, отецъ ея присудилъ быть въ назначенный день не соколиной, а псовой охотѣ, и приказалъ *маршалку двора* озаботиться, чтобы было много всякаго щедраго угощенія и уконтентованія гостямъ его.

На зарѣ, панъ бодро всѣлъ на сѣраго аргамака. Одѣтый щеголемъ, въ гранатовомъ бекешѣ, опушенномъ барашкомъ, и въ такой же шапкѣ, подбоченясь и ловко управляя конемъ, онъ казался еще взрачнымъ мужчиной и, съ недавняго времени, видимо занимался собою.

На крыльцо, къ поданному экипажу, вышла цвѣтущая всею свѣжестію красоты панна Іоганна, подъ прозрачнымъ покрываломъ въ великолѣпномъ зеленомъ платьѣ, въ драгоцѣнныхъ поручахъ и монистахъ. За нею слѣдовала Кася, по обыкновенію неуступавшая знатной паннѣ въ пышности своего наряда.

Густавъ прибылъ на мѣсто въ условный часъ, и тутъ только почувствовалъ онъ всю затруднительность своего положенія. По приказанію Войцеха, избраннаго распорядителемъ охоты, ему подвели коня, который грызъ и пѣнилъ удила, рвалъ копытомъ землю, и не предвѣщалъ безопасности неопытному сѣдоку.

— Пусть ваша милость избавитъ меня отъ этого звѣря, сказалъ онъ рѣшительно: — я ни за что на него не сяду.

— Почему такъ? съ усмѣшкой спросилъ бравый кавалеръ, который горячилъ скакуна своего, и рисовался передъ паннами, какъ будто подзадоривая Густава.

— Я упаду съ него, отвѣчалъ онъ.

Это новое простодушное сознаніе вызвало громкій хохотъ рыцарей-охотниковъ, улыбку на устахъ Іоганны и усмѣшку Каси.

— Пану придется взять хромую клячу блазня? сказалъ одинъ изъ участниковъ полеванья.

— Садись, брате, со мною вмѣстѣ, садись на крупъ! отозвался Станчикъ, который держался плотно на казацкой лошадкѣ, поступившей уже на службу при конюшнѣ.

— Оставьте хлопца въ покоѣ! крикнулъ кастелянъ, замѣтивъ, что переговоры и уговоры замедлятъ отъѣздъ, и, разумѣется, не весьма довольный имѣть снова въ своей компаніи и въ своей блестящей свитѣ этого гостя. — Не умѣетъ сѣсть на коня, такъ пусть и не ѣздитъ.

— Панъ поѣдетъ съ нами въ колымагѣ, сказала панна Іоганна и, не требуя соизволенія родителя, не обращая вниманія на общее изумленіе, предложила Густаву мѣсто и выѣхала изъ-подъ *гмаховъ*, окруженная своимъ почетнымъ конвоемъ.

Звуки роговъ, топотъ и фырканье коней, лай псовъ, и говоръ охотниковъ, подняли на ноги окрестныхъ жителей.

Не одна любопытная шляхтянка, вскочивъ съ постели и накинувъ на себя какой-нибудь покровецъ, съ заспанными глазами, приподняла оконце и высунула на улицу голову свою въ спальномъ шлыкѣ на бекрень.

— Что̀ это за гвалтъ? спросила пани *Бурмистро̀ва* пани *Войто̀ву*, свою ближайшую сосѣдку, кланяясь ей и желая добраго утра.

— То ея милость, панна Михалувна Іоганна, снова не даетъ спать честнымъ людямъ!

— Снова будутъ гонять, какъ зайцевъ, бѣдныхъ *кміотковъ* и *землянъ*, которыя попадутся имъ на дорогѣ!

И обѣ пани, низкопоклонныя и льстивыя передъ вельможнымъ панствомъ въ глаза, не щадили за глаза колючихъ языковъ своихъ на пересуды, всматриваясь на пестрый поѣздъ.

Лошади гарцовали подъ всадниками, разодѣтыми въ богатое охотничье платье; поджарые псы прыгали на сворахъ; ловчіе искусно управляли ими, то звукомъ трубы, то знакомымъ окликомъ, то арапникомъ. За нарядной толпой ѣхала колымага, покачиваясь на цѣпяхъ своихъ, красуясь рѣзьбой, шкарлатомъ и позолотой. Конями въ шорахъ управлялъ, *съ бича*, возница въ аломъ кунтушѣ; на сбруѣ щетинились медвѣжьи шкуры и развѣвались красные кутасы и кисти.

— Ахъ, мо̀я пани, какой статный рыцарь, рядомъ съ паномъ кастеляномъ! воскликнула пани *Бурмистро̀ва* пани Войтовой.

— То, ваша-мосць, Войцехъ Конецпольскій, *коханекъ* пани вдовой, Петровой Симашковой. Панна Іоганна справляетъ свои ловы, чтобы уловить этого краснаго звѣря.

— Вотъ такъ! молвила ухмыляясь пани Бурмистрова. —А то, не сама ли пани вдо̀ва вмѣстѣ съ панной Іоганной? прибавила она, любопытствуя знать всѣхъ и каждаго.

Пани Войтова разсмѣялась такому странному предположенію.

— Какая жь то пани, вдова! то Кася Картувна, бой дѣвчина! забрала себѣ въ думку такое...

— Что̀, что̀ такое?

Пани Войтова покачала головою.

— Что̀ такое? повторила сосѣдка, съ затронутымъ любопытствомъ.

— Э, моя пани, такое, что старый кастелянъ... пусть Богъ проститъ ему грѣхи!...

— Что жь, дѣло вдовье, проговорила смиренно пани Бурмистрова.

— Такъ, такъ, моя пани! скоро свѣтъ перевернется до горы ногами! — вѣдь старый грѣшникъ прочитъ ее въ жены?

— Милый Боже! воскликнула пани Бурмистрова.

— А это жь кто такой? спросила сама себя пани Войтова, которая кичилась знаніемъ наперечетъ всѣхъ знакомыхъ пана кастеляна и всей городской аристократіи, замѣтивъ кавалера, сидящаго съ паннами въ колымагѣ.

— Кто такой? повторила и пани Бурмистрова, всматриваясь.— Да Богъ же вѣдаетъ, кого паннѣ Іоганнѣ вздумается сажать рядомъ съ собою... Хоть бы и та Кася Картувна... Знаю я ее и перезнаю, какъ злой *пѣнязь!*

— Моя пани, продолжала пани Войтова, понизивъ таинственно голосъ: — вѣдь панна Іоганна вольница, неурядица, ворочаетъ всѣмъ домомъ, и не то что отцомъ, который пляшетъ по ея дудкѣ, ксендзомъ капеланомъ, какъ тряпкой помыкаетъ... И что̀ только съ той дѣвчины будетъ, святой Богъ знаетъ!

Несмотря на эти пересуды обо всемъ печалящихся старицъ и на черный ихъ глазъ, поѣздъ благополучно прибылъ къ мѣсту охоты.

Оживилась лѣсная нагорная поляна, среди которой расположился охотничій лагерь, состоящій изъ трехъ великолѣпныхъ наметовъ, собственно для панны и ея прислужницъ, для самаго пана съ его свитой, и для ловчихъ низшаго разряда.

Раздались голоса охотниковъ, зовущихъ собакъ до лѣсу; эхо повторяло ихъ возгласы и пугало звѣря, чующаго неминуемую бѣду. Отрывистые звуки рожка въ четыре такта давали уже знать, что псы преслѣдуютъ добычу. И чѣмъ чаще, въ разныхъ мѣстахъ, слышались эти звуки и хлопанье бича, тѣмъ неизбѣжнѣе была гибель преслѣдуемаго животнаго.

— *Го-ла*! *го-ла-ла! У-ла-ла*! раздавались побудительные крики, одобряющіе псовъ и коней, которые стлались пластомъ надъ землею.

— *Го-го*, *ла-ла*, *го-го!* потомъ заключительное *Герабъ*! и трубачи трубили, чтобъ стая поворачивала съ поля.

Панны уже три раза мѣняли охотничій нарядъ — разноцвѣтныя турецкія чалмы, шальвары и длуговейки. Летая вихремъ на вынѣзженныхъ скакунахъ, онѣ казались сами бѣгущими ланями, утекающими отъ направленныхъ на нихъ отвсюду смертоносныхъ взглядовъ. Каждое ихъ появленіе среди ловчихъ разстроивало на нѣкоторое время охоту и даровало жизнь не одному зайцу; но промелькнувъ метеоромъ, ослѣпивъ всѣ глаза, онѣ снова скрывались подъ наметомъ, где отдыхали и снова рядились еще великолѣпнѣе.

— О, Боже! восклицалъ Густавъ, уставшій смотрѣть и слушать, уставшій до изнуренія ждать возможности приблизиться къ предмету

своей страсти. Но этотъ предметъ видимо не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Отъ души проклиналъ Густавъ всю эту пышную толпу, въ рѣчахъ и ухваткахъ которой было то же рогатое чванство, которое сверкало на ихъ одеждахъ, ломилось съ браныхъ столовъ и бушевало въ крови ихъ; проклиналъ онъ и панну Іоганну, которая везла его въ своей колымагѣ на позоръ ротозѣямъ. Всѣ какъ будто на смѣхъ терзали его спросами и разспросами.

— Давно ли панъ въ нашей академіи?

— Нѣсколько уже лѣтъ.

— Откуда панъ родомъ?

— Я не изъ здѣшнихъ.

— Но изъ какой же стороны?

— Изъ чужихъ краевъ.

— Откуда жь? Изъ Цесаріи, изъ Влохъ, или, можетъ быть, изъ Московіи?

— Я оставилъ родину еще ребёнкомъ, отвѣчалъ Густавъ отрывисто и сухо.

«Нужно же имъ знать все это!» думалъ онъ про себя, раздраженный разспросами. «Эти магнаты воображаютъ, безъ сомнѣнія, осчастливить простого смертнаго своимъ вниманіемъ!»

Много уже было затравлено бѣдныхъ зайцевъ, лисъ и косулей. Всѣ эти жертвы потѣхи лежали грудами вокругъ палаты Діаны — прекрасной богини охоты, къ которой каждый изъ рыцарей пріурочивалъ себя въ Эндиміоны. Время уже приближалось къ обѣду, и панны, утомленныя своими вылазками и преображеніями, усѣлись на подушки, противъ распахнутаго полога палатки, открывающаго живописный видъ на лѣсную и гористую мѣстность, оживленную движеніемъ полеванья и озаренную жаркимъ свѣтомъ.

Густавъ, равнодушный ко всѣмъ этимъ прекраснымъ видамъ, стоялъ задумчиво, прислонясь къ столбу палатки, и какъ будто прикованный глазами къ Касѣ. Его неуклонный взглядъ безпокоилъ ее, какъ острый лучъ солнца, и она отворачивалась и устремляла въ даль свои зоркіе очи. Но въ то же время, панна Іоганна, казалось, успокоивала на скромной личности Густава свои пресыщенные великолѣпіемъ взоры, отъ которыхъ и ему, въ свою очередь, дѣлалось неловко. Это была своего рода ловитва, которой блѣдное подобіе разъигрывалось въ полѣ.

— Панъ не радуется нашей добычѣ? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія, указывая на разложенныя на травѣ жертвы охоты.

— Я смотрю, и удивляюсь на кровожадность людей!

— Панъ называетъ кровожадностію мужество и ловкость, сказала Іоганна, нѣсколько озадаченная рѣзкимъ отвѣтомъ.

— Трудно видѣть мужество и ловкость въ одолѣніи слабаго звѣрька стаей разъяренныхъ собакъ.

— Отецъ предложилъ мнѣ однажды приколоть пойманнаго оленя, припомнила довольно не кстати панна: — онъ увѣрялъ, что у меня не хватитъ на это духу, затронулъ мое самолюбіе, и я рѣшилась... но мнѣ легче бы было вонзить ножъ въ собственное сердце!... Я долго не могла даже слышать объ охотѣ; но потомъ, снова привыкла.

— Ко всему можно привыкнуть: палачи привыкаютъ же рубить головы, мясники рѣжутъ же равнодушно животныхъ.

Іоганну смутили эти рѣзко сказанныя Густавомъ слова; но пресыщенной угодами и лестью, ей нравилась, какъ новость, прямота и безпечность высказываемой свободно мысли.

— Какъ наскучило мнѣ панство своимъ гикомъ! перебила, непринимавшая участія въ этомъ разговорѣ и тосковавшая въ отсутствіи кавалеровъ Кася: — я лучше люблю, когда они охотятся съ соколами!

— А я не люблю баловать этихъ *фирзиковъ*. Они рады красоваться, держа на рукавицахъ ученыхъ птицъ съ золотыми позвонками въ каптуркахъ, вышиваемыхъ жемчугами кохановъ. Они, какъ женщины, занимаются тогда собою. Пусть лучше рыщутъ за звѣремъ по оврагамъ и крутоярамъ, рвутъ и пылятъ свои цвѣтные строи.

— Наконецъ ѣдутъ! радостно вскрикнула Кася, завидѣвъ нѣсколько всадниковъ, опередившихъ своихъ товарищей.

Іоганна вышла къ прибывшей стаѣ, и прежде всего занялась своими псами.

— Котекъ! подозвала она долгомордую, рыжую собаку: — иди и ты ко мнѣ Заѣнчикъ, милый пёсекъ!... А ты, Быдларжъ, ты не бросаешь своей дурной привычки, разгонять съ поля коровъ, вмѣсто того, чтобы честно гнать звѣря?... Прошу пана полюбоваться моимъ Орелкой, говорила она, обращаясь къ одному изъ близь стоящихъ кавалеровъ, который не славился большимъ смысломъ. — Онъ у меня такой разумный, что не нуждается, чтобъ доѣзжачіе его учили, и не смотритъ на другихъ собакъ: самъ слѣдитъ за звѣремъ. Онъ такъ уменъ, что ему могутъ позавидовать многіе люди.

— Кто не позавидуетъ ему! отозвался ловкій Войцехъ, глядя съ страстною ревностію на ласки, оказываемыя панной Орелкѣ.

Прибытіе кастеляна подало вѣсть о нетерпѣливо-ожиданномъ обѣдѣ. Все двинулось къ приготовленнымъ подъ сѣнію деревъ

столамъ, накрытымъ скатертями, шитыми по краямъ шелками; на приборахъ красовались такія же шитыя и сложенныя по *вдоску* салфетки. Столы гнулись подъ тяжестію серебряной посуды — огромныхъ блюдъ и мисъ, на которыхъ вздымались кушанья, какъ изваянія, изображающія охоту. Здѣсь стоялъ олень съ золотыми рогами, тамъ скачущій трубачъ и птица струсъ, подлѣ — кустъ цвѣтовъ, громадныя пирамиды съ печеньемъ всякаго рода, въ видѣ какихъ-нибудь животныхъ, или гербовыхъ орнаментовъ. Вмѣстѣ со сластями, всевозможныя похлебки, юшки, взвары и жаркія въ различныхъ родахъ и съ различными преукрашеніями и приправами, на потѣху глазу, вкусу и обонянію.

Между рядомъ блюдъ, какъ строй параднаго войска, вытягивались ряды золоченыхъ жбановъ, флягъ, куфлей, разструхановъ, кубковъ и чаръ съ напитками, веселящими сердце.

Гости засѣли въ чинномъ порядкѣ, и столованіе началось безмолвнымъ приступомъ къ этой обильной трапезѣ, съ приправою такихъ жгучихъ пряностей и обливаемой такими крѣпкими винами, что по выраженію такъ-называемой *Старой Брошюры:* «души трапезующихъ млѣли въ ихъ утробахъ».

Мало-по-малу, загомонили разговоры, то переходившіе въ оживленный споръ, то разражавшіеся залпомъ дружнаго смѣха, то прерываемые возгласами о битвахъ и полеваньяхъ.

Одни разсуждали объ осадѣ Полоцка, заявляя громогласно о своихъ великихъ подвигахъ.

Другіе возбуждали любопытство своими свѣдѣніями объ открытіяхъ въ новомъ свѣтѣ и тамошнихъ обитателяхъ, людяхъ съ звѣриными головами, которые хоронятъ престарѣлыхъ родителей въ своей утробѣ, пожирая ихъ на погребальномъ пирѣ.

Третьи напоминали посольство въ Парижъ, при несчастномъ избраніи Валезіуша, и эфектъ, произведенный на французовъ польскими богатыми конями, драгоцѣннымъ оружіемъ и сбруей, коштовными мѣхами и тканями, и славянской способностію говорить на всѣхъ языкахъ.

— Плакали польскіе гроши! отозвался кто-то.

— Я заплатилъ тамъ за перо къ берету 500 червонныхъ, прибавилъ другой.

— А я заплатилъ тамъ, за удовольствіе играть въ кости, 500 тысячъ, сказалъ третій.

Но всѣ эти похвальбы были ничто въ сравненіи съ разсказами охотниковъ. Тутъ уже нипочомъ были Самсоны, раздирающіе львивыя пасти.

Одинъ изъ нихъ увѣрялъ, что напоролся въ лѣсу на самаго дьябла, и хвать его саблей! — и что̀ жь думаетъ панство? сабля

свистнула по пустому мѣсту, а на лезвеѣ клокъ шерсти — вотъ-то чудо!

— А что жь за чудо, пане, что на дьяблѣ шерсть? замѣтилъ Станчикъ при общемъ хохотѣ: — онъ такая же тварь, съ хвостомъ и рогами, какъ и всякая другая.

Часа уже три длился панскій пиръ; безконечно звенѣли серебряные кубки, говоръ пирующихъ становился шумнѣе и шумнѣе, и кастелянъ промахивался уже мимо, швыряя шариками въ Касю, въ подтвержденіе, что «Poloni bibassimus genus hominum Septentrionis».

За столами, гдѣ сидѣла мелкая шляхта, пиръ шелъ уже не путемъ.

Шумъ, гамъ, стукъ и трескъ заставили хозяина взглянуть на эту рыкающую компанію. Съ порывами изступленнаго хохота, хмѣльные рыцари румянили другъ друга взваромъ изъ вишенъ, и въ то же время защищались другъ отъ друга чѣмъ попало. Посуда и скамьи пошли въ рукопашное дѣло. Эта схватка, къ крайнему удивленію Густава, нисколько не потревожила даже панны, потому что была слишкомъ обычнымъ заключеніемъ пировъ того вѣка. Его милость, однако же, вставая изъ-за стола, шевельнулъ усомъ, и прислуга немедленно по своему угомонила бойцовъ.

Несчетные осушенные кубки свалили наконецъ ловцовъ на мягкіе ковры, разостланные въ палаткахъ. Скоро задремалъ въ шатрѣ своемъ и самъ сатрапъ; подлѣ него сидѣлъ Станчикъ, отгоняя вѣткою комаровъ. Лицо его раскалилось и отъ зноя, предвѣщавшаго грозу, и отъ панскаго добраго вина.

— Заснулъ? спросила Станчика тихо, заглядывая въ шатеръ, Іоганна.

Блазень кивнулъ утвердительно головою, и вслѣдъ за этимъ, и самъ свалился безъ памяти къ ногамъ пана.

— Теперь ихъ не пробудитъ трубный гласъ архангела. — Пойдемте, пане, на проходку, сказала Іоганна, обращаясь къ Густаву.

— Куда же мы пойдемъ? спросила Кася.

— Не все ли равно, куда ни идти, лишь бы удалиться отъ этого тошнаго люду, лишь бы не видѣть этихъ скомороховъ, и не слышать бряцанья ихъ шпоръ и сабель.

Они шли нѣсколько времени молча.

Кася видимо была не слишкомъ довольна этой прогулкой.

— Жарко! простонала она: — бросаясь подъ тѣнь вѣкового дуба, который осѣнилъ ее своею темною зеленью.

Іоганна послѣдовала ея примѣру, съ полнымъ пренебреженіемъ къ многоцѣнной ткани своего платья.

Густавъ припалъ передъ паннами на колѣни, снялъ беретъ свой, и пыталъ охладить имъ, какъ опохаломъ, свое разгоряченное воображеніе.

— Пане, хорошо здѣсь? правда? спросила его Іоганна.

— Правда, панно, тысячу разъ правда!

— Зачѣмъ же мы сидѣли тамъ и слушали всѣ эти глупые разговоры?

Густавъ пожалъ плечами, не находя отвѣта; онъ засмотрѣлся на Касю, которая, подлюживъ руки подъ голову, жмурила глаза. Въ этомъ положеніи было очаровательно это дремлющее созданіе изъ рода *felis*.

— И эту тоску они называютъ весельемъ! продолжала Іоганна съ негодованіемъ.

— А панна обязана раздѣлять подобное веселье? спросилъ ее Густавъ.

— Обязана, пане.

— Въ такомъ случаѣ, это исполненіе труднаго долга и дѣлаетъ честь самоотверженію панны.

— Мой капеланъ, ксендзъ отецъ Іосифъ съ утра до вечера толкуетъ мнѣ объ исполненіи долга, и долгъ этотъ состоитъ, кажется, именно въ томъ, чтобы все вокругъ меня забавлялось, угощалось и пресыщалось; а потому мой домъ и мои пиры роскошны до тошноты и веселы до страданья.

— Это своего рода законъ, который панна исполняетъ такъ искренно, что невольно удивляешься этой безплодной стойкости.

— Удивляешься только? нѣтъ, ужь это слишкомъ безучастно!

— Нельзя же требовать бо̀льшаго сочувствія отъ человѣка, у котораго совершенно иныя убѣжденія.

— А въ чемъ же состоятъ эти иныя убѣжденія, пане?

— Въ томъ, что̀, можетъ быть, покажется глупо для панны.

— Это все равно, пусть панъ скажетъ мнѣ свои убѣжденія.

— Пусть панъ лучше будетъ молчать, сказалъ Густавъ.

— Хм! произнесла Іоганна, бросивъ свои обнаженныя руки, покрытыя дорогими поручами и перстнями, на колѣна.

Густавъ взглянулъ на эти прекрасныя руки, и невольно остановилъ на нихъ взоръ, какъ художникъ на изящномъ изваяніи.

— Мнѣ сдается, что панъ и молча порицаетъ меня своими краснорѣчивыми сужденіями, сказала Іоганна, желая затронуть Густава. — Я бы хотѣла знать, о чемъ панъ думаетъ въ эту минуту?

— Я думаю: для чего панна обременяетъ свои нѣжныя руки оковами и камнями?

— Я люблю эти камни, потому что и въ нихъ есть что-то непонятное... отвѣчала Іоганна, высказываясь тонкимъ сравненіемъ:—какая игра въ алмазѣ, какой радужный свѣтъ, какая глубина! гляжу на него и не нагляжусь!... это какъ будто блескъ скрытаго глубокаго чувства.

Густавъ взялъ свободно ея руку, сталъ всматриваться въ драгоцѣнность, и задумчиво проговорилъ: «Simplicia pura et non permixta».

Іоганна, не понимая выраженія герметика, съ изумленіемъ остановила свои чудные глаза на Густавѣ.

Равнодушіе, съ которымъ онъ оставилъ ея руку, поразило ее: такъ ли бы поступилъ любой изъ вельможныхъ юношей края.

— Меня занимаютъ драгоцѣнные камни по сущности ихъ состава, сказалъ Густавъ:—но въ смыслѣ преукрашенія того, что̀ само по себѣ хорошо—не понимаю.

— Понятія пана своенравны, сказала она съ пріятно взволнованнымъ чувствомъ: — но мнѣ нравится это своенравіе.

При этомъ словѣ въ голосѣ Іоганны дрогнуло что-то такое, что̀ поразило слухъ лежавшей съ закрытыми глазами Каси.

Она проглянула и замѣтила что-то необычайное и во взглядѣ и въ выраженіи лица своей панны. Никогда еще это лицо не было такъ оживлено, такъ нѣжно чѣмъ-то озабочено; и Касѣ стало завидно, что это счастливое созданіе, на которое судьба опрокинула всѣ дары свои и блага, умѣетъ еще быть счастливымъ независимо отъ своего богатства и сана.

Въ душѣ ея шевельнулось злое желаніе помѣшать этому счастію. Она смѣло взглянула на Густава, остановила на немъ свои говорящія очи, и снова пожаловалась на жару, да такъ тоскливо, съ такой нѣгой, что герой нашъ позабылъ мгновенно все, что̀ ему говорила Іоганна.

Кася привстала, вступила въ бесѣду и заговорила какой-то вздоръ; но болтливость ея была такъ смѣшна и обольстительна, сопровождалась такой миловидной мимикой, звукъ ея голоса дѣйствовалъ на слухъ такъ живительно, что самъ пятидесятилѣтній кастелянъ не устоялъ противъ этого обаянія.

Въ особенности поражало въ ея рѣчи какое-то оригинальное выраженіе. Она одна умѣла сказать самое простое слово такъ, какъ никто его не сказалъ бы. Губки ея сжимались такъ смачно, и слово выпархивало изъ ея устъ такимъ живымъ воробышкомъ, что никому не пришло бы въ голову добиваться отъ него смысла.

Каждый довольствовался пріятностію слушать ее, не разбирая, что̀ она говоритъ.

— Прошу пана знать, что и я очень люблю романсо́вать, заговорила Кася: — лишь только прилягу на подушку, мнѣ тотчасъ лѣзутъ въ голову такія чудныя мысли, такія милыя слова, такія умныя рѣчи, что, право, панъ бы удивился; но какъ только встану—все пропало, ничего не помню.

Кася болтала такимъ тономъ, что нельзя было угадать, правду говоритъ она или шутитъ; но тѣмъ не менѣе, каждому любопытно было бы подслушать, что̀ она такое романсуетъ.

Сидя на травѣ, сцѣпивъ концы розовыхъ пальчиковъ на одномъ колѣнѣ, Кася откинула немножко назадъ голову и сама чувствовала, что была хороша до упоенія.

Въ недальнемъ разстояніи раздались вдругъ звуки волынки.

— Слышишь, панно? вскрикнула она, вскочивъ съ мѣста:—то старецъ, *спѣвакъ* изъ зашлыхъ съ Укаины.

Густавъ не спускалъ глазъ со всѣхъ ея движеній; а панна Іоганна, прислушиваясь къ новому, невѣдомому біенію своего сердца, не обращала на нее никакого вниманія; она была слишкомъ самонадѣянна, чтобы бояться соперничества: могло ли ей, великолѣпной паннѣ, у ногъ которой было все юношество Литвы и Польши, придти въ голову, что этого неизвѣстнаго бѣднаго хлопца не осчастливитъ ея благосклонность.

Но Кася была въ эту минуту невыразимо прекрасна; она разгорѣлась; густыя черныя кудри ея были въ красивомъ безпорядкѣ, прозрачное покрывало развѣвалось въ воздухѣ и придавало ей самой какую-то воздушность.

— Иди, иди сюда, дѣдуню! крикнула она къ слѣпому старцу кобзарю, который показался изъ чащи лѣса.

Старецъ приблизился на зовъ и присѣлъ на травѣ съ своей кобзой. Тоскливые звуки огласили воздухъ. Пѣвецъ, понуривъ голову, затянулъ жалобнымъ напѣвомъ стародубскія думы, о бояхъ храбрыхъ хорватовъ съ турками.

— Какую жь ты тянешь *нудную* пѣсню, дѣдуню! спой что-нибудь повеселѣе, отозвалась Іоганна.

Дѣдъ остановился, и какъ будто всматриваясь темными очами во мракъ, искалъ въ памяти своей давно забытое, старое время, когда ему пѣлось веселѣе... Молодость, казачество, вставали передъ нимъ отдаленнымъ туманнымъ разсвѣтомъ, и онъ запѣлъ тихимъ дребезжащимъ голосомъ:

Ой ишли хлопцы, все громадо̀ве,
Ой ишли, ишли ра̀ды радили,

Ой ходь можъ, братцы, до ковальчика,
До ковальчика, до золотни́ка,
Справляймо соби мидяны човна,
Мидяны човна, золо̀ти вёсла;
Та пускаймося края Дуная,
Чуеможъ мы тамъ добраго пана,
Что платитъ добре за заслуже́нки:
Онъ да̀е на̀ рикъ, по сту червонцевъ,
По конико̀ви, тай по сабе́льци,
Тай по сабельци, тай по паненци.

Сначала Кася тихо вторила старцу; но вдругъ, какъ будто забывшись, дала полную волю разгулу серебрянаго своего голоса и покрыла имъ и бряцанье кобзы и разбитый голосъ слѣпца. Казалось, что вся душа ходила въ ней кругомъ, а глаза осыпали искрами обаяннаго ея шаманствомъ Густава.

— Касю! сказала Іоганна съ добродушной усмѣшкой, любуясь на нее, и столь же обманутая какъ и Густавъ искусно разыгранною веселостію и притворнымъ, неудержимымъ порывомъ сердца:— Касю, теперь я вижу, что ты любишь старцевъ; тебѣ стоитъ взглянуть на сѣдой усъ, чтобы угорѣть отъ счастья.

Этотъ намекъ обдалъ Густава, какъ будто студеной водою.

— Дѣдуню! обратилась Іоганна къ слѣпцу:—а ну, спой, какъ гарныя молодицы стариковъ любятъ.

Кобзарь, равнодушный къ производимому имъ какому бы то ни было впечатлѣнію, подумавъ немного, затянулъ бабьимъ голосомъ:

Ой йды старый! ой йды старый,
Калину ломаты!
Якъ не пійдешь, ни наломишь,
То буду стогнаты!

Весь комизмъ положенія стараго мужа, котораго молодая жена выпроваживаетъ изъ дому и угрожаетъ ему своими докучными стонами, выразился въ напѣвѣ кобзаря со всѣмъ юморомъ южно-русскаго человѣка.

Кася принужденно залилась заразительнымъ своимъ смѣхомъ, и снова начались неистощимые перекаты хохота, знакомаго уже Густаву.

Слѣпецъ умолкъ и покачалъ головой. Съ тѣхъ поръ, какъ потухли его очи, онъ прислушивался и къ воплямъ и къ смѣху людскому; но ничего подобнаго не слыхивалъ. Ему казалось, что хохочущая русалка щекочетъ какую-то бѣдную дѣвчину на̀-смерть.

— Буде уже буде! взмолился онъ съ выраженіемъ состраданія.

— Довольно, довольно! проговорилъ умоляющимъ голосомъ и

Густавъ. Чувства содрогались въ немъ отъ рѣзкаго хохота Каси. Онъ отворотился, чтобъ не видѣть ея и не возмутить перваго впечатлѣнія, которымъ она его обаяла.

Нѣсколько капель накрапывающяго дождя, отрезвили наконецъ Касю.

— Домой, пора домой! крикнула она, глядя на небо, уже подернутое тучами.

— Нѣтъ, погодимъ! спой намъ еще что-нибудь, дѣдуню, сказала Іоганна, обращаясь къ старцу.

Но Кася была уже не въ духѣ послѣ бѣшеной веселости; она почувствовала тоску похмѣлья и надулась, глядя вверхъ, и какъ будто считая крупныя падающія капли дождя.

— Дѣдуню, ты ворожку знаешь? спросила Іоганна, которой также вдругъ что-то стало грустно.

— Эге! произнесъ утвердительно старецъ.

— Погадай, что̀ со мной будетъ?

Старецъ помолчалъ, какъ будто не внимая этой просьбѣ, и потомъ заговорилъ нараспѣвъ:

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ, а Дунай бушуетъ...
Не скажу тебѣ я, что мой разумъ чуетъ!...

— Почему жь не скажешь? скажи? повторила Іоганна.

— Ни, не можно!

— Почему жь не можно?

— Завтра Свято; вѣдьмы гудутъ, шабашъ правятъ.

— Вѣдьмы гудутъ о полночи, а теперь день бѣлый.

— Былъ тутъ когда-сь людямъ бѣлый день; а теперь уже ночь, сказалъ слѣпецъ, вздохнувъ и поникнувъ головою.

Задумавшись, онъ уже не слыхалъ, какъ бракнули въ его шляпу нѣсколько монетъ, какъ взвились и улетѣли дѣвчины, гонимыя дождемъ.

Кастелянъ еще покоился глубокимъ сномъ въ своей палаткѣ, а колымага панны мчалась уже на рысяхъ обратно въ городъ.

V.

Чрезъ нѣсколько дней панна Іоганна проводила отца своего на сеймъ въ Краковъ, сопутствуемаго громадой дворней и неразлучнымъ Станчикомъ. Тогда же отправлялась въ столицу и бо̀льшая часть проживающихъ на Литвѣ магнатовъ, такъ что изъ польской знати въ городѣ остались только женщины подъ опекою монаховъ. Но панна Іоганна не слишкомъ признавала

надъ собой эти власти и пользовалась свободой безъ всякаго ограниченія.

По отъѣздѣ отца, она стала слушать набожное чтеніе чаще и чаще. По желанію панны, чтецъ являлся почти ежедневно, и каждый разъ долѣе и долѣе оставался онъ въ кастелянскомъ палацѣ.

Кася уже чуяла, куда тяготѣетъ его сердце; но она видѣла также ясно, что̀ дѣется съ панной Іоганной.

— Панно, панно! восклицала она мысленно:—ты ослѣпла или одурѣла!

Лукавая паненка была въ этомъ случаѣ прозорливѣе остроумной панны Іоганны, и коварную радость доставляло ей сознаніе торжества своего надъ нею.

— Панно! панно! не тебя онъ любитъ! повторяла она про себя побѣдоносно, смотря на Іоганну.

Недорога была будущей кастелянкѣ любовь ничтожнаго хлопца; но отбить его у вельможной панны казалось ей и пріятной забавой, и лестнымъ торжествомъ. Самолюбіе Каси давно уже страдало невыносимо: ей нелегко было видѣть, что до сихъ поръ, всѣ безъ исключенія, были у ногъ пышной Іоганны.

Густавъ, не подозрѣвая ничего, смотрѣлъ безмолвно на Касю и чувствовалъ, что хмѣлѣлъ часъ отъ часу сильнѣе. Въ Іоганнѣ видѣлъ онъ только добраго генія, сближающаго его съ Касей, и былъ ей искренно благодаренъ; а Іоганна любила уже всею силою непочатаго сердца, и необузданная, привыкшая къ исполненію всѣхъ своихъ желаній, она ни о чемъ не думала и ничего не боялась.

Ей не приходила въ голову возможность не быть любимой; всѣ любили ее, всѣ были ея рабы и покорные слуги.

Иногда, во время чтеній Густава, сердце ея переполнялось.

— Довольно! произносила она, останавливая его вдругъ на пол-страницѣ, и, закрывъ глаза, падала на подушку дивана, прислушиваясь къ біенію своего сердца.

Густавъ не понималъ ея и не придавалъ этимъ признакамъ никакого значенія.

Набожное чтеніе вскорѣ перешло въ ученую бесѣду. Любознательность и умъ Іоганны увлекали Густава, и чтецъ незамѣтно обращался въ учителя, приступающаго къ преподаванію со всею ученою строгостію. Но стоило только появиться Касѣ, защебетать что нибудь своимъ неподражаемымъ лепетомъ, чтобы тотчасъ же отвлечь его отъ ученицы и сбить съ толку.

Іоганна видѣла въ этомъ не болѣе, какъ докучную помѣху, и уводила Густава за собою въ садъ. Полюбивъ впервые, она же-

лала бы быть съ нимъ неразлучно въ пустынѣ, или на необитаемомъ острову. Желала бы отрѣшить его отъ всего міра и заслонить ему собою свѣтъ божій.

Въ подобномъ положеніи, Густаву приходилось смотрѣть на Касю изъ-за плеча Іоганны, а Касѣ было какъ нельзя болѣе выгодно оставаться въ нѣкоторомъ отдаленіи. Перспектива этого отдаленія способствовала оптическимъ обманамъ, обаятельнымъ для воображенія юноши, тѣмъ болѣе, что Іоганна представляла собою ежеминутное воплощенное препятствіе, ожесточающее противъ нея Густава.

Привлекая его къ себѣ только по духу противорѣчія, не любя и не дорожа любовью бѣднаго академика, Кася однакоже необъяснимо для себя самой иногда непритворно ревновала его къ Іоганнѣ.

Однажды, рано утромъ, Густаву удалось увидѣть Касю одну, сидящую на любимомъ мѣстѣ панны подъ навѣсистой липой. Она замѣтила какъ нельзя лучше его приближеніе; но, будто не замѣчая, продолжала, опустивъ глаза на свое рукодѣлье, напѣвать пѣсню тогдашняго любимаго поэта:

«Нѣтъ ужь добрыхъ хлопцевъ, все-то баламуты,
Десять милыхъ разомъ любятъ эти плуты.

Каждый одну любитъ, а другой мигаетъ,
Третью къ себѣ манитъ, отъ четвертой таитъ;
Къ пятой въ душу лѣзетъ, чтобъ его любила,
А къ шестой, чтобъ взглядомъ только подарила;
Отъ седьмой ждетъ клятвы, осьмой самъ клянется,
За девятой ходитъ, а къ десятой жмется

Нѣтъ ужь добрыхъ хлопцевъ, все-то баламуты,
Десять милыхъ разомъ любятъ эти плуты»

Густавъ упивался ея голосомъ и ея одуряющей красотою.

— Неужели и панна такъ думаетъ? сказалъ онъ, подходя къ ней.

— Панъ подслушалъ меня! отвѣчала Кася, какъ будто очнувшись изъ задумчивости:—это не мои слова, а слова пѣсни.

— Слова пѣсни? повторилъ Густавъ, присѣвъ подлѣ нея.

— Панна идетъ, панна! вполголоса проговорила вдругъ Кася, вскинувъ пальчикъ въ знакъ молчанія, и какъ будто прислушавшись, вскочила и исчезла.

Въ этихъ трехъ словахъ былъ уже цѣлый заговоръ противу Іоганны.

Вскорѣ, столь же неожиданно для Густава, встрѣча въ саду повторилась. Кася сидѣла одна, на той же дерновой скамьѣ.

Утро было ощутительно свѣжо, желтѣющіе листы начинали осыпать землю и хрустѣли подъ ногами.

— Какъ зимно! сказала она, топоча ножками и кутаясь въ шубку, будто чувствуя дрожь, пробѣгающую по ея тѣлу; а между тѣмъ щоки ея горѣли, взоръ былъ живъ и ясенъ.

Она была особенно хороша въ эту минуту, и Густава влекла къ ней неодолимая сила.

Кася видѣла это, но какъ будто не замѣчала и смотрѣла вверхъ на вереницу отлетающей птицы.

— Пусть панна такъ не смотритъ въ небо, сказалъ Густавъ.

— А какъ же мнѣ смотрѣть? спросила она, взглянувъ на юношу бѣдо́вымъ своимъ взглядомъ.

— Вотъ такъ, какъ панна теперь смотритъ.

— Такъ смотрѣть глаза устанутъ, сказала Кася съ усмѣшкой.

— Не уставали же они смотрѣть на пернатые прильбицы и золотую броню рыцарей.

— А почему панъ это знаетъ?

— Потому, что знаю.

— Еслибъ панъ зналъ это, онъ бы зналъ то, чего не знаетъ.

— Я знаю одно, и не хочу знать ничего другаго.

— Что̀ такое?

— Знаю то, что люблю панну!

Подобныя рѣчи были не новость для Каси; отъ многихъ слыхала она тѣ же самыя слова; но вѣрно въ голосѣ Густава было что-нибудь особое, чего она прежде не слыхивала, и сердце стукнуло въ ней.

Склонивъ взоръ, она молчала.

— А панна? любитъ ли меня панна? проговорилъ юноша страстнымъ, вызывающимъ душу голосомъ.

— Если панъ все знаетъ, то онъ долженъ также знать, люблю ли я его, отвѣчала Кася и быстро побѣжала къ дому.

Взволнованный Густавъ шелъ вслѣдъ за нею, не помня себя.

— Ахъ, какой же сегодня панъ одушевленный, веселый! вскричала Іоганна, когда онъ вошелъ къ ней: — и какъ я люблю его такимъ видѣть!

Густавъ въ самомъ дѣлѣ былъ счастливъ въ эту минуту; онъ чувствовалъ успокоительную надежду на взаимность.

Оживленный своимъ благополучіемъ, онъ разговорился; панна слушала его внимательно. Измѣняя привычному самовластію, впервые поддавалась она чуждому вліянію. Непонятное доселѣ Іоганнѣ самозабвеніе давало ей новую жизнь и такъ ясно выражалась эта новизна въ ея глубокомъ взорѣ, что Густавъ не могъ не замѣтить перемѣны.

— Панна! сказалъ онъ:—у тебя дорогое сердце и могучій умъ!

Іоганна встрепенулась отъ этихъ неожиданныхъ словъ. Никогда еще и никакая похвала такъ не льстила ея сердцу, и въ первый разъ поняла она цѣну искренняго добраго слова.

— Но тотъ кругъ, въ которомъ ты живешь, панна, искажаетъ тебя, добавилъ юноша немилосердно.

— Я не понимаю, проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Панна и не можетъ понять этихъ словъ, и напрасно я сказалъ ихъ.

— Почему же напрасно? Стоитъ только объяснить.

— Въ другое время, панна, теперь я не въ силахъ.

— Для чего панъ такой скрытный? спросила она, помолчавъ немного:—никогда и ничего не говоритъ о себѣ. Мы уже такъ дружески знакомы съ паномъ, а я еще не знаю даже, кто онъ?

— Для чего паннѣ знать это?

— Для того, что я небезучастна къ пану.

— Но участіе выражается ли пошлымъ любопытствомъ?

— А можетъ быть, это и не одно любопытство.

— Что̀ жь иное?

— Что̀? повторила смущенно Іоганна. Непроницательность Густава, искренняя или притворная, была ей непріятна.

— Я не встрѣчала въ жизни никого подобнаго пану! промолвила она, пожавъ плечами.

— Это неудивительно: въ природѣ нѣтъ двухъ былинокъ, совершенно сходныхъ, отвѣчалъ Густавъ, не вникая въ смыслъ словъ Іоганны.

— Однакоже, я вижу вокругъ себя людей, до того похожихъ другъ на друга, что они кажутся мнѣ балясами, выточенными въ одну форму.

— Чѣмъ же я кажусь отъ нихъ отличнымъ?

— Всѣмъ, всѣмъ! съ живостію воскликнула Іоганна:—никто въ свѣтѣ такъ не мыслитъ и не разсуждаетъ, никто такъ совершенно не забываетъ себя, чтобы никогда не промолвиться о себѣ ни однимъ словомъ!

Это восклицаніе показалось Густаву чѣмъ-то въ родѣ допроса. Тяжелое чувство выразилось въ лицѣ его.

— Пусть панна знаетъ, сказалъ онъ сурово:—что я питаю къ ней святое чувство благоговѣнія, что я считаю себя обязаннымъ ей больше всего въ мірѣ; но пусть не допытывается о ничтожной участи неизвѣстнаго человѣка... иначе наши искреннія отношенія должны будутъ кончиться.

Слушая этотъ приговоръ Густава, Іоганна придала ему желанный толкъ и замирала отъ счастья. Ей причудилось въ этихъ

словахъ робкое сознаніе человѣка, недерзающаго высказать своего чувства прямо. Смотря на него, она, казалось, говорила:

— Не бойся, я съумѣю низойдти до тебя, или возвести тебя въ уровень съ собою. Меня не плѣняютъ блага нашего пышнаго міра: мою знатность, мои палацы, мои *маіонтки*, я попираю ногами... Тебя избрало сердце, среди толпы обожателей, которыхъ я презираю... Ты не хочешь сказать мнѣ своего имени, неукрашеннаго, подобно моему, вельможнымъ титуломъ... О, какъ еще мало ты меня знаешь!...

Въ этихъ недоразумѣніяхъ прошелъ день, для всѣхъ загадочный и тревожный. Въ вечеру у Іоганны былъ неизбѣжный пріемъ знатныхъ виленскихъ магнатокъ, тосковавшихъ въ отсутствіи отцовъ, мужей и братьевъ. Іоганна ненавидѣла это женское общество, не менѣе общества искателей ея приданаго. Эти старухи, посвященныя въ инквизиціонныя тайны своего рода; эти молодыя женщины, околдованныя своими духовниками; эти панны, превирающіяся породой и нарядами, наводили на нее тоску до изнеможенія. Съ улыбкой на устахъ и съ глубокимъ презрѣніемъ въ сердцѣ, выслушивала она корыстные забѣги этихъ, въ отношеніи къ ней, неутомимыхъ свахъ, доброхотствующихъ своимъ сынкамъ и братцамъ.

Вынужденный Іоганною присутствовать въ ея великолѣпномъ собраніи, Густавъ держался незамѣченнымъ въ числѣ дворянъ и шляхтичей, почтительно загораживавшихъ своими особами стѣны. Напрасно сторожилъ онъ глазами двери залы, ожидая, что въ нихъ войдетъ Кася. Она не посмѣла явиться въ этотъ сонмъ, высокомѣрныя предсѣдательницы котораго тотчасъ бы указали ей настоящее ея мѣсто; и этого неминуемаго слѣдствія не въ силахъ была бы отвратить даже сама панна Іоганна.

— Не нравится пану наша бесѣда? спросила она, улучивъ свободную минуту и подходя къ задумчивому Густаву.

— Не нравится! отвѣчалъ онъ откровенно.

— Но вѣдь это чуть ли не тѣ же сеймы, гдѣ вербуютъ дружины сторонниковъ и бойцовъ, гдѣ ратуютъ съ противниками, и не забываютъ жарить на кострахъ схизму...

— Все это я уже давно слышу и вижу на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ, у всякой корчмы и на всѣхъ рынкахъ.

— И однакоже, все это почитается дѣломъ добрымъ и Богу милымъ, прибавила иронически Іоганна.

— Много времени потратилъ я, моя панно, на изученіе разныхъ языковъ, и теперь изучаю новый языкъ—языкъ извращенныхъ понятій. На этомъ языкѣ состязаніе тщеславій, необузданность и корысть носятъ имя гражданскихъ доблестей; на-

силіе и святотатство называются служеніемъ вѣры. Для говорящихъ этимъ языкомъ людей, подземные пути и окольныя дороги давно уже замѣнили прямой путь; ложь окончательно изгнала правду. Ложь вошла въ плоть и кровь этихъ женщинъ. Онѣ дадутъ жизнь новымъ поколѣніямъ, которыя въ крови примутъ старую заразу.

Томительный для Іоганны вечеръ кончился; оставшись одна, она долго взвѣшивала каждое слово Густава.

Но Густавъ ни о чемъ уже не думалъ, кромѣ Каси. Она мерещилась ему во снѣ и на яву. Первая минута успокоенія, послѣ перваго признанія, смѣнилась жаркими мечтами, и продѣлки Каси были не такого рода, чтобъ остудить или утолить ихъ.

Касю подстрекалъ самъ демонъ. Ее возмущало согласіе, которое замѣтно входило въ отношенія Густава и Іоганны.

Кася и завлекала неопытнаго юношу, и увертывалась отъ него какъ вьюнъ. Густавъ гонялся за ней до изнуренія, какъ за призракомъ, то являющимся, то исчезающимъ, и уже измученный искалъ успокоенія въ обществѣ Іоганны, всегда для него благотворномъ.

VI.

Въ одно утро, Іоганна сидѣла въ своей комнатѣ, уединясь съ своими завѣтными думами, въ нетерпѣливомъ ожиданіи Густава, который, благодаря набожному чтенію, получилъ право гражданства въ ея покояхъ.

Пріотворивъ двери, она прислушивалась внимательно съ душевнымъ томленіемъ къ отголоскамъ обширныхъ и высокихъ комнатъ, которые повѣстили бы о его приближеніи.

Но во всемъ домѣ была безмолвная тишина. Кася отправилась куда-то въ гости, а съ отъѣздомъ кастеляна, дворня расходилась по своимъ угламъ, какъ будто въ угоду паннѣ, для которой теперь болѣе, нежели когда нибудь, опротивѣли прислуживающіе и заглядывающіе дневальные ожидатели панскихъ приказаній.

Грустная задумчивость Іоганны была прервана какимъ-то страннымъ постукиваніемъ и шорохомъ тихихъ, медленныхъ шаговъ.

Въ дверяхъ показалась преклонныхъ лѣтъ старушка, въ одеждѣ странницы, съ посохомъ въ рукѣ.

Іоганна вздрогнула отъ неожиданности этого явленія. Много бѣдныхъ женщинъ приходило за милостыней въ палацъ кастеляна, многія изъ нихъ имѣли доступъ къ паннѣ; но смиренное, святое выраженіе лица этой старицы не проявляло просящей по-

даянія. Пріятная, благоговѣйная на устахъ ея улыбка и слабый но открытый взоръ, какъ-бы припоминающій давно забытую мѣстность, поразили Іоганну.

Вступая въ комнату и перекрестясь большимъ православнымъ крестомъ на иконы, старица взглянула на изумленную панну и низко поклонилась ей.

— Евпраксія, Петровой Даниловича, княгини Елены Дмитріевны внучка! Ты ли это, государыня моя? спросила она.

— Я внучка княгини, отвѣчала Іоганна, робко смотря на странную посѣтительницу, напоминавшую ей имя, которое она носила до присоединенія къ католицизму.

— Ты ли это, дочка благочестивой баярыни, Марьи Юрьевны, царство ей небесное! продолжала старушка, всматриваясь въ Іоганну.

— Ты знала мать мою? спросила въ свою очередь Іоганна.

— На рукахъ еще малымъ дѣтищемъ держала и къ вѣнцу благословляла, когда выдавали ее въ Кіевѣ за сродственника кіевскаго воеводы, князя Константина Константиновича.

— Да, отецъ мой сродни князю Острожскому.

— Охъ, давно не была я въ этихъ палатахъ! проговорила старица съ глубокимъ вздохомъ.

Іоганна ласково привѣтствовала знакомицу своего семейства, и подвинула ей стулъ.

— Погоди, молвила она:—дай исполнить свято-отческій обычай, сотворить молитовку передъ ликами святыхъ угодниковъ божіихъ, которымъ поклонялись твои дѣды и прадѣды, и древніе княжіе роды ихъ, имущіе на небеси прославленныхъ сродниковъ... Сей ночи было мнѣ грѣшной видѣніе, посѣтить святыню ихъ и принести мое скудное моленіе за нашу братію Свято-Троицкой обители.

Подойдя къ божницѣ, уставленной образами въ богатыхъ окладахъ, передъ которыми горѣла богатая же филограновая лампада, старушка прилѣпила къ ней принесенную съ собою церковную свѣчу и стала креститься и класть земные поклоны.

— Пресвятая Троица, спаси насъ! Іисусе сладчайшій, помилуй насъ! Пречистая Владычице наша Богородице, призри на насъ грѣшныхъ! Святый равноапостольный княже Владиміре, святые мученики Романе и Давиде—блюстители земли русскія; святые мученики: Антоній, Іоаннъ и Евстафій литовскіе, молите Бога милостиваго о устроеніи всего міра и о соединеніи всѣхъ христіанъ во едино стадо!..

Перечисливъ всѣхъ святыхъ, изображенія которыхъ на пред-

стоящихъ иконахъ были ей повидимому извѣстны, она обратилась къ образу Спасителя.

— Пріими, Господи, молитву нашу о своихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣденіяхъ! Незлобиве Господи, смягчи злобу враговъ нашихъ, укрѣпи души наша неоскудѣваемымъ терпѣніемъ, не попусти насъ на прельщеніе благъ земныхъ, губить души наши, измѣняя Богу и завѣту отцовъ, и родной землѣ и народу своему православному, и подаждь намъ помощь понести скорби временныя для жизни вѣчной!

Въ этой произносимой вполголоса молитвѣ, въ выраженіи лица молящейся, высказывался навыкъ богомыслія и безпрерывнаго пламененія души къ Богу.

— Скажи же мнѣ, откуда ты, кто ты, божія старушка? спросила Іоганна, когда она, кончивъ молитву, присѣла на стулъ.

— Кто я? повторила она: — ты меня не припомнишь, и гдѣ жь съ младенческихъ лѣтъ припомнить тебѣ Наталью убогую.

Іоганна слыхала, однакоже, о какой-то юродивой Натальѣ, отдавшей все имѣніе свое виленскому братству и потому прозванной *убогой*.

— Не припомню, проговорила она въ отвѣтъ:—но ты молилась за вѣру моихъ предковъ... за вѣру моей матери, продолжала Іоганна, взволнованная воспоминаніемъ:—и я желала бы знать эту вѣру, которую называютъ схизмой?

Наталья убогая посмотрѣла на нее съ недоумѣніемъ; но Іоганна была живой образъ матери, дитя строго православнаго семейства, и сомнѣніе, которое навелъ вопросъ ея мгновенно исчезло.

— Да, называютъ схизмой! повторила старица, съ благовѣстительнымъ апостольскимъ спокойствіемъ.—По началу и основанію, Господь создалъ одну церковь, одно царство небесное на землѣ, и самъ сдѣлался основаніемъ церкви и краеугольнымъ камнемъ, и самъ во вся дни до скончанія вѣка есть первосвященникъ и глава тѣлу церкви. И знаемъ мы, чада православной церкви, и исповѣдуемъ сію единую, святую, соборную и апостольскую церковь и сего единаго главу ея, и никогда другого не знали и отъ матери нашей не отпадали...

Съ невольнымъ трепетомъ выслушала Іоганна слова, коснувшіяся такъ близко семейныхъ преданій, и въ эту тревожную болѣзненную минуту сердца почувствовала, что въ душѣ ея нѣтъ никакой опоры.

— Скажи же мнѣ, проговорила она съ чувствомъ: — отчего эти порицанія и осмѣянія православныхъ учебницъ, въ которыя превратились палаты князей и бояръ, и гдѣ убогіе чернецы и

клирики поучаютъ вельможъ, поступающихъ на старости лѣтъ въ школьники, чтобы состязаться съ учителями римской церкви?

— Подвизаются братчики наши на защиту матери своей православной церкви противъ враговъ одолѣвающихъ, и Господь избираетъ изъ нихъ орудія по святому своему усмотрѣнію... Младенцамъ ввѣритъ онъ храненіе церкви своей, и они соблюдутъ ее, и не одолѣютъ ея сильные и разумные міра сего...

— Ты много читала и изучила святое писаніе, сказала смущенная Іоганна, чувствуя евангельскій строй рѣчи старушки.

— Не умудрилъ Господь грамотѣ, отвѣчала старушка:—церковь святая пріемлетъ человѣка въ лоно свое отъ его рожденія и поучаетъ до самой смерти, совершая надъ нимъ благодатныя святыя таинства и обряды вѣры его. Храмъ божій есть его ученіе, ежедневно и безвозмездно преподаваемое. Передъ нимъ сіяетъ вѣнецъ лѣта Господня, украшенный неувядаемымъ цвѣтомъ памяти святыхъ подвижниковъ и торжествами великихъ господскихъ праздниковъ, ко срѣтенію которыхъ готовится вѣрующій постомъ и молитвою... Господь одарилъ человѣка свѣтомъ очей и слухомъ ушесъ, да уразумѣетъ поучаемый доброту вѣры, преподанной Спасителемъ, проповѣданной апостолами, устроенной святыми отцами на седьми вселенскихъ соборахъ, хранимой отъ вѣка и до вѣка ненарушимо; и знаетъ наименьшій изъ братій нашихъ святой долгъ соблюсти неоцѣненное сокровище, спасительное наслѣдіе — вѣру отцовъ своихъ, чистою и неизмѣнною до конца временъ и оборонять ее не щадя живота... Сія-то крѣпкая вѣра младенцевъ лежитъ крѣпкимъ основаніемъ православной церкви, и горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ!...

— И эту святую младенческую вѣру моихъ предковъ поносятъ учители, славящіеся мудростію! мысленно воскликнула Іоганна.

Тяжело вздохнула Наталья убогая, и проговорила, какъ будто въ отвѣтъ ей:

— Искушая Спасителя нашего въ пустынѣ и развернувъ передъ очами его всѣ царства и славу ихъ, дьяволъ сказалъ ему: «сія вся тебѣ дамъ, аще падъ, поклонишимися»; но побѣжденный словомъ искушаемаго Бога, съ вящшею злобою отошелъ къ человѣку... и вотъ, нынѣ, дерзающій именовать себя главою церкви, чаетъ владычества своего надъ царствами и народами, и надъ славою ихъ!

Недавній разговоръ съ Густавомъ мгновенно повторился въ памяти Іоганны, и ей представилось все властолюбіе окружающей ее среды: магнаты, вырывающіе власть изъ рукъ короля; шляхта, буйно заявляющая права свои; женщины, преобладающія надъ всѣмъ; іезуиты, подавляющіе всякую власть и въ то же время до-

бровольно и съ религіознымъ восторгомъ подчиняющіе самихъ себя и всю пріобрѣтаемую ими силу верховному властителю, какъ главѣ церкви.

Іоганна задумалась, а старушка пристально всматривалась въ ея черты, и мысль ея привязывалась къ этимъ милымъ чертамъ, нечувствительно отрываясь отъ бесѣды. По свойственной старчеству способности живѣе хранить въ памяти минувшее, она съ изумленіемъ видѣла въ Іоганнѣ покойную мать, и переносилась думой къ ея благочестивому роду.

— Великая милостивица была княгиня Елена Дмитріевна, бабка твоя, царство ей небесное, сказала она: — къ благолѣпію храмовъ господнихъ радивая, нищей братіи повседневная помощница, и по смерти своей она завѣщала монастырю Пресвятой Богородицы три веси. Прошлаго лѣта ходила я, многогрѣшная, туда на поклоненіе, да не велѣлъ Господь порадоваться. Теперь обителью православной управляетъ какая-то ляхиня. Король Стефанъ, самъ невѣрующій, ругается надъ святыней, кощунствуетъ надъ православіемъ, отдаетъ патронаты надъ монастырями нашими своимъ выслужникамъ, да панкамъ промотавшимся, какъ звѣрямъ на расхищеніе; и селятся они въ архимандричьихъ кельяхъ съ женами, и жены ихъ хозяйничаютъ по монастырскимъ подваламъ и амбарамъ, какъ въ своемъ дому. Въ оградѣ помѣщаются псари и псарни; пиры да гости, гусли, да сопелы заглушаютъ богослуженіе; святыя ворота стоятъ настежь, привратникъ бросилъ ихъ, а лучшіе иноки разбѣжались... Не гадала того, что нынѣ дѣется, закрывая свои свѣтлыя очи княгиня, упокой, Господи, душу ея; а уже дщерь ея, твоя родительница, боярыня Марья Юрьевна, чуяла гнѣвъ божій, праведно на насъ движимый... Сподобилъ меня Господь быть при ней въ ея смертный часъ...

Старушка, пріостановясь, перекрестилась.

— Помнишь ли ты, Евпраксіюшка, этотъ великій часъ воли божіей? Запечатлѣлся ли онъ въ твоей памяти? прдолжала она: — помнишь ли, какъ твоя родительница, царство ей небесное! прижала твою головку къ материнскому сердцу? «На кого, говоритъ, оставлю я тебя, сироту, цвѣтикъ мой, отъ корня оторванный, овечка отъ стада отогнанная? передъ тобой — пучины и пропасти; надъ тобой тучи грозныя!... Блюди, говоритъ, дитя мое милое, вѣру свою православную, чти законъ отцовъ своихъ, не будь вѣроизмѣнницей! И стану я молиться за тебя у престола божія». И потребовала она вотъ эту самую икону святой схимонахини Евпраксіи, благословила тебя, и ужь какъ склонила опять голову къ подушкѣ, такъ и не подымала ея болѣе!...

Іоганна слушала, и сердце замирало въ ней... Отступничество

отца и совершонное имъ отторженіе ея отъ православія — это духовное дѣтоубійство, предстали ей во всемъ ужасѣ.

— Съ тѣхъ поръ много скиталась я, убогая, по свѣту; ходила по богомольямъ, и заглохла мнѣ дорога къ твоимъ палатамъ, и не знала я, что съ тобою дѣется. Но сей ночи приснилась мнѣ покойница, раба божія, боярыня Марья Юрьевна, подаетъ мнѣ церковную свѣчу и посылаетъ поставить передъ ликомъ твоего ангела... Вотъ, и исполнила я волю ея.

И старушка встала съ мѣста.

— Храни же тебя Господь! сказала она, прощаясь съ Іоганной: — помни обѣтъ, данный у смертваго одра матери; взирай на эту икону святой Евпраксіи, на родительское благословеніе; проси заступничества преподобной, молись Богу милостивому и пречистой Дѣвѣ Маріи, и поможетъ она тебѣ пройти тяжкія времена скорби... Источникъ премудрости и благодати отверзетъ уста твои и даруетъ душѣ твоей умиленіе и помысламъ твоимъ попеченіе!

И снова подошла Наталья убогая къ божницѣ и сотворивъ крестное знаменіе, поклонилась до земли.

Іоганна внѣ себя, опустилась возлѣ нея на колѣна передъ иконами — благословеніемъ матери и прародителей, и незавѣдомо воскресала въ ней ихъ вѣра.

VII.

Посѣщеніе Натальи убогой произвело глубокое впечатлѣніе на Іоганну; она провела безпокойную ночь и забылась только къ утру. Состояніе души ея отразилось и въ сновидѣніи, которое надолго осталось въ ея памяти.

Ей слышался, сквозь раздающійся звонъ утреннихъ колоколовъ, зовущій ее голосъ Густава... Но вмѣсто Густава подошелъ отецъ. «Вставай, сказалъ онъ:—твоя мать умираетъ; иди, прими ея благословеніе!» И взявъ за руку, привелъ ее въ мрачный склепъ, гдѣ передъ алтаремъ, едва озареннымъ лампадой, стояла вскрытая гробница. Въ гробницѣ лежала, въ вѣнчальномъ платьѣ, женщина подъ покрываломъ. «Вотъ она, моя невѣста!» сказалъ отецъ Іоганны. И онъ подошелъ къ гробницѣ, поднялъ женщину и подвелъ ее къ алтарю. Мерцающій свѣтъ лампады вспыхнулъ, и лица жениха и невѣсты какъ будто загорѣлись во мракѣ подземелья.—Это Кася, это онъ!—хотѣла вскрикнуть Іоганна, узнавъ въ женихѣ Густава; но ужасъ сковалъ ея уста, члены онѣмѣли...

— Пойдемъ, пойдемъ отсюда! послышался тихій, съ высоты, голосъ Натальи убогой. Но въ лицѣ старушки узнала Іоганна

ливъ св. схимонахини Евпраксіи, озаренной сіяніемъ. Взволнованная, съ сильнымъ біеніемъ сердца, очнулась Іоганна, и долго не могла придти въ себя отъ страшнаго сновидѣнія. Едва успѣла она собраться съ мыслями, какъ въ комнату впорхнула Кася, нарядная и веселая, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, уже невѣста.

— Панно! вскрикнула она еще на порогѣ: — скоро праздникъ патронки школъ, святой *мученички* Екатерины!

Іоганна взглянула на нее съ недоумѣніемъ.

— Пора строить наши наряды, пора готовиться до *драмàтовъ* и *діалòговъ*; его милость отецъ ректоръ надѣется, что панна приметъ роль.

— Онъ напрасно надѣется, сухо вымолвила Іоганна.

— Какъ напрàсно?

— Напрасно; потому что я не приму никакой роли.

— Но вѣдь панна принимала прежде.

— То было прежде.

— Вѣдь въ прошломъ еще году представляла панна Руѳь съ ея свекровью Ноеминью.

— И больше представлять уже никогда и ничего не буду.

— Стало быть, и я не буду — сама про себя подумала съ досадой Кася, которая надѣялась, по слѣдамъ своей вельможной панны, также взобраться на подмостки.

— Но тебѣ что за нужда, буду ли я или не буду? спросила, никакъ не подозрѣвая этой претензіи, Іоганна. — Вѣдь отецъ ректоръ не неволитъ тебя до *драмàты*, не присылалъ же онъ пословъ просить тебя?

— Для чего жь просить меня: я и такъ вездѣ могу быть съ панной, самонадѣянно рѣшила Кася.

Она до того освоилась въ домашнемъ равенствѣ съ Іоганной, что случаи, въ которыхъ сама собою выяснялась ихъ неравноправность, приводили ее въ ярость.

Ей въ особенности хотѣлось красоваться въ діалогахъ, устроивавшихся для этого празднованія въ коллегіумѣ іезуитовъ, потому что женщины, по правилу, не могли принимать участія, и іезуитская уступчивость дѣлала исключеніе только въ пользу wielkiego rodu panie, желавшихъ играть роль какой-нибудь Магдалины или «cnoty kardinalney», то-есть верховной добродѣтели. Кася была увѣрена, что превзойдетъ ихъ всѣхъ своей *кардинальной* красотою.

Но не такъ была теперь настроена Іоганна, чтобы забавляться выставкой своей особы и своихъ многоцѣнныхъ нарядовъ и украшеній. На неотвязную прозьбу Каси, она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ.

— Ненавижу я эти процесіи и зрѣлища, затѣваемыя при всякомъ удобномъ случаѣ, сказала она: — не проходитъ дня, чтобъ не было какой-нибудь комедіи на улицахъ Вильно!

— Да кто жь равняетъ тѣ процесіи съ обходомъ патронки школъ, святой Екатерины? вступилась Кася:—пусть панна взглянетъ только на приготовленія. На академицкой площади стоитъ уже престолъ святой *мученички*, на орудіяхъ ея муки, на остромъ колесѣ, на мечахъ и на копьяхъ. Стѣны уже убираютъ расписсными вензелями и вѣнками, для цвѣтныхъ огней. Тамъ будетъ все наияснѣйшее панство.

— И пусть себѣ будетъ тамъ все наияснѣйшее панство.

— Но отецъ ректоръ думаетъ, что панна не откажетъ.

— И пусть онъ себѣ думаетъ, что̀ хочетъ.

— Да какъ же... Пусть себѣ думаетъ?

— Да такъ же.

— И что̀ жь такое сдѣлалось съ панной, что ничто не веселитъ ее и она отказывается отъ удовольствій?

— Всѣ эти веселья и удовольствія мнѣ тоска и мука!

— Но вѣдь для другихъ онѣ не мука?

— А до другихъ какое же мнѣ дѣло?

— Панна знаетъ, что безъ нея мнѣ быть тамъ никакимъ способомъ не можно.

— Что̀ жь мнѣ дѣлать?

— То жь и дѣлать, что паннѣ надо ѣхать.

Такое безцеремонное требованіе на этотъ разъ не понравилось Іоганнѣ.

— Не поѣду! сказала она рѣзко.

Кася готова была расплакаться отъ досады. Она уже давно лелѣяла въ головѣ своей этотъ замыселъ, давно уже утѣшалась мечтою о томъ впечатлѣніи, которое произведетъ на толпу ея наружность и пышный нарядъ, украшенный всѣми драгоцѣнностями изъ сундуковъ панны. Она уже неосторожно похвасталась кое-кому объ этомъ предстоящемъ ей тріумфѣ, и отказаться отъ него было бы тяжко и для менѣе пустой и тщеславной природы.

— Панно, взмолилась она:—для Бога поѣдемъ, моя панно!

— Дай мнѣ по̀кой, Касю! не хочу я твердить тѣхъ діалоговъ, что̀ пишутъ эти семинарскіе витіи, мнѣ они противны!

— А я прошу панну!

— Не проси; проси другое все, что̀ хочешь.

— Моя панно, моя душко!

— Оставь меня! сказала Іоганна, вырывая свои руки, которыя Кася покрывала поцалуями.

— Панно моя, панно, добродѣйка моя ласка̀вая!

— Не говори, не говори мнѣ объ этомъ ничего, я не хочу слушать! проговорила съ сердцемъ Іоганна, уклоняясь отъ докучныхъ лобзаній и объятій.

Кромѣ нерасположенія въ настоящее время къ какому бы то ни было празднованію, святотатный смыслъ именно этого торжества былъ теперь въ высшей степени противенъ паннѣ, и одна мысль присутствовать на немъ была для нея невыносима.

Іоганна знала, что празднество святой Екатерины, патронки школъ, измышлено было по преимуществу съ цѣлію дѣйствовать на дѣтей *иновѣрцевъ*.

Для этого праздника, торжествуемаго іезуитами и бернардинами низшихъ классовъ, дѣти дѣлали складчину на музыку и на маскарадныя одежды. Это былъ дѣтскій праздникъ *дурней*—la fête des fous, избраніе дурацкаго головы, котораго наряжали во всевозможную смѣсь красокъ и блестокъ, и сажали на тронъ, приготовленный заранѣе въ самомъ костелѣ! Эту *элекцію* праздновали школьные ребята, какъ масляницу, весело, шумно, буйно; и неудивительно было, что дѣти такъ называемыхъ *схизматиковъ* и другихъ *вызнаній* плѣнялись такимъ увеселительнымъ набоже́нствомъ.

— Не хочу я, не хочу! повторила Іоганна, такъ рѣшительно, что Кася пришла въ отчаяніе. Принимая отказъ панны не болѣе какъ за причуду, она освирѣпѣла.

— Панна хочетъ сдѣлать мнѣ досаду! сказала она ядовито.

— И не думаю этого хотѣть; ты бредишь, Кася.

— Я не брежу!

— Какъ не бредишь? развѣ ты не знаешь, за какую особенную честь поставляетъ отецъ ректоръ свои приглашенія на *драматы*, и какъ дорожатъ этой честью самыя знатныя магнатки?

— Еслибъ панна только захотѣла, она могла бы доставить мнѣ эту честь, на зло всѣмъ знатнымъ магнаткамъ! сказала Кася, затрогивая слабую струну панны, охотницы дразнить шляхетное чванство.

Но на этотъ разъ уловка не достигла цѣли. Іоганна отрицательно покачала головою.

— Паннѣ весело напомнить мнѣ, что я не могу бывать тамъ, гдѣ можетъ быть панна, и дѣлать того, что́ можетъ дѣлать панна! проговорила Кася, всхлипывая отъ злости.

— Не нахожу я въ этомъ никакого веселья; но удивляюсь, какое удовольствіе находишь ты тянуться за знатью?

— Нахожу; потому что имѣю *гоноръ* и шляхетные вкусы, съ гордостью произнесла Кася: — я хочу держать себя высоко, и ужь унижать себя не стану. Пусть тѣ, у кого вкусъ холопскій, находятъ удовольствіе въ холопской дружбѣ.

Это былъ намекъ не въ бровь, а прямо въ глазъ Іоганнѣ, предпочитающей теперь общество ничтожнаго въ глазахъ Каси семинариста всякому другому; но Іоганна, пожавъ только плечами, не возразила ни слова.

Нѣсколько минутъ онѣ молчали.

— Такъ панна рѣшилась не ѣхать на *драмату*? спросила уже тономъ вызова Кася.

— Рѣшилась, и не поѣду ни за что на свѣтѣ.

Кася усмѣхнулась.

— Погоди же, проговорила она про себя: — съумѣю же и я надосадить тебѣ, моя панна!

Раздраженная отказомъ, Кася рѣшилась жестоко отмстить Іоганнѣ; рѣшилась убить ея душу внезапнымъ, полнымъ разочарованіемъ, и въ свою очередь повеличаться передъ нею, похвалиться такимъ преимуществомъ, за которое панна охотно отдала бы и богатство свое, и знатность. Орудіе было въ рукахъ: ей нетрудно было упоить чувства Густава до безумія, и случай къ тому представился скоро.

Этотъ случай засталъ Густава врасплохъ, въ тяжкую минуту сознанія своей слабости. Такія минуты понятны для бывалыхъ въ цапкихъ ручкахъ съ коготками, когда иной истерзанный говоритъ самъ себѣ: меня дурачатъ, надо мной смѣются, кощунствуютъ надъ святыней чувствъ моихъ! все это я вижу, знаю и, несмотря на то, люблю безумно, глупо, низко, жалко!

— Панно, сказалъ Густавъ, утомленный ловкими увертками и изворотами Каси:—пойми же, какъ я люблю тебя! я хочу посвятить тебѣ всю жизнь свою!

— А что̀ мнѣ въ твоей жизни? подумала Кася, бросивъ на него молча коварный и увлекательный взглядъ.

— Панно, скажи мнѣ одно откровенное, рѣшительное слово! проговорилъ онъ съ новымъ порывомъ чувствъ.

— Рѣшительное слово? повторила Кася:—не всегда въ нашей власти сказать рѣшительное слово.

— Въ чьей же власти? Отъ кого же оно зависитъ?

— Я завишу отъ панны Іоганны.

— Отъ панны Іоганны? Что̀ тутъ панна, къ чему панна? проговорилъ Густавъ съ горькой усмѣшкой.

— Панна моя ласка̀вая добродѣйка, и пусть панъ прежде скажетъ ея мосци, что онъ меня любитъ...

— Любовь по милостивому разрѣшенію ея мосци? Нѣтъ, ты меня не любишь! проговорилъ Густавъ вспыльчиво, затронутый этими словами.

Сердце юноши, казалось, поняло наконецъ равнодушіе Каси, ко-

торое высказывалось въ ея голосѣ, въ ея взорѣ, во всемъ существѣ ея, обаятельномъ, прекрасномъ, но безчувственномъ, какъ камень.

— Ты обманула меня, панна Катарина! Ты сокрушила лучшую мою надежду, самую жаркую мечту всей моей жизни!... Знаешь ли ты, что я люблю тебя съ тѣхъ поръ, какъ сознаю себя! произнесъ Густавъ съ такимъ увлеченіемъ сердца, котораго онъ остановить былъ уже не въ силахъ.—Зачѣмъ я тебя встрѣтилъ и давно не забылъ? зачѣмъ эта новая встрѣча? Для того ли, чтобъ убить сладкія воспоминанія и мечты нѣсколькихъ лѣтъ?...

Кася посмотрѣла на Густава во всѣ глаза, и готова была расхохотаться.

— Ты знаешь ли, продолжалъ Густавъ, упоенный высказываемымъ чувствомъ: — знаешь ли ты, что въ первый разъ, когда я тебя увидѣлъ, когда заглянула ты въ дверь своимъ дѣтскимъ, милымъ взглядомъ, ты рѣшила все!... и для чего же, Боже мой, не остались мы любящими другъ друга дѣтьми на цѣлую вѣчность?...

— Онъ съума сошелъ! подумала Кася.

— Панно, помнишь ли ты то время?... Помнишь ли, какъ ты меня ласкала? Какъ мило смотрѣли мнѣ въ глаза твои очи?... Я желалъ бы и теперь того же самаго взгляда!...

— Это что̀ такое? проговорила Кася, вспыхнувъ, тономъ затронутаго гонора.

— Помнишь ли ты тотъ маленькій домикъ, гдѣ на стѣнахъ были картинки, на окнѣ птица въ клѣткѣ? продолжалъ Густавъ, не обращая вниманія на восклицаніе Каси: — помнишь ли то тяжелое окно, которое мы черезъ силу поднимали?... Помнишь ли, какъ проползла ты въ него змѣенышемъ и ужалила мое сердце?...

— Онъ сошелъ съума! повторила Кася, снова, едва воздерживаясь отъ смѣха и смотря на Густава, какъ на больного, который бредитъ въ жару горячки о какихъ-то домикахъ, картинкахъ и клѣткахъ съ птицами.

— Я не забылъ даже твою сказку о гетманѣ Жарколѣ... Я помню пѣсню, которую ты пѣла! продолжалъ Густавъ, растроганный собственнымъ воспоминаніемъ и готовый напомнить и голосъ и слова пѣсни.

Но Кася уже не выдержала — она разразилась смѣхомъ.

— Ты все забыла! проговорилъ Густавъ съ горькимъ упрекомъ. — Тебѣ все это стало смѣшно!... Ты забыла и то имя, которое мнѣ дала... имя, которое осталось въ памяти моей залогомъ твоей дѣтской первой любви! — И Густавъ схватилъ ея руку съ такимъ порывомъ, съ такимъ взглядомъ, что сердце Каси заколотило въ груди.

— Повтори его теперь, панно! назови меня этимъ именемъ, хоть одинъ еще разъ въ жизни назови своимъ Казмиромъ!

Это имя какъ магическое слово вразумило Касю.

— Ты, Казмиръ? проговорила она, и передъ ней мгновенно воскресли всѣ подробности, затмившіяся въ ея разсѣянной памяти.

— Да, Касю, я Казмиръ! отвѣчалъ Густавъ: — тотъ Казмиръ, котораго ты любила, когда мы были еще дѣти!

— О, мой Казмиръ! вскрикнула вдругъ Кася, всплеснувъ руками и бросаясь къ нему.

— Касю, Касю, люба моя!

— Мой королевичъ! вскрикнула снова Кася, внѣ себя.

— Тс! произнесъ Густавъ, невольно содрогнувшись.

Съ этимъ звукомъ, принявъ его за какое нибудь предостереженіе, Кася, какъ испуганная птица, вспорхнула и скрылась, потерявъ голову отъ восторга.

Густавъ стоялъ въ оцѣпенѣніи тяжелаго раздумья; восклицаніе Каси образумило его, и онъ съ ужасомъ понялъ, что самъ нарушилъ свою роковую тайну.

VIII.

Гроза, висѣвшая уже надъ головою Іоганны, разсѣялась внезапно. Кася уже не думала о своемъ загаданномъ мщеніи; любовь Густава, таинственнаго королевича, подняла ее неожиданно на такую высоту, куда не вознесли бы ее театральныя подмостки драма̀товъ и діалоговъ. Голова ея шла кру̀гомъ.

— Мой королевичъ! повторяла она мысленно, въ какомъ-то одуреньи, и безсознательно подымала руку, какъ будто поправляя на головѣ своей воображаемую діадиму.

Въ порывѣ мечты своей, она, казалось, кланялась сама себѣ, сама передъ собою величалась. Всматриваясь въ висѣвшее на стѣнѣ изображеніе королевы Барбары, облеченной въ багряницу, Кася представляла уже себя на ея мѣстѣ.

Ей чудилась уже золотая подъ балдахиномъ колымага и упряжка гордыхъ коней, съ перьями на челкахъ, въ сверкающей сбруѣ; она уже видѣла себя въ этой колымагѣ, въ торжественномъ шествіи по улицамъ роднаго Вильно, на зависть всѣмъ, кто зналъ ее, на диво всему народонаселенію... И вотъ, въ грезахъ своихъ, подъѣзжаетъ она ко дворцу, передъ ней раскрываются золотыя двери, ее встрѣчаетъ все вельможное панство; но что̀ тамъ, за этими дверями—Кася не можетъ еще представить себѣ ясно.

Хоть и была она однажды въ дѣтствѣ во дворцѣ въ секретовой

палатѣ дольнаго замка, но тогда еще несмышленое дитя, она съ крикомъ и плачемъ рвалась домой, ничего не видя и не замѣчая.

Съ тѣхъ поръ этотъ дворецъ отдалился отъ нея на неизмѣримое пространство, и самыя безумныя мечты ея не проникали въ королевскіе чертоги, которые представлялись ей какою-то сказочною грудою золота, жемчуговъ, алмазовъ и цвѣтныхъ камней, какимъ-то свѣтозарнымъ хаосомъ.

Насытясь предвкусіемъ всѣхъ нежданныхъ негаданныхъ благъ, которыя восхитили ее до неба, она наконецъ взглянула мысленно съ этой высоты на Густава, и какъ будто очнувшись, изумилась: для чего королевичъ таится здѣсь подъ именемъ учня академика?

Но живое воображеніе Каси тотчасъ же напомнило ей всѣ слышанные разсказы о судьбѣ его и необходимости до времени скрываться подъ разными именами отъ злодѣя дяди, похитившаго престолъ. Напомнило и догадки вельможныхъ пановъ, что, вѣроятно, королевичъ таится гдѣ-нибудь подъ чужимъ именемъ, подъ покровительствомъ его святѣйшества, на попеченіи отцовъ іезуитовъ, которые воспитываютъ его и готовятъ на тронъ Швеціи, колеблющійся подъ Іоганомъ, ненадежнымъ католикомъ со времени втораго брака.

— Онъ для меня вошелъ въ домъ панны! объяснила себѣ ликующая Кася.

Въ этихъ мысляхъ застала ее Іоганна, войдя въ комнату.

Блѣдная и задумчивая, сѣла она, облокотясь на столъ. Мысли Іоганны принимали теперь болѣе степенное направленіе; не раздавался въ домѣ ея прежній хохотъ; она стала вникать въ свое положеніе, и казалось, собиралась съ духомъ, чтобъ сдѣлать важный шагъ въ жизни.

Мечты ея были совершенно противоположны мечтамъ Каси; ей хотѣлось не величія, не шума и блеска, а той отрадной тишины, гдѣ звучнѣе раздается истинное счастіе.

Взглянувъ ненарокомъ на Касю, которая разрядилась въ лучшее свое платье, и прохаживалась павой по комнатѣ, она спросила:

— Куда ты собралась?

— Никуда не собиралась.

— Для чего же ты такъ разрядилась?

— Что за разрядилась?

Кася находила теперь дорогое платье, подаренное ей панной, вовсе ненаряднымъ для ея новаго сана; ее даже затрогивало, что панна говорила съ ней попрежнему, какъ съ простой паненкой, Касей Картувной.

*

— Ты сегодня какая-то престранная, Кася!

— Почему-жь я паннѣ кажусь странной?

— Потому, что ты совсѣмъ не та, какою я тебя привыкла видѣть.

— Да я-жь и далеко не та! хотѣла-было фыркнуть Кася, но воздержалась и отвѣчала усмѣшкой.

Іоганна посмотрѣла на нее, и, задумавшись снова, оставила ее въ покоѣ.

— А бывала ли панна въ королевскомъ зàмкѣ? спросила вдругъ Кася, помолчавъ нѣсколько времени.

Этотъ вопросъ удивилъ Іоганну.

— Для чего понадобилось тебѣ знать, бывала ли я въ королевскомъ зàмкѣ?

— Въ королевскомъ зàмкѣ, всѣ вельможные паны рады и рыцарство передъ наияснѣйшемъ *крулемъ*, все одно что *хлопы*, проговорила съ ликующимъ видомъ Кася.

Іоганна остановила на ней свои большіе глаза съ изумленіемъ, не понимая, съ чего ей пришли въ голову эти сравненія, и не сказала ни слова.

Мысли Іоганны уносились въ далекій край, гдѣ бы можно было жить спокойно, и укрыть отъ чернаго глаза свое счастье. О странахъ земного шара панна немного знала; она слыхала о новомъ свѣтѣ; но туда ѣздятъ только за золотомъ, тамъ люди пожираютъ другъ друга; по разсказамъ путешествовавшихъ за границею магнатовъ, всѣ западныя европейскія государства казались ей продолженіемъ Литвы и Польши, поприщемъ раздора и борьбы между іезуитами и *лютрой*; не туда тянуло ея сердце: ей хотѣлось бѣжать въ заповѣдную землю, недоступную для этихъ соблазновъ и неистовствъ, такъ часто поражавшихъ ужасомъ ея воображеніе. Туда неслись мысли Іоганны въ эту минуту; но Кася прервала ихъ снова докучнымъ восклицаніемъ.

— Панна, сколько стòитъ самое дорогое въ свѣтѣ платье?

— Какое платье?

— Такое, чтобы оно горѣло какъ жаръ, какъ солнце, чтобы складки его струились, какъ вода, чтобы алмазы, перлы, самоцвѣтные камни, разсыпаны были на немъ, какъ звѣзды по небу...

— Не знаю я, сколько стоитъ такое чудное платье.

— А желала бы панна имѣть такое платье?

— Нисколько не желала бы.

— Быть не можетъ!... А желала бы панна имѣть такой зàмокъ, чтобы въ его каждой ѝзбѣ, каждый уголъ смотрѣлъ бы алтаремъ костельнымъ?

— И въ мысль никогда не приходило желать такого волшебнаго за̀мка.

— Панна говоритъ неправду! Чтобъ не любить перловъ и алмазовъ, надо родиться слѣпымъ; чтобы не любить великолѣпныхъ палацовъ, надо родиться *быдломъ*.

Это сильное сравненіе нѣсколько озадачило Іоганну.

— Всякій любитъ то, что̀ любитъ, сказала она:—*быдлу* гораздо удобнѣе въ своемъ хлѣвѣ, птицѣ пріятнѣе вить гнѣздо въ лѣсу, чѣмъ сидѣть въ золотой клѣткѣ... Ты ничего не понимаешь, Касю; повѣрь мнѣ, что пышные за̀мки—тѣ же золотыя тюрьмы, а наша роскошь—кандалы и цѣпи, которыя налагаетъ на насъ гордость. Богъ создалъ рай для человѣковъ не изъ перловъ и алмазовъ, онъ не строилъ для него золотыхъ за̀мковъ... И не хочу я сверкать въ очи людямъ золотой одеждой, не хочу жить въ палацахъ, гдѣ каждый уголъ смотритъ элтаремъ костельнымъ. Шумные пиры этихъ за̀мковъ мѣшали бы мнѣ проглотить спокойно простой кусокъ хлѣба; устремленные на меня отовсюду взоры смущали бы меня и давили.

— А я люблю, чтобъ на меня смотрѣли люди, перебила Кася:—я люблю, когда за пышнымъ столомъ пируютъ гости; сердце прыгаетъ тогда во мнѣ, и голова кружится такъ пріятно! Я хочу, чтобъ мнѣ вездѣ былъ почетъ и всякое *шанова̀нье*, чтобъ всѣ меня хвалили и величали; я хочу, чтобы у меня было все, что̀ только есть великолѣпнѣйшаго въ мірѣ, и чтобы самые богатые и знатные паны не были меня богаче и знатнѣе!...

— Ты хочешь жить въ за̀мкѣ королевскомъ и носить корону!

— Хочу! крикнула въ неистовомъ, безумномъ восторгѣ Кася. Лицо ея было страшно въ эту минуту, она казалась помѣшанной.

— Касю, тебя обуялъ дьяволъ! сказала, глядя на нее съ нѣкоторымъ страхомъ, панна.

Въ это самое время Густавъ, титулъ котораго сводилъ съума тщеславную Касю, сидѣлъ въ убогой своей коморкѣ въ крайнемъ волненіи. Густавъ и не подозрѣвалъ, какой пожаръ зажегъ онъ въ этой бѣдовой головѣ. Его тревожила мысль, что роковая тайна его можетъ огласиться, что въ порывѣ страсти онъ довѣрилъ ее ребенку... Этотъ страхъ отравлялъ счастливѣйшій мигъ любви его.

«Боже»! думалъ онъ: «если одно неосторожное слово сорвется съ языка ея, отзовется подъ сводами св. Яна, потрясетъ мозгъ братоубійцы, тогда нѣтъ казни, которой бы не могъ я ожидать отъ его подозрѣній».

До сихъ поръ, при всей своей прозорливости, отецъ ректоръ

былъ увѣренъ, что Густавъ не знаетъ о своемъ высокомъ происхожденіи.

Впродолженіе столькихъ лѣтъ, ни однимъ словомъ, ни малѣйшимъ намекомъ, юноша не подалъ повода къ подозрѣнію; такъ искусно и твердо выдерживалъ онъ всѣ пытанія и допросы, и вдругъ эта многолѣтняя осторожность могла быть нарушена мгновенно неосторожностію Каси.

Густавъ придумывалъ средство, какъ можно скорѣе увидѣться наединѣ съ Касей, чтобъ объяснить ей всю важность храненія этой тайны; но нетерпѣливое желаніе его успѣла уже предупредить еще болѣе нетерпѣливая Кася.

Она уже успѣла обдумать всѣ средства и всѣ возможности къ свиданію.

— О, мой королевичъ, пане мой милый, наияснѣйшій! обольстительно воскликнула она при первомъ случаѣ, когда они были одни.

— Тише, Касю! молчи мое сердце, не величай меня этимъ несчастнымъ титуломъ!

— Душа моя величаетъ тебя! ты мой, мой дорогой Казміръ, мой королевичъ Густавъ! долго я ждала тебя, долго терпѣла униженіе; но теперь, ты возвысилъ меня надъ всѣми, королевичъ мой, пане мой ласкàвый!

— Ради милосерднаго Бога, молчи!...

— Для чего молчать? прервала Кася:—отъ кого намъ скрывать любовь нашу? я всѣмъ скажу, что люблю тебя, моего королевича! Люблю передъ цѣлымъ свѣтомъ!

— Касю! проговорилъ Густавъ, взволнованный безумной настойчивостію ея:—если кто нибудь услышитъ мое имя, мы погибли!... Ты меня болѣе не увидишь!

Кася вздрогнула отъ этой угрозы; она смолкла, но смотрѣла съ недоумѣніемъ на Густава.

— Касю, продолжалъ онъ страстно:—моя люба, для тебя я не королевичъ, я твой Казміръ, который любитъ тебя такъ, какъ ты сама любить не умѣешь. Провидѣнію было неугодно оставить меня жить въ томъ состояніи, въ которомъ я родился: оно опредѣлило мнѣ низкую долю — въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой; и я покорно принималъ и принимаю это опредѣленіе, никогда не погрѣшилъ я ни однимъ ропотнымъ словомъ... И какъ же щедро вознаградила меня судьба тобою, моя Кася, за мое долготерпѣніе!... Ты мое богатство, ты моя корона, ты моя честь и слава, и другаго ничего не хочу я, ничего другаго мнѣ не нужно!...

Это сердечное изліяніе Густава поразило Касю; такое смиреніе было ей недоступно, она не могла принять его за истинное.

— Онъ таится передо мною, онъ испытываетъ меня, онъ хочетъ, чтобы я, какъ панна Іоганна, любила въ немъ холопа, академическаго *жебрàка!* онъ хитритъ передо мною! сказала себѣ Кася и рѣшилась перехитрить его.

— О, мой пане! вскрикнула она, обвивъ его руками:—я люблю тебя, кто-бъ ты ни былъ. Ты мой Казмиръ, ты жизнь моя! ты мое счастье! ты свѣтъ очей моихъ, безъ тебя нѣтъ для меня счастья, безъ тебя не хочу я жить на свѣтѣ!

Густавъ былъ въ полномъ восторгѣ.

И съ этихъ поръ они часто видѣлись тайно. Кася рѣшилась убѣдить Густава въ любви своей несомнѣнно; нѣсколько счастливѣйшихъ дней промелькнули для него однимъ мигомъ.

Когда Кася увѣрилась, что узы ихъ крѣпки, она начала свои пытанія.

— О, мой коханый, сказала она, чаруя его голосомъ и взглядомъ:—долго ли буду я еще прислужницей панны Іоганны?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Густава.

Судьба пріучила его, какъ скитальца, жить со дня на день, отклонять отъ себя всякую мысль о будущности; и теперь, въ самомъ пылу страсти, онъ былъ менѣе нежели когда нибудь способенъ размышлять о томъ, что̀ будетъ съ нимъ и съ его любовью.

— Всегда ли? повторилъ онъ задумчиво:—я не знаю...

— Не знаешь?... Но я не хочу долѣе оставаться въ ея домѣ, возьми меня къ себѣ! проговорила Кася рѣшительно.

— Ты желаешь раздѣлить со мною убогую мою долю? радостно воскликнулъ Густавъ:—ты хочешь довольствоваться моимъ скуднымъ кускомъ хлѣба? Касю, моя Касю, чѣмъ кромѣ любви воздамъ я тебѣ за такую жертву?...

Это дешевое воздаяніе за жертву и страстныя изліянія чувствъ, высказанныя слишкомъ искреннимъ голосомъ, показались Касѣ невыносимо смѣшны и пошлы.

— Не вѣчно же ты будешь въ этомъ нищенскомъ положеніи! проговорила она съ самоувѣренностію:—ты... королевичъ, законный наслѣдникъ престола!

— Ахъ, оставь, брось надежду на это наслѣдіе, моя люба: имъ давно уже владѣютъ другіе, и пусть владѣютъ, сказалъ Густавъ съ простодушнымъ, безпечнымъ чувствомъ.

Кася поблѣднѣла.

— Касю! Касю! продолжалъ восторженно Густавъ:—ты собой освѣтишь какъ солнце мое бѣдное жилище; ты удвоишь мои

силы для работы; ты будешь вдохновлять и поощрять меня, мое сердце! И кто знаетъ, опытъ за опытомъ, и я могу сдѣлать важнѣйшія открытія въ наукѣ... Знаешь, Касю, еслибъ теперь были у меня въ рукахъ мои драгоцѣнныя, погибшія невозвратно рукописи великаго учителя, я бы съ помощію ихъ могъ пріобрѣсти славу великаго ученаго, можетъ быть, страшныя богатства, которыя сложилъ бы къ ногамъ твоимъ, моя радость!

Кася усмѣхнулась ѣдкой усмѣшкой.

— Какіе тамъ великіе ученые! сказала она съ негодованіемъ, дрожащимъ голосомъ. — Твой долгъ и передъ самимъ собой и передъ всѣми возвратить то, что̀ принадлежитъ тебѣ по праву, чѣмъ завладѣли враги твои. .

— Касю! прервалъ съ тяжелымъ чувствомъ Густавъ:—знаешь ли ты, кто враги мои?

— Знаю! врагъ твой похититель престола отца твоего, король—твой дядя...

— Касю! отъ короля, дяди моего, я могу ждать только тюрьмы и плахи! Я свободенъ и живъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не знаетъ о моемъ существованіи, пока онъ увѣренъ, что меня, на днѣ морскомъ, давно съѣли рыбы!... Касю! выкинь изъ головы несбыточную мечту и люби во мнѣ простого смертнаго, для котораго ты дороже царствъ, дороже всего въ мірѣ!

Но разочарованіе было сверхъ силъ Каси; кровь вскипѣла въ ней, и, какъ будто спохватившись, она вырвала руку свою и ушла.

— Что̀ это значитъ? проговорилъ Густавъ, осматриваясь кругомъ. Глубоко вздохнулъ онъ; но въ этомъ вздохѣ былъ еще отголосокъ полнаго счастія.

IX.

Воображеніе Каси не вмѣщало, понятія не сознавали высказаннаго Густавомъ самоотверженія.

Въ ней вскипѣла цѣлая буря.

— Онъ меня морочитъ! Онъ продолжаетъ меня испытывать! твердила она озлобленно, упрямо не довѣряя словамъ его, подозрѣвая въ нихъ обманъ и замыслъ. — Какихъ еще доказательствъ въ любви моей нужно ему?. . Дразнить меня своимъ королевскимъ титуломъ и совать въ руки нищенскую суму!... Шведъ гнусный!... Знаю я тебя, нароженаго отъ низкой челядинки, но знаю и то, для чего нянчутся съ тобой наши *отцы закону!*... Не смущай же, не мучь меня своимъ лживымъ униженіемъ!

Въ этихъ изступленныхъ думахъ прошла ночь, прошелъ и день.

Передъ вечеромъ, угрюмая, вошла Кася въ покой Іоганны и раскинулась на диванѣ.

— Ты нездорова? ты бы пошла и отдохнула, сказала Іоганна, видимо тяготясь ея присутствіемъ. Открытая на аналоѣ книга напомнила Касѣ, что вмѣсто вижильи, сегодня панна ожидаетъ чтеца. Снѣдаемая злобой, Кася вспыхнула, и вскочивъ порывисто съ дивана, выбѣжала изъ комнаты. Глаза ея заблистали, какая-то дикая мысль нахмурила ей брови и заторопила ее.

Черезъ нѣсколько мгновеній, въ накинутой въ полрукава шубкѣ, она уже стояла близь угла ограды палаца, какъ на сторожѣ.

— Павушка-сударушка, золотыя перушки! Что́ призадумалась? раздался подлѣ чей-то нетвердый голосъ.

Кася вздрогнула. Передъ ней остановился Петръ Зубцовскій, заглядывая въ глаза.

Онъ видимо радъ былъ празднику, и гдѣ-то справилъ канунъ.

Она бросилась отъ него вдоль по улицѣ.

— Куда? или не узналъ я козырную кралю по походкѣ! крикнулъ онъ, преслѣдуя ее. — Какъ же это? Ваша кастелянская милость по нашему пѣхтурой... или у стараго суженаго жить неприврльно?... Чай, ходишь въ золотѣ, сережки ушки обжигаютъ, перстеньки въ три поля сіяютъ?

Взволнованная и растерянная Кася перебѣжала на другую сторону улицы.

— Постой утушка, постой сѣрая, дай словечко молвить!

— Поди прочь! крикнула Кася.

— Куда прочь, свѣтикъ мой? Давнымъ-давно не видалъ тебя... съ того самаго утра, какъ панъ Ярошъ, на паперти костельной, окатилъ-было, помнишь?

Кася гнѣвно сверкнула глазами.

— А заступился же тогда за твою милость закадычный мой другъ, панъ академикъ золотыя кудри... Откуда что̀ взялось! знать, опутали сокола твои опутинки?...

— А ты знаешь его? спросила вдругъ Кася, пріостановясь.

— Кого? его-то? Какъ не знать! мы съ нимъ ровня ровная, голь непроходная!

— Ты знаешь, кто онъ такой?

— Онъ-то? Его вельможная-то милость? чай, тоже, бабушки сивой вороны внучекъ!...

Каждое шутовское слово Петра коробило Касю.

— Гдѣ живетъ этотъ вороній внучекъ? спросила она вдругъ.

— Гдѣ? въ высокихъ хоромахъ! красное дупло крыльцомъ на болото, отвѣчалъ Петръ, путая слова. — Изволишь, провожу вашу милость? въ кои-то вѣки и я пригодился тебѣ!

— Поди, отстань!

— Вѣдь недалёчко: на жидовской улицѣ, у рыжаго Юськи въ корчмѣ...

— На жидовской улицѣ! вскрикнула пораженная Кася.

— Что-жь? А ты улицей сѣрой утицей, черезъ топкую грязь перепёлицей!

И Петръ, переваливаясь съ боку на бокъ по утиному, переступалъ, какъ говорится, съ жердочки на жердочку.

— Живетъ на жидовской улицѣ! повторяла оторопѣвшая Кася, начиная съ ужасомъ убѣждаться, что ея королевичъ такой же самозванецъ, какъ и мнимый Грабе Осовецкій.

— А что̀, побаиваешься?... Небойсь, лебедушка, старый по̀шлетъ не дошлется, а и до̀шлется—не до̀ждется; хоть и до̀ждется—не доспро̀сится, хоть доспросится—не промолвится!

— Слушай, панъ! проговорила Кася дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — скажи мнѣ святую правду, знаешь-ли ты, кто онъ таковъ?

Петръ не домекалъ, чего добивалась отъ него панна Картувна.

— А-ль съ дружкомъ не въ совѣтѣ? Видно, милъ не уважилъ, неправдою зажилъ?

— Говори мнѣ, кто онъ, я хочу знать! нетерпѣливо повторила Кася.

— А кому-жь ему быть? знаемо дѣло: одного сукна епанча: деремъ полы, латаемъ локти... тянемъ сиротскую тягу на чужой сторонѣ; а чужая сторона не родная мать—злая мачиха: чернавелика баба-яга, желѣзные ро̀ги, косматыя ноги, носъ окованый, хвостъ оторваный! проговорилъ нараспѣвъ Петръ въ по̀л-смѣха, въ по̀л-горя.

Но Кася, казалось, вполнѣ уже удовлетворилась его отвѣтами на допросы свои. Порывисто бросилась она въ сторону и торопливо пошла назадъ.

— Куда? крикнулъ Зубцовскій, пустившись за ней въ погоню.— А мой-то спросъ безъ отповѣди? Когда-жь честнымъ-то пиркомъ да за свадебку?... За стараго, или за мла̀даго?... Ты младому угоди: постелюшку постели, изголовьичко повысь, одѣялечко пошырь; а старому угоди: стели въ три ряда каменья, да прикрой бороной — напѣвалъ Петръ, не отставая отъ Каси.

Но она оглянулась на него такой волчицей, что его невольно пошатнуло въ сторону. Когда онъ снова направился на путь и посмотрѣлъ ей во слѣдъ, Кася была уже далеко.

Не доходя до кастелянскихъ палатъ, она остановилась у боковой калитки, прислонилась къ стѣнѣ, и съ трудомъ переводя духъ, озиралась во всѣ стороны.

Голова ея горѣла. Какъ черепаха въ баснѣ, поднятая гусями до облаковъ, она рухнулась съ высоты; но раздраженныя чувства напоминаніемъ обмана Яроша, казалось, готовились разорвать новаго обманщика на части.

Между тѣмъ, задумчиво и медленно, опустивъ глаза въ землю, шелъ Густавъ, по приглашенію Іоганны.

Онъ уже приближался къ воротамъ кастелянскаго палаца.

Сверкающими глазами всматривалась Кася изъ засады на свою жертву.

— Стой! вскричала вдругъ она зловѣщимъ голосомъ, схвативъ Густава за руку.

— Касю! это ты? проговорилъ изумленный Густавъ, едва узнавая ее, и чувствуя порывы силы, съ которой она увлекала его за собой.

— Касю! повторилъ Густавъ, съ недобрымъ предчувствіемъ:— скажи мнѣ, что̀ съ тобой?

Кася молчала; но вдругъ, остановясь и не выпуская его изъ рукъ, зарыдала съ разрывающими душу стонами.

— Что̀ это значитъ? спросилъ онъ: — Кася! не плачь такъ страшно!

— Лжецъ! Обманщикъ! вскричала изступленно Кася.—Сгубилъ, такъ и убей меня, съ жидовской улицы... корчемный королевичъ!

Не постигая причины этихъ неистовыхъ укоровъ и отчаянія, Густавъ стоялъ безмолвенъ и смотрѣлъ съ ужасомъ на возрастающее изступленіе Каси.

— Бродяга! Нищій! вздумалъ разыгрывать передо мной принца! крикнула она снова, задыхаясь и охмѣлѣвъ отъ озлобленія.

Густавъ вздрогнулъ, какъ будто переворотилось въ немъ сердце; вырвавъ руку, онъ отступилъ отъ нея съ отвращеніемъ.

— Постой, постой! скажи, что ты не обманулъ меня! проговорила вдругъ Кася, умоляющимъ, томнымъ голосомъ, бросясь къ нему и протягивая руки: — скажи, увѣрь меня, что ты мой, мой королевичъ, зарученный, коханый мой!

Но этотъ внезапный переходъ отъ безумнаго изступленія къ льстивой нѣжности ужаснулъ Густава болѣе всѣхъ проклятій.

— Тебѣ нуженъ не я, а королевичъ!

И онъ оттолкнулъ ее отъ себя.

Руки Каси опали, дикій взоръ преслѣдовалъ удаляющагося Густава, дрожащія губы что-то шипѣли.

X.

Этотъ самый вечеръ провела Іоганна въ тоскливомъ и томительномъ ожиданіи Густава.

Въ первый еще разъ не явился онъ на ея приглашеніе, на убѣдительное приглашеніе непремѣнно быть у нея въ навечеріе семейнаго праздника — дня ея рожденія. Въ этотъ день, сказала она ему, я желала бы возродиться душой.

Іоганна припомнила эти слова свои.

— Понялъ-ли, слышалъ-ли онъ ихъ? спросила она сама себя.

Недоумѣніе, раздѣлявшее ихъ, сдѣлалось окончательно для нея невыносимо.

— Самъ онъ никогда не сознáется мнѣ! Онъ считаетъ меня недоступной для своего счастія! твердила мысленно, обаянная самообольщеніемъ Іоганна, и рѣшаясь высказать сердце свое Густаву.

Но прождавъ понапрасну до поздней ночи, панна склонила удрученную головку на подушку дивана и не замѣтила прокравшейся въ полумракѣ къ ея изголовью, не менѣе удрученной отчаяньемъ Каси.

Слабый свѣтъ лампады, горѣвшей передъ кивотомъ образовъ, озарялъ глубокую думу на челѣ Іоганны; мерцающій лучъ ударилъ и на лицо Каси и обличилъ страшное состояніе ея духа.

— Кася, чтò съ тобой? спросила Іоганна, взглянувъ на нее ненарокомъ.

— Ничего!

— Но ты что-то не въ себѣ?

— Я? ни мало.

— Ты какъ будто что-то хочешь сказать мнѣ?

— И не думала!... Такъ, скучно! грустно!... Я бы на мѣстѣ панны поѣхала въ Краковъ.

— У тебя каждый день новыя желанія. Давно-ли желала ты остаться здѣсь, красоваться въ драматахъ, желала золотыхъ палатъ, алмазныхъ платьевъ...

— Мало ли чего бы я желала; но судьба судила мнѣ сидѣть въ темномъ углу съ гардеробянками панны, покуда панна моя величается передъ цѣлымъ свѣтомъ.

— Нѣтъ, постой, пожди, Касю, моя люба, сказала Іоганна съ озарившимся внезапно взглядомъ: — одинъ разъ только повеличаюсь я передъ свѣтомъ. Вся Литва заговоритъ обо мнѣ, всѣ напыщенныя пани застрекочутъ сороками, всѣ великолѣпные паны шляхта заахаютъ, подымутъ тревогу; и изъ-за чего?... изъ-за того, что панна твоя выйдетъ замужъ... за того, кого любитъ!

Съ изумленіемъ и ядовитой усмѣшкой посмотрѣла Кася на Іоганну.

— Панна можетъ кому угодно приказать на себѣ жениться,

что̀ жь тутъ за чудо; чему тутъ ахать и дивиться? прибавила она колко, но не уязвила сердца Іоганны, полнаго вѣры въ свое счастіе.

— О, будетъ чему подивиться, вскрикнула она, забывчиво высказывая свою думу:—будетъ чему подивиться, когда дѣвчина, на которую они смотрятъ, какъ коршуны на добычу, бѣжитъ отъ нихъ спасать любовь свою туда же, куда бѣжалъ спасать свою вѣру нашъ родичъ, князь Мстиславскій!

— Въ Московщизну! нагло проговорила Кася:—если холопская вѣра ищетъ тамъ спасенія, то какую же любовь бѣжитъ панна укрывать туда отъ глазъ людей?...

Іоганна вспыхнула, но не сказала ни слова, раскаяваясь въ душѣ, что дала волю сердечному своему изліянію передъ Касей, завистливую ненависть которой она стала понимать въ минуты своей обдуманности.

— Прощай, сказала уже холодно Іоганна, уходя за занавѣсъ своей спальни.

— Доброй ночи! проговорила Кася, провожая ее злобнымъ взглядомъ.

Нетвердой, по обычаю, поступью пошла и она въ свою комнату, и бросилась въ постель.

Но не сна и успокоенія искала Кася.

Судорожно содрогалась она отъ черныхъ мыслей, которыя бродили у ней въ головѣ. Ей представлялся убѣгающій отъ нея нищій ученъ, который насмѣялся надъ нею... Она вздрагивала всѣмъ тѣломъ, воображая, что онъ торопится разгласить сорванцамъ товарищамъ, панентамъ академіи, о своихъ продѣлкахъ съ нею, какъ тотъ Ярошъ Осовецкій... Ей представлялся уже и старый кастелянъ, который гнѣвно велитъ гнать ее изъ своего палаца. «А постыдная дочь твоя?» прошипѣла какъ будто въ отвѣтъ ему Кася: «а вельможная твоя панна Іоганна? Этотъ гнусный *гндекъ* не мой, а ея коханый! онъ только измѣнилъ ей!»

Но на отцѣ Іоганны остановилась послѣдняя мысль Каси. Она вдумывалась: медлить уже не время, пора прибѣгнуть къ послѣдней надеждѣ, къ попыткѣ въ конецъ омрачить неясный смыслъ его мосци, и такъ или иначе откупиться отъ бѣды.

Первая надуманная забота Каси состояла въ томъ, чтобъ отвести тучу подозрѣній на голову Іоганны, и она избрала орудіемъ своимъ пани Симонѝву, которая съ перваго пріема не взлюбила Густава и всегда качала головой во слѣдъ ему, когда онъ, не обращая вниманія ни на нее, ни на шляхетную дворню, проходилъ смѣло по заламъ палаца.

— Я остерегала ея милость, моя пани, нашептывала ей

Кася.—Для нашей ласкавой панны, я приняла бы весь стыдъ на себя; пусть люди говорятъ, пусть думаютъ, что этотъ жебракъ посѣщаетъ нашу каменицу меня ради.

Пани Симонова выслушивала Касю, качая по обычаю головою, и въ свою очередь передавала всѣ опасенія за Іоганну кастелянскому капеллану отцу Іосифу, угрюмому старцу, который, повидимому, принималъ ея нашептыванія равнодушно.

— А теперь бы, моя пани, говорила Кася: — надо бъ было, чтобы панна ѣхала скорѣе въ Краковъ. Ужь знаю я, что ея мосць что-то недоброе замышляетъ...

— Такъ, такъ, моя паненко, ей надо ѣхать въ Краковъ: здѣсь и отецъ Іосифъ ничего не поможетъ, а какъ натворитъ какихъ химеръ та баламутная дѣвчина, тогда всѣ мы будемъ въ отвѣтѣ передъ паномъ, заключала стара пани.

И эти уговоры ѣхать въ Краковъ Кася усиливала со дня на день и настойчиво мучила панну своими убѣжденіями скорѣе сбираться въ путь.

— Всѣ уже уѣхали, толькы мы однѣ остаемся здѣсь, твердила ей Кася.

— А для чего намъ спѣшить за всѣми? спрашивала Іоганна, готовая хоть вовсе не ѣхать.

— Какъ зачѣмъ спѣшить? Его милость ждетъ уже панну.

— Чѣмъ долѣе будетъ ждать насъ его милость, тѣмъ больше обрадуется нашему пріѣзду.

— Панна вѣчно утѣшается чужой досадой!

— Напрасно ты печалишься, что его милость досадуетъ на разлуку съ нами: у пановъ Рады теперь такъ велики заботы, что имъ нѣкогда тосковать по насъ.

— Но, по крайней-мѣрѣ, намъ пора уже наконецъ растосковаться! проговорила раздражительно Кася.

— Не понимаю, что̀ сдѣлалось съ тобой? откуда напала такая тоска, и о чемъ такое сокрушеніе? усмѣхнувшись, спросила Іоганна.

Досада выступила слезою на глазахъ Каси.

Іоганна изумилась, взглянувъ на нее.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ встосковалась она по старомъ татунѣ?» подумала панна.

— Касю, сказала она ей въ утѣшеніе: — ты отправишься въ Краковъ впередъ съ моими вещами, и озаботишься устроить все къ моему пріѣзду; а я буду вскорѣ за тобой.

Кася улыбнулась изъ-подъ хмары, и Іоганна уже не сомнѣвалась въ нелживой привязанности ея къ отцу.

Въ эту минуту неожиданно показался въ дверяхъ Густавъ.

Разразившаяся надъ нимъ буря не сразу убила любовь его. Въ разбитомъ сердцѣ его осталось еще недоумѣніе, какъ искра, которую откровенное объясненіе съ Касей могло раздуть снова въ пламень.

— Пане! вскрикнула радостно Іоганна.

Но сердце уже замерло въ груди Густава. Онъ видѣлъ злобу и холодъ, выразившіеся на лицѣ Каси.

Іоганна, не замѣчая ничего, молча глядѣла на юношу. На ея прекрасныхъ, томныхъ отъ долгой думы глазахъ выступила вся душа. Она была въ томъ состояніи, когда становится нестерпимо тяжело, и когда уже необходимъ какой-нибудь исходъ страдающимъ чувствамъ.

— Пане, повторила Іоганна, опомнясь съ какимъ-то дѣтскимъ порывомъ: — поѣдемъ вмѣстѣ кататься по саду въ каріолкѣ... панъ еще не видалъ, какъ я умѣю править конемъ... Въ одну минуту все будетъ готово. И, не дождавшись отвѣта, она выбѣжала въ уборную.

— Одно слово! проговорилъ тихо Густавъ къ Касѣ, которая намѣревалась выдти вслѣдъ за панной.

— Что̀ пану? спросила она грубо.

— Послѣднее рѣшительное слово!

— Мое послѣднее слово: я не знаю тебя, и ты не знаешь меня!... дай мнѣ пѝкой, бѣсовъ королевичъ! сказала Кася, выходя и не взглянувъ на Густава.

Онъ стоялъ блѣдный и смотрѣлъ на двери; ему казалось, что въ нихъ провалился демонъ.

— Ѣдемъ, пане! раздался нѣжный голосъ Іоганны.

Свѣтлый, живительный взоръ ея блеснулъ ему въ глаза.

Глубоко вздохнувъ, Густавъ молча повиновался.

У крыльца стояла одноколка, запряженная бѣлымъ конемъ чистой арабской породы, ручнымъ какъ ягненокъ, знающимъ голосъ и поводья своей хозяйки.

Панна обвила свои руки шелковыми возжами, посадила подлѣ себя Густава, и они помчались. Іоганна была счастлива и не замѣчала волненія юноши, которому въ эту минуту какъ будто сообщалась злоба и ненависть Каси. Онъ дрожалъ и готовъ былъ вспыхнуть отъ малѣйшаго повода.

Обѣжавъ по всѣмъ алеямъ рысью, Іоганна пріостановила коня, и посмотрѣвъ прямо въ глаза Густаву, сказала:

— Пане, правда, что счастіе въ рукахъ нашихъ, что оно зависитъ отъ насъ самихъ?

— Нѣтъ, оно зависитъ не отъ насъ, оно невзнузданный конь,

сказалъ Густавъ, горько улыбнувшись и дѣлая надъ собою усиліе, чтобы говорить

— Я этого не понимаю, сказала Іоганна:—не понимаю, можетъ быть, потому, что я была всегда независима, прибавила она, подумавъ.

— Свобода панны — воображаемая свобода; независимаго и свободнаго человѣка не существуетъ въ мірѣ, сказалъ Густавъ.

— Нѣтъ! я чувствую свою свободу, потому что выборъ моего жребія отъ меня зависитъ.

— Панна имѣетъ отца.

— Отецъ никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ моей свободы.

— Въ такомъ случаѣ панна зависитъ отъ всѣхъ и отъ всего на свѣтѣ: отъ обстоятельствъ, отъ здоровья, отъ расположенія своего духа, отъ мгновенной причуды, отъ положенія въ свѣтѣ, и наконецъ, отъ мнѣнія людей, проговорилъ Густавъ съ болѣзненнымъ чувствомъ.

— Такъ я сейчасъ же докажу пану, что̀ значитъ для меня мнѣніе людей! сказала панна, обративъ вниманіе только на послѣднее возраженіе.

И она повернула коня къ брамѣ и пустила его лётомъ вдоль по Святоянской улицѣ. Іоганна гордо окидывала взоромъ всѣхъ встрѣчныхъ, которые смотрѣли на нее съ изумленіемъ. Въ этомъ безразсудномъ поступкѣ высказывалось страстное чувство; но Густавъ не могъ оцѣнить его. Служить зрѣлищемъ праздной толпы было для него невыносимо; онъ выхватилъ изъ рукъ панны возжи, и съ опасностію опрокинуть каріолку, неопытной рукою направилъ ее снова къ воротамъ палаца, близь которыхъ едва не сбилъ съ ногъ прохожаго, шедшаго пошатываясь мимо.

Перевернувшись на мѣстѣ отъ толчка, пѣшеходъ, у котораго на спинѣ была дорожная сумка, остановился и проворчалъ въ сердцахъ какую-то латинскую фразу.

— Amice Claude! вскрикнулъ Густавъ, узнавъ и по голосу и по образу клеху.

— Пане! произнесъ обрадованный Клавдій, и зашагалъ вслѣдъ за одноколкой, которая въѣхала на дединецъ.

Густавъ выскочилъ и бросился въ объятія раскинувшаго руки свои клехи, къ удивленію Іоганны и выбѣжавшихъ на встрѣчу дворскихъ хлопцовъ.

— Вотъ же я нашелъ своего пана! заговорилъ довольный Клавдій:—четыре года проходилъ я по свѣту съ этой торбой, набитой панскими папирками, чтобъ сдать ихъ съ рукъ на руки пану; плечи отдавила негодная ноша, такъ бы вотъ ее и бросилъ! да точно какъ приросла къ спинѣ, и совѣсть возбраняла.

И онъ снова бросился обнимать Густава.

— Отъ-то псёгловы! гляди, отъ радости заѣдятъ другъ друга, проговорилъ шляхетный хлопецъ, захохотавъ, когда смущенная Іоганна вбѣжала уже на лѣстницу.

— Пойдемъ же, Клавдій, ко мнѣ, сказалъ Густавъ, обрадованный обрѣтеніемъ своихъ сокровищъ, которыя онъ считалъ уже погибшими невозвратно, и совершенно забывъ о паннѣ.

— Ой-ой, пане... Ну! проговорилъ клеха съ изумленіемъ, окидывая глазами кастелянскій палацъ:—вотъ, привелъ же Богъ пану...

— Пойдемъ, пойдемъ отсюда! повторилъ нетерпѣливо Густавъ.

— А куда жь еще идти? сказалъ клеха, слѣдуя за нимъ.— А даль же Бугъ, я не узналъ бы пана на колесницѣ съ ясочкой малеваной; такъ-таки и не узналъ бы, еслибъ панъ меня не назвалъ.

— А ты, такъ-таки всѣ четыре года и прошатался по бѣлу свѣту? перервалъ его изумленіе Густавъ.

— Такъ-таки и прошатался, и теперь иду.

— Куда еще?

— Какъ куда? туда, куда идутъ всѣ люди: въ Краковъ, на коронацію.

— Безъ тебя тамъ, вѣрно, не обойдутся?

— И никогда жь того въ свѣтѣ не бывало, чтобъ коронація обошлась безъ Клавдія; и хоть теперь тѣ коронаціи не путемъ зачастили, поспѣвать на каждую становится накладно, а все жь Клавдій свое дѣло знаетъ... А панъ развѣ не сбирается туда же?

— Нѣтъ, другъ Клавдій, не сбираюсь.

— Ой, напрасно, пане! проговорилъ клеха, всматриваясь въ Густава.

Густавъ задумался; онъ, казалось, сочувствовалъ укору клехи.

— Что, пане, нахмурилась твоя милость?

— Разскажи мнѣ, Клавдій, какъ мы съ тобой разстались; я ничего не помню, что̀ со мной тогда было.

— Что̀ было? то было, панъ былъ боленъ; и какъ разстались? не полюдски, пане, разстались!

— Я былъ боленъ; а ты ушелъ, оставилъ меня?

— Знаю! ушелъ, оставилъ!

— Для чего жь ты меня покинулъ больного?

— Покинулъ, какъ въ три шеи выпроводили за монастырскія ворота! чтобъ тому кляшторному жолнеру угодить въ пекло на томъ свѣтѣ!... да провались онъ совсѣмъ! прибавилъ Клавдій, на котораго это воспоминаніе наводило тоску.

Между тѣмъ Густавъ привелъ клеху къ своему убогому жилищу.

— А то что жь? такъ-таки корчма?

— Корчма.

— А то панская хата-палата?

— Да.

— Ну!... Такъ въ той палатѣ и съ плечъ долой поклажу, пане? да и идти уже въ Краковъ съ пустой торбой? сказалъ клеха, снимая котомку и выкладывая связку тетрадей и бумагъ.— Охъ, да и жаль же, пане! Идемте вмѣстѣ, ей же ей идемъ! а я ужь такъ-таки и взвалю опять ту обузу на спину, и прямо до Кракова. Всѣ идутъ туда: идутъ полки со своими хоругвями, Литва съ воеводствами, мазуръ *съ шаршу́номъ* и съ кіемъ, съ мечомъ и *пукавкой;* жмудь грубая, да дюже щирая сердцемъ; да и мало ли люду: прусы, кошубы, куявы, поморяне, добржинцы. — Народу видимо-невидимо рѣкой течетъ...

Покуда клеха высчитывалъ всѣхъ идущихъ въ Краковъ, куфѐль горѣлки стоялъ уже на столѣ для гостя.

— Выпей, Клавдій, съ дороги, сказалъ ему Густавъ.

Гость протеръ губы.

— А какъ же, пане: такъ-таки мнѣ одному и выпить, и въ Краковъ идти одному? а панъ останется здѣсь пропадать съ тоски, въ поганой жидовской корчмѣ?

— Ужь если пропадать съ тоски, то здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, не все ль одно, amice Claude, отвѣчалъ Густавъ, развязывая пачки своихъ бумагъ.

— Такъ идемъ же лучше въ Краковъ, пане! воскликнулъ, опорожняя куфе́ль клеха:—магнаты попродавали уже и позаложили свои маіонтки, чтобъ перещеголять другъ друга. Вотъ, какъ въѣзжалъ въ Краковъ Валезіушъ короноваться, воевода любельскій поставилъ двѣсти коней съ ястребиными крыльями; воевода брацлавскій двѣсти-тридцать съ золочеными сайдаками; воевода прусскій — тридцать-шесть рейтаровъ въ панцыряхъ; кастелянъ Комаровскій вывелъ тысячу своей властной пѣхоты въ коштовномъ строѣ; а Янушъ Гарабурда нѣсколько тысячъ драгановъ и стрѣльцовъ... Ой, идемъ, идемъ, пане, какъ не идти? Что тутъ бѣдовать промежь горемычнаго люду; и цуръ имъ, тѣмъ ясочкамъ, не бываетъ отъ нихъ добра человѣку.

Клавдій продолжалъ еще длинную рѣчь свою, моргая глазами; но Густавъ давно уже не слушалъ его и съ грустнымъ чувствомъ перебиралъ драгоцѣнный архивъ свой. Тутъ былъ дневникъ отца его, писанный собственною рукою Эрика въ темницѣ. При взглядѣ на эту тетрадь, сердце юноши болѣзненно сжалось. Тутъ были записки Ганса Андроніуса и наслѣдованные имъ пергамены

знаменитаго алхимика Парацельса, неоцѣнимыя сокровища того вѣка.

Густавъ готовъ бы былъ ликовать, что эти сокровища въ его рукахъ; но истерзанное сердце, казалось, спрашивало: на что тебѣ теперь эти золотыя руды, эти алмазныя копи? Для какого и для чьего счастія ты будешь воздѣлывать ихъ?

Уже смерклось, когда вздремнувшій-было клеха послышалъ скрипъ пріотворившейся двери.

— Кто тутъ? спросилъ Густавъ.

— А панъ академикъ дома?

— Ну?

— А отъ ея милости, панны Михалувны Іоганны, старый Василь пришелъ за паномъ.

Густавъ съ досадой вскочилъ съ мѣста, прошелъ въ раздумьи нѣсколько разъ взадъ и впередъ по коморкѣ, схватилъ беретъ и вышелъ.

Клеха, оставшись одинъ, долго молчалъ и смекалъ что-то.

— Такъ вотъ оно что́, проговорилъ онъ наконецъ, забарабанивъ пальцами по столу.—Ховай боже человѣка отъ лихой бѣды! Ой, пане, пане, застрянешь въ бабьихъ тенетахъ, коли не сманю я тебя отъ той бѣды въ Краковъ!

XI.

Порывъ сердца Іоганны, промчавшейся съ Густавомъ по Святоянской улицѣ, не прошелъ безъ послѣдствій. Окна кельи отца ректора Варшевицкаго выходили на эту улицу. Онъ самъ видѣлъ вельможную панну въ каріолѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, и пришелъ отъ этого соблазна въ негодованіе. Немедленно же послалъ онъ за кастелянскимъ капеланомъ, и бесѣда съ нимъ привела его въ гнѣвъ и ужасъ.

По выходѣ отца Іосифа, ректоръ тревожно ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, и припоминалъ инструкцію, полученную имъ четыре года тому назадъ, при поступленіи Густава въ академію. Эта инструкція предписывала наистрожайше содержать совѣсть молодого человѣка въ догматахъ вѣры, въ духѣ смиренія и нищеты; принимать строжайшія мѣры въ случаѣ его уклоненія, и доносить о всякомъ обстоятельствѣ, выходящемъ изъ обыкновеннаго круга его дѣйствій.

Въ силу этого предписанія Густавъ и зубрилъ Альвару, соблюдалъ всѣ уставы общины, подчинялся покорно и безъ разбора мертвящимъ правиламъ политики іезуитовъ, и стоялъ уже, безъ вѣдома своего, на лѣстницѣ, завидной для академическаго

тщеславія и ведущей отъ степени сакристина до сана прелата. Но вдругъ явно оказалось въ немъ неожиданное, преступное сопротивленіе назначенному призванію.

Мы видѣли, какъ поступлено было съ нимъ по буквѣ данной инструкціи. Его обрекли всей сущности безпомощной нищеты, и въ этомъ положеніи ожидали его полнаго нравственнаго паденія, равнаго смерти.

Еврей Юська игралъ немаловажную роль въ іезуитской семинарской полиціи, и до сихъ поръ, въ этомъ отношеніи, все казалось до такой степени успѣшно, что тѣ, кому о томъ вѣдать надлежало, должны были придти къ непремѣнному убѣжденію, что юноша вполнѣ утратилъ память всего прошедшаго, что слѣдъ его потерянъ въ безднѣ человѣчества, и порваны всѣ нити, которыя связывали его съ корнемъ.

И въ это-то время открылись вдругъ сношенія его съ опасной особой панны Іоганны, и поразили отца ректора, какъ громомъ.

Варшевицкій былъ слишкомъ черствъ и слишкомъ мудренъ, чтобъ видѣть въ этихъ отношеніяхъ простое человѣческое чувство.

Его воображеніе почуяло бѣду. Кто могъ отвѣчать, какія бредни таятся въ головѣ строптивой панны? Ка̀къ разгадать ея замыслы, понять, что̀ она думаетъ и знаетъ?

Настроивъ себя опасеніями, отецъ ректоръ, въ тотъ же день, рѣшился, для наведенія достовѣрныхъ справокъ, отправиться въ кастелянскій палацъ самолично.

Между тѣмъ, Іоганна заперлась въ своей комнатѣ, и Густавъ, проведенный внутреннимъ ходомъ, стоялъ уже передъ ней, возмущенный этой таинственностію.

— Что̀ прикажетъ панна? спросилъ онъ сухо.

При входѣ Густава, Іоганна невольно содрогнулась; вопросъ его смутилъ ее.

— О, Боже мой, проговорила она: — приказывать и видѣть, что всѣ мои приказанія исполняются слѣпо, для меня уже стало несносно!... я не могу, и не въ состояніи приказывать пану; я его просила.

— Чего жь желаетъ панна?

— Панъ говоритъ это такъ, что во мнѣ цѣпенѣетъ всякое желаніе.

— Я не знаю, какъ слѣдуетъ говорить съ панной.

Эти суровые допросы еще болѣе смутили Іоганну. Она не знала, съ чего начать, и спросила о путникѣ, встрѣча съ которымъ такъ обрадовала Густава.

— Панна потребовала меня такъ поспѣшно единственно для того, чтобъ освѣдомиться о неизвѣстномъ ей человѣкѣ?

— Ахъ, нѣтъ, не для того! вскрикнула внѣ себя Іоганна.

— Такъ прошу панну избавить меня отъ чести стоять въ рядахъ тѣхъ особъ, надъ которыми она привыкла издѣваться.

— Тебя ставить въ ряды этихъ ненавистныхъ? проговорила укоризненно Іоганна, устремивъ внезапно свой открытый, умильный взоръ на Густава. — Нѣтъ, продолжала она съ глубокимъ чувствомъ и съ рѣшимостію: — ты долженъ знать то, чего уже я не въ состояніи таить долѣе... ни предъ тобой, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ...

Крупныя капли слезъ выступили на глазахъ Іоганны; тяжело перевела она духъ.

— Молю тебя... сбрось эту личину равнодушія... Забудь мое положеніе въ свѣтѣ... я давно его забыла... смотри на меня, какъ на любящую, преданную, готовую на всѣ испытанія, вѣрную рабу... покорную твоей малѣйшей волѣ...

Голосъ Іоганны прервался. Она приложила руку къ сердцу, которое замирало въ груди ея.

Пораженный Густавъ стоялъ, опустивъ глаза въ землю, не въ силахъ былъ ни образумиться, ни вымолвить слова.

Въ эту минуту безмолвія, пани Симонòва, провожая отца ректора, подошла къ двери. Двери заперты; она постучала.

— Кто тамъ? послышался голосъ Іоганны, когда старая пани постучалась снова.

— Его милость, отецъ ректоръ, желаетъ видѣть панну, доложила она.

— Моя пани, прошу сказать его превелебной мосци, что я нездорова, и не могу принять его... Или скажи, что меня нѣтъ дома... Скажи, чтò хочешь!

— Ректоръ стоитъ у дверей панны, и имѣетъ необходимость видѣть ее, отвѣчалъ самъ Варшевицкій на этотъ отказъ.

И онъ терпѣливо выжидалъ, покуда, наконецъ, дверь отворилась.

Съ почтительностію, сквозь которую, однако же, проглядывала нестерпимая досада, Іоганна приняла благословеніе отца ректора, и просила почетнаго гостя войдти въ свою комнату, бросивъ осторожный взглядъ на занавѣсъ, отдѣляющій ея уборную.

— Я не желалъ бы имѣть свидѣтелей нашей бесѣды, оговорился Варшевицкій, припирая двери.

— Но я не приготовилась къ исповѣди, и не чувствую себя въ расположеніи слушать что-нибудь чрезвычайное.

— Такого расположенія панны было бы слишкомъ долго дожидать, а время не всегда терпитъ.

Іоганна выразила неравнодушное изумленіе. Она уже смутно догадывалась, что ей предстоитъ какое-нибудь состязаніе.

— Что̀ угодно сказать вашей превелебной мосци? спросила она, съ выраженіемъ готовности слушать и отвѣчать.

— Не имѣетъ ли панно чего-нибудь особеннаго сказать мнѣ? спросилъ и Варшевицкій, опускаясь на диванъ.

— Я? особеннаго? ровно ничего, отвѣчала сухо Іоганна.

— Не нуждается ли панна въ совѣтѣ благонамѣреннаго человѣка?

— Нисколько.

— Не желаетъ ли она провѣрить вмѣстѣ съ безпристрастнымъ судіею свои чувства?

— Мои чувства? я чувствую, что отецъ ректоръ началъ скучное вступленіе, отъ котораго на меня уже нападаетъ зѣвота.

— Я не ищу быть забавнымъ, спокойно замѣтилъ Варшевицкій.

— Чего жь ищетъ отецъ ректоръ?

— Слѣдовъ одного человѣка.

Іоганна не ожидала этого отвѣта, и іезуитъ могъ замѣтить, что она смутилась.

— Какого? спросила она, мгновенно оправясь, со всею живостію самаго остраго женскаго любопытства.

— Весьма дурного человѣка!

— Понимаю, знаю я одного такого человѣка, сказала Іоганна съ такимъ серьёзнымъ видомъ, что можно было ожидать отъ нея положительнаго объясненія.

— Панна знаетъ?

— Знаю, повторила она, съ колкой усмѣшкой.

Іезуитъ смотрѣлъ на нее холодно и строго.

— Отецъ ректоръ казался мнѣ всегда, и кажется теперь, и всегда будетъ казаться человѣкомъ самымъ дурнымъ, какого хуже быть не можетъ, сказала она, вперивъ лукавый взоръ прямо въ глаза отца ректора.

— Шутки панны неумѣстны, сказалъ онъ, не дрогнувъ отъ этого навожденія, и понявъ необходимость говорить прямо. — Панна приняла въ свое общество недостойнаго молодого человѣка, въ отсутствіи всѣми чтимаго ея родителя, и я призналъ непремѣнною своею обязанностію удалить отъ нея этотъ позоръ, прибавилъ онъ торжественно.

Іоганна быстро отодвинулась отъ него, и разсмѣялась такимъ безпечнымъ, чистосердечнымъ смѣхомъ, что его нельзя было принять за притворство.

— Какого же недостойнаго молодого человѣка? спросила она,

съ выраженіемъ, которое ясно говорило, что отецъ ректоръ вѣроятно обезумѣлъ.

— Юноша, который пользуется благосклонностію панны, продолжалъ невозмутимо Варшевицкій: — не заслуживаетъ этой благосклонности... это погибшая овца, негодная вѣтвь, осужденная на отсѣченіе.

— Но кто же эта погибшая овца? спросила Іоганна уже голосомъ строгаго достоинства.

— Панна понимаетъ, о комъ я говорю.

— Я не умѣю, и не хочу отгадывать загадки.

Отецъ ректоръ и самъ пыталъ отгадать теперь изъ словъ панны, не извѣстно ли ей значеніе таинственнаго лица, о которомъ идетъ рѣчь.

— Я говорю о томъ молодомъ человѣкѣ, котораго, къ крайнему моему удивленію, видѣлъ вчера на улицѣ вмѣстѣ съ панной Іоганной... Кажется, въ этомъ нѣтъ загадки?

— Вмѣстѣ со мной? повторила она: — что̀ жь еще далѣе?

— Считаю долгомъ предупредить панну, что этотъ молодой человѣкъ ничтожный, выгнанный изъ академіи, негодяй!

Іоганна вспыхнула, бросила гордый, суровый взглядъ на іезуита, и этимъ взглядомъ, казалось, заставляла его молчать.

Онъ и умолкъ на мгновеніе, читая пристально въ выраженіи лица Іоганны.

— Повторяю, что мой долгъ предостеречь панну, продолжалъ іезуитъ, принимая и на себя еще болѣе строгое выраженіе. — Этотъ презрѣнный молодой человѣкъ...

— Мой женихъ! произнесла твердымъ и торжественнымъ голосомъ Іоганна.

— Панна безумствуетъ... или дерзко издѣвается надо мною! проговорилъ Варшевицкій съ язвительной усмѣшкой.

— Отецъ ректоръ хотѣлъ моей исповѣди, и я исповѣдываюсь въ полномъ разумѣ.

— Это не можетъ быть!

— Это такъ, какъ я сказала.

— Безродный бродяга будетъ мужемъ панны, въ жилахъ которой течетъ кровь знаменитыхъ предковъ?

— Прошу вашу милость не упоминать о моихъ предкахъ, не признавая ихъ христіанскія заслуги предъ Богомъ, и называя ихъ еретиками!

Іезуитъ впился нахмуреннымъ взоромъ въ Іоганну.

— Намѣреніе панны извѣстно ли ея родителю?

— Мы не стѣсняемъ другъ друга въ этомъ отношеніи; я предоставляю отцу моему полную свободу выбрать мнѣ въ мачихи,

кого ему угодно; а онъ приметъ отъ меня того сына, котораго я пожелаю.

— Но знаетъ ли панна, кто тотъ, на кого палъ ея несчастный выборъ?

— Онъ тотъ, кого любитъ и избрало мое сердце.

— Этотъ безпріютный скиталецъ былъ призрѣнъ человѣколюбіемъ нашей общины, и оказался недостойнымъ излитыхъ на него благодѣяній.

— Ваша община считала себя вправѣ поступить съ нимъ по своей совѣсти; я считаю себя вправѣ сдѣлать то же.

— Но кто могъ предоставить паннѣ право губить себя? Еще разъ спрашиваю, знаетъ ли она, кто таковъ этотъ несчастный? Знаетъ ли она, что довѣрившись первому встрѣчному, можно напасть на грабителя, на злодѣя?

— Во всякомъ случаѣ, мужъ мой не будетъ въ необходимости продолжать это опасное ремесло.

— Панна уклоняется отъ прямого отвѣта: я спрашиваю, знаетъ ли она, кто онъ?

— Нѣтъ не знаю, и не хочу знать.

Этому незнанію отецъ ректоръ не повѣрилъ; этотъ прямой отвѣтъ именно и возбудилъ его сильнѣйшія подозрѣнія. Мысль, что ничтожный соперникъ королевича Сигизмунда, этого возлюбленнаго сына іезуитовъ, дерзаетъ подымать голову, ужаснула его.

— Панна противится своему спасенію; оно будетъ даровано ей противъ ея воли! сказалъ Варшевицкій, вставая съ мѣста.

— Прошу отца ректора дозволить мнѣ самой заботиться о моемъ спасеніи.

— Но кто же будетъ заботиться объ исполненіи моего долга? Панна сама налагаетъ на меня обязанность не допускать ее до пагубнаго поступка... и я не допущу! проговорилъ рѣшительно отецъ ректоръ, и молча, благословивъ непокорную дочь, вышелъ.

Іоганна проводила его презрительнымъ взоромъ, и снова заперла двери.

Когда она оборотилась, Густавъ стоялъ уже передъ ней преклонивъ колѣно.

— Панно! проговорилъ онъ: — я виноватъ передъ тобою, виноватъ непроизвольно!...

— Ты виноватъ? нѣтъ! я поняла тебя, я оцѣнила твою скрытность... я должна была быть болѣе откровенной... я чувствовала, что ты меня любишь!...

— Панно! прервалъ Густавъ, закрывъ руками лицо, не зная, какъ вывести ее изъ заблужденія, и въ то же время, дорожа искренними чувствами Іоганны: — панно!... я не могъ вообразить

того счастія, котораго не заслуживаю... я былъ слѣпъ, безуменъ... и въ этомъ вся вина моя...

— О, время ли говорить такія вещи? возразила Іоганна съ грустнымъ чувствомъ: — ты видишь, какъ возстали на насъ враги... я знаю, что они сильны; но мы одолѣемъ ихъ... только будь откровененъ; я этого стою!...

Густавъ не зналъ, что̀ говорить, какъ отвѣчать; пораженный чистосердечною увѣренностію Іоганны, онъ колебался, ему страшно уже казалось разочаровать ее.

— Искренность требуетъ прежде всего оправданія, панно, произнесъ онъ страждущимъ голосомъ.

— Какого оправданія, ненужно мнѣ твоихъ оправданій, перебила Іоганна: — не обижай меня подозрѣніемъ, чтобъ я на одинъ мигъ могла повѣрить низкой клеветѣ. Но ты не будешь же таиться передо мною, произнесла она дрожащимъ голосомъ. — Я понимаю, они разумѣютъ неравность нашихъ положеній; но кто бъ ты ни былъ, кто бы ни были твои родители, я упаду имъ въ ноги!..

— О, панно, панно! сказалъ вспыхнувъ и съ чувствомъ Густавъ: — имя мое — приговоръ мнѣ на казнь!... Еслибъ я былъ сынъ злодѣя, еслибъ самъ я былъ злодѣй, и тогда не преслѣдовали бы меня съ такимъ ожесточеніемъ! Панно! мнѣ каждую минуту угрожаетъ бѣда, и только въ безуміи я могъ забыться...

— Боже!... какая бѣда угрожаетъ тебѣ! любовь моя вырветъ тебя изъ всякой бѣды!... Скажи мнѣ... я не уступлю тебѣ одному этой бѣды—подѣлись со мной! открой мнѣ все!

— Еслибъ я былъ презрѣннѣйшій изъ людей... твоя любовь, великодушная моя панна, освятила бы мою душу... Чтобъ быть достойнымъ тебя, я могъ бы переродиться, искупить грѣхи свои, очистить совѣсть... Твое сердце пересоздало бы меня... Но я не преступникъ, а влачу жизнь Каина; могу ли, въ правѣ ли я дѣлиться съ кѣмъ-нибудь моей участью?

— Боже мой, что̀-жь это за ужасная тайна? проговорила болѣзненно Іоганна, устремивъ на Густава проникающій въ душу взглядъ.

— Эта тайна—мое рожденіе... моя жизнь нарушаетъ покой и благоденствіе моихъ враговъ... Она передъ ними, какъ живой укоръ совѣсти...

— Но оставить меня въ невѣдѣніи, кто враги твои, ты уже не вправѣ: ты долженъ открыть мнѣ причину, которая вынуждаетъ тебя отвергнуть меня отъ сердца... Моя любовь не мечта, въ ней жизнь и смерть моя! проговорила Іоганна съ стѣсненнымъ дыханіемъ, взявъ руку Густава и ожидая отвѣта умоляющимъ взоромъ.

— Я привыкъ бояться своего имени, какъ убійцы, который сторожитъ меня изъ-за угла, сказалъ Густавъ, проявляя сильное волненіе духа: — я чувствую наложенныя на меня оковы, которыя не дозволяютъ мнѣ свободнаго движенія... Чтобъ отвлечь душу отъ этой невыносимой тяготы, я весь погружался въ науку... Враги мои, быть можетъ, и дозволили бы мнѣ окончить въ неизвѣстности мое жалкое существованіе... Для этой цѣли мнѣ и присужденъ былъ духовный санъ... Но, чтобъ я жилъ въ моемъ потомствѣ—до этого они никогда не допустятъ!...

— О, я теперь понимаю! произнесла радостно Іоганна: — ты жертва какой-нибудь интриги, основа которой корысть... Тебя хотятъ изжить, чтобъ воспользоваться твоимъ наслѣдіемъ... О, отрекись отъ него, пусть владѣютъ они своей добычей...

— Есть въ мірѣ идолъ, боготворимый выше всѣхъ сокровищъ: этотъ идолъ—власть.

— Боже великій! я сойду съ ума! говори же мнѣ, кто ты? Гдѣ твоя родина, гдѣ враги твои? Я паду къ ногамъ Сигизмунда; наслѣдникъ двухъ коронъ въ силахъ возстановить нарушенную правду.

— Нѣтъ, Іоганна! Отецъ этого наслѣдника покушался на жизнь мою... Когда я былъ еще младенцемъ, онъ уже видѣлъ во мнѣ мстителя, который можетъ лишить его скипетра, добытаго убійствомъ!...

Іоганна всплеснула руками.

— Ты сынъ покойнаго короля Швеціи! ты тотъ несчастный, гонимый...

Она не могла говорить; слезы хлынули изъ глазъ ея...

Безмолвно снова припалъ Густавъ предъ ней на колѣна.

И въ этомъ положеніи они какъ будто замерли.

— Боже, что̀ намъ дѣлать? проговорила тихо Іоганна, вскинувъ взоръ на образа кивота.—Время дорого... опасность велика... скажи мнѣ, знаетъ ли нареченный король о твоемъ существованіи?

— Можетъ быть, отвѣчалъ Густавъ.

— Теперь одинъ исходъ изъ твоего страшнаго положенія... Ты долженъ быть на коронаціи въ Краковѣ, и тамъ, въ глазахъ пословъ всей Европы, явить себя свѣту... Безднѣ лжи должно противопоставить яркую правду...

Густавъ благоговѣйно взглянулъ на Іоганну.

— Ты права, панно, сказалъ онъ: — мнѣ не должно убѣгать отъ судьбы моей... Пусть обречетъ меня Іоганъ, какъ несчастнаго моего отца, на вѣчное заточеніе и на смерть... развѣ жить въ этихъ невидимыхъ оковахъ, въ этомъ оцѣпенѣніи, не то же

вѣчное заточеніе? развѣ нравственная смерть, не смерть тѣмъ болѣе?

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! ты подпишешь все, что они хотятъ, ты отречешься навѣки отъ всѣхъ престоловъ въ мірѣ, и мы уйдемъ съ тобой на край свѣта, и тамъ невѣдомые никому, мы будемъ счастливѣе, спокойнѣе обоготворяемыхъ властителей!... Но враги не дремлютъ, прибавила Іоганна, вздрогнувъ и очнувшись отъ восторга: — тебѣ ни одного дня нельзя оставаться въ Вильно... Положись во всемъ на меня! Дай мнѣ право надъ собой только на эту бѣдовую минуту...

— Іоганна! произнесъ Густавъ.

— Сейчасъ же все будетъ готово для твоего отъѣзда; старый Василь, вѣрный и преданный мнѣ, явится къ тебѣ и будетъ твоимъ провожатымъ до Кракова.

— Іоганна! ты мой ангелъ хранитель!

— Но здѣсь мы не увидимся уже! произнесла Іоганна съ трепетнымъ сердцемъ и съ заблиставшими слезами на глазахъ.

XII.

Праздношатающаяся дѣятельность клехи выработала въ немъ своего рода мудрость, которая и проявлялась у него своеобразными сужденіями.

Передъ уходомъ Густава въ палацъ кастеляна, Клавдій молча глядѣлъ на него, глубокомысленно разбиравшаго свои рукописи, и глубокомысленно разсуждалъ самъ съ собою:

— Видалъ уже я такихъ на вѣку своемъ!... То все одно, что слѣпой кротъ роется всю жизнь свою подъ землею: и свѣта божьяго имъ не надо и думки нѣтъ до того, что въ мірѣ господнемъ лежатъ на всѣ четыре стороны дороги, и что есть у милосердаго Бога людямъ воля и раздолье... И на что жь, подумаешь, даны имъ ноги? Вотъ таковъ-то былъ ксендзъ Грегоръ изъ Самборжа, мистръ академіи краковской... Весь вѣкъ просидѣлъ въ своей коморкѣ—на босыхъ ногахъ дырявыя туфли, волоса проросли сквозь валеную скуфейку... Писалъ-писалъ по писаному папиру, не стало папира—исписалъ всѣ стѣны, да и померъ, оставивъ наслѣдникамъ ту скуфью да туфли. Вотъ такъ-то и его милость!... Ну, какъ теперь не побросать того хлама и не идти туда, куда идутъ люди, поглазѣть на дѣла человѣческія, хоть бы затѣмъ только, чтобы возсіяла передъ нами мудрость Соломона, что все на свѣтѣ суета суетъ.

Явившійся посланецъ изъ палаца отъ ея милости панны, остановилъ потокъ мышленій клехи; а когда Густавъ торопливо вышелъ, онъ воздохнулъ громогласно и пробормоталъ вслухъ:

— Такъ вотъ оно чтò: изъ суеты въ суету, изъ болота въ омутъ!

Клавдій пожалъ пустой куфель, и какъ будто вдвойнѣ огорченный забарабанилъ пальцами по столу.

Долгая опытность, въ положеніи зрителя и слушателя всего происходящаго по дорогамъ, давала Клавдію возможность ко всякому случаю подыскать параграфъ въ кодексѣ его воспоминаній.

— Бываетъ всякая погибель на человѣка, воздохнувъ снова, продолжалъ онъ: — вотъ такъ-то было и у княгини Ильиной Константиновича Острожской на Волыни. Сыновица ея также вотъ проѣхалась на колесницѣ съ дворяниномъ пана владыки; да какъ настигли ихъ, да привезли къ кіевскому воеводѣ, такъ чтò только тамъ было, ховай Боже!

Наворчавшись вдоволь, клеха наконецъ угомонился, позѣвывая и кряхтя въ потьмахъ въ ожиданіи возвращенія Густава. Не дрема тяготила его, а недостатокъ чего-то. Съ тоскою жаждущаго и алчущаго, вышелъ онъ на корчемный дворъ, на этотъ разъ, по случаю шабаша, пустой и неосвѣщенный фонаремъ, горѣвшимъ обыкновенно подъ стодолой. Пробравшись по стѣнкѣ къ воротамъ, онъ ощупалъ калитку и присѣлъ на лавочку, гдѣ обыкновенно Юська, поочередно съ Вихней, выглядывали и выжидали проѣзжихъ и паничей, чтобъ зазывать ихъ въ корчму на постой и угощенье.

Осенняя тьма налегла уже на всѣ предметы. Съ разныхъ сторонъ раздавался только лай собакъ, нарушавшихъ на жидовской улицѣ тишину субботы; неслышно было ни шлепанья по слякоти, ни крика ребятишекъ, ни пѣвучаго бормотанья снующихъ жидовъ.

По привычкѣ дѣлать свои умозаключенія обо всемъ, на-что натыкались глаза его и слухъ, онъ не преминулъ высказать себѣ своего сужденія и о племени іудейскомъ:

— Только въ шабашъ, разъ въ цѣлый *тыждень*, и присмирѣетъ, и соснетъ, и съѣстъ, какъ человѣкъ; да и то лишь повечеряетъ; а обѣда не положено имъ по закону въ божеское наказаніе. Шесть дней грызутъ чеснокъ съ сухимъ хлѣбомъ, а на седьмой куголь на сонъ грядущій...

Но вотъ послышались клехѣ чьи-то шаги.

— Идетъ его милость, молвилъ онъ: — теперь кому жь другому быть. Погостилъ у пріятёлки и спѣшитъ до своей работы.

— Кто тутъ? спросилъ подошедшій, за которымъ слѣдовали еще двое.

— Обознался! подумалъ клеха, всматриваясь:—а что пану треба? спросилъ онъ вмѣсто отвѣта на жидовскій ладъ.

— Юська! крикнулъ суровымъ голосомъ пришедшій, вѣроятно, въ свою очередь, обознавшись въ темнотѣ.

«По ночи всѣ Юськи», подумалъ клеха: «а что жь пану треба?»

— Хлопца-академика, что живетъ здѣсь.

— А на что жь пану той хлопецъ? спросилъ Клавдій, уже затронутый безсознательнымъ любопытствомъ.

— А на то, чтобъ тащить его за воротъ къ отцу ректору!

Этотъ, объявленный во услышаніе, приговоръ, разомъ поднялъ на ноги Клавдія и пробудилъ его чуткость. Однобортный подрясникъ и скуфейка, обрисовавшіеся передъ нимъ въ полумракѣ, дали ему почувствовать, какимъ повѣяло духомъ.

— Почекай, твоя милость, я узнаю, сказалъ онъ, шмыгнувъ въ калитку.

Послѣ долгаго чеканья, посланный пана ректора вошелъ во дворъ, и началъ громить гаманово ухо, пока раздосадованный Юська, нарушая субботу, явился на крыльцѣ съ фонаремъ.

— Ну — крикнулъ ему нежданный посѣтитель.

— А чего панычамъ нужно по-ночи? спросилъ жидъ сердито.

— Какимъ панычамъ? говорятъ тебѣ, отъ пана ректора! Гдѣ твой постоялецъ? Что онъ тутъ у тебя робитъ?

— А что жь онъ у меня робитъ, ничего не робитъ... Робитъ смазку для бутовъ—всѣ наши чеботари ту смазку берутъ; и снадобья робитъ — масти нашимъ ребятишкамъ. Мастъ дюже добрая, дюже ратуетъ, затарабарилъ Юська.

— А вотъ поратуетъ того гультяя отецъ ректоръ! Гдѣ онъ?

— А я же знаю?

— Кто же знаетъ?

— Никогда жь того не было, чтобы приходили брать его поночи.

— Ой, ой, бѣда! пробормоталъ Клавдій, прижавшись въ стодолѣ за жидовской брикой: — и за что жь это хотятъ тащить его къ св. Яну? Чуяло жь мое сердце, что быть надъ тобою недоброму, пане мой, пане!

— Спитъ онъ, что ли? Буди его! прикрикнулъ нетерпѣливо скуфейникъ.

— А може и спитъ, мы того не знаемъ; наше дѣло хозяйское, смотрѣть, чтобы не было гвалту, а у кого что на умѣ, того мы знать не можемъ.

— Стойте у дверей, сказалъ посланецъ ректора, двумъ безмолвнымъ спутникамъ, и сопровождаемый Юськой, вошелъ въ каморку, занимаемую Густавомъ.

— Пришла пора выручать изъ бѣды моего пана! сказалъ самъ себѣ клеха, прокрадываясь на улицу.

Добѣжавъ до перекрестка, онъ пріостановился.

— А вотъ же угадай, въ какую сторону погонитъ его вѣтеръ съ того бѣсова палаца?... Сидитъ чай себѣ въ куточкѣ у своей малеванной панночки, и въ думкѣ нѣтъ и не чаетъ, что сбирается надъ нимъ черная туча...

Размышляя самъ съ собою, клеха то толокся на перекресткѣ, то метался во всѣ стороны, прислушиваясь и впиваясь глазами во всѣ движущіяся по улицамъ тѣни.

Между тѣмъ, Густавъ уже вышелъ изъ кастелянскаго палаца и очутился посреди глухой тьмы заснувшаго города. Но и при яркомъ свѣтѣ дня, ничто бы не развлекло его и не заставило очнуться отъ испытанныхъ впечатлѣній.

Ни мыслить, ни разсуждать онъ не былъ въ состояніи, и несъ въ себѣ цѣлую бурю. Состояніе духа его подходило къ лунатизму; онъ шелъ по темнымъ улицамъ, не помня себя, не смотря подъ ноги —ступалъ вѣрно, не соображая—направлялся прямо къ дому.

Шагая по колоти черезъ груды хламу, онъ понялъ наконецъ, что идетъ уже по жидовскому предмѣстью, и, утомленный, пріостановился, и вздохнулъ вздохомъ, вызывающимъ на помощь человѣку вышнія силы.

Вдругъ послышался ему знакомый напѣвъ и слова:

Рано вставши съ постелечки,
Мы напьемся горѣлочки...

Пономарская пѣсня раздавалась во тьмѣ, какъ будто повѣщая, что есть на свѣтѣ безпечность и веселье.

Густавъ прислушался, узналъ голосъ клехи.

— Клавдій! крикнулъ онъ.

Но Клавдій налетѣлъ уже на него, какъ коршунъ.

— Тише, пане!

— Да ты-то что орешь, какъ изступленный?

— Ору, пане; и какъ же иначе спознать пану свою панскую охрану по-ночи.

— Такъ пойдемъ же домой, другъ Клавдій.

— Храни Боже! тамъ засѣли уже бѣсы!

— Какіе бѣсы?

— Тихо, пане, тихо! такъ-таки и засѣли въ корчмѣ, и поджидаютъ вашу милость, чтобъ сгрести пана въ свои лапы.

Густавъ понялъ, въ чемъ дѣло, и остановился.

— Тамъ всѣ мои бумаги! сказалъ онъ съ отчаяніемъ:—Клавдій надо ихъ выручить!

— А уже выручилъ ихъ Клавдій; вотъ онѣ; всѣ тутъ, на своемъ мѣстѣ, въ торбѣ. Пойдемте, пане, убирайте ноги пока цѣлы! Цуръ имъ тамъ, тѣмъ дьябламъ, и съ паномъ ректоромъ св. Яна!

И клеха, ухвативъ Густава за руку, влекъ его по темнымъ переулкамъ, пробираясь къ выходу изъ мѣста.

— Подякуемъ имъ, песьимъ дѣтямъ, что указали намъ дорогу... Вотъ же мы идемъ съ паномъ... И такъ-таки и пойдемъ до Кракова!... На то уже была воля божья, пане, и не можно человѣку перечить промышленію господню: contra stimulum ne calcitres! такъ, пане мой, дальбугъ такъ!

Густавъ шелъ за клехой и молчалъ въ какомъ-то безсознательномъ пониманіи, что надъ нимъ совершается снова переворотъ судьбы, который отдѣлитъ его цѣлою пропастью отъ вчерашняго дня. Афоризмъ клехи напомнилъ ему слова Іоганны и, казалось, рѣшилъ его вполнѣ предаться на волю судьбы, которая послала ему ментора въ образѣ клехи Клавдія.

Начало пути нашихъ странниковъ было исполнено тревоги и опасенія погони. Клеха былъ осмотрительнѣе обыкновеннаго, онъ и во хмѣлю сохранялъ бодрость духа и во снѣ былъ чутокъ.

Долгія лѣта странствованія дали нашему бродягѣ возможность изучить физіономію дорогъ до крайняго совершенства. Онъ съ перваго взгляда опредѣлялъ, къ какому разряду принадлежатъ встрѣчаемыя личности; лучше всякаго экономиста зналъ, куда и съ чѣмъ тянутся обозы. Опытность или неопытность путниковъ бросалась ему въ глаза. Иногда онъ угадывалъ даже приблизительно цѣли и намѣренія движущихся по дорогѣ людей, и когда случалось кстати, обращался къ нимъ съ словомъ, въ которомъ рѣдко бывалъ промахъ.

Протащившись нѣсколько десятковъ миль околицами и проселками, Клавдій рѣшился, наконецъ, выйдти на торный *шлягъ*, но посовѣтовавъ предварительно панôчку смѣнить свой шляхетскій плащъ на простую холопскую сермягу.

Надо сказать къ чести клехи, что до сихъ поръ онъ держалъ языкъ свой на привязи и не позволялъ себѣ никакихъ разспросовъ о причинѣ гоненія, воздвигнутаго на нашего героя. Своего рода деликатность, свойственная иногда природамъ, повидимому, грубымъ, возбраняла ему вызвать Густава на откровенность.

Но любопытство, тѣмъ не менѣе, точило его душу. Мучимый недоумѣніемъ, онъ шелъ иногда цѣлый день, искоса поглядывая на безмолвнаго спутника и на его грустное выраженіе лица, не рѣшаясь прервать молчанія.

Замѣтивъ однажды этотъ пытливый, устремленный на него дозоромъ взглядъ, юноша изъявилъ ему свое удивленіе.

— А вотъ же я иду и гляжу на моего пана, сказалъ, какъ-бы въ оправданіе, Клавдій:—гляжу, какъ онъ идетъ рядомъ со мною въ простой свиткѣ, а самого будто кто толкаетъ сдернуть передъ нимъ шапку. Еще въ ту пору, какъ мы впервые вышли съ паномъ, мнѣ сдавалось, что вашей мосци тысячнаго аргамака подстать бы было шпорить.

— Съ чего это пришло тебѣ въ голову, amice Claude?

— А Богъ вѣдаетъ, что̀ иногда приходитъ въ голову человѣку. Не даромъ пожилъ Клавдій на свѣтѣ, приметались очи ко всякому люду.

Озадаченный этими простосердечными намеками клехи, Густавъ, въ свою очередь, сталъ коситься на него, какъ-бы стараясь проникнуть въ глубь его мысли.

— А что̀ жь теперь ваша милость такъ на меня смотритъ? спросилъ, въ свою очередь, и клеха.

— Смотрю и думаю, Клавдій.

— А что̀ бы, панъ, такое думалъ?

— Я думаю, что ты роковой человѣкъ въ судьбѣ моей.

— Ка̀къ такъ?

— Да зачѣмъ же судьба заботится посылать тебя въ самыя трудныя годины моей жизни?

Лицо Клавдія осклабилось самодовольно.

— Не вѣмъ я, пане, какая такая трудная година подкатила поперегъ дороги пану; сдалось мнѣ, что тутъ шмыгнула хвостомъ вѣдьма. Ужь какъ видишь, что недоброе дѣется надъ человѣкомъ, такъ не пройдти жь мимо ближняго фарисейскимъ соболѣзнованіемъ.

Тѣмъ, однако, и заключалась бесѣда, не разъяснивъ ничего для клехи. И шли они опять большею частію молча. Дальній, медленный путь лежалъ передъ ними; скудныя средства не дозволяли имъ даже того развлеченія, которое вознаграждаетъ путниковъ за переносимые труды. Они избѣгали главныхъ мѣстъ, гдѣ нельзя было разсчитывать на дешевые пріюты, и не выносили никакихъ дорожныхъ впечатлѣній.

Кое-гдѣ посчастливилось имъ присѣсть за малую плату на попутный возъ. Однажды прокатилъ ихъ на довольно значительное пространство, и только за спасибо, холопъ какого-то великаго пана, возвращавшійся порожнякомъ изъ дальняго *маіонтка* его мосци.

То былъ мазуръ, оправдывающій поговорку: что «конь ту̀рекъ, а хлопъ мазу̀рекъ, чапка магіерка, и шабля венгерка — лучшія вещи въ мірѣ».

— Ой, да добрая жь твоя парочка, Якубе, заговаривалъ съ фурманомъ клеха, сидя паномъ въ крытой крако̀вкѣ.

— Ой, да и душа жь моя тѣ коники, и никому у моего пана, кромѣ Якуба, нѣтъ надъ ними воли, отвѣчалъ онъ, тронувъ возжи и припустивъ поджарыхъ клячъ, въ которыхъ только опытный глазъ могъ угадать крѣпкую, уносливую породу.

— Да и щирый же ты человѣче, что пожалѣлъ наши сиротскія ноги. Помолимъ мы Бога за твое здоровье у св. Анны краковской.

— Помолитесь, паны-братцы, за жинку и за дятву, чтобъ привела меня святая Троица, отслуживъ моему пану, свидѣться съ ними въ родномъ кутѣ, чтобъ обудилъ меня рано, снова, дома, *кдгутъ-господаржъ*.

— Давно ли же ты разстался съ своими? спросилъ Густавъ.

— Давненько, пане, вотъ ужь половина восьмого *рдку*.

— А каково живется на дворѣ у пана?

— Живется ничего, панѝчку, да поляки срамятъ нашего брата, срамятъ дюже! говорятъ, что мазуръ, какъ щенокъ, слѣпой родится, и брешутъ вражьи дѣти все такое, что̀ ажь душу нудитъ, не глядѣлъ бы на свѣтъ божій!... Просите братики, добрые люди, милосердаго Бога, чтобъ уже не треба пану было моей службы.

И вотъ для того, чтобы помолились добрые люди о возвращеніи его на родное попелище, Якубъ укоротилъ нашимъ пѣшеходамъ такой добрый конецъ пути, что перемѣна въ климатѣ стала ощутительна.

Съ этой перемѣной стали также ощутительны избытки поселенцевъ; никто уже, кромѣ, разумѣется, племени Израиля, не требовалъ мзды за падающія крохи, которыми питались наши путники, какъ птицы божіи. Даже, къ великому удовольствію клехи, чарка не стала проноситься мимо рта его, и даже приходилось ему порою дѣлать надъ собой усилія и приводить себѣ на память правило: bibe citra ebrietatem.

Иногда Клавдій покушался возбудить въ своемъ спутникѣ охоту почерпнуть веселіе духа на днѣ чары.

— Выпьемъ, пане, на здоровье тѣла и на веселіе духа! Да выпьемъ же, и пусть будетъ лихо той химерѣ!... Кто жь такой *наврдчилъ* пана: идетъ какъ агнецъ на закланье!

— Да такъ оно, можетъ быть, и есть, amice Claude!

Клавдій смотрѣлъ на него, покачивалъ головою, и въ заключеніе тщетныхъ предложеній, самъ выпивалъ предлагаемую ему чару.

По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, увеличивались и тревожныя вѣсти, волновавшія народъ; домогательства австрійскаго дома поставили край на военную ногу; далѣе лилась уже кровь, и неизвѣстность исхода держала всѣ умы въ оцѣпѣненіи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть III.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
3	1	*чего жъ*	*чего-съ*
8	38	желанно	жеманно
20	37	для защиты, ...	для защиты....
21	34	актеоновъ	Актеоновъ
43	8	изумленіемъ.	умиленіемъ
36	19	чего не знаетъ	чего никто не знаетъ,
58	14	не промолвится.	не промолвишся
77	27	гультяя	гультая

I.

Краковская земля красовалась своими живописными мѣстечками въ зелени садовъ, своими цвѣтущими *вёсками* и панующими на высотахъ горъ зàмками, по стѣнамъ которыхъ миловидно лѣпился плющъ. Останавливался прохожій у древняго зàмка на Тенчинѣ и любовался оттуда на *сѣдой* Краковъ, бѣлѣющій свинцовыми кровлями и представляющій своимъ расположеніемъ форму лютни, какъбы заявляя о музыкальности народа, котораго былъ главнымъ *мѣстомъ*.

Нигдѣ во всей Польшѣ не было такихъ садовъ, какіе украшали столицу. Не было въ Краковѣ дома безъ сада. Разнородная зелень кудряво разстилалась и облегала берега свѣтлой Вислы.

Изъ этихъ садовъ, какъ изъ кошницы, высился надъ всѣми шпилями костельныхъ башенъ королевскій зàмокъ, вознесенный на горѣ Вавелѣ, и синѣли въ глубокой дали Карпаты, утопая въ небѣ своими вершинами.

Но былъ уже ноябрь 1587 года. Лучшая краса города, его зелень, поблекла, листья опали, и сквозь оголѣвшіе сучья деревъ, открылись слѣды штурма эрц-герцога Максимиліана, ломившагося гвалтомъ на польскій престолъ. Отраженный Замойскимъ, Габсбургъ, оставя на мѣстѣ полторы тысячи труповъ, обозъ и знамена, отступилъ къ Ченстохову.

Еще дымились пожарища предмѣстій, спаленныхъ коронным гетманомъ, чтобъ не оставить врагамъ никакого укрытія; еще носился въ воздухѣ ядовитый запахъ крови, а улицы Кракова уже на-

ряжались. Во многихъ мѣстахъ воздвигались тріумфальныя арки съ надписями и *эмблематами*. Жители, еще неуспокоенные послѣ ужасовъ осады, суетливо готовились къ въѣзду Сигизмунда, желаннаго потомка Ягеллоновъ, вступающаго на престолъ своихъ предковъ съ пасмурнымъ челомъ, съ нерасположеніемъ въ сердцѣ, оглядываясь на зовъ отца, который слалъ ему грамату за граматой, убѣждая его вернуться.

Во всѣ брамы, только что отворенныя послѣ долговременной осады, хлынули въ городъ волны народа, притекшаго со всѣхъ концовъ королевства и задержаннаго впродолженіе нѣсколькихъ недѣль неожиданнымъ препятствіемъ битвы. Знать ѣхала туда соперничать другъ передъ другомъ своимъ блескомъ; вельможи враждующихъ партій несли туда свои интриги; женщины замышляли другого рода состязанія; войска тянулись поспѣшнымъ маршемъ; жиды рвались съ разнымъ хламомъ, на приманку значительныхъ и легкихъ барышей. И всѣ эти притоки различнаго люду наводнили столицу, затопили всѣ жилища, дворы и надворныя строенія; и вездѣ, начиная отъ вышки стараго зàмка, до погорѣлаго подвала нѣмецкаго ремесленника на Гербаржѣ, была суета и тревожное ожиданіе.

Притихла злоба Зборовскихъ; Замойскій подавилъ ее своею могучею пятою; но тѣмъ не менѣе, живучая ехидна волновала еще многія груди и, устами Ополинскаго, нашептывала нареченному королю разные навѣты на гетмана, который, заботясь единственно о выгодахъ земли своей, перечитывалъ «pacta conventa» и твердилъ себѣ, что этимъ актомъ Эстонія должна утвердиться за Польшей.

Такъ рѣшалъ въ своихъ мысляхъ коронный гетманъ; но не такъ думали другіе. Промежь крупныхъ соображеній роились мельчайшія, съ мелочными претензіями и самолюбіями; политическіе вопросы перепутывались съ личными, въ которыхъ, по обычаю, принимали участіе и женскій міръ и монашество; и потому-то тайные посланцы и вѣстники шныряли по улицамъ, во многихъ мѣстахъ происходили еще совѣщанія, тогда какъ Краковъ ждалъ уже своего избранника.

Наступила темная зимняя ночь, зажигались звѣзды на небѣ, зажигались огни въ безчисленныхъ окнахъ города.

Въ старомъ зàмкѣ, стоящемъ на скалѣ надъ Вислой, и по своей обширности похожемъ на цѣлый городъ, сверкали также огни, обозначая разнообразіе его кровель.

Древніе покои, въ полномъ убранствѣ, ждали своего хозяина. Горѣлъ золотомъ тронъ Ягеллоновъ, сіяла сенаторская изба, зданіе Сигизмунда-Августа, украшенное истуканами, изъ которыхъ

одинъ, какъ говоритъ преданіе, воззвалъ къ строителю человѣческимъ голосомъ: «Rex Auguste! judica juste!»—та самая изба, гдѣ еще такъ недавно слышались отеческіе совѣты и наставленія Баторія полякамъ.

Но всѣ эти достопамятные покои и прочія залы были пусты; вдовствующая королева, окруженная небольшой свитой, сидѣла въ своемъ отдѣленіи.

Она недавно вернулась изъ Варшавы, гдѣ ждала окончанія смутъ. Ея выѣздъ на встрѣчу любезному племяннику не былъ удаченъ. Не успѣла она прижать къ сердцу усыновленнаго преемника своего, какъ пришла угрожающая вѣсть, что полки Зборовскихъ, подъ начальствомъ Лихтенштейна, командира кавалеріи Максимиліана, идутъ перенять дорогу Сигизмунду. Тогда былъ схваченъ Пахолекъ, подосланный поджечь городъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули уже пожары, и королевичъ, отправивъ поспѣшно тётку и сопровождавшую его изъ Швеціи сестру свою, принцессу Анну, съ ея свитой въ Варшаву, искуснымъ движеніемъ миновалъ непріятельское войско.

Всѣ эти тревоги были теперь позабыты. Исполненіе драгоцѣннѣйшаго желанія королевы было близко, сердце ликовало въ ней, и старое, доброе лицо ея цвѣло, глядя на *сыновицу* свою, шведскую принцессу Анну.

Для нея-то, какъ для забавы милаго дитяти, чтобъ не скучало въ гостяхъ у *цёци*, собирались каждый вечеръ молодыя дѣвицы знатнѣйшихъ польскихъ и литовскихъ фамилій, и покои королевы, едва освѣщенные обычно лишь слабымъ блескомъ теплящихся передъ святынею лампадъ, озарялись теперь ярче бѣлаго дня и раздавался въ нихъ говоръ молодыхъ голосовъ, заглушая священный голосъ воспоминанія прежнихъ жилицъ этого отдѣла дворца—Ядвиги, Krolowi pelnoi nauk i swią tobliwosei, и Елисаветы, супруги Казиміра IV, матери столькихъ королей, которыхъ она здѣсь качала въ колыбели.

Но забавляемая принцесса видимо не забавлялась и не обращала никакого вниманія на угодливыхъ сверстницъ. Она сидѣла молча передъ большимъ столомъ и перебирала свой знаменитый гербаріумъ, обогащенный въ послѣднее время флорою новаго края.

Этотъ ученый мужъ девятнадцати лѣтъ, въ юбкѣ, in plantis cognoscendis versatus, расправлялъ на пергаментѣ сухіе лепестки растеній и наводилъ поминутно справки изъ лежащихъ на столѣ фоліантовъ Іоганна и Каспара Богиніевъ, Геснера изъ Цюриха, прозваннаго нѣмецкимъ Пливіемъ, и Цезальпина, врача Италіи. Она угрюмо сдвигала бровки, силясь проникнуть въ реторическую мглу, которою наука прикрывала свои недостатки.

Королева, не сводя съ нея глазъ, ожидала терпѣливо, пока дитя натѣшится и пожелаетъ принять участіе въ общей бесѣдѣ. Она поочередно подзывала къ себѣ кого-нибудь изъ присутствующихъ магнатовъ, одѣляя каждаго ласковымъ словомъ; а между тѣмъ, изъ сосѣдней комнаты раздавались звуки надворной капеллы Любомирскаго. Королева выслушивала каждый вечеръ одинъ изъ оркестровъ, которымъ надлежало играть при въѣздѣ королевича, въ тріумфальныхъ аркахъ.

— Мо̀я мила, обратилась она къ одной изъ дѣвицъ, сидѣвшихъ ближе другихъ къ ея племянницѣ:—поправь на головѣ принцессы ея вѣнчикъ, онъ совсѣмъ сдвинулся на бокъ.

Дѣвица, съ ловкостію нимфы, убирающей свою богиню, пришпилила вѣнчикъ, какъ ему быть надлежало, и за эту услугу принцесса, очнувшись на мгновеніе, отблагодарила ее улыбкой, прирожденной высокимъ особамъ; но тотчасъ же снова отвлеклась къ своей работѣ.

— Глубокомысліе принцессы ничѣмъ ненарушимо! замѣтила шопотомъ одна изъ паненокъ.

— Какъ весело сидѣть здѣсь и смотрѣть на этого бакалавра! прибавила другая.

И для развлеченія отъ скуки, онѣ начали метать глаза во всѣ стороны, перебрасываясь замѣчаніями втихомолку.

— Какъ *нехлюйно* одѣваются эти шведки! сказала одна, взглянувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли особнякомъ спутницы принцессы.

— Въ Гданскѣ такъ поразили королевича Сигизмунда пышныя одежды нашихъ пановъ, что, по совѣту своихъ придворныхъ, онъ выѣхалъ, для отличія, въ простомъ черномъ кафтанѣ.

— А гдѣ жь та фрейлина принцессы, которая обворожила всѣхъ нашихъ пановъ?

— А вонъ она, сидитъ за *филя̀ромъ*.

— Та *бѣла̀вая осо̀бка?*

— Наши кавалеры говорятъ, что то къ намъ съ заморскаго неба упала снѣжинка.

— Для того жь-то и не разстается она съ своимъ бѣлымъ платьемъ, чтобы еще больше быть похожей на снѣжинку, добавила расфранченная молодая *межа̀тка*.

— И какъ же усердно обступаетъ ее наше панство!

— И не боится жь, что она растаетъ!

На другомъ концѣ покоя шли разспросы и толки о пріѣзжей фрейлинѣ между панами шляхтой.

— А цо жь-то за *аньолекъ?* спросилъ знатный провинціалъ у одного изъ придворныхъ.

— А то двоюродная сестра принцессы Анны, въ штатѣ ея фрейлинъ.

— Двоюродная сестра принцессы и сама принцесса, въ штатѣ фрейлинъ? воскликнулъ со всѣмъ провинціальнымъ простодушіемъ панъ.

— Это Зигридь, дочь убитаго Іоганомъ брата его Эрика и сестра утопленнаго имъ сына его Густава, добавилъ на ухо одинъ изъ сторонниковъ Зборовскихъ.

— Уморивъ брата и сына его, наслѣдника престола, Іоганъ втоиталъ племянницу въ уровень съ чернью, прибавилъ другой противникъ Замойскаго.

— Льготно же будетъ полякамъ, если будущій король нашъ наслѣдовалъ душевныя свойства отца! отозвался съ негодованіемъ посвященный въ эти дворцовыя тайны провинціалъ.

Но кромѣ Зигриди, обращала на себя всеобщее вниманіе и другая красавица, и богатая невѣста, пріѣхавшая изъ Вильно. Это была Іоганна. Первый ея шагъ во дворецъ имѣлъ уже цѣлью сближеніе съ сестрой Густава, и онѣ сблизились тѣмъ свободнѣе, что Зигридь, воспитанная съ дѣтьми Екатерины Ягеллонъ, говорила попольски.

Къ ихъ частнымъ бесѣдамъ присоединялся шведскій эмигрантъ Іоганъ Спарре, со времени казни Лориха проживавшій большею частью за границей и прибывшій въ Краковъ, по желанію Сигизмунда, который оказывалъ ему расположеніе, вопреки королевской опалѣ.

Эта группа привлекала на себя постоянное вниманіе всѣхъ посѣтителей вечернихъ собраній королевскаго замка.

— О чемъ ведутъ они такія длинныя бесѣды? раздалось опять въ сторонѣ тоскующихъ одиноко панъ.

— Его мосць, Войцехъ Конецпольскій, не сводитъ съ нихъ глазъ! прибавила другая.

— Его мосць размышляетъ о разницѣ между шведскимъ снѣгомъ и литовскимъ золотомъ!

— Снѣговая невѣста сверкаетъ ему титуломъ принцессы.

— А золотая чаруетъ его своимъ приданымъ.

— Пересядемъ къ нимъ поближе, и ксенже Войцехъ тотчасъ же подойдетъ къ намъ, чтобы также приблизиться къ этимъ двумъ звѣздамъ.

Панны воспользовались первою возможностію пересѣсть ближе къ *филяру*, гдѣ сидѣли еще нѣсколько дѣвицъ, то молча, то пересмѣиваясь между собою.

Богатство ихъ уборовъ, золотыя покрывала, ниспадающія на дорогія ткани ихъ одеждъ, количество жемчугу и цвѣтныхъ кам-

ней, бѣлизна праздныхъ рукъ, свидѣтельствовали о ихъ высокой породѣ и громадныхъ доходахъ, взымаемыхъ магнатами съ ихъ маіонтковъ.

Войцехъ незамедлилъ сдѣлать стратегическое движеніе, которое предвидѣли панны, однако ни съ кѣмъ не заговаривалъ и молча красовался передъ бросаемыми на него украдкою взорами.

Онъ былъ хорошъ собой и великолѣпенъ въ парадномъ строѣ. Несмотря на чванливую его осанку, всѣ женщины согласно отдавали ему первенство.

Съ его приближеніемъ, шопотъ и сдержанный смѣхъ молодыхъ панъ оживлялся той пріятной тревогой, которую возбуждаетъ появленіе въ женскомъ кругѣ молодого человѣка, такого пошибу, какъ Войцехъ Конецпольскій. Каждая ожидала его вниманія и привѣта; но крутя усъ свой, рыцарь видимо косился на филяръ, прислушиваясь къ происходящей за нимъ вполголоса бесѣдѣ.

— Онъ жилъ четыре года въ Вильнѣ, долетѣло до слуха Войцеха, непонимавшаго о чемъ идетъ рѣчь.

Зигридь перевела тѣ же слова пошведски Іоганну Спарре.

— И не подалъ намъ о себѣ вѣсти! прибавила она, вздохнувъ.

— Это непостижимо! сказалъ Спарре:—всѣ были увѣрены, что онъ болѣе не существуетъ. Послѣ внезапной смерти воспитателя своего онъ исчезъ, и богъ-знаетъ какихъ страшныхъ предположеній мы не дѣлали объ немъ.

— Похоже ли на него это изображеніе? спросила сестра Густава Іоганну, которой Спарре передалъ, незамѣтно для публики, миніатюръ покойнаго короля Эрика.

— Какъ нельзя болѣе! отвѣчала она, впиваясь въ него глазами.

— И панна ничего болѣе объ немъ не знаетъ? спросила Зигридь, взглянувъ на Іоганну съ участіемъ.

— Все, что знала я, уже сообщено принцессѣ въ первую же минуту моего пріѣзда. Я сдѣлала все, что могла, остальное въ рукахъ божіихъ и вашихъ.

Іоганна точно сдѣлала все, что могла. Она ничего не щадила, чтобъ узнать, не было ли отъ отца ректора распоряженій задержать Густава. Цѣлая стая ловкихъ факторовъ изрыскала весь городъ; но Густавъ канулъ какъ въ воду, не извѣстивъ ее о себѣ ни однимъ словомъ.

Долго ждала она его въ Вильнѣ и наконецъ рѣшилась ѣхать въ Краковъ; но непредвидѣнныя событія — война и осада столицы, нарушили всѣ соображенія Іоганны; она терялась въ догадкахъ и дошла до отчаянія.

— Я паду къ ногамъ принцесы Анны! сказала Зигридь: — она, своимъ покровительствомъ нашему несчастному семейству, желаетъ

смягчить передъ небомъ жестокость отца. Она одна можетъ помочь намъ!

Напряженный слухъ Войцеха страдалъ отъ грома музыки и отъ лепета молодыхъ особъ, которыя всевозможными уловками старались вызвать его на бесѣду. Онѣ спорили между собою о томъ, кому было ближе ѣхать до Польши, Валезіушу Генриху, покойному королю Стефану, или нареченному Сигизмунду.

Пріятёлки выразительно поглядывали на Войцеха, въ надеждѣ, что онъ разрѣшитъ ихъ недоумѣніе.

— Пане! обратилась къ нему прямо смѣлая панна.

— Не говорите, мое сердце: *пане*, говорите: *ваша мосць*, поправила вполголоса болѣе опытная въ приличіяхъ свѣта.

— Ваша мосць! произнесла громче панна.

Но его мосць неохотно повернулъ голову и сухо спросилъ:

— Кого зоветъ панна?

— Никого, отвѣчала она закраснѣвшись.

— А не правда жь! изобличила ея подруга.

Насмѣшливый шопотъ пробѣжалъ въ кружкѣ дѣвицъ; но Войцехъ, врѣзавшись невольно въ этотъ осаждающій его отрядъ, нашелся вынужденнымъ вступить въ переговоры.

— А знаютъ ли панны, какъ называютъ ту вышку надъ зàмкомъ? спросилъ онъ, указывая въ окно на освѣщенный фонарикъ подъ одной изъ кровель.

— Не знаемъ, отвѣчали панны въ одинъ голосъ.

— Ее называютъ *куринымъ стѣпомъ*.

— Почему жь ее такъ называютъ? спросили панны, засмѣявшись.

— Потому что у краковяковъ есть присловье, что съ поворотомъ солнца день прибываетъ на куриный шагъ.

Панны переглянулись, не вразумившись этимъ объясненіемъ.

— А знаютъ ли панны, что Ціолекъ, сынъ Станислава, внесъ на колокольню панны Маріи *звонъ*, котораго не втащили бы сорокъ холоповъ?

Панны посмотрѣли на ксенжа съ изумленіемъ, и забросали бы новыми вопросами; но на его счастье, королева, чтобъ оживить черезчуръ уже неоживленное собраніе, прислала сказать Зигриди, чтобъ она что-нибудь спѣла.

Зигридъ славилась своимъ голосомъ; говорили, что въ иныя мрачныя минуты, ея пѣніе дѣйствовало на короля Іогана, какъ на Саула звуки гуслей Давида.

Она молча встала исполнить требованіе королевы, и взяла лежавшую на столѣ цитру.

Привычная къ безотвѣтному повиновенію, но съ тоскою въ ду-

шѣ о судьбѣ брата, безсознательно прикоснувшись къ струнамъ, она извлекла изъ нихъ какія-то унылыя бряцанія, которыя, послѣ грома надворной капеллы Любомирскаго, звучали невнятно вниманію присутствующихъ.

Мало по малу, лицо Зигриди оживилось легкимъ румянцемъ, струны дрогнули и тихое вдохновленное пѣніе раздалось подъ сводами древняго покоя.

Принцеса Анна, оставивъ свое занятіе и скрестивъ рабочіе пальчики на колѣнахъ, произнесла шопотомъ свое любимое: «Verbum Domini manet in aeterna».

Королева поникла головою, подъ вліяніемъ наведеннаго грустнаго чувства.

Когда смолкла Зигридь, долго еще всѣ, казалось, слушали и томились навѣянною тоскою; но по приказанію королевы заиграли танцы. Молодежь встрепенулась, двинулись старыя пани, важно пріосанясь, и поплыли *неся голову выше берегу;* зашаркали магнаты, топыря сивый усъ и, какъ бывало съ молоду, поглядывая соколинымъ окомъ на даму. То чинно отвѣшивая поклоны, то оборачиваясь бойко, постукивая каблукомъ и размѣниваясь руками, они просновали узорнымъ плетнемъ по всѣмъ парадньмъ покоямъ дворца.

Когда же грянули бубны, скрипицы и *пузаны скачнàго* танца, молодыя паненки вспорхнули съ своими удалыми кавалерами, понеслись летомъ, схватились ручками, сомкнулись головками, какъ будто шепча другъ другу, и затрещали полы подъ пляской и топотомъ.

Звенятъ, побрякиваютъ подковки и шпоры, ясныя очи мечутъ огонь... и — провались онѣ, заботы о томъ, кàкъ будетъ, и чтò будетъ, и чья возьметъ, и кто наверхъ всплыветъ и кто на дно канетъ, побери нелегкая хмарныя думы!...

Въ это время безпокойный Войцехъ искалъ кого-то по заламъ.

— Гдѣ жь панна Іоганна? спросилъ онъ, столкнувшись съ паномъ кастеляномъ.

— Наша наияснѣйшая пани королева осыпала мою Іогасю лаской и милостями! отвѣчалъ онъ, сіяя полнымъ довольствіемъ.

— Но гдѣ жь панна Іоганна?

— Принцеса Анна только съ ней одной и говорила...

— Но гдѣ жь она? я ее не вижу!

— А гдѣ жь ей быть, какъ не съ принцесой, двоюродной сестрой Анны... Іогася съ ней неразлучны.

Войцехъ пожалъ плечами.

II.

Возвратясь ранѣе обыкновеннаго съ одного изъ тоскливыхъ вечеровъ стараго замка, Іоганна въ безпокойномъ раздумьи сидѣла въ своемъ покоѣ, опершись на столъ и склонясь головою на руки.

То вдругъ она вставала съ мѣста, и быстрыми шагами ходила по комнатѣ, то садилась снова. Казалось, что самыя безумныя мысли возникали изъ ея горя, самыя нелѣпыя надежды рождались изъ ея отчаянія.

Нѣсколько разъ она выходила изъ комнаты и приказывала стоящему на вѣстяхъ пахолику узнать, пришелъ ли Михель.

На дворѣ стояла уже темная ночь; но мало еще кто въ цѣломъ городѣ думалъ ложиться. Шинки не были еще закрыты, повсюду у лавокъ горѣли фонари, и много народу двигалось по всѣмъ направленіямъ. Великое ожидаемое торжество давало каждому свою заботу.

Въ Краковскомъ предмѣстьи, на Казимиржѣ, въ самомъ гнѣздищѣ жидовской аристократіи, нетолько торговой и денежной, но и книжной, гдѣ явились первыя жидовско-польскія *друкàрни*, гдѣ ковались не первыя и не послѣднія ухищренія и ковы противъ крещенаго міра, гдѣ еще на памяти старожиловъ *спалёно жида*, за явное противоборство христіанству, и гдѣ погибла на кострѣ катаржина Мельхерова за отступничество къ іудаизму — въ самой сердцевинѣ талмудической мудрости и денежныхъ складовъ изъ калитки крѣпкой кованой брамы, вышла худощавая, пожилыхъ лѣтъ особа, въ яломкѣ и пейсахъ, подъ перпатымъ токомъ, въ полномъ шляхетномъ строѣ и при саблѣ, по привилегіи, данной евреямъ Сигизмундомъ-Августомъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ степенной поступью, эта особа повстрѣчалась съ другою, повидимому низшаго разряда, которая, запыхавшись съ быстраго разгона, что-то отрапортовала; но идущій, не останавливаясь, кивнулъ только головою. Далѣе, на каждыхъ нѣсколькихъ шагахъ, попадались такія же встрѣчи, которыя доказывали, что яломокъ при саблѣ пользовался авторитетомъ, и что все нуждалось въ его разумномъ словѣ и совѣтѣ.

Это былъ всѣмъ извѣстный Михель Шулемовичъ. Нетолько своя братья, но и паны, и даже важные паны, часто имѣли въ немъ нужду.

Жидъ былъ необходимъ, какъ воздухъ, для истаго пана того вѣка. Жиду отдавалъ панъ въ аренду нетолько мельницы, корчмы, разные мыты, гостиные домы, цѣлые мѣстечки и вёски, но и церкви *иновѣрныхъ* христіанъ, и самыхъ прихожанъ ихъ, отдавалъ ему въ подданство за условную плату.

Polonia
Est nova Babilonia,
Paradisus Hebraeorum,
Infernus rusticorum —

Говорили, глядя на благоденствіе польскихъ жидовъ, и напрасно роптали горожане, что жиды подрываютъ ихъ торговлю, что проникли они изъ сѣдлищъ своихъ въ лучшія части города. Паны-шляхта, молча, опускали въ свои карманы огромные чинши и сборы, а сыны Израиля доброхотствовали панамъ-шляхтѣ, доставляя деньги сеймующимъ станамъ и, *какъ древніе ихъ предки прошедшіе не мокренно червонное море, выходили изо всего сухими, съ помощію червоннаго золота.*

Жидъ былъ нетолько ростовщикомъ, поставщикомъ, съемщикомъ, сводчикомъ, ремесленникомъ, художникомъ и наилучшимъ слугою пана, онъ былъ factotum et deus ex machina, и непостижимо было, какимъ способомъ все являлось до послуги панской.

— Наконецъ-то ты пришелъ! проговорила нетерпѣливо Іоганна, когда еврей Михель переступилъ порогъ ея комнаты:—ну, что жь? опять ничего?

Вмѣсто отвѣта, Михель, понуривъ голову, выразилъ свою скорбь неудачи безмолвіемъ.

— Опять никакого толку? повторила панна, съ горькимъ укоромъ.

— Теперь Краковъ море, нелегко удить въ немъ рыбу, которую и назвать какъ, не знаешь. Много пріѣзжихъ подходятъ подъ его примѣты; ему одна дорога, а намъ во всѣ стороны. Здѣсь осмотрѣны всѣ дома и корчмы, спрошены всѣ хозяева — никто такого не знаетъ.

Іоганна сдѣлала знакъ жиду подойдти ближе къ столу.

— Смотри! сказала она, открывъ футляръ и показывая ему миніатюрный портретъ.

Еврею кинулся въ глаза прежде всего золотой обручикъ, осыпанный алмазами съ изображеніемъ короны.

Взглянувъ на эти аттрибуты, онъ кашлянулъ, какъ будто поперхнувшись.

— Всмотрись пристальнѣе въ эти черты... я довѣряю тебѣ эту драгоцѣнность, съ тѣмъ, чтобъ никто другой не видѣлъ ея, никто не зналъ, отъ кого ты ее имѣешь!... а завтра, подъ этой печатью, передай отъ моего имени въ собственныя руки шведскому дворянину Іогану Спарре...

— Будетъ акуратъ исполнено, какъ ясновельможная ваша милость приказываетъ, сказалъ Михель, всматриваясь въ изображеніе Эрика XIV въ великолѣпномъ испанскомъ нарядѣ.

— Но знаешь что̀? прибавила Іоганна дрожащимъ голосомъ:— сюда пріѣхали наши отцы виленской академіи... нѣтъ сомнѣнія, что имъ извѣстно, гдѣ этотъ академикъ .. узнай непремѣнно, не задержанъ ли онъ ими въ Вильно...

Михель снова кашлянулъ и лицо его подернуло, какъ будто судорогой.

— А паннѣ жь извѣстно, какіе то̀ люди? сказалъ онъ: — каждый изъ нихъ самъ отъ себя свои дѣла скрываетъ, самъ себѣ ничего не скажетъ и не довѣритъ, самъ себя проведетъ и обморочитъ!...

— Слушай, Михель! вспыльчиво сказала Іоганна: — вѣдь и вы, если только захотите, самого демона обморочите, проведете и выпытаете его тайну!

Еврей покачалъ головою съ горестію, не сознавая справедливости убѣжденія панны.

— Не жалѣй моихъ денегъ, сказала она, бросивъ ему кошелекъ, полный дукатовъ.

— А я же радъ... Богъ мой, какъ радъ, отъ всей души радъ послужить паннѣ!... да когда бъ-то знать, кто онъ такой?...

— Тебѣ уже сказано, что его знали въ Вильнѣ, какъ безроднаго, бѣднаго академика; вотъ все, что̀ я сама знаю.

Эта мистификація навела раздумье на Михеля; дѣло было такъ темно, что зоркій глазъ его не предвидѣлъ въ немъ никакого толку; но честно отказаться было не въ его разсчетѣ.

Михель понималъ, что ему надо длить время, которое само собою разрѣшаетъ иногда трудныя задачи, и онъ придумалъ занять воображеніе панны мистификаціею иного рода, бывшей въ то время въ большомъ ходу.

Онъ попыталъ прибѣгнуть къ средству, которое употреблялъ въ такихъ случаяхъ удачно для *дворскихъ кобітекъ*. Не разъ уже, по ихъ порученіямъ, онъ совѣщался съ гадателями и астрологами, которыми славился Краковъ даже въ нѣмцахъ. Сношенія съ ними еврей предпочиталъ сношеніямъ съ іезуитской полиціей.

— У насъ есть такіе, сказалъ онъ таинственно: — отъ которыхъ обо всемъ можно допытаться...

Іоганна бросила на него вопросительный взглядъ.

— Есть такіе люди, что все могутъ знать, и нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы не знали они.

— Какіе это люди?

— А такіе жь, какъ и при дворѣ цесаря... они читаютъ по звѣздамъ въ небѣ, какъ по книгѣ.

— При дворѣ цесаря? повторила Іоганна, слыхавшая не разъ объ императорскихъ астрологахъ.

— А и у насъ же былъ Лятомъ Герка, продолжалъ Михель: — тотъ дѣлалъ все такое чудное, чего ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ... У насъ былъ и Янъ изъ Плонска такой мудрый, что на цѣлый годъ выщитывалъ въ *юдыцiумахъ* о феральныхъ дняхъ...

Тревожное чувство нетерпѣнія и недоумѣнія выразилось въ лицѣ Іоганны.

— А и теперь же есть Юсъ-Симоніусъ, поспѣшилъ прибавить еврей: — то, говорятъ, самъ Твардовскій, изъ мертвыхъ повсталый...

Невольный ужасъ пробѣжалъ дрожью по тѣлу панны при воспоминаніи страшныхъ разсказовъ объ этомъ польскомъ Каліостро.

— И твой Юсъ-Симоніусъ можетъ узнать, гдѣ тотъ, кого мы ищемъ?

— А если жь не узнаетъ Юсъ-Симоніусъ, то уже никто не узнаетъ, съ увѣренностію подтвердилъ Михель: —онъ въ стаканѣ воды покажетъ человѣка. На огонь смотритъ, и огонь говоритъ съ нимъ; приляжетъ къ землѣ — земля ему стонетъ, и въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ живой души, ему на ухо кто-то шепчетъ...

Независимый характеръ Іоганны не поддавался ни изувѣрству, ни суевѣрію, которыми пропитанъ былъ самый воздухъ, окружающій ее; но теперь, въ отчаяніи, она готова была ухватиться за призракъ.

— Юсъ-Симоніусъ и мертваго вызоветъ изъ гроба, и невѣрнаго коханка притянетъ до любы, прибавилъ съ умысломъ и тихо еврей.

Кровь бросилась въ лицо Іоганны... Это послѣднее слово отрезвило ее внезапно: «насиловать сердце любимаго человѣка!» подумала она, и содрогнулась.

Но вмѣстѣ съ этой мыслью, пробудилось въ ней страшное сомнѣніе.

— Если эта непонятная неизвѣстность есть слѣдствіе охлажденія?... Густавъ—принцъ крови... И что̀ казалось ему возможнымъ въ пылу увлеченія, въ минуты обдуманности стало несбыточной мечтой... Онъ отказался отъ нея безмолвно!...

Это сомнѣніе переполнило мѣру ея муки.

— Ступай! сказала она Михелю, и вышла, оставивъ его въ совершенномъ недоумѣніи.

Безсознательно прошла она нѣсколько комнатъ, какъ будто ища живой души, съ которою бы раздѣлить свое гнетущее страданіе.

Но роскошные, освѣщенные покои были теперь большею частію пусты. Паны рады были безвыходно въ замкѣ или на совѣщаніяхъ; все было полно заботъ, каждый занятъ самъ собою, и даже усерд-

ные поклонники Іоганны, обаянные тщеславіемъ и почестями, рѣже являлись къ ея подножію.

Войдя въ пріемную, она съ изумленіемъ увидѣла сидящую въ парадномъ мѣстѣ, разряженную Касю, одну за занятіемъ, достойнымъ владѣтельницы замка: она перенизывала жемчугъ.

Несмотря на нарядъ, наружность ея видимо утратила свою свѣжесть и проявляла съ горделивой напыщенностію выраженіе горечи и неудовольствія.

Она не обратила никакого вниманія на вошедшую Іоганну.

— Касю, ты, кажется, ожидаешь гостей?

— Я ожидаю возвращенія его милости, сухо отвѣчала Кася.

— Развѣ отецъ приказалъ тебѣ ожидать его?

— Сердечное шанованіе не требуетъ приказаній.

Эти слова были чѣмъ-то въ родѣ материнскаго наставленія.

Іоганна невольно пожала плечами и усмѣхнулась, смотря на осанку вельможной пани, которую старалась разъиграть Кася.

— Ты чѣмъ-то очень занята, сказала Іоганна, чтобъ только что нибудь сказать.

— Панна видитъ. Это подарокъ его мосци, чтóбъ я сидѣла смирно дома и рядилась для этихъ четырехъ стѣнъ.

И Кася приподняла нитку и примѣрила ее къ своей шеѣ.

— Но все-таки тебя это занимаетъ, хотѣла сказать Іоганна; но грустная задумчивость не дала произнести слова, и она медленными шагами пошла въ свою комнату.

III.

Между тѣмъ, нареченный король расположился станомъ уже на послѣднемъ ночлегѣ, въ Величкѣ. Здѣсь окружила его многочисленная свита выѣхавшихъ къ нему на встрѣчу первѣйшихъ чиновъ государства, примаса, бискуповъ, съ ихъ военнымъ людомъ, съ ихъ дворянами, съ отрядами высланныхъ изъ повѣтовъ войскъ, которыя затмили собой прибывшую съ королевичемъ изъ Швеціи плохую пѣхоту и конницу.

Въ Величкѣ привѣтствовалъ Сигизмунда и самъ коронный гетманъ Замойскій, за кровныя заслуги свои принятый, противъ ожиданія, холодно, благодаря навѣтамъ и крамоламъ, которыхъ сѣмена сѣялись уже при новомъ дворѣ въ изобиліи.

Уныло шелестилъ, развѣваясь ноябрскимъ вѣтромъ, флагъ съ гербомъ Вазовъ на кровлѣ дома, занимаемаго высочайшимъ путешественникомъ. Отъ времени до времени, перекликалась на разныхъ языкахъ разставленная стража.

Королевичъ, отпустивъ совѣтъ свой, сидѣлъ въ опочивальнѣ съ ближайшими спутниками: адмираломъ Классомъ Флемингомъ, Эрикомъ Спарре и іезуитомъ Варсевичемъ.

Свѣтъ отъ горѣвшихъ на столикахъ нѣсколькихъ свѣчей игралъ на алой драпировкѣ кровати и румянилъ отблескомъ блѣдное и угрюмое лицо царственнаго юноши, который, прислонясь головою къ высокой спинкѣ стула, казалось, изнемогалъ тѣлесно и душевно...

— Мучительный путь! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: — эти нескончаемые переговоры, этотъ эрцгерцогъ Максимиліанъ съ вельможами его партіи, этотъ Замойскій съ своей Эстоніею истомили меня до смерти!

— Но завтра наступитъ конецъ всѣмъ этимъ мукамъ, ободрительно сказалъ Эрикъ Спарре, стоявшій передъ нимъ съ обычною веселою безпечностью и всегда съ готовымъ освѣжающимъ словомъ.

— Завтра начнутся новыя истязанія представительности и парадовъ и тѣхъ же безумныхъ домогательствъ, которыя превзойдутъ все перенесенное!

— Завтра, съ соизволенія святого промысла, предстоитъ вашей наиясновельможной мосци осчастливить своимъ прибытіемъ многочисленный и доблестный народъ, возвысилъ голосъ іезуитъ Варсевичъ.

— То-есть, отдаться игрушкою буйной шляхтѣ, сухо перебилъ королевичъ.

— Завтра можно повернуть снова къ устью Вислы, гдѣ мои корабли наготовѣ, подъ парусами, произнесъ хладнокровно Флемингъ, сидящій въ отдаленіи, протянувъ не по царедворски огромныя ноги свои и развалясь тяжелою горою на стулѣ.

При этомъ неожиданномъ предложеніи іезуитъ нахмурилъ брови, и на губахъ Спарре мелькнуло движеніе досады.

— Вернуться! повторилъ королевичъ, и облако грусти еще мрачнѣе надвинулось на лицо его.

— Вернуться, какъ того весьма основательно требуетъ король, рѣшительно подтвердилъ адмиралъ.

— Для того, чтобы снова выслушивать дерзкія представленія нашего стокгольмскаго сената о томъ, что иновѣрецъ не можетъ быть наслѣдникомъ отечественной короны? презрительно возразилъ Сигизмундъ.

— Эти представленія не что иное, какъ собачій лай! сказалъ равнодушный къ догматическимъ вопросамъ Флемингъ.

— Собачій лай, сквозь который слышится и волчій вой дяди моего, герцога Карла.

— Для волковъ ставятъ капканы, сказалъ Флемингъ, который и теперь не могъ слышать хладнокровно имени герцога.—Я знаю

одного господина въ государствѣ, а если изъ-за плеча его станутъ вытягивать свои шеи другіе господа, то...

Флемингъ не договорилъ, но ударилъ только громаднымъ кулакомъ по колѣну.

Сигизмундъ улыбнулся на грубую выходку вѣрнаго слуги, своеобычность котораго была не по вкусу полякамъ. Они шопотомъ распускали уже на его счетъ разныя шутки и насмѣшки, величая его втихомолку: dominus admirabilis, вмѣсто: dominus admiralis.

— Ты думаешь, что можно вернуться отъ самой столицы? спросилъ вѣчно нерѣшительный королевичъ.

— Я никогда ничего не думаю; а когда говорю, то знаю, что̀ говорю.

— Однако, въ настоящемъ случаѣ, его милость видимо ошибается, съ жаромъ перехватилъ слово Варсевичъ: — заплатить такою ужасною обидою цѣлому народу, за святыя его чувства, недостойно рыцарской чести; не сдержать даннаго слова и присяги постыдно и не для принца крови; а принять на себя отвѣтственность такого поступка—несообразно съ здравымъ смысломъ.

Флемингъ посмотрѣлъ на него изподлобья и махнулъ только рукой.

— Я не говорю уже о невыгодномъ положеніи, въ которое поставитъ себя Швеція, если поляки будутъ вынуждены призвать на свой престолъ царевича Θеодора, язвительно замѣтилъ іезуитъ: — не говорю объ этой существенной для шведскаго государства опасности... Должно принять во вниманіе и отношенія королевскаго дома... Только тотъ можетъ давать подобные совѣты, кто находитъ разсчетъ или удовольствіе поддерживать семейныя распри.

Этотъ намекъ ударилъ прямо въ сердце Сигизмунду. Онъ напомнилъ ему тѣ домашнія драмы, отъ которыхъ опостылила ему родная семья. Ненависть къ католицизму мачихи его, королевы Гуниллы, ея вліяніе на короля и возникавшія изъ того ссоры, побуждавшія сына на непочтительное словопреніе съ отцомъ, зачастую прекращавшееся оплеухой родительской длани... все это тяжко припоминалось Сигизмунду, и онъ вздохнулъ глубже прежняго.

Но Флемингъ посмотрѣлъ на іезуита презрительно, и въ отвѣтъ не ему собственно, потому что онъ не почтилъ бы его отвѣтомъ, а во услышаніе всѣмъ и каждому сказалъ:

— Подъ своей домашней кровлей отецъ есть глава семейства, и что̀ тамъ между ними происходитъ, до того нѣтъ никому дѣла; но если сынъ будетъ исторгнутъ изъ-подъ родного крова и поставленъ главою чужого государства, то ихъ распри будутъ уже не домашнимъ дѣломъ: тогда народъ поплатится за нихъ кровью!

— Провидѣніе, вручая его наиясновельможной мосци державу

новаго королевства, не возстановляетъ сына на отца и народъ на народъ, а связуетъ ихъ крѣпче, упрочивая общія силы, назидательно возразилъ Варсевичъ: — само собою разумѣется, что эта прочность и сила осуществимы только подъ кровомъ единой истинной церкви...

— Которой? перервалъ рѣзко Флемингъ, отвернувшись и зѣвая.

Варсевичъ не отвѣчалъ. Воцарилось молчаніе.

Въ воображеніи іезуита раскинулся планъ, давно замышленный въ Римѣ, чтобъ соединенными силами Швеціи и Польши одолѣть Москву, какъ главнаго и могучаго противника повсемѣстному владычеству Ватикана. Заквасивъ латинскую Польшу, тамъ задумывали посредствомъ ея заставить перебродить всю обширную семью славянъ.

Спарре, всматриваясь на Варсевича и проникая въ душу его, казалось, говорилъ ему мысленно:

— Я также способникъ этого достойнаго питомца іезуитовъ къ достиженію короны польской; но не для соединенія, а для отдѣленія моей отчизны отъ папской Польши! И если не суждено осуществиться надеждамъ въ потомствѣ покойнаго короля Эрика, то пусть лучше господствуетъ надъ нами ненавистный герцогъ Карлъ!...

Такимъ образомъ политическія интриги связали тяжкими узами самыхъ приближенныхъ къ королевичу людей, въ сущности враждебныхъ другъ другу. Ненависть Флеминга и Спарре къ герцогу Карлу заставляла ихъ идти рука объ руку, а утвержденіе на тронѣ Сигизмунда впрягало въ одно ярмо Спарре и Варсевича.

Сигизмундъ продолжалъ молчать; разногласіе окружающихъ его людей растравило его сердце. Смотря на новое предлежащее ему государство, и оглядываясь на покинутую имъ родную землю, онъ не находилъ ни тамъ ни тутъ желаннаго пріюта. Давно уже ощущалъ онъ себя въ этомъ топномъ положеніи и стремился душою къ небу. Съ каждымъ днемъ онъ становился набожнѣе, велъ цѣломудренную, не по лѣтамъ, строгую жизнь, и задумчивый и пасмурный, казался равнодушнымъ къ власти и ко всѣмъ радостямъ міра.

Въ этомъ настроеніи онъ былъ постоянно мраченъ, медлителенъ въ дѣйствіяхъ, иногда безтолково упоренъ. Все это послужило поводомъ къ остроумной игрѣ словъ, составленной на его счетъ впослѣдствіи поляками: «Tria T fecerunt Regi nostro vae: Taciturnitas, Tenacitas, Tarditas».

— Вернуться! повторилъ онъ, богъ-знаетъ въ который разъ, такимъ неопредѣленнымъ голосомъ, что въ немъ нельзя было разслышать ничего положительнаго, и ничего отрицательнаго.

— Вернуться, сказалъ ясно и утвердительно Флемингъ.

— Вернуться невозможно! еще утвердительнѣе воскликнули въ одинъ голосъ Спарре и Варсевичъ.

— Почему невозможно? строго спросилъ Сигизмундъ, затронутый ихъ тономъ.

— Никто не сомнѣвается въ физической возможности повернуть оглобли обратно, сказалъ іезуитъ: — но здѣсь есть нравственная невозможность, которая слишкомъ очевидна.

Чуткому уху Спарре прозвучало въ послѣднемъ возраженіи королевича пробужденіе всѣмъ извѣстнаго упрямства его, усилить которое было слишкомъ опасно.

— Вернуться невозможно только отсюда, сказалъ онъ, смягчивъ голосъ: — только лишь съ этой станціи; но завтра изъ самаго Кракова можно будетъ вернуться по поводу самому законному, и вынося рыцарскую честь во всемъ блескѣ. Завтра, безъ сомнѣнія, возобновятся споры объ Эстоніи, и вотъ самый удобный случай явить твердость своей воли и отступить со славой.

Ловкое слово царедворца, отозвавшееся прямымъ смысломъ своимъ въ душѣ адмирала, но вѣрнѣе оцѣненное іезуитомъ, отвалило гору отъ сердца Сигизмунда. Въ тускломъ взорѣ его блеснуло оживленіе; вопросъ объ Эстоніи сталъ для него теперь, какъ брошенный жребій — быть или не быть, царствовать или не царствовать въ Польшѣ. Онъ уволилъ своихъ приближенныхъ на покой и легъ спать, ни о чемъ уже болѣе не помышляя.

Было уже поздно, когда Спарре вышелъ отъ королевича и направился къ своей походной палаткѣ. Стоявшіе у выхода драбанты отдали ему подобающую честь, и сановникъ прошелъ мимо ихъ молодцовато и спокойно, какъ будто на душѣ его не было никакого бремени.

Непостижима была твердость и непреклонность воли Спарре; казнь Лориха не остановила его стремленій. Вступивъ уже на пятый десятокъ, и проведя всю жизнь въ палящей атмосферѣ дворца, онъ не оскудѣлъ духомъ, и среди снѣдающихъ политическихъ и другихъ страстей, не измѣнилъ преданности своей къ королевѣ Корини.

Много дипломатическаго искуства, глубокихъ соображеній и силы гибкаго ума расточилъ Спарре на приведеніе въ гармонію польской разноголосицы, на отраженіе состязателей короны польской и на ублаженіе короля Іогана. Изъявивъ, за сына, согласіе на принятіе этой короны, единственно изъ опасенія, чтобы не перешла она въ достояніе русскаго царя, Іоганъ готовъ былъ взять свое слово назадъ, убѣдившись теперь въ домогательствѣ императорскаго дома, ненавидя надменность и своеволіе магнатовъ, буйный характеръ шляхты и уже страшась осѣтившихъ Сигизмун-

да іезуитовъ. Спарре сломилъ эти страхи, одолѣлъ сонливость самого королевича, но даже накануне въѣзда его въ столицу для коронованія, не былъ еще увѣренъ въ успѣхѣ.

Войдя въ палатку, онъ кликнулъ оруженосца своего, Гудмунда.

— Пьянъ? спросилъ его Спарре, когда онъ вошелъ, шатаясь.

— Я пьянъ; а тотъ не пьянъ, отвѣчалъ Гудмундъ, моргая глазами.

— Кто тотъ?

— Кто! тотъ же Гудмундъ, мой двойникъ, собака Гудмундъ, измѣнникъ Гудмундъ... а я пьянъ съ тѣхъ поръ, какъ проклятый колдунъ Иваръ раздвоилъ меня! Съ тѣхъ поръ я пьянъ, безъ просыпу пьянъ!...

Спарре покачалъ головою, улегаясь на койку. Для разсѣянія тревожныхъ думъ, потрясающихъ нравственныя силы, онъ перенесся мыслью въ уединенную мызу Финляндіи; душа его приняла суевѣрную привычку помысломъ о Корини спокоить и укрѣплять себя при всякой невзгодѣ.

Любовь Спарре къ этой женщинѣ, прошедшая чрезъ тяжкія испытанія, переродилась уже въ тѣ прочныя искреннія отношенія, которыя связуютъ друзей, испытавшихъ вмѣстѣ много радостей и горя.

Спарре почиталъ себя въ страшномъ долгу передъ этой женщиной, потерявшей любимаго сына и все достояніе дѣтей, вслѣдствіе слишкомъ смѣлыхъ его замысловъ, которыхъ она никогда не раздѣляла, и тяжкимъ гнетомъ лежала на душѣ его кротость Корини, которая, глотая слезы свои, никогда не произнесла ни одного укоризненнаго слова.

Неизвѣстность судьбы принца Густава была для нихъ обоихъ ужаснѣе самаго несомнѣннаго удостовѣренія о его смерти. Король Іоганъ способенъ былъ обречь его на вѣчное заточеніе, на нескончаемыя муки и пытки, ни передъ какимъ злодѣяніемъ не остановилась бы ненависть короля, послѣ обнаруженнаго покушенія возвратить несчастному принцу права его.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Іоганъ, въ припадкѣ угрызенія совѣсти, врачуя болѣзнь свою новою болѣзнью, измѣнилъ отечественной вѣрѣ. Молодая королева разсѣяла его латинскія бредни; но сынъ его, этотъ потомокъ Ягеллоновъ, іезуитское созданіе, былъ истиннымъ пугаломъ для вѣрныхъ сыновъ государства. Въ этомъ отношеніи, дворянство Швеціи не разногласило съ герцогомъ Карломъ, защитникомъ протестанства; но осязая на себѣ тяжкую руку Карла, оно не покидало своихъ надеждъ.

Въ пылкой головѣ Спарре лелѣялась уже тайная мысль, для воплощенія этихъ надеждъ, возстановить потомство Эрика XIV, женивъ на дочери его своего старшаго сына.

IV.

Въ самой средѣ упомянутаго еврейскаго гнѣздилища на Казимиржѣ, отдѣленнаго отъ христіанскихъ поселеній *глиняной фортой*, въ домѣ, обнесенномъ стѣнами и похожемъ на узилище, съ желѣзными рѣшетками и затворами, просыпался, на зарѣ, извѣстный намъ Михель Шулемовичъ.

Первою мыслію Михеля было благодареніе Богу за изліянное на него обиліе.

Обратя лицо къ полуночи, онъ молилъ объ умноженіи богатства его, и о продолженіи дней живота его, даже до седьмого колѣна, въ которомъ «да умножились бы и преизбытки его, какъ бездна морская текущими въ нее водами; да упитался бы родъ и народъ его богатствами, силами и благами другихъ народовъ, и да возвысился бы надъ первыми изъ нихъ послѣдній изъ чадъ Израиля!»

Окончивъ молитву въ тайнѣ сердца и еще въ ненарушимой тишинѣ окружающаго безмолвія, Михель сталъ соображать о всѣхъ предстоящихъ ему на эти наступившія сутки дѣлахъ.

Важность всякаго дѣла, съ точки зрѣнія жида, обусловливалась, разумѣется, приносимою выгодою, и самыя значительныя соображенія относились къ тому, изъ чего можно было извлечь наиболѣе корысти, а потому и великое событіе настоящаго дня — въѣздъ въ столицу избраннаго на королевство, торжественное и жуткое для народа, въ отношеніи обитателей на Казимиржѣ, было не болѣе, какъ добрый случай для поживы, который слѣдовало исчерпать до послѣдней мѣры.

Народный организмъ трепеталъ всѣми нервами, наставляя на старыя свои плечи новую голову; а паразиты, облѣпившіе его, дѣлали спокойно свое дѣло.

Раньше и шумнѣе обыкновеннаго проснулся городъ, слилось уже въ одинъ гулъ повсемѣстное движеніе и говоръ, стукъ колесъ, топотъ коней и бряцаніе оружія; но это не мѣшало Михелю изощрять свои соображенія на мудреномъ требованіи панны Іоганны.

Неоднократно принимаясь всматриваться въ черты портрета, и невольно отвлекаясь оцѣнкою украшающихъ его дорогихъ камней, онъ, покачивая головою, то хмурилъ, то вздымалъ брови.

«И кто жь бы это за особа такая, которую и какъ назвать не знаешь, и гдѣ искать не знаешь?... Поди допроси тѣхъ превелебныхъ мосцей: гдѣ онъ? возьми его да и представь паннѣ!» проговорилъ Михель; потомъ, пробормотавъ еще что-то про себя, послалъ разсыльнаго фактора за Дувыдовичами, Шамомъ и Шмулемъ, сыновьями равви Дувыда, *либраріуса*, слывущаго притчею во языцѣхъ, за пристрастіе къ безприбыльному товару.

*

На ту пору, равви Дувыдъ, старый и тощій, сидѣлъ въ своей книжной крамницѣ, среди сложенныхъ на полкахъ и сваленныхъ грудами на полу книгъ и манускриптовъ, покрытыхъ пылью и затянутыхъ паутиною.

Онъ держалъ въ рукахъ четко-исписанную тетрадь, перелистывая ее дрожащими перстами. Его не развлекала возня и болтовня, раздававшіяся изъ сосѣдней комнаты, гдѣ кишила и бурлила многочисленная семья патріарха, разныхъ половъ и возрастовъ.

Не обращалъ онъ вниманія и на махающаго передъ нимъ руками жидка Ицьку, который шамшилъ по своему, принося жалобу на стоявшихъ поодаль двухъ человѣкъ, въ истоптанной обуви, въ истерханой долгимъ путемъ одеждѣ, съ изнуренными лицами и выраженіемъ несноснаго ожиданія.

— Манускриптъ полный, съ началомъ и съ концомъ, писанъ четко, пошведски, а что̀ же въ немъ... заговорилъ-было Дувыдъ, обращаясь къ путникамъ.

— А и хозяинъ Лейзеръ говоритъ что̀ же въ немъ! перебилъ его Ицька: — ночевали въ каморѣ на пуховыхъ перинахъ; за ужиномъ съѣли полку̀голя и миску *либерла̀ха*, выпили кварту пива и *килу̀хъ* горѣлки, проговорилъ онъ однимъ духомъ, въ сильномъ негодованіи.

— Вартъ! окрысился на него Дувыдъ: — манускриптъ полный, да что̀ же въ немъ содержится? спросилъ онъ одного изъ путниковъ, бѣлокураго, молодого человѣка привлекательной наружности.

— Если ты не понимаешь по заглавію, что̀ въ немъ содержится, то подай мнѣ его назадъ, съ сердцемъ отвѣтилъ вопрошаемый.

Дувыдъ хотя и достаточно понялъ содержаніе рукописи, но хотѣлъ попытать, знаетъ ли ей цѣну продавецъ.

— А что̀, какъ по твоему цѣна? спросилъ онъ.

— А намъ же оставляли въ залогъ за десять злотыхъ польскихъ, перебилъ опять Ицько: — ночевали въ каморѣ, съѣли за вечерей полку̀голя и миску либерла̀ха; выпили кварту пива и килу̀хъ горѣлки, а сего утра поснѣдали щупа̀ка, и за всѣ тѣ добрыя *потра̀вы*, возьми въ залогъ какія-сь тамъ скриптуры, да еще дай имъ десять злотыхъ польскихъ, проговорилъ снова однимъ духомъ Ицько.

— Ну, что, что̀ цѣна? повторилъ Дувыдъ.

— Этимъ скриптурамъ дорога цѣна; я ихъ и отдаю только въ залогъ, сказалъ съ сердцемъ молодой человѣкъ.

— Теперь платятъ дорогія деньги только за постой въ корчмѣ, да за всякій кормъ и пойло, а кому теперь время читать скриптуры? Пусть равви дастъ за нихъ наши десять грошей, отозвался Ицько.

— За собачью конуру, да за свинячій ужинъ, десять грошей! подалъ голосъ другой путникъ, въ одеждѣ причетника, съ котомкой за спиною.—Ахъ ты Аманово ухо! Бо-дай тебѣ вѣкъ катиться въ бочкѣ къ своимъ праотцамъ и никогда не докатиться!

У Ицьки ощетинились пейсы отъ этого обиднаго для жида проклятія.

— А теперь же время не простое! загомонилъ онъ еще громче:— теперь со всей Польщи люди идутъ и ѣдутъ на коронацію въ *място*... воды даромъ не хлебнешь... присѣлъ, какъ курчакъ подъ навѣсъ — и то плати деньги!... Давай хозяйскихъ десять грошей! прикрикнулъ онъ расхрабрившись, и готовый вести несостоятельныхъ должниковъ своихъ въ урядъ.

— Десять грошей! повторилъ слышавшій только эту цѣну Дувыдъ: — десять грошей можно дать, добавилъ онъ, привставая и намѣреваясь положить рукопись на полку.

— Плати десять грошей, равви, и цуръ имъ! подхватилъ обрадованный Ицько.

— За десять грошей, эту рукопись! воскликнулъ съ досадой юноша, вырывая изъ рукъ букиниста манускриптъ свой.

— Да тутъ самаго папиру больше, чѣмъ на десять грошей! прибавилъ его товарищъ, окрысившись на еврея: — когда бъ не нужда пріодѣться къ королевскому въѣзду, не продалъ бы его милость ни за сто дукатовъ!

— А сказали жь десять грошей, я и даю десять, а коли двадцать, то пусть будетъ и двадцать!

— Не надо и ста твоихъ злотыхъ!

— Дз! ай, ай, ай! И какъ же-жь можно сто злотыхъ! Вотъ за пятнадцать злотыхъ самъ «Цезарь Римскій!» возопилъ старый равви, приподнявъ толстый букинъ и снова опустивъ его на кучу книгъ, отъ которыхъ взвилась столбомъ пыль. — А вотъ *Звирцядло* Викентія Бова, возьми за пять злотыхъ...

— Пойдемъ пане отсюда, сказалъ спутнику своему церковникъ: — съ нимъ не сговоришь до трубнаго гласа, а нареченный король ждать насъ здѣсь не станетъ. Пойдемъ къ ксензу Урбанію, тотъ совой смотритъ, сова и есть, мудрецъ доскональный: тотъ разомъ скажетъ и дастъ настоящую цѣну.

— А когда жь ксензъ Урбаній, уже три года на томъ свѣтѣ, да и пошведски не знаетъ, перебилъ Дувыдъ, придерживая обоихъ за полы: — а зачѣмъ же вамъ ходить къ другимъ, когда я дамъ пять злотыхъ?

Юноша отдернулъ полу изъ рукъ жида, и пошелъ рѣшительно къ двери.

— За королевскій автографъ пять злотыхъ! сказалъ онъ съ досадой.

— Ну, получай же, панъ, всѣ десять!

Но продавецъ уже не слышалъ.

— Королевскій автографъ! а кто же то зналъ и откуда жь было то знать?... за королевскій автографъ я бы и дороже далъ, когда бы зналъ, бормоталъ Дувыдъ, слѣдуя за уходящими.

Но его переняла на дорогѣ вся семья, высыпавъ изъ сосѣдней комнаты и затопивъ всю лавку.

Старая жидовка жена, дряхлая мать ея, два сына, дочь, двѣ невѣстки, внука съ ребёнкомъ на рукахъ, и за ними все остальное четвертое колѣно патріарха, обступило его и завопило въ одинъ голосъ противъ разорительной страсти Дувыда скупать книжный хламъ.

Дувыдъ, какъ пловецъ посреди бурныхъ волнъ, работалъ своими суковатыми руками и порывался къ двери, въ которую путники уже вышли.

— Пане! сказалъ старшій изъ нихъ товарищу, пріостановивъ его съ видомъ сокрушенія: — мы перешли сотни верстъ, натерпѣлись всякаго горя, поспѣшая къ тому въѣзду нареченнаго короля... и вотъ божіею помощію, чертогъ изукрашенный передъ нами и вся столица нарядная, какъ невѣста во срѣтенье жениха; а намъ съ паномъ и куска хлѣба нѣтъ, и наготы прикрыть нечѣмъ...

— Что дѣлать, другъ Клавдій, такова наша доля; но пусть, въ этомъ рубищѣ слуги домохозяина выбросятъ насъ какъ незваныхъ на бракъ, а все же не отдамъ я своего сокровища за безцѣнокъ!

— Дукатъ, пане!... Рохлэ!... Эстеркэ!... такъ же вотъ, два дуката! крикнулъ Дувыдъ въ двери, какъ изступленный, отталкивая вцѣпившихся въ него жидовокъ.

И напрасно всѣ четыре поколѣнія держали его съ обѣихъ сторонъ за распахнувшіяся лохмотья ветхой ризы.

— Такъ пять же дукатовъ! крикнулъ онъ еще громче, высунувъ голову въ двери.

— Пять дукатовъ! повторилъ Ицько, прорвавшись на улицу.

— Десять, Ицько, держи ихъ! заговорилъ уже хриплымъ голосомъ Дувыдъ, надбавляя цѣну, нà зло всему вопіющему кагалу.

— Слышите, пане, даетъ десять дукатовъ! взмолился церковникъ: — вѣдь пора намъ, вѣдь и куры насмѣются, что пришли мы съ конца края земли, да ничего не видали; глядите, народъ валитъ туча тучей!

— Не знаешь ты, какъ тяжело мнѣ разстаться съ этой рукописью! со вздохомъ произнесъ юноша.

— Э, пане, съ тѣмъ ли разстаются люди! и съ душою разстаются, на сей землѣ нѣтъ ничего нашего, все божье!

Не успѣлъ онъ еще договорить этого разсужденія, какъ Ицько въ него вцѣпился.

— Пойдемте, пойдемъ къ намъ браты-шляхта!... старая Рохля собьетъ раввина... тутъ ужь ничего добраго не будетъ!... пойдемъ до хозяина... Лейзеръ самъ возьметъ въ залогъ, самъ купитъ... Лейзеръ знаетъ, гдѣ достать и новаго шляхетскаго строя по дешевой цѣнѣ... Лейзеръ панству и обѣдъ и ужинъ въ долгъ позычитъ...

— Десять дукатовъ червонныхъ, шесть злотыхъ, двадцать грошей! вотъ берите всѣ въ купѣ! десять дукатовъ червонныхъ, шесть злотыхъ... рычалъ Дувыдъ, протягивая изъ дверей руку свою съ кошелькомъ.

— Да берите жь, говорю, берите, пане! куда еще идти до Лейзера и начинать торгъ снова.

— Съ уговоромъ, сказалъ взволнованный юноша, наконецъ рѣшившись: — слушай, равви, рукопись будетъ твоя, если черезъ три дня я не выкуплю ее за двойную цѣну, прибавилъ онъ съ отчаяніемъ.

— А вотъ же вамъ! крикнулъ едва переводя духъ равви Дувыдъ, держа въ поднятой рукѣ манускриптъ и дразня жидовокъ, которыя, вымещая безсильную злобу надъ лежавшими на полу книгами, швыряли ихъ немилосердо во всѣ стороны ногами.

Эту семейную сцену прервалъ посланный отъ Михеля за Шамомъ и Шмулемъ. Увидѣвъ его, Дувыдъ позвалъ старшаго сына.

— Шмуль! крикнулъ онъ: — на! заверни бережно, да неси къ Михелю... укажи ему на заглавіе; спытай, чи стоитъ пятидесяти червонныхъ?

— А чего-жь бы ему не стоить и всѣ сто? проворчалъ Шмуль, принимая рукопись изъ рукъ отца.

— Дастъ и сто, да не отдамъ! проворчалъ сердито и равви Дувыдъ: — самъ поднесу королю!

— Михелю у насъ учиться, бросать гроши за окно! сказалъ Шмуль, отправляясь съ братомъ къ Гогъ-магогу.

Они застали его облеченнаго уже, по званію адвоката, въ парадную форму, соотвѣтственную торжественному дню, съ привѣшенной къ боку саблей.

— Что? ни чуху, ни слуху? спросилъ онъ.

Шамъ кивнулъ утвердительно головой.

— Шмуль! Юсъ-Симоніусу будетъ работа... скажи ему, что я сегодня у него самъ буду.

— То еще будетъ работа Юсъ-Симоніусу; а наша уже кончена, сказалъ Шамъ.

— А чѣмъ же-жь кончена? какая-жь польза вышла изъ того конца? сказалъ Михель, надѣвая шляпу и выходя.

— А не наша жь-то вина, и кто-жь найдетъ человѣка, котораго нигдѣ нѣтъ? отвѣчалъ нахмурясь Шамъ, развязывая платокъ.

— Это что?

— А то, что у отца во всемъ домѣ на кусокъ хлѣба не осталось грошей! равви Дувыдъ всѣхъ насъ похоронитъ!... вотъ, за эту книгу, отдалъ весь нашъ капиталъ, какимъ-то двумъ бродягамъ, лѣкарямъ ярморковымъ, которымъ нечѣмъ было заплатить за постой Лейзеру, что̀ у заставы... увѣрили стараго, что самъ король купитъ ее...

Покуда Шамъ жалобнымъ голосомъ высказывалъ свой ропотъ на отца, слѣдуя за Михелемъ, онъ на ходу разсматривалъ рукопись и, соображая самъ съ собою, разсуждалъ:

Рукопись шведская... Королевскій меморіалъ... Нѣтъ сомнѣнія, что ее привезъ кто нибудь изъ прибывшихъ съ шведскимъ королевичемъ Сигизмундомъ на коронацію... рукопись, или потеряна, ли украдена...

— Равви Дувыдъ изъ ума выжилъ! сказалъ наконецъ Михель:— за такую покупку можно въ бѣду попасть.

— Отецъ отдалъ за ту книгу всю кишеню, все, что̀ было у насъ грошей, всѣ пятьдесятъ дукатовъ, шесть злотыхъ.

— Равви Дувыдъ изъ ума выжилъ! повторилъ Михель, вытаращивъ на него глаза.—Неси ему назадъ.

Шамъ взялъ манускриптъ и хотѣлъ снова его завертывать въ платокъ.

— Постой, сказалъ Михель: — равви Дувыда надо вывести изъ бѣды... я иду теперь же къ одному шведскому дворянину, по дѣлу... и покажу ему... Можетъ быть, и сбуду, подъ рукою, прибавилъ онъ:— на томъ основаніи, что свему ближнему, то-есть своему брату іудею всегда надо оказать помощь.

И спрятавъ рукопись подъ плащъ, онъ отправился поспѣшно прямо на Гродскую, гдѣ квартировалъ Іоганъ Спарре.

Дворскій кочъ стоялъ уже у подъѣзда; но доступъ для адвоката повсюду былъ нетруденъ. Онъ умѣлъ располагать докладчиковъ въ свою пользу; а громкое имя ясновельможной панны Іоганны привело его прямо къ покою, гдѣ и Спарре, по случаю торжественнаго дня, облекся уже въ придворную одежду.

— Я буду самъ лично говорить съ ея милостію! сказалъ Спарре, принимая вручаемый съ почтительнымъ поклономъ футляръ, и кивнувъ Михелю головою.

— Вашей вельможной мосци, не въ угоду ли будетъ взглянуть кстати на эту любопытную вещь, проговорилъ Михель съ новымъ поклономъ, подавая Спарре манускриптъ.

— Это также панна прислала? спросилъ съ изумленіемъ Спарре, взглянувъ на него.

— И гдѣ-жь вельможной паннѣ заниматься такими вещами? то наше книгарское дѣло.

— «Diarium Regis Erici!» ты гдѣ-жь взялъ эту рукопись?

— А гдѣ-жь было взять безъ денегъ... большія деньги заплатилъ...

— Гдѣ ты взялъ, у кого купилъ? спрашиваю я тебя! повторилъ съ сердцемъ и нетерпѣливо Спарре.

Михель затрясся отъ испугу.

— А то-жь... не я купилъ... то равви Дувыцу не здѣшніе, чужіе люди принесли.

— Подай мнѣ ихъ... нѣтъ! Ступай за мной! крикнулъ Спарре.

И кони въ богатыхъ шорахъ, въ вычурной запряжкѣ дворскаго коча, понеслись вмѣсто королевскаго зaмка въ жидовскій кварталъ.

V.

Нареченный король, думая и раздумывая, не торопился въ свою столицу.

Съ разсвѣтомъ дня стали собираться войска въ полномъ убранствѣ, занимая свои назначенные посты; народъ также спѣшилъ предупредить вездѣ первенствующихъ мѣщанъ и шляхту. Былъ слухъ, что Сигизмундъ вступитъ въ городъ въ девятомъ часу утра; однако, не ранѣе полудня загудѣли колокола, загремѣли пушки, заиграла музыка, повѣщая о его приближеніи.

Людей какъ будто вымело со всего города на протяженіе тѣхъ улицъ, по которымъ надлежало быть шествію. Наконецъ и жиды, отложивъ свои дѣла и заботы, облѣпили уже окраины своего предмѣстья, и вся знать засѣла на балконы и на возведенныя, въ видѣ крытыхъ бесѣдокъ, подмостки, по преимуществу у флоріанской брамы, гдѣ долженъ былъ привѣтствовать молодого короля, отъ имени сената, длинной рѣчью Гослицкій, епископъ каменецкій.

Но солнце клонилось уже отъ полудня къ закату, и толпы, развлекаемыя суетою, почувствовали утомленіе и взалкали. Изъ сплошной гущи народа стали продираться отряжаемые за съѣстными припасами, которыми угощали на площадкахъ торговки, примостившіяся у какой нибудь статуи или у креста съ своими корзинами хлѣба, съ лотками сельдей и печонки, съ яблоками и огурцами. Иныя тутъ же жарили на жаровнѣ колбасы, не успѣвая удовлетво-

рять требованію проголодавшагося и изнуреннаго пожданьёмъ народа; другія подносили жаждущимъ ченстоховское пиво и *мàржецъ*.

Разубранное въ шелкъ, золото и дорогіе каменья ясновельможное магнатство, сидя на своихъ балконахъ и въ ложахъ галлерей, также пробавлялось въ ожиданіи и на досугѣ сластями и закусками. Паньи и панны, нагибаясь черезъ перила, бесѣдовали съ показистыми всадниками, стоявшими внизу при своихъ отрядахъ.

Наплывъ народа и декораціонныя подмостки до того измѣнили фасады домовъ, что горожане съ трудомъ узнавали свои улицы и площади.

Между сѣрымъ простымъ людомъ рисовались нарядные мѣщане, и въ поблекшихъ доспѣхахъ шляхтичи, съ своими пани и паненками, которыхъ они рыцарски оберегали отъ черни.

Шумно разговаривали образовавшіяся группы изъ разныхъ знакомыхъ и незнакомыхъ.

— Пани Злотникова! пани Злотникова! заголосила къ своей сосѣдкѣ одна дородная торговка, сидя у лотка съ *кукелькàми* и *гржеслолкàми*, и указывая на идущую подъ руку съ кавалеромъ щеголиху. — То наша *броварка* съ Крючковой шинкарни!... понадѣвала на себя всѣ свои барканы и *ланцýхи*!

— И еще-жь съ подбитымъ глазомъ! молвила ея товарка, пани Скорнякова.

Указываемая броварка, съ пылающимъ, какъ пивоній лицомъ, была въ тревожномъ состояніи духа.

— А и тутъ же скверно! вскрикнула она сердито. — Не хочу я стоять здѣсь промежь бруднаго народа.

— Але-жъ, мòя коханечко, тутъ у флоріанской брамы все наияснѣйшее панство, ублажалъ ее шляхтичъ, отирая потъ, катившійся съ него градомъ, несмотря на свѣжую ноябрьскую погоду. Онъ успѣлъ уже обѣжать съ своей разборчивой подругой почти весь городъ, ища лучшаго мѣста.

— Гдѣ-жь тутъ, какое-жъ тутъ наияснѣйшее панство!

— Да ты жь посмотри, моя люба, говорилъ ея спутникъ, указывая на богатоукрашенныя подмостки.

— Ой, да видно еще мало мужъ-то бьетъ ее! замѣтила, качая головою, пани Злотникова.

— Билъ бы больше, когда бъ она была не лютра.

— Вотъ-то новость! развѣ жь ея вѣра лучше нашей?

— А потому-жь и есть, что она хуже, а не лучше. По нашей вѣрѣ надо имѣть *скрýпулъ* брать большія лихвы, такъ вотъ, затѣмъ-то онъ на лютрѣ и женился, чтобы ея руками сгребать лихвы въ свои скрины.

— И бѣсовы тѣ лихвы: какъ приходятъ, также-жъ и уходятъ, нравоучительно заключила пани Злотникова.

Но броварка, не удостоивая вниманіемъ злыя рѣчи, пріостановилась, чтобы повѣрить слова своего кавалера собственными глазами, которые тотчасъ у ней разбѣжались. Передъ нею запестрѣла галлерея съ золочеными подзорами, убранная яркими коврами и тканями, унизанная такою массою невиданныхъ ею нарядовъ, что она разинула отъ изумленія ротъ.

Шляхтичъ, довольный ея успокоеніемъ, началъ ей разсказывать все, что̀ будетъ.

— А вотъ же слўхай, моя коханка: его мосць король въѣдетъ въ място чрезъ Казимиржи и Страдомъ, а оттуда повезутъ его вокругъ городскихъ муровъ къ Стрѣльницѣ...

— А что-жъ тамъ у Стрѣльницы будетъ? разсѣянно проговорила она.

— А тамъ будутъ *привѣтствовать* его мѣщане; а за ними ротмистры пѣшіе и конные; великій гетманъ разскажетъ про ихъ побѣды, и королю его милости утѣшно будетъ то слышать.

— Ну, а послѣ что̀?

— Ну, а послѣ великій гетманъ вручитъ королю его мосци двѣ булавы и два стяга, взятые у нѣмцевъ, въ битвѣ подъ Краковымъ, и король его мосць возрадуется еще больше.

— И чѣмъ тогда пожалуетъ король пана гетмана?

— А уже-жъ пожалуетъ покоролевски.

— Ну?

— А потомъ панъ гетманъ покажетъ пушки и обозы, отбитые у Арцы-ксенжа Максимиліана.

— И король его мосць будетъ радоваться еще, еще и еще больше? проговорила коханка, передразнивая своего рыцаря.

— А уже-жъ будетъ. Нашъ великій гетманъ радовалъ всегда короля Стефана, и король Стефанъ говорилъ гетману: «проси у меня что̀ хочешь, бери сколько хочешь казны и маіонтковъ». А гетманъ говорилъ королю: «Не хочу твоей казны и маіонтковъ, отдай мнѣ свою сыновицу», и король отдалъ ему свою сыновицу.

Внимая издали разговору шляхтича съ его коханкой, пани Злотникова протяжно зѣвнула. Наглядѣвшись досыта и насытившись вдоволь, она вспомнила о своемъ обычномъ часѣ отдохновенія.

— А чи дождемся мы сегодня нашего напяснѣйшаго круля? сказала она подсѣвшей къ ней молодой поселянкѣ, которая неутомимо глазѣла на все и въ особенности на украшенія тріумфальной арки.— И не наскучило-жъ тебѣ смотрѣть на ту браму съ *пта̀комъ?* прибавила она, усмѣхаясь.

— А что-жъ, моя пани, тотъ *птакъ* значитъ? и зачѣмъ онъ дер-

житъ въ когтяхъ снопъ жита, будто дѣтокъ своихъ кормитъ? спросила молодица.

— А то-жь и значитъ, что птакъ дѣтокъ своихъ кормитъ. Чего-жь тутъ еще больше значитъ? растолковала пани Злотникова это эмблематическое изображеніе польскаго орла, держащаго въ когтяхъ снопъ — гербъ Вазовъ, и питающаго, вырываемыми колосьями, молодыхъ орлятъ своихъ.

Поселянка удовольствовалась этимъ объясненіемъ и смолкла.

— Смѣхъ беретъ слушать тѣхъ глупыхъ холопокъ, продолжала пани Злотникова: — толкую имъ, что̀ то и то значитъ! привыкли тамъ у себя допрашивать, что̀ значатъ малёванья на мурахъ костельнихъ, да и думаютъ, что и здѣсь тоже все что-нибудь да значитъ!

Пани Скорнякова отъ щедраго сердца разсмѣялась.

— Здѣсь, моя мила, и не допытаешься, что̀ значитъ все, что̀ видишь. Здѣсь отъ самыхъ Шанцовъ и до Клепаша штукъ двадцать такихъ брамъ повздымали, добавила пани Злотникова, заявляя, что образованнымъ горожанкамъ ничто не въ диковинку.

— Ой, да что-жь это такое, такъ и сверлитъ очи? промолвила она, отодвигаясь, и не догадываясь, что солнце, ударяя въ золотыя латы рыцаря, стоявшаго на другой сторонѣ улицы, отражалось ей въ глаза нестерпимымъ, ослѣпительнымъ *зайкой*.

Этотъ рефлекторъ былъ Войцехъ Конецпольскій, горѣвшій какъ жаръ въ блистательной бронѣ своей. Бѣлыя перья его каски развѣвались въ воздухѣ и стройно колебались, слѣдуя за движеніями головы его, которая поминутно оборачивалась къ балкону, гдѣ сидѣла въ кругу знатнѣйшихъ дамъ великолѣпная красавица, но съ выраженіемъ въ чертахъ глубокаго горя.

То была Іоганна. Сосредоточенная въ себѣ самой, она казалась безучастной ко всему, что̀ ее окружало.

Дамы, посматривая на нее, пожимали плечами.

— Долго ли еще будетъ длиться эта мука? спросила она вдругъ, опомнясь и взглянувъ на закатывающееся солнце.

— Пусть бы длилось цѣлую вѣчность, отозвался снизу Войцехъ: — быть вѣчно у ногъ панны — я не знаю иного блаженства, прибавилъ онъ выразительно. Но на лестную остроту, не получилъ отвѣта, и его блаженству наступалъ конецъ.

Раздался внезапный залпъ орудій; колокола, уставшіе звонить во всѣ звоны, загудѣли снова—это былъ сигналъ вступленія Сигизмунда въ городъ.

Зрители оживились и пріободрились, шеи вытянулись, головы обратились въ одну сторону, силясь видѣть то, что̀ было еще за предѣлами зрѣнія.

Наконецъ грянула капелла Любомирскаго изъ ближайшей арки, салютуя показавшемуся вдали хозяину королевства.

Сигизмундъ ѣхалъ подъ балдахиномъ *кармазиновымъ, пасаманàми и френзлями гафтовàнымъ*, окруженный сенаторами, послами, рыцарствомъ—свитой, которая текла за нимъ золотой рѣкою. Султаны и перья, развѣваясь по вѣтру, казались стаей летящихъ надъ головами птицъ.

Королева и принцесса Анна, со штатомъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ, тянулись во слѣдъ длинной процессіей въ парадныхъ колымагахъ.

Всѣ взоры устремились на нареченнаго короля; всѣ старались разгадать черты лица его и прочесть въ нихъ будущую судьбу государства и народа; но эти юныя черты были мрачны, въ нихъ выражались только усталость и томленіе.

Шествіе остановилось у флоріанской брамы; королевичъ спѣшился, чтобы принять благословеніе, которое предлагалъ ему епископъ, стоявшій тутъ съ крестомъ и святой водою. Королева и вся свита вышли изъ экипажей. Гослицкій началъ свое привѣтственное слово.

Но тихій голосъ его терялся въ пространствѣ и только отъ времени до времени, вѣтеръ, выхватывая клочокъ рѣчи, доносилъ его до слуха зрителей, жадно ловившихъ прерываемый смыслъ.

— Здѣсь, на семъ мѣстѣ, матерь вашей королевской мосьци жизнь воспріяла, и сюда же, плодъ ея чрева, вашу королевскую милость, Господь возвратить соизволилъ, произнесъ епископъ.

— Виватъ! крикнуло нѣсколько счастливцевъ, до которыхъ долетѣли эти слова.

— Чтò? чтò такое? спрашивали другіе.

— На главу свою, наияснѣйшій крулю, возложишь вѣнецъ, который *Надзядове*, *Прадзядòве*, *Дзядòве* и *Вуевè* вашей королевской мосьци славно носили!

— Виватъ! раздалось снова.

— Чтò? чтò такое? повторилось въ толпѣ.

— Вступай же *фортунно* въ столицу, отъ пана-Бога тебѣ предназначенную!

— Виватъ! крикнулъ на всю площадь кавалеръ броварки.

— Молчи, дурню! прикрикнула и она, испугавшись его восторга.

— Ты имѣешь въ королевствѣ своемъ великое множество людей ученыхъ, мудрыхъ и *богобòйныхъ*, продолжалъ епископъ.

И одобреніе послышалось уже не въ толпѣ, а съ галлерей и частію въ свитѣ.

— Суди судомъ пану-Богу милымъ и не одному, не двумъ, а всѣмъ подданнымъ твоимъ пріятнымъ!

При этомъ словѣ нѣсколько глазъ незамѣтно покосились на гетмана, стоявшаго ближе всѣхъ къ королевичу, и нѣсколько улыбокъ проскользнуло змѣями по устамъ.

Между тѣмъ, знакомая намъ пани Злотникова, привставъ съ своего мѣста, напрягала также нѣсколько тугія свои уши; но вдругъ кто-то сильно толкнулъ ее въ спину.

Оглянувшись, она увидѣла пробивавшихся сквозь толпу людей; двое изъ нихъ были въ такой несообразной съ празднествомъ одеждѣ, что пани Злотникова приняла ихъ за *лётровъ*.

— Свѣнтый Іосифъ! воскликнула она, щупая свои карманы.

— Матка Боска! давятъ! давятъ! простонала другая торговка, уклоняясь отъ напиравшаго на нее какого-то, съ виду важнаго господина, который велъ за руку одного изъ воображаемыхъ *лётровъ*.

За ними слѣдовалъ не менѣе важной наружности еврей, разсыпавшій направо и налѣво свои увѣщанія.

— Прошу посторониться, пропустите! убѣждалъ онъ, очищая дорогу: — это жъ ясновельможное иноземное панство, это жъ они опоздали, до процессіи, не успѣли надѣть своихъ коштовныхъ парадныхъ строевъ.

Броварка, глядя на нихъ, пришла въ ужасъ.

— Спокойся, моя душко. Слышишь то иноземные, важные графы, ободрялъ ее кавалеръ: — смотри, мое сердце, какъ нѣмецкіе рейтары раздаются передъ ними.

Броварка съ изумленіемъ смотрѣла на важныхъ иноземныхъ графовъ, въ такомъ неважномъ одѣяніи. Господинъ, который велъ одного изъ нихъ за руку, пробившись къ самой свитѣ королевы, указалъ ему на фрейлину, возлѣ принцессы Анны.

Но Зигридъ въ эту минуту смотрѣла въ противоположную сторону, и разговаривала знаками съ красавицей на балконѣ, подъ которымъ рисовался Войцехъ.

Она кивала головкой на старый замокъ.

Іоганна поняла безмолвный вопросъ: «увидимся ли тамъ сегодня?» и отвѣчала тѣмъ же знакомъ утвердительно.

Обѣ онѣ грустно улыбнулись и обѣ вздохнули.

Въ это время послышались со всѣхъ сторонъ голоса:

— Тише! тише! король, его мосьць, отвѣчаетъ бискупу по-польски!

Вся площадь стихла, какъ будто окаменѣла при звукахъ родной рѣчи, свидѣтельствовавшей, что избранный король есть правдивая вѣтвь ягеллонскаго древа.

Не хай жіе Жигмунтъ III, круль польскій! грянула вся масса народа.

Въ эту торжественную минуту общаго увлеченія, лицо Іоганны вспыхнуло; слеза, выступившая на ея рѣсницѣ, остановилась не скатившись, и взоръ ея также остановился какъ прикованный.

— Боже, кто это? спросила она сама себя. — Отчего такъ встрепенулась вдругъ Зигридь? Что̀ говоритъ ей Спарре?... Кого подводитъ онъ къ ней?

— Братъ мой! долетѣло до слуха Іоганны.

Сердце ея замерло.

Сигизмундъ, королева, принцесса Анна, весь присутствующій дворъ, все посольство обернулись на восклицаніе Зигриди.

Іоганна смотрѣла на эту сцену, сложивъ руки какъ на молитву, уста ея силились что-то произнести, но какъ будто, утративъ звуки слова, оставались нѣмы.

Между тѣмъ Сигизмундъ снова всѣлъ на коня, въ общемъ движеніи все смѣшалось, и шествіе потянулось къ костелу для воздаянія Богу обряднаго благодаренія.

VI.

Сердце Іоганны сильно билось вступая во дворецъ, гдѣ въ послѣднее время она бывала такъ часто, что освоилась со всѣми встрѣчаемыми въ немъ лицами.

Въ это послѣднее время, королева Анна, поддаваясь вліянію племянницы своей, значительно ослабила дворцовую тягость этикета. Присутствіе молодой гостьи оживило замокъ тою естественностію, въ которой дышется свободнѣй.

Но трепетное сердце панны мигомъ почувствовало перемѣну и стѣсненіе этой легкой атмосферы. Германская оффиціальность тотчасъ сказалась ей въ благоговѣйной чинности и въ безмолвіи, которое поразило ее почти ужасомъ.

Она поняла невозможность послѣдовать влеченію чувства, и, сдѣлавъ усиліе, чтобы подавить свое волненіе, шла трепетно и робко за надворнымъ короннымъ подкоморьемъ, который провелъ ее къ назначенному ей, у вечерняго стола, мѣсту.

Іоганна обомлѣла, увидя Густава въ одеждѣ, соотвѣтственной его сану, входящаго вмѣстѣ съ Сигизмундомъ и садящагося рядомъ съ нимъ за столъ.

Она измѣряла уже безпокойнымъ взоромъ разстояніе, раздѣлившее ихъ такъ внезапно; но первый взглядъ, которымъ она встрѣтилась съ Густавомъ, казалось, мгновенно уничтожилъ это разстояніе.

Неожиданное появленіе на сцену шведскаго королевича Густава, уже отчисленнаго въ вѣчность, произвело сильныя и

разнообразныя впечатлѣнія; искреннее же благодушіе, съ которымъ принялъ Сигизмундъ своего двоюроднаго брата, поразило всѣхъ. Это былъ свободный порывъ его сердца; все совершилось такъ непредвидимо, что молодой король не могъ быть подготовленъ своими опекунами.

На лицѣ королевы было замѣтно нѣкоторое смущеніе.

Первѣйшіе чины государства и прибывшіе къ двору знатные иноземцы высказывались по этому случаю съ приличною сдержанностію, не дѣлая покуда никакихъ замѣчаній, ни предположеній.

Но видимо хмурилъ брови Янъ Замойскій, задумался и духовникъ Сигизмунда, іезуитъ Голыньскій, и королевскій проповѣдникъ Петръ Скарга, и Андрей Бобола, надворный подкоморье.

Косился также Класъ Флемингъ, поглядывая на Густава. Онъ почуялъ на плечахъ своихъ новую обузу.

— Вотъ, свалился съ неба подарокъ на новоселье! сказалъ онъ сидѣвшимъ возлѣ него землякамъ своимъ, Эрику и Іоганну Спарре.

— По крайней-мѣрѣ мы можемъ считать теперь на душѣ короля Іоганна однимъ преступленіемъ менѣе, отвѣчалъ вполголоса Эрикъ.

— И однимъ опасеніемъ болѣе, добавилъ Флемингъ.

— Молодой король узналъ въ принцѣ Густавѣ друга своего дѣтства, замѣтилъ Іоганнъ Спарре.

— Но такого друга можно бы съ удовольствіемъ промѣнять на врага, молвилъ пасмурно прямодушный морякъ.

Оркестръ итальянской музыки гремѣлъ, заглушая рѣчи присутствующихъ.

Пышная королевская трапеза совершалась стройнымъ придворнымъ чиномъ. Изобиліе и цѣнность посуды, изящество яствъ и питья, пестрота и разнохарактерность собранія были поразительны.

Тогдашній вѣнчанный поэтъ Клеменсъ Яспицкій, глядя на эту иноземную Польшу, представилъ короля Ягеллу возстающаго изъ гроба и неузнающаго своихъ любезныхъ пасынковъ-поляковъ. Нелегко было бы ему узнать по истинѣ, кто были эти господа, одѣтые *повлоску*, *погиспанску*, *побрунсвицку*, *погусарску*, *потурецку*, *потатарску*, говорящіе на иностранныхъ языкахъ и попирающіе обычаи предковъ.

«А это кто такіе?» спросилъ бы старый Ягелло, указывая на окружающихъ его потомка іезуитовъ — и кости родоначальника, измѣнившаго вѣрѣ и народу, застучали бы въ гробѣ.

Послѣ ужина, утомленный Сигизмундъ удалился въ свои ком-

наты, уводя съ собою Густава. Іоганна, провожая его взоромъ, не вѣрила глазамъ своимъ и не понимала этого перваго свиданія послѣ такой разлуки.

При выходѣ, Андрей Бобола, подойдя къ ней, почтительно передалъ ей милостивое дозволеніе королевы явиться на слѣдующее утро во дворецъ, въ весьма ограниченномъ числѣ дамъ, допущенныхъ къ представленію.

«Этимъ я обязана сестрѣ его», подумала Іоганна и вздохнула.

Но не разумѣя глубокаго вздоха ея, весело возвращался домой кастелянъ, ликовавшій отъ явнаго предпочтенія, которое оказывалось дочери его. *Ордынская чупрына* его мосци вздымалась горою, успѣхи Іоганны при новомъ дворѣ придали ему на локоть росту. Онъ давно уже привыкъ къ разнымъ потворствамъ его барской спѣси; но видимое расположеніе королевы и принцессъ къ милому его идолу переполняли все имъ ожидаемое.

— А знаешь ли, Іогасю, что̀ мнѣ на мысль приходитъ? сказалъ онъ: — мнѣ приходитъ на мысль, что я того принца Свейскаго гдѣ-й то видѣлъ... встрѣчалъ гдѣ-то?

— Можетъ быть, вѣдь онъ былъ и въ Вильно, отвѣчала улыбаясь Іоганна.

— Когда жь онъ былъ? когда еще былъ малымъ дитею, когда привезли вмѣсто его въ Дольній замокъ Касю?... И что жь теперь заберетъ себѣ въ голову наша Кася, когда узнаетъ, что зарученный королевичъ ея отыскался на бѣломъ свѣтѣ! прибавилъ онъ съ ощутительнымъ раздраженіемъ въ смѣхѣ.

— А знаешь ли, что́ я скажу тебѣ, татуню, тихо проговорила, непріятно затронутая этой шуткой Іоганна: — я бы совѣтовала тебѣ покуда не напоминать объ немъ *никому* ни слова.

Кастелянъ посмотрѣлъ на нее въ недоумѣніи; но довѣряясь проявившемуся въ дочери его знанію дворскихъ отношеній, онъ рѣшился послѣдовать ея совѣту.

На другой день, въ сенаторской избѣ замка, собрались всѣ чины, для представленія молодому монарху.

Панови радни, духовенство, рыцарство ожидали его выхода, въ строгомъ іерархическомъ чиноположеніи.

Новоприбывающія лица отыскивали съ нѣкоторою суетою и раздраженіемъ самолюбія мѣста на этой лѣстницѣ почета, другіе группировались случайно или по какимъ-нибудь собственнымъ соображеніямъ, приводя въ отчаяніе блюстителей порядка.

Въ числѣ подобныхъ были братья Спарре, изъ которыхъ старшій, Эрикъ, тѣмъ же утромъ возвратился, по окончаніи представленія, въ Стокгольмъ, съ донесеніемъ королю Іогану о благополучномъ прибытіи Сигизмунда въ столицу Польши и о восторжен-

ныхъ чувствахъ, изъявленныхъ ему народомъ. Въ то же время онъ везъ королевѣ Корини радостную вѣсть о ея сынѣ.

— Слышалъ? спросилъ, подойдя къ нему, Іоганъ Спарре: — вчера вечеромъ у королевы успѣло уже быть собраніе, на которомъ засѣдали Замойскій и Классъ Флемингъ.

— Знаю, отвѣчалъ Эрикъ: — въ ночь полетѣлъ уже гонецъ къ королю Іогану, съ благоразумнымъ предостереженіемъ и совѣтомъ сдѣлать поспѣшнѣе постановленіе, которымъ потомки короля Эрика XVI-го лишаются всякаго права на наслѣдіе.

— Дикій кабанъ, нашъ адмиралъ, освирѣпѣлъ и рветъ клыками землю.

— Освирѣпѣлъ, узнавъ о желаніи принца Густава видѣться съ матерью, и несмотря на дозволеніе, испрошенное у Сигизмунда, именемъ короля Іогана, какъ представитель его, воспрещаетъ принцу въѣздъ въ отечество.

— Но вѣдь принцъ не государственный преступникъ!

— Хуже; его личность — дамоклесовъ мечъ, висящій надъ главою братоубійцы.

— Не должны ли мы предвидѣть, что для него теперь опасности значительнѣе прежнихъ, со вздохомъ сказалъ Іоганъ.

— Мы успѣемъ найдти ему защиту заграницей.

— А его будущность?

— Его будущность, вотъ въ этомъ сердцѣ! восторженно заключилъ Эрикъ, ударивъ себя въ грудь.

Въ это время, оживленная говоромъ и движеніемъ зала стихла мгновенно, распахнулся цѣлый рядъ дверей и Сигизмундъ явился въ собраніе, одѣтый великолѣпно въ испанское платье.

Видъ его былъ величественъ; онъ принялъ классически-царственную позу, опираясь рукою на столъ. Всѣ присутствующіе окинули его взглядомъ и замѣтили, что *выраженіе холодности и равнодушія помрачали свѣжесть юности на лицѣ его.*

За нимъ королева, принцесса Анна, Зигридь и Густавъ, какъ членъ королевскаго семейства, вошли и заняли мѣста свои на возвышеніи.

Пріятная наружность принца Густава и его трогательная исторія, уже разнесшаяся по городу, привлекли на него множество любопытствующихъ взоровъ, отъ которыхъ ему становилось неловко.

Тяжелая обрядность дворца видимо давила его. Получивъ отказъ видѣть мать свою, это благо, которымъ свободно пользовался послѣдній изъ смертныхъ, онъ усомнился въ возможности и инаго счастія, и встрѣчаясь взоромъ съ Іоганной, казалось, спрашивалъ ее:

— Ианно! что съ нами будетъ?

Началось представленіе и поклоненія, на которыя молодой король отвѣчалъ большею частію молча, легкимъ движеніемъ головы.

Поклонники переходили отъ него процессіею къ вдовствующей королевѣ и принцессѣ, свидѣтельствуя имъ уставное *шанованье*, причемъ многіе не забывали Зигриди и Густава, который откланивался принужденно, скользя нетерпѣливымъ взоромъ по неизвѣстнымъ ему личностямъ.

— Тебѣ, съ непривычки, должны казаться странны такія сцены? спросила его принцесса Анна.

— Собственно для меня, это настоящее истязаніе, сказалъ съ тяжкимъ чувствомъ Густавъ.

— Эти кажущіяся истязанія могутъ современемъ прійдти какъ нельзя болѣе по вкусу! сказала уже настроенная противу Густава королева.

— Не думаю, чтобы такое чудо могло совершиться надо мною, простодушно отвѣтилъ Густавъ.

— Мало ли чего не думаетъ человѣкъ! Человѣкъ есть ложь, потому что человѣкъ, добавила раздражительно Анна.

Въ это время Зигридь тихо тронула за руку брата, указывая ему глазами на приближающуюся Іоганну.

Королева протянула ей руку для облобызанія, принцесса осыпала ее привѣтствіями и сообщила ей новое приглашеніе на галлерею, съ которой, послѣ обѣда того же дня, Сигизмундъ намѣревался смотрѣть рыцарскія игры воспитываемыхъ при дворѣ отроковъ.

Сердце дрогнуло въ груди Густава, когда Іоганна остановила на немъ взоръ свой; души ихъ рванулись на встрѣчу другъ другу, но путы приличія сковывали ихъ, и Іоганна молча удалилась за предшествующей дамой.

Глубоко вдумывался теперь Густавъ въ свои отношенія къ паннѣ.

Теперь онъ переводилъ всѣ свои бесѣды съ нею, всю длинную исторію ихъ, полныхъ недоразумѣнія, отношеній, на иной языкъ, на которомъ иначе понималъ ее, и сердце его все болѣе и болѣе плѣнялось ею.

Мало-по-малу толпы начали рѣдѣть, въ залѣ остались одни *преднѣйшіе пандве* съ Яномъ Замойскимъ во главѣ, которые, желая обратить на себя вниманіе короля, пытались вызвать его на бесѣду; но онъ упорно давалъ всѣмъ короткіе и сухіе отвѣты.

Гетманъ, потерявъ терпѣніе и сознавая себя въ правѣ, послѣ столькихъ заслугъ, на большее уваженіе, отошелъ отъ короля къ Ласновольскому, кастеляну подлясскому, сопровождавшему Сигизмунда изъ Стокгольма, и сказалъ:

— Jakie że scie nam nieme diable przywiézli?

* *
*

Но молодой король имѣлъ свои причины оставаться непроницаемымъ и безотвѣтнымъ. Исполненный своимъ вопросомъ объ Эстоніи, который снова долженъ былъ возникнуть, онъ держалъ себя наготовѣ возвратиться въ Швецію; и потому, отдаляясь по возможности отъ пановъ Рады, отказываясь отъ пышныхъ пиршествъ и отъ серьёзныхъ объясненій, онъ пожелалъ, въ замѣнъ всего этого, взглянуть на разсадникъ витязей, изъ молодыхъ шляхетныхъ отроковъ, которые, по обычаю того времени, воспитывались нетолько при дворѣ королевскомъ, но и при дворахъ бояръ и магнатовъ, какъ, напримѣръ, у князя Константина Острожскаго, гдѣ не бывало ихъ никогда менѣе тысячи.

Въ назначенный часъ, галлерея наполнилась занявшими свои мѣста, въ томъ же чинномъ порядкѣ, и снова началось томительное ожиданіе постоянно медленнаго Сигизмунда, который, не обращая никакого вниманія на то, что эта медленность дѣйствовала на возбужденную толпу невыносимо, сидѣлъ полураздѣтымъ въ своемъ кабинетѣ, выслушивая съ видимымъ удовольствіемъ разсказы Густава о его похожденіяхъ.

Съ самымъ живымъ участіемъ переносился онъ за нимъ, то въ лабораторію стараго Ганса, то на сцены буйной школьной жизни, то на болѣзненный одръ, въ келью добраго монаха, то на путь его странствованій съ клехой. Съ особеннымъ сочувствіемъ прислушивался Сигизмундъ къ тому неизвѣстному рожденнымъ во дворцахъ теченью скуднаго существованія, въ которомъ новый день—новая злоба.

На дворѣ уже начинало смеркаться, на галлереѣ раздавался уже ропотъ, и молодёжь, готовившаяся къ смотру ристанія и стрѣльбы, томилась въ бездѣйствіи ожиданія. Гетманъ рѣшился войдти напомнить о томъ королю.

Недовольный этою смѣлостью, Сигизмундъ употребилъ вдвое болѣе нежели было нужно времени на одѣванье, и явясь на галлерею, заслонился своимъ двоюроднымъ братомъ отъ всего придворнаго общества, видимо расположенный молчать. Онъ, казалось, находилъ удовольствіе страннымъ поведеніемъ своимъ дразнить надменныхъ пановъ.

Съ его появленіемъ, на обширномъ дѣдинцѣ, поприщѣ боевыхъ игрищъ, все пришло въ движеніе.

Отроки, убранные напоказъ своему высокому покровителю, бросились къ осѣдланнымъ богатой сбруей конямъ; но, при наступившихъ сумеркахъ, съ трудомъ можно было уже отличить цвѣта одежды противниковъ, и самое странное зрѣлище представилъ этотъ турниръ, совершаемый какъ будто ощупью въ потьмахъ.

Однако, *гонитва* съ копьями *до перстѣня* удалась выше ожи-

данія; наметанныя руки молодцовъ съ разбѣга попадали въ кольца, почти безъ промаха; выѣзженные кони прыгали черезъ барьеръ, не зацѣпляясь; Тировскій Лѣсовчикъ ухитрился разсѣчь саблей нѣсколько брошенныхъ въ воздухъ яблоковъ; Модлишевскій Габріель сбилъ съ шеста сливу; но хлопяты, выставленные живыми мѣтами, посбросали съ головъ дробные пенязи, отказываясь доставить панычамъ торжество сшибить ихъ размахомъ палаша; пахолики не хотѣли держать цѣлью грóшей, чтобъ стрѣлки выбивали ихъ пулями изъ рукъ; не соглашались и топырить пальцевъ своихъ, чтобъ промежь нихъ летали стрѣлы.

Разгоряченное самолюбіе молодёжи успокоилось, однакоже, и утѣшилось обильнымъ королевскимъ угощеніемъ и богатыми призами, розданными красавицами двора; но чѣмъ можно было утѣшить и успокоить Густава и Іоганну, едва узнавшихъ другъ друга издали въ полумракѣ, и снова разлученныхъ, не успѣвъ сказать другъ другу ни слова?

Густавъ чувствовалъ себя болѣе нежели когда нибудь въ оковахъ. Королева Анна, Замойскій, Флемингъ и придворные іезуиты, возымѣвшіе противу него всевозможныя подозрѣнія, слѣдили за каждымъ его шагомъ, и, до полученія отвѣта отъ короля Іогана, положили не дозволять ему ни одного свободнаго движенія.

Настали споры объ Эстоніи, поглотившіе вниманіе всей столицы. Стефанъ Баторій, успѣхами своего оружія усилилъ и безъ того сильную страсть поляковъ къ захватамъ; расширеніе границъ *отъ моря и до моря*, стало догматомъ вѣры перваго государственнаго мужа тогдашней Польши.

Но интриги двора и личныя вражды многихъ магнатовъ вязали руки Замойскому. Съ изумленіемъ и негодованіемъ видѣлъ онъ теперь, что великій коронный маршалокъ Опалиньскій, уже успѣвшій стяжать благоволеніе Сигизмунда, и его сторонники вовсе не налегали на уступку Польшѣ этой прибалтійской области, и теперь только повѣрилъ онъ предостереженіямъ, которыя были ему дѣланы заблаговременно.

Давно уже грызло Опалиньскаго могущество руководителя королей польскихъ; но тогда поневолѣ надо было держаться гетмана; когда же возсталъ противъ него заговоръ Зборовскихъ, изъ которыхъ возникла элекція двухъ кандидатовъ на корону, Опалиньскій присталъ къ заговорщикамъ и на тайномъ съ ними съѣздѣ устроилъ сдѣлку: въ случаѣ успѣха Максимиліана раздѣлить между собою выгоды этого успѣха, но въ противномъ случаѣ, если держава достанется Сигизмунду, Опалиньскій обязывался, извѣстными ему путями, снова *препроводить до ласки ко-*

ролевской партію Зборовскихъ и общими силами ослабить ненавистный имъ кредитъ великаго гетмана.

Такимъ образомъ, по разбитіи эрц-герцога подъ Краковымъ, Опалиньскій поспѣшилъ на встрѣчу Сигизмунду, и воспользовался медленнымъ его путешествіемъ такъ искусно, что могъ уже нетолько накинуть тѣнь на правоту и безкорыстіе Замойскаго, но и намекнуть на его личныя будто бы притязанія на корону и внушить, что не любовь къ дому Ягеллоновъ, а одно опасеніе силы Зборовскихъ побудило гетмана настаивать на избраніи Сигизмунда.

Ловкій кознодѣй не преминулъ упомянуть и о пристрастіи Замойскаго къ Баторіямъ, изъ которыхъ кто бы ни сѣлъ на тронъ польскій, онъ равно могъ его именемъ править государствомъ.

Нетрудно было подѣйствовать такими навѣтами на неопытный и притомъ вялый разсудокъ Сигизмунда; и хотя Ляснoвольскій, кастелянъ подляссскій, бывшій также въ свитѣ короля, смотрѣлъ съ отвращеніемъ на эти ковы, но, по слабости царедворской, не хотѣлъ или не могъ противопоставить ему свое вліяніе.

Несмотря на это, затронутый заживо Замойскій, настаивалъ на щекотливомъ вопросѣ объ Эстоніи. Онъ произнесъ въ сенатѣ, въ присутствіи короля, громоносную рѣчь, укоряя шведскихъ пословъ, заключившихъ предварительный договоръ, въ вѣроломствѣ и нарушеніи присяги.

Сигизмундъ вспыхнулъ.

— Не на шведовъ, а на однихъ поляковъ падаютъ эти укоры! гнѣвно перебилъ онъ оратора: — не шведы, а поляки нарушители присяги!

— Если такъ! крикнулъ не менѣе вспыльчиво Замойскій: — то пусть ваша королевская милость дозволитъ приступить къ новому избранію.

— Охотнѣе готовъ отказаться отъ этой короны, нежели поступить противъ совѣсти и слушать дерзкія неправды! еще громче крикнулъ Сигизмундъ, и, вскочивъ съ мѣста, хлопнулъ дверью и удалился.

Отъ этой размолвки дрогнуло не одно сердце. Положеніе Рѣчи Посполитой было ужасно. Ни денегъ, ни войска, ни ладу въ правительственныхъ лицахъ; а между тѣмъ зорко сторожили ее глаза сосѣдей и Максимиліанъ съ своимъ войскомъ находился еще въ предѣлахъ Польши.

Снова собирался у королевы Анны ея совѣтъ; а молодой король, удрученный тоскою и негодованіемъ, сидѣлъ въ покояхъ сестры своей, вѣрный однажды заданной себѣ мысли, что вопросъ объ Эстоніи рѣшитъ судьбу Польши.

Король чувствовалъ сердечное влеченіе къ Густаву; но по дикости характера своего, проводилъ съ нимъ время большею частію молча, играя въ шахматы или въ мячъ, любимую забаву европейскихъ дворовъ того вѣка, и потѣшаясь неловкостію Густава, ненаторѣлаго въ придворныхъ пріемахъ.

— Но что же ты желаешь съ собою сдѣлать? спросилъ его неожиданно Сигизмундъ, отшвырнувъ мячъ въ противоположный конецъ комнаты, и въ первый разъ заговоривъ о его будущности.

— Я бы желалъ только, чтобъ никто и ничего не дѣлалъ со мною, отвѣчалъ искренно Густавъ.

— Тебѣ, какъ католику, приличнѣе всего будетъ занять какое-нибудь высокое духовное мѣсто, не менѣе искренно предложилъ король, который чувствовалъ себя несравненно болѣе епископомъ, нежели державцемъ.

— Я бы просилъ самаго незначительнаго духовнаго мѣста, хоть бы, напримѣръ, кантора у св. Анны Краковской, съ улыбкою сказалъ Густавъ.

— Кантора! съ изумленіемъ повторилъ Сигизмундъ, ища какого нибудь иносказательнаго смысла въ этой странной просьбѣ.

— Для друга моего Клавдія, поспѣшилъ добавить Густавъ.— Что касается меня, то я чувствую себя чрезвычайно неловко на собственномъ своемъ мѣстѣ.

Сигизмундъ простодушно улыбнулся; это была первая улыбка, озарившая лицо его на чужой землѣ.

Принцеса Анна, замѣтивъ эту мелькнувшую улыбку, еще благосклоннѣе взглянула на Густава.

Она сидѣла въ отдаленіи съ милой своей Зигридью, разбирая и классифируя огромные пуки растеній, доставляемыхъ ежедневно во дворецъ, для ботаническихъ занятій принцесы. Онѣ разговаривали вполголоса.

— Онъ любитъ ее? спросила Анна.

— Любитъ страстно, отвѣчала Зигридь.

— Она очень хороша собой.

— Ея сердце несравненно лучше.

— Она, говорятъ, очень богата?

— А душа ея—неоцѣненное сокровище.

— Ты увѣрена, что и она его любитъ?

— О, какъ горячо она любитъ его!

— Стало-быть, ихъ счастіе зависитъ единственно отъ согласія короля?

— Единственно; потому что въ согласіи нашей матери и въ согласіи отца Іоганны не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Я должна это устроить, сказала принцеса, съ свойственною ей серьёзностію.

— Но прежде всего надо устроить имъ возможность видѣть другъ друга, сказать другъ другу нѣсколько словъ.

— Вотъ это гораздо труднѣе, нежели ты думаешь, возразила принцеса.—Еслибы Густавъ былъ простой смертный, онъ могъ бы располагать собою свободно; а на насъ обращены всѣ глаза, каждое наше движеніе коментируется сотнями коментаріевъ, изъ каждаго нашего слова выводятся заключенія... Что̀ дѣлать! прибавила она со вздохомъ, всякое положеніе въ этомъ мірѣ сопряжено съ страданіями: — это общій удѣлъ человѣка!

— Но братъ мой страдалъ такъ много, что безчеловѣчно отказать ему въ такомъ дозволительномъ утѣшеніи.

Принцеса сложила съ колѣней тяжелую груду травъ и облокотясь, задумалась.

Она знала, что разнесшіеся толки о вспышкѣ въ сенатѣ между молодымъ королемъ и гетманомъ, дали поводъ, для успокоенія умовъ, состояться великолѣпному вечернему съѣзду въ королевскій за̀мокъ на танцы.

— На завтра готовится праздникъ, сказала она Зигриди:—Густавъ можетъ танцовать съ дочерью кастеляна.

Эта крайняя необходимость вынудила нашего философа взять отъ сестеръ своихъ нѣсколько уроковъ танцованія, которые вызвали еще не одну улыбку на устахъ пасмурнаго Сигизмунда.

Желанное *завтра* наступило. Королевскіе чертоги сіяли, оглашаясь громомъ музыки.

По нѣжной просьбѣ королевы, Сигизмундъ смягчилъ нѣсколько суровость выраженія лица своего, и по этому выраженію, все великолѣпное собраніе ожидало благопріятной перемѣны погоды на государственномъ небѣ.

Желая сдѣлать угодное тёткѣ своей, молодой король удостоилъ принять участіе въ танцахъ и, на удивленіе всѣмъ, началъ ихъ съ Гризельдою, женою Замойскаго. Этотъ высокій примѣръ дозволилъ и Густаву подойти къ Іоганнѣ.

Она подала ему руку и они двинулись вслѣдъ за принцесой Анною, которая, по желанію королевы, шла передъ ними съ великимъ гетманомъ, для вящаго успокоенія его уязвленнаго самолюбія.

— Какое первое слово услышу я отъ тебя, моя панно, послѣ нашей разлуки? спросилъ тихо свою даму Густавъ.

— То же, которое было послѣднимъ при разставаніи, отвѣчала она.

— Панно, моя дорогая панно, какъ благотворна любовь твоя!

Она переполняетъ душу блаженствомъ и изглаживаетъ память всѣхъ перенесенныхъ страданій!

— Ахъ, еслибы она изгладила навсегда даже мысль о возможности этихъ страданій въ будущемъ! съ молящимся взглядомъ прибавила Іоганна.

Густавъ созналъ въ это мгновеніе все благо любви къ чистому, прекрасному созданію, все различіе съ безумной, жгучей страстью, которою увлекала его Кася.

Въ мысляхъ Іоганны не было никакихъ сравненій; она любила въ первый разъ и воспринимала всей душой первый мигъ сознанія неисповѣдимаго чувства.

— Великокняжеская цѣпь, украшающая твою грудь, смущаетъ меня, сказала она.

— Никогда узникъ не желалъ болѣе меня освободиться отъ цѣпей своихъ, отвѣтилъ Густавъ.

Многое хотѣлъ бы онъ сказать ей, многое желали бы они объяснить другъ другу; но на нихъ было обращено общее вниманіе; со всѣхъ сторонъ взоры, сосредоточиваясь какъ лучи, жгли ихъ.

Отецъ Іоганны не сводилъ съ нихъ глазъ и пытательные взгляды ксенже-Войцеха преслѣдовали ихъ также.

Онъ, казалось, узнавалъ уже въ принцѣ того ненавистнаго ему академика, котораго, неизвѣстно почему, такъ отличала Іоганна.

— Свѣнтый Іосифъ! Панна Матка Боска! восклицалъ мысленно и кастелянъ, всматриваясь въ черты Густава и припоминая грубое свое обращеніе съ учнемъ.

Но родительская гордость его торжествовала, и онъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ.

Въ это время, пары прошли мимо его, и Іоганна, поровнявшись съ отцомъ, шепнула ему:

— Тату! Его ясновельможная милость, съ дозволенія короля, принимаетъ завтракъ у тебя въ домѣ.

Кастелянъ весь загорѣлся, и отвѣчалъ низменнымъ поклономъ Густаву.

Дозволеніе Сигизмунда было испрошено чрезъ принцесъ во время танцевъ, и не успѣло подвергнуться цензурѣ тайнаго іезуитскаго ареопага.

Но въ тотъ же вечеръ было объ этомъ обстоятельствѣ сужденіе, и обращено было вниманіе на отношенія панны Іоганны къ Густаву, замѣченныя и подтвержденныя прибывшими изъ Вильно отцами академіи св. Яна.

— Кастелянъ такъ богатъ, сказалъ одинъ изъ нихъ:—что

предоставленіе приданаго его дочери принцу сдѣлаетъ его владѣтелемъ маленькаго царства.

— А вкусившій малаго пожелаетъ и бо̀льшаго, добавилъ другой.

Но раздражать новымъ предостереженіемъ и безъ того уже раздраженнаго короля, на этотъ разъ, никто не рѣшился.

Въ головѣ кастеляна происходила страшная суматоха. Въ этомъ неожиданномъ почетѣ таился укоръ, и вельможный панъ готовъ былъ самъ казнить себя за свой промахъ.

— Іогасю! что̀ же ты сдѣлала со мною! воскликнулъ онъ, возвратясь домой.

— Доставила тебѣ удовольствіе вторично угостить принца!

— И угощу жь я его на славу! отъ полноты сердца молвилъ панъ, восторженно обнимая дочь.

VII.

Душа кастеляна всколыхалась ликующимъ самолюбіемъ и не могла угомониться.

Не было конца разспросамъ о томъ, гдѣ и какъ узнала Іоганна королевича, и почему таила это отъ отца.

— Ложись спать, татуню, и дай мнѣ покой! сказала она наконецъ, спѣша удалиться, чтобъ въ тишинѣ прочувствовать свое счастіе.

Только что вышла Іоганна, лицо кастеляна какъ будто само себѣ усмѣхнулось, и онъ, кликнувъ пахолика, велѣлъ ему позвать панну Катарину.

Нетерпѣливо ходилъ онъ въ ожиданіи ея по комнатѣ.

— Касю! Касю! проговорилъ онъ не своимъ голосомъ, только что она вошла въ дверь.

— Что̀ пану угодно? спросила она довольно равнодушно.

— Ну, отгадай же, мо̀я мѝла, кого я сегодня видѣлъ?

— Какъ же мнѣ угадать, кого панъ видѣлъ?

— Видѣлъ, моя Касю, видѣлъ мое сердце, въ королевскомъ за̀мкѣ... сонъ на яву видѣлъ; самъ себѣ не вѣрю!

— Мало ли панства бываетъ въ за̀мкѣ.

— Что тамъ за панство! какое панство! Его ясновельможную милость видѣлъ!...

И кастелянъ, въ порывѣ восторга, всплеснулъ руками и захохоталъ.

— Кого жь панъ видѣлъ? повторила безучастно Кася.

— Да его жь видѣлъ, того пана академика! того шведскаго

королевича, вмѣсто котораго, помнишь, тебя малую дѣвчину привезли въ Дольній зàмокъ!...

Кася поблѣднѣла. Въ ней всплеснула вся кровь; но она овладѣла собой и не проявила никакого удивленія.

— Что жь! или не слышишь? спросилъ панъ, не понимая этого страннаго равнодушія.

— Слышу, произнесла съ усиліемъ Кася, опускаясь въ кресла.

— Нашъ панъ виле́нскій академикъ отыскался въ краковскомъ зàмкѣ!... Ну! дали же мы съ тобой неладнаго промаха!... Не приласкали птаху, покуда была въ рукахъ... Іогася умнѣе насъ съ тобой!...

Кася съ недоумѣніемъ уставила пылающіе глаза на кастеляна.

— Да!... Приглашала на набоже́нство какъ учня, а угощала фрыштыками какъ принца! продолжалъ панъ, припоминая и академическую ферулу.—А надо правду сказать, я самъ тогда замѣтилъ какую-то *уродзѝвосць* и *повàжносць* въ панѣ академикѣ, прибавилъ онъ. И, пройдясь взадъ и впередъ по комнатѣ, кастелянъ остановился передъ Касей, надулъ щеки и поглаживая ихъ рукой, пріосанился.

— А знаешь ли, моя душко, что королевичъ танцовалъ уже съ Іогасей?... и что̀ то была за пара!... Всѣ забыли о его мосци наияснѣйшемъ королѣ и дивились на ту пару!... И не даромъ же принимаютъ Іогасю въ королевскомъ зàмкѣ, какъ семьянинку...

Раскинувшись небрежно на креслахъ, Кася, слушая пана, перемогала въ себѣ судорожныя сотрясенія.

— И не даромъ же, смотря на Іогасю, чудилось мнѣ, что она рождена для того высокаго сана, продолжалъ панъ:—и развѣ жь можетъ быть лучше ея какая принцесса?... Какъ познакомились съ ней сестры короля, такъ ужь и смотрѣть на другихъ не хотѣли... И чѣмъ же не подъ стать королевичу невѣста вельможнаго и богатаго роду?...

— Короли женятся не на однѣхъ невѣстахъ вельможнаго и богатаго роду!... Мать королевича была простая служанка! рѣзко отозвалась Кася.

— То такъ, моя люба: женятся по сердцу и не на вельможныхъ, сказалъ панъ, присѣвъ подлѣ Каси.

— Женятся и не поневолѣ... когда есть залогъ заручения!...

— Такъ, такъ, моя люба! я и забылъ, что королевичъ уже съ тобой заручился и въ залогъ оставилъ тебѣ кафтанекъ свой и каптурекъ!... и какъ же бы онъ посмѣлъ жениться на моей Іогасѣ!

И панъ прохохоталъ, довольный своей остротой и увѣренный, что Кася забавляетъ его своей выходкой.

— И не смѣетъ! подтвердила Кася съ язвительной усмѣшкой.

— И не смѣетъ? повторилъ кастелянъ съ новымъ хохотомъ, протягивая голову и губы.

— Я хочу его видѣть! сказала Кася, отворотясь отъ него:— покуда я не увижу его собственными глазами, не повѣрю, что то виленскій нашъ *жебракъ* академикъ!

— А вотъ же и увидишь его собственными своими очами... Онъ будетъ у меня... самъ назвался ко мнѣ на фрыштыкъ.

— Увижу! и напомню ему Вильно!

— А нельзя жь, моя люба, тебѣ тутъ быть: тутъ будутъ только дворскія особы... ты увидишь его мосць съ хоръ, когда онъ сядетъ за столъ.

— Съ хоръ? ужь лучше въ скважину двери! проговорила Кася съ уязвленнымъ самолюбіемъ:—нѣтъ! этой чести я не буду дожидаться!

И она порывисто вскочила съ мѣста и вышла.

— Куда ты? крикнулъ вслѣдъ ей изумленный кастелянъ.

Но его мосци не до Каси было теперь. Голова его занята была пріемомъ принца.

На другой день, съ утра началъ онъ свои приготовленія съ осмотра дома, двора и всей надворной прислуги.

Извѣстно, что *до оказалости* двора вельможнаго польскаго пана, надо было имѣть великое множество нетолько своей собственной шляхетной прислуги, но и разноязычной чужеземной, разодѣтой въ шелки и парчи, вооруженной чеканнымъ по золоту и серебру оружіемъ, снабженной для выѣздовъ панскихъ щегольски *узброеными* конями, и къ каждому изъ этихъ парадныхъ слугъ должно было быть приставлено по нѣскольку прислужниковъ, въ соотвѣтственной *бàрмѣ*.

Кромѣ конюховъ, охотниковъ, кухмистеровъ, кухаревъ, пивничихъ и другихъ безчисленныхъ чиновъ, надо было имѣть итальянскихъ *симфонистовъ*, нѣмецкихъ драгуновъ, украинскихъ казаковъ, венгерскихъ гайдуковъ.

Надо было ставить домашній строй по *влоску*, оглашать домъ итальянской и нѣмецкой рѣчью. Все это почиталось строго необходимымъ для истыхъ поляковъ, а пуще того необходимымъ для тѣхъ, которые хотѣли быть истыми поляками.

Кастелянъ, какъ всѣ отщепенцы, доводилъ свое подражаніе до фанатизма и не хотѣлъ слышать, что толковитые изъ новыхъ соотчичей его завидовали уже Руси.

«Счастливая Русь — говорили они — сохранила родные свои обычаи!»

Принявъ къ сердцу угощеніе принца, кастелянъ занялся имъ,

какъ важнымъ государственнымъ дѣломъ; сыпалъ золотомъ, шкарлатомъ устилалась дорога отъ крыльца до брамы, наново обмундировалось надворное войско и муштровалось строями на дедницѣ; со старыхъ золотыхъ кубковъ и серебряныхъ боченковъ и жбановъ стиралась ихъ почтенная тусклость, все возобновлялось, чистилось, рядилось, умывалось, украшалось.

Толпы гардеробянокъ Іоганны хлопотали надъ ея нарядами; перенизывались жемчуги, перешивались на бархатъ и дорогія ткани алмазы; все шумѣло, суетилось, сбивало другъ друга съ ногъ и съ толку.

Одна Кася не принимала ни въ чемъ участія. Она вся была погружена въ соображенія, которыя касались только лично до ея особы.

Она смотрѣла на все угрюмо, и казалось, не находила для себя мѣста, бродя разряженная по комнатамъ. Теперь было не до нея всѣмъ ласкавымъ посѣтителямъ, которыхъ она знала въ Вильнѣ.

Только Войцехъ находилъ съ ней предметъ для бесѣды, особенно съ тѣхъ поръ, какъ отношенія Іоганны къ принцу Густаву, виленскому академику, стали для него подозрительны.

Кася находила свой разсчетъ не обезнадеживать этого обожателя Іоганны. Она измышляла успокоительныя и лестныя для его сердца вѣсти.

— Когда же и какимъ образомъ я могу *его* видѣть? спросила она уже не въ первый разъ Войцеха, съ нетерпѣливой требовательностію, нѣсколько дней спустя послѣ сообщенной ей новости кастеляномъ.

— Кого? спросилъ и Войцехъ.

— Панъ, я думаю, знаетъ, кого я хочу видѣть.

— А пусть бы его побрали всѣ дьяблы!

— Панъ ксенже обѣщалъ мнѣ и долженъ сдержать свое обѣщаніе!

— Я хоть и знаю, что того принца, королевскаго брата, не прикормитъ панна Іоганна своими фрыштиками, какъ виленскаго учня, но она стала такъ невыносимо невнимательна ко мнѣ...

— Я думаю, что мнѣ лучше, чѣмъ пану, извѣстенъ характеръ панны Іоганны, и какъ она горда и скрытна съ тѣми, кого предпочитаетъ.

— О, я вижу, какъ она предпочитаетъ меня всѣмъ на свѣтѣ! проговорилъ Войцехъ съ обидной усмѣшкой.

— Не знаю, что̀ панъ видитъ, а знаю то, что̀ знаю.

— И то̀ правда, что̀ говоритъ панна?

— Сто разъ правда, сказала, не задумываясь, Кася: — если только пану угодно вѣрить.

— Вѣрю, вѣрю, вѣрю! повторялъ Войцехъ, не воздерживая свою признательность, за успокоеніе его страдающаго самолюбія.

— Когда же я *его* увижу? спросила снова Кася, уклоняясь отъ этой признательности.

— А быть можетъ завтра жь.

— Завтра? гдѣ же?

— А то панна узнаетъ завтра жь, не ранѣе, какъ завтра.

— Завтра и завтра! панъ все шутитъ!

— Не шучу, якъ Бога кохамъ, не шучу!

— А я жь не вѣрю!

— Завтра панна увидитъ *его* въ преисподней.

— Панъ смѣется надо мной! проговорила Кася, отвернувшись съ досадой.

— На мою душу, панно!

— Клянись панъ той, кого любишь!

— Клянусь панной Іоганной!

— Гдѣ жь увижу, въ послѣдній разъ спрашиваю пана?

— Въ галлереяхъ каплицы св. Антонія.

VIII.

Любознательная принцесса Анна пожелала осмотрѣть соляныя величкинскія копи, лежащія, какъ извѣстно, въ одной милѣ отъ Кракова. Королева поспѣшила исполнить это желаніе; ей пріятно было позабавить умное дитя зрѣлищемъ, о которомъ невидавшій не можетъ составить себѣ понятія. Сигизмундъ, все еще помышлявшій о своемъ возвращеніи въ Швецію, вздумалъ также осмотрѣть эти любопытныя копи.

Цѣлый рядъ экипажей и всадниковъ, тронулся въ назначенный часъ по дорогѣ къ Величкѣ.

Густаву представлялась возможность размѣняться еще нѣсколькими свободными словами съ Іоганной, которая участвовала въ этой прогулкѣ.

Надежда сіяла на лицѣ его, и весело, игриво смѣясь и перекидываясь шутками съ сестрой и принцесой, летѣлъ онъ, опережая помыслами бѣгъ бòрзыхъ кòней.

Экипажи остановились у колодца. Королевское семейство заняло клѣтку, подвѣшенную къ спускному канату. Нѣкоторыя особы, въ томъ числѣ и Іоганна, помѣстились въ прицѣпленныхъ къ тому же канату корзинахъ; факельщики повисли на своихъ петляхъ; рудокопъ съ рычагомъ, удерживающимъ равновѣсіе, сталъ на

своемъ мѣстѣ, и воздушный поѣздъ, въ двѣ минуты пролетѣвъ тридцать саженъ, очутился въ волшебномъ царствѣ.

Глазамъ посѣтителей представился чудный, ни съ чѣмъ несравнимый подземный міръ, при свѣтѣ факеловъ, озаряющихъ соляные чертоги.

За пажами, несшими свѣтильники, Сигизмундъ, королева и вся свита двинулись къ каплицѣ св. Антонія, высѣченной изъ розовой соли. Соляной амвонъ съ возвышающимся на немъ крестомъ, изображенія святыхъ, колонны, украшенья, сверкающія фантастическимъ блескомъ, и раздавшійся голосъ капеллана, привѣтствовавшаго короля, объяли Густава какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ.

Іоганна, вошедшая съ дамами, взглянула на него въ эту минуту, и едва не вскрикнула... Передъ ней какъ будто повторялся сонъ, который она видѣла въ день посѣщенія Натальи убогой: склепъ, часовня, ликъ Густава, освѣщенный страннымъ свѣтомъ, поразили ее какимъ-то злымъ предзнаменованіемъ.

Она сложила набожно руки, и казалось, умоляла святую заступницу исхитить ее изъ этой могилы.

Послѣ краткой молитвы, все собраніе повернуло въ пещеры; восторженныя восклицанія раздавались подъ сводами глухимъ эхомъ.

Припоминали преданіе о Кунигундѣ, невѣстѣ Владислава Стыдливаго, которая, отвергая дары золота и серебра, просила *равно необходимаго и убогому и богачу* — разумѣя подъ этимъ даромъ соль, и получила себѣ въ приданое драгоцѣнныя величкинскія копи.

Всѣ старались какъ можно кудрявѣе и краснорѣчивѣе выразить впечатлѣнія необычайнаго зрѣлища.

— Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго тому, что̀ глазъ привыкъ встрѣчать на поверхности земли!

— Здѣсь все необычайно и все однообразно!

— Здѣсь не знаютъ солнца, не отличаютъ дня отъ ночи; здѣсь нѣтъ ни зимы ни лѣта, вѣчная, глубокая тьма, озаряемая гробовыми факелами!

— Страшно! точно какъ будто небо, земля и вся природа обратились въ соль и соль!

Подойдя къ знаменитому озеру, посѣтители надѣли бѣлыя *кошу́ли*, для предохраненія платья отъ соляныхъ брызговъ, и когда сѣли на плоты, освѣщенные факелами, всѣ казались тѣнями, несущимися черезъ Ахеронъ въ тартаръ.

На противоположномъ берегу, рабочіе встрѣтили короля съ музыкой и потѣшными огнями.

Развѣтвленіе пещеръ представило лабиринтъ, въ которомъ, безъ опытнаго проводника, можно было рисковать жизнью.

— Панно! сказалъ Густавъ, при первой возможности подойти къ Іоганнѣ: — куда насъ занесла судьба?

— О, когда бъ скорѣй вырваться отсюда! это подземелье напоминаетъ царство мертвыхъ, а жизнь теперь дорога мнѣ!

Въ это время, изъ числа любопытныхъ зрителей, притаившихся въ засадахъ по темнымъ закоулкамъ пещеры, отдѣлилась женщина, подъ покрываломъ, и пробиралась стороной въ полумракѣ. Глаза ея свѣтились сквозь покрывало, какъ у звѣря, который слѣдитъ за жертвой и крадется къ ней.

Проникнутый грустною мыслью Іоганны, Густавъ шелъ задумчиво, отставалъ иногда, и уклонялъ взоры отъ шествія блистательныхъ тѣней.

Въ одномъ сжатомъ мѣстѣ подземныхъ галлерей, онъ невольно обернулся, почувствовавъ прикосновеніе чьей-то руки.

— Не пугайся, это я! сказала прерывающимся голосомъ женщина подъ покрываломъ.

Густавъ вздрогнулъ, услышавъ слишкомъ знакомый голосъ Каси, и рванулся отъ нея.

— Нѣтъ, ты долженъ выслушать, что̀ я тебѣ скажу!

— Слушай же прежде, что̀ я скажу тебѣ! вспыльчиво проговорилъ Густавъ. — Я повторю тебѣ собственныя твои слова: я не знаю тебя! Я тебя ненавижу!

— И рада бъ я была не знать тебя, королевичъ мой коханый... Проклинай, ненавидь меня, но слушай:

И она схватила его за руку, и проговорила шепотомъ нѣсколько словъ.

— Молчи! вскрикнулъ забывчиво Густавъ, вырывая руку, какъ изъ когтей звѣря.

— Молчать? Нѣтъ! ужь поздно молчать, когда кровь твоя говоритъ во мнѣ!... слышишь? кровь твоя! вырви ее изъ-подъ сердца!

— О, демонъ! простоналъ Густавъ, всплеснувъ руками.

— Проклинай! бѣги отъ меня! но я отъ тебя не отстану... я оглашу тебя передъ всѣми, въ глазахъ твоей панны Іоганны!

Послышавъ эти восклицанія, толпа стоявшихъ въ глубинѣ галлереи рудокоповъ обратила вниманіе на постороннюю женщину, бѣжавшую за сановникомъ королевской свиты, бросилась къ ней, загородила ей дорогу и оттолкнула ее съ бранью.

— Ступай, ступай, попрошайка! вонъ! прикрикнулъ одинъ изъ драбантовъ, выпроваживая ее къ выходу.

Послѣ двухчасового обхода величкинской Magnum sal, король возвратился со всей свитой въ за̀мокъ. Никто не замѣтилъ, что̀ случилось съ Густавомъ. Но Густавъ не походилъ на себя. Полный участія взоръ Іоганны слѣдилъ уже тревожно за нимъ.

— Что̀ съ тобой? спросила она, подойдя къ нему, вопреки всѣхъ приличій.

Страдальческій видъ его былъ ужасенъ.

— Что́ съ тобой? повторила въ испугѣ Іоганна.

— Оставь меня, панно, не спрашивай!...

Но проникающій душу умоляющій взглядъ Іоганны допрашивалъ его.

— О, оставь меня, забудь меня, панно!

Пораженная Іоганна поблѣднѣла.

— Нѣтъ, не забуду! успѣла она проговорить тихо, окруженная уже со всѣхъ сторонъ любопытствующими знать впечатлѣніе, которое произвели на нее величкинскія копи.

— Мнѣ тяжело, страшно, голова кружится, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ, ища взорами Густава.

Іоганна не постигала причины этой внезапной перемѣны. Возвращаясь домой, она упорно старалась отгонять отъ себя мрачныя мысли; но не зная, на чемъ и на комъ остановить свои подозрѣнія, откуда ждать бѣды, не довѣряла собственному своему замирающему сердцу.

Ложась въ лихорадочномъ состояніи въ постель, она почувствовала какой-то паническій страхъ, какое-то несвойственное ей безсиліе духа и, боясь оставаться одна, велѣла позвать къ себѣ Касю.

— Ея нѣтъ дома, отвѣчала съ лукавой усмѣшкой горничная, бойкая Дорота.

— Гдѣ жь она?

— А кто жь знаетъ, гдѣ она; съ самаго утра и до сихъ поръ нѣтъ ея въ палацѣ.

Іоганна посмотрѣла съ удивленіемъ на Дороту, и отослала ее. Испуганное сердце ея билось; послѣднія слова Густава, не имѣя для нея никакого яснаго смысла, терзали ея душу, и мучительно тянулись часы наступившей ночи.

Занималась уже заря. Вдругъ послышались ей тихіе шаги; тихо отворилась дверь и вошла Кася.

Взглянувъ на нее, Іоганна вздрогнула. Лицо Каси было блѣдно, взоры дики. Молча и медленно подошла она къ ней, и вдругъ бросилась на колѣна.

— Это что̀ такое? спросила изумленная Іоганна.

Опустивъ сжатыя руки и склонивъ голову, Кася молчала.

— Кася, что́ это значитъ, говори!

— Прости меня, моя панно! прости насъ обоихъ, мы таили отъ тебя свою любовь, мы обманули тебя!... Не суди насъ жестоко, панно!... Ты знаешь, что мы полюбили другъ друга,

когда были еще дѣти... судьба снова сблизила насъ... Мы узнали другъ друга... и могла ль я отказаться отъ этой любви?... Нѣтъ, панно, я знала, что эта любовь будетъ моя гибель; но никакая гибель не могла уже остановить меня!...

Іоганна слушала и не понимала этихъ словъ; но они предвѣщали ей что-то страшное. Своимъ чистымъ, правдивымъ сердцемъ она чувствовала ложь и въ каждомъ словѣ Каси, и въ ея трагической позѣ кающейся Магдалины; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовала въ основѣ этой лжи какую-то ужасную правду и боялась понять ее.

— Благодарю тебя, панно, за всѣ щедрыя твои благодѣянія...

И Кася поцаловала свѣсившуюся руку Іоганны, которая отъ прикосновенія губъ ея замѣтно содрогнулась.

— Не отнимай его у меня, моя панно! онъ тебя не можетъ любить!...

— Кто? вскрикнула вдругъ Іоганна, и вся затрепетала.

— Для тебя, моя дорогая панно, я бы не пожалѣла жизни, для твоего счастія я бы погубила свою душу; но теперь, я уже невластна надъ собою... теперь, вмѣстѣ съ собой, я погубила бы другую, невинную душу... И пожелаешь ли ты этого, панно?... возьмешь ли на свою совѣсть?...

Кася пріостановилась, озирая безотвѣтную Іоганну, и вдругъ зарыдавъ, продолжала надъ ней, какъ надъ покойницей, свои причитанья.

— Подумай, панно, могли ли мы не таить своей любви... Отецъ твой растерзалъ бы меня, еслибъ узналъ мою любовь къ другому!... Ты молчишь... но прости жь меня великодушно, панно!... Я знаю, что нѣтъ добрѣе твоей души въ цѣломъ свѣтѣ!... Ты не человѣкъ, панно, ты—ангелъ, ты не вынесешь несчастія, которое можешь мнѣ сдѣлать — оно тебя подавитъ!

Кася снова пріостановилась, перевела духъ, и какъ будто собиралась съ силами нанести послѣдній ударъ.

— Не для тебя, моя вельможная панно, а для меня одной вошелъ онъ въ домъ твой... для меня старался быть тебѣ пріятнымъ... для тѣхъ малыхъ часовъ, въ которые удавалось намъ быть вмѣстѣ, онъ переносилъ цѣлые дни тоски... теперь ты можешь погубить меня, панно; ты можешь оторвать его отъ меня... но заставить его любить себя ты не можешь!... Онъ мой! клянусь тебѣ невинной душою, которая связала меня съ нимъ на вѣки!...

— О, довольно, довольно... оставь меня!... съ усиліемъ проговорила Іоганна, зажавъ уши и утонувъ головою въ подушкѣ, чтобъ не слышать ядовитаго голоса Каси.

Изжаливъ жертву свою, Кася встала, посмотрѣла на нее и вышла.

Чувства Іоганны замерли. Нескоро очнулась она. Приподнявъ голову, боязливо осмотрѣлась она, быстро рванулась съ постели и замкнула дверь; но, истощивъ въ этомъ движеніи послѣднія силы, упала снова на подушку.

Она плакала горько. Новое, еще невѣдомое ей чувство — ненависть, зажгла ей грудь.

— Боже! воскликнула она: — для чего они меня обманули! Неужели у него недостало мужества быть искреннимъ со мною? Для чего такъ еще недавно проявлялось въ немъ чувство, въ которомъ нельзя было сомнѣваться? И къ чему теперь это позднее раскаяніе?... Какъ мнѣ понять его? .. но что̀ жь еще понимать?... Онъ меня не любитъ — это ясно!... Такъ вотъ что̀ говорилъ онъ мнѣ вчера!... Предчувствіе меня не обмануло; въ этой могилѣ я похоронила мое счастіе!

Болѣзненно сжалось сердце Іоганны.

— Онъ меня не любитъ, повторяла она: — и я не могу любить его болѣе, и нѣтъ уже для меня любви въ жизни!

Новый потокъ слезъ остановилъ ея жалобы.

— Забудетъ ли онъ меня такъ легко, какъ бы я этого желала? Нѣтъ! мое несчастіе будетъ лежать бременемъ на душѣ его... Но не хочу я этой горькой отрады! Не хочу и его состраданія ко мнѣ! Эта тяжесть уже не по моимъ силамъ... а какъ вырвать жало изъ его памяти и сердца?...

На этомъ вопросѣ мысль Іоганны изсякла.

Она закрыла глаза и зажала ихъ руками, какъ будто для того, чтобъ болѣе сосредоточиться въ самой себѣ.

Еще такъ недавно проживала Іоганна цѣлыя ночи въ смертельной тоскѣ, когда, потерявъ слѣдъ Густава, она считала его погибшимъ.

Какъ ни тяжелы были для нея разлука съ нимъ, опасеніе за него, незнаніе, что̀ съ нимъ сталось, но эти муки, въ сравненіи съ настоящимъ ея положеніемъ, были блаженство.

Давно ли увѣренность быть любимой, непокидающая надежда такого полнаго счастія, превозмогала всѣ страданія... и это необъятное счастіе блеснуло уже ей въ глаза, двери рая отворялись... и вдругъ полное, страшное разочарованіе!

Воображеніе Іоганны, по навыку, отвѣяло ея мысли на прошедшее; снова развернулись передъ нею всѣ минувшія сцены, съ ихъ даже пустыми подробностями, и все это было теперь мертво, лежало передъ ней безжизненнымъ трупомъ, покрытое скорбнымъ покровомъ.

*

Іоганна вспомнила и ту счастливую минуту, когда увидѣла Густава съ своего балкона, при въѣздѣ короля въ столицу, и богъ-знаетъ, по какой способности духа, все это зрѣлище, все бывшее тогда передъ ея глазами, отразилось въ ея памяти, съ отчетливостью свѣтописи.

Въ этой картинѣ отразился даже бѣлый султанъ Войцеха, мелькавшій тогда у ногъ ея, и его сверкающія латы... Этотъ парадный рыцарь какъ будто стоялъ теперь передъ ней съ своими льстивыми рѣчами и алчущими ея богатства взорами.

И вдругъ Іоганна открыла глаза. Какая-то страшная рѣшимость блеснула въ нихъ.

— Да! воскликнула она почти громко: — однимъ словомъ, я вычеркну себя изъ его памяти и сердца!

Іоганна встала и потребовала одѣваться.

Гардеробянки, предводимыя *фрауциммеромъ*, внесли ея уборы и наряды, и она отдала имъ себя, какъ на жертву.

Умащенія *пахучими олейками* и *слойками* амбры наполнили воздухъ ароматами; но ея снаряженіе въ великолѣпныя одежды походило на послѣднее облаченіе бездыханнаго тѣла.

Видя ея нерасположеніе, гардеробянки переглядывались между собою.

Онѣ уже знали, что Кася входила рано утромъ къ паннѣ, видѣли, въ какомъ свирѣпомъ видѣ вышла она отъ нея, и смекнули, что между ними произошло что-то недоброе.

— И какіе жь такіе у нашей панны Картувны отыскались на чужой сторонѣ знакомые, или родные, которыхъ она навѣщаетъ? спросила одна изъ нихъ, расчесывая роскошныя волосы панны.

— Вчера за ней пріѣзжала колымага, и въ ней каталась ея милость до самаго утра, вмѣсто отвѣта сказала другая.

Фрауциммеръ, замѣтивъ, что на лицѣ панны Іоганны, всегда ласковой и обходительной съ своими горничными, проявилось выраженіе неудовольствія, подала знакъ, чтобы разскащицы угомонились.

Смотря безмолвно и безсознательно въ стоявшее передъ ней зеркало, Іоганна ничего въ немъ не видѣла; ни вѣнчика изъ драгоцѣннаго перекатнаго жемчуга на головѣ своей, ни цвѣта *сребриглаваго* аксамита, облегавшаго ея станъ. Когда все уже было надѣто — и *ланцу́хъ съ клейно́томъ* и перстни, и поручи и монисты, она приказала послать къ себѣ стараго Василько, вѣрнаго слугу своей матери.

Долго говорила она съ нимъ наединѣ, отдала ему какія-то приказанія, и потомъ пошла къ отцу, повидимому, совершенно спокойная.

— Будь здоровъ, татуню, сказала она, почтительно цалуя его руку.

Кастелянъ осмотрѣлъ нарядъ ея съ самодовольною улыбкой.

— А ты въ зàмокъ? спросила Іоганна, видя отца своего въ полномъ строѣ.

— Въ зàмокъ; тамъ собраніе чиновъ по коронаціоннымъ распоряженіямъ; гетманъ дѣлаетъ уступки, и все улаживается благополучно... Обѣдъ будетъ у гетмана, а вечеръ у нашей наияснѣйшей пани, сказалъ кастелянъ, заявляя о своемъ безвыходномъ пребываніи въ королевскомъ зàмкѣ, съ тою тщеславною тоскою, на которую любятъ сѣтовать дѣльцы такого разряда.

— Стало быть, мы не увидимся съ тобой сегодня?

— Какъ же не увидимся? а въ вечеру въ покояхъ королевы? Развѣ жь ты не будешь?

— Нѣтъ, не буду.

— Кàкъ не будешь?

— Слушай, тату, будетъ ли тамъ Войцехъ?

— Непремѣнно!

— Такъ скажи ему, милый тату, что я согласна выйти за него замужъ.

Кастелянъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой; привычный къ ея капризамъ, онъ былъ увѣренъ, что и это сказано въ шутку.

— Хорошо; но кàкъ же я скажу ему это? проговорилъ онъ также шутя.

— Такъ и скажи; объяви ему мое согласіе.

— Какъ же это объявлю я ему?

— Ахъ, татуню, какой ты скучный! сказала Іоганна съ выраженіемъ такого укора, что кастелянъ съ изумленіемъ вытаращилъ на нее глаза.

— Чтó это пришло тебѣ въ голову, Іогасю? спросилъ онъ безпокойно.

— Ничего не приходило въ голову; Войцехъ давно уже сватается за меня, тебѣ давно хотѣлось этой свадьбы; вотъ теперь и я рѣшилась идти за него замужъ.

— Ты?... за Войцеха?... и зачѣмъ тебѣ теперь идти за Войцеха замужъ? проговорилъ смущенный кастелянъ.

— Слышишь, тату: ты баловалъ меня всю жизнь, ты исполнялъ всѣ мои желанія... Это мое уже послѣднее желаніе! сказала Іоганна такимъ голосомъ, какого кастелянъ не слыхивалъ съ роду. Отуманенный, онъ пожалъ плечами.

Еще весьма недавно, онъ бы радостно выслушалъ это желаніе своей Іогаси; Войцехъ былъ женихъ недюжинный; на него засматривались знатнѣйшія и богатѣйшія невѣсты; но теперь

помыслы пана о замужествѣ дочери вздымались гораздо выше; отказаться отъ обаявшихъ его надеждъ было уже слишкомъ тяжело для него.

— Что̀ съ тобой? что̀ это тебѣ вздумалось, Іогасю? проговорилъ онъ, едва не сквозь слезы.

— Тату! сказала Іоганна съ выраженіемъ непреклонной воли:— это мое непремѣнное желаніе... и ты долженъ исполнить его и непремѣнно сегодня!

— И куда-жъ, куда такъ спѣшить, Іогасю? нѣтъ, сегодня я не скажу того Войцеху... Не время! взмолился кастелянъ, убѣждая дочь. —Подожди, Іогасю, можетъ быть, завтра, послѣ-завтра, у насъ будетъ королевичъ; вѣдь я жду его со дня на день.

Это имя какъ-будто повернулось ножомъ въ сердцѣ Іоганны.

— Сегодня же скажи Войцеху, сегодня! рѣшительно сказала Іоганна.

Взглянувъ на лицо ея, кастелянъ прочелъ такую му̀ку, что сдался мгновенно.

— Скажу, скажу, проговорилъ онъ, совершенно растерянный.

— Тату, обними меня! сказала Іоганна.

Кастелянъ раскинулъ руки; она бросилась въ его объятія и зарыдала.

— Прости меня! молвила она сквозь слезы, такъ тихо, что онъ едва разслышалъ.

Растроганный и взволнованный кастелянъ отправился въ за̀мокъ, самъ себя не разумѣя.

По его отъѣздѣ Іоганна сорвала съ себя всѣ наряды и заперлась въ своей комнатѣ.

— Боже мой! проговорила она съ глубокимъ вздохомъ:—когда бы этотъ день прошелъ скорѣе!

Но солнце не вступило еще въ полдень, и чѣмъ нетерпѣливѣе гнала она время, тѣмъ медленнѣе двигались стрѣлки на *ползега̀ру* и тѣмъ болѣзненнѣе отзывалась въ сердцѣ ея каждая секунда.

Іоганна то ложилась, то вставала съ постели, то бросалась на кресло, то ходила по комнатѣ, то плакала, то снова задумывалась о прошедшемъ....

Иногда, повѣряя это дорогое время ея жизни, воображеніе обманывало ее на минуту; милый образъ Густава, такъ искренно любимаго, являлся ей такъ живо, что она забывалась какъ-будто сномъ, который обольщаетъ страдальца; но очнувшись, тотчасъ же съ растерзаннымъ сердцемъ бросалась снова на постель.

Сердце болѣло въ ней острой осязательной болью, какъ-будто сгарая въ очистительной му̀кѣ.

Передъ вечеромъ фрауцимmеръ постучалась въ ея двери.

— Не изволитъ ли панна что нибудь скушать? спросила она.

Этотъ вопросъ удивилъ Іоганну; она позабыла о пищѣ.

— Я сыта, сказала она, и отдала приказаніе, чтобы пахолики, стоящіе у дверей при входѣ въ ея отдѣленіе, никого къ ней не впускали и самому пану его мосци доложили бы, что она легла и уже почиваетъ.

Іоганна слышала, какъ воротился отецъ и какъ за нимъ подъѣхалъ еще кто-то; безъ сомнѣнія, счастливый Войцехъ; но узнавъ, что невѣста уже покоится, онъ долженъ былъ отложить восторги свои до завтра.

И, казалось, чувство укора совѣсти томило Іоганну, при мысли объ этомъ человѣкѣ.

«Простишь ли ты мнѣ, что я всуе произнесла твое имя, во зло употребила твое желаніе владѣть мною!... Но неужели не достало бы въ тебѣ великодушія оказать мнѣ эту помощь? О, еслибъ ты въ самомъ дѣлѣ любилъ меня, хоть на малую долю такъ, какъ я любила; еслибъ ты могъ видѣть теперь мою горькую душу, ты простилъ бы меня, я это знаю...»

Іоганна вспомнила и объ отцѣ, и сердце ея сжалось.

«Богъ судья между мною и тобою! воскликнула она мысленно: — и виновата ли я передъ тобою или невиновата, я не знаю!»

Когда тишина стала водворяться въ домѣ, безчисленные слуги котораго начинали расходиться на покой, волненіе духа Іоганны также стихало. Она внимательно прислушивалась къ послѣднимъ замирающимъ звукамъ, и когда все уже, повидимому, заснуло, она встала съ твердостію, подошла къ родительской иконѣ, и припала передъ ликомъ своего ангела и благословеніемъ матери своей съ мольбою о напутствіи.

«Благослови меня! воскликнула она: — подъ твое заступленіе прихожу, тебѣ отдаю себя, тебѣ вручаю волю мою и душу! Не отринь меня, заступница моя, укажи мнѣ путь мой!...»

Совершивъ земной поклонъ, Іоганна приподнялась съ какимъ-то торжественнымъ выраженіемъ и, вынувъ изъ кивота икону св. Евпраксіи, приложилась, обернула ее въ шелковый покровецъ, и тихо вышла изъ комнаты.

IX.

Іоганна, прося настойчиво отца объявить о ея замужествѣ, была увѣрена, что эта вѣсть не замедлитъ распространиться въ придворномъ кругѣ и въ тотъ же вечеръ дойдетъ до Густава. Она думала этимъ успокоить его совѣсть и вычеркнуть себя од-

нимъ словомъ изъ его памяти и сердца. Это была послѣдняя дань любви, послѣдній болѣзненный ея отголосокъ.

Въ этомъ разсчетѣ Іоганна не ошиблась; нежданная новость переходила уже, въ королевскомъ замкѣ, изъ устъ въ уста.

— Что жь это значитъ? подумала Эгриды: — нѣтъ, это невозможно! нѣтъ, это какія-нибудь дворцовыя сплетни! рѣшила она и оставила странные слухи безъ вниманія.

Но вѣсть эта не могла уже ничего прибавить къ горю, которое испытывалъ Густавъ. Чаша была и безъ того полна. Тяжело встрѣтилъ онъ слѣдующее утро, и первое лицо, которое увидѣлъ передъ собою, былъ Клавдій, допущенный къ королевичу принести ему свою благодарность за полученное, по его ходатайству, мѣсто кантора у св. Анны краковской.

— Вашей яснѣйшей милости, мое шанованье! воскликнулъ онъ, до нельзя обрадованный, что увидѣлъ, наконецъ, своего пана.

— Здравствуй, другъ Клавдій! какъ поживаешь на новосельи?

— Да какъ самъ наипревелебнѣйшій, по ласкѣ вашей.

— Не по моей ласкѣ, а по волѣ божіей и по королевской милости.

— Безъ Бога ни до порога; ну, да и безъ вашей ясности, король нашъ милостивый и всякаго добра зычливый, не догадался бы, что живетъ на свѣтѣ какой-то Клавдій.... Въ добрый часъ вышли мы на дорогу, и кто бы то могъ во снѣ видѣть, что съ нами на яву совершилось!

Иначе бы заговорилъ Клавдій, еслибы зналъ, что совершилось съ его паномъ; но при всей своей проницательности, онъ не могъ вообразить ничего подобнаго.

— Набрели-жь-таки мы на то счастіе, котораго искали, продолжалъ онъ: — нашли-жь-таки свою долю!

Горько улыбнулся Густавъ на эти слова Клехи: онъ отдалъ бы охотно эту новую долю за свое прежнее бездолье.

— И не чуяло сердце пана: упирался онъ идти на эту коронацію, ажъ пока судьба въ шею выгнала — не въ обиду будь сказано вашей ясности.

— Да, судьба, другъ Клавдій! и судьба нерадостная! — вырвалось изъ сокрушеннаго сердца Густава.

— И какъ же жь можно говорить такое, пане! сказалъ, глядя съ нѣкоторымъ удивленіемъ Клавдій: — вашей наияснѣйшей милости не то, что нашему брату, теперь воля вольная — никуда не затворены двери; теперь панъ все увидитъ.

— Что жь увижу я?

— Все, что будетъ.

— Что такое будетъ? спросилъ безсознательно Густавъ.

— Да коронація же будетъ, на которую мы спѣшили, да трепали свои ноги.... И будетъ все, какъ должно быть, понесъ свое Клавдій:—первѣйшіе паны, духовные и свѣтскіе пойдутъ до королевскаго замка и передъ дверями станутъ, а къ королю, его милости, войдетъ только архибискупъ съ бискупами и съ маршалкомъ короннымъ великимъ, и одѣнутъ короля въ далматикъ, и возьмутъ подъ обѣ руки. Преднѣйшіе панови понесутъ передъ нимъ корону и скипетръ, державу и мечъ, и все то, пришедши до костела, сложатъ на алтарь; а *монарха* сядетъ на тронъ, и архибискупъ будетъ сказывать ему права и вольности Рѣчи Посполитой, а король присягнетъ, что ихъ додержитъ, да и ляжетъ крыжемъ.... Потомъ встанетъ на одно колѣно, и тогда архибискупъ помажетъ его, и возложитъ на него корону.... Панъ все то увидитъ самолично, а нашего сѣраго люду туда не допустятъ; до нашего *посполъства* король выйдетъ на другой день, на краковскій рынокъ; тамъ уже стоятъ и подмостки для трона; тамъ король будетъ принимать присягу, какъ бывало отъ ленныхъ княжатъ, и рыцарей ставить будетъ...

Хвалясь передъ самимъ собою и передъ его ясной милостію своимъ знаніемъ дѣла, Клавдій пустился въ краснорѣчивое и картинное описаніе всего, что̀ будетъ.

Густавъ, слушая его, не слушалъ; но, смотря на дружелюбную и беззаботную фигуру его, какъ будто чувствовалъ какое-то облегченіе. Густавъ тяготился теперь обществомъ сестры и принцесы, передъ которыми долженъ былъ подавлять свои чувства.

— Долго ли ты думаешь остаться на своемъ новомъ мѣстѣ?— спросилъ онъ умолкшаго Клавдія, который также начиналъ какъ-то странно присматриваться къ страждущему лицу его.

— Гдѣ жь у человѣка на сей землѣ мѣсто? вотъ когда умретъ да поховаютъ, тогда ужь и лежитъ, не трогаясь до трубнаго гласа.

Густавъ вздохнулъ глубоко. Не разъ приходилось ему вспомянуть, въ утѣшеніе себѣ, эту дефиницію Клехи.

— А чего прикажетъ, ваша ясность, пожелать себѣ на разставанье? — спросилъ онъ, понимая, что въ настоящемъ положеніи нельзя уже ему было попрежнему вести безконечные разговоры.

— Этого приказать я не съумѣю, сказалъ Густавъ, неспособный теперь ничего желать.

— Такъ пусть же вашей милости икается легонько на семъ и будущемъ свѣтѣ, сказалъ, откланиваясь, Клавдій.

Густавъ не былъ въ силахъ оцѣнить добраго пожеланія своего

товарища странствованія, выразившаго, народной поговоркой, полную безмятежность духа

Зигридь, увидя его входящаго къ ней, окинула безпокойнымъ взоромъ.

— Ты о чемъ-то печалишься?—спросила она.

— Не замѣчай моей печали, ради Бога!—сказалъ нетерпѣливо Густавъ.

Безпокойство еще сильнѣе выразилось въ чертахъ Зигриди. Видимая перемѣна, происшедшая съ Густавомъ, со времени поѣздки въ копи, смущала ее, невѣроятный слухъ о замужествѣ Іоганны, пропущенный мимо ушей, теперь кольнулъ ей сердце.

— Возможно ли это? спрашивала она себя, не смѣя спросить Густава.

Измученный видъ его надрывалъ ей душу. Долго, безмолвно и украдкою взглядывая на брата, она, наконецъ, не выдержала этого тяжкаго безмолвія.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, что̀ съ тобою? спросила она еще разъ, подошедъ и обнявъ его.

— Ахъ, молчи, умоляю тебя! проговорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Не могу я молчать, я хочу помочь тебѣ; ты знаешь, что принцесса Анна покровительствуетъ любви твоей. Она устроитъ твое счастіе!

— Это счастіе теперь невозможно; не терзай души моей напоминаніемъ!

— Невозможно! подумала съ содроганіемъ Зигридь: — такъ, стало быть, правда, то, что̀ мнѣ сказали!

Густавъ, съ какимъ-то досаднымъ движеніемъ освободясь отъ объятій сестры, вышелъ изъ комнаты. Участіе Зигриди растравило его слишкомъ больную душу.

— Такъ это правда! повторила она со слезами на глазахъ, входя къ принцессѣ.

— Что̀ такое? спросила та, взглянувъ на нее и выронивъ изъ рукъ лепестокъ какого-то растенія.

— Дочь виленскаго кастелана выходитъ замужъ! проговорила трепетно Зигридь.

Принцесса, не понимая этихъ словъ, смотрѣла на двоюродную сестру свою съ удивленіемъ.

— Это какая-нибудь новая работа враговъ принца! продолжала Зигридь:—гонители Густава не могли видѣть равнодушно, что счастіе улыбнулось этому страдальцу!

— За кого она выходитъ? спросила въ недоумѣніи принцесса.

— За Конецпольскаго, вашего придворнаго щеголя... Густавъ убитъ этой неожиданной новостью!

— Но какъ же могла рѣшиться на это Іоганна, любя принца Густава?

— О, нѣтъ сомнѣнія, что недоброжелатели его что-нибудь замышляютъ!... Имъ легко было напугать кастелана, и жестокій отецъ жертвуетъ дочерью, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, чтобъ не лишиться благоволенія двора, отвѣчала Зигридь въ волнующемъ ее опасеніи за брата.

— Этого не будетъ! вскричала принцесса, которой мгновенно сообщилось негодованіе Зигриди. — Нельзя допустить такого святотатства, слѣдуетъ разстроить интригу, помѣшать насильственному браку!

И она пошла предстательствовать предъ могуществомъ королевы, тетки своей.

— Наияснѣйшая цёцю, ласкàвая королева! сказала она: — помоги мнѣ исполнить долгъ, лежащій на совѣсти моей!

— Долгъ? лежащій на совѣсти твоей? повторила вопросительно Анна, лаская племянницу взглядомъ.

— Мы должны, на сколько отъ насъ зависитъ, искупить страданія, перенесенныя принцемъ Густавомъ.

— Чтò жь мы можемъ для него еще сдѣлать? спросила Анна нѣсколько строже.

— Устроить союзъ его съ дочерью виленскаго кастелана, которую онъ любитъ.

Королева устремила на ходатайницу проницательный взоръ.

— Какъ же это сдѣлать, не дождавшись отвѣта короля Іогана и не зная согласія матери Густава?. . Къ несчастію, судьба принцевъ такова, что они рѣдко могутъ располагать собою, прибавила Анна тономъ, остужающимъ усердіе принцессы.

— Густавъ не хочетъ быть принцемъ, съ живостію возразила она:—Густавъ охотно отказывается отъ своего титула и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ правъ. Онъ хочетъ быть простымъ смертнымъ и соединить судьбу свою съ тою, кого любитъ...

— Странно, однако, будетъ имѣть въ польскомъ государствѣ такого отрекшагося отъ всѣхъ правъ своихъ принца; отреченье, сдѣланное въ пылу страсти, не представляетъ большаго обезпеченія.

— Онъ не останется въ польскомъ государствѣ.

— Тѣмъ болѣе ему нельзя будетъ жить въ Швеціи.

— Онъ не будетъ жить къ Швеціи; онъ найдетъ убѣжище за границей.

— Я вѣрю, что въ настоящую минуту онъ говоритъ искрен-

но; а каковъ будетъ образъ мыслей его въ будущемъ, за это никто, ни даже самъ онъ не можетъ ручаться.... Предвидѣть всякія возможныя послѣдствія составляетъ первую обязанность тѣхъ, кому предоставлено Богомъ храненіе спокойствія и благоденствія народовъ.

— Но этимъ хранителямъ благоденствія и спокойствія народовъ нѣтъ никакой нужды дѣлать безполезное зло ничѣмъ невиннымъ личностямъ, смѣло сказала принцесса.

— Такое жаркое предстательство дѣлаетъ честь твоему сердцу; но необдуманный порывъ сердца бываетъ часто ложнымъ путеводителемъ, замѣтила королева въ наставленіе любимицѣ своей.

— Я не понимаю, для чего губить несчастную дѣвушку! не слушая ничего, продолжала принцесса.

— Кто губитъ несчастную дѣвушку?

— Безчеловѣчный отецъ!.. Желая удостовѣрить въ преданности своей къ королевскому дому, онъ принуждаетъ дочь выйдти замужъ... противъ сердца!

Королева остановилась въ размышленіи.

Свѣдѣнія, полученныя отъ виленскаго ректора, дали совсѣмъ иное понятіе объ этой *несчастной дѣвушкѣ*. Ей приписывали, до нѣкоторой степени основательно, рѣшимость принца такъ торжественно явить себя міру. Изъ этого предположенія дѣлались выводы, которыхъ великодушная принцесса не могла себѣ усвоить, но которые вынуждали многихъ дальновидныхъ быть на сторожѣ.

На той почвѣ, гдѣ хитрость пустила глубокіе корни, гдѣ эта способность природы пресмыкающихся возведена была чуть не въ добродѣтель, дозволительно было королевѣ подозрѣвать въ мнимой дочерней покорности Іоганны какое нибудь тонкое и опасное ухищреніе.

— Я прошу у ногъ мою наияснѣйшую цѣцю воспрепятствовать такому злодѣянію; я буду просить о томъ же у ногъ короля, моего брата, молила добрая принцесса, обнимая колѣна королевы.

— Спокойся, моя мила, сказала, поднявъ ее, Анна: — я разъясню это дѣло, порѣшила она, заключая непріятный разговоръ, принятый ею на столько къ сердцу, что она потребовала къ себѣ отца Іоганны, въ намѣреніи допросить его, въ присутствіи гетмана и великаго надворнаго подкоморья Голынскаго.

Въ это самое утро, просыпался кастелянъ въ своемъ краковскомъ палацѣ, и проснувшись, долго не выходилъ изъ опочивальни. Нерадостно было выходить ему, принимать нелюбаго жениха и оказывать ему почетъ, какъ нареченному зятю.

Не такого дорогого гостя ждалъ онъ, готовя угощеніе на диво столицѣ. И не то что пиво бархатное, искрометный литовскій медъ, а разливанное море иноземныхъ винъ; не то что яства сладкія и лакомыя, а мисы и блюда, насыпанныя верхомъ червонцами, хотѣлъ онъ поднести на закуску сотрапезникамъ.

И куда пошли теперь всѣ эти приготовленія? И что̀ такое сдѣлалось съ Іоганной? Никогда не удостоивала она этого Войцеха ни взглядомъ, ни путнымъ словомъ, и вдругъ замужъ!

Въ этихъ мысляхъ одѣвался панъ въ полное коштовное облаченіе, не замѣчая на лицахъ своихъ прислужниковъ какое-то особенно робкое выраженіе.

Одѣвшись, онъ сѣлъ за завтракъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ думалъ о дочери, которая, по обычаю, приходила въ этотъ часъ желать татунѣ добраго утра.

Однако, прошелъ уже давно обычный часъ, а Іоганна не являлась. До слуха его милости доходилъ какой-то смутный шепотъ за дверями; но сидя плотно въ своихъ креслахъ, панъ не трогался съ мѣста, ожидая, по барскому норову, что придутъ и доложатъ.

Нетерпѣніе начинало, однако же, томить его, и приходило время ѣхать въ замокъ. Онъ уже открылъ гортань, чтобы кликнуть пахолика; но дверь тихо отворилась и вмѣсто Іоганны, входящей обыкновенно свѣтлой зарей, вошла черной тучей Кася.

Въ эту минуту она походила на крадущуюся волчицу, которая пытаетъ, откуда и чѣмъ дуетъ по вѣтру.

— Гдѣ жь невѣста? спросилъ ее кастеланъ сердито.

— Какая? съ недоумѣніемъ спросила Кася.

— Какъ, какая! Не вмѣстѣ, что ли, строили вы эти кабалы?

Кася посмотрѣла на пана исподлобья.

— Развѣ ты не знаешь?

— Что̀ же знать мнѣ?

— Ты не знаешь, что Іоганна идетъ замужъ?

— Замужъ!—воскликнула Кася, такъ, что кастеланъ вздрогнулъ.

Ея воображенію представилась Іоганна, подающая руку Густаву.

— Чему жь ты такъ возрадовалась, точно одурѣла! сказалъ его милость съ укоромъ, принимая восклицаніе Каси за избытокъ сочувствія къ Іоганнѣ.—Чему тутъ радоваться! проговорилъ онъ съ досадой: вотъ-то кладъ! Вотъ-то сокровище, вашъ промотавшійся Войцехъ!

— Войцехъ! повторила Кася, измѣнившись снова въ лицѣ: — панна выходитъ за Войцеха?

— А ты будто этого не знаешь?

— Ой, неправда, пане!

— Какъ, неправда?

— Такъ, неправда!

— Неправда! а если я самъ вчера объявилъ ему въ королевскомъ замкѣ согласіе Іогаси.

— А для чего же пану было объявлять ему то, чего на свѣтѣ никогда быть не можетъ?

— А для того, что этого желала сама Іогася.

— Панна Іоганна любитъ *жарты*, любитъ удивлять всѣхъ тѣмъ, чего никто не чаетъ; а сама вѣрно загадала что-нибудь другое! проговорила внѣ себя Кася.

Безсильное озлобленіе дышало всѣми ея порами; ей казались уже ясны цѣли и намѣренія Іоганны.

— Что же все это значитъ?.... Или самъ я одурѣлъ вмѣстѣ съ вами?.... Гдѣ Іоганна? позови Іоганну! крикнулъ панъ грозно.

Кася вышла.

Кастеланъ видѣлъ себя поставленнымъ въ самое нелѣпое положеніе; не зная, чего ждать отъ дерзкихъ шутокъ Іоганны, онъ ходилъ въ волненіи по комнатѣ, и явись она въ эту минуту, онъ бы встрѣтилъ ее впервые залпомъ родительскаго гнѣва.

Но вошла снова не она; вошелъ Станчикъ, однако, видимо не съ тѣмъ, чтобъ забавлять пана.

— Позвать Іогасю! крикнулъ его милость.

— Изволитъ спать, отвѣчалъ блазень.

— Разбудить!

— Не приказала.

— Не можетъ быть, чтобы она спала такъ долго!

— Да, спитъ долго, со вчерашняго утра. Все спитъ и никто ея не видитъ.

— Она больна? спросилъ кастелянъ съ испугомъ и забывъ гнѣвъ свой.

Станчикъ, въ знакъ своего невѣдѣнія, пожалъ плечами.

— Умерла! крикнулъ панъ не своимъ голосомъ. И онъ рванулся съ мѣста, прямо къ дверямъ спальни дочери.

Остановясь, какъ вкопанный, онъ обвелъ глазами стоявшихъ тутъ гардеробянокъ, какъ будто допрашивая ихъ тревожныя лица.

— Іогасю! произнесъ онъ, слегка стукнувъ въ двери.

Отвѣта не было.

— Іогасю! повторилъ панъ громко.

Но на зовъ никто не откликался.

— Панны нѣтъ, проговорила дрожащимъ голосомъ Дорота.

— Гдѣ жь она, гдѣ? повторялъ кастелянъ, откинувъ двери и осматривая спальню.

Всѣ стояли безмолвно.

— Дурни! Куда же ей дѣваться?... Ищите! крикнулъ онъ, какъ будто опомнясь отъ испуга и убѣждаясь, что Іоганна спряталась и тѣшится общей тревогой.

Гардеробянки разметались во всѣ стороны; и самъ кастелянъ, казалось, искалъ ее глазами. Взоръ его остановился на кивотѣ, въ которомъ не было образа—благословенія матери Іоганны.

Отсутствіе этого образа было для него недобровѣщимъ признакомъ. Но вывести изъ этого какое-нибудь заключеніе онъ былъ не въ состояніи.

— Ея нѣтъ!... нигдѣ нѣтъ!... нигдѣ не сыщутъ и Василька! вскричала вбѣгая Кася. — Слышишь, пане, продолжала она: — въ дворѣ нѣтъ Василька, который при паннѣ только тогда, когда она ѣдетъ въ дорогу!

Кастелянъ смотрѣлъ на нее тупо, голова его помутилась.

— Пане! сказала Кася, подойдя и дернувъ его за руку, съ дерзкой рѣшимостью: — говорила я, что Войцехомъ ея милость заслонила пану очи!

— Гдѣ жь она? спросилъ кастелянъ, какъ будто ничего не слыша.

— Гдѣ! язвительно повторила Кася: — пусть панъ спроситъ въ королевскомъ зáмкѣ, гдѣ тамъ панъ академикъ!

— Панъ академикъ! тамъ не панъ академикъ, а принцъ шведскій! сурово поправилъ кастелянъ, свысока взглянувъ на Касю.

— Еслибъ этотъ принцъ захотѣлъ быть ея мужемъ, то никто не помѣшалъ бы ему взять ее съ твоего благословенія! отозвалась дерзко Кася, бросивъ въ самолюбіе и тщеславіе пана свое ревнивое сомнѣніе.

Лицо затронутаго кастеляна побагровѣло, и все, что̀ было въ душѣ его и добраго и злаго, вскипѣло и перемѣшалось.

Отцовская любовь, шляхетская гордыня, честь древняго, славнаго рода и тщеславное самовеличаніе — все заболѣло въ немъ смертельной болью.

Но благородное сердце Іоганны, какимъ онъ зналъ его всегда, явилось въ мысляхъ кастеляна поручителемъ за честь ея.

Горделиво поднялъ онъ голову и взглянулъ съ презрѣніемъ на Касю.

— Лжешь ты! крикнулъ онъ: —яснѣйшій королевичъ, безъ сомнѣнія, сочетается съ моей точерью тайнымъ бракомъ, только потому, что явный бракъ невозможенъ, покуда онъ не признанъ въ правахъ своихъ королемъ Іоганомъ!

— А что̀ скажетъ нашъ король и наша наияснѣйшая пани, если на этотъ тайный бракъ не было ихъ разрѣшенія? спросила Кася, вдохновляемая озлобленіемъ: — не подумаютъ ли они, что панъ способствовалъ этому беззаконному, тайному браку, и самъ, своими руками, толкнулъ дочь на преступленіе?...

Эта мысль поразила и перепугала совершенно растеряннаго кастеляна.

— Совѣтую тебѣ, пане, спѣшить скорѣе въ за̀мокъ, объявить, что панъ непричастенъ замыслу принца, спасти свою голову отъ плахи и просить короля исхитить дочь отъ посрамленія!...

Коварный совѣтъ Каси былъ прерванъ докладомъ гайдука, что за его милостію прискакалъ нарочный отъ королевы.

Сердце замерло у кастеляна; необычайный зовъ, казалось, подтверждалъ угрозы Каси, и панъ, дрожа и замирая, отправился въ за̀мокъ.

Въ страшномъ изступленіи чувствъ ждала его возвращенія Кася. Она боялась, что панъ не поспѣетъ во̀-время въ за̀мокъ; ей представлялось, что бракъ принца и Іоганны уже совершился, что, можетъ быть, панъ призванъ принять королевское поздравленіе—при этой мысли Кася судорожно вздрогнула.

Какъ окаменѣлая стояла она у окна съ глазами, прикованными къ брамѣ, и, казалось, ждала смертнаго приговора.

Къ полудню въ эту браму въѣхалъ на дѣдинецъ великолѣпный всадникъ, въ сопровожденіи многочисленной парадной свиты, блестящей оружіемъ и яркими одеждами.

Картинно подскакалъ онъ къ ступенямъ крыльца, ловко соскочилъ съ коня и радостнымъ свѣтиломъ поднялся на лѣстницу.

Это былъ Войцехъ.

Удивясь слегка услышанному въ парадныхъ сѣняхъ отъ служителей, толпившихся съ смущенными лицами, неласковое: «пана нѣтъ дома», онъ вошелъ въ залу съ видомъ желаннаго гостя.

— Гдѣ его милость? спросилъ онъ перваго встрѣчнаго.

— Въ королевскомъ за̀мкѣ.

— А панна Іоганна?

Вопрошаемый, вмѣсто отвѣта, казалось, бросился докладывать.

— Дома панна Іоганна? повторилъ Войцехъ выглянувшему изъ дверей Станчику.

— Нѣтъ дома!

— Куда же уѣхала?

— Никуда не уѣзжала.

Раздосадованный этимъ отвѣтомъ, Войцехъ уже готовъ былъ произнести проклятіе, но увидѣлъ у окна Касю.

— Панна меня поздравитъ наконецъ, сказалъ онъ, подходя осанисто и гордо къ своей пріятёлкѣ.

— Съ чѣмъ? спросила съ ѣдкой усмѣшкой Кася.

— Какъ, съ чѣмъ? Панна не знаетъ, что властелинка моего сердца теперь моя невѣста!

— Неужели? вотъ-то новость!

Войцеху не понравилась эта шутка.

— Гдѣ панна? спросилъ онъ сурово.

— А вотъ, его милость возвратился изъ королевскаго замка и скажетъ пану, отвѣчала Кася, взглянувъ въ окно и выбѣгая изъ комнаты.

— Это что̀ такое?... Надо мной смѣются! вспыхнувъ крикнулъ Войцехъ.

Дверь отворилась. Кастеляна, совершенно убитаго, вели подъ руки.

— Панъ! что̀ все это значитъ? спросилъ гнѣвно Войцехъ, обращаясь къ нему.

— Ты скажи мнѣ, что̀ все это значитъ, а я не знаю! проговорилъ почти безгласно панъ, опускаясь въ кресла. Голова его упала на грудь.

X.

«Не давай опериться этой птицѣ», писалъ король Іоганъ сыну, и отцовскою властію воспретилъ Сигизмунду предоставлять Густаву какое либо мѣсто, званіе и даже частное пребываніе внутри государства.

По просьбѣ Корины, онъ дозволилъ ему принять покровительство императора Рудольфа. Всѣ эти событія, какъ ударъ за ударомъ изъ громовой тучи, раздались надъ головой Густава. Преувеличенныя опасенія, внушенныя Сигизмунду необъяснимымъ побѣгомъ Іоганны, рѣшили его дать повелѣніе немедленно же и тайно отправить Густава въ Цесарію.

Во избѣжаніе сценъ разлуки и предстательствъ Зигриди и принцессы Анны, ему даже не дали проститься съ сестрой.

Густавъ былъ радъ бѣжать отъ самого себя на край свѣта. Его страданія доходили до крайнихъ предѣловъ человѣческой способности страдать. Онъ старался не думать объ Іоганнѣ, но весь былъ проникнутъ мучительною думой о ней.

Мы не будемъ описывать пути его въ Прагу и пріема, сдѣланнаго ему въ Градчинѣ императоромъ Рудольфомъ, который встрѣтилъ въ Густавѣ болѣе ученаго лаборанта, нежели принца шведскаго, помышляющаго о правахъ своихъ. Обратимся въ

Вильно, на Остробрамскую улицу, въ страннопріимному дому виленскаго братства.

Это было довольно обширное, старое зданіе, вытянутое въ прямую линію, подъ высокой тесовой кровлей, почернѣвшей отъ времени, стоявшее въ углубленіи обширнаго двора, исполосаннаго тропинками, которыя шли лучами отъ воротъ, постоянно запертыхъ и постоянно сторожимыхъ привратникомъ, знавшимъ, что каждый православный, кто бы онъ ни былъ, приходилъ и получалъ отъ братства все, что могъ ожидать отъ людей не всесильныхъ.

Пріютная кровля этого дома, какъ евангелическая *кокошь*, простирала крылья свои надъ птенцами. Раздѣляясь на двѣ половины, это строеніе вмѣщало лечебницу для убогихъ и болящихъ, и богадельню для безпомощныхъ. По обѣимъ сторонамъ двора тянулись особнякомъ келейки, назначенныя для странниковъ.

Въ одной изъ этихъ келій, лоснящихся своими гладкими деревянными стѣнами и такими же деревянными скамьями, при свѣтѣ горящей у образовъ лампадки, читала на сонъ грядущій молитвы благочестивая старушка.

«Господи, пошли благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлю имя святое Твое! Господи Іисусе Христе, напиши мя рабу Твою въ книзѣ животнѣй и даруй мнѣ конецъ благій!»

Легкій стукъ у дверей прервалъ ея молитву.

— Сестра Наталія! послышалось за дверью.

— Кто тамъ?

— Пришла странница, тебя спрашиваетъ.

— Кто такая?

— Евпраксія, отвѣчалъ дрожащій молодой голосъ.

Старушка привстала въ недоумѣніи, смутно припоминая это имя, и пошла отворить дверь.

Вошедшая, сбросивъ шубу и покрывало, остановилась, держа въ рукахъ что-то завернутое въ покровъ.

— Евпраксіюшка! ты ли это, моя бѣлая голубка? спросила старушка, подводя ее къ лампадѣ и всматриваясь съ изумленіемъ въ черты ея.

И не праздно было это восклицаніе: наружность Іоганны много измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Наталья убогая посѣтила ее въ отцовскомъ палацѣ.

Молча развернула Іоганна принесенный ею образъ, и передавъ въ руки старушки, упала ей въ ноги. Ея горе уже перегорѣло въ ней, она какъ будто вознеслась надъ этимъ горемъ.

— Благослови меня благословеніемъ матери моей! сказала она: — возврати меня вѣрѣ отцовъ моихъ!... Судьба неисповѣ-

димыми путями привела меня снова подъ кровъ моей церкви; дай мнѣ водвориться подъ этимъ кровомъ!... Жизнь обманула меня; мое сердце, мой разумъ, моя воля меня обманули: сердце увлекло меня въ бездну страданій, разумъ обольстилъ меня, а дерзкая моя воля посягнула на такое счастіе, которое не дано человѣку въ этой жизни!... Накажи меня своею материнскою рукою за мое своеволіе, за мое неразуміе, за мое лукавое, обманувшее меня сердце! Сними съ меня мою волю, направь мой разумъ, отдай сердце мое Богу!...

Старушка, стоя съ иконою въ рукахъ и приникнувъ къ молящей своимъ благодушнымъ взоромъ, не понимала словъ ея, но слушала ея душевный голосъ.

— Дитя мое, Евпраксіюшка, ты знаешь Бога, душа твоя къ нему воздыхаетъ, кротко сказала Наталья.

— Благослови меня снова благословеніемъ матери, моимъ православнымъ именемъ... Дай мнѣ снова познать вѣру, отъ которой видимо отторгли меня, но въ которой невидимо душа моя пребывала донынѣ.

— Тебя отторгли отъ вѣры твоей? отъ святой православной церкви? воскликнула старушка съ изумленіемъ:—но какъ же могла ты забыть завѣщаніе смертнаго часа матери твоей?

— У меня, еще младенца, похитили ее!... Собери свою память, вспомни, въ какомъ возрастѣ осталась я сиротой.

— У младенца похитили вѣру его! повторила съ глубокимъ вздохомъ Наталья:—они тщатся похитить ее и у цѣлаго народа!... *Кто не дверью входитъ въ домъ овчій, а пролѣзаетъ индѣ, тотъ есть воръ и разбойникъ*... Да, неразумнымъ дитею осталась ты послѣ матери твоей. Но святая церковь твоя молилась о тебѣ непрестанно, и была тебѣ въ помощь, продолжала умиленная Наталья. — И вотъ, нынѣ, ты пришла къ Господу труждающаяся и обремененная, и Господь успокоитъ тебя, Господь упасетъ тебя и наставитъ на стези правды. Братство наше, устроенное по заповѣди божіей: *да любите другъ друга*, возлюбитъ тебя вседушно и сопричтетъ къ своему стаду... Не ужасайся и не сокрушайся. Господь даруетъ тебѣ вмѣсто земныхъ — небесная, вмѣсто временныхъ—вѣчная, вмѣсто тлѣнныхъ—нетлѣнная.

И Наталья благословила Іоганну, которая снова упала ей въ ноги.

Когда икона была поставлена къ лампадѣ и позднія собесѣдницы, обнявшись, сѣли вмѣстѣ, Іоганна долго еще высказывала духовной матери свое сердце. Ни та ни другая не думали о покоѣ. Лампада озаряла ихъ, съ надворья вылъ, ударяя въ окно,

вѣтеръ, какъ-бы напоминая о буряхъ жизни; но Іоганна чувствовала себя у тихаго пристанища.

Раздался первый ударъ утренняго колокола.

— Господь зоветъ на молитву, сказала Наталья, вставая.

Покрывшись, Іоганна послѣдовала за нею въ церковь св. Троицы при братскомъ монастырѣ, основанную за два съ половиной вѣка Маріею, супругой Ольгерда, возобновленную Еленой, дочерью царя Ивана III и супругой Александра.

Все было чудно и впечатлительно для Іоганны. Войдя въ святыя ворота и чрезъ церковный дворъ на паперть, онѣ прошли притворомъ, мимо крестильницы, въ женскій отдѣлъ братской церкви.

Нѣсколько лампадъ и свѣчей озаряли внутренность церкви, едва обозначая сквозной иконостасъ. Темные лики мѣстныхъ и другихъ иконъ, отливаясь брезжущимъ отблескомъ на стѣнной живописи, сообщали ей обманчивую подвижность.

Внятно раздавался голосъ чтеца, и живо вліяли на душу Іоганны нѣкоторые, какъ будто обращенные прямо къ ней, возгласы.

«Полунощи возстахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея!»

«Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ!»

— Боже! воскликнула въ душѣ Іоганна: — гдѣ я? Ужели въ томъ самомъ Вильнѣ, гдѣ родилась и взросла, какъ на чужбинѣ?... Боже! цалую руку Твою, страданіемъ отворившую мнѣ дверь въ мою святую отчизну!

Мысль ея слилась съ молитвой безъ словъ, исходящей какъ ѳиміамъ изъ ея сердца.

Своды древняго храма огласились пѣніемъ не съ органами, къ которымъ привыкъ слухъ Іоганны, а *тріестествогласіемъ*, которымъ предки наши съ первыхъ временъ христіанства сопровождали свои богослуженія—простымъ, трезвеннымъ пѣснопѣніемъ.

Это не была музыка, изумляющая слушателя *концертантною симфоніей*, это не было пѣніе нѣжущее, хмѣлящее, страстно восторгающее чувства; это было строгое, *трезвенное*, благоговѣйное молитвословіе. Оно сочеталось съ чувствами Іоганны, возлетѣвшей надъ своимъ человѣческимъ горемъ.

Съ окончаніемъ полунощницы началось служеніе утрени, изображающее зарю христіанства; угасли свѣтильники, кромѣ горѣвшихъ передъ иконами, какъ-бы для успокоенія духа, въ срѣтеніе солнца правды.

Въ полномъ самозабвеніи была Іоганна, пока развѣло утро

и умножились снова свѣтильники, которые озарили ей иконопись храма, столько же отличную отъ живописи западной церкви, сколько отличались звуки органа и концертное пѣніе отъ древняго напѣва.

Западная иконопись, давно уже отступившая отъ своего первообраза и замѣнившая священные символы естествомъ человѣческимъ, обольщала взоры и отвлекала ихъ отъ *горняго* къ изображеніямъ красоты матеріальной, оскорбляющей православное воззрѣніе.

Строгіе, темные лики своею исключительною правильностію, своимъ таинымъ, знаменательнымъ смысломъ говорили Іоганнѣ тѣмъ неслыханнымъ глаголомъ, котораго не разумѣетъ разумъ, а постигаетъ душа, искра божественнаго свѣта.

Іоганна узнала въ этихъ ликахъ тѣ самыя наслѣдственныя иконы, которымъ молилась она съ дѣтства; это были они, представители ея неземнаго отечества, выясняющіеся ей изъ полумрака.

Послѣ продолжительнаго богослуженія, на амвонъ церкви вышелъ проповѣдникъ, молодой клирикъ, Стефанъ Зизаній.

Вся тѣсная толпа богомольцевъ двинулась къ амвону; все стихло.

«Братія! возгласилъ Зизаній послѣ обряднаго славословія: — кто сердцемъ не лежитъ къ родной землѣ, къ памяти предковъ, къ праху отцовъ — тотъ пусть не зовется сыномъ отчизны и широковладнаго рода русскаго. Кто не возлюбилъ матери своей православной церкви, да душу свою положитъ за нее, да потщится, шествуя по христову пути, узкому и прискорбному, стоять за нее до крови, тотъ пусть не именуется чадомъ церкви, исповѣдникомъ православія!

«Мы уже чуемъ новыя гоненія на родную землю, на святую матерь нашу церковь... Уже идетъ тать въ нощи, и *горе живущимъ на земли и на мори, иже разрѣшенъ быстъ сатана отъ темницы своей на прельщеніе языковъ.* Уже насъ волнуютъ зловѣщіе слухи, грозящіе расточить православное стадо!...

«Болятъ наши язвы подъ клятвою Ягеллоновъ, произнесшихъ хулу на Духа Святаго, клявшихся надъ святыми таинами всѣхъ людей православной вѣры *къ послушанію римской церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить.*

«Уже полтора вѣка съ лютой злобою неистовствуетъ на Литвѣ трибуналъ инквизиціи, карая насъ подъ ложнымъ прозвищемъ *схизматиковъ,* и съ каждымъ годомъ вопіютъ къ небу новыя развалины святыхъ храмовъ нашихъ и монастырей, изъ которыхъ

выбрасываютъ кости умершихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ нашихъ!

«Казалось бы, что всѣ роды поруганій и казней уже испытаны надъ нами; но слуги дьявола, именующіе себя братіею Іисусовою, измышляютъ новыя казни и поруганія. Молодой король, «слуга слугъ антихриста», постановилъ на Литвѣ истребленіе православія и разрѣшилъ съ давняго времени испытуемый замыселъ *уніи* привести въ исполненіе.

«Унія свяжетъ души наши не братскимъ примиреніемъ церквей, какъ они лукавствуя тщатся завѣрить насъ, не возвращеніемъ латинянъ къ православію, а приведеніемъ насъ православныхъ къ послушанію римской церкви.

«Изнищала уже и уподоблена рабочему скоту меньшая братія наша православная; священники наши впряжены въ одно ярмо съ нищимъ народомъ, просятъ милостыни; въ высшіе чины, духовные и гражданскіе, людей нашихъ достойныхъ не принимаютъ, но простяками, невѣждами и недостойнѣйшими, въ поношеніе русской странѣ, наполняютъ праздныя мѣста.

«Уже готовъ и уровненъ путь врагу нашему; супостатъ приближается!

«Когда мы видимъ тучу, идущую съ запада, то говоримъ: дождь будетъ—и бываетъ такъ, и когда дуетъ югъ, говоримъ: зной будетъ—и бываетъ; лицо земли распознавать умѣя — сего ли не видѣть!»

Однимъ воздыханіемъ вздохнула изъ глубины груди вся слышавшая *слово* братія, одною болію заныло сердце, и расходясь послѣ отпуста, одною мыслію воодушевилась и сплотилась паства.

Душа Іоганны была преисполнена святого ужаса: «молодой король, *слуга слугъ антихриста!*» повторяла она мысленно, и ей представился Сигизмундъ вялый, пасмурный, сонливо склоняющій выю подъ иго распинателей православнаго народа.

— «Князи людстіи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его!» шептала входя съ нею вмѣстѣ въ келью старушка.

Она подала Іоганнѣ большую заздравную просфору и кружку студеной воды,

— Отвѣдай нашего питія и брашна, сказала Наталья: — подкрѣпись и отпочинь, а я пойду повѣщу братиковъ о радости, которую посылаетъ имъ Господь въ утѣшеніе ихъ скорби.

Осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ и замкнувъ на замокъ келью, старушка, незнающая изнеможенія, давно уже живущая однимъ къ Богу тяготѣющимъ духомъ, и легко носящая ветхую оболочку его, оставила Іоганну одну съ Богомъ.

Оглядѣвшись, только теперь замѣтила Іоганна, что за исклю-

ченіемъ теплящейся передъ образами лампадки, въ этой кельѣ было какъ будто совершенное отсутствіе слѣда человѣка.

Пустыя стѣны, голыя лавки, столикъ, на которомъ не было ничего кромѣ только-что поставленной кружки и просфоры; даже полъ своею бѣлизною сосновыхъ досокъ, какъ-будто свидѣтельствовалъ, что святая обитательница кельи движется не касаясь его.

У Натальи убогой, кромѣ ея ветхой раски, не было никакого имущества; живя подъ кровомъ братства и питаясь крохами братской трапезы, она не имѣла никакой собственности.

Эта высокая духовная жизнь повѣяла на Іоганну искусительнымъ страхомъ; долгая тернистая стезя, по которой возможно было достигнуть до такого безплотнаго состоянія, развернулась передъ нею во всю даль ея; сомнѣніе въ самой себѣ дохнуло на нее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ.

И вдругъ почувствовала она изнуреніе. Сидя на скамьѣ и не коснувшись хлѣба въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, переиспытала она всѣ ужасы, осаждающіе отшельника въ пустынѣ.

Недосягаемо страшно представилось ей призваніе ея, и она, казалось, готова была воскликнуть съ апостоломъ, котораго ужаснула сила Господня: «Изыди отъ меня, Господи! Я человѣкъ грѣшный».

Но святое божіе: «не бойся!» незамедлило раздаться мысленному ея слуху. Она ободрилась; искушенія, какъ испуганныя тѣни, разлетѣлись отъ блеснувшаго свѣта.

— Буди воля Твоя! воскликнула она, возводя очи на икону благословляющаго Спаса, и, обезсиленная, окончательно склонилась и уснула.

На разсвѣтѣ этого дня было обнесено по всему братству братское знамя, въ довѣденіе каждому, что будетъ происходить собраніе, по обычаю, тотчасъ послѣ утрени.

Въ братскомъ домѣ, построенномъ на монастырской землѣ Святотроицкой обители, въ большой горницѣ, на застланномъ покровомъ столѣ, стояло уже Евангеліе, зажженныя свѣчи и братскій ларецъ. Тутъ же лежало нѣсколько книгъ духовнаго содержанія.

За особымъ столикомъ сидѣлъ передъ раскрытою книгою писецъ, вносящій въ нее совѣщанія и дѣйствія братства во время засѣданій, а также отчетность приходовъ и расходовъ.

Члены братства изъ разныхъ чиновъ и званій, духовныхъ и свѣтскихъ, отъ князя до мѣщанина, и нѣсколько лицъ женскаго пола, занимали мѣста на скамьяхъ, въ глубокомъ безмолвіи, наблюдая строжайшую чинность.

На этотъ разъ на лицахъ всѣхъ братчиковъ выражалась бо-

лѣе или менѣе тревожная забота и скорбь—проповѣдь высказала всеообщее ожиданіе новыхъ золъ.

Когда собрался весь братскій совѣтъ, священникъ прочелъ уставную молитву, по окончаніи которой братскій староста возгласилъ обычный вопросъ:

— Господа братство! Кто знаетъ что̀ къ братіи нашей относящееся — пусть объявитъ; кто принесъ долгъ или какой доходъ братскій — пусть внесетъ; кто имѣетъ дѣло до братства — пусть исполняетъ.

— Братскаго гражданства папове и ктиторы! отозвался очередной изъ старшихъ братчиковъ, или *рочныхъ справцевъ*:—слушайте.

«Отъ вельможнаго и свѣтлѣйшаго княжа христіанскаго, верховнаго покровителя православія на Руси, Константина Константиновича Острожскаго, изъ его острожской *друкàрни*, прислано въ братство, для раздачи православному народу, пятьсотъ догматическихъ книжецъ, по коимъ научать простыхъ людей молитвамъ и догматамъ его отеческой вѣры.

«Отъ Андрея Путайтицкаго княжа на Волыни, триста евангелій и триста псалтирей и часослововъ.

«Отъ львовскаго братства присланы книги по описи, восполняющія нашъ недостатокъ книжный, и братство даруетъ намъ тѣ книги на упоминокъ съ любовію.

«Отъ проѣзжаго посла московскаго—утварь въ братскую церковь и ризы священничьи и дьяконьи со епитрахилью, ораремъ и поручами».

Предъявивъ о всѣхъ полученныхъ посланіяхъ, приношеніяхъ и денежныхъ взносахъ, а также и о надлежащихъ расходахъ на братскую церковь и обитель, на учебницу и богадельню, на типографію и книжницу, рочный справца отошелъ къ своему мѣсту.

Маститый старецъ, бояринъ Кузьма Ильиничъ, подалъ голосъ:

«Превозлюбленныя братія! Довѣдомо намъ, что іезуиты много отрыгаютъ ядовитыми слогнями на святую непорочную церковь нашу, нарицая насъ схизматиками; они повѣдаютъ, буде не повинимся Риму, не можемъ спастися. И сіе ложное ихъ страшилище, непрестанно умножающимся, непомѣрнымъ множествомъ книгъ, дождитъ и затопляетъ ими Литву, привлекая православныхъ дѣтей въ свои повсюду насажденныя училища, подобно плевеламъ, грозящимъ заглушить доброе сѣмя. Время, братія, въ распространяемый мракъ внести свѣтъ; нужны учители, ихъ же бы трудолюбное, сыновнее, а не наемничее о матери своей церкви Христовой

попеченіе, нетолько въ градахъ, но и въ весѣхъ, искусныхъ въ свое время іереевъ произвело.

«Совѣтуйте, братія, чтобы неопытные и неученые не ходили къ латинянамъ на ихъ наказаніе: *тлятъ бо обычаи добрые бесѣды хитросплетенныя.*»

Общество одобрительно приняло совѣтъ и предостереженіе опытнаго старца, и слово его перенялъ другой братчикъ братства *Кожемятскаго*—изъ цеха кожевниковъ, судья совѣстный и неумытный, представитель здраваго смысла народнаго.

«Хвала и слава нашимъ князьямъ и боярамъ, пребывающимъ въ православной вѣрѣ бодро и трезво. Они-то, первѣе всѣхъ уразумѣвъ опасность отъ іезуитовъ, всею крѣпостію своею и силою встали предъ королями и властителями оплотомъ народа своего и матери своей церкви; они-то, во время гоненій Баторія, не щадя живота и имущества своего, радѣли о благолѣпіи храмовъ божіихъ, и обогатили, по возможности, страну книгами, и изъ домашнихъ, боярскихъ учебницъ своихъ дали намъ первыхъ учителей... Нынѣ же тѣхъ превозлюбленныхъ и правовѣріемъ укрѣпленныхъ братій нашихъ отстраняютъ отъ народа, а сажаютъ на ихъ мѣсто ересію *наквашенныхъ*. Они-то изготовляютъ намъ въ духовные вожди и наставники своихъ клевретовъ, чтобы вліяя на главу мертвить все тѣло. Братія! дворъ римскій осмѣлился правиломъ постановить: «Еслибы глава церкви тьму людей влекъ во адъ, никто да не дерзнетъ сказать ему: «стой!»

Раздавшійся гулъ всего собранія подалъ знакъ сочувствія народному витіи.

Братчикъ Григорій, изъ духовнаго званія, продолжалъ:

«Такое-то всевластное, безбожное господство римской церкви и всеразрушающее своеволіе Рѣчи Посполитой представляютъ борющуюся разъяренную хлябь морскую, въ которой обуреваема страдаетъ церковь наша... Время, братія, просить святѣйшаго патріарха цареградскаго устроить дѣла нашей вѣры».

«Звать патріарха!» единодушно отвѣтило собраніе. И постановило избрать, снарядить и отправить въ Константинополь пословъ.

Предъ окончаніемъ засѣданія староста еще разъ огласилъ: не имѣетъ ли кто дѣла до братства?

Тогда встала съ своего мѣста Наталья убогая и объявила, что юница благорожденная, въ родѣ свѣтлая и разумомъ отъ Бога одаренная, памятуя праотцевъ своихъ правовѣріе, желаетъ возвратиться къ церкви.

Этою утѣшительною вѣстію и молитвой за обращеніе всѣхъ отпадшихъ чадъ церкви православной закрылось совѣщаніе.

Исключительное положеніе Іоганны принадлежащей къ сильному и богатѣйшему дому въ городѣ, состоящей подъ зоркой опекой латинскаго духовенства, которое безъ борьбы не выпуститъ изъ рукъ своихъ этой добычи, озаботило братство.

Приняты были всѣ мѣры предосторожности.

По уставу церковному, отвержшійся отъ православной вѣры страхомъ, невѣдѣніемъ, неученіемъ или насиліемъ, *получалъ человѣколюбіе*, но долженъ былъ приготовиться къ очистительнымъ молитвамъ.

Братскій священникъ назначенъ былъ для оглашенія, и *юница Іоганна* изумляла своимъ преуспѣяніемъ наставника.

Между тѣмъ, католичество дѣлало свое дѣло. Проповѣди Зизанія и другія братскія и богословскія сочиненія, расходившіяся въ безчисленныхъ спискахъ, приводили противниковъ въ ярость. Ободряемая благопріятными вѣстями изъ столицы, іезуитская congregatio propagandae fidei стала тревожить братство возмутительными докуками, выводящими изъ всякаго терпѣнія.

«Не проходило дня, чтобы фанатизмъ враговъ не изобрѣталъ чего нибудь новаго противъ православія.»

Какое бы ни было человѣку православнаго исповѣданія дѣло въ судѣ, по торговлѣ или въ какой-либо обыденной житейской требѣ, онъ встрѣчалъ невообразимыя препятствія. Смиренно идущаго по улицѣ братчика всячески зацѣпляли и бросали мимоходомъ въ лицо жестокія поруганія его вѣрѣ.

Жиды, жившіе за панибрата съ поляками, пользовавшіеся всѣми преимуществами, величались передъ отверженниками на своей землѣ, православными русинами.

Но это были видимыя, ничтожныя, потѣшныя гоненія въ сравненіи съ тайными, которыя шли своимъ чередомъ. Тѣ и другія съ каждымъ днемъ принимали болѣе и болѣе угрожающіе размѣры.

По наущенію своего академическаго начальства, молодежь св. Яна ловила и била православныхъ дѣтей-воспитанниковъ братства и *у малолѣтныхъ, питавшихся милостыней, отбирала то, что̀ сострадательность давала имъ во имя Христово*. Въ дополненіе всѣхъ безчинствъ, учни, подъ предводительствомъ своего префекта, напали на братскую школу, изувѣчили учениковъ, порвали книги и выбили всѣ окна.

Подобное звѣрство естественно привело въ отчаяніе братчиковъ, знавшихъ, что на семинаристовъ, мимо ихъ іерархіи, не было управы, а она-то и была двигателемъ разбоя.

Смущенные этимъ происшествіемъ, православные съ уныніемъ шли въ тотъ день къ вечернѣ, прося вразумленія отъ Бога: что̀ имъ дѣлать?

Іоганна съ своей неразлучной спутницей, не зная еще ничего о буйствѣ въ братской школѣ, также направлялась въ сумерки въ Святотроицкую церковь; но при входѣ на монастырь, сѣдой старецъ, повидимому, поджидавшій ихъ, бросился имъ въ ноги.

— Панночко! на кого ты бросила Василька *дурнаго*!—воскликнулъ онъ, припадая и цалуя край платья Іоганны.

— Это ты, добрый мой Василько! какъ узналъ ты меня? для чего ты здѣсь? Ты хотѣлъ идти на родину въ Кіевъ? спросила она, изумленная появленіемъ Василька въ братской обители.

— А на что мнѣ тая родина, панночко, и на что мнѣ тые твои гроши! На, возьми себѣ ихъ назадъ, не треба ихъ Васильку-дурному, сказалъ онъ, приподнимаясь и вынимая изъ-за пазухи кожаный гаманъ:—пусть умру я твоимъ слугою и ты поховаешь мои кости.

— Но у меня нѣтъ уже болѣе слугъ, ты сослужилъ мнѣ последнюю службу, привелъ меня въ домъ божій...

— Ни, панночко, мое сердце, не такъ ты говоришь... Пёсъ я былъ тебѣ вѣрный и добрый, псомъ хочу и остаться у твоего порога!—и слеза прошибла на очахъ Василька.

Онъ прозывался *дурнымъ*, потому что забавлялъ панночку еще дитею своей дурью; онъ одинъ, *дурный*, ни за что не пошелъ изъ дому тогда, когда послѣдовало изгнаніе всѣхъ старыхъ слугъ боярыни Маріи, напоминавшихъ малюткѣ дочери ея родной языкъ и родную вѣру. Какъ не пошелъ Василь, такъ и остался, чуть не въ собачей конурѣ у брамы кастелянскаго палаца, и паночка, бывало, довѣдается о старомъ Василѣ и утѣшитъ его добрымъ словомъ и не дастъ своего *дурнаго* въ обиду умной дворнѣ. И за это-то любилъ ее Василько и только для нея одной на свѣтѣ былъ уменъ, и панночка то знала.

— Останься здѣсь, въ домѣ Божіемъ, при своей панночкѣ, вступилась за него Наталья:—иди, старче, молись Богу. Василько посмотрѣлъ на нее, повеселѣлъ, поклонился въ ноги и пошелъ въ церковь.

Послѣ заутрени, снова было братское совѣщаніе, на которомъ рѣшили вооружиться терпѣніемъ до пріѣзда патріарха; но терпѣніе братчиковъ не обезоруживало гонителей, а подстрекало ихъ на пущую дерзость и озлобленіе.

Нѣсколько дней спустя, въ ясную, лунную ночь, когда въ страннопріимномъ братскомъ домѣ все уже покоилось, Іоганна, въ кельѣ старицы, сидѣла еще опершись на столъ и склонивъ свою удрученную тяжкими воспоминаніями головку на руки; а Наталья дочитывала свое правило, полагая въ землю послѣдніе поклоны.

Казалось, что и весь уже городъ уходился, угомонился и сло-

жилъ свои дневныя заботы. Но вдругъ, среди ночной тишины, внезапно завылъ какъ будто набѣжавшій вихрь передъ бурей и все порывистѣе и грознѣе приближался.

— Господи Іисусе Христе! прошептала старушка, крестясь и прислушиваясь.

— Господи! что̀ это такое? спросила, приподнявшись, и Іоганна.

Сердце ея замерло, когда буря разразилась гвалтомъ множества голосовъ и въ ворота ударило будто пудовымъ молотомъ.

— Боже!... заступница моя, проговорила Іоганна, поблѣднѣвъ:—это за мной! это меня ищутъ!...

И она кинулась на шею старицы въ смертельномъ испугѣ.

Предположеніе слишкомъ вѣроятное представилось и Натальѣ во всемъ своемъ угрожающемъ смыслѣ.

— Дитя мое! сказала она дрожащимъ голосомъ: — положи надежду на Бога.

И обнимая Іоганну и крестя ее, она въ первый разъ въ жизни почувствовала робость.

Мы уже видѣли, какъ Наталья убогая, среди разъяренной толпы, въ день св. Духа, шла черезъ площадь, подъ свистомъ летящихъ камней и головней; она не боялась смерти, потому что давно умерла для міра; не боялась мукъ и истязаній, потому что первый ударъ отрѣшилъ бы духъ ея, живущій въ Богѣ, отъ изнеможеннаго тѣла.

Но теперь она страшилась за посланное ей отъ Бога духовное чадо, которое обязана была блюсти, какъ названная мать.

Разломанныя ворота затрещали, и земля какъ будто заколебалась отъ ворвавшейся на дворъ толпы гултаевъ.

Насиліе противъ этой обители немощи и болѣзни казалось до того невозможнымъ, что братство, оградивъ стражею училище и другія свои зданія, полагало больницу и богадельню огражденными достаточно самымъ убожествомъ и слабостію жильцовъ.

— Враги братства нашли слѣдъ мой! сказала съ ужасомъ Іоганна: — и какой бѣды, изъ-за меня, не накличетъ на васъ злоба іезуитовъ!

— Господь нашъ заступникъ! проговорила старица Наталья.

И обѣ однимъ движеніемъ и одною мыслью пали предъ образами.

Хохотъ и крики толпы, врывающейся во всѣ входы, раздавался уже близко. Не встрѣчая нигдѣ никакого сопротивленія, ватага забавлялась наводимымъ ужасомъ, ломая все, что̀ попадалось подъ руку, и швыряя, по своему обычаю, въ выбиваемыя окна.

Вскорѣ ступени крыльца кельи убогой Натальи заскрипѣли подъ

тяжелыми шагами; кто-то вошелъ въ сѣни. Кровь застыла въ жилахъ Іоганны, когда подъ самымъ окномъ ея ватага грянула хоромъ:

...«Пляшетъ дьяволъ съ утра,
Засучивши сподни...
Джингеса, мнючура,
Хо, ха!
А тотъ дьяволъ лютра
Изъ поморской псарни,
Хок-заса, нѣмчура,
Хо, ха!

— Годе уже братики, тутъ вамъ не дорога! раздался на крыльцѣ суровый голосъ Василька.

— Такъ показывай дорогу, старый дьяволъ!

— А вотъ, покажу, ступай откуда пришелъ!

— Ахъ ты песья кровь, собачья юха! такъ вотъ же и мы тебѣ покажемъ дорогу къ бѣсу!

И слышно было, какъ сорванцы ринулись однимъ движеніемъ на Василька.

Завязался бой.

Между тѣмъ, этотъ содомъ поднялъ весь околодокъ; въ русскомъ гостиномъ домѣ на близлежащей площади догадались, въ чемъ дѣло.

Но уже нѣсколько молодцовъ прорвались мимо ратующаго Василька въ двери и сорвали ихъ съ крюкомъ, которымъ онѣ были заперты изнутри.

Іоганна лежала ницъ передъ иконою своей защитницы.

— Не вѣдятъ, что творятъ, Господи! проговорила, выступая на встрѣчу, Наталья убогая: — моей ли души ищете, паны братья? спросила она, твердымъ голосомъ.

Святая наружность старицы поколебала на мгновеніе неистовство учней.

И въ это самое мгновеніе послышался въ тылу наступающихъ иной крикъ и показалась другая, вооруженная чѣмъ попало толпа.

Захваченные врасплохъ злодѣи разсыпались и съ крикомъ: пся вѣра! пся юха! исчезли какъ демоны во тьмѣ кромѣшной.

— Родная моя, сказала Іоганна, еще трепещущая отъ испуга, припадая на грудь старицы: — мнѣ нельзя здѣсь оставаться!... Мнѣ и тяжко и страшно жить въ Вильно!... Несчастный случай можетъ открыть мой пріютъ и братство изъ-за меня потерпитъ новыя гоненія... Отправьте меня куда-нибудь дальше, гдѣ бы гонителямъ не найдти меня!

— Дитя мое милое! ты на моихъ рукахъ, и я тебя не оставлю...

Но куда же мы пойдемъ съ тобой?... Вражьи сѣти раскинуты повсюду. Нѣтъ святаго мѣста, безопаснаго для православныхъ, кромѣ московскаго царства.

— Пойдемъ въ Москву! сказала Іоганна: — туда уже давно влечетъ меня сердце!

Старица передала это желаніе духовной дочери ея въ собраніи братства, и оно поняло всю опасность оставаться ей долѣе подъ его кровомъ въ Вильно. Съ общаго совѣта рѣшено было отправить Іоганну съ обратнымъ московскимъ посольскимъ поѣздомъ, котораго ждали на дняхъ изъ Кракова.

Страшныя наставали времена для православія въ Литвѣ и въ областяхъ русскихъ, подпавшихъ подъ польскую корону. Рыкающая унія ворвалась въ православное стадо. Слухи одни другихъ грознѣе переходили изъ мѣста въ мѣсто, изъ веси въ весь.

XI.

Отецъ Іоганны изнемогалъ въ отчаяніи, всѣ надежды его рушились и при дворѣ королевскомъ и въ своемъ дому.

При немъ не было уже его кумира Іогаси, которою онъ такъ гордился и которая была такимъ пышнымъ украшеніемъ и палаца его и всей будущности, создававшейся въ воображеніи кастеляна при счастливыхъ предзнаменованіяхъ.

Убитый своимъ несчастіемъ, обездоленный неосновательными подозрѣніями и холодностію двора, ни отъ кого не слыша слова участія, ни отъ кого не видя къ себѣ вниманія, онъ бѣжалъ изъ Кракова; не дождавшись коронаціи, возвратился въ Вильно, заперся въ своемъ покоѣ и тайкомъ плакалъ какъ ребенокъ.

На первыхъ порахъ казалось, что ему опротивѣла даже Кася.

Хотя кастелянъ и самъ раздѣлялъ уже теперь ея недостойныя подозрѣнія, но, тѣмъ не менѣе, какъ будто негодовалъ на нее, какъ на изобличительницу, и не молвилъ съ ней о дочери ни слова.

Кася въ свою очередь молчала. Не въ свойствахъ ея было сознаніе своей вины и ропотъ на самое себя. Она была всегда и во всемъ права, передъ собою и передъ всѣми. Она смотрѣла на себя, какъ на жертву безсовѣстныхъ счастливцевъ, и въ ней кипѣло безсильное ожесточеніе противу ихъ мнимаго счастья.

Наконецъ, кастелянъ, какъ будто выплакавъ всѣ слезы, раздумался о самомъ себѣ, и горе его разрѣшилось внезапно гнѣвомъ. Приподнявъ бодро голову, его милость, казалось, рѣшился жить новой жизнью.

Суровымъ голосомъ, какого давно не слыхать было въ палацѣ, онъ приказалъ позвать къ себѣ панну Катарину.

Кася явилась на зовъ; но панъ, опустивъ очи въ землю и покручивая сивый усъ, молчалъ.

— Что̀ угодно вашей мосци? спросила Кася.

— Что̀ угодно? повторилъ кастелянъ, не перемѣняя положенія.

Кася выжидала его словъ; но онъ погрузился въ думу.

— Что̀ жь прикажетъ ваша милость? повторила она нетерпѣливо.

— А вотъ что̀ прикажу я... сядь подлѣ меня, моя люба... и слушай, что̀ я скажу тебѣ...

Кася вспыхнула пожаромъ; она уже предвидѣла, что̀ хочетъ сказать ей его милость, и душа въ ней взыграла на поступающія въ ея распоряженіе горы золота; и мысль ея, казалось, понеслась уже на поискъ Густава, чтобъ исполнить слово: «не уйдешь отъ меня!»

— Касю, мое сердце... слушай: я женюсь на тебѣ! проговорилъ, наконецъ, кастелянъ.

Но оставимъ его милость исполнять свое намѣреніе, и вспомнимъ, что Густава ожидаетъ покровительство нѣмецкаго императора Рудольфа II въ Прагѣ — любимой его резиденціи — въ старо-славянской Прагѣ, гдѣ древле раздавался народный голосъ:

Не хвально намъ въ нѣмцѣхъ искать правды;
Наша правда по закону свату,
Юже принесоху отцы наши
Въ се же жирне власти чрезъ три рѣки.

Живуче было въ Прагѣ преданіе о вселенской церкви, о томъ христіанствѣ, которое принесли изъ Греціи Кириллъ и Меѳодій. Въ XV вѣкѣ раздалась тамъ проповѣдь Гуса и вѣрнаго друга его, Іеронима Пражскаго. Эта проповѣдь охватила всю Чехію стремленіемъ возсоздать святое преданіе православія.

Гусъ и Іеронимъ погибли на мученическомъ кострѣ; послѣдователи ихъ пролили кровь за сохраненіе народу права причащать своихъ младенцевъ и принимать св. дары изъ чаши.

Съ именемъ Праги воскресаетъ въ воображеніи и умиротворитель смутъ Юрій Подѣбратскій, мечтавшій надѣть на себя императорскій вѣнецъ св. Софіи.

Этотъ герой гражданскій является такимъ же лучезарнымъ ликомъ, какъ Гусъ, герой религіозной идеи. Гусъ поборствовалъ возстановленію первобытной христіанской церкви, а Юрій возстановленію правды, принесенной отцами чрезъ три рѣки.

Не стало Юрія и его прекраснаго созданія, и Римъ скоро наступилъ на Чехію съ своими Габсбургами. Габсбургъ Фердинандъ, эрцгерцогъ австрійскій, сѣлъ на престолъ чешскій; онъ незамедлилъ призвать на помощь іезуитовъ, поселилъ ихъ въ полуразрушенномъ, во время гусситскихъ войнъ, монастырѣ св. Климента, назначилъ имъ небольшое содержаніе и, чрезъ семдесять-пять лѣтъ, вся Чехія была уже въ рукахъ ордена.

Одолѣваемая бѣдами Чехія вздохнула только въ царствованіе благодушнаго Максимиліана; но когда воцарился сынъ его, императоръ Рудольфъ II, перенесшій въ Прагу свое мѣстопребываніе и дворъ свой, устроенный по образцу аранхуэзскаго двора Филиппа II, всѣ незажившія еще язвы раскрылись съ возрастающей болью.

Мать императора, донна Марія, іезуитка in voto, дала толчокъ этому правленію, а полупомѣшанный Рудольфъ, окруживъ себя учеными знаменитостями того вѣка, расточалъ казну, собранную разсчетливымъ отцомъ, на своихъ дворцовыхъ маговъ, алхимиковъ, астрологовъ, поэтовъ, музыкантовъ, живописцевъ, рѣзчиковъ, часовщиковъ и всѣхъ возможныхъ мастеровъ.

Онъ простиралъ любовь къ прекрасному на породистыхъ лошадей и красивыхъ женщинъ, и создалъ изъ древняго Градчина пандемоніумъ, способный разстроить самую крѣпкую голову.

Донынѣ чехъ, пріѣзжая въ Россію, и глядя со стороны Воробьевыхъ горъ на Москву, поражается сходствомъ нашей древней столицы съ его Прагой. Глядя на Кремль московскій, онъ вспоминаетъ Градчинъ, вѣнчающій вершину горы, одѣтой великолѣпной зеленью, изъ которой сверкали его отдаленнымъ предкамъ золотыя вышки градчинскаго зàмка — этого основаннаго Венцеславомъ многозданнаго *городца*, не однажды разрушеннаго пожаромъ и встававшаго въ новомъ блескѣ изъ пепла.

Возобновленный Фердинандомъ и украшенный Рудольфомъ II, этотъ городецъ явился дивомъ искуства.

Градчинъ вмѣщалъ великолѣпный соборъ и множество зданій, образующихъ дворы. Въ обширныхъ залахъ дворца, какъ на площадяхъ, совершались нѣкогда турниры. При Рудольфѣ II красовались по преимуществу его огромныя конюшни, манежъ, обсерваторія, лабораторія и мастерскія.

Двадцать-двѣ башни возвышались надъ окопами и подъемными мостами, и въ числѣ ихъ знаменитая *Бѣлая*, съ своей желѣзной машиной, въ видѣ женщины, которая душила въ объятіяхъ преступниковъ, и *Черная* или *Михулька*, гдѣ подъ спудомъ ожидала осужденныхъ голодная смерть.

Но эти ужасы были скрыты отъ взоровъ. Рудольфъ, художникъ

въ душѣ, воспитанный въ Испаніи, привезшій съ собою воспоминанія Алгамбры и Эскуріала, сдѣлалъ изъ Градчины сокровищницу драгоцѣнностей и рѣдкостей.

Градчинскій садъ съ его заморскими растеніями, птицами и звѣрями, съ его храмиками, водоемами, истуканами и памятниками, изумлялъ своею классическою стройностію и плѣнялъ разстилающимися въ даль живописными видами.

Въ описываемое нами время этотъ волшебный за̀мокъ былъ облаченъ въ офиціальную сугубую скорбь, по случаю смерти императорскаго брата, эрцгерцога Эрнста, и смерти шведскаго короля Іоанна III, котораго одолѣли наконецъ его тѣлесные и душевные недуги.

Придворный трауръ сообщилъ этому роскошному жилищу торжественное спокойствіе, удобное для многихъ его обитателей, не исключая самого императора, который, пользуясь наступившею, на узаконенный срокъ, тишиною, заперся въ своей кузницѣ и собственноручно отковывалъ себѣ золотой вѣнецъ, украшая его хитрой рѣзьбой и драгоцѣнными камнями.

Рудольфъ занимался кованіемъ короны своей именно въ то время, когда враги его заносили уже на нее руку.

Въ это же время, донна Марія, оставляя сына тѣшиться, чѣмъ ему угодно, по обыкновенію засѣдала въ поздней бесѣдѣ съ своими іезуитами, въ одной изъ большихъ залъ Градчина.

Это засѣданіе похоже было на разстилающихъ свои тенета пауковъ, для уловленія юныхъ чеховъ, изъ знаменитыхъ семействъ, удостоенныхъ отмѣнной ласки присутствовать въ такомъ избранномъ собраніи.

Здѣсь были молодые люди—пылкія головы, надавно *навращенные* къ католицизму, извѣстные Славата, Мартиница и другіе; они высказывались восторженно и словообильно, не замѣчая искусной руки, которая распаляла въ молодой крови ихъ пламень, долженствующій скоро охватить ихъ родную землю.

Тутъ же былъ и Вячеславъ изъ Валенштейна. Орлиный видъ этого героя, тогда еще едва выходящаго изъ дѣтства, уже обращалъ на себя вниманіе; въ немъ видимо уже выражался дѣятель, котораго выгодно было имѣть на своей сторонѣ.

Въ отдаленіи отъ другихъ, сидѣлъ членъ моравской братіи, Жеротинъ, будущій глава національной партіи протестантовъ; его воспитаніе въ коллегіумѣ іезуитовъ въ Оломцѣ повліяло на него только тѣмъ, что онъ выучился таить свои мысли.

Іезуиты, сознающіе свое коллективное могущество, проповѣдывали громко и смѣло; каждый изъ нихъ могъ сказать: «имя мое—легіонъ»; каждый зналъ себя въ крѣпкомъ оплотѣ, нетолько

своей конгрегаціи, но и тьмы сильныхъ людей и женщинъ, готовыхъ двинуть за нихъ горы.

Тѣмъ не менѣе, это призрачное мужество воспламеняло молодыхъ прозелитовъ, уже готовыхъ нести обнаженную грудь на острее меча, и не предвидѣвшихъ того близкаго времени, когда двоимъ изъ нихъ пришлось вылетѣть въ окно той самой залы, гдѣ происходила теперь бесѣда.

Въ одномъ изъ отдѣленій Градчина, жилъ панъ Николай Варкочъ, снаряжаемый уже въ третій разъ въ посольство къ царю Ѳеодору Ивановичу, и уже нѣсколько недѣль ожидающій своего допущенія къ отпуску, за вѣчными недосугами празднаго вѣнценосца.

Панъ Николай въ негодованіи думалъ думу:

«Долго ли это будетъ продолжаться и чѣмъ кончится? Императоръ по цѣлымъ часамъ и днямъ просиживаетъ въ своихъ мастерскихъ, глядя на работы живописцевъ, ваятелей, златокователей и всякихъ другихъ дьяволовъ, и никто не смѣетъ, для самого важнаго дѣла, прервать его сосредоточеннаго вниманія, потому что на неосторожнаго летятъ тогда картины, рамы, часы и все, что̀ попадаетъ подъ руку взбѣшеннаго Рудольфа. Онъ совѣщается о тайнахъ природы съ своими алхимиками, астрологами и магами, и не знаетъ того, что̀ дѣлается въ глазахъ цѣлаго свѣта! Пока посѣщаетъ онъ свои конюшни и ведетъ переговоры къ конюхами, наиболѣе удостоенными его довѣренности, пока окончательно одурѣваетъ въ своихъ гаремахъ, тѣмъ временемъ ожесточенныя религіозныя партіи волнуютъ имперію, принцы императорскаго дома усиливаютъ свои интриги, а разстроенные финансы окончательно истощаются въ войнахъ съ турками... Мы дошли уже до того, что вынуждены просить вспоможенія у московскаго царя!...»

Варкочъ остановился, потеръ рукою лобъ, силясь одолѣть свое волненіе.

Онъ сталъ припоминать всѣ обстоятельства своего прежняго пребыванія въ Москвѣ, обсуждать свою дипломатическую ловкость, съ которою онъ доказывалъ необходимость единодушнаго возстанія христіанскихъ державъ на турокъ, имѣя главною цѣлью сорвать сколько возможно болѣе денегъ съ московскаго Креза.

Личность боярика Годунова поразила австрійскаго дипломата, которому удалось уже затронуть слабую струну истиннаго правителя Россіи. Панъ Николай, безъ всякаго уполномочія, сообщилъ Борису втайнѣ о пребываніи при императорскомъ дворѣ

наслѣднаго принца шведскаго Густава, и намекнулъ о возможности его бракосочетанія съ дочерью боярина, Ксеніей.

Эта смѣлая мысль запала въ сердце Бориса и посольство Варкоча было тѣмъ болѣе успѣшно.

Въ разсужденіяхъ съ самимъ собою, засталъ пана Николая вошедшій къ нему дворянинъ изъ шведовъ Аксель Тролле, одинъ изъ небольшой свиты принца Густава, родственникъ Спарре и его орудіе при дворѣ Рудольфа.

— Что̀ скажешь? спросилъ, поздоровавшись съ нимъ, хозяинъ.

— Покуда ничего хорошаго.

— Такъ говори дурное.

— Въ этомъ у насъ нѣтъ недостатка.

— А что̀ жь бы, напримѣръ, изъ дурнаго было худшее?

— Какъ вамъ будетъ по вкусу, а по нашему нельзя назвать хорошимъ возрастающую силу шведскаго герцога Карла, который наложилъ уже гнетъ свой на дворянъ; а тутъ еще Сигизмундъ, оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію своихъ пановъ, изъявляетъ намѣреніе сложить съ себя вѣнецъ Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію съ сонмомъ своихъ іезуитовъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ прибылъ ко двору эрцгерцогъ Максимиліанъ! Видно, чуетъ голодный волкъ добычу и снова стоитъ на сторожѣ, несмотря на первую неудачу.

— Эрцгерцогъ разсчитываетъ на помощь императора, чтобы смѣнить въ Польшѣ Сигизмунда, въ то же самое время, когда и мы разсчитываемъ на его помощь законному наслѣднику шведскаго престола.

— Пора, я думаю, кому бы то ни было, перестать разсчитывать на помощь безпечнаго Рудольфа, который самому себѣ помочь не въ состояніи. Пора также освободить изъ-подъ его опеки вашего принца Густава, который впродолженіе почти четырехлѣтняго пребыванія при дворѣ императора все болѣе и болѣе заражается его страстію къ отвлеченностямъ, проводитъ безсонныя ночи въ лабораторіи, убиваетъ тѣлесныя и душевныя силы и не хочетъ знать, что теперь настала рѣшительная минута, когда слѣдуетъ принудить Сигизмунда остаться въ Польшѣ, а герцога Карла заставить признать королемъ Швеціи сына своего старшаго брата. Если пропустить настоящее время, то оно уже не возвратится...

— Что̀ же сдѣлаетъ безпомощный принцъ при всемъ своемъ убѣжденіи? перебилъ Аксель.

— Зять боярина Годунова не останется безпомощнымъ! сказалъ панъ Николай Варкочъ.

Соединеніе Швеціи и Польши подъ одну державу, съ явнымъ

домогательствомъ распространенія вліяній и на Россію, естественно угрожало составу разноплеменной имперіи. Въ ея видахъ было содѣйствовать не соединенію, а раздѣленію этой силы, и поводъ возвратить права законному наслѣднику шведскаго престола представлялъ возможность явить рыцарскій подвигъ, весьма полезный для Австріи, да еще совершить его чужими руками, безъ малѣйшаго для себя ущерба. Панъ Николай былъ намѣренъ преслѣдовать эту цѣль и продолжать сватовство принца Густава на дочери боярина Годунова.

Между тѣмъ, какъ панъ Николай обдумываетъ вмѣстѣ съ собесѣдникомъ его средства къ успѣху, мы сойдемъ въ роскошный императорскій садъ, гдѣ воздымался, въ числѣ потѣшныхъ зданій, павильонъ, называемый обсерваторіею Тихо-Браге.

Въ этомъ саду, пользуясь пріятнымъ вечеромъ, прогуливались купами нарядныя молодыя женщины. Съ перваго на нихъ взгляда, было видно, что это какая-то контрабанда, живущая во дворцѣ и неподчиненная его уставамъ; на нихъ даже не распространялся придворный трауръ.

Онѣ представляли собою выставку разнообразной красоты и пышныхъ пестрыхъ уборовъ. Съ высокими прическами и высокими оборками, въ сборчатыхъ штофныхъ и парчевыхъ платьяхъ, подметая пыль длинными шлейфами, онѣ были похожи на павъ, снующихъ въ зелени, по дорожкамъ.

Громкій хохотъ ихъ и вольныя рѣчи заставляли какъ-то особенно понурить голову какого-нибудь стараго служителя, который возвращался со связкою ключей на ночной отдыхъ, и вызывали не одинъ удалый отзывъ завернувшаго сюда, совсѣмъ не по дорогѣ, молодого рейтара, или шталь-кнехта.

Во дворцѣ свѣтились уже огни; но особенно ярко горѣло окно въ павильонѣ, гдѣ былъ устроенъ очагъ.

— Вотъ уже наши сычи таращутъ глаза, сказала одна изъ прогуливающихся красавицъ подругѣ своей, видя, что на башнѣ обсерваторіи засвѣтился фонарь.

— Теперь уже можно видѣть его, моя ласковая панна Леонора?

— Пойдемъ!

Онѣ подошли ближе къ павильону и прокрались на окружную открытую галлерею его, притаились у освѣщеннаго окна и, заглядывая въ него, шептались между собою.

У очага сидѣлъ Герметикъ въ рабочей одеждѣ, устремивъ глаза на колбу, стоящую на треножникѣ, въ которой закипала какая-то жидкость, издающая желтоватый паръ.

Пламя, подогрѣвая составъ, in statu nascendi, отражалось на блѣдномъ, молодомъ лицѣ пытателя, и проявляло въ немъ слѣды

безсонныхъ ночей и страстнаго увлеченія наукой. Длинные свѣтлые волосы его вились кудрями, и красиво разстилались по вороту его черной куртки.

Возлѣ него сидѣлъ другой господинъ, средняго роста и не первой молодости. Рыжеватые волосы и рѣзкія черты его согласовались съ плутоватымъ взглядомъ. Наружность его была замѣчательна; но ее искажала какая-то, не вдругъ понятная странность его носа.

Но по этой-то примѣтѣ, всѣ ученые люди того времени тотчасъ бы узнали въ немъ извѣстнаго астролога Тихо-Браге, который, лишившись въ ночномъ поединкѣ собственнаго носа, сдѣлалъ себѣ изъ золота и мастики приставной, до того натуральный, что многіе сомнѣвались въ его искуственности.

Собесѣдники продолжали разговоръ, не подозрѣвая, что служатъ предметомъ любопытства для заглядывающихъ въ окно.

— Созвѣздіе Кассіопеи чувствительно багровѣетъ, сказалъ астрологъ:—оно какъ будто задвигается постороннимъ тѣломъ. Это необычайное явленіе знаменуетъ что-то недоброе, ваша свѣтлость.

— Что̀ же знаменуетъ оно и для кого? спросилъ разсѣянно молодой человѣкъ.

— Принцъ Густавъ невнимателенъ къ словамъ моимъ... Вашей свѣтлости небезъизвѣстно, что я занимаюсь гороскопомъ императора, обидчиво замѣтилъ всегда раздражительный Тихо-Браге.

— Не гнѣвайся, любезный Браге, я разсѣянъ, потому что тинктура моя также мутится отъ какого-то посторонняго тѣла.

— Это и доказываетъ вліяніе невидимой еще кометы на однородныя съ ней тѣла, замѣтилъ астрологъ, смотря въ то же время въ открытую на столѣ книгу: «Новый способъ приготвленія философскаго камня мокрымъ путемъ». — Ваша свѣтлость дѣлаетъ опытъ по формулѣ Панталеона? спросилъ онъ.

— Я соображаюсь съ своими собственными формулами, отвѣчалъ Густавъ, прослывшій при дворѣ Рудольфа вторымъ Парацельсомъ и уже умѣвшій читать между строкъ въ мистицизмѣ современной науки.

— Новое опредѣленіе Панталеона заключаетъ въ себѣ высокій таинственный смыслъ, сказалъ значительно Тихо-Браге, читая:

«Возьми философскаго метала, преврати часть его въ солнечное и часть въ лунное вещество... Отдѣли мракъ, подвергни вліянію свѣтилъ... Огонь пріемлетъ сѣмя Саламандры... вознеси его на высоту и получишь два цвѣта: бѣлый и красный... Соедини ихъ въ кольцеобразный цвѣтъ и посвяти Меркурію; онъ жадно его поглотитъ и окрилятся ноги его и руки... Но добро будетъ еще въ

смѣси со зломъ, и ядъ будетъ истребляться ядомъ, пока выйдетъ изъ убѣленныхъ водъ властелинъ вселенной»...

— Властелинъ вселенной! повторилъ Тихо-Браге, возстановлявшій въ головѣ своей, въ угоду Риму и вопреки Копернику, земную систему, вмѣсто солнечной.

— Властелинъ вселенной? это, стало-быть, крылатое дитя Киприды? сказалъ, смѣясь, вошедшій молодой Кеплеръ, уже прославившій свое имя, но неблагосклонно терпимый при католическомъ дворѣ за свое слишкомъ рьяное протестанство.

— Пора приступить къ наблюденію, сказалъ ему строго, прерывая шутку его, Тихо-Браге.

И Кеплеръ, почтительно поклонясь принцу, отправился за придворнымъ астрологомъ на ночное бдѣніе.

По уходѣ ихъ, Густавъ въ какомъ-то безсознательномъ утомленіи, прислонясь къ спинкѣ кресла, отодвинулся отъ огня.

Безсонныя ночи и напряженное мышленіе оказывали на него свое губительное вліяніе.

Нервное возбужденіе привело его въ состояніе полусна и полубреда. Оставшись одинъ, онъ смотрѣлъ открытыми глазами, ничего не видя.

Все было тихо вокругъ, только трескъ огня раздавался въ безмолвіи слышнѣе, да шорохъ работающихъ на вышкѣ, отъ времени до времени, напоминалъ о присутствіи живыхъ существъ въ этомъ уединенномъ углу.

Вдругъ, въ дверяхъ лабораторіи показался красивый, черноглазый мальчикъ. Онъ взглянулъ робкимъ любопытнымъ взглядомъ на Густава и прыгнулъ воробышкомъ въ комнату.

Осмотрѣвшись во всѣ стороны, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и, потупивъ головку, вглядывался исподлобья въ пріятную наружность сидящаго подлѣ очага.

На первое мгновеніе, Густаву показалось это явленіе призракомъ; ему пришло на мысль *крылатое дитя Киприды*. Но ребёнокъ, ободренный его ласковымъ взглядомъ, подошелъ ближе къ очагу, устремилъ глаза на реторту, и потомъ незастѣнчиво припалъ на колѣна принца, какъ будто для того, чтобы убѣдить его, что онъ не призракъ.

— Что это такое? спросилъ онъ, указывая пальчикомъ на химическіе сосуды.

Давно уже не слыхалъ Густавъ языка, на которомъ сдѣлалъ этотъ вопросъ ребёнокъ.

— Ты откуда? спросилъ онъ его попольски.

— Вотъ оттуда, отвѣчало дитя, кивнувъ въ сторону головкой.

— Ты чей?

— Я? маминъ.

— Гдѣ жь ты живешь съ своей мамой?

— Мы живемъ дома.

Давая эти неопредѣленные отвѣты, малютка смотрѣлъ на все беззаботно и свободно, тѣмъ дѣтскимъ взглядомъ, который такъ безсознательно милъ въ ребёнкѣ.

Густавъ улыбнулся, взялъ его за руку; но малютка, какъ будто что-то вспомнивъ, хотѣлъ что-то сказать, и вдругъ встрепенулся и исчезъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ и Густавъ забылъ объ этомъ видѣніи. Углубившись снова въ свои занятія, онъ, по обыкновенію, просидѣлъ всю ночь подлѣ очага, пока предразсвѣтный благовѣстъ колоколовъ капуцинскаго монастыря не пробудилъ его къ сознанію, что время тушить огонь.

Въ эту минуту послышались быстрые шаги сбѣгающаго съ лѣстницы Кеплера, который, зажимая въ отчаяніи уши, влетѣлъ въ лабораторію.

— Если императору угодно, чтобъ я работалъ на этой башнѣ, пусть онъ запретитъ своимъ монахамъ тревожить меня ихъ звономъ! крикнулъ онъ въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Это сѣтованіе было такъ искренно и такъ забавно, что Густавъ отъ чистаго сердца разсмѣялся.

— Ороскопъ императора, надъ которымъ мы трудимся, не можетъ быть оконченъ, благодаря этому набату! Я прихожу къ убѣжденію, что главные злоумышленники противу Рудольфа сродни капуцинскимъ колоколамъ! договорилъ внѣ себя астрономъ.

На другой день, Рудольфъ, въ удовлетвореніе требованія Кеплера, отдалъ приказаніе капуцинамъ градчинскаго зáмка совершать свои утреннія молитвы до восхожденія звѣздъ и продолжалъ ковать свою корону; а панъ НиколайВаркочъ снова остался при своемъ ожиданіи.

Прочіе порядки дворца шли своимъ ежедневнымъ чередомъ. Въ вечеру, императорскія златоперыя павы снова разгуливали по саду; снова двѣ изъ нихъ подошли къ окну павильона, а малютка опять очутился въ комнатѣ лаборанта.

— Тату! крикнулъ онъ, и засмѣялся, какъ новичокъ лицедѣй, выходящій впервые на сцену и непривычный повторять чужія рѣчи.

— Ты ищешь отца? спросилъ его Густавъ.

Ребёнокъ искоса посмотрѣлъ на него и молчалъ.

— Кто твой отецъ?

— Тату! отвѣчалъ онъ, и съ этимъ словомъ уставилъ на него

пальчикъ, засмѣялся снова, и, какъ будто кончивъ свой урокъ, запрыгалъ вонъ.

Густавъ также невольно разсмѣялся, смотря на него, какъ на несчастный плодъ какой-нибудь гуріи градчинскаго эдема.

— Мамо! крикнулъ мальчикъ, выбѣжавъ на галерею.

— Тс! погрозила ему одна изъ прильнувшихъ къ стеклу.

Въ слѣдующій вечеръ Густавъ не разъ оборачивался отъ своего дѣла къ двери, съ какимъ-то суевѣрнымъ ожиданіемъ новаго появленія «крылатаго дитяти Киприды».

Въ урочный часъ, дверь въ самомъ дѣлѣ тихо пріотворилась и малютка влетѣлъ, радостный и разряженный, какъ именинникъ.

— Вотъ, тату, цвѣты, сказалъ онъ, подбѣгая къ Густаву и подавая роскошный букетъ:—мама тебѣ ихъ прислала!

— Мама? проговорилъ изумленный Густавъ.

— Моя мама, повторилъ ребёнокъ.

— Но кто же твоя мама? гдѣ твоя мама?

— Она здѣсь! раздалось въ дверяхъ.

Густавъ вздрогнулъ, оглянулся, но Кася вопила уже у ногъ его.

— Смилуйся надъ нами! проговорила она, поставивъ ребёнка передъ собой.—Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я день и ночь горю въ огнѣ... но и ты не знаешь покоя... На твоей душѣ бѣда моя и этого младенца... Горько достался онъ мнѣ!... Но я не бросила его, вскормила своей грудью, соблюла его душу, чтобы снять грѣхъ съ твоей души... Казміръ, стань и ты передъ отцомъ на колѣни! моли его!...

Испуганный ребёнокъ заплакалъ.

— Вспомни, пане мой, наше первое знакомство, продолжала, умоляющимъ голосомъ, Кася:—вспомни, ка̀къ я любила тебя!

Густавъ бросилъ на нее дикій взоръ съ горькой усмѣшкой.

— Такъ кто жь любилъ тебя? вскрикнула Кася, какъ уязвленная: — не та ли, по чьей милости ты въ изгнаніи? Гдѣ она, твоя панна Іоганна? А я здѣсь, я передъ тобою, я искала тебя, чтобъ выплакать у ногъ твоихъ послѣднія слезы...

И Кася зарыдала.

Густавъ отвернулся отъ нея. Въ разстроенной головѣ его происходило что-то такое, чего онъ самъ безсознательно боялся.

— Плачь, Казміръ, плачь, продолжала Кася: — плачь, намъ больше нечего дѣлать, кромѣ плакать... Что̀ мы такое? насъ можно вышвырнуть ногою за порогъ!... и не умеръ же ты въ моей утробѣ, а родился на горе!...

Густавъ рванулся, вскочивъ съ мѣста.

— Слушай, королевичъ мой! сказала изступленно Кася, остановивъ его и вдругъ переставъ плакать. — Чѣмъ я виновата передъ

тобою? какая вина моя? та ли, что замѣтивъ любовь твою къ другой, я отказалась отъ тебя?... думала, что эта жертва по моимъ силамъ? но тогда я не знала еще, что не имѣю права жертвовать собой... Помнишь, я просила тебя убить меня!... Для чего жь ты не убилъ?... Зачѣмъ оставилъ меня жить, чтобъ я умирала каждый мигъ дня и ночи?.,.

Кася до того вошла въ роль свою, что сама, казалось, вѣрила своимъ словамъ: въ ея взглядѣ свѣтилась искренность, въ ея голосѣ звучала правда.

Потрясенный Густавъ смотрѣлъ на ребёнка, который, утомившись плакать, припалъ къ матери головкой.

— Королевичъ мой, продохнула Кася, слабымъ голосомъ, прижавъ къ себѣ дитя: — въ послѣднiй разъ говорю тебѣ: оттолкни насъ отъ себя... или помилуй...

Густавъ колебался. Взглянувъ на него побѣдно, Кася припала головой на колѣна его и проговорила тихо:

— О, милый пане! ты мой! или я умру у ногъ твоихъ!...

XII.

Въ числѣ павъ, гуляющихъ по вечерамъ въ саду Градчины, появилась еще пава, которую подруги называли *принцесой.*

Право гражданства въ отдѣлѣ дворца, занимаемомъ этими крылатыми, основанное на уставѣ легкихъ нравовъ Рудольфа, получалось, при условiи красоты и молодости, весьма свободно. Не успѣлъ еще Густавъ очнуться отъ нежданнаго явленiя Каси, а она, при помощи землячки своей, любимицы Цесаря, водворилась уже при немъ съ какою-то видимою осѣдлостiю.

— Чтó дѣлается со мною? спрашивалъ себя съ изумленiемъ и ужасомъ Густавъ.

Проживъ четыре года въ градчинскомъ потѣшномъ храмѣ наукъ и искуствъ, какъ въ заколдованномъ снѣ, и пробудясь внезапно, онъ почувствовалъ свѣжо и болѣзненно все, какъ будто вчера случившееся съ нимъ въ Краковѣ.

Присутствiемъ своимъ Кася только оживила въ сердцѣ его тяжелое воспоминанiе и замиравшую любовь къ Iоганнѣ.

Онъ не обвинялъ уже Касю, даже вѣрилъ ея оправданiямъ, готовъ былъ сознать себя въ долгу передъ нею; но преодолѣть отвращенiя къ ней былъ уже не въ силахъ, и какъ трусъ избѣгалъ встрѣчи съ врагомъ.

Охотно читалъ онъ теперь доннѣ-Марiи часы и литанiи, и все, чтò ей угодно было слушать; еще охотнѣе сотрудничалъ Рудольфу, который любилъ имѣть его при себѣ, какъ подма-

стерье, работалъ по ночамъ въ лабораторіи и не забывалъ запираться на-крѣпко.

Но Кася умудрялась захватывать его врасплохъ, и, какъ будто выростая подлѣ него изъ земли, являлась чародѣйкой. Обаятельно стоя передъ нимъ, долго и долго смотрѣла ему въ глаза, ожидая его взгляда; но Густавъ чувствовалъ дрожь, пробѣгающую по его тѣлу, и не рѣшался поднять на нее взора.

Волной колебалась грудь ея, глубокіе вырывались изъ нея вздохи, но Густавъ оставался безотвѣтенъ.

— Когда жь, пане мой коханый, дождусь я отъ тебя добраго слова?

— Какого добраго слова?

— Или ты не узнаешь меня болѣе?

Густавъ, окинувъ ее глазами, казалось, отвѣчалъ:

— Какъ не узнать тебя, ты все та же!

— Сама не узнаю я себя!... Гдѣ красота моя? Гдѣ мое счастіе? И для чего я не могла забыть тебя? И для чего люблю такъ безумно?... Когда бъ я не любила тебя, дивилось бы на меня и завидовало мнѣ цѣлое Вильно.

— Вильно! повторилъ Густавъ, слыша только это слово.

И ему представился палацъ кастеляна, и аналой съ раскрытой книгой, и Іоганна съ ея глубокимъ взглядомъ синихъ очей, внимающая его чтенію.

— Давно все это было! сказалъ онъ.

— Давно! повторила Кася.

И въ ея памяти также пронеслись четыре года разлуки съ Густавомъ; но эти четыре года оставались тайной для Густава.

— Пане! сказала она наконецъ, раздраженная его невниманіемъ: — или ты думаешь, что передъ тобой стоитъ каменный истуканъ, такой, какихъ много здѣсь во дворцѣ и въ саду замка?

Но Густавъ слишкомъ мучительно чувствовалъ ея присутствіе, чтобы такъ думать.

Подобные разговоры прерывалъ иногда вбѣгавшій за матерью маленькій Казміръ.

Это дитя, плѣнившее сначала воображеніе Густава своими неожиданными появленіями, стало теперь въ глазахъ его обыкновеннымъ ребёнкомъ, докучнымъ для человѣка, преданнаго умственнымъ занятіямъ.

Чувства Густава не въ состояніи были отозваться ни ему, ни матери его.

Кася выходила изъ себя.

— А для того ли, пане мой, вскормила я этого младенца,

чтобы онъ не зналъ, кто онъ? заговорила она съ укоризненнымъ плачемъ.

Густавъ не отвѣчалъ; а Кася, разразившись бурей, бросалась къ ногамъ его съ неотступными мольбами.

— О, мой коханый королевичъ! не отворачивайся отъ насъ! Перестань меня терзать! Забудь все, забудь и свою панну Іоганну; она тебя давно забыла, я это вѣрно знаю... и еслибъ я не знала, не пришла бы къ тебѣ съ моимъ младенцемъ, не помѣшала бы твоему счастію!...

— Не произноси ея имени своими лживыми устами! вскрикнулъ Густавъ, вскипѣвъ гнѣвомъ, такъ, что Кася, затаивъ свою злобу, смолкла, выжидая болѣе благопріятной минуты.

Но вслѣдствіе подобныхъ сценъ пребываніе въ Градчинѣ опротивѣло Густаву; невыносимъ сталъ для него и дворъ Рудольфа. Чаще приходилъ ему теперь на мысль намекъ пана Николая Таркоча, искать себѣ спокойнаго пріюта отъ всѣхъ тревогъ въ Московскомъ царствѣ.

Между тѣмъ Николай Варкочъ, получивъ наконецъ аудіенцію у императора, уѣхалъ въ Москву, и вскорѣ въ Прагѣ ожидали уже пословъ царскихъ.

Царь Θеодоръ обѣщалъ вспомоществованіе цесарю, казна котораго была въ крайнемъ растройствѣ, и пять принцевъ императорскаго дома, получившіе скудные удѣлы и уже прославившіе себя искателями приключеній по Европѣ, бросали мысленно алчные взоры на встрѣчу даровъ Θеодора.

Одна донна Марія, сохраняя свое достоинство, выслушивала, повидимому, равнодушно сына своего Максимиліана, болѣе другихъ заинтересованнаго въ этихъ надеждахъ.

— Братъ вашъ не гнушается подаяніемъ схизматика, въ то время, какъ въ рукахъ его золотое дно, сказала она ему угрюмо.

— Какое золотое дно? спросилъ съ удивленіемъ эрцгерцогъ.

— Франція, сынъ мой, Франція золотое дно, которое само просится въ руки безпечному Рудольфу.

— Франція? повторилъ Максимиліанъ, недоумѣвая еще болѣе.

— Или не знаетъ императоръ, что инфанта Изабелла, внука убіеннаго Генриха III, наслѣдница его престола?

— Что̀ жь далѣе?

— То, что пока ненавидимый вельможами государства еретикъ Генрихъ Наваррскій, надѣясь на помощь Англіи, представляетъ свои неосновательныя притязанія на этотъ престолъ, Рудольфъ можетъ взять его въ приданое за невѣстой.

— Что̀ же думаетъ объ этомъ братъ нашъ?

— Что̀ онъ думаетъ? Что̀ можетъ онъ думать, когда собственные его государственные чины должны выжидать иногда цѣлые мѣсяцы возможности доложить ему о наиважнѣйшемъ дѣлѣ.

— Братъ нашъ оказываетъ непонятную холодность и къ изъявленной царемъ Ѳеодоромъ готовности возстать общими силами Европы на враждебныхъ имперіи турокъ.

Донна Марія отвѣчала вздохомъ сокрушенія.

— Сеймъ курфирстовъ высоко цѣнитъ дружбу московскаго царя, и Рудольфу слѣдовало бы извлечь изъ нея какъ можно болѣе пользы, прибавилъ помолчавъ Максимиліанъ.

— А какой именно пользы? спросила съ презрѣніемъ донна Марія, слуху которой даже имя Москвы звучало непріятно.

— Войдти въ переговоры съ Ѳеодоромъ о польской коронѣ, отъ которой, какъ намъ извѣстно, располагаетъ отказаться слабый Сигизмундъ. Императоръ можетъ обѣщать Россіи уступку Ливоніи, на условіи помочь мнѣ овладѣть Польшей.

На это предложеніе донна Марія сдвинула свои черныя брови. Іезуитка-императрица разомъ поборола материнское чувство чувствомъ своего долга, ибо Сигизмундъ былъ слишкомъ драгоцѣненъ ордену: на немъ основывались такіе обширные разсчеты, что удовлетвореніе сына ея не могло войдти съ ними въ состязаніе.

— Сигизмундъ останется въ Польшѣ! сказала она повелительно.

— Въ такомъ случаѣ, на его наслѣдный престолъ сядетъ нашъ придворный алхимикъ Густавъ.

— Густавъ останется у своего очага!

— Но въ силахъ ли будетъ Сигизмундъ удержать на пустой головѣ своей двѣ короны?

— Голова его предназначена для трехъ коронъ! Ягеллоны распространили владычество Рима уже на половину русскихъ земель!

— Но развѣ не можетъ сдѣлать и Габсбургъ того же самаго, что̀ сдѣлалъ Ягеллонъ? вспыльчиво возразилъ эрцгерцогъ.

— Ревность къ римской церкви прославила Габсбурговъ; но покойный отецъ твой, Максимиліанъ, своимъ послабленіемъ еретикамъ помрачилъ эту славу, а Рудольфъ равнодушіемъ ко всему, что̀ не относится къ его художествамъ и наукамъ, окончательно поколебалъ бы къ себѣ довѣренность святѣйшаго престола, еслибъ не эта слабая женская рука!

И донна Марія потрясла своей жилистой, смуглой рукой.

Максимиліанъ посмотрѣлъ на нее съ озлобленнымъ чувствомъ.

— Но гдѣ же оказалъ я слабость духа и воли? сказалъ онъ вспыльчиво: — пусть дадутъ мнѣ возможность явить ихъ свѣту и

представить мои услуги Риму! Но въ положеніи, которое вынуждаетъ меня занимать деньги у потѣшныхъ обитательницъ замка... въ такомъ положеніи, что̀ я могу сдѣлать? повторилъ выведенный изъ терпѣнія беземельный Максимиліанъ.

Донна Марія косо взглянула на него.

— Что̀ бы тебѣ ни пришлось дѣлать, мысленно отвѣчала она: — а Сигизмундъ останется въ Польшѣ!

Заимодавица, о которой упомянулъ эрцгерцогъ, была Кася, при посредничествѣ любимицы Рудольфа, Леоно́ры.

Съ первыхъ же дней своего водворенія въ Градчинѣ, она дала о себѣ понятіе, какъ объ особѣ высокаго значенія въ свѣтѣ, увлеченной любовью принца.

Ея скрыны, полныя великолѣпныхъ одеждъ и драгоцѣнныхъ украшеній, поразили щепетильную роскошь оскудѣвшаго двора, а дружба съ любимицей Рудольфа и щедрые *подарунки* придали ей особенный почетъ и право на расточеніе передъ ней титуловъ принцесы.

Сначала, около нея составился кружокъ, гдѣ проводили время молодые шведы изъ свиты Густава, платившіе за любезности и угощенія свѣтлѣйшей хозяйки уроками шведскаго языка, которому она, въ своихъ дальновидныхъ разсчетахъ, захотѣла непремѣнно учиться.

Вскорѣ къ ея кружку примкнули художники двора; потомъ нѣкоторые и чины двора, и на вечерахъ ея звенѣли кубки, и пирующіе, не стѣсняясь, играли въ карты и въ кости.

Но разряженной и величаемой Касѣ въ своемъ кругу какъ будто не доставало существеннаго величія. Ее снѣдала тоска. Необъяснимая холодность Густава точила ей сердце ревнивымъ сомнѣніемъ.

— Онъ не забываетъ свою панну Іоганну! повторяла она, содрогаясь: — онъ мѣняется въ лицѣ при одномъ имени ея!...

Узнавъ отъ Леоноры, что съ дозволенія императора, принцъ два раза отлучался изъ Праги, подъ предлогомъ путешествія по Италіи, Кася вскрикнула:

— Они другъ съ другомъ въ сношеніи!... Но я проникну въ ихъ тайну!

И зорко она стала слѣдить за каждымъ шагомъ Густава, и сторожить минуты его уединенія.

Между тѣмъ, московскій посолъ, думный дворянинъ Вельяминовъ, въ сопровожденіи цесарскаго посла, пана Николая Варкоча, шелъ изъ Москвы съ обозомъ царскаго Ѳеодорова вспоможенія Рудольфу.

А шелъ онъ мѣшкотно, потому что дорогою были и воды и

грязи, и перевозы велики, и мосты худы. Да пришедъ на рубежъ литовской земли, долго ждалъ онъ отъ короля Жигимонта опасной граматы, а литовскою и польскою землею шелъ безъ приставовъ, спрошая дорогу, гдѣ ближе, прямѣе и безстрашнѣе; а не давали воеводы приставовъ, затѣмъ что у нихъ-де люди самовольные — короля не слушаютъ.

— Для коей бы то вины, товарищъ, на цесарскомъ на рубежѣ намъ смѣны нѣтъ? спросилъ черезъ переводчика своего царскій посолъ Михайло Ивановичъ Вельяминовъ цесарскаго посла пана Николая Варкоча. — Наши лошади, какъ изволишь видѣть, идучи литовскою и польскою землею, всѣ пристали и вся извощичья снасть обветшала.

— А твоя бы милость о томъ пожаловала не подосадовала, отвѣчалъ черезъ того же переводчика панъ Николай: — подводы надо быть позамѣшкались, или кой грѣхъ надъ ними учинился.

Самъ панъ Николай досадовалъ на неисправность имперскихъ чиновниковъ.

За то въ цесарскихъ городахъ къ московскому послу выходили бурмистры, и сахары и вины приносили, и почестный кормъ людской и конскій доставляли; а въ посадахъ и по улицамъ стояли мѣщане и драбанты съ пищали и съ бердыши, и ходили прапорщики по улицамъ до посольскаго двора съ прапоры, съ набаты и со свирѣли. И княжата имперскіе и воеводы выходили съ дворяны, съ дружиною и съ товарищи, пословъ встрѣтити и господу ихъ указати и до своего рубежа проводити.

Но сколько непорядки и парадные порядки ни замедляли шествіе, а подъ конецъ, божіею милостію и великаго государя царя, его царскаго величества здоровьемъ и счастіемъ, послы до мѣста, богъ далъ, доѣхали здорово и казну привезли бережно и сохранно.

Молва далеко опережала ихъ по пути, и за пятнадцать верстъ выѣхалъ къ нимъ имперскій встрѣчникъ съ великой свитой; а за полмили отъ Праги, встрѣтили его ближніе цесарскіе люди: Янъ изъ Валенштейна чешскаго королевства большой коморный, да Христофоръ, панъ Попелъ Лобковичъ, цесаревъ коморный и воевода города Праги, и Янъ Попелъ, воевода стараго мѣста пражскаго, и другихъ съ ними встрѣчниковъ человѣкъ триста конныхъ.

Вышедъ изъ возковъ, ближніе цесаревы люди шли къ возку Вельяминову пѣши; и Вельяминовъ и Власьевъ дьякъ къ нимъ по тому жь изъ возковъ вышли, и тутъ панъ Николай послу московскому чрезъ переводчика сказалъ:

— Рѣчь до васъ будетъ цесарская, и вы бъ шапки сняли.

— Вамъ говорить рѣчь государя своего, и вы соймите шапки

напередъ; а мы, услышавъ цесарскаго величества имя, шапки соимемъ же, отвѣчалъ знатокъ чина посольскаго, Вельяминовъ.

Панъ Попелъ говорилъ рѣчь почешски и, сказавши рѣчь, сталъ посла привѣтствовать и приглашать садиться въ цесарскій возокъ, крытый бархатомъ и запряженный красивыми кобылицами.

Но Вельяминовъ, надѣвъ шапку и осанясь своею посольскою осанкою, сказалъ:

— Прежь сего, какъ прихаживали къ великому государю нашему и великому князю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи самодержцу отъ Рудольфа цесаря послы, и которые большіе встрѣчники встрѣчаютъ ихъ близко города, и они, по государеву наказу, спрашиваютъ ихъ, для братскіе любви, о цесаревѣ здоровьѣ, да не токмо о цесаревѣ здоровьѣ, и пословъ государя вашего, великій государь нашъ, своимъ царскимъ жалованьемъ жалуетъ — о здоровьѣ вспрашиваетъ. Да ты, товарищъ, панъ Миколай Варкочъ, у нашего великаго государя трожди посольствомъ былъ, и то дѣло самъ вѣдаешь.

Встрѣчникъ повинился, что онъ въ томъ виноватъ, и что впередъ то исправится.

И подлинно все исправилось. Какъ поставили пословъ въ большомъ городѣ, да покуда цесарь Рудольфъ, который занимался тогда новыми подзорными трубами, откладывалъ пріемъ посольства со дня на день, ближніе цесарскіе люди въ своихъ посѣщеніяхъ о его великаго государя и царя Ѳедора Ивановича здравіи ежедневно спрашивали.

— Да коли жь покончатся тѣ ихъ вспрашиванья? сказалъ, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, своимъ дворянамъ Михайла Ивановичъ.

И на повторенный спросъ такъ отвѣтствовалъ:

— Мы вамъ впервой сказывали и послѣ, и нынѣ сказываемъ: какъ поѣхали есмя отъ Москвы, тогда, божіею милостію, великій государь нашъ и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ на своихъ великихъ государствахъ въ добромъ здоровьѣ; а что нынѣ еще спрашиваете, намъ ся кажетъ, что вы про великаго государя нашего его царскаго величества здоровье, до государя вашего, его цесарскаго величества не донесли.

Это строгое замѣчаніе подѣйствовало, и Вельяминовъ получилъ объявленіе быть ему у цесаря на посольствѣ завтра, послѣ стола, о вечернѣ.

— Послѣ стола о вечернѣ? повторилъ Вельяминовъ, находя въ томъ поруху чина посольскаго.

И сказалъ вѣстникамъ:

— Такъ обычаемъ ведется, что послы и посланники на по-

сольствѣ бываютъ до стола; а послѣ стола, о вечернѣ, имъ на посольство ѣхать не пригоже.

Но тѣмъ еще не покончились недоразумѣнія. Цесаревы ближніе люди говорили, что посламъ слѣдуетъ идти къ рукѣ, и потомъ править поклонъ и посольство, а Вельяминовъ и Власьевъ дьякъ упорствовали въ томъ, что, не объявя царскаго величества имени, къ рукѣ идти не пригоже.

Когда все, наконецъ, привелось въ соглашеніе и настал часъ представленія, войска стояли подъ ружьемъ на всѣхъ улицахъ Праги, по которымъ надлежало быть посольскому шествію.

Цесарскій возокъ, крытый бархатомъ и запряженный кобылицами для Вельяминова и дьяка Власьева, и три возка для дворянъ его свиты уже тронулись отъ крыльца дома, занимаемаго русскимъ посольствомъ; а Рудольфъ сидѣлъ еще въ спальнѣ, пригоняя винты подзорной трубы и наводя ее въ окно на крестъ загородной колокольни.

Въ это время эрцгерцогъ Максимиліанъ, принцъ Густавъ, призванный ради знанія русскаго языка, государственный канцлеръ панъ Попелъ и панъ Николай Варкочъ стояли у дверей, не рѣшаясь предупредить императора о скоромъ пріѣздѣ пословъ.

Къ счастію, явилась на выручку Леонора.

— Леонора, не угодно ли доложить императору, что все готово, что чрезъ нѣсколько минутъ московскій посолъ будетъ въ Градчинѣ, сказалъ нетерпѣливо панъ Попелъ, обратясь къ ней.

— Развѣ это мое дѣло? отозвалась она съ горделивой усмѣшкой, затронутая грубымъ приказомъ канцлера.

— Geh, geh, mein liebes Mädchen! сказалъ ласково эрцгерцогъ.

Леонора покосилась на него съ улыбкой, побѣжала къ двери, но, дотронувшись до замка, отскочила балетнымъ прыжкомъ назадъ и сказала:

— Не пойду!

Между тѣмъ, камергеры и пажи, вбѣгая одинъ за другимъ, докладывали, что всѣ чины уже стоятъ по мѣстамъ, поѣздъ приближается, а императоръ даже еще не одѣтъ.

Панъ Попелъ и панъ Николай Варкочъ пришли въ отчаяніе. Раздражить императора въ эту минуту, было слишкомъ опасно, а время проходило въ безполезныхъ толкахъ.

Наконецъ, прибѣжалъ вѣстникъ съ объявленіемъ, что посольство въѣхало на дѣдинецъ.

Эрцгерцогъ вспыхнулъ, вышелъ изъ себя. Онъ взялъ Леонору

за руку, подвелъ къ двери, отворилъ и втолкнулъ ее въ опочивальню.

Въ это время императоръ сидѣлъ передъ окномъ на табуретѣ, спиной ко входу, раскинувъ ноги, и прижавъ глазъ къ стеклу подзорной трубы.

Услыхавъ за собою шумъ, онъ быстро оглянулся; но испуганное лицо красавицы и неестественный скачокъ ея показались ему такъ забавны, что онъ разсмѣялся.

— Поди сюда, мое сокровище, сказалъ онъ, усаживая Леонору на одно колѣно:—зажми глазокъ и посмотри въ стекло.

Леонора повиновалась.

— Что̀ ты видишь? спросилъ императоръ.

— Ничего не вижу, отвѣчала Леонора.

— Какъ ничего?

— Да развѣ можно видѣть зажмуреннымъ глазомъ?

— Ахъ ты моя сахарная куколка! зажми другой глазокъ, а не тотъ, которымъ смотришь.

— Теперь вижу, сказала Леонора.

— Что̀ жь ты видишь?

— Московскаго посла, который входитъ въ залу.

Эта острота понравилась цесарю; обнявъ красавицу, онъ вскочилъ съ мѣста, но одѣваться было уже некогда.

Чины встрѣтили уже Вельяминова на крыльцѣ и, провожая по палатамъ, вошли въ пріемную и продолжали шествіе далѣе. Думный дворянинъ Михайла Ивановичъ Вельяминовъ, намѣстникъ кашинскій, дьякъ Афанасій Власьевъ, дворяне и кречетникъ, переводчикъ съ подьячимъ и собольники, войдя въ комнату безъ всякихъ избяныхъ нарядовъ, съ изумленіемъ увидѣли, что на цесарскомъ величествѣ было простое нѣмецкое платье, короткое, бархатъ черно, да цѣпочка не велика, да кордъ нѣмецкій; а мѣсто его—стулецъ не великъ, поволоченъ червчатымъ бархатомъ.

Однако, наружность Рудольфа была не изъ пошлыхъ. Небольшого роста, сложенный статно, ловкій въ пріемахъ и тѣлодвиженіяхъ, онъ исполнялъ всѣ условные церемоніалы съ сценическою обаятельностію.

Блѣдное лицо его оживилось счастливымъ настроеніемъ духа, мелко вьющіеся волосы и борода придавали выраженіе большимъ томнымъ глазамъ, а привѣтливая улыбка толстыхъ губъ скрадывала недостатокъ кривоустныхъ Габсбурговъ

Окружавшіе императора чины устремили взоры на входящее посольство. Эрцгерцогъ Максимиліанъ и принцъ Густавъ швед-

скій, въ качествѣ толмача, поклонились, снявъ шляпы; Рудольфъ слегка приподнялъ свою.

Тогда Вельяминовъ, степенный, осанистый, умѣющій носить свое посольское достоинство, одѣтый скромно относительно къ его златокованной свитѣ и безцѣннымъ сокровищамъ, которыя прибыли съ нимъ на двухстахъ-двадцати-пяти лошадяхъ, по государеву наказу, сталъ править поклонъ и государево здоровье сказалъ, и о цесаревѣ здоровьи спросилъ.

Дворяне подали поминки государевы: парчи и сосуды чеканные, а кречетникъ Богданъ Тоболинъ подалъ цесарю двухъ кречетовъ, да колокольцы и клобучки и обпожцы и спильцы золоты, сажены.

Рудольфъ любительно принялъ подарки и грамату, и призвавъ принца шведскаго, велѣлъ говорить рѣчь отъ своего имени по-русски; о царскомъ здоровьи спросить и благодарить за его царскаго величества братскую любовь и поисканіе и за христіанское высокославное желаніе.

Покуда говорилъ Густавъ эту благодарственную рѣчь, дьякъ Аѳанасій Власьевъ, не спуская глазъ съ него, всматривался и оглядывалъ съ ногъ до головы, какъ сватъ жениха.

Послѣ того, Вельяминовъ, бывъ у руки, говорилъ свою рѣчь медленно, обрядно и сжато, и изговоря, подалъ о государевой присылкѣ роспись.

За нимъ дьякъ Власьевъ говорилъ свою рѣчь отъ слуги конюшаго боярина и воеводы двороваго и содержателя великихъ государствъ царствъ казанскаго и астраханскаго, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова, и поминки его явилъ и грамату подалъ.

Принцъ шведскій именемъ цесаря благодарилъ снова.

Явили и свои дары Вельяминовъ и Власьевъ и дворяне; и цесарь, принявъ то все радостно и любительно, всѣхъ звалъ къ рукѣ, и спросивъ, довольны ли всѣмъ на подворьи и нѣтъ ли имъ какой нужи или невѣжества, и получивъ отвѣтъ, что его цесарскою любовію всѣмъ издоволены, отпустилъ съ Богомъ.

Въ этотъ день на посольскомъ подворьи столъ былъ цесаревъ, и повара и приспѣшники и стряпчіе были цесаревы. За столомъ сидѣло цесаревыхъ дворянъ человѣкъ тридцать и пили чаши: Янъ Попелъ — пилъ государеву, а Вельяминовъ — цесареву; панъ Николай — Бориса Ѳеодоровича, а Власьевъ — Максимильянову; потомъ играла музыка.

— А намъ бы тѣхъ *игрецовъ* слушати и тѣшиться было не пригоже, сказалъ пану Попелу Вельяминовъ: — для того, что судомъ божіимъ у великаго государя нашего царя и великаго князя Ѳедора Ивановича не стало дочери, государыни нашей царевны Ѳеодосіи, и великій государь нашъ въ жалобѣ, и цар-

скаго величества бояре и думные люди и вся земля о томъ въ великой кручинѣ.

— И нашъ государь, его цесарское величество, отвѣчалъ черезъ толмача панъ Попелъ: — и мы всѣ его ближніе люди въ кручинѣ жь: судомъ божіимъ не стало брата цесарева, эрцгерцога Эрнста; но только то у насъ въ обычаяхъ ведется, хоть цесарь и мы въ кручинѣ, а игрецы въ столъ всегда играютъ псалмы Давидовы и иные стихи божественные, для услажденія.

Вельяминовъ, пожавъ плечами, далъ на ихъ волю.

Но покуда играли игрецы, панъ Николай Варкочъ и дьякъ Власьевъ, сидя рядомъ, перемолвились между собою вполголоса.

Дьякъ Аѳанасій Ивановичъ, какъ великій грамотѣй, и хорошо зная языкъ церковно-славянскій, давно уже прислушался къ славянсчешскому нарѣчію пана Николая, и еще въ Москвѣ они разговаривали свободно и вели подъ часъ богословскія пренія.

— Видѣлъ королевича? спросилъ Власьева панъ Николай.

— Видѣлъ, отвѣчалъ дьякъ.

— Ну, каковъ на твой взглядъ?

— Соколъ ясный, нашей пресвѣтлой боярышнѣ Ксеніи по всему пара.

— Также и скажи его милости, боярину Борису Ѳедоровичу, что панъ Николай Варкочъ ему на вѣтеръ не станетъ лаять.

— А когда жь будетъ сподручнѣе явить яснѣйшему королевичу нашего великаго государя *не гласную* грамату?

— Явить ее будетъ сподручнѣе при сдачѣ казны по росписи, и дотолѣ королевичъ его царское жалованье къ себѣ выславляетъ и великаго государя вашего милостями многодоволенъ.

Пріемъ казны былъ въ скоромъ времени назначенъ, и для выставки царскаго вспоможенія было отряжено двадцать палатъ, гдѣ, подъ призоромъ самого посла, дьяка и дворянъ царя Ѳеодора, собольники раскладывали рухлядь: соболи и чернобурыя лисицы, и бобры, и куницы, и волки на лицо, и бѣлку въ коробьяхъ, и какъ столъ былъ въ тотъ день у цесаря на дворѣ, то, изготовивъ все для представленія императору, и приставивъ къ казнѣ своихъ приставовъ, послы отправились ѣсть.

На этотъ разъ подъ звукъ музыки самъ эрцгерцогъ Максиміліанъ, именемъ цесаря чествующій Вельяминова, пилъ его царскаго величества чашу, и тутъ же черезъ толмача московскаго говорилъ послу, что содѣйствіе царя Ѳеодора, по его арцы-князя дѣламъ въ Польшѣ, будетъ корыстно для Россіи, что онъ уступитъ ей Ливонію, да и единовѣрцы московскаго государя на Литвѣ, подъ его Максиміліановымъ правленіемъ, будутъ благословлять судьбу свою.

— Ежеденно и ежечасно воздыхаемъ мы ко Господу о единовѣрныхъ братіяхъ нашихъ, отвѣчалъ воздохнувъ нà словѣ Вельяминовъ: — и еслибы тебѣ, арцы-княже, судилъ Богъ положить конецъ гоненіямъ, государь нашъ, его царское величество, какъ и прежь сего писалъ тебѣ, хотѣлъ бы того съ великимъ радѣніемъ.

Въ то же время Густавъ выслушивалъ Власьева, который говорилъ ему вполголоса содержаніе граматы Ѳеодоровой.

— Великій государь нашъ, его царское величество, доложить тебѣ наказываетъ: отцы-де наши были въ дружбѣ и союзѣ, и узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ въ чужихъ земляхъ, зоветъ тебя въ Россію, гдѣ будешь имѣть пригожее содержаніе, многіе города въ отчину, жизнь спокойную и свободу выѣхать когда и куда изволишь, и его царское величество пожалуетъ тебя своимъ великимъ жалованьемъ.

Густавъ отвѣчалъ, что онъ о томъ размыслитъ.

Послѣ стола, въ ожиданіи выхода цесарева, эрцгерцогъ и Густавъ показывали посламъ московскимъ картинную галлерею императора, обращая ихъ особенное вниманіе на лучшіе образцы искуства, на Тиціаново «Ecce homo», на «Іоанна Крестителя» Гвидо-Рени, на нагихъ женщинъ съ амурами того же мастера, еще на Тиціанову картину, изображающую Христа, идущаго съ учениками въ Эммаусъ, и на «Вакханокъ» Рубенса.

— Оно бы то, казалось, не подобаетъ святыя изображенія рядомъ съ голыми дѣвками ставить, сказалъ свое мнѣніе Аѳанасій Власьевъ.

Рудольфъ, противъ обычая своего, на этотъ разъ не замедлилъ выходомъ, и какъ любитель рѣдкостей, пришелъ въ неописанный восторгъ, взглянувъ на великое собраніе драгоцѣнной рухляди. Онъ вслухъ изъявилъ свое удовольствіе, говоря, что Цесарія никогда такихъ соболей и чернобурыхъ лисицъ не видывала.

Весь дворъ изумлялся несмѣтному количеству этой богатѣйшей казны.

Цесаревы совѣтники стороною спрашивали Вельяминова о цѣнности присылки.

— Мы присланы съ царской помощію, а не для того, чтобы цѣнить соболей, отвѣчалъ онъ.

Пражскіе жиды оцѣнили эти дары въ восемь бочекъ золота, а въ числѣ прочихъ соболей признали три-сорокà неоцѣненными.

Принцъ Густавъ, именемъ цесаря, сказалъ благодарственную рѣчь отъ лица всѣхъ христіанскихъ государей.

По отбытіи пословъ, Рудольфъ, призвавъ пана Николая Варкоча,

изъявилъ ему высочайшую благодарность, и потомъ долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ.

Эта бесѣда обдавала холодомъ эрцгерцога; онъ зналъ, что цѣли Николая Варкоча становились ему поперегъ дороги.

Узнавъ о пріѣздѣ и пріемѣ московскаго посольства, Кася угрюмо задумалась, и вечеромъ того же дня, въ отсутствіе Густава, вошла въ его покои, и долго подозрительно осматривала книги и бумаги, лежавшія на столѣ. Едва послышались шаги Густава, она скрылась между колоннами, за занавѣсью, отдѣлявшею спальню его.

Чѣмъ-то озабоченный и утомленный дворцовымъ этикетомъ, Густавъ вошелъ и бросился въ кресло передъ столомъ; вынулъ изъ кармана письмо Θеодора, врученное ему дьякомъ Власьевымъ, и сталъ перечитывать его съ тяжелымъ раздумьемъ.

Предложеніе царя московскаго таило въ себѣ политическую цѣль, еще несовершенно для него ясную; оно смущало его, но оставаться долѣе въ Градчинѣ Густавъ былъ уже не въ силахъ. Онъ готовъ бы былъ вырваться изъ этого дворца, какъ изъ тяжкой неволи.

Глубоко вздохнулъ онъ, не зная на что рѣшиться.

Этотъ вздохъ отозвался острой болью въ сердцѣ Каси. Она не сводила съ Густава ревнивыхъ глазъ и зорко сторожила, куда положитъ королевичъ роковой листъ.

Давно уже смерклось, когда Кася вбѣжала къ Леонорѣ, съ торжественнымъ видомъ и пылающимъ взоромъ.

— Вотъ оно! изъ Московщизны! проговорила она, показывая негласную грамату Θеодора къ Густаву: — не даромъ же были мои подозрѣнія!... Проклятая ихъ тайна въ моихъ рукахъ!...

Чтобъ прочесть, однакоже, эту мнимую улику Густава въ тайныхъ сношеніяхъ съ Іоганной, надо было обратиться къ ученому капуцину, духовнику императрицы донны Маріи, знатоку всѣхъ языковъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть IV.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
3	13	Пахолекъ, ...	пахолекъ
3	30	swią tobliwosei	świątobliwosei
5	29	панъ	паннъ
6	11	панъ.	паннъ
12	1	Лятомъ.	Лягошъ
13	29	высыланнныхъ	высланныхъ
26	18	*гржеслолками*	*гржежолками*
27	12	Казимиржп.	Казимиржъ
28	10	толкую.	толкуй
28	13	щедраго	щираго
33	41	возвратился	возвращался
34	9	XVI	XIV

I.

Злой геній Густава, Кася, казалось, для того только и отыскала его среди ученыхъ факультетовъ академическаго и вмѣстѣ сумасброднаго двора императора Рудольфа, чтобъ выгнать его и изъ этого пріюта, гдѣ онъ уложилъ-было на покой разбитую душу свою, и съ новой страстью предавшись алхиміи, помогалъ Рудольфу писать его «Demonstratio Philosophica de veritate transmutationis metallorum in aurum».

Грамота царя Θеодора къ Густаву, возбудившая ревность и взволновавшая желчь Каси, была немедленно же сообщена капуциномъ доннѣ Маріи, и встревожила ее инымъ образомъ. Императрица-іезуитка до заутрени же собрала тайный совѣтъ свой, для обсужденія яснаго документа о сношеніяхъ принца Густава съ царемъ московскимъ, и потомъ пошла къ сыну.

Донна Марія носила по домашнему какую-то полуиноческую одежду, и ходя опиралась на посохъ, для приданія себѣ вида слабости, рѣзко противорѣчащаго ея дебѣлому тѣлосложенію.

Увидя ее, дежурные сановники — государственный канцлеръ панъ Попелъ и панъ Николай Варковичъ, съ изумленіемъ вскочили съ мѣстъ. Ея несвоевременное посѣщеніе императора никому не сулило спокойствія.

Не обративъ вниманія на привѣтствовавшихъ ее низкимъ поклономъ, она медленно подошла къ двери опочивальни и постучала въ нее посохомъ.

— Кто тамъ? вскричалъ бѣшенымъ голосомъ императоръ.

— Я, Марія, отвѣчала мать Рудольфа.

— Что̀ такое? еще грознѣе крикнулъ онъ.

Императрица молча прислушивалась къ голосу, которымъ раздались эти вопросы, также непредвѣщавшему ничего добраго.

По роковому стеченію обстоятельствъ, Рудольфу только что былъ представленъ, такъ долго составляемый и нетерпѣливо ожидаемый имъ, гороскопъ. Тихо-Браге вычиталъ на звѣздномъ небѣ страшныя подозрѣнія на ближайшихъ кровныхъ императорскаго семейства; а по гаданіямъ Кеплера, черная тѣнь падала на духовенство, окружившее императора. По обоимъ документамъ дамоклесовъ мечъ висѣлъ уже надъ головою его.

Встревоженный не во̀ время посѣщеніемъ императрицы-матери, онъ порывисто отдернулъ дверь.

— Что̀ такое? повторилъ онъ.

Донна Марія, не отвѣчая, вошла и замкнула за собою дверь на ключъ.

— Что̀ это значитъ? Чего хотятъ отъ меня? Чего они хотятъ?

— Подай кресла, сказала ему мать, голосомъ, напоминающимъ ея достоинство.

Императоръ подалъ.

— Добраго дня, произнесла она тономъ не менѣе вразумительнымъ и протягивая ему руку для облобызанія.

Рудольфъ нагнулся къ рукѣ; по выраженію лица его, донна Марія могла подумать, что онъ ее укуситъ. Предвидя какія-нибудь новыя ея притязанія, въ минуту страшнаго волненія духа, онъ вскипѣлъ желчью; но это входило въ разсчеты донны Маріи, которая не несла ему успокоенія.

— Садись, сказала она, показавъ ему на близь стоящій стулъ.

Повинуясь безотчетно, Рудольфъ сѣлъ; губы его дрожали. Донна Марія оперлась обѣими руками на посохъ, и впернвъ на сына большіе глаза свои, съ язвительною улыбкою, но тихимъ голосомъ, сказала:

— У тебя, дорогой другъ мой, есть предатель.

— Знаю! крикнулъ Рудольфъ, вскочивъ съ своего мѣста и отшвырнувъ ногою стулъ:—знаю! знаю! знаю!

— Знаешь? повторила протяжно императрица, нѣсколько озадаченная.

— Знаю! повторилъ Рудольфъ.

— И знаешь, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ?

— Не *онъ*, а *они*; не съ московскимъ царемъ, а со всѣми дьяволами ада!

Іезуитка остановилась, пристальнѣе посмотрѣла на сына; странныя слова его представляли интересъ ея любознательности.

— И тебѣ не безъизвѣстно, что московскій посолъ привезъ *ему* тайное письмо? спросила она.

— Кому привезъ московскій посолъ тайное письмо? Не вамъ ли, моя августѣйшая родительница? Не сыновьямъ ли вашимъ? крикнулъ изступленно императоръ.

— Опомнись, Рудольфъ, что̀ такое ты говоришь? строго спросила мать его.

— Скажите мнѣ, ваше величество, извольте мнѣ сами сказать, кто изъ братьевъ моихъ замышляетъ сорвать съ головы моей вѣнецъ? Кому изъ вашихъ монаховъ занадобилась жизнь моя?

И не внимая ничему, кромѣ своихъ собственныхъ помутившихся мыслей, не видя передъ собою никого, кромѣ воображаемыхъ враговъ, Рудольфъ затопалъ ногами.

Донна Марія въ свою очередь почувствовала сильный приливъ гнѣва къ сердцу; но бровь ея не шевельнулась. Съ величавымъ спокойствіемъ, она слегка покачала укоризненно головою.

Рудольфъ не замѣчалъ этого движенія.

— Но, нелегко будетъ вашимъ союзникамъ достать до головы моей!... Знайте, что эту голову ограждаютъ отнынѣ бездонные рвы, неприступныя твердыни, и тысячи обнаженныхъ мечей!

Императрица невозмутимо посмотрѣла на него.

— Если до сихъ поръ ни я, ни братья твои не дерзали посягать на твое величіе, котораго ты никогда не былъ достоинъ, то теперь ты самъ побуждаешь насъ къ тому, самъ даешь намъ на то законное право, мой любезный Рудольфъ... Ты очевидно и несомнѣнно теряешь голову, о сохраненіи которой такъ заботишься.

— Что̀-жъ долженъ я дѣлать съ моимъ предателемъ? Отвѣчайте, говорите, ваше величество! Что̀ я съ нимъ долженъ дѣлать? Отправить его искать дна въ черной башнѣ, или бросить въ желѣзныя объятія Далиборгской цирцеи? задыхаясь проговорилъ Рудольфъ.

— Того и другого равно достоинъ тотъ, кто вступаетъ въ союзъ съ схизматикомъ, въ намѣреніи лишить католическаго государя его владѣній. Принцъ Густавъ, забывая благодѣянія, которыми пользуется при дворѣ твоемъ, тайно отъ своего покровителя мечтаетъ о какихъ-то правахъ на законное наслѣдіе Сигизмунда, отвѣчала съ жаромъ донна Марія, направляя гнѣвъ Рудольфа на Густава.

— Я спрашиваю васъ, что̀ мнѣ дѣлать съ моимъ предателемъ? повторилъ императоръ.

— Принца Густава слѣдуетъ отправить на судъ къ самому королю Сигизмунду и предоставить измѣнника его волѣ.

— Спрашиваю я: что мнѣ дѣлать съ братомъ моимъ Магнусомъ, который мечтаетъ не о чужомъ государствѣ, не о своихъ попранныхъ правахъ, а безправно домогается моей власти, замышляетъ на жизнь своего императора и брата!

— Онъ окончательно обезумѣлъ! проговорила донна Марія и встала съ своего мѣста.

Ни малѣйшей искры состраданія не западало въ ея сердце. Мертвая для всѣхъ кровныхъ связей, безчувственная къ роднымъ дѣтямъ, она была вѣрна только данному обѣту.

— Въ эту же ночь Густавъ долженъ быть высланъ въ Польшу! сказала она повелительно, и не оглянувшись на обезумѣвшаго сына, вышла.

По ея волѣ, или во исполненіе воли императора, наступившій слѣдующій день не засталъ уже болѣе Густава въ Градчинѣ.

Какъ волчица, загубившая дѣтеныша, съ отчаяніемъ взыскалась его Кася; но въ тотъ же день отдано повелѣніе немедленно изгнать изъ градчинскаго замка всѣхъ живущихъ въ немъ и приступить къ постройкѣ укрѣпленныхъ стѣнъ и крытыхъ путей.

Съ этой поры прошелъ новый конецъ времени несчитаннаго и немѣряннаго страдальческой безпечностью Густава.

Было теплое, лѣтнее утро. Солнце всходило изъ-за возвышеній Куявскаго Поросья, озаряя верхи костеловъ города Торуни, посреди звѣзды больверковъ и башенъ, обведенныхъ глубокимъ рвомъ, на берегу Вислы, по которой одномачтовыя купеческія ладьи тянулись къ пристани.

На взгорьи, близъ селитренныхъ копей, гдѣ чернѣла толпа работниковъ, въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, лежалъ на травѣ молодой человѣкъ, въ нѣмецкомъ платьѣ, заслоняясь пуховой шляпой отъ ударяющихъ ему въ глаза лучей, и читая книгу, заглавіе которой: «De mota octavae Spherae» приводило въ то время въ ужасъ Римъ и весь латинскій міръ. Чтецъ бесѣдовалъ самъ съ собою.

— Да, много надо отваги, чтобы въ нашъ вѣкъ безумія и невѣжества, толковать отцамъ іезуитамъ, что солнце есть центръ вселенной, что земля вертится, и вертится вопреки возбраненію его непогрѣшимаго святѣйшества... Уже за двѣ тысячи лѣтъ Аристархъ Самосскій и Филолай Кротонскій говорили то же; но тысячелѣтія прошли, и по сіе время никто не убѣдился въ истинѣ... Желалъ бы я видѣть, произвелъ ли Аристархъ такую же суматицу въ Греціи, какъ Николай Коперникъ въ Европѣ?...

Въ костелѣ св. Яна раздался звонъ.

— Толпа невѣждъ—та же пустыня, сказалъ вставая молодой человѣкъ:—пойду и поклонюсь могилѣ великаго мужа, посреди этой пустыни.

Сложивъ книгу, онъ пошелъ медленными шагами къ городу, чрезъ браму св. Катерины, къ костелу, гдѣ былъ погребенъ Коперникъ; но не доходя до ограды, его встрѣтилъ человѣкъ, и почтительно снялъ передъ нимъ шляпу.

— Вашу свѣтлость ожидаетъ посланный изъ Варшавы, сказалъ онъ.

«Чѣмъ-то рѣшилъ король Сигизмундъ мою участь?» подумалъ молодой человѣкъ, въ которомъ не трудно было узнать Густава, занесеннаго судьбою на родину знаменитаго астронома.

И онъ поворотилъ, въ сопровожденіи вѣстника, къ королевскому зáмку, который, почти въ развалинахъ, возвышался передъ наводнымъ, чресъ Вислу, мостомъ.

Въ этихъ развалинахъ король Сигизмундъ далъ временный пріютъ своему двоюродному брату, которому герцогъ Карлъ воспрещалъ въѣздъ въ отечество, а политика польскаго двора не допускала въ Варшаву, уже предпочитаемую королемъ древней столицѣ.

Пройдя черезъ окопъ на пустынный дѣдинецъ, Густавъ вошелъ по крутой лѣстницѣ въ пріемную, гдѣ стояло нѣсколько слугъ въ плохихъ ливреяхъ, и оттуда въ обширную залу, въ которой терялась горсть шведскихъ дворянъ, по собственной охотѣ представлявшихъ собою маленькій дворъ безпріютнаго принца.

— Узнаете ли вы меня, ваша свѣтлость? спросилъ, выступая къ нему на встрѣчу, сѣдовласый сановникъ пріятной и благородной наружности.

— Эрикъ Спарре! сказалъ, взглянувъ на него и взявъ за руку, удивленный Густавъ: — какимъ образомъ и откуда?

— Изъ Варшавы, отъ короля, отвѣчалъ Спарре.

Они вошли въ слѣдующую комнату, посреди которой стоялъ огромный дубовый столъ, заваленный книгами.

— Какія вѣсти? спросилъ Густавъ, садясь и указывая Спарре на другой стулъ.

— Вѣстей много, изъ которыхъ лучшая—испрошенное наконецъ у короля принцессами Анной и Зигридью, для вашей свѣтлости, дозволеніе видѣться въ Ригѣ съ королевой, матерью вашей.

— Неужели! воскликнулъ радостно и съ блеснувшей въ глазахъ слезою умиленія Густавъ.

— Вотъ письменное дозволеніе короля, сказалъ Спарре, подавая письмо.

— И я увижу ее послѣ двадцатилѣтней разлуки? И это не сонъ, не мечта, а сбыточная, истинная возможность?

— Увидите, ваша свѣтлость, весьма скоро; потому что, сегодня же, я ѣду объявить королевѣ эту радость и она не замедлитъ выѣхать на свиданіе съ вами въ Ригу.

— О, какъ я благодаренъ Сигизмунду!

— Ваша свѣтлость можетъ поблагодарить короля и за назначенные вамъ, отъ щедротъ его, восемьсотъ гульденовъ годоваго содержанія, прибавилъ иронически Спарре.

— Съ правомъ, по возвращеніи изъ Риги, остаться въ этомъ замкѣ? спросилъ Густавъ.

— Вамъ предоставляется полное право похоронить себя въ этой грудѣ камней, отвѣчалъ также съ усмѣшкой Эрикъ: — съ запрещеніемъ въѣзда въ отечество и въ столицу Польши, но съ дозволеніемъ выѣхать за границу, когда и куда угодно будетъ вашей свѣтлости.

Эти послѣднія слова Спарре произнесъ съ особеннымъ значеніемъ; но на нихъ Густавъ, казалось, не обратилъ никакого вниманія.

— Чѣмъ кончились недоразумѣнія герцога съ королемъ? спросилъ онъ.

— Тѣмъ, что наскучивъ дерзостію своего дяди, король Сигизмундъ намѣревается усмирить его войскомъ, а герцогъ Карлъ, по праву защитника отечественной вѣры, выступаетъ на встрѣчу ему съ военной силой.

— Итакъ, невозможность сліянія этихъ двухъ державъ подъ одну корону беретъ свое, сказалъ Густавъ.

— Но должна взять свое и невозможность воцаренія на тронѣ Швеціи деспота, дяди вашего, герцога Карла, съ жаромъ присовокупилъ Спарре.

Густавъ посмотрѣлъ на него мрачно.

— Ваша свѣтлость! я пришелъ напомнить вамъ волю покойнаго короля—отца вашего, сказалъ торжественно Спарре.

— Отъ кого зависитъ исполненіе этой воли? спросилъ еще мрачнѣе Густавъ.

— Отъ васъ и ни отъ кого болѣе; покуда герцогъ Карлъ, именуя себя покровителемъ народа и его исповѣданія, ведетъ армію на отраженіе призрачнаго короля Швеціи, государственные чины готовы уже вручить власть законному наслѣднику престола.

— Кто жъ этотъ законный наслѣдникъ? возразилъ Густавъ:— не тотъ ли, чьи легкіе неспособны дышать атмосферою дворцовъ, кто хотѣлъ бы царствовать лишь надъ этими добрыми

душами? прибавилъ онъ, указывая на лежащіе на столѣ фоліанты.

— Ваша свѣтлость! остановилъ его Спарре: — отъ юности моей и до этихъ сѣдинъ, всю жизнь мою я носилъ въ душѣ мысль, съ которою шелъ много лѣтъ по знойной, безплодной пустынѣ, видя какъ многіе изъ моихъ спутниковъ пали и погибли; но мнѣ суждено было дойти до рубежа обѣтованной земли.

— Не нужна ли для достиженія видимаго тобою рубежа воля болѣе рѣшительная, нежели моя?

— Вашей свѣтлости въ этотъ роковой часъ надлежитъ только стать на извѣстную точку и сила обстоятельствъ вынесетъ васъ къ цѣли.

— Гдѣ же эта точка?

— Въ Ригѣ, гдѣ послы Годунова—нынѣ царя Россіи, ждутъ соизволенія вашей свѣтлости и стотысячная армія Бориса готова поддержать права наслѣднаго принца Швеціи.

— Откуда явилась у московскаго царя эта забота о какомъ-нибудь бѣдномъ принцѣ?

— Царь московскій заботится о правахъ будущаго зятя своего.

— Жениться на дочери московскаго царя! воскликнулъ почти съ ужасомъ Густавъ: — ты забываешь, Спарре, что рожденный принцемъ крови, я привыкъ жить жизнью простого смертнаго и не понимаю женитьбы по политическимъ требованіямъ.

Спарре пристально посмотрѣлъ на него.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ:—моя преданность лицу вашему и дому не нуждается въ удостовѣреніи и даетъ мнѣ право говорить съ вами языкомъ вѣрнѣйшаго испытаннаго слуги и друга. Въ королевскомъ дворцѣ, въ Варшавѣ, донынѣ существуетъ мнѣніе, что дочь виленскаго кастеляна, пропавшая безъвѣсти, находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ вами; а между тѣмъ явная связь ваша въ Градчинѣ съ другою женщиною наводитъ сомнѣніе, что это былъ только отводъ, для утаенія истинной привязанности вашей, которая можетъ стать препятствіемъ на желанномъ для васъ пути. Не простое любопытство, а судьба цѣлаго государства и народа вынуждаютъ меня освѣдомиться объ этомъ положительно.

— Судьба дочери виленскаго кастеляна для меня совершенно неизвѣстна, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ Густавъ:—она оставила мнѣ благоговѣйное воспоминаніе, которое никогда не изгладится изъ моего сердца; что же касается до женщины, которая проживала, не знаю на какомъ основаніи, въ Градчинѣ,

я не забочусь о томъ, что̀ сталось съ ней, и ненавижу ее всей моей способностію ненавидѣть!

— Я не смѣю сомнѣваться въ искренности этого отвѣта, сказалъ, проницательно смотря на принца, Спарре:—ваша свѣтлость не знаетъ ничего о судьбѣ дочери виленскаго кастеляна и сохраняетъ къ ней лишь одно благоговѣйное воспоминаніе, повторилъ онъ, какъ будто занося эти слова въ протоколъ.

— Не знаю ничего! повторилъ со всею убѣдительностію правоты своей Густавъ: — ничего не знаю, съ тѣхъ поръ какъ въ послѣдній разъ видѣлъ ее въ Краковѣ.

— Со времени этого свиданія прошло уже столько лѣтъ, и безнадежность встрѣтиться когда-либо съ любимою вами особой даетъ намъ нѣкоторое право, во имя блага вашего отечества, просить васъ принять супругу, предлагаемую вамъ вѣрнымъ народомъ вашимъ. Это единственное средство избавить его отъ тиранства похитителя и братоубійцы и отъ другаго, не меньшаго тиранства сигизмундовыхъ іезуитовъ. Жребій уже брошенъ; государственныя регаліи: корона, скипетръ и держава похищены мною изъ дворца. Эти регаліи ждутъ вашу свѣтлость при первомъ шагѣ на родную землю.

— Спарре! чего вы хотите отъ меня?

— Высочайшей воли, съ твердостію отвѣчалъ Спарре:—теперь головы всѣхъ благомыслящихъ людей Швеціи въ рукахъ вашихъ, и вашей свѣтлости остается или вести ихъ на плаху, или слѣдовать указанію судьбы.

— Неповиненъ я въ крови вашей! проговорилъ мрачно и задумчиво Густавъ.

— Пусть герцогъ Карлъ склоняетъ слухъ на бредни Тихо-Браге, который предсказалъ вѣнецъ сыну его Густаву-Адольфу; на тронѣ Швеціи будетъ другой Густавъ! произнесъ восторженно Спарре, не предчувствуя, что въ это самое время, оруженосецъ и вѣрный слуга его, Гудмундъ, обличалъ уже, передъ герцогомъ Карломъ, господина своего въ государственной измѣнѣ и похищеніи регалій.

II.

Не предчувствовало и сердце Корнии ожидающей ее радости свиданія съ сыномъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ узнала она, что онъ живъ, желаніе видѣть его сдѣлалось постоянною мыслію, не покидавшею ее ни на яву, ни во снѣ.

Мука неизвѣстности объ участи Густава смѣнилась этой дру-

гой мукой, и невыносимая тоска, одолѣвая ее, изливалась иногда въ тихой, заунывной пѣсни, которую часто слышали финны, обитающіе на мызѣ королевы—Юксалѣ.

Въ этой старой народной балладѣ сказывалось горе матери о погибшемъ сынѣ: она допрашивала у всѣхъ созданій природы: гдѣ сынъ ея? не видала ли земля, не видали-ль воды, не видали-ль лѣса ея сына? — Видо́мъ не видали, слыхомъ не слыхали, отвѣчали они ей. Она допрашиваетъ божій мѣсяцъ, не видалъ ли онъ, гдѣ ея сынъ?—По но́чи стражемъ хожу, отвѣчалъ мѣсяцъ, что̀ вижу—не вижу, что̀ знаю—молчу.—Бѣдная мать обращается къ солнцу: скажи, божье солнце, не видѣло ль сына? — Божьему ль солнцу не вѣдать, не знать, ему ль не обрадовать бѣдную мать!

Такъ напѣвала однажды подъ вечеръ Коринь, сидя на крыльцѣ, и взоръ ея слѣдилъ за солнцемъ, а душа продолжала повторять ему вопросъ о сынѣ.

Старая служанка ея, Христина, сидя тутъ же на ступеняхъ крыльца, дремала, поджидая время уложить госпожу и самой идти на покой. Но Коринь, казалось, въ свою очередь ждала, когда *полунощное*, незакатное солнце слегка окунется въ море и снова озолотитъ вершины скалистыхъ финскихъ горъ.

— Госпожа моя добрая, сказала Христина:—ужь вечеръ сошелся съ утромъ, не пора ли лечь опочить?

— Нѣтъ сна, Христина, зачѣмъ и ложиться; ты поди-себѣ, спи.

— Госпожѣ моей доброй опять сгрустнулось; грусть волкъ жадный, воронъ ненасытный: загложетъ, истерзаетъ сердце. Пойдемъ, госпожа моя, на покой.

Коринь, вздохнувъ глубоко, съ усиліемъ встала на зовъ Христины и еще разъ взглянула на новую зарю, какъ-бы спрашивая первый лучъ, которымъ освѣтились потухшіе ненадолго вершины: гдѣ мой сынъ?

Въ это мгновеніе, будто изъ снопа лучей, пробившихся сквозь ущелье, появился всадникъ. Быстро пронесся онъ отъ подгорья къ оградѣ мызы.

— Спарре! вскричала Коринь, всплеснувъ руками: — насилу дождалась я тебя!

Спарре соскочилъ не по лѣтамъ бодро съ коня и, подойдя къ королевѣ, преклонилъ колѣно.

— Ты ждала меня, Коринь? Развѣ ты знала, что я тороплюсь къ тебѣ? спросилъ онъ, цалуя ея руку.

— Всегда я жду тебя, хоть вижу изъ года въ годъ все рѣже и рѣже. Что̀ сталось съ Густавомъ? Не гнѣвенъ ли на него ко-

роль Сигизмундъ? что̀ говоритъ герцогъ? радость или горе привезъ ты мнѣ?

— Не читаешь ли ты доброй вѣсти на лицѣ моемъ? и развѣ съ худою вѣстію спѣшатъ та̀къ, ка̀къ я спѣшилъ къ тебѣ?

— Отвыкло сердце вѣрить въ счастье; милый Эрикъ, говори скорѣе, гдѣ Густавъ?

— Принцъ Густавъ, надежда Швеціи, ожидаетъ тебя въ Ригѣ, и я пріѣхалъ сопровождать мою королеву на свиданіе съ ея сыномъ.

— Густавъ ждетъ меня въ Ригѣ! не своимъ голосомъ вскрикнула Коринь:—ты не шутишь, ты не забавляешься надо мною? проговорила она, не помня себя.

Спарре посмотрѣлъ на нее укоризненно за такое недостойное предположеніе.

— Густавъ въ Ригѣ, съ дозволенія короля Сигизмунда и правителя Карла, сказалъ онъ серьёзно.

Коринь обняла его и зарыдала; потомъ снова опустилась въ кресла, чувствуя себя не въ силахъ держаться на ногахъ.

— Христина! Отто! кричала она, сзывая слугъ: — сынъ мой въ Ригѣ, ожидаетъ меня, я ѣду на свиданье съ нимъ... слышишь, Отто, нужны подводчики... Христина, собирай меня въ дорогу—Густавъ ждетъ меня въ Ригѣ!

— Не заботься ни о чемъ, сказалъ Спарре, смотря на нее съ умиленіемъ: — все обдумано, все готово. Въ нетерпѣніи видѣть тебя и сказать тебѣ эту счастливую вѣсть, я опередилъ экипажи; они скоро будутъ здѣсь и доставятъ насъ къ пристани, гдѣ готовъ уже корабль, который понесетъ тебя на радостное свиданіе.

— Когда жь пріѣдутъ эти экипажи? опять ожиданіе! тоскливо проговорила Коринь, и уже не слушала разсказовъ Спарре о событіяхъ въ Стокгольмѣ и Варшавѣ, объ угрожающей внутренней войнѣ, о послѣдствіяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ этихъ смутъ для ея сына.

— За что̀ удалилъ его отъ себя король Сигизмундъ? за что̀ удалилъ его императоръ Рудольфъ? спросила она вдругъ, перебивая своего друга:—какія подозрѣнія могъ внушить имъ Густавъ? Думалъ ли онъ объ этой постыдной коронѣ?

— Думалъ онъ или не думалъ, милая Коринь, но корона Швеціи увѣнчаетъ его голову.

— Корона Швеціи точка твоего помѣшательства, милый Эрикъ! Густавъ мой здравъ отъ этой болѣзни. Зигридь лучше твоего знаетъ образъ его мыслей, онъ открывалъ ей свое сердце.

— Съ тѣхъ поръ, какъ видѣлся онъ съ Зигридью, много

утекло воды; скоро ты сама увидишь Густава, отъ него самого услышишь ты то, чему изъ устъ моихъ не хочешь вѣрить. Теперь прошла пора для разсужденій и колебаній, теперь настало время дѣйствовать, и Густавъ окажетъ себя достойнымъ своего высокаго рожденія!

— Но этотъ высокорожденный лишенъ всякихъ средствъ и всякой силы. Это ничтожная лѣсная пташка, которая хвалилась бы зажечь море!

— Ты ошибаешься, смиренный другъ мой! Превратности судьбы твоей и испытанныя тобою униженія оказали на тебя гибельное свое дѣйствіе. Ты потеряла понятіе о своемъ значеніи и сама себя унижаешь и уничтожаешь. Не такъ думаютъ о тебѣ другіе. Въ Ригѣ ожидаютъ сына твоего послы московскаго царя, который предлагаетъ ему въ супружество дочь, и предлагаетъ свою сильную руку, чтобы покарать врага его Карла и возвратить ему престолъ, на который герцогъ предъявляетъ уже свои притязанія. Пойми это, Корпнь; положись на божій промыслъ и благослови своего сына.

— Пока не увижу собственными глазами и не буду осязать своими перстами вѣнца на головѣ Густава, не повѣрю! Помоги невѣрію моему, милый Эрикъ.

Черезъ нѣсколько часовъ явились экипажи. Христина и Отто проводили добрую госпожу свою, напутствуя ее всѣми благими пожеланіями. Но послѣ отъѣзда ея, убравъ покои, заперли ихъ, и сидя въ своей кануркѣ, не знали, что дѣлать съ своимъ досугомъ.

— Пожили мы съ тобой на свѣтѣ, говорилъ Отто.

— Пожили, благодаря Бога, говорила Христина.

— Всего насмотрѣлись, моя старуха.

— Насмотрѣлись, всего насмотрѣлись!

— И въ королевскомъ дворцѣ жили, когда госпожа наша была настоящей королевой.

— И во дворцѣ жили, да ужь и забыли, какъ во дворцахъ живутъ, и города большого уже десятка два лѣтъ не видали.

— Занесла судьба на чужую сторону, въ глушь, да въ дичь какую! Тутъ бы только птицѣ пробивать себѣ въ воздухѣ тропу, да звѣрю пролагать въ ущельяхъ скалъ слѣдъ свой, а не людямъ жить!

— Да и что жь тутъ живутъ за люди! Развѣ люди эти безсловесные финны? добавила Христина, высказывая народную нелюбовь шведовъ къ финнамъ.

Отто вздохнулъ о родинѣ громкимъ вздохомъ.

— Ужь еслибъ не жаль было покинуть госпожу нашу добрую, пошелъ бы хоть кости сложить на свое мѣсто.

— Какъ ее покинуть? на кого? грѣхъ покинуть добрую нашу госпожу, милый Отто; Богъ отдалъ намъ ее на руки, велѣлъ умереть съ нею.

Черезъ нѣсколько дней они почувствовали тоску разлуки, которая была вѣрнымъ ручательствомъ, что они госпожи своей не покинутъ, сколь ни горька была имъ чужая сторона, дикая и глухая, и какъ ни тошны безсловесные обитающіе въ ней люди.

Выйдя изъ дому, гдѣ надоѣло имъ сидѣть глазъ на глазъ, и усѣвшись на холмѣ близь мызы, они стали глядѣть на дорогу.

— Пора бы ужь ей и вернуться, сказала въ раздумьи Христина.

— Гдѣ еще вернуться; для насъ съ тобой время идетъ долго, а для нея летитъ летомъ. Смотритъ не насмотрится на своего милаго принца. Натосковалась душа ея вдоволь, пусть же ликуетъ, разсудилъ Отто.

Помолчавъ немного, они снова заговорили отъ скуки.

— Вонъ, закурилось волоковое окно въ кровлѣ Ханну, сказала Христина, указывая на хижину, одиноко прислонившуюся къ скалѣ:—видно, жена его собралась печь свои лепешки.

— Бѣдность и горе живутъ, не выходятъ изъ этихъ звѣриныхъ норъ, которыя называютъ здѣсь домами, сказалъ Отто.

— Войдти грустно: стѣны закопчены, полъ изъ нетесаныхъ бревенъ, грязенъ какъ хлѣвъ, въ печи горятъ дрова, а обѣда на нихъ никогда не готовятъ.

— Да, еслибъ своими глазами не видѣть, не знать бы въ вѣкъ, что люди, какъ зайцы, питаются древесной корой.

— И не скоро же привыкли мы смотрѣть на эту великую нужду. Бывало, войдешь въ избу, душа заноетъ; а они того и не разумѣютъ. Дѣти у нихъ будто сытые, роятся, жужжатъ, какъ пчелы; хозяйка прядетъ, или мѣситъ свое еловое тѣсто; хозяинъ ладитъ сани или лыжи; да тутъ же, на этомъ на голодномъ хлѣбѣ, живетъ еще нахлѣбникъ-нищій, за спасибо кормильцу колетъ лучину и будто отъ доброй доли тянетъ себѣ пѣсню: «день, говоритъ, смѣняется ночью, а недостатокъ хлѣба и пива пополняется пѣньемъ».

Переговоривъ все, что̀ вспоминалось изъ былаго, и все, что̀ приходило имъ въ голову изъ настоящаго, Христина и Отто глазѣли на окрестность, хотя смотрѣть было нечего, и ко всему, что̀ окружало ихъ, они давно уже присмотрѣлись.

Кое гдѣ показывался въ дверяхъ хижины человѣкъ въ сѣрой сермягѣ съ нахлобученной шапкой; ступая тяжелой поступью, онъ, какъ будто нехотя проговаривалъ встрѣчному собрату одно, два слова, медленнымъ грубымъ голосомъ, и шелъ потупясь далѣе.

Кое-гдѣ выползала такая же полусонная женщина въ своей юбкѣ и кофтѣ, съ накинутой на голову косынкой, кликала куръ или ребятишекъ, играющихъ на дворѣ; но будто боясь промолвиться, поспѣшно скрывалась снова, помня поговорку: *санаста міеста, сарвеста хэркэ*, то-есть, вола держи за рога, а человѣка за языкъ.

— Смотри-ко, идетъ Ханну, сказалъ Отто, видя подходящаго къ нимъ крестьянина.

— Ханну съ перевоза, прибавила Христина, знавшая наизусть всѣ движенія сосѣдей.

— Добраго дня, вымолвилъ, снимая шапку и кланяясь, старый финнъ, выучившійся на мызѣ кое-какъ говорить пошведски.

— Чтò скажешь, Ханну?

— Добраго дня, повторилъ Ханну.—Госпожа пріѣхала, добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Наша госпожа! крикнули вмѣстѣ, вскочивъ быстро на ноги, Христина и Отто.

— Нѣтъ, чужая, сказалъ Ханну.

— Какая же чужая?

— Госпожа молодая, богатая.

— Одна?

— Нѣтъ, не одна, съ маленькимъ сынкомъ. Ханну показалъ ростъ ребёнка на аршинъ отъ земли.

— Откуда и зачѣмъ пріѣхала сюда эта госпожа? спрашивали другъ друга Христина и Отто, изумляясь такому небывалому случаю.

— Откуда—не говорила, а спрашивала: гдѣ тутъ королевскій замокъ.

— Какой королевскій замокъ?

— И я сказалъ, какой тутъ королевскій замокъ? она сказала: замокъ, гдѣ живетъ королева. Я говорю: госпожа наша королева живетъ не въ замкѣ, а на своей мызѣ.

— Чтò жь она?

— Она сказала: проводи меня къ госпожѣ своей королевѣ; а я сказалъ: провожу, да ея нѣтъ на мызѣ.

— А она что?

— Она спросила, куда уѣхала королева и скоро-ль домой будетъ?

— Ну?

— А я сказалъ: куда поѣхала, мы не знаемъ, а ждемъ ее скоро.

— А ты и не спросилъ, кто такая эта госпожа?

— А зачѣмъ мнѣ спрашивать?

— Затѣмъ, чтобы доложить госпожѣ нашей, когда она возвратится, кто пріѣхалъ къ ней.

— Пошли бы спросили сами.

— Гдѣ жь теперь спрашивать? не бѣжать же въ догоню за ней.

— Зачѣмъ бѣжать: она въ гостиницѣ. Сынокъ гоняетъ гусей по лужайкѣ, а она покрикиваетъ на него изъ окна; а слуги таскаютъ изъ возка разные пожитки.

— Можетъ быть, это какая-нибудь принцесса? сказала мужу своему Христина.

— Не знаю, отвѣчалъ Отто: — тебѣ лучше знать; ты видѣла всѣхъ принцессъ, когда жила въ стокгольмскомъ замкѣ.

— И видѣла да забыла; много времени прошло съ тѣхъ поръ; молодыя принцессы успѣли состарѣться, сказала Христина.

— Спросить бы, какова она изъ себя? придумалъ Отто; но Ханну былъ уже далеко.

Христина не утерпѣла, побрела сама въ гостиницу близъ перевоза; видѣла пріѣзжую госпожу въ пріотворенныя двери, надивилась на красоту ея, на черные глаза, на черные какъ смоль волоса и брови, на богатый нарядъ; видѣла и мальчика, который сидѣлъ въ нарядномъ кафтанцѣ смирно-пресмирно, какъ куколка на скамейкѣ, и робко, исподлобья, поглядывалъ на важную госпожу, какъ на буку.

— Такой принцессы и не видывала я въ стокгольмскомъ замкѣ, сказала Христина, воротясь домой.

«Стало-быть, это чужеземная принцесса» подумалъ вслухъ Отто.

«Можетъ быть», подумала и Христина: — но зачѣмъ бы, казалось, чужеземной принцессѣ ѣхать въ нашу трущобу? добавила она, не доумѣвая.

— Гдѣ жь намъ простымъ людямъ знать, куда и зачѣмъ путешествуютъ такія особы. Вотъ пріѣдетъ госпожа, все узнаемъ.

— Охъ, да что жь это она долго не ѣдетъ?

— Вотъ ужь три недѣли миновали.

Еще прошелъ день въ нетерпѣливомъ ожиданіи, и наконецъ Христина и Отто послышали отдаленный стукъ подъѣзжающаго экипажа.

— Она! вскричали они въ одинъ голосъ, и бросились радостно встрѣчать госпожу свою. Но утомленная и грустная Коринь, войдя въ комнату, сѣла на поданное кресло и залилась слезами.

— Что́ жь это госпожа наша добрая печалится? видѣла ли она своего принца? спросила Христина, также сквозь слезы.

— Видѣла, друзья мои, видѣла; смотрѣла на него, не сводя глазъ весь день, вставала ночью, смотрѣла на него спящаго и не насмотрѣлась... Теперь все уже прошло, какъ сонъ!... И тяжко

было разставаться, и какъ пережила я это разставанье — не знаю!

— Богъ даетъ радость ненадолго! сказалъ со вздохомъ Отто.

— Теперь горче прежняго будетъ мнѣ жить одной въ этой пустынѣ!

— Богъ утѣшитъ госпожу нашу добрую, сказала прослезившаяся Христина.—Принцесса Зигридъ пріѣдетъ навѣстить насъ.

— Зигридъ должна остаться въ Варшавѣ, при двоюродной сестрѣ своей, принцессѣ Аннѣ. Ея ходатайству обязана и я счастіемъ свиданія съ Густавомъ. Она любитъ дочь мою, какъ родную.

Въ это время, прибывшіе съ королевой люди внесли большой портретъ Густава, писанный однимъ изъ придворныхъ художниковъ императора Рудольфа. Принцъ былъ изображенъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ съ королевской мантіей на плечахъ.

— Густавъ! вскрикнула Коринь, мгновенно просіявъ радостію.

И она не спросила, кому обязана была пріятной неожиданностію; сердце ея угадало въ этомъ миломъ вниманіи друга ея, Эрика Спарре.

Повѣсивъ портретъ противъ своей кровати, она не сводила съ него глазъ, покуда не заснула.

На другой день, помолясь со слезами Богу, Коринь сѣла передъ портретомъ.

— Здѣсь я буду сидѣть всегда, сказала она служанкѣ своей:— слышишь, Христина, ты не трогай отсюда моего кресла. Вѣдь это Густавъ, сынъ мой, ты никогда не видала его... Посмотри на него... Знаешь ли, теперь я совсѣмъ не помню, какъ свидѣлись мы съ нимъ, какъ взглянули другъ на друга, послѣ двадцатилѣтней разлуки, какъ бросились другъ другу въ объятія. Ничего не помню, Христина! Не помню, какъ прошли и сколько прошло дней, которые мы провели вмѣстѣ. Теперь, помню только ту минуту когда я сѣла уже на корабль, а онъ стоялъ на пристани и провожалъ меня своимъ грустнымъ взглядомъ... этого взгляда, никогда не забуду я, Христина, никогда не забуду, до самой смерти!

И слезы опять дрожали на глазахъ ея.

— О, еслибъ знала ты, сколько горя перенесъ онъ въ жизни! говорила Коринь, вздыхая.

Христина также вздыхала, хоть имѣла только весьма неполное понятіе о несчастной судьбѣ принца.

— Онъ и холоду и голоду натерпѣлся; а намъ съ тобою было тепло, и мы всегда были сыты, сѣтовала бѣдная мать, какъ-бы

укоряя себя за то, что не раздѣляла съ сыномъ его горькихъ лишеній.

Христина, казалось, пришла также въ сокрушеніе, что ѣла досыта и не страдала отъ стужи; но въ то же время она прислушивалась къ топоту тяжелой ступни въ передней.

— Должно быть, пришелъ Ханну, сказала она.

— Ханну? такъ позови его, сказала Station Коринь, всегда доступкая и ласковая къ своимъ работникамъ.

Переступивъ осторожно черезъ порогъ и остановясь у дверей, Ханну поклонился низко и проговорилъ протяжно:

— Гостья пріѣзжая; ей нужно видѣть, говоритъ она, королеву...

— Какая пріѣзжая гостья? спросила удивленная Коринь.

— Госпожа молодая, богатая, отвѣчалъ финъ.

— Кто такая? для чего ей нужно видѣть меня?

Этого вопроса не умѣлъ разрѣшить Ханну.

Молча смотрѣлъ онъ на королеву; но за него заговорила Христина.

— Мы и забыли на радостяхъ доложить госпожѣ нашей, что какая-то пріѣзжая съ маленькимъ сынкомъ ожидаетъ королеву въ гостинницѣ на перевозѣ.

— Не знаю, кому нужна я въ моемъ уединеніи? подумала Коринь: — проси пожаловать пріѣзжую.

И она вышла въ пріемную, безсознательно наблюдая обрядность своего сана, сѣла на первое мѣсто въ углубленіи комнаты, направо отъ входа.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжая вошла. Это была Кася, въ роскошномъ нарядѣ; она вела за руку разодѣтаго маленькимъ принцемъ Казмира.

Окинувъ взглядомъ убогое помѣщеніе и посмотрѣвъ на хозяйку въ простой, сельской одеждѣ, она не могла скрыть своего изумленія.

— Я желаю представиться королевѣ, вдовствующей супругѣ покойнаго короля Швеціи, проговорила она дурнымъ шведскимъ языкомъ.

— Кого имѣю удовольствіе видѣть? сказала Коринь, улыбаясь кротко.

— Я пришла искать покровительства королевы для этого ребенка, продолжала Кася, приближаясь и ставя передъ собой Казмира, который робко слѣдовалъ за ней.

— Моего покровительства? спросила Коринь, прося незнакомку садиться: — не знаю, кто можетъ искать покровительства у бѣдной изгнанницы.

— Этотъ ребенокъ имѣетъ полное право на покровительство ваше, сказала Кася, съ утвердительнымъ движеніемъ головы.

— О, если я могу, то окажу его безъ сомнѣнія: «никто не бываетъ такъ бѣденъ, чтобы не помочь другому, ни такъ богатъ, чтобы не нуждаться въ помощи», отвѣчала Коринь изреченіемъ финновъ.

— Я много слышала про высокую добродѣтель королевы, начала Кася.

— Не слѣдуетъ полагаться на одни слухи; никто не бываетъ такъ хорошъ, какъ его хвалятъ, ни такъ дуренъ, какъ его порицаютъ, благодушно замѣтила Коринь другимъ обычнымъ изреченіемъ мудрости финновъ.

— Я знаю это не по слухамъ, а изъ устъ того, кому слишкомъ извѣстно сердце королевы.

— Кто могъ говорить вамъ обо мнѣ, забытой цѣлымъ свѣтомъ?

— Сынъ вашъ, отецъ этого ребенка...

Эти неожиданныя слова поразили Коринь страхомъ. Она вздрогнула; ей показалось, что передъ ней безумная.

— Христина! Отто! кликнула она въ невольномъ испугѣ.

— Пусть королева не зоветъ слугъ своихъ, они не должны быть свидѣтелями того, что̀ она отъ меня услышитъ, сказала Кася.

Коринь поблѣднѣла; привѣтливое выраженіе наружности ея помрачилось страхомъ и недоумѣніемъ.

Маленькій Казміръ воспользовался этой минутой смятенія, и выскользнулъ изъ рукъ матери.

— Выслушайте меня, королева, сказала, не смущаясь, Кася:— сынъ вашъ любилъ меня... любилъ страстно... Мы узнали другъ друга еще въ дѣтствѣ, это было въ Вильнѣ... Самый необыкновенный случай скрѣпилъ наше взаимное чувство...

— Боже, Боже, кого это послалъ ты мнѣ на новое испытаніе! мысленно произнесла Коринь.

— Извѣстно ли королевѣ, что въ Вильнѣ, когда была еще ребенкомъ, я спасла жизнь малолѣтному королевичу? произнесла Кася драматическимъ голосомъ.—Тогда, путешествуя тайно съ воспитателемъ своимъ, онъ ѣхалъ черезъ нашъ городъ и остановился въ нашемъ домѣ. Знаете ли вы, королева, что посланные отъ короля взять преслѣдуемаго принца схватили, вмѣсто него, меня, переодѣтую въ его платье...

Коринь смутилась, ея сомнѣніе поколебалось. Случившееся съ малолѣтнымъ Густавомъ въ Вильнѣ было ей извѣстно; знала она также отъ дочери своей о привязанности Густава къ Іоганнѣ — двѣ личности спутались въ ея понятіи.

— Боже мой, если вы та особа, которую такъ нѣжно любилъ сынъ мой, сказала она:—почему же сами вы отказались отъ него и согласились выйти замужъ за другого?

Кася вспыхнула при этомъ напоминаніи.

— Я... отказывалась отъ него? вскричала она:—не я, а онъ отказался отъ своей крови, для той извѣстной вамъ особы, которая, вывѣдавъ отъ меня о высокомъ рожденіи принца, опутала его своими сѣтями!

— Что̀ это все значитъ! я ничего не понимаю, съ ужасомъ проговорила Коринь: — я недавно видѣла моего сына, онъ не скрылъ бы отъ меня того, что̀ вы на него взводите!

— Королева недавно видѣла своего сына?

— Съ дозволенія короля Сигизмунда, я видѣлась съ нимъ въ Ригѣ.

— Въ Ригѣ! королева видѣлась съ своимъ сыномъ, и онъ не сознался, не сказалъ ни слова... Кася остановилась, и казалось, отъ страшнаго стѣсненія духа, не могла продолжать.

— Боже мой, Боже! вразуми меня! произнесла Коринь, обращаясь къ Богу.

— Скажите мнѣ ради неба, кто вы такая? спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Я не знаю, кто я теперь для принца... Но знаю, что этотъ ребенокъ — внукъ вашъ, королева!... Мое положеніе то же самое, въ которомъ нѣкогда находились и вы... И мнѣ обѣщалъ Густавъ утвердить торжественнымъ бракомъ союзъ нашъ, когда онъ сядетъ на престолъ отца своего.

Кровь бросилась въ лицо Корини.

— Сынъ мой не мечтаетъ о престолѣ отца своего, воскликнула она дрожащимъ голосомъ: — и не могъ онъ давать такихъ обѣщаній!... У сына моего нѣтъ въ цѣломъ мірѣ убѣжища, гдѣ бы спокойно онъ могъ преклонить голову... И онъ вынужденъ принять пріютъ, который, по милосердію своему, предлагаетъ ему московскій царь.

— Въ Московщизну! вскрикнула Кася, припоминая слова Іоганны, высказавшія намѣреніе ея бѣжать туда съ своимъ счастіемъ:—знаю! знаю, кто зоветъ его туда, знаю я ихъ замыслы!

— У моего сына нѣтъ никакихъ замысловъ! сказала снова затронутая Коринь.

— Не у него, такъ у нея есть замыслы! за него промышляетъ она... Она овладѣла имъ, околдовала его, для нея онъ бросилъ насъ!...

И Кася, бѣснуясь своимъ ревнивымъ сомнѣніемъ, залилась неистовыми слезами.

Коринь не знала, смотрѣть ли на нее съ состраданіемъ, какъ на жертву, или съ негодованіемъ, какъ на клеветницу, коварно обличающую сына ея въ недостойномъ поступкѣ.

— Онъ бросилъ меня и забылъ! Что̀ ему во мнѣ, бѣдной матери несчастнаго ребенка! У панны несметное богатство, у панны сильное родство, которыя помогутъ ему добыть свое королевство!

«Боже! что̀ она говоритъ!» подумала съ ужасомъ Коринь.

— Я должна погибнуть, я не могу безъ него жить! вопила Кася: — но не смѣетъ же сынъ вашъ отказаться отъ своей крови, отвергать свое дѣтище... Возьмите его, королева, онъ внукъ вашъ, дѣлайте съ нимъ что̀ хотите... Казиміръ! Казиміръ! гдѣ онъ?

— Мама! отозвался мальчикъ изъ спальни королевы: — мама, поди сюда, смотри, здѣсь отецъ мой Густавъ.

— Густавъ здѣсь? проговорила съ испугомъ и поблѣднѣвъ Кася.

— Онъ узналъ его на портретѣ!... неужели же, по истинѣ, это дитя Густава?

Коринь, взволнованная, истерзанная столкновеніемъ столькихъ потрясеній, заплакала, закрывъ руками лицо.

Когда она открыла глаза, Каси не было уже въ комнатѣ, а мальчикъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, глядѣлъ на нее робко.

— Нѣтъ, это злой обманъ, клевета, насмѣшка враговъ моихъ надо мною! проговорила Коринь въ отчаяніи.

Сердце ея, какъ и сердце Густава, не признавало ничего роднаго въ этомъ ребенкѣ.

III.

Послы московскаго государя ждали королевича, по данному наказу, въ Иванъ-городѣ, куда и отправился Густавъ изъ Риги, послѣ свиданія съ матерью, въ сопровожденіи разнохарактерной свиты, составленной для него, на скорую руку, Эрикомъ Спарре.

Къ двумъ надежнымъ и полнымъ достоинства лицамъ, Акселю Тролле и Христофору Ка̀тору, названнымъ гофмейстерами принца, присоединились два авантюриста, пожелавшіе искать счастія у *московскихъ варваровъ*: Якобъ Скультъ и Фридрихъ Фидлеръ, пробиравшійся въ Москву, подъ покровительство брата своего, Каспара Фидлера — царскаго *дохтура*, уже одареннаго помѣстьями и сытными паями.

Бояринъ Левонтій Ладыжинскій, и знакомый уже королевичу, дьякъ Аѳанасій Власьевъ, встрѣтили Густава съ подобающею обрядностію и вручили ему отъ государя царя Бориса Ѳедоровича опасную грамоту, которую Христофоръ Ка̀торъ, въ званіи

*

старшаго сановника, принялъ и переслалъ на храненіе къ своему родственнику и другу, рижскому гражданину Генриху Флогелю.

— Теперь, свѣтлѣйшій королевичъ, мы можемъ ѣхать безпечно, сказалъ онъ Густаву:—не поздоровится намъ въ Московіи, вернемся въ Ригу, рижане расположены всѣмъ сердцемъ къ вашей свѣтлости, добавилъ онъ съ чувствомъ искренней преданности.

Съ этой поры начались королевичу великія чествованія.

— Какую встрѣчникамъ великаго государя честь оказывать? спрашивалъ черезъ московскаго переводчика, Ѳедьку Толмача, ассистентъ принца, несвѣдущій въ русскихъ обычаяхъ Аксель Тролле.

— Въ томъ воля королевича, отвѣчалъ Власьевъ:—онъ, великаго государя сынъ, какъ кого захочетъ пожаловать по своему государскому чину.

Но Густавъ, по навыкамъ и образованію— не любитель чинностей, на каждомъ шагу дѣлалъ уставныя порухи, и князь Самсонъ Долгорукій писалъ царю:

«Когда мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ жалуетъ насъ не по нашей мѣрѣ: противу насъ встаетъ и витается съ нами шляпу снявъ; мы, холопы ваши государскіе, того недостойны».

Новгородъ великій, въ почесть королевичу, медъ ситилъ и кормъ сбиралъ, и выставлялъ на встрѣчу дружину, отъ берега до самаго дома, для него изготовленнаго.

Здѣсь былъ отдыхъ и дары царскіе. Королевичъ ѣлъ и пилъ братину царскую, у воеводы посадника.

Сопровождавшіе Густава иноземцы дивились роскошеству яствъ и питій, дивились богатству даровъ, присланныхъ королевичу Борисомъ, кафтанамъ нарядныимъ, шапкамъ собольимъ, низаныимъ жемчугомъ, и драгоцѣнному оружію; любопытствовали у новгородцевъ о торговлѣ прежней и настоящей древняго, ганзеатическаго союзника, надѣлявшаго Европу драгоцѣнными мѣхами, жемчугомъ, воскомъ, медомъ и кожами.

Изъ Новгорода Густавъ со всею своею свитой отправился въ Тверь на судахъ.

Насада королевича, великолѣпно изукрашенная, съ чердакомъ, поволоченымъ червчатымъ бархатомъ, съ золотыми коймами, устланнымъ шолковыми коврами, отчалила отъ берега. У пристани стояли строями войска и развѣвались стяги.

Благопріятное плаваніе по Ильменю, Мстѣ, Тверцѣ и Волгѣ, казалось потѣшной прогулкой. Лѣса, поля, села великокняжескія,

патріаршія и боярскія, съ храмами своеобразнаго зодчества, проносились панорамой, а дьякъ Аѳанасій Ивановичъ, какъ живая книга-путеводитель, читалъ немолчно сказанія о Руси.

Въ Твери ожидалъ уже Густава другой пріемъ. Его встрѣчали: окольничій князь Василій Дмитріевичъ Хилковъ, князь Ѳеодоръ княжъ Петровъ сынъ Борятинскій, да дьякъ Петръ Неёловъ, съ десятью дворянами.

Хилковъ спрашивалъ свѣтлѣйшаго королевича о здоровьи, отъ имени государя, а князь Борятинскій отъ царевича Ѳеодора. Королевичъ держалъ отвѣтную рѣчь самъ порусски, и обворожилъ своихъ встрѣчниковъ.

Эта вторая встрѣча была великолѣпнѣе и дары цѣннѣе; царское жалованье составляли: золотыя азіатскія ткани, драгоцѣннѣйшіе мѣха, пояса, кушаки и цѣпи саженыя алмазами и цвѣтнымъ каменьемъ.

И князь Василій отписывалъ царю, что королевичъ царское жалованье принялъ съ покорностію и радостнымъ сердцемъ, и принималъ пословъ въ его царскаго жалованья русскомъ платьи платно бархатъ золотный и на немъ по семи жемчужныхъ запонъ и шапка царскаго жалованья третьяго наряда: бархатъ синь, низана жемчугомъ, околъ соболій.

На другой день пріѣхалъ чашникъ, князь Борисъ Лыковъ, и рѣчь говорилъ и о здоровьи спрашивалъ, и сказалъ государево жалованье: платья великолѣпнѣе прежнихъ и новыя украшенія и оружіе.

Изъ Твери поѣхали малыми переѣздами, чтобы отъ трудностей скораго путешествія не истомиться и предстать передъ лицо великаго государя бодрыми.

На послѣднемъ ночлегѣ, въ селѣ Святыхъ Отецъ, были раскинуты для королевича два великолѣпныхъ шатра, гдѣ ему и сопровождавшимъ его слѣдовало изготовиться для торжественнаго въѣзда въ столицу.

Окинувъ взоромъ окружавшую его многочисленную, блестящую свиту, на этомъ послѣднемъ станѣ подъ Москвою, гдѣ ждала его невѣдомая судьба, Густавъ какъ будто вдругъ опомнился, и сердце его сжалось.

— Новая тяжкая зависимость! и эта невѣдомая невѣста! подумалъ онъ:—еслибъ была возможность, бѣжалъ бы назадъ!

Но ясельничій Михайло Ивановичъ Татищевъ, прибылъ уже съ царскимъ возкомъ въ шесть сѣрыхъ лошадей: шлеи червчатыя, у возку желѣзо посеребряно, покрытъ лазоревымъ сафьяномъ, а нутро обито камкою пестрою; подушки лазоревы, а по сторонамъ писанъ золотомъ и разными красками.

На этотъ разъ дары государевы состояли въ трехъ верховыхъ лошадяхъ, осѣдланныхъ богатыми сѣдлами, въ великолѣпной сбруѣ, подъ парчевыми чалдарами, съ шолковыми и канительными мохрами. Для провожатыхъ свѣтлѣйшаго королевича было прислано двадцать лошадей.

Стѣснивъ вздохъ въ груди своей, Густавъ сѣлъ въ возокъ и поѣхалъ молча. Чрезъ часъ времени, Аѳанасій Ивановичъ возговорилъ къ королевичу съ сіяющимъ лицомъ:

— Его государя нашего царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича любовь и попеканіе къ твоей свѣтлѣйшей королевской милости пронесли насъ черезъ долгій путь благополучно, и вотъ Богъ далъ, передъ очами зри высокославный, стольный градъ — молвилъ онъ, указывая на разстилающійся видъ столицы.

Необъятенъ показался Густаву этотъ видъ старой Москвы, сливающійся съ ея окрестными монастырями, слободами, посадами и подгородными селами. На высотѣ Кремля Иванъ-Великій съ новымъ золотымъ куполомъ горѣлъ, какъ мѣстная свѣча, посреди сорока-сороковъ церквей со стрѣльчатыми колокольнями и несчетнаго числа домовъ, раскинувшихся на просторѣ и окруженныхъ садами.

Все это показалось Густаву, видавшему европейскіе города, чѣмъ-то невиданнымъ, поразительнымъ.

Передъ городомъ, проѣхавъ Гонную слободу, на первомъ вражкѣ вышла къ нему встрѣча полкового воеводы. Стрѣльцы съ блестящими винтовками, въ зеленыхъ кафтанахъ съ золотыми петлицами и въ высокихъ шапкахъ; всадники на малорослыхъ, уносливыхъ коняхъ нагайской породы, на высокихъ сѣдлахъ, вооруженные луками и стрѣлами, копьями и саблями, стояли живой изгородью по обѣ стороны дороги. Великіе стяги съ изображеніями архистратига Михаила, равноапостольныхъ князей Владиміра и Константина, развѣвались и хлопали длинными своими откосами.

При звукѣ трубъ, сопелей, бубенъ и тулумбасовъ въѣхалъ Густавъ въ Москву, гдѣ стеченіе народа запрудило всѣ улицы.

Аѳанасій Ивановичъ, подъ впечатлѣніемъ отраднаго чувства возвращенія, послѣ долгаго пути, въ родной городъ, въ домъ свой и въ семью, оживился и, глядя на Густава, который не скрывалъ своего удивленія при видѣ оказываемыхъ ему почестей, сказалъ:

— Такой ли еще чести и ласки примешь отъ насъ, свѣтлѣйшій королевичъ, какъ возлюбимъ тебя всею землею!

Проѣхавъ ворота Скородома — земляного вала, обшитаго деревомъ съ брусяными башнями, поѣздъ двигался медленно по улицамъ, также сплошь окаймленнымъ войсками.

На необозримое пространство, въ промежуткахъ зелени, рисовались ряды теремчатыхъ домиковъ съ своими росписными вышками, обитаемые наиболѣе людьми посадскими, ремесленными и торговыми. Главы церквей возвышались надъ зданіями, какъ маковки яркихъ цвѣтовъ, сіяя золочеными крестами.

Передъ Бѣлымъ городомъ встрѣчали Густава князь Василій Лобановъ-Ростовскій и Василій Морозовъ съ дворянами и дѣтьми боярскими, всѣ въ посольскомъ платьи.

Выслушавъ привѣтную рѣчь, королевичъ сѣлъ на подведеннаго ему коня и показался любопытствующимъ толпамъ во всей красѣ, одѣтый въ русское платье. На немъ былъ кафтанъ золотный съ лаловыми пуговицами, за персидскимъ кушакомъ кинжалъ и ножъ въ оправѣ саженой камнями, на груди цѣпь великокняжеская, на головѣ шапка горлатная: верхъ темный бархатный, шитый золотомъ, и кисть золотая съ алмазами.

Конь подъ нимъ шелъ чубарый — что рысь, сѣдло бархатное, низаное жемчугомъ, чалдаръ серебристый съ золотыми бляхами и снасти всѣ у сѣдла серебряныя.

Шествіе открывали со своими боярами и трубачами дѣти боярскіе, сидя въ нарядныхъ кафтанахъ на прекрасныхъ персидскихъ и арабскихъ коняхъ, гремя серебряными цѣпями и стуча подковами по деревянной мостовой, мощеной дубовыми стойками.

По сторонамъ королевича и за нимъ ѣхали бояре въ парчевыхъ кафтанахъ съ высокими козырями, въ высокихъ собольихъ шапкахъ, держа въ рукахъ шестоперы и пернаты.

За пустымъ царскимъ возкомъ слѣдовали другіе придворные чины, за ними слуги королевича въ большомъ сборѣ.

Вступивъ черезъ Тверскія ворота въ Бѣлый или Царь-городъ, обнесенный бѣлокаменными стѣнами со сквозными и глухими башнями, поѣздъ потянулся мимо богатыхъ боярскихъ и купеческихъ подворій.

Густавъ увидѣлъ обширные изъ нѣсколькихъ отдѣловъ дома деревянные и каменные, соединенные крышами и переходами, въ два и въ три жилья съ подклѣтями, среднимъ жильемъ и чердаками или теремами, крытыми по шатерному, по бочечному, по епанечному, по колпачному, отороченные прорѣзными гребнями, рубцами или перилами изъ балясинъ, съ красными крыльцами на кувшинныхъ столбахъ, подъ остроконечной кровлей, испещренные по очельямъ травами, цвѣтами, птицами и узорами.

Соотвѣтственно богатому и знатному населенію, возносились и храмы златоглавые; площади и рынки представляли также болѣе взыскательныхъ потребителей, и въ самой гущѣ собравшагося народа пестрѣло болѣе цвѣтнаго платья.

Въ этихъ толпахъ слышались толки и спросы, судъ и рядъ о поѣздѣ свейскаго королевича.

— Свейскій королевичъ, стало-быть нѣмчинъ, али что?

— Куда жь нѣмчинъ, коли королевичъ... И одежда господская, православная.

— Наряди пень въ вешній день; то и слава, что въ кафтанѣ Сава.

— Вишь, соколъ! одна кудря стоитъ рубля!

Сопровождавшіе Густава нѣмцы слѣдовали также въ процесіи верхами въ своихъ кургузыхъ кафтанахъ, въ сапогахъ съ раструбами, въ шляпахъ съ широкими полями.

— И дохтура съ нимъ! нѣмцы!

— Шапки-то словно на грибахъ.

— Урожай пришелъ на нихъ!

— Мимо бы нашего стола про нихъ дорога въ поле шла.

— Изъ-за моря мудрецы!

— Были про насъ мудрецы — святые отцы, а теперь мудрецы— плоть лечутъ, а душу къ чорту мечутъ!

— Языкъ-отъ у тебя, видно, кованный — ножа не боится?

— Петя, Петя! Петръ Кирилычъ! кричалъ одинъ изъ боярскихъ жильцовъ, догоняя товарища, который шелъ на проломъ прямо къ поѣзду.

— Куда его несетъ! повторяли ему вслѣдъ близь стоящіе.

Но Петръ Кирилычъ никого не слушалъ. Лицо его разгорѣлось съ какой-то радости; всѣ сторонились отъ него, какъ отъ безумнаго.

— Здравствуй, ваша милость! заголосилъ онъ, приподнимая шапку.

— Петръ Кирилычъ, ты взбѣсился, родимый! унималъ его товарищъ.

— Да онъ же, онъ самый и есть! вскрикивалъ Петръ Кирилычъ, продолжая ломиться впередъ.

— Быть козѣ на бузѣ !бранились, озираясь на него, въ толпѣ.

Между тѣмъ Густавъ въѣзжалъ уже Фроловскими воротами, въ красныя стѣны Китай-города съ его Лобнымъ мѣстомъ и Красною площадью, съ его торговыми рядами и рынкомъ вокругъ новой церкви Василія Блаженнаго.

Здѣсь отведенъ былъ королевичу домъ богатаго купца Тараканова—хоть дворъ былъ не на цѣлой верстѣ, вокругъ двора не желѣзный тынъ, на тычинкѣ по маковкѣ, а на маковкѣ по жемчужинкѣ, но былъ знатный домъ; хоть у воротъ вальящатыхъ не было дверей хрустальныхъ и подворотни— рыбій зубъ, но ворота были все-таки краса двора.

При самомъ въѣздѣ въ ворота, Густавъ невольно оглянулся на суматоху.

Какой-то удалой молодецъ, рванувшись сквозь цѣпь стрѣльцовъ, схватился за стремя королевича.

— Ваша милость! крикнулъ онъ:—спознаете ли меня, Петра Зубцовскаго?

— Какъ не спознать! сказалъ обрадованный ему Густавъ, пріостановивъ коня.—Давно ли съ Литвы?

— Утекъ отъ радостей и утѣхъ, отъ житья привольнаго: на Литвѣ берутъ съ души по лошади, съ шапки по человѣку!

Налетѣвшая стража пріостановилась, видя, что королевичъ ласково говоритъ съ встрѣчнымъ молодцомъ; а изумленные бояре перешепнулись.

— Отколѣ взялся этотъ пострѣлъ? Кто таковъ?

— Сдается мнѣ, видалъ его на сѣняхъ у боярина Ѳедора Никитича.

— У Ѳедора Никитича? чтобъ намъ за него въ позорѣ не быть!

— Подойди, Аѳанасій Ивановичъ, тебѣ сподручнѣе, и молви свѣтлѣйшему королевичу, что безъ государевой воли то непригȍдно, что-де у насъ того въ наказѣ нѣтъ.

Аѳанасій Ивановичъ выступилъ на своемъ борзомъ конѣ, оттеръ оглашеннаго и изловчился шепнуть ему на ухо:

— А ты, дѣтинушка, какъ звать тебя величать не вѣдаю, съ своимъ рыломъ не суйся въ калачный рядъ.

Потомъ снявъ шапку передъ королевичемъ, улыбнулся и сказалъ:

— Малый нȁвеселѣ, потревожилъ твою свѣтлѣйшую милость.

Понявъ неловкость останавливать торжественное шествіе, королевичъ, поклонясь старому своему знакомцу, двинулся впередъ.

Домъ купца Тараканова былъ на диво цѣлой улицѣ: росписныя какъ кружево прорѣзи, которыми окаймлялись навѣсы и окна главнаго зданія и принадлежащихъ къ нему строеній, причудливое разнообразіе кровель, рѣшетчатые гребни и серьги по ихъ окрапнамъ представлялись въ цѣломъ чѣмъ-то нряднымъ, праздничнымъ. Раздолье по широкому двору, за домомъ зеленый садъ яблонь, вишенья и орѣшанья.

У крыльца встрѣтилъ Густава стольникъ князь Юрій, княжъ Микиткинъ сынъ Трубецкой, да князь Василій Тростенскій, да дьяки Сопунъ Абрамовъ и Василій Нелюбовъ.

Изговоривъ рѣчь, и пославъ каждаго на свой приспѣхъ, встрѣчники повели королевича мимо подклѣтей, назначенныхъ для служителей, по лѣстницѣ въ среднее жилье, гдѣ въ свѣтлицѣ готовъ уже былъ браный столъ..

Въ опочивальнѣ королевича было припасено въ скрынахъ бѣлье

шитое шелками, серебромъ и золотомъ; постеля — атласъ алъ съ разными цвѣты, двѣ перины и два зголовья — атласъ желтъ, одѣяло бархатъ червчатъ, да одѣяло золотное исподъ соболій, опушенъ пухомъ.

IV.

Передъ домомъ, занятымъ королевичемъ, сталъ на караулѣ стрѣлецкій голова съ своей сотней; множество жильцовъ изъ дворянскихъ дѣтей и прислуги, разставлены были чиномъ по сѣнямъ, по лѣстницамъ и по всѣмъ покоямъ.

Щедроты царскія сыпались на Густава деньгами и различными дарами.

На трапезѣ его наряды были въ полтораста блюдъ, на золотѣ и серебрѣ.

Угощая королевича и не забывая пословицу: «по хозяину и собакѣ честь», угощали и нѣмцевъ его. На нихъ ежедневно отпускалось на каждаго изъ первой статьи людей, съ сытнаго дворца по семи чарокъ вина двойнаго, по двѣ кружки ренскаго, по двѣ кружки романеи, по двѣ кружки меду малиноваго и вишневаго, по полуведру меду паточнаго, по полуведру меду цѣженаго, по ведру пива добраго, и не припить было и не пріѣсть всего, что̀ доставлялось въ такой же соразмѣрности изъ дворцовъ хлѣбеннаго и кормового.

— Напишу похвальное слово царю Борису Θедоровичу! восклицалъ въ упоеніи и въ надеждѣ будущихъ вящшихъ благъ Фридрихъ Фидлеръ: — прославлю его за честь, воздаваемую намъ, и за угощенье!

— Docta palata! присовокуплялъ во хмѣлю Якобъ Скультъ: — кого же и честить этимъ варварамъ, ка̀къ не избранный народъ, господъ и учителей своихъ?

Акселя Тролле и Христофора Ка̀тора не заботило образованіе варваровъ-московитовъ. Со страхомъ и трепетомъ ждали они каждый день зова королевича къ царю; слухи о вліяніи, пріобрѣтаемомъ на умы въ Швеціи герцогомъ Карломъ, тревожили ихъ.

— Какія намѣренія царя въ отношеніи принца, въ случаѣ одержанія Карломъ побѣды? Какой выходъ готовитъ онъ судьбѣ будущаго своего зятя? спрашивали они другъ друга, и дивились спокойствію, съ которымъ Густавъ ждалъ рѣшенія своей участи.

Привычка къ занятіямъ и химическимъ изслѣдованіямъ томила Густава; но зная, какъ смотрятъ въ Москвѣ на Res occultae, онъ не могъ заниматься своей алхиміей. Въ свободное время отъ обрядностей и пріема посылатыхъ отъ царя, любя уединеніе,

выходилъ онъ на устроенное вокругъ терема *гульбище*, и озиралъ чудные для него виды и зданія Москвы.

По изъявленному имъ желанію и по ходатайству Аѳанасія Ивановича, виленскій знакомецъ его, Петръ Зубцовскій, наряженъ былъ въ число боярскихъ дѣтей при домѣ королевича.

— Разскажи же мнѣ, кàкъ очутился и ты въ Москвѣ? спросилъ Густавъ Зубцовскаго, когда онъ явился къ нему.

— Вздумалъ, и пошелъ добрый молодецъ, отвѣчалъ Петръ:— и шелъ по сýху, аки по морю, и пришелъ въ Москву; оглянулся туда-сюда, куда голову дѣть? Ни роду, ни племени. Грозенъ батюшка царь Иванъ Васильевичъ повалилъ, какъ лѣсъ, боярскіе роды; а новички, да молодятнички, по рубленому поросьемъ пошли.

— Какъ же тебѣ Богъ допомогъ?

— А допомогъ Господь, научили добрые люди ударить челомъ боярину-милостивцу, Ѳедору Никитичу: «суди, молъ, ряди бояринъ, въ божію правду, не покинь сироту!» и послалъ онъ меня, дворянскаго сына, къ своимъ мышамъ въ подполье, живи-дескать, ѣшь мой хлѣбъ. А вотъ теперь, по твоей ясной милости, я въ честь попалъ, не лижу подонки.

— Ну, а чтò въ Вильнѣ дѣлается? спросилъ Густавъ, вздохнувъ.

— Въ Вильнѣ? та же катавасія, не на «отверзу уста мои», а на «сокрушу тебя окаянный!»... А если твоя ясная милость помнитъ —да какъ не помнить стараго пана кастеляна виленскаго— такъ у него двѣ пропажи приключились. Перво-нà перво, дочь-красавица, душа голубиная, сгинула да пропала; а потомъ и сама молодица-кастелянка канула въ воду, и съ наслѣдникомъ панскимъ...

— Какая кастелянка? спросилъ взволнованный уже Густавъ, съ изумленіемъ.

— А если твоя ясная милость не забылъ — да какъ забыть птицу лапчатую, панну Катарину Картувну...

— Онъ женился на ней?

— Какъ же, чай, вкругъ куста ходилъ, лѣшій за руки водилъ!... Поговариваютъ... и сынкомъ отдарила пана, за панскія ласки... да тоже поговариваютъ... Твоя милость изволилъ знать того малеваннаго Войцеха, за котораго панъ дочь прочилъ, да не упрочилъ?... Умиралъ, бѣдный, въ палацѣ у кастеляна, съ горя по невѣстѣ; а пани кастелянка, сахарными устами слезы ему утирала...

— Довольно! крикнулъ Густàвъ: — довольно объ этой ехиднѣ! говори что-нибудь другое...

Но пріѣздъ Аѳанасія Ивановича отъ царя прервалъ разсказы

Зубцовскаго. Наступило время представленія королевича государю, которое откладывалось по случаю окончательныхъ переговоровъ съ посломъ Жигимонтовымъ, канцлеромъ литовскимъ Львомъ Сапѣгою. Привезенныя имъ условія вѣчнаго мира были таковы, что думные бояре не знали, дивиться ли дерзости посла и пославшаго его, или возмущаться ядовитымъ смысломъ ихъ.

Обо всемъ этомъ шли толки у Постѣльнаго крыльца, на знаменитой Боярской площадкѣ, образуемой большими пріемными палатами и жилыми, теремными покоями государя.

Здѣсь было сборное мѣсто младшаго дворянства и приказныхъ людей; здѣсь съ утра до вечера толпились стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и городовые, знакомцы боярскіе, дьячки и подъячіе разныхъ приказовъ—иные по службѣ, дожидаясь начальныхъ людей, иные въ ожиданіи послушать новостей, слышанныхъ большими боярами, во время *сидѣнія* у государя на верху.

— А по что̀ таково зачастили поляки въ боярскую думу? спросилъ звонкимъ голосомъ, встряхивая кудри, одинъ изъ знакомцевъ, сопровождавшихъ своихъ бояръ и ожидавшихъ ихъ на крыльцѣ.

— Много знать — мало спать!

— Кто веселъ, а кто носъ повѣсилъ, сказалъ вполголоса подъячій Чаловъ, сродственнику своему дьяку Бохину: — о чемъ закручинился?

— Внука шлютъ къ нѣмцамъ на глумленіе!

— Не тужи, Онуфричъ, не твоему внуку чета, осьмнадцать дѣтей боярскихъ шлютъ по иноземнымъ городамъ.

— Не тужили дѣды, какъ посылали сыновей въ Царьградъ къ патріарху, обучаться староотческому правовѣрію; а нынѣ кровь нашу отдаютъ латынянамъ на поруганіе!

— Упаси Господи, не выдай супостатамъ!

— Изъ пятерыхъ робятъ, что̀ услали къ любскимъ нѣмцамъ, слышь, двое бѣжали.

— Молись, братъ, молись, дастъ Богъ, разбѣгутся и остальные.

— Плохо молиться, какъ на умѣ двоится.

— Глядь, бояринъ Игнатій Петровичъ идетъ съ лѣстницы, крикнулъ одинъ изъ дворянъ, указывая на сановитаго старца, который медленно спускался съ крыльца.

— Словно каленый, знать горячо посчитался съ ляхами.

На встрѣчу Игнатію Петровичу, думному дворянину Татищеву, подымался вверхъ бояринъ князь Василій Лобановъ-Ростовскій.

— Что̀ панъ Сапѣга? спросилъ онъ пріостановясь.

— Оборвалъ молокососа! молвилъ въ сердцахъ Татищевъ.

— Ка̀къ такъ?

— Да такъ. Лжешь, говорю, молодъ еще нашу сѣдину морочить! нече орать: скажу и докажу, что лжешь!

Внизу перенялъ Татищева молодой князь Юрій Микитичъ Трубецкой.

— Что, какъ нынѣ думные бояре? спросилъ и онъ, съ поклономъ почтенному старцу.

— Нынѣ думные-то бояре, вмѣсто вора, норовятъ на тебя жь съ рогатиной! проговорилъ не останавливаясь Игнатій Петровичъ — не по лѣтамъ пылкій, идя, по обычаю, съ открытою головою площадкой и дворомъ, до рѣшетчатыхъ воротъ, за которыми дворяне его держали коня наготовѣ.

— А мнѣ что жь молчать! заголосилъ на площадкѣ князь Юрій, унимавшему его брату Ѳедору: — пусть знаетъ народъ православный воровскіе извѣты супостатовъ. Слыхали вы, бояре, продолжалъ онъ: — какъ лиса наговаривалась на дружбу къ мужику?

— Слыхали, какъ не слыхать!

— Такова и воровская Жигимонтова любовь и пріязнь! — «Обоимъ-де намъ, великимъ государямъ, жить въ вѣчномъ мирѣ, имѣть однихъ враговъ и однихъ друзей, и всяку добычу пополамъ: мое-де — твое, а твое — мое!...» Лиса проклятая!

— Твое-де — мое, а до моего, молъ, тебѣ дѣла нѣтъ!

— Вольно-де вамъ, русскимъ, у насъ; а намъ, полякамъ и литовцамъ, у васъ выслуживать вотчины и помѣстья, покупать земли, и брать ихъ за женами.

— Пусти козла въ огородъ, все приберетъ!

— Свадебы-то пировать съ ними? вѣдомо намъ супружество блаженной памяти царевны Елены Ивановны! прибавилъ дьякъ Семейко Сумароковъ.

— Вольно-де намъ, полякамъ и литовцамъ, учить дѣтей у васъ въ Москвѣ, а вамъ своихъ въ Польшѣ и Литвѣ, продолжалъ князь Юрій: — вольно вамъ строить у насъ русскія церкви, а намъ у васъ латынскія... Что? ладно?

— Вишь оно куда забираетъ! крикнуло нѣсколько голосовъ: — вишь куда стрѣлой цѣлитъ!

— Знаемъ мы, какова будетъ воля намъ, русскимъ, ставить свои церкви на польской землѣ, когда въ православномъ Кіевѣ церковь святой Софіи опустошена, Выдубицкій монастырь ограбленъ, отданъ уніатамъ!

— Знаемъ мы, какъ по всей Бѣлой и Червонной Руси православные храмы воровски обращаютъ въ костелы, да въ жидовскія корчмы!

— Вѣдомо намъ и то, что въ Хелмѣ, во Львовѣ и въ иныхъ

городахъ, православныя церкви запечатаны, утвари и имущество расхищены, а по монастырямъ разгромъ, хлѣва и стойлы скоту!

— Не мимо ушей шло и то, какъ гонятъ и изводятъ православное духовенство: дѣти безъ крещенія, народъ безъ благословенія браковъ живетъ, безъ исповѣди и причащенія умираетъ!

Общій ропотный говоръ заглушалъ голосъ князя Юрья, который, какъ по писаному, перечелъ всѣ каверзы предлагаемыхъ польскимъ королемъ условій *вѣчнаго мира*.

— А вотъ и статья; на, поминай какъ звали: скуй, вишь, кузнецъ два вѣнца: одинъ посломъ московскимъ полагать на польскаго короля, а другой — посломъ польскимъ на московскаго государя, а не будетъ у кого изъ нихъ сына, то обоимъ государствамъ идти подъ одну державу. Вотъ оно что!... Кума слыхала, какъ чортова птица пѣсни пѣвала?

— Вотъ, она, птица-то, Сиринъ, гласъ вельми силенъ!

Едва Левъ Сапѣга съ сопутниками—варшавскимъ кастеляномъ Станиславомъ Варшицкимъ и писаремъ Великаго Княжества Литовскаго, Ильей Пельгржимовскимъ, вышли изъ боярской думы и показались на площадкѣ, недобровѣщій гулъ раздался въ толпѣ, и провожалъ ихъ до подворья.

Съ цѣлью, или безъ цѣли, ихъ велѣно было везти обратно мимо дома, занимаемаго свейскимъ королевичемъ, присутствіе котораго въ Москвѣ было для нихъ загадочно и тревожно.

На слѣдующее же утро было назначено представленіе Густава царю.

Князь Самсонъ Долгорукій и Левонтій Ладыженскій прибыли по королевича въ полномъ чинѣ. Вопросивъ о здоровьи и справивъ поклонъ, они проводили его къ возку съ позолотой, въ восемь коней, въ нарядной сбруѣ съ мохрами, цѣпями и бляхами.

Отъ королевичева подворья до Фроловскихъ воротъ, и въ городѣ, до Благовѣщенья, стояли опять стрѣльцы съ пищалями. Шествіе снова открывали всадники—боярскіе дѣти съ трубачами. По обѣ стороны возка и за возкомъ ѣхали бояре и дворяне, въ богатыхъ кафтанахъ — воротники и запоны низаны жемчугомъ, яхонтами и алмазами, на роскошныхъ коняхъ въ драгоцѣнной сбруѣ.

Кремлевская площадь пестрѣла народомъ: горожане московскіе и иногородные, литва и нѣмцы въ нарядномъ платьѣ, напирали на выстроенныхъ въ линію стрѣльцовъ, какъ волны на гать.

Освоенный уже съ дворцовыми пріемами и обрядами, осанистый и миловидный Густавъ вышелъ изъ возка на мостки, противъ казенной палаты средняго быка.

По крыльцу у Благовѣщенья, въ паперти, встрѣчали короле-

вича, первой встрѣчей, бояре князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, да окольничій князь Андрей Ивановичъ Хворостининъ, да дьякъ Петръ Нееловъ, да постникъ Дмитріевъ.

Смотря на дворецъ, Густавъ дивился на замысловатое русское зодчество въ величавомъ образцѣ его. Множество сплоченныхъ зданій, какъ будто по прихоти сдвинутыхъ въ кучу, какъ будто шутя вскинувшихъ свои вышки съ золочеными кровлями, гребнями и маковицами, изукрашенныя рѣзьбой, разцвѣченныя яркими красками, представлялись посреди храмовъ, расписанныхъ иконной живописью, чѣмъ-то невообразимымъ.

Противъ угла средней палаты встрѣчали Густава, второю встрѣчей, бояре, князь Андрей Петровичъ Куракинъ, да князь Өедоръ Ивановичъ Хворостининъ, да дьяки Сопунъ Абрамовъ и Василій Нелюбовъ. Они сопровождали королевича по лѣстницѣ, по обѣимъ сторонамъ которой жильцы и дворяне и другіе встрѣчники стояли неподвижно и безмолвно, какъ изваянныя украшенія.

Войдя въ приходныя сѣни, королевичъ увидѣлъ большое собраніе дворцовыхъ чиновъ и приказныхъ людей въ золотѣ, которые, при его появленіи, встали и поклонились низкимъ поклономъ.

У дверей переняла Густава третья встрѣча, бояре князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій, да Өедоръ Никитичъ Романовъ, да дьяки Елизаръ Вылузгинъ и Дорофей Бохинъ, которые повели королевича предъ царя.

Государь-царь сидѣлъ въ то время въ средней, въ подписной палатѣ, на царскомъ мѣстѣ; а подлѣ государева мѣста, по лѣвую сторону, сидѣлъ царевичъ Өедоръ Борисовичъ.

Сидѣли они въ бархатныхъ платнахъ, низанныхъ крупнымъ жемчугомъ, и въ алмазныхъ вѣнцахъ, жезлы — кость единорога, съ алмазами и яхонтами.

Густавъ не безъ волненія взглянулъ на Бориса, о которомъ много наслышался отъ пана Николая Варкоча и въ рукахъ котораго была теперь его участь.

Явилъ о королевичѣ государю окольничій Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, и на поклонъ Густава, Борисъ и Өедоръ встали, и званъ былъ королевичъ къ рукѣ. И бывъ у руки у царя и у царевича, отошедъ, говорилъ рѣчь, поздравлялъ государя на государствахъ.

Выслушавъ слово, разумно сказанное русскою рѣчью, Годуновъ оглянулъ его своими черными глазами и, привѣтливо улыбнувшись, обнялъ и указалъ на мѣсто, которое устроено было въ сторонѣ государева мѣста съ золотнымъ изголовьицемъ.

Молча смотрѣли на него царь и царевичъ. Смотрѣли и стоящіе

по правую сторону окольничій Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, а по лѣвую — дворецкій, Семенъ Никитичъ Годуновъ, и рынды царскіе, въ бѣломъ камчатномъ платьѣ на горностаяхъ, въ перевязяхъ, въ рысьихъ шапкахъ, съ топорами нарядными у плеча, и всѣ бояре и большіе дворяне изъ городовъ, сидѣвшіе на лавкахъ вдоль стѣны, въ золотныхъ охабняхъ и въ горлатныхъ шапкахъ.

Посидѣвъ мало, звалъ государь королевича ѣсть, и отпустилъ его.

И сказано было Густаву дожидаться въ отвѣтной набережной палатѣ, до которой встрѣчали его три встрѣчи, а провожали князь Самсонъ Долгорукій и Левонтій Ладыженскій.

Здѣсь бояре опасливо отвѣчали на спросы королевича, опасливо и разспрашивали его про Цесарію, и любительно вслушивались въ складную русскую рѣчь его, пока окольничій Михайло Салтыковъ не пришелъ просить къ царскому столу.

Войдя черезъ святыя сѣни въ подписную грановитую палату, Густавъ окинулъ взоромъ стѣны, украшенныя священною живописью и постатями царей и великихъ князей, до Ѳедора Іоанновича, у престола котораго былъ изображенъ бояринъ-конюшій Борисъ Годуновъ, какъ предъявляемый уже наслѣдникъ державы.

Теперь, подъ изображеніемъ своимъ, сидѣлъ уже Борисъ во плоти, на золотомъ, царскомъ креслѣ, за серебрянымъ бранымъ столомъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ сынъ его Ѳедоръ, и оба, при входѣ королевича, привстали.

Для Густава столъ былъ устроенъ отъ государева стола, по обычаю, въ нѣкоторомъ разстояніи.

Нѣсколько ярусовъ полокъ вокругъ столба, поддерживающаго своды палаты, уставлены были золотой и серебряной посудой, присылавшейся съ посольствами отъ европейскихъ и азіатскихъ державъ, въ даръ и поминокъ.

По возліяніи богородициной чаши и благословеніи трапезы, крайчіе чашники, съ кружевными полотенцами черезъ плечо, и сто-сорокъ человѣкъ приспѣшниковъ приступили служить.

Сотни блюдъ чередовались и выставлялись на столы.

Послѣ нѣсколькихъ статей подаваемыхъ яствъ, при питіи чаши государевой, пѣвчіе возгласили многолѣтіе самодержащему скиѳетры на всей восточной странѣ и на сѣверѣ, и его царскаго пресвѣтлаго величества царицѣ и ихъ благороднымъ чадамъ.

Когда же внесли на золотыхъ блюдахъ лебедей и павлиновъ, во всей ихъ красѣ и въ перьяхъ, царь Борисъ Ѳедоровичъ, испивъ изъ золотого кубка, украшеннаго яхонтами, послалъ его Густаву.

Князь Борисъ княжъ Михайловъ сынъ Лыковъ, находившійся

при столѣ королевича въ крайчаго мѣсто, поднесъ ему кубокъ и, кланяясь, говорилъ:

— Государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, пресвѣтлѣйшему королевичу свейскому Густаву Ириковичу жалуетъ тотъ кубокъ поминокъ сестры своей любительной Елисафетъ, королевы аглицкой, и она, королева, о его великаго государя здоровьи Бога молитъ, и ни къ одному изъ государскихъ друзей своихъ и братьевъ его не прировняетъ.

— Славитъ королева издавняго милостивца и потатчика аглицкимъ торговцамъ! проговорилъ князь Василій Шуйскій: — пожаловалъ, далъ купцамъ ея волю торговать на Руси безданно, безпошлинно!

— Э! молчи, ни шни! брѣютъ бороду, побережемъ княже, до поры, до времени, голову! замѣтилъ ему князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, намекая на проявляющіяся попытки Борисовы голить боярамъ бороды на иноземный ладъ.

Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ сидѣлъ съ царскими сродниками, семьею Годуновыми, да съ восьмымъ Семеномъ во главѣ. Они всматривались въ королевича, прислушиваясь къ воздаваемымъ ему хваламъ бояриномъ и думнымъ дьякомъ.

Когда пѣвчіе возгласили: «пѣти слава царю», все смолкло.

V.

Между тѣмъ, какъ у государя царя Бориса Ѳедоровича длился почестный столъ для свейскаго королевича Густава, при столѣ этомъ, въ тайникѣ, присутствовала государыня царица великая княгиня Марья Григорьевна съ пресвѣтлой дщерью своей Ксеніей Борисовной и съ своими верховыми боярынями и боярышнями.

Тайникъ золотой Большой, подписной или грановитой палаты, надъ святыми сѣнями, былъ обитъ червчатымъ амбургскимъ сукномъ, устланъ коврами, уставленъ сидѣньями, съ пуховыми подушками, какъ будто для того, чтобъ ничто не стукнуло, не брякнуло и не проявило скрытыхъ зрительницъ, за занавѣсью и *смотрительной* рѣшеткой окна, выходившаго въ палату.

Наглядѣвшись на дорогого гостя и на всѣхъ гостей царскаго величества, какъ будто погруженныхъ въ кипучее золото, наглядѣвшись такою довольно, что въ глазахъ запестрѣло, царица Марья Григорьевна словно какую тяжкую, не ея сану пригожую, работу совершила, и пошла опочинъ держать въ свои царицыны палаты.

Сложивъ съ себя вику червчатаго атласа, съ золотыми запонами, усаженными яхонтами и изумрудами, съ жемчужными под-

низями, и кортель горностайный, она осталась въ одной бѣлокамчатной роспашницѣ, обложенной кружевомъ золотнымъ, да въ волосничкѣ вязанномъ на золотѣ, за всяко просто прилягла на бесѣду, поволоченную рытымъ бархатомъ, и склонясь на изголовьицо, завела рѣчи, а больше того слушала, что̀ говорили ея ближнія боярыни, чинно сидѣвшія вокругъ. Царевна же съ наставницами, съ нянями, мамами и верховыми боярышнями пошла въ садъ.

Опочивальня царицы, гдѣ она приклонилась на отдыхъ, была убрана по вкусу своего времени. Широкая рѣзная кровать подъ пологомъ стояла шатромъ на возвышеніи; на золоченыхъ сохахъ, съ перемычками, была натянута золотная камковая *подволо̀ка*, къ которой изъ-подъ подзора спускались такіе же занавѣсы съ бахрамой. Одѣяло разшитое золотомъ, серебромъ и шелками; на атласныя изголовья, низаныя по лицевому краю каменьемъ и жемчугомъ, надѣты были кисейныя наволоки съ золотыми коймами.

На стѣнахъ висѣли *поста̀ти* царя Өеодора, царя Бориса и сестры его, царицы-инокини Ирины; но зеркалъ на стѣнахъ не было, зеркала служили только для одѣванья и стояли покрытыя тафтою, чтобы, неровенъ часъ, какъ еще взглянется, не мелькалъ передъ глазами свой собственный образъ.

Многихъ иконъ, благолѣпно устроенныхъ въ спальныхъ хоромахъ, какъ извѣстно, не ставилось, на то была крестовая палата со своимъ молельнымъ убранствомъ, и одна только икона и поклонный крестъ возвышались въ головахъ надъ кроватью.

Затѣмъ дубовыя лавки съ бархатными золотными полавочниками, *ко̀ники* точеные, раскрашенные позолотой и живописью, такіе же столы, крытые золотыми коврами и подскатертниками, скамьи—стольцы, скамьи—лежанки съ приголовышкомъ, скрыни съ выдвижными ящиками, кипарисные сундуки съ *бѣлой казною*, въ стѣнахъ печурки съ полками и рѣзными изъ слоновой кости или сканными створцами.

Отдыхала царица на бесѣдѣ, опершись на руку и опустивъ задумчиво очи на бурскій коверъ, бархаченый съ серебромъ и золотомъ. Солнце на закатѣ играло сквозь узорочное слюдовое окно золотыми искрами, разсыпанными по ковру.

Но глядя, не видала ни тѣхъ искорокъ и ни тѣхъ хитрыхъ узоровъ царица Марья Григорьевна. Она думала о томъ, кого чествовалъ государь Борисъ Өеодоровичъ, и о совѣтномъ словѣ Бориса, наединѣ съ нею сказанномъ.

Крѣпка, неколебленна и никакому сомнѣнію недоступна была вѣра царицы Маріи въ великій разумъ государя ея; премудрой волѣ его довѣряла она чадъ своихъ съ полнымъ упованіемъ; но

материнскимъ сердцемъ печалуя и мысленно чужеземнаго королевича глубоко испытывая, раздумалась царица о чужой дальней сторонѣ—его Свейской отчинѣ:

Чужая сторона,
Горемъ горожена,
Печалью усажена,
Слезами поливана,
Тоскою покрывана.

Боярыни, сидя передъ ясными очами Марьи Григорьевны на стольцахъ и лавочкахъ, хоть и не слыхали того совѣтнаго слова государева, но глазами глядя и разумомъ смекая, къ царицынымъ заботамъ склоняли свои рѣчи, и про думнаго дьяка Аѳонасія Ивановича разсказы боярамъ о королевичѣ пересказывали.

— Ино, какъ такъ говоритъ дьякъ Аѳонасій? спросила государыня, восклонясь отъ своей великой материнской думы.

— Аѳонасій Иванычъ человѣкъ гораздный и книжный; по правости душевной сказывалъ онъ моему князю, что королевичъ въ православію желателенъ и въ священномъ писаніи, на таковомъ юномъ вѣку своемъ, утвержденъ, отвѣчала любимая царицына боярыня, княгиня Марья Пожарская.

— Лѣтами младъ, а словно старецъ призадумчивъ, вслухъ помыслила царица Марья Григорьевна, отъ полноты материнскаго сердца устами глаголя, а по своему женину послушанію, тутъ же храненіе на уста свои налагая.

— Не дума и кручина молодца, инъ часъ, отуманитъ, а и старъ моторъ человѣкъ, не съ обычая, передъ свѣтлымъ лицомъ государя стоитъ опасливо — проговорила свое умное слово боярыня князь Василья Ѳедоровича Скопина, княгиня Елена Петровна.

— Оно бы, мнилося, королевскому сыну должно быть за обычай, молвила царица, слегка улыбнувшись, не то заступаясь за мыслимаго зятя, не то тщеславясь, что королевскій сынъ передъ лицомъ ея пресвѣтлаго государя стоитъ опасливо.

— Да не въ ровню же стали нашимъ православнымъ государямъ короли басурманскіе, замѣтила съ проста разума боярыня, князь Никиты Романовича Трубецкаго, княгиня Авдотья Михайловна.

И тѣмъ словомъ своимъ, она государыню царицу и бояринь словно пыломъ обдала; не потому чтобы кто-нибудь не былъ согласенъ съ правдою княгини Авдотьи Михайловны, но на грѣхъ, дружбою басурманскихъ королей Борисъ Ѳедоровичъ вельми кичился, нѣмцевъ срамно приголубливалъ, да и зятя себѣ пріурочивалъ и невѣстку замышлялъ не изъ православнаго роду и племени.

*

— А ты, свѣтъ, обратилась къ Авдотьѣ Михайловнѣ княжъ Димитрія Ивановича Шуйскаго княгиня Катерина Григорьевна, сестра государыни: — ты бы молода—не спѣсивая, удала—говорливая, лучше потѣшила нашу великую государыню, разсказала бы, какъ жена Григорьева Микулина, что въ посольствѣ былъ у Елисафетъ королевы аглицкой, про то мужнее посольство боярынямъ баяла.

Княгиня Авдотья Михайловна Трубецкая, по истинѣ неспѣсивая и на языкъ неопасливая, мало поломавшись, стала сказывать:

— Микулинъ Григорій въ ту Елисафетъ королевнину землю, во градъ Лунду, ходялъ на судахъ, и послу нашего великаго государя рѣчи и встрѣчи всякія были, и честила его королевна всякими диковинками заморскими, и ристалищами тѣшила, и любовь къ себѣ народа аглицкаго казала, и на праздникъ звала хлѣба ѣсть. А всѣ тѣ рѣчи и встрѣчи и диковинки заморскія не за диво стали Григорью, въ посольствахъ по чужимъ землямъ бывалому и у себя на дому не въ хлѣву вскормлённому. А то стало за диво боярину, что за столомъ Елисафетъ королевны, всѣ аглицкіе князья и бояре стойкомъ стояли и ни одинъ не сидѣлъ; а на отходъ стола, какъ учала Елисафетъ-королевна руки мыть и умывъ, велѣла серебряникъ съ водою подать Григорью, тогда Григорій на жалованье челомъ билъ, а рукъ не умывалъ и говорилъ: «великій государь нашъ королевну зоветъ любительною сестрою, а мнѣ, при ней рукъ умывать не пригодно». А Елисафетъ-королевна не мужняя жена, а дѣвка заматорѣлая, прибавила княгиня Авдотья Михайловна: — и въ тѣ поры она съ своимъ милымъ другомъ съ княземъ Есецкимъ, въ разладъ пошла, а ея милъ другъ неправдой зажилъ, во градѣ Лундѣ смуты учинилъ, и тѣ смуты Григорій съ товарищи, не щадя живота своего, усмиряли...

На эти рѣчи боярыня Катерина Григорьевна головой покачала; а сама же съ умыслу, знаючи княгиню Авдотью Михайловну, на грѣхъ ее навела.

Государыня-царица повела очами въ ту сторону, гдѣ сидѣли на лавочкѣ рядкомъ, словно чечоточки на насѣстѣ, ея Годуновы золовушки, завидущія пересмѣшницы, и заприметила, что онѣ издѣваются надъ простотою княгини Авдотьи

— А ты бы, мой свѣтъ, слово говоря, на словѣ оглядывалась, замѣтила она ей не то съ гнѣву въ наказанье, не то съ ласки въ поученье, и приподнявшись съ бесѣды, спросила про дитя свое, про свѣтлую царевну Ксенію Борисовну.

Въ помыслахъ ея были не суетныя рѣчи боярынь: ей пришла

на думу предстоящая, быть можетъ, скорая разлука съ дочерью. Боярыня Шуйская, въ своемъ дѣлѣ умѣлая, встала со стольца и хоть поклонилась сестрѣ-царицѣ большимъ обычаемъ, но восклонясь спокойно и осанисто, пошла словно сама царица тихой поступью, за Ксеніей.

Царевна въ ту пору была въ большомъ верховомъ комнатномъ саду, устроенномъ на каменныхъ сводахъ, челомъ къ Москвѣ-рѣкѣ.

Садъ этотъ раскидывался отъ набережной палаты подлѣ Срѣтенскаго собора и стараго денежнаго двора почти до церкви Ивана Предтечи. Онъ былъ обнесенъ каменной стѣной, съ частыми окнами, изъ которыхъ открывался видъ на Замоскворѣчье.

Верхній садъ, называясь *краснымъ*, подлинно былъ красенъ обиліемъ плодовыхъ деревъ и кустарниковъ, своими муравчатыми лужками съ цвѣточными грядками по краямъ, своими кружевными окнами, точеными и золочеными балясинами и пестрой, хитрой рѣзьбою, а пуще всего своими, по обоимъ концамъ, словно фарфоровыми, сквозными башенками-бесѣдками.

Садовникъ Иванъ Назаровъ сажалъ въ тотъ садъ яблоки большого налива, дули и груши царскія и волошскія, сливы и вишенье, грецкій орѣхъ и виноградъ, байберисъ, смородину, кусты сереборинниву краснаго и бѣлаго, сиренья, розену, зори и калуферу.

Заботами Назарова въ грядкахъ цвѣли-не увядали гвоздики и пивоніи, тулипаны и лиліи, фіалки лазоревыя, мырмысъ, орликъ, дѣвичья красота, рожи; да тутъ же была и рута, шафея, темьянъ, марьянъ, базиликъ и чаберъ.

Тамъ и сямъ, по деревьямъ и по жердочкамъ, висѣли въ клѣткахъ птицы пѣвчія, соловьи, щеглята, снигири, ракетки, перепелки и даже иноземцы-канарейки и попугаи на золоченыхъ поставцахъ и обручахъ.

Посрединѣ въ огромномъ, продолговатомъ чану былъ устроенъ искуственный прудокъ съ рыбами, по которому плавали утята и лебедята, приносимыя для забавы царскимъ птенцамъ.

Дорожка, уставленная точеными *стàмиками*, вела отъ входа къ одной изъ бесѣдокъ, устроенной какъ узорочная клѣтка, для златоперой пташки—Ксеніи.

Тутъ сидѣла пресвѣтлая царевна съ своими сѣнными боярышнями, съ няней Елисѣевной, съ мамой Захарьевной и съ наставницами боярынями Татищевой и Плещеевой.

Сидѣла она, *отроковица чуднаго домышленія, зельною красотою лѣпая*, склонясь головкой надъ пяльцами, и не видать было всего ея лица, ни алыхъ губъ, ни свѣтлыхъ, черныхъ *великихъ* очей;

въ явѣ были только *союзныя* брови надъ правильнымъ, восточнаго очертанія носомъ, да высокое чело *млечною бѣлизною облїянное*, изъ-подъ черныхъ, гладко зачесанныхъ за уши волосъ, лежащихъ трубчатыми косами по плечамъ.

На виду былъ также весь, какъ есть, ея дѣвичій вѣнчикъ съ городками и теремками, въ три яруса, раздѣленныхъ жемчужными нитями; а длинныя изумрудныя серьги низко свѣсились надъ работой.

На царевнѣ былъ лѣтникъ съ долгими, широкими, висящими до полу рукавами изъ червчатой камки съ золотными травами; на лѣтникѣ *вошвы* чернаго бархата, по рукавамъ и поламъ разшитые въ узоръ жемчугомъ и золотомъ.

Бѣлая ручка, державшая въ пальцахъ иглу, украшенная перстнями и запястьемъ, облегающимъ по рукаву бѣлой шелковой сорочки, дрожала, справляясь, противъ обычая, робко и медленно, съ канителью, которою *знамѣнилось* шитье.

Царевна вышивала, по обѣту матери, образъ св. Василія Блаженнаго, прославленнаго чудесами въ царствованіе Θеодора, и спѣшила окончить работу къ наступающему дню памяти святого.

Ксенія, *писанью книжному искусная и многимъ благовѣріемъ цвѣтущая*, знала, что пишущіе иконы приготовляются къ святому дѣлу постомъ и молитвою и во все время труда бодрятъ себя благочестивыми помыслами.

Зная это, Ксенія смущалась духомъ, она боролась съ искушеніемъ.

Какъ чистое зеркало отуманивается отъ легкаго на него дуновенія, такъ и чистая душа ея смутилась отъ налетной мысли.

Царевна ужасалась, что на очеркѣ святаго изображенія, сдѣланнаго искуснымъ карандашомъ придворнаго иконописца Кириллы Иванова Золотарева, какъ будто видится ей иное изображеніе.

Въ очахъ ея, *свѣтлостію блистающихъ*, отпечатались черты гостя, честимаго въ золотой палатѣ столованьемъ, словно образъ королевича, вызваннаго изъ-за тридевяти земель, о которомъ въ сказкахъ сказывали няни, въ пѣсняхъ пѣли подружки.

Ксенія бросила иглу, приподняла головку, и какъ мѣсяцъ полнымъ ликомъ просіяла полною красотою лица своего. Обѣими ручками она повела по глазамъ, какъ будто желая стереть съ нихъ неотвязное впечатлѣніе.

— Ино ты, наша рукодѣльница, глазки заслѣпила? сказала, глядя на нее, няня Елисѣевна: — подь-ко, дитятко, пройдись по садочку.

— А нештò, косаточка, невесело смотришь, прибавила мама

Захаровна:—а вы-то, боярышни-не улыбушки, груздочками обсѣли, ни словца не пророните, ничѣмъ никого не потѣшите!

Но боярышни, сидя также за рукодѣльемъ, прислушивались къ тому, что̀ нашептывала княжна Любаша Голицына, которая была въ тайникѣ съ царевною, и мелькая смышлеными взглядами на царевну, отзывались разскащицѣ словно шелестомъ листьевъ.

Заслышавъ слова няни и мамы, пристальнѣе посмотрѣла на Ксенію боярыня степенная вдова Ѳетинья Плещеева. Она разговаривала съ товаркой своей, вдовой боярыней Татищевой; обѣ въ смирныхъ платьяхъ, въ черныхъ опашняхъ, въ бѣлыхъ на головахъ полуубрусцахъ подвязанныхъ, подъ подбородокъ со спущенными концами.

Вели онѣ вдовьи бесѣды, свое прежнее, замужнее житье вспоминаючи, и отвлеклись отъ своего неусыпнаго бдѣнія надъ царевной; но теперь, воздохнувъ, опомнилась вдова Плещеева и позвала заводчицу игръ и веселій, княжну Любашу Голицыну.

— А ну-ко, умница хорошая, солнышко къ вечеру клонится, пора вамъ рѣзвыя ножки расправить.

Этотъ зовъ какъ будто спугнулъ стаю притаившихся въ муравѣ пташекъ; боярышни взвились, защебетали, окружили царевну, словно готовыя унести ее на крыльяхъ.

— Охти мнѣ, подруженьки, ино, Боже Спасъ милосердый, рѣзвиться не хочется!

— Чего жь тебѣ, дитятко, хочется? спросила заботливо няня Елисѣевна.

— Скажи, не утай, красавица, подхватила и мама Захарьевна.

— Отощала знать голубонька; впору намъ старухамъ такой постъ держать. Старая душа Богу хороша, а молодая невѣста суженому краса, заговорила опять няня.

И къ слову о суженомъ, шустрая Любаша, чтобы распотѣшить царевну, запѣла пѣсню, а прочія боярышни дружно подхватили:

Какъ во теремѣ, подъ окошечкомъ,
Сидитъ дѣвица, да ковры точетъ,
Ковры шелковые!
На навойничкѣ шелки розные,
На просѣточкѣ круги золоты,
На пабилочкахъ ясны соколы,
На принŏжичкахъ черны соболи.
И сказали ей, что съ чужой земли,
Съ чуже-дальнія, къ намъ сваты идутъ.
А дѣвица-свѣтъ испужалася,
Повскидалася, повзбрасалася,
Шелки розные попуталися,
Круги золота помѣшалися,

Ясны соколы разлеталися,
Черны соболи разбѣгалися!

— И сама бы я спѣла пѣсенку, непѣтую, неиграную, сказала царевна, глянувъ на любимицу свою, княжну Любашу.

И та мигомъ кинулась въ сторону, а подружки были догадливы, тотчасъ отставили стоящія передъ царевной пяльцы. На ихъ мѣстѣ явились гусли-самогуды, золотомъ наведенные, раковинами нарѣзанные.

Но огонекъ, который вдругъ вспыхнулъ въ глазахъ Ксеніи и обѣщалъ непѣтую еще неиграную пѣсенку, успѣлъ уже потухнуть. Царевна нехотя наложила пальцы на струны, и молчала, словно позабыла, что̀ хотѣла спѣть.

— Что жь непѣтую-то, неиграную! напомнила Любаша.

Царевна запѣла заунывнымъ голосомъ:

Охти-мнѣ, сердечушко нӯдитъ,
И ни что мнѣ младой не веселье:
Приходилися ходы-переходы,
Присидѣлись терема-хоромы,
Приносились золотны наряды,
Потускнѣли яхонты-сережки,
Прискучили игры-забавы,
Не глядѣть бы младой на свѣтъ божій!

— О, Господи, проговорила няня:—что̀ это, дитятко, ты словно душеньку тянешь!

Любаша хотѣла-было перенять пѣсню на иной ладъ, чтобы сердце ходуномъ заходило, чтобы старой нянѣ на мѣстѣ не усидѣлось; но царевна отодвинула отъ себя гусли, склонила головку, удрученную непонятнымъ ей самой томленіемъ, и вдругъ, обратясь къ Плещеевой, сказала:

— Ино говори боярыня свои умныя рѣчи; хочу слушать.

Подруги царевны поморщились, переглянувшись межь собою. Плещеева, честна вдова, многоразумная, замѣтивъ то, покачала головою.

— А ну, скажите разумницы, кого самъ Господь Богъ снарядилъ одеждой и оружіемъ? спросила она.

Боярышни, усмѣхнувшись, молчали, не заботясь о разрѣшеніи вопроса.

— Э, эхъ, свѣты мои! Ну, скажите, кому ни въ наставленіи, ни въ полученіи нужды нѣтъ, кто̀ самъ знаніе всѣхъ вещей, кои суть на потребу житія его, имаетъ?

— Намъ ли вѣдать, какой человѣкъ разуменъ и книженъ рождается, отвѣчала бойкая княжна Любаша.

— Не о людяхъ рѣчь, болѣзная, не о людяхъ: человѣкъ созданъ отъ Бога нагъ и безоруженъ, ничего незнающь, аще не научится... Ино дѣло тварь безсловесная: въ одѣяніе ей шерсть и перья, въ оружіе рòги, клыки и когти острые; нѣмая живѝна, безъ учителей, знаетъ свое безсловесныхъ умѣніе... Человѣку же Богъ даровалъ разумъ, да научится мудрости; а безъ ученія ино къ концу живота начнетъ разумѣвать, какъ бы ему во благо жить...

Наставительная рѣчь боярыни была прервана громкимъ ау! которое раздалось въ саду̀.

— Али птица-говорокъ откликнулась, молвила мама, заглядывая изъ двери бесѣдки въ ту сторону, гдѣ хохлатый попугай, присланный Борису императоромъ Рудольфомъ, переступалъ съ ноги на ногу на своемъ насѣстѣ.

Но откликнулась не птица-говорокъ, а дурка-шутиха.

Гулю, гулю баба,
Не выколи глаза!

выкликала она боярышень поиграть въ гулючки. И не то имъ погу̀люкать захотѣлось, или разумныя слова боярыни Плещеевой принаскучили, онѣ выхлынули изъ бесѣдки толпою.

Ксенія оперлась рукою на плечо княжны Любаши и послѣдовала за ними. Боярыня Плещеева съ своей помощницей, няня и мама пошли также дозоромъ.

Шутиха, перенявъ имъ дорогу, избоченилась, махнула рукой, словно грозя мечомъ, и начала причитать:

Царь-государь,
Отдай дочку за меня,
За свейскаго короля!
Не отдашь за меня —
Я войной пойду,
Твое царство полоню,
Огнемъ сожгу,
Головней покачу!...

— Слышишь, чтó говоритъ дурка-шутиха? шепнула Любаша:— королевича-то, знать, тебѣ въ женихи привезли.

— И на грѣхъ это я начала шить ризу на образъ, промолвила тихо Ксенія: —словно руки отъ работы отваливаются.

— Такъ вотъ на грѣхъ же не во время пріѣхалъ гость! шепнула ей съ усмѣшкой Любаша.

— Ой, не говори, Любаша. Я словно прогнѣвила Блаженнаго грѣшнымъ помысломъ: — страхъ беретъ, слòвно чтò недоброе

сердце чуетъ... И какъ мнѣ отцу духовному въ томъ грѣхѣ будетъ каяться!

Въ это время боярыня Шуйская пришла звать царевну къ государынѣ матушкѣ.

Между тѣмъ ѣздившій послѣ стола *подчивать* Густава, на его подворьи, стольникъ князь Юрій Трубецкой воротился съ докладомъ, что королевичъ его царскою милостію издоволенъ.

Князь Юрій Микитичъ не уступалъ матушкѣ своей, Авдотьѣ Михайловнѣ, ни въ ненависти къ нѣмцамъ, ни въ неопасливости языка.

На спросъ царя Бориса, о чемъ шла у королевича бесѣда, онъ отвѣтствовалъ, что королевичъ никакого лаянья, ни оговора на русскую землю не изговаривалъ и русской землѣ во всемъ хвалу воздавалъ, и что когда Мартынусъ Беръ и королевичевъ дохтуръ Фидлеръ, испивъ не въ мѣру, стали по своему нашу землю и вѣру нашу православную обносить и много лаяльныхъ и ненавидныхъ словъ вымовлять и смѣху на видъ выставлять; тогда королевичъ за святую русскую землю всталъ и по нѣмецкому отвѣтъ на ихъ обношеніе чинилъ, и такъ говорилъ:

— Ты, Мартынусъ, сказываешь, что русскіе-де люди нерѣчисты; а вы нѣмцы хотя и рѣчисты, но хульныхъ, посмѣшныхъ и ущипливыхъ словесъ преисполнены. Ты говоришь, что русскіе люди разсыпники и пировники — приходу и расходу сметы не держатъ. и свое богатство дармо въ подчиваніяхъ раскидаютъ; а вы нѣмцы скупы, на чужой хлѣбъ лакомы, и всѣ на корысть обращены—на русскихъ пирахъ пируете и тѣ пиры осмѣиваете. Ты говоришь, что русскіе люди неумѣтельны и ненаучены; а я скажу тебѣ, что вы, нѣмцы, русскихъ людей, яко ловцы звѣрей уловляете и не добру ихъ учите, а худобамъ и грѣхамъ своимъ.

Выслушивая, царь Борисъ хмурился; но отпустилъ своего стольника милостиво, доклады его принявъ къ свѣдѣнію. Онъ зналъ нерасположеніе бояръ своихъ и духовенства къ его иноземнымъ нововведеніямъ.

— Что̀ они таятъ на сердцѣ, то̀ языкомъ пустозвономъ князя Юрія трубятъ мнѣ въ уши, молвилъ онъ самъ себѣ, будто съ усмѣшкою, и сидя на своемъ царскомъ мѣстѣ, опершись на столъ, погрузился въ раздумье.

Тяжелымъ грознымъ облакомъ надвинулась на него его дума, пробуждая и расправляя въ глубинѣ души гнѣвъ и злобленіе.

Но вдругъ, какъ-бы стряхнувъ съ себя тяжелую мысль, Борисъ просіялъ, и какъ-бы самъ себѣ дивясь и самъ собою величаясь, молвилъ:

— Силенъ Борисъ на своихъ государствахъ... Силенъ дружбою съ иноземными державами... и силу ту скрѣпитъ родствомъ съ ними!...

Съ этой мыслью Борисъ всталъ и вошелъ въ опочивальню.

Вскорѣ Густаву было объявлено государево желаніе, чтобы посѣтилъ онъ царевича Ѳеодора, келейно, безъ встрѣчъ и проводовъ, побратски.

Въ урочный часъ къ королевичу прибылъ съ колымагою Аѳанасій Иванычъ Власьевъ.

Густавъ предоставилъ проводнику везти себя, и слѣдовалъ за нимъ по узорочнымъ переходамъ дворца въ царевичевы покои, воспринимая наблюдательнымъ взоромъ своимъ новыя впечатлѣнія.

Въ жилыхъ покояхъ царевича Ѳеодора, королевича встрѣтили только бояре-пѣстуны, крестовый попъ и сѣдовласый старецъ въ ветхой ряскѣ, поразившій посѣтителя своимъ живописно-маститымъ видомъ.

При входѣ Густава, юный Ѳедоръ всталъ съ своего мѣста, сказалъ ему привѣтливое слово, обнялъ и посадилъ рядомъ съ собою.

Послѣ первыхъ, нѣсколькихъ словъ, Густавъ окинулъ глазами комнату, со всѣхъ угловъ которой вѣяло на царевича мудростію и наукой.

Потолокъ былъ исписанъ *звѣздочетными небесными свѣтилами*; по немъ, того же придворнаго мастера Карпа Иванова Золотарева, была *ознàменка* бѣговъ небесныхъ и двѣнадцати созвѣздій.

Живописцы Иванъ Салтыковъ и Никифоръ Бовихинъ представили царственному питомцу по стѣнамъ во очію царей Давида и Соломона, царя Пора индійскаго, Александра Македонскаго и св. Равноапостольнаго князя Владиміра. На щитахъ ему изобразили три страны свѣта, четыре времени года, и много исторій *чудныхъ*, цвѣтовъ и птицъ живописàнныхъ.

На письменномъ столѣ передъ царевичемъ стояли часы съ перечасьемъ и съ знаменьи небесными и съ планеты, чернильница и песочница съ серебрянымъ свисткомъ и тремя колокольчиками, для зову, трубка чиненыхъ лебяжьихъ перьевъ, *книжки каменныя* съ спицей на золотой цѣпочкѣ, карандаши, оправленные финифтью, ножички и ноженки булатныя и другія вещи.

На этомъ столѣ лежала и разогнутая книга «Космографъ» въ дорогомъ переплетѣ, росписанная по золоту красками, съ хитросплетенными заглавными буквами, съ цвѣтами и травами, звѣрьками и птицами въ узлахъ. Сиринъ, птица райская, что̀ поетъ пѣсни царскія, являлась здѣсь въ многообразныхъ видахъ.

При великолѣпномъ «Космографѣ» была и географическая карта работы самого царевича.

Густавъ сдѣлалъ ему нѣсколько легкихъ вопросовъ въ видѣ испытанія, и могъ замѣтить живой, смѣлый и здравый умъ отрока, незапуганный наукой, неотуманенный ея тайнами.

Крестовый попъ, законоучитель Ѳедора, вмѣнилъ себѣ въ обязанность показать всю крѣпость и силу царевича въ богословіи, полагаемомъ въ основу всѣхъ знаній православнаго государя.

Свѣдавъ, что королевичъ Густавъ обучался въ академіи, Ѳедоръ изъявилъ сожалѣніе, что въ московскомъ государствѣ мало еще такихъ высокихъ училищъ и нѣтъ дохтуровъ.

— Не прельщайся, царевичъ, суетнымъ именемъ нашихъ академій и твореніями докторовъ, которые задерживаютъ мудрость, плодятъ книжниковъ и фарисеевъ.

Озадаченный такимъ рѣзкимъ отвѣтомъ, Ѳедоръ взглянулъ на него въ недоумѣніи.

— А почему же книжные люди задерживаютъ мудрость? спросилъ онъ.

— Потому, что доктора и магистры нашихъ академій таятъ корыстныя знанія передъ нами—и знаніе ли свое они таятъ, или свое невѣжество—а насъ учатъ грамматикѣ въ виршахъ, прибавилъ Густавъ съ улыбкою, вспомнивъ объ убійственномъ Альварѣ.

Эти слова пали млекомъ и медомъ на сердца окружающихъ царевича бояръ-пѣстуновъ, ненавидѣвшихъ латинскій духъ академій и семинарій.

— А пожаловалъ бы твоя милость, обозрѣлъ наши книжные склады, сказалъ королевичу Ѳедоръ.

Густавъ давно уже посматривалъ съ любопытствомъ на поставцы въ простѣнкахъ, уставленные книгами историческаго и духовнаго содержанія, твореніями святыхъ отцовъ—этихъ столповъ мудрости для тогдашней Россіи, на греческомъ и латинскомъ языкахъ и частію въ церковно-славянскомъ переводѣ.

На вопросъ Густава, когда и кѣмъ было собрано такое великое и замѣчательное собраніе древнихъ хартій, выступилъ маститый старецъ Бахарь, одинъ изъ проживающихъ во дворцѣ разскащиковъ старины и дѣяній. Подобныя ходячія лѣтописи бывали тогда нетолько при дворѣ государевомъ, но и при дворахъ князей и бояръ.

Ставъ передъ королевичемъ и сложивъ руки, онъ началъ разсказывать о происхожденіи этой книжницы:

— Собирали ту казну книжную, не сто, не два ста лѣтъ, а съ искони родители, прародители и прашуры великихъ нашихъ

государей... А въ тѣ поры, какъ государь царь и великій князь Василій Ивановичъ принималъ отъ Господа свое наслѣдіе, государства свои и сокровища, узрѣлъ онъ очами своими орлиными тѣ склады мудрости, книгъ силу великую подъ спудомъ сокрытую, какъ вертоградъ затаенный отъ алчущихъ, источникъ запечатлѣнный отъ жаждущихъ. И возгадалъ тогда государь, той мудрости, свѣту невѣданной, свѣтъ показать и ею свѣтъ освѣтить... И ссылался царь Василій Ивановичъ съ патріархомъ цареградскимъ граматою, чтобъ сыскать ему человѣка умѣлаго, всю ту силу премудрости книжныя со дна поднять и на свѣтъ явить. И прибылъ отъ патріарха въ Москву, предъ свѣтлыя государевы очи, Максимъ инокъ, и тотъ Максимъ, богословъ искусный и въ языкахъ наторѣлый, государю сказывалъ, что ни у грековъ, ни у римлянъ, такихъ книжныхъ сокровищъ нынѣ уже не найдется, тамо-де уцѣлѣлое отъ варварства магометова, отъ латинскаго ненавидѣнья въ конецъ изгублено.

Густавъ съ изумленіемъ выслушалъ повѣсть Бахаря о книжницѣ.

Благочинно и разумно продолжалась еще нѣсколько времени бесѣда королевича съ царственнымъ отрокомъ и его пѣстунами; посѣщеніе заключилось, по обычаю, подчиваньемъ сластями и закусками.

Простясь съ царевичемъ, на возвратномъ пути на свое подворье, Густавъ сказалъ провожавшему его Власьеву:

— Чудно мнѣ, Аѳанасій Иванычъ, и дивлюсь я вашей русской жизни, что она въ обрядахъ своихъ какъ служба божественная течетъ чинно и стройно и во всякой малой вещи неуклонно, какъ по писанному.

— Безъ благочинія и безъ устроенія никакой вещи и быть не должно, отвѣчалъ, по убѣжденію, Власьевъ:—всякой вещи потребны честь и чинъ и образецъ. Урядство установляетъ и укрѣпляетъ красоту; безъ чести же дѣло малится и не славится умъ. Примѣромъ положить въ посольскомъ обычаѣ, безъ благочиннаго устроенія и уряженнаго наказа изгубишь дѣло и возставишь бездѣліе.

Вслѣдъ за королевичемъ прибылъ стольникъ, тотъ же князь Юрій Трубецкой, привезъ по обычаю царевичево подчиваніе, ягвга сахарныя и питья медвяныя, которыми пуще всѣхъ угощали сами себя братья Фидлеры и Якобъ Скультъ.

— Видишь, ваша свѣтлость, эту птицу, возгласилъ Каспаръ Фидлеръ, ткнувъ пальцемъ въ литого сахарнаго лебедя, который стоялъ на столѣ среди другихъ блюдъ и лакомствъ въ видѣ разныхъ птицъ и звѣрей.—Видишь, какъ гордо несетъ онъ шею?...

Такъ долженъ нѣмецкій лебедь нести шею среди глупыхъ здѣшнихъ гусей.

— Фидлеръ, теперь ни одинъ гусь не можетъ быть глупѣе тебя! отвѣчалъ ему Густавъ.

— Ваша свѣтлость, эти гуси ждутъ отъ насъ наукъ и ремеслъ, продолжалъ Фидлеръ, разгоряченный романеей и ренскимъ.— А наше дѣло держать свои знанія про себя, чтобы варвары оставались въ зависимости отъ нашего просвѣщенія.

Князь Юрій Никитичъ не стерпѣлъ дерзкой рѣчи, переведенной ему толмачомъ Ѳедькою.

— Величаетесь вы своими значіями, студословцы, кощунники! крикнулъ онъ, не сдержавъ своего негодованія: — сказываешься ты, Фидлеръ, дохтуръ быть, а гдѣ у тебя грамота государская и книги дохтурскія?

— На что мнѣ онѣ? крикнулъ и Фидлеръ.—Книги у меня въ головѣ!

— У тебя въ головѣ не книги, а хмѣль непробудный! грозно проговорилъ князь.

— Не замай его, Юрій Никитичъ, перебилъ кравчій, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ.

И чтобъ покрыть неладный шумъ, приказалъ игрецамъ на починъ сыграть *сыгрышъ* Царя-града; послѣ чего, наполнивъ чашу, поднесъ ее королевичу.

Пѣсельники грянули:

Чара моя, чара серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная,
Кому чару пити, кому выпивати?
А и пити чару пресвѣтлому,
    Пресвѣтлому королевичу,
    Свѣтъ Густаву Ириковичу!

Веселый Парамонка, съ домрою въ рукахъ, выступилъ впередъ и запѣлъ, приплясывая:

Ой станемъ говорить—выговаривать,
Черно на бѣло выворачивать:
А сказать ли вамъ диво дивное,
На святой Руси небывалое?
У насъ по̀-морю пожары горятъ,
По чисту-полю корабли плывутъ,
По желтымъ пескамъ звѣзды катятся,
По поднебесью чурки плаваютъ.
    А еще дивнѣй на святой Руси
    Объявилися поучители,
    Поучители-указатели:
    Слѣпой учитъ, ка̀къ высматривать,

Нѣмой учитъ выговаривать,
А калѣка—хороводъ водить!

— Слышь ты, Фидлеръ, кланяйся, тебя величаютъ! сказалъ князь Юрій, приказавъ Парамонкѣ повторить конецъ пѣсни, когда Густавъ всталъ изъ-за стола и вышелъ въ свою опочивальню:

— Убаюкали, не слышитъ! отвѣчалъ Лыковъ.

VI.

Удостовѣряясь болѣе и болѣе въ обильномъ разумѣ и великихъ достоинствахъ задуманнаго зятя, царь Борисъ Ѳедоровичъ полнымъ родительскимъ и царскимъ помысломъ то дѣло обсуживая и къ выгодамъ государскимъ прилаживая, длилъ время, выжидалъ часъ добрый и приказывалъ королевича всякими утѣхами тѣшити.

И тѣшили его красносмотрительнымъ и радостнымъ сокола летомъ, возили въ сады и звѣринцы царскіе, угощали въ загородныхъ дворцахъ, казали ему книгопечатни, гдѣ старый печатникъ временъ Грознаго, Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжа, говорилъ королевичу рѣчь, восхваляя Бориса, приложившаго къ тому трудолюбному дѣлу свою державную руку. Казали большую казну, съ кадками жемчуга и грудами драгоцѣнныхъ камней, царскій чинъ, золотыя и серебряныя утвари и посуду, на которой Годуновъ, послѣ своего коронованія, угостилъ десять тысячъ войска. Водили королевича и по царскимъ мастерскимъ палатамъ, хвалясь диковинной выдѣлкой булата, чеканомъ золота и серебра, чернью и сканнымъ дѣломъ.

Среди нескончаемыхъ чествованій, Густавъ не успѣвалъ опомниться и подумать о суженой царевнѣ, которая, какъ будто въ тридесятомъ царствѣ, сидѣла недозримая ему въ высокомъ теремѣ своемъ.

Въ одно утро, ранымъ рано, только что солнце заиграло лучами на золотыхъ маковкахъ, думный дьякъ Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, по царскому наказу, поспѣшалъ къ королевичу.

— Здравствуй, бояринъ! что̀ скажешь? или сборы на новое потѣшенье? спросилъ его Густавъ: — только бы не на звѣриную ловлю. Не потому, что и великій князь Володимиръ «съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руце и нози свои вередихъ, не блюдя живота, не щадя головы», но потому, что не терплю звѣриной ловли.

— Твоя милость, прежъ всего намъ о своемъ добромъ здо-

ровьи отповѣдь дай, и отъ насъ о здоровьи великаго государя выслушай, сказалъ Власьевъ.

И послѣ неизбѣжнаго *вспрашиванья* объявилъ, что на сей день потѣшенію никакому не бывать.

— А указалъ-де великій государь, его свѣтлаго королевича разумное хотѣніе милостію издоволить—благолѣпіе храма нашего православнаго ему явить, и чтобы его свѣтлой милости, въ новодѣвичьей обители, проскомидію и литургію оглашенныхъ, яко готовимому къ просвѣщенію, съ соизволенія святѣйшаго патріарха слушать.

Говоря тѣ слова, дьякъ Аѳанасій Ивановичъ пыталъ глазами королевича, и смекалъ мысленно, что великій государь возжелалъ задуманному зятю, его пресвѣтлую суженую, въ храмѣ божіемъ, подъ крыломъ царицы инокини, сестры своей совѣтной, воочію представить.

Въ домекъ ли то было Густаву, снаряжаемому во всю утварь великокняжескую, но конюшіе бояре и провожатые не замѣшкали. У крыльца стояла уже узорчатая колымага, въ восемь коней, присланная царю съ посольствомъ отъ англійской королевы Елизаветы.

Вскорѣ широкимъ зеленымъ ковромъ разостлалось передъ поѣздомъ Дѣвичье Поле, до самой обители и далѣе лужниками до самой Москвы-рѣки. Надъ уступами противоположнаго берега, поросшаго лѣсомъ, виднѣлись уже главы церквей села Воробьева и кровли дворца, откуда, поразсказалъ Власьевъ Густаву, царь Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на пылающую Москву и слушалъ увѣщанія попа Сильвестра.

День былъ праздничный; народъ валмо-валилъ къ Новодѣвичьему.

— Чудна великолѣпіемъ и красотою стоитъ наша Новодѣвичья обитель, сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, обращая вниманіе Густава на зданіе монатыря:—и вознеслась она благодарственною молитвою къ Богу, за возвращеніе отъ Литвы отчиннаго Смоленска, на томъ самомъ мѣстѣ, куда великій князь Василій Васильевичъ Темный проводилъ за городъ на два поприща, въ Смоленскъ, икону Богоматери Одигитріи, что̀ была въ Москвѣ со времени сына Донского, князя Юрія

— А кто строилъ? тотъ же ли нѣмецъ Фіоравенти? спросилъ съ улыбкою Густавъ.

— У насъ тотъ нѣмецъ, кто нѣмотствуетъ въ вѣрѣ, отвѣчалъ, словно затронувшись, думный дьякъ: — до разгрома татарскаго были у насъ зодчіе, да выселили ихъ ханы къ себѣ строить дворцы. Возносилъ московскій соборъ фрягъ Аристотилъ, да

не своимъ помысломъ создалъ его, а перенесъ владимірскій соборъ съ Клязьмы на Москву-рѣкѣ; такъ же, какъ сказываютъ, передвигалъ болонскую колокольню храма божьей матери съ мѣста на мѣсто.

Разговаривая, королевичъ смотрѣлъ на народъ, стоявшій улицей до самыхъ Святыхъ воротъ.

Въ оградѣ указалъ Власьевъ королевичу на верхи длиннаго двухэтажнаго зданія: это были кельи, построенныя царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, для вдовы брата его Юліаніи, и занимаемыя теперь царицей-инокиней Ириной.

Великая инока, выжидая время, сидѣла уже въ своемъ большомъ мѣстѣ, когда вошла къ ней пресвѣтлая ея племянница Ксенія, въ сопровожденіи боярынь, наставницъ и безотлучной няни. Государыня-родительница не сопутствовала дочери своей по приключившемуся нездоровью, а болѣе по давнимъ разладамъ съ царицей Ириной.

За провожатыми боярынями незамѣтно вошелъ въ келью дряхлый старецъ, въ ветхой рясѣ; крестясь и нашептывая молитву, онъ прижался смиренно въ дверныхъ простѣнкахъ.

— Садись, рѣдкая гостья моя, сказала Ирина, привѣтствуя царевну.

Облобызавъ благословляющую руку, Ксенія, непричастная тайной ненависти царицы-матери къ ея золовкѣ, присѣла, опустивъ въ смущеніи глаза и выжидая слова.

— Возлелѣй тебя Господь и любовь родительская высокаго государя нашего Бориса Ѳедоровича, проговорила царица-инокиня, любуясь на Ксенію и расцвѣтая душою, на дивную красу ея, затмѣвающую драгоцѣнные камни вѣнца, ожерелья, поручней и золотой одежды.

— Увы мнѣ! раздалось отъ порога палаты, какъ будто въ отвѣтъ на слово Ирины.

— Кого послалъ мнѣ Господь съ горькими воздыханіями? спросила она, возмущаясь духомъ.

— Это я, государыня, мать наша великая инокиня Ирина Ѳедоровна, отвѣтилъ старецъ:—я, богомолецъ твой Дороѳеюшко.

При этомъ имени лицо Ирины смутилось. Воздыханіе старца напомнило ей торжественный и тяжкій мигъ ея жизни—посѣщеніе константинопольскаго патріарха Іереміи, званнаго въ Москву за великимъ дѣломъ, посвященіемъ патріарха Россіи.

Во всемъ царственномъ величіи подошла она тогда къ благословенію святителя. Алмазы и жемчугъ сіяли въ вѣнцѣ государыни и съ обѣихъ сторонъ спускались отъ него три изумрудныя подвѣски на драгоцѣнное навладное ожерелье царскаго платна.

Принявъ изъ рукъ одной изъ окружающихъ ее боярынь золотую чашку, саженую каменьями и наполненную до верху перекатнымъ жемчугомъ, Ирина, подавая ее патріарху, благодарила его. *Складная* и *красная* рѣчь ея раздавалась подъ сводами золотой палаты, узорочно изукрашенной травами, виноградьемъ, родосскими ягодами и птицами райскими. На золотыхъ стѣнахъ изображены были муссіею лики святыхъ угодниковъ. Серебряное паникадило съ множествомъ свѣтильниковъ озаряло палату.

Сопровождавшіе патріарха, пораженные великолѣпіемъ, почувствовали *тихій ужасъ* изумленія, и въ этотъ мигъ торжественнаго безмолвія раздался внезапно жалобный вопль: «увы мнѣ!» Всѣ смутились отъ неожиданнаго явленія старца въ рубищѣ, который, посреди блеска и сіянія, казался однимъ изъ преподобныхъ ликовъ, сошедшимъ со стѣнъ.

— Увы мнѣ, отче великій! завопилъ онъ, бросаясь къ ногамъ патріарха.—Нѣтъ у отца и матери русской земли наслѣдника! Молись съ нами, да разрѣшитъ Господь неплоды царицы, да оцѣлѣютъ недуги царя! да не наслѣдуютъ царство его враги видимые и невидимые: гладъ и моръ и дьявольское навожденіе!...

Ирина припомнила эти слова: тотъ самый вопль потрясъ ея сердце, тотъ самый старецъ стоялъ передъ нею теперь, какъ зловѣщее знаменіе.

Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе приливалъ и тѣснился во вратахъ Новодѣвичей обители.

Сторожевые стрѣльцы пропускали съ разборомъ, возбуждая ропотъ.

— Тіунъ аки огонь — рядовичи его аки искры: остережешься отъ огня, отъ искры не убережешься!

— Православному человѣку проходу нѣтъ, а бусурманину двери настежъ!

— Стражъ крамольный стоитъ, словно смерть съ косою, сулитъ бѣду съ сумою! Скоро вамъ, братцы родимые, не сѣять, ни жать, а вамъ, сестрицы голубушки, не прясть, не ткать, ни печей топить!

— Ворона не каркать! береги языкъ!

Раздавшійся звонъ заглушилъ говоръ, все стихло, живая улица народа разступилась. Къ Святымъ воротамъ подъѣзжала колымага: подвойныя полы, одверье и полы отметныя, поволочены червчатымъ бархатомъ, столбцы, стѣны и бока рѣзные, золоченые и росписанные красками; восемь гнѣдыхъ аргамаковъ въ шорахъ, закрутивъ шеи, плясали, воздерживаемые верховыми возницами.

Все дивилось на королевича безмолвно, когда онъ, во слѣдъ

за боярами-провожатыми, вышелъ изъ колымаги и снявъ двоемохраго лазореваго бархата шапку съ собольимъ околомъ и золотой запоной, съ перомъ жемчужнымъ съ яхонтами, поклонился на обѣ стороны и вступилъ на паперть.

Его пріятная, располагающая наружность, его русскій кафтанъ серебряной объяри по лазоревой землѣ, опоясанный по гибкому стану, оказали свое обаятельное дѣйствіе на толпу, которая ожидала видѣть свѣтлѣйшую милость — нѣмчина въ корсетѣ и въ бувчатыхъ штанахъ.

Войдя въ соборъ, сквозь ряды пышно одѣтыхъ бояръ, какъ въ купину свѣта, сіяющаго на золотѣ иконостаса и на драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ, Густавъ былъ ослѣпленъ и не вдругъ прояснились его мысли, чтобы убѣдиться, гдѣ онъ, и что̀ его окружаетъ.

Безчисленные свѣтильники паникадилъ подъ сводами, ряды свѣщниковъ по тябламъ, золоченыя и изукрашенныя канителью по цвѣтной фольгѣ, снопы свѣчей у мѣстныхъ иконъ, отражаясь во множествѣ любопытныхъ глазъ, устремленныхъ на королевича, смутили его, и онъ невольно опустилъ въ землю взоръ, силясь молитвою собрать свою душу.

Ряды монахинь, стоящихъ безмолвно и неподвижно, казались ему тоскующими тѣнями былой жизни, и его собственная, минувшая жизнь, какъ будто сжатая въ одномъ мгновенномъ воспоминаніи, развернулась передъ нимъ.

Давно ли мечталъ онъ, спасая любовь свою и счастіе, искать убѣжища въ Москвѣ?...

«И вотъ я здѣсь, съ разбитымъ сердцемъ», подумалъ онъ въ этотъ знаменательный часъ, ступивъ непроизвольно на грань новой жизни...

Шепотъ и шелестъ разступающейся толпы раздался подъ сводами, но Густавъ, погруженный въ тяжелую думу, ничего не слыхалъ.

— Ваша свѣтлая милость, благовѣрная царица-инокиня шествуетъ съ пресвѣтлой царевной, заботливо напомнилъ ему Аѳанасій Ивановичъ.

Густавъ оглянулся.

Великая инокиня, смиривъ державное чело подъ клобукомъ, отъ котораго ниспадали струи покрывала изъ китайской дымки, шла медленно, опираясь на посохъ, украшенный рѣзьбой и каменьемъ. Крылошанки поддерживали влекущуюся за нею мантію; рядомъ съ Ириной шла царевна.

Щеки Ксеніи пылали, большіе черные глаза ея, изъ-подъ союзныхъ бровей, глядѣли не видя ничего передъ собою, и сильно

*

билось въ ней сердце, подъ призоромъ очей, съ которыми какъ будто страшно было ей встрѣтиться взоромъ.

На головѣ ея былъ жемчужный вѣнецъ съ поднизями и теремками алмазными; трубчатыя косы ея, переплетенныя канителью и жемчугомъ, струились на ферязь золотнаго атласа съ запонами, окаймленную жемчужнымъ кружевомъ и опушенную горностаемъ. Ожерелье, серьги и поручи, того же наряда, сіяли какъ блуждающіе огни, переливнымъ свѣтомъ алмазовъ.

«Боже великій!» подумалъ Густавъ, взглянувъ бѣглымъ взоромъ на ея плѣнительную красоту, кроткое выраженіе которой такъ разногласило съ блистательнымъ нарядомъ: «и эту смиренную агницу, обречь въ жертву холоднымъ чувствамъ больнаго сердца!» И онъ грустно склонилъ голову.

Великая инока стала на свое царское мѣсто, и при помощи провожатыхъ монахинь совершила три земные поклона; царевна склонилась тоже до земли трижды, и шорохъ ея драгоцѣннаго платья слышенъ былъ въ наставшей снова глубокой тишинѣ.

Но внезапно храмъ огласился привѣтственнымъ возгласомъ лика; монахини, обычнымъ порядкомъ, пошли попарно на челованіе великой инокинѣ большимъ обычаемъ, передъ началомъ богослуженія.

Воздавъ поклонъ царицѣ и царевнѣ, проходили онѣ чинно мимо королевича, чествуя и его поклономъ.

Медленное шествіе инокинь заключилось старицей, въ одеждѣ нѣсколько отличной отъ прочихъ: ее поддерживала рясофорка, въ ряскѣ, опоясанной ремнемъ, въ остроконечной шапочкѣ, сверхъ покрова, который завѣшивалъ ея чело и глаза.

— Наталья убогая! проговорила царица, и потомъ промолвила тихо царевнѣ нѣсколько словъ, обращая вниманіе Ксеніи на старушку и спутницу ея.

Отблагодаривъ высокихъ покровительницъ, онѣ послѣдовали за прочими монахинями мимо королевича.

Едва преклонилась передъ нимъ старица, вдругъ раздалось глухое восклицаніе, и рясофорка, поддерживающая ее, заколебалась, припала безъ чувствъ на колѣна, голова ея закатилась назадъ, шапочка и покровъ спали съ чела.

Густавъ помертвѣлъ.

— Что съ тобою, бѣлая моя голубка? проговорила тихо старица, очнувшись отъ испуга и слѣдуя за бросившимися на помощь инокинями, которыя приподняли и понесли на рукахъ безчувственную духовную дочь ея.

Когда Густавъ очнулся, дико озираясь кругомъ, богослуженіе началось; но вниманіе и взоры присутствующихъ углонялись еще

отъ созерцанія святыни, еще не насмотрѣлись вдоволь на пресвѣтлую царевну и королевича.

Густавъ стоялъ блѣденъ, съ поникшей головой, и взоръ его ни разу не обратился на молящуюся Ксенію, въ груди которой замирало сердце.

«Или зракъ пресвѣтлой царевны слѣпитъ очи твоей королевской милости, что словно отъ солнца уклоняешься», думалъ Аѳанасій Ивановичъ, глядя на Густава, посматривая на стороны и замѣчая, что чело царицы-инокини омрачилось.

Но Густавъ не понималъ, что̀ происходило вокругъ него, не видѣлъ, ка̀къ кончилось служеніе литургіи оглашенныхъ.

— Теперь уже твоей свѣтлой милости быть здѣсь не подобаетъ, сказалъ ему смущенный думный дьякъ, возвѣщая о времени отъѣзда.

Густавъ послѣдовалъ за нимъ безсознательно.

VII.

Въ то время, какъ являли царицѣ-инокинѣ избраннаго великимъ государемъ, братомъ ея, въ будущаго зятя, королевича свейскаго Густава Ириковича, всѣ, кому указано было наблюдать надъ его королевичевымъ смотрѣніемъ невѣсты, замѣтили внезапную въ немъ перемѣну, какъ будто съ чернаго глаза.

Тогда же перекинулись взглядами и перешепнулись межь себя няня царевны и княгиня Катерина Григорьевна. Ей, сестрѣ своей любительной, довѣрила царица дочь свою, снаряжая и отпуская ее, въ великій часъ воли божіей, предстать передъ свѣтлые очи ея суженаго.

Невесело возвратилась царевна, словно сердцемъ чуя недоброе; а на нянѣ лица не было, зло брало старую Захарьевну.

— Чѣмъ порадуешь душу мою? спросила матерь-царица входящую къ ней сестру свою.

Воздохнула боярыня княгиня Шуйская, будто искала и не находила слова.

— Чѣмъ порадовать! перехватила рѣчь няня, входя слѣдомъ за боярыней: — не путемъ по̀чали, не добромъ и скончали!

— Царица небесная! въ испугѣ воскликнула великая государыня: — говори, что̀ такое?

— Знамо и видимо, что *стѣнь* нагнали! сквозь слезъ промолвила няня.

— Спаси Господи и помилуй! прошептала Марья Григорьевна, блѣднѣя.

— Вѣщало сердце, не къ добру; что сычъ разухался юродивый въ кельѣ царицы великой инокини... Какъ вошли въ соборъ, все, кажись, было по божьему благословенію, личико царевны красой горѣло, и королевичъ-отъ, таково весело и радостно, что соколъ, уставилъ на нее оченьки... а тутъ словно вѣдовская нечистая сила стѣнью ворвалась, индо черница сомлѣла... И словно вмѣсто свѣтлаго образа царевны, королевичу невѣсть что̀ причудилось — помертвѣлъ сердечный, понурилъ голову, да такъ и не подымалъ съ земли очей!...

Царица всплеснула руками.

— Вѣдала я, сердце чуяло, что золовушка, подъ ангельскимъ образомъ, сѣетъ мнѣ горе и печаль! сказала она въ сокрушеніи, срывая сердце.

— Злаго, молъ, сѣмени, злыя отрасли... что̀ захочетъ, на томъ поставитъ! прибавила Катерина Григорьевна, знавшая ненависть Ирины къ роду Малюты-Скуратова.—Глазъ-то у нея каленый уголь. Добро еще, великая государыня, что не сама ты была въ поѣздѣ: съ больной головы взвели бы на здоровую... Только не слѣдъ теперь говорить о томъ царскому величеству...

— Его великаго государя родительская воля! простонала, подавляя свое негодованіе и смиряя сердце, Марья Григорьевна:— а вы блюдите царевну пуще зѣницы ока, да держите языки на привязи.

Между тѣмъ Аѳанасій Ивановичъ какъ будто растерялъ свою посольскую сметливость. Не домекалъ онъ, что̀ такое съ его ясной свѣтлостію словно въ одночасье приключилось, и по какой винѣ простоялъ онъ въ храмѣ и домой вернулся, какъ туча черная?...

Въ недоумѣніи и страхѣ явился Власьевъ предъ царскія очи для доклада.

— Пресвѣтлой царевны, присущей во храмѣ, яко бы ангельское видѣніе ослѣпило его королевскую милость... воротился домой смущенъ и словно болѣзненъ, безъ запинки проговорилъ ловкій на слово Аѳанасій Ивановичъ.

— Сирота безпріютный... въ глаза великой благостынѣ нелегко смотрѣть... Радость смущаетъ и болѣзнь приключаетъ, вслухъ подумалъ царь Борисъ Ѳедоровичъ, довольный впечатлѣніемъ, произведеннымъ на королевича его дочерью. Послать дохтура Фидлера наблюсти здоровье его королевской милости.

Думный дьякъ, въ знакъ послушанія, поклонился передъ царскимъ величествомъ.

— Отписалъ бы онъ дядѣ своему, настоятелю коруны свейской, что къ тихому-де и безбоязненному пристанищу прибылъ

и отъ царскаго моего величества дары и честь, и все какъ подобаетъ государскимъ дѣтямъ, получилъ, и казною-де и городы, и людьми пожалованъ.

Власьевъ повторилъ поклонъ, и по мановенію государя царя изготовился къ выходу; но Борисъ остановилъ его.

— Слухъ дошелъ до меня, что рижанамъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ шведовъ во всемъ тѣснота... да и въ финской землѣ, что̀ нынѣ въ вотчину королевичевой матери, рознь и поруха уряду, дани и пошлины не по праву и въ разореніе... Писать отъ меня Арцы-Карлу, настоятелю коруны свейской, что тѣ вотчины свои, свейскій королевичъ Густавъ Ириковичъ и свѣтлаго величества матерь его, подъ нашею царскою рукою будутъ держать по своему достоинству, и онъ бы, Арцы-Карло, тѣ вотчины поступилъ законнымъ обладателямъ, и былъ бы съ нашимъ царскимъ величествомъ въ братской любви и въ соединеніи.

Заключивъ тѣмъ наказъ свой, Борисъ Θедоровичъ отпустилъ Власьева, который, обдумывая все по благому государеву желанію, отправился къ королевичу и сказалъ ему волю царскую.

Выслушавъ разсѣянно, какъ будто дѣло нисколько до него не касалось, Густавъ не промолвилъ слова.

— Мудро сказалъ государь Боричъ Θедоровичъ, что нежданная благостыня нелегка на душѣ, помыслилъ про себя Власьевъ.— Не прикажетъ ли твоя милость позвать нѣмцевъ гудочниковъ или нашихъ пѣсельниковъ, поразсѣяться да потѣшиться?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, нѣтъ! отвѣчалъ Густавъ.

— И въ раю жить тошно одному, говоритъ пословица, оборотилъ Аѳанасій Ивановичъ на иной ладъ, пытая причину мрачнаго расположенія духа его.

Густавъ безмолвно отошелъ отъ него, и смотря въ окно, казалось, ожидалъ, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ.

— А твоей бы ясной милости, по нашему, по бывалому — защемитъ тоска, а ты возьмешь да и размыкаешь ее по чисту полю...

— Правда, Аѳанасій Ивановичъ, сказалъ Густавъ, схватившись за мысль, на которую навелъ его бояринъ. Въ лицѣ его изобразилась рѣшимость непреклонной воли.

Довольный, что повидимому нашелъ лекарство отъ королевичева недуга, Власьевъ поспѣшилъ домой излагать наказъ великаго государя.

Не принимая участія въ продолжительной по обычаю трапезѣ, Густавъ разсѣянно слушалъ говоръ и споры свиты своей—бояръ, угощавшихъ отъ имени царя, дворянъ и боярскихъ дѣтей, состоявшихъ при немъ *для береженія и на разсылку*. Выпивъ здра-

віе царское, онъ всталъ, предоставивъ всѣмъ присутствовавшимъ продолжать столованье, и вызвалъ къ себѣ Зубцовскаго.

— И что жь таково, твоя милость по сѣнюшкамъ ходитъ, бѣлы руки ломитъ? спросилъ Петръ, отъ котораго не утаилось мрачное расположеніе духа Густава.

— Вели сѣдлать коней и поѣдемъ вмѣстѣ.

— А куда жь бы съ твоей ясностію намъ путъ держать по сумеркамъ?

— Въ Новодѣвичій, ко всенощной, произнесъ Густавъ, такимъ голосомъ, который не допускалъ возраженія.

— По наказу государеву, по благословенію патріаршему? спросилъ однако Петръ.

— Безо всякаго наказу... Чтобы никому не въ домёкъ... Пару коней за садовую ограду; а тамъ, что̀ Богъ дастъ... слышишь?

Зубцовскій пожалъ плечами, остановился на минуту въ недоумѣніи; но взглянувъ на его ясную милость, махнулъ рукою.

— Э, кой бѣсъ вомчитъ, тотъ и вымчитъ! сказалъ удалый Петръ, тряхнувъ головой.—Ужь коли воля твоей свѣтлой милости — я твой слуга нетомлёный, конь неморёный! И Петръ, недолго думая, пошелъ припѣваючи: не солжетъ таланъ, такъ украдемся, съ милымъ дружкомъ повидаемся!

Это былъ канунъ праздника Усѣкновенія Главы Предтечи. Во всей Москвѣ народъ готовился ко всенощному бдѣнію. Но ранніе сумерки не огласились еще благовѣстомъ всѣхъ сорока-сороковъ московскихъ, какъ Густавъ, оставивъ Петра съ коньми за оградой, стоялъ уже, въ накинутомъ на плеча охабнѣ, на головѣ тафья, на соборной паперти.

Пусто еще было въ храмѣ. Нѣсколько монахинь затепливали лампады. Черныя тѣни ихъ, въ клобукахъ и длинныхъ влекущихся мантіяхъ, проносились суетливо. Вскорѣ начали стекаться ранніе богомольцы; потянулись чинно инокини и послушницы изъ келій. Взоры Густава сторожили, впивались въ каждую проходящую. Но вотъ прошла уже и великая инокиня.

— Боже великій! воскликнулъ мысленно Густавъ: — неужели искушаетъ меня собственное воображеніе?

Голова его поникла, онъ прислонился къ стѣнѣ у входа, какъ разслабленный силами, убитый для жизни.

«Азъ же милостію твоею вниду въ храмъ твой!» раздался тихій, но внятный душѣ голосъ на порогѣ храма.

«Не отринь, Владыко, моленія сердца моего!» послышался Густаву и другой, произносимый сквозь слезы голосъ.

Старушка богомолица съ спутницей своей вошли во храмъ; Густавъ, какъ будто ожилъ и бросился вслѣдъ за ними.

Едва царица-инокиня стала на свое мѣсто, загудѣлъ большой соборный колоколъ, и народъ сталъ приливать въ церковь. Началось служеніе.

Густавъ не чувствовалъ времени; онъ стоялъ, какъ вкопаный, проникнутый молитвой, въ полномъ самозабвеніи.

Хоръ возгласилъ наконецъ: *Взбранной Воеводѣ!* Свѣтильники въ храмѣ стали угасать, прочелъ уже священникъ и отпустъ.

Ирина двинулась обратнымъ шествіемъ, за ней повалила толпа утомленныхъ богомольцевъ.

Густавъ очнулся, пошелъ за всѣми; но колеблемый какой-то внутренней силой, снова прислонился къ стѣнѣ у порога храма.

— Слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ! произнесла дряхлая старица, заключая долгую молитву и также направляясь къ выходу, въ сопровожденіи своей рясофорки.

— Панночко! остановилъ ихъ, кланяясь спутницѣ старушки стоявшій на паперти старецъ:—чи здорова жь ты, мое сердце?

— Спасибо, Васильку, здорова, раздался голосъ, отъ котораго невыносимо забилось сердце Густава.

— Бувай здорова! примолвилъ старый дѣдъ, и пошелъ своей дорогой.

Какъ безумный ринулся Густавъ во слѣдъ за уходящей Іоганной и потонулъ во тьмѣ наступившей уже глубокой ночи.

— Іоганна! прошепталъ онъ ей, поровняшись съ нею:—если ты погребла себя заживо, и я умру той же смертью!...

— Господи! проговорила Іоганна:—помоги мнѣ!

— Воскреси мою душу искрой надежды!...

Но, запечатлѣнныя душевнымъ обѣтомъ, уста Іоганны молчали; она шла твердымъ шагомъ подлѣ духовной матери своей.

— Іоганна! простоналъ Густавъ, удерживая ее уже входящую на ступени крыльца кельи.

— Оставь меня! произнесла Іоганна, умоляющимъ голосомъ:— я мертва для міра, я принадлежу Богу!

И растворенная дверь захлопнулась за нею, какъ гробовая доска.

Долго Густавъ стоялъ, какъ окаменѣлый, тяжело перевелъ духъ и медленно пошелъ къ выходу.

— Ну, слава тебѣ Господи, насилу-то кончилась! сказалъ Зубцовскій, подводя ему коня.

— Все кончилось! проговорилъ Густавъ, въ отвѣтъ и ему и самому себѣ.

VIII.

Послѣднее слово Іоганны заживо перенесло Густава за ту грань, которая отрѣшаетъ человѣка отъ всякаго земнаго страданія.

Лицо его было блѣдно и приняло выраженіе безстрастія.

Приписывая это состояніе нездоровью, его оставляли въ покоѣ, не тревожа предложеніями потѣхъ, не неволя чествованіями.

Однажды вошли къ нему Аксель Тролле и Христофоръ Каторъ, видимо взволнованные.

— Жданные гости наконецъ въ Москвѣ, сказали они.

— Кто такіе? спросилъ разсѣянно Густавъ.

— Карлъ Генриксонъ и Георгъ Клаусенъ прибыли вчерашняго дня, пасмурно объяснилъ Аксель.

— Пріѣхало шведское посольство?

— Пріѣхало, подтвердилъ онъ, удивляясь равнодушію Густава.

— Герцогъ Карлъ, дядя вашей свѣтлости, провозгласилъ уже себя королемъ Швеціи, подъ именемъ Карла IX, добавилъ дрожащимъ голосомъ степенный и обыкновенно невозмутимый Христофоръ Каторъ.

— Да здравствуетъ король Швеціи Карлъ IX, сказалъ спокойно Густавъ.

— А Спарре? а всѣ прочія жертвы? воскликнулъ пылкій Тролле:—Спарре казненъ, съ нимъ пять государственныхъ совѣтниковъ сложили свои головы!

Еще весьма недавно эта вѣсть привела бы въ отчаяніе Густава, но теперь онъ смотрѣлъ на этотъ міръ и на всѣ его событія жильцомъ иного міра.

— Не избѣжалъ своего жребія! произнесъ тихо Густавъ.

— Но вашей свѣтлости предстоитъ почтить память мучениковъ! обнажить мечъ за ту цѣль жизни своей, за которую погибли они! восторженно воскликнулъ Тролле.

Густавъ посмотрѣлъ на него, и безмолвно отвелъ голову въ сторону.

Аксель Тролле не вынесъ этого равнодушія и съ сердцемъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. Каторъ послѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ гонцовъ царскихъ, эти вѣсти онъ знаетъ прежде насъ, и онѣ видимо поразили его, сказалъ онъ.

— Но если это не безчувствіе, то слабость! надо дѣйствовать! отвѣчалъ вспыльчиво Тролле.

Тѣмъ временемъ, многочисленная прислуга королевича, скучая тишью, которая водворилась въ домѣ, и зѣвая отъ бездѣлья, расположилась на крыльцѣ.

— Гдѣ былъ?

— На торгу.

— Что̀ по чемъ?

— Горохъ по мѣшкамъ, деньги по мошнамъ,

— Петруша, знаешь что̀? сказалъ дьякъ королевичевъ Дороѳей Бохинъ, отводя Зубцовскаго въ сторону: — твой знакомецъ-то чернецъ Юшка Чудова монастыря, что̀ былъ въ келейникахъ у патріарха, да на покаянье сосланъ на Угрежъ—бѣжалъ.

— А чортъ-лѣшій меня съ нимъ знакомилъ, съ бѣсовскимъ сыномъ!

— А тревогу-то какую тамъ учинилъ! въ кельѣ оставилъ памятцу — написалъ: «азъ есмь царевичь Дмитрій Іоанновичъ»...

— Ахъ онъ бѣсово іезуитское чадище! при мнѣ у князя Острожскаго отрекался отъ папежа; а какъ спровѣдали, что онъ лазутчикъ—бѣжалъ собака на Запорожье. Собралъ на Украйнѣ всѣхъ бѣглыхъ, да всѣхъ *распуженыхъ* отъ царя Бориса. Да и въ ту пору чуть не поднялъ баламута, величая себя государскимъ сыномъ. А какъ пришелъ я туда...

— Молчи!... Сапунъ Абрамовъ ухо приставилъ!...

— А кто вверху? спросилъ Петръ Зубцовскій, обратясь къ одному изъ боярскихъ дѣтей.

— Никого вверху; сидитъ однимъ одинъ.

— А нѣмцы гдѣ?

— Повымело. Почуяли, что своихъ нанесло изъ заморья, и потянуло ихъ словно мухъ къ меду.

— А пущаютъ ихъ на посольское подворье?

— Кому пропускъ, а имъ вольная дорога.

— Вотъ ползетъ; невеличекъ ростомъ, кургузыхъ статей; а селезень, походка утиная, сказалъ одинъ изъ честной бесѣды, указывая на идущаго по двору малаго, въ одеждѣ корабельнаго юнги, въ нахлобученной на глаза шляпѣ и въ накинутой эпанчѣ.

— Куда переваливаешься съ боку на̀ бокъ? ты! мелюзга нѣмая!

— Къ его королевской милости? съ лекарствами, что̀-ль, отъ дохтура?

— Отъ дохтура, проговорилъ юнга, воспользовавшись догадкой боярскаго сына.

— Отъ дохтура? съ скляницами? кто на вѣстяхъ, провожай скляницы.

Войдя послѣ доклада въ покой, гдѣ сидѣлъ Густавъ, облокотясь на столъ, и задумчиво перелистывая книгу, юнга снялъ шляпу.

Смугловатое лицо его разгорѣлось, глаза впились въ королевича. Онъ стоялъ безмолвно, какъ будто выжидая, чтобъ онъ самъ обратилъ на него вниманіе.

— Отъ Фидлера лекарство? отнеси ему назадъ, и скажи, что я здоровъ, сказалъ наконецъ Густавъ, продолжая читать.

— Не отъ доктора, а отъ королевы, наиаснѣйшей матери вашей мосци...

Густавъ взглянулъ, и схватился руками за голову.

— О, Боже милосердый! вскрикнулъ онъ: — къ чему еще мерещется мнѣ это чудовище!

— Пане мой, сама королева признала внука своего Казмира...

— Молчи! адскій призракъ!

И съ этимъ словомъ Густавъ вскочилъ, какъ будто желая очнуться отъ болѣзненнаго бреда.

Но во всей вскипѣвшей наружности мнимаго юнги видна была уже Кася. Грудь ея то вздымалась, то опадала; глаза сверкали. Она залилась язвительнымъ хохотомъ.

— Женихъ московской царевны! ты бросилъ меня, а я тебя никогда, нигдѣ не оставлю!... Утопись въ морѣ, и я за тобой, о, блудный королевичъ!... А гдѣ твоя панна Іоганна? она гдѣ? Вмѣстѣ сбирались вы бѣжать въ Московщизну?... Знаю, знаю я ваши думки... Мнѣ самъ дьяволъ на ухо ихъ шепчетъ...

— Вонъ! чудовище! грозно крикнулъ Густавъ, указывая на двери.

Онъ самъ былъ страшенъ въ эту минуту.

— Кого твоя милость изволитъ кликать? спросилъ торопливо вошедшій Петръ.

Кася окаменѣла. Зубцовскій явился передъ ней, какъ изъ-подъ земли, нежданнымъ изобличителемъ.

— Возьми ее! проговорилъ внѣ себя взволнованный Густавъ.

— Наше мѣсто свято! невольно вскрикнулъ и Петръ, крестясь и чураясь. — Пани кастелянка!... Ужели честной вдовой, со всей семьей къ намъ пожаловала?

— Возьми съ глазъ моихъ эту ехидну, или я убью ее! повторилъ Густавъ.

Блѣдная и растерянная Кася шла за Зубцовскимъ, который влекъ ее за руку.

— Какъ же это ты, вельможная сударушка моя: или не пожилось въ кастелянскомъ палацѣ, такъ въ Яузскую слободку, въ нѣмецкій кабачокъ, винной торговицей въ залавочекъ?... Туда, что̀-ль, проводить?

— Поди прочь! крикнула Кася, очнувшись, какъ змѣя отъ нанесеннаго ей удара.

— Ступай-себѣ съ Богомъ, сказалъ онъ, остановясь и смотря ей въ слѣдъ. — Дутая скляница, скоморошья плясавица! подъ цымбалы ходитъ, глазами водитъ!... Смотри, пожалуй, какой нежданый гость: ѣхала мимо, завернула по дыму!... Какъ же, про тебя, про свѣта, все приспѣто!

Замѣтивъ, что на улицѣ народъ кинулся бѣжать: куда? крикнулъ Петръ.

— Свейское посольство, отъ царя, слышь, ѣдетъ!

— Не пойдти-ль и мнѣ, чай, тамъ насъ недостаетъ, такъ ждутъ съ вѣтра.

И беззаботная башка Зубцовскій отправился, позабывъ объ кастелянкѣ, вслѣдъ за народомъ.

Въ ту пору, царь Борисъ Өедоровичъ былъ озабоченъ переговорами съ шведскимъ посольствомъ, и болѣе нежели когда нибудь думалъ о новомъ прибалтійскомъ королевствѣ, для будущаго своего затя.

Между тѣмъ, царица Марья Григорьевна воздыхала про себя, глядя на милое чадо, пресвѣтлую царевну, которая съ самой поѣздки своей къ тёткѣ-инокинѣ царицѣ въ личикѣ перепала и неулыбой сидѣла за пяльцами.

Няня Елисѣевна горевала вмѣстѣ съ ней, и то стояла пригорюнясь, да посматривала на грустную царевну, то уходила размыкать горе въ подклѣтье къ сѣннымъ дѣвушкамъ.

Здѣсь въ обширной, нарядной избѣ, сиднемъ сидѣла — *мать толста* — печь изразцовая; а на томъ сиднѣ лежнемъ-лежала — не слѣзала, былая *верховая* богомолица, столѣтняя слѣпая старуха Моисеевна. Лежитъ-себѣ, да охаетъ, паритъ старыя кости, а иной часъ и приподнимется, да начнетъ причитать, разсказывать апостольскіе обиходы, или хожденіе Богородицы по мукамъ.

Сѣнныя дѣвушки, когда слушаютъ, а когда и ухомъ не ведутъ на то, что̀ старуха бурчитъ себѣ подъ носъ.

— Свято мѣсто рая за двадцать поприщъ отъ святого Макарія стоитъ... свѣтъ самосіяненъ, и ликованія гласы вѣщаютъ; а мѣсто муки кромѣшныя, на закатъ солнца, на огнедышущемъ морѣ, червь не усыпающъ, и скрежетъ зубовъ...

— Заклохтала наша насѣдка! сказала съ сердцемъ одна изъ дѣвушекъ.

— Ты бы, баушка, сказала, какъ солнце-то по небу ходитъ? откликнулась другая.

— А ходитъ оно, дитятко, своимъ хожденіемъ, какъ повелѣ Господь.

— А огненныя-то Холедры, какъ прилетаютъ къ нему?

— Прилетаютъ Холедры, птицы огненныя, и окунаютъ свои

крылья въ океанъ-рѣкѣ и кропятъ на солнцѣ; а попалитъ оно ихъ, и онѣ голы, аки щипаны бываютъ. А на закатъ солнца окунаются тѣ птицы въ великой окіанъ-рѣкѣ, и поростаютъ снова крылья ихъ. Того ради и пѣтелъ пророкомъ-вѣщуномъ слыветъ...

— Вѣщуномъ слыветъ, спать не даетъ!

— Охъ дѣвка-бой, все въ перебой!

— А ты лучше разгадай, чтò землю держитъ?

— А держатъ землю воды высоки, отвѣчала старуха.

— Вишь ты, знаетъ; а чтò держитъ воду?

— А великъ камень.

— А чтò держитъ камень?

— Четыре кита.

— А чтò держитъ китовъ? небось дубъ желѣзный?

— Сама ты дубъ дуплястый, рябина дряхлая!

— Тише, дѣвки, орите! слышь, няня Елисеевна идетъ!

И въ самомъ дѣлѣ, вошла въ камчатномъ шугайчикѣ и въ шитой золотомъ кикѣ няня царевны.

— Ну, чтò, красавицы мои, призадумались? и безъ вашей думушки тяжко таково на сердцѣ... И Моисеевна на печи словно запарилась, голосу не подаетъ, проговорила няня, прилегая на лавку и поохивая въ подпольи, какъ царица Марья Григорьевна наверху, передъ своими верховыми боярынями.

— Что, сударыня-матушка, Марѳа Елисеевна, пугаетъ она тутъ насъ, филиномъ гукаетъ: чему, говоритъ, быть доброму: изба, вишь, хрўстомъ хруститъ, огонь бучитъ, искра прядаетъ... Божьи, говоритъ, наказанья валомъ валятъ, идутъ тучами...

— Типунъ ей на языкъ, что недобро каркаетъ!

— А вотъ, не забыть сказать, прачка Устюшка, на Лебяжьемъ пруду устрѣтила странницу-богомолку, и говорила она ей, что исходила по всѣмъ святымъ мѣстамъ, и принесла, молъ, государынѣ царевнѣ отъ призора очей и отъ всякихъ злыхъ недуговъ ладонку.

— Государынѣ царевнѣ! всполошилась няня: — отколѣ она?... а можетъ, вѣдунья какая?

— Устюшка пытала ее: покажь, молъ, чтò у тебя есть—она жь молвитъ: «есть» — а дѣвка говоритъ: дай-ко сюда, мы покажемъ нянюшкѣ; а она отмолвитъ: «я дала-де такую жь ладонку боярынѣ княжъ Дмитріевой княгинѣ; а княгиня дочкѣ своей на шейку повѣсила»; а она ей съ дуру:—принеси, молъ, и намъ завтра о вечорнѣ.

Няня покачала головой

— А ты бы, умница, покликала ее ко мнѣ, чѣмъ болтупа-то болтать, обратилась она къ Устиньѣ.

— Чтó жь, покличу, отвѣчала она.

— То-то; а придетъ, скажи мнѣ... Носа-то не копай перстомъ, дура неумытая! наверхъ придешь ко мнѣ, кашлять не моги, ни сморкать, а въ уголъ стань, и вѣжливенько стой, да жди, и по сторонамъ не зѣвай.

Послѣ этого строгаго наставленія, возвратясь наверхъ, няня принялась съ мамой Захарьевной укладывать въ кипарисную скрыну *бѣлую казну*, принимать ее отъ мастерицы, и вмѣстѣ съ боярыней, княгиней Авдотьей Михайловной осматривать, чтобы все было чисто, бѣло, цѣло, да грѣшнымъ дѣломъ — лихимъ человѣкомъ не было бы надъ чѣмъ вѣдовства или порчи окаянной.

— Укладывай ладненько, говорила боярыня Захарьевнѣ: — сорочки и полотенца я сама осматривала.

— А глядь-ко, родимая, словно по утиральничку-то потоки отливаютъ, сказала няня.

Княгиня нагнулась къ утиральнику.

— Какіе те тутъ причудились потоки? словно объярь серебряная накатана.

— А вотъ, у одѣяла-то у большого, на *гривѣ* прòторчи, чтò ли? сказала мама.

Княгиня стала разсматривать и гриву одѣяла.

— Куриная слѣпота! это проторчи?

На шелковой сорочкѣ царевны, на самомъ вороту, неспорно, оказалась проточинка, и княгиня Авдотья, для охранности, послала няню Елисеевну самолично разспросить, кто тое сорочку изъ мастерицъ мылъ, и отдавая мыть, кто осматривалъ, и въ тѣ поры, по осмотру, проточинка та на вороту была ль?

Въ сѣняхъ ждала уже ее Устюшка, и стояла въ углу по ея наказу вѣжливенько.

— Провалъ те возьми, нèколи! пусть въ другорядь придетъ, сказала ей няня, поспѣшая: — или постой, пусть пообождетъ, примолвила она.

Ладонка отъ глазу лежала у нея на сердцѣ.

— Царевна, словно свѣча яраго воску таитъ! бормотала она про себя: — и королевичъ, слышно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ самъ не свой, и съ того часа лихого захирѣлъ!

Печалуя о царевнѣ и спѣхомъ спѣша, Елисеевна собрала всѣ показанія о проточинкѣ. Мастерица, чтò мыла, и та, чтò отдавала мыть, и боярыня-кроильщица и боярыня-швея показали единогласно, что проточинка та искони-вѣку была, на шелку сама уродилась.

Удовлетворяясь донесеніемъ, княгиня Авдотья сорочку въ скрыну

спрятала; а няня, выждавъ время, сбѣжала въ избу, къ сѣннымъ дѣвушкамъ въ подклѣтье.

Войдя и помолясь на иконы, она осмотрѣлась, и запримѣтила сидѣвшую въ почетномъ углу странницу-богомолку, въ черной ряскѣ, съ нахлобученнымъ на глаза платкомъ.

— Богъ помощь, родная! сказала она, поклонясь ей малымъ поклономъ и всматриваясь въ нее.

Не вставая съ мѣста, богомолка кивнула головой.

— Уйми ты, родная, старую Моисеевну, сказала одна изъ дѣвушекъ:—не даетъ честной гостьѣ слова молвить, все перечитъ: какой, говоритъ, Никола въ Римѣ...

— Никола въ Римѣ! откликнулась Моисеевна. — Никола во градѣ Барѣ, и тотъ градъ Баръ каменною оградою огражденъ, и врата отъ камене сѣченнаго зданныя... Сама была въ церкви Святителя подъ спудомъ, была и мѵро въ сосудцѣ отъ святыхъ мощей принесла...

— Добро, добро, свѣтъ, помолись, да и спать ложись! сказала ей ласковымъ словомъ Елисеевна:—а ты, сударка, въ гнѣвъ не пріймай, что старая осина скрипитъ; да поразскажи, гдѣ была-побывала?

— По всѣмъ святынямъ въ иноземныхъ далекихъ государствахъ была, отвѣчала странница.

— Чтò же ты тамъ, сударка моя, видѣла и слышала, и чтò намъ принесла хорошаго?

— И не пересказать всего, чтò я въ тѣхъ святыхъ мѣстахъ видѣла, и чего въ тѣхъ далекихъ странахъ за трапезами царскими понаслышалась.

— Вотъ какъ; и какъ же тебя звать-величать дорогую гостью, чтò въ почетѣ у великихъ государей сиживала? спросила ласково подозрительная Елисеевна.

— Слыхали про боярыню Наталью убогую, чтò роздала все имѣніе свое нищимъ и приняла вольную нищету?

— Какъ не слыхать про Наталью убогую; она у насъ на Москвѣ въ Новодѣвичьемъ теперь.

Странница - богомолка смутилась. Видимо, что попытка явиться подъ именемъ извѣстной подвижницы не удалась.

— Ино, ты-то кто такова, сударка моя? спросила Елисеевна.

— Кто я такова?... про то будетъ знать пресвѣтлая ваша царевна... только ей скажу, и отведу ее отъ позора и бѣды.

— Отъ позора и бѣды! Царица небесная! вскричала няня: — да въ умѣ ли ты, мать моя, какъ тебя звать-величать не вѣдаю? такія рѣчи на вѣтеръ, что ли, говоришь?... Вы, лебедки,

ступайте-себѣ по угламъ, не ваше здѣсь дѣло! прибавила няня, обращаясь къ дѣвушкамъ.

— Чтò я говорю, тó вѣрно знаю, отвѣчала смѣло странница.

— А коли знаешь, да повела слово, такъ и договаривай: мимо воротъ въ избу не ходютъ, мимо уха царевниной нянюшки, вѣрной рабы, слово не пролетитъ.

— Если ты вѣрная раба, такъ скорѣе веди меня къ царицѣ; я ей разскажу про замыслы злодѣевъ ея... Она узнаетъ, какая бѣда ожидаетъ царевну!...

Эти слова перепугали няню, но она одумалась.

«А Господь же тебя вѣдаетъ, голубка, чтò ты тамъ про кого знаешь», помыслила Елисѣевна:—нѣтъ, свѣтъ ты мой, мнѣ тебя вести, головы не снести; да и у тебя про запасъ нѣтъ другой!

— Я за свою голову не боюсь! не надъ моей головой бѣда! проговорила озлобленно паломница.

— Да моя-то не на твоихъ плечахъ, сударка!... а чтò скажешь, будетъ пересказано, и коли мать наша великая государыня разсудитъ, да велитъ тебя, богомолицу, въ свои хоромы пустить, то и мѣсто тебѣ будетъ тамъ по отечеству.

— Такъ скажи же своей великой государынѣ... Скажи, что я не простая странница, не Богу къ вамъ молиться пришла, а пришла оттуда же, откуда прiѣхалъ женихъ вашей царевны!... пришла сказать, что у этого жениха жена на Литвѣ и дѣти съ нею прижитыя...

— Съ нами сила крестная! проговорила, крестясь, няня.

— Ахъ, грѣхи! грѣхи! простонала на печи Моисеевна.

— Скажи своей пресвѣтлой царевнѣ, что я жену этого королевича знаю, какъ сама себя!

— Ну, мать моя, ужь коли ты такiя зазорныя рѣчи говоришь про королевскую милость, такъ не государынѣ царицѣ, не пресвѣтлой царевнѣ, да и не мнѣ слушать ихъ... Дѣвки! крикнула всполошась Елисѣевна: — поберегите странницу-то; а я тѣмъ часомъ наверхъ сбѣгаю... Тётка! прибавила она тихо въ дверяхъ къ сторожихѣ:—смотри, чтобъ чего не напрокудила безумная-то!

IX.

Невольная жертва и мученикъ чужихъ замысловъ и цѣлей, Густавъ раскаялся бы въ безумiи своемъ увлечь Іоганну изъ святой, тихой пристани, еслибъ зналъ, до какой степени возмутилъ миръ души, который она такъ тяжело выстрадала.

Съ самаго отъѣзда изъ Вильно, подъ покровомъ Натальи убо-

гой, провидѣніе вело ее путемъ уровненнымъ. Съ возвращавшимся царскимъ посольствомъ отъ императора Рудольфа прибыли они въ Москву, въ благодушное царствованіе Ѳеодора, и Новодѣвичья обитель приняла ихъ съ любовью. По слухамъ, дошедшимъ до набожнаго двора о юницѣ благорожденной, пожелавшей возвратиться въ лоно православной церкви, но въ смутахъ гоненій непринявшей еще возсоединенія, царица Ирина пожелала сама быть ея воспріемницей, нарекла ей во св. таинствѣ имя Анны, во славу почитаемой отъ народа Анны Кашинской, и предоставила обѣимъ странницамъ право оставаться въ обители, сколько пожелаютъ.

Съ тѣхъ поръ онѣ были сокрушенными зрительницами всѣхъ событій, которыя привели и Ирину подъ кровъ той же Новодѣвичьей обители. Царица-инокиня, милостивая къ своей крестницѣ, часто призывала ее къ себѣ съ благочестивой наставницей ея Натальей, бесѣдовала съ ними о дѣлахъ православной церкви на Литвѣ и скорбѣла вмѣстѣ съ ними о претерпѣваемыхъ ею бѣдствіяхъ.

— Не вѣдаю, заключала подобныя бесѣды Наталья:—божій ли судъ постигъ насъ, или злыхъ человѣковъ помышленія совершаются?

Храня мудрость св. писанія въ сердцѣ и въ памяти, великая инокиня, воздыхая, отповѣдывала:

— Суждено въ мірѣ быть соблазнамъ; но горе тѣмъ человѣкамъ, чрезъ коихъ соблазны приходятъ въ міръ!

Иногда, въ часъ скорби душевной, Ирина любила успокоивать взоры свои на кроткомъ лицѣ Іоганны.

— Пойдемъ, свѣтъ мой Анна, дорогое чадо мое, обращалась она часто къ ней милостиво: — пойдемъ по холодку пройдемся по стѣнамъ монастырскимъ.

И опираясь на плечо Іоганны, царица-инокиня всходила по лѣсенкѣ, ведущей на ограду. Озирая широко раскинувшуюся по холмамъ столицу съ ея посадами и пригородами, и обойдя зубчатыя стѣны, царица останавливалась противъ стрѣльчатыхъ башенъ Кремля, и взоръ ея, полный глубокой думы, блуждалъ по теремчатымъ кровлямъ дворца, вмѣщавшаго невмѣстимую гордыню брата ея, и по золотымъ главамъ собора, подъ сводами котораго покоились останки ея супруга.

Но отклоняя тяжелыя мысли отъ этихъ многоглаголющихъ ей памятниковъ, Ирина смотрѣла на юную спутницу свою, какъ иногда смотритъ человѣкъ, удрученный жизнью, на дитя, не то завидуя его дѣтскому безстрастію, не то страшась за него въ будущемъ.

Чудный отблескъ мира душевнаго, который озарялъ собою постоянно сумрачныя думы Ирины, Іоганна восприняла отъ праведной наставницы своей, Натальи убогой. Кроткая улыбка подвижницы, неземное выраженіе взора, голосъ, въ которомъ слышались только лучшіе звуки души человѣческой, вліяли на воспріимчивую душу Іоганны, оплодотворяя и умиротворяя ее.

— Упаси тебя мать пресвятая Богородица подъ кровомъ своимъ отъ треволненій и бурь житейскихъ! задумчиво, съ благостью душевной говорила ей царственная покровительница.

И долго оставалась иногда наединѣ съ нею Ирина, и только частые трезвонцы почетнаго караула на башняхъ напоминали ей о позднемъ часѣ.

Такъ возвращались онѣ съ прогулки, еще наканунѣ того рокового дня, когда съ тайнымъ помысломъ, царь Борисъ Өедоровичъ, по изъявленному желанію королевича видѣть православное служеніе, назначилъ для этого Новодѣвичью обитель.

— Господь храни тебя и помилуй, сказала Іоганнѣ царица-инокиня, благословляя и отпуская ее отъ себя.

Поклонясь большимъ обычаемъ, Іоганна направилась уже къ двери.

— Ино вернись ко мнѣ, остановила ее Ирина: — молись объ отроковицѣ Ксеніи, прибавила она:—Господь услышитъ твою святую молитву.

— Или нездорова царевна? осмѣлилась спросить Іоганна.

— Царевна здравствуетъ; молись о ней, да пошлетъ ей Господь долю благую... Да не вмѣнитъ ей отцовскаго прегрѣшенія и материнскаго немоленія, договорила она мысленно.

Дрожащій голосъ и страждущій взоръ царицы при этой просьбѣ напечатлѣлись въ очахъ и въ сердцѣ Іоганны.

Въ этотъ вечеръ носился уже въ монастырѣ шопотъ о предстоящемъ посѣщеніи обители иноземнымъ королевичемъ, но не дошелъ до кельи Натальи убогой, сторонившейся отъ всякаго пустого говора, и встрѣча съ Густавомъ поразила Іоганну всею своею неожиданностію.

Скоро, однако же, образумили ее раздающіяся хвалы пресвѣтлой царевнѣ и ея суженому.

— Пошли имъ, Владыко, долю благую! взмолилась она, припоминая наказъ царицы, но съ трудомъ воздерживая слезы.

Когда же Густавъ, какъ тать, прокрался во храмъ, и высказалъ ей свою душу, Іоганна не взвидѣла свѣта.

Съ трепетнымъ сердцемъ, затаивъ дыханіе и теряя силы, шла она подлѣ Натальи и слышала за собою шаги Густава; но когда мольбой отринувъ мольбу его, она вошла въ келью, земля за-

колебалась подъ ея ногами, и Іоганна бросилась на одръ свой.

Ничего не подозрѣвая, Наталья предложила ей вечернюю трапезу, но не получивъ отзыва, и полагая, что утомленная отроковица заснула, стала на молитву одна.

Іоганна слышала, какъ заскрежетали на желѣзныхъ петляхъ монастырскія ворота и замкнулись крѣпкіе замкѝ, оповѣщая, что въ обители нѣтъ уже никого чужого; но душа ея, какъ будто чувствовала еще присутствіе Густава, и до слуха долетали его страшныя слова.

«Боже!» думала она, искушаемая помыслами: «если онъ любилъ меня... если онъ еще любитъ меня! не сама ли я разрушила свое счастіе! Не было ли все это роковымъ недоразумѣніемъ?»

И сердце Іоганны такъ болѣзненно заныло, что невольный стонъ вырвался изъ ея груди.

Наталья оглянулась на нее и перекрестила ее молча.

«Но для чего же», продолжала свое тяжкое раздумье Іоганна: «для чего пріѣхалъ онъ сюда... женихомъ царевны... встрѣтилъ меня, и готовъ отказаться отъ нея? Что̀ это такое? Неужели это блажь легкомыслія?... Нѣтъ, не хочу осуждать его!... Кто разгадаетъ чужую душу, когда и самъ себя человѣкъ понять не въ силахъ!»

Тяжкій вздохъ снова вырвался изъ груди Іоганны.

«Боже милостивый, помоги мнѣ! взмолилась она: — разумъ мой помрачается, силы изнемогаютъ!»

Дочитавъ правило, Наталья подошла къ ней, наклонилась къ лицу ея, и увидя слезы, которыя точились сквозь закрытыя вѣки, тревожно спросила:

— Дитя мое, что̀ съ тобою?

Іоганна, прильнувъ лицомъ къ изголовью, зарыдала.

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ! произнесла старушка, всматриваясь на нее.

Долго рыдала Іоганна, не говоря ни слова. Наталья присѣла на кровать.

— Скажи мнѣ, о чемъ плачешь? спросила она кротко.

— Тяжко, Господи, тяжко! простонала Іоганна.

— Не ропщи на Бога, грѣхъ великій роптать на Создателя!...

— Изнемогаю!

— А ты возбодрись, моя бѣлая голубка, воззри на руку Господню, какими путями она вела тебя, вспомяни отъ какихъ бѣдъ упасла тебя!

— Пойдемъ отсюда! пойдемъ изъ Москвы! сказала Іоганна, и привставъ, обняла покровительницу свою, обливая ее слезами.

— Куда идти? На всякомъ мѣстѣ пути спасенія и вездѣ

кресты, для распятія плоти нашей, и нигдѣ не избѣгнетъ ихъ человѣкъ смертный!... По слову великаго крестоносца Павла «бѣды въ рѣкахъ, бѣды въ морѣ...» Знаетъ премудрость божія, сколько ветхому человѣку надлежитъ быть распяту, и устрояетъ тако, для свершенія надъ нимъ сей казни любви...

— Изнемогаю! повторила Іоганна въ сокрушеніи духа, подъ бременемъ своего новаго креста.

— Вспомяни кресты великой страдалицы, соимянницы твоей Анны Кашинской, сказала ей въ назиданіе Наталья.

Іоганна, не въ силахъ ничего воспоминать, молчала.

— Вся жизнь благовѣрной Анны Кашинской была цѣпь крестовъ, продолжала увѣщанія старушка.—Всю жизнь свою провела она въ безпрерывныхъ проводахъ свѣта-друга своего на брань съ супостатами родной земли, прощаясь и разлучаясь съ нимъ, какъ-бы въ послѣдній разъ оплакивая его, какъ отходящаго отъ міра, и глядя на богоданныхъ чадъ своихъ, какъ на осиротѣлыхъ птенцовъ гнѣзда—дворца ея княженецкаго.

Іоганна слушала безучастно; собственное страданіе заглушало въ ней всякое сочувствіе.

Наталья продолжала:

— Въ неумолкаемой молитвѣ благовѣрная княгиня пребывала въ готовности встрѣтить всякій крестъ отъ Господа, и въ этой готовности постигла ее мученическая смерть святого страстотерпца князя Михаила, друга ея совѣтнаго... Приникни, дитя мое, мыслію къ великому образу князя Михаила, обремененнаго узами, славящаго Бога, утѣшающаго бояръ—слугъ своихъ, и въ самыхъ истязаніяхъ вѣрнаго Богу, народу и землѣ своей... И то все перенесла благовѣрная Анна и, Господу наказующему, приняла крестъ свой...

— Пойдемъ на поклоненіе къ Аннѣ Кашинской, моей прославленной соимянницѣ, сказала вдругъ, какъ будто опомнясь Іоганна:—пойдемъ въ ея Успенскую обитель, и тамъ я сложу крестъ свой у ея креста... Нельзя мнѣ долѣе оставаться здѣсь на краю бездны!

— Господь съ тобою, дитя мое, гдѣ ты видишь бездну?

— Отведи меня отъ погибели!

— Отъ какой погибели? Боже милосердый!

— Тяжко мнѣ, тяжко, заметалась Іоганна:—избавь меня отъ меня самой. Я боюсь сама себя!

— Господь помилуй и спаси, какое искушеніе тяготѣетъ надъ тобою?

— Онъ... говорилъ со мной, онъ зоветъ меня покинуть обитель!...

Наталья остановилась въ недоумѣніи.

«Кто говорилъ съ нею?» подумала она: «не бредъ ли это?»

И она приложила руку къ челу Іоганны, чтобы удостовѣриться, не болѣзнь ли мутитъ ея воображеніе страшными видѣніями бреда.

— Слушай, сказала Іоганна, отстранивъ руку ея: — тотъ самый женихъ мой, съ которымъ я разсталась въ Краковѣ... онъ узналъ меня здѣсь, въ церкви, и я узнала его...

— Дитя мое, перебила кротко Наталья: — ты не связана иноческимъ обѣтомъ, ты свободна; хочешь снова идти въ міръ—иди.

Іоганна покачала отрицательно головою.

— Почему же? спросила старушка, испытуя ее взоромъ:—и въ мірѣ можешь стяжать вѣнецъ праведницы; въ чистомъ супружествѣ можешь угодить Богу; за чистоту супружеской жизни, за материнскую скорбь, благочестивая жена вѣнчается вѣнцомъ небеснымъ.

— Женихъ, обѣщавшійся мнѣ, теперь... женихъ царевны Ксеніи!—едва вымолвила отъ душевнаго волненія Іоганна.

— Онъ женихъ царевны!... такъ зачѣмъ же онъ спозналъ тебя? зачѣмъ и ты его спознала? строго спросила старица.

— И потому-то, что мы спознали другъ друга, мнѣ надо идти отсюда!... здѣсь я буду для него вѣчнымъ искушеніемъ, и мнѣ не будетъ здѣсь покоя!... Я и теперь слышу его голосъ, мнѣ и теперь чудится, что онъ здѣсь... Страшно, страшно мнѣ!

Іоганна прильнула къ нареченной матери, какъ испуганное дитя, оглядываясь робко, какъ будто въ самомъ дѣлѣ боясь, что Густавъ явится передъ нею.

— Уведи меня отсюда! укрой меня! спаси меня! — проговорила она, утопая въ слезахъ.

— Молись, молись, сказала благодушно Наталья: — молись, и не ужасайся. Молитва отгонитъ искушеніе, умиритъ духъ твой, дастъ тебѣ крилѣ голубине... Воспрянь, дитя мое, Господь снидетъ тебѣ на срѣтенье и слабой силѣ твоей дастъ крѣпость... Единаго въ немъ помощника въ скорбѣхъ имамы! Господь рѣшитъ окованныя, Господь возводитъ низверженныя. Уповай на Господа!

— Не могу здѣсь молиться, возьми меня отсюда! Отведи меня ко гробу благовѣрной Анны! Тамъ хочу окончить дни мои... Тамъ поживу и умру спокойно!

— Исполню желаніе и волю твою... испросимъ благословеніе царицы великой иноки, и пойдемъ ко гробу благовѣрной Анны! съ скорбнымъ умиленіемъ сказала Наталья.

X.

Уладивъ дѣло съ шведскимъ посольствомъ, признавъ герцога Карла королемъ Швеціи и братомъ любительнымъ, царь Борисъ Ѳедоровичъ выговорилъ въ пользу королевича Густава Эстонію, и тотчасъ же назначилъ день второго пріѣзда желаннаго зятя ко двору.

Осторожный и предусмотрительный Аѳанасій Ивановичъ, не страшась грѣха, уклонился быть въ приставахъ, накликалъ на себя недугъ и остался запершись въ избѣ своей.

На его мѣсто посланъ былъ за королевичемъ Иванъ Кузьминъ, да сподручникъ его Аѳанасій Рязановъ; и ѣхалъ онъ у королевича за возкомъ, а передъ возкомъ ѣхали королевичевы дворяне, нѣмцы и сорокъ человѣкъ боярскихъ дѣтей.

Пріѣздъ его къ государскому дворцу былъ по прежнему наказу. Встрѣтили его тѣ же именитые бояре; а явилъ государю королевича окольничій Петръ Басмановъ.

Государь царь Борисъ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ Грановитой Палатѣ въ царскомъ мѣстѣ и въ царскомъ платнѣ, и *въ діадимѣ со скифетромъ* и съ царскимъ яблокомъ, а въ сторонѣ его, по правую руку, сидѣлъ его царскаго величества сынъ, государь, царь и великій князь Ѳедоръ Борисовичъ всея Русіи.

Государь жаловалъ королевича, звалъ къ рукѣ, и послѣ того Густавъ былъ у руки царевича Ѳедора, и велѣлъ государь королевичу сѣсть отъ государева мѣста по лѣвую сторону, въ большой лавкѣ, что̀ отъ Благовѣщенія, на бархатномъ зголовцѣ.

По уставномъ освѣдомленіи о здоровьи, царь Борисъ Ѳедоровичъ взглянулъ въ очи гостю своему, и видя блѣдный обликъ его и страждущій взоръ, пожаловалъ спросилъ вдругорядь, какъ его Богъ милуетъ?

— Божіею милостію и твоимъ государевымъ жалованьемъ издоволенъ, отвѣчалъ Густавъ.

— Кто доволенъ разумно, тому бо́льшая приложи́тся, молвилъ государь, взглянувъ значительно на близь стоящаго любимца своего, Петра Ѳедоровича Басманова.

Столь же значительно и обдумчиво посмотрѣлъ царь и на сродственника своего, Семена Годунова и на другихъ сидѣвшихъ по лавкамъ бояръ, въ числѣ которыхъ не было въ то утро ни одного непріятнаго Борису лица.

Густавъ молча поклонился на жалованье, не проявивъ однако же той радости, которой могъ ожидать государь.

— Знаетъ ли, твоя ясность, что дядя твой Арцы-Карло на своихъ государствахъ король Свеи? спросилъ Борисъ.

— Знаю, отвѣтствовалъ равнодушно Густавъ.

— Не завидуешь ли ты, что онъ, Арцы-Карло, дядя твой, Богомъ избранный, благочестивый и христолюбивый король, воцарился на отчемъ и дѣднемъ престолѣ твоемъ?

— Не завидую, промолвилъ королевичъ спокойно.

— Благо ти чадо, уподобитися царю Соломону, просившему отъ Бога мудрости единыя... вся остальная приложйтся тебѣ.

Еще недавно готовый отстаивать права Густава, но вынужденный измѣнить свои намѣренія, Борисъ принялъ отвѣтъ королевича за то же смиренномудріе по разсчету.

Окинувъ еще разъ взоромъ предстоящихъ бояръ, онъ сказалъ:

— Богомъ свидѣтельствуюсь, что смиреніе твое стяжетъ достойное возмездіе... Получишь царство, коего будешь не наемникъ, а пастырь добрый...

— Не желаю царства! съ живостью перервалъ рѣчь цареву Густавъ.

Это изъявленіе нежеланія было дѣломъ знакомымъ Борису.

— Тяжко вынѣ царевѣ иго царства! сказалъ онъ:—о государствѣ и о земскихъ дѣлахъ радѣть и промышлять, всякую пядь земли отъ враговъ оборонять; вдовъ, сиротъ и младенцевъ отъ обиды и нужи всякія блюсти, за святыя церкви Божія и вѣру христіанскую животъ свой полагать... Но Богу вспомогающу, облегчу тяготы твои... Цалуй крестъ ко мнѣ и сыну моему государю, царю и великому князю Ѳедору Борисовичу всея Русіи, вѣрнымъ присяжникомъ пребывать и никогда не измѣнять.

— Христіанинъ обязуется враговъ любить и обидящимъ благотворить; тебѣ ли, доброжелателю моему, возмогу помыслить злое? присяга будетъ всуе произнесенное имя Божіе, сказалъ Густавъ.

Басмановъ и Семенъ Годуновъ съ недоумѣніемъ взглянули на королевича; но Борисъ, послышавъ въ голосѣ его искренность, улыбнулся и продолжалъ:

— Люди финляндскіе, чтя во мнѣ своего благодѣтеля и покровителя, поступаются тебѣ всею землею; а братъ твой, король Жигимонтъ, и дядя, король Карло, ради братскія любви ко мнѣ, государю твоему, готовы отречься отъ незаконныхъ правъ своихъ на Ливонію и Эстонію, и возвратить ихъ Москвѣ; они передадутъ ихъ тебѣ, присяжнику великаго государя московскаго и сына его великаго государя, царевича и великаго князя Ѳедора Борисовича.

— Ни одной области, ни одной пяди земли, не отторгну я отъ своей отчизны! съ рѣшимостію проговорилъ Густавъ.

Но и въ этомъ отвѣтѣ Борисъ воображалъ видѣть только затаенную рѣшимость Густава возвратить права свои на престолъ.

«Ни одной пяди», подумалъ онъ: «такъ, стало быть, всю отчину нераздѣльно!»

И увлеченный твердостію духа и смѣлымъ нравомъ нареченнаго зятя, добавилъ, пріосанясь царственнымъ величіемъ:

— Будущее въ рукахъ божіихъ; жалую тебя великимъ жалованьемъ: избираю и благословляю тебя своимъ зятемъ, мужемъ возлюбленной, единородной дочери моей, царевны Ксеніи...

— Благодарю, великій государь, на жалованьѣ, смѣло сказалъ Густавъ:—но не во гнѣвъ тебѣ, благодѣтелю моему — не желаю!

Борисъ поблѣднѣлъ; юный Ѳедоръ, взглянувъ на непоколебимое выраженіе лица Густава, содрогнулся; бояре стояли въ ужасѣ, ожидая изъ устъ царя грознаго приговора.

Въ эту минуту молчанія, тихій вопль, раздавшійся за рѣшоткою смотрительнаго окна, вывелъ Бориса изъ оцѣпѣненія.

Переломивъ себя, онъ проговорилъ спокойно и съ усмѣшкой:

— Твоя ясность обезумѣлъ отъ нежданнаго счастія!

Густавъ молча смотрѣлъ на него съ полнымъ равнодушіемъ къ жизни и смерти.

Этотъ безстрастный, прямой взоръ возмутилъ Бориса; онъ почувствовалъ въ груди своей одинъ изъ тѣхъ порывовъ Грознаго, которыхъ самъ былъ столько времени невозмутимымъ свидѣтелемъ. Подозрѣніе мелькнуло въ душѣ его, глаза налились кровью.

— По внушенію враговъ моихъ, или по своему безразсудству сказалъ ты свое дерзостное слово? спросилъ онъ.

— Враговъ твоихъ я не вѣдаю, а слово мое не дерзкое, а искреннее, государю моему милостивому.

— Образумься и одумайся, проговорилъ Борисъ, смягченнымъ голосомъ.

— Прошу царской твоей милости, сказалъ Густавъ: — вели выслать меня изъ государства.

— Я рѣшу, чѣму быть... Ступай на подворье, сказалъ царь, преодолѣвая себя.

Отпустивъ королевича, онъ приказалъ боярамъ ѣхать провожать его по обычаю, а Басманову и Годунову тайно дознаться о причинахъ непостижимаго его отреченія отъ великой царской милости.

Мраченъ возвратился въ покои свои Густавъ, но не въ моготу было царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ причиненное королевичемъ

поношеніе пресвѣтлой дочери ея, которую вынесли изъ тайника Грановитой Палаты на рукахъ: этотъ неожиданный ударъ свалилъ царицу въ постель.

— Не крушиься, мать наша великая государыня, говорила ей отъ своего разумнаго сужденія княгиня Елена Скопина:—не только свѣту въ окнѣ, не только жениховъ въ мірѣ божіемъ, что королевичъ свейскій: кликни только кличъ великій государь Борисъ Ѳедоровичъ, такъ налетятъ, не чета ему, ясные соколы... А свейскаго королевича Господь ума рѣшилъ...

— Либо Господь ума рѣшилъ, либо люди лихіе свое ехидство приложили, взговорила въ тоскѣ раздумья княгиня Катерина Григорьевна:—ужь не даромъ же Аѳанасій Ивановичъ диву дался, что внезапу словно какая недобрая болѣсть королевичу приключилась, словно соколъ высоко поднялся, да вдругъ о сыру землю грянулся.

Царица Марья Григорьевна вздохнула тяжко и покосилась на боярынь, что̀ особнячкомъ по угламъ шушукаютъ.

— А куда бы такъ въ скорбномъ часѣ моемъ отлучилась отъ насъ княгиня Марья? спросила она, взыскавшись своей любимой боярыни, которая одна обладала тайной спокоить тревожныя мысли государыни.

— У боярыни княгини Марьи своя печаль-забота: приворотное зелье на шею своему нещечку навѣшивать, да отъ добрыхъ людей опасливое слово перенять да затаить про себя, промолвила по своему простому обычаю, напрямикъ, княгиня Трубецкая Авдотья Михайловна.

Строго посмотрѣла на нее государыня; но княгиня Авдотья не смутилась.

— Живой человѣкъ, Елисеевна; своими очами видѣла и своими ушами слышала, сказала она, указывая на няню, которая стояла въ дверяхъ, пригорюнясь.

Прослышавъ слова княгини, няня повалилась матери-царицѣ въ ноги...

— Не вели казнить, прикажи слово молвить, взвыла она не своимъ голосомъ.

— Ино молвь не утай, сказала дрожащимъ голомъ встревоженная государыня.

— Не избыть землѣ червя точащаго, не извести злаго сѣмени, что̀ вѣдаютъ про вороговъ твоихъ, да молчкомъ молчатъ и всѣмъ уста заслоняютъ!...

Царица Марья Григорьевна, заохавъ, приподнялась съ подушки; золовки ея, Годуновы, и княгиня Скопина, робко оглянулись другъ

на друга; только Трубецкая стояла бодро, какъ увѣренная въ своемъ правомъ словѣ.

— Мать наша, пресвѣтлая государыня, продолжала, кланяясь снова земнымъ поклономъ, няня:—всю святую правду скажу: была у насъ, невѣсть откуда странница и подъ святыми сидѣла въ подклѣти, и подъ святыми сказывала, что у королевича на Литвѣ жена есть и дѣти съ нею прижиты.

Какъ полымемъ опаленная, вскинулась Марья Григорьевна на мѣстѣ; всѣ боярыни всплеснули руками, восклицаніе замерло у всѣхъ на устахъ.

— Ступай скорѣе по княгиню Марью, проговорила, наконецъ, опомнясь отъ ужаса царица:—ино постой, вернись, примолвила она княгинѣ Авдотьѣ, которая застукала уже каблучками, направляясь къ двери:—не горазда ты свѣтъ, пошли смышленѣй себя.

Трубецкая пріостановилась.

— Кому жь, государыня, идти? спросила она съ безобидчивымъ простодушіемъ.

— Иди ты, порѣшила растерянная царица, обращаясь къ сестрѣ своей, княгинѣ Катеринѣ Григорьевнѣ.

И снова покатилась она на подушку, изнывая отъ горя.

Между тѣмъ въ хоромахъ королевича, послѣ возвращенія его отъ царя, шло обычное угощеніе своимъ чередомъ. Какъ будто на зло неудачѣ, хоръ пѣсельниковъ гремѣлъ, принимая въ ладъ приплясывающаго запѣвалу, который ходилъ ходуномъ въ кругу: «чтобы съ теремовъ верхи попàдали, съ горницъ охлопья летѣли, а въ погребахъ питія всколыхались.»

Но гости сидѣли за браными столами молча, угрюмо потупя взоръ и посматривая изподлобья на мрачное лицо угощаемаго и славимаго королевича.

— Чаша государева!—чаша благовѣрнаго царевича!—чаша наияснѣйшаго королевича Густава Ириковича!—возглашалъ, поднимая кубки и вычитывая титулы, дворецкій Семенъ Годуновъ.

Густавъ съ жаждою отпивалъ изъ подносимыхъ кубковъ, чувствуя въ груди муку жгучаго горя.

— Одумайся, королевская твоя ясность, тихо говорилъ ему царское слово, сидѣвшій возлѣ него, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ:—или яви государю оправданіе свое.

— Не въ чемъ оправдываться, и пусть государь, какъ виновника, вышлетъ меня изъ предѣловъ своего царства!

— Не отъ своего благомысленнаго королевскаго ума-разума противное извѣщалъ царю, благодѣтелю своему... Не утай отъ него, по чьему навѣту и наущенію...

Густавъ посмотрѣлъ на Басманова и не отвѣчалъ ни слова.

— Поговори съ нимъ по своему, шепнулъ Семенъ Годуновъ на ухо Фидлеру.

— Великій государь осыпалъ вашу свѣтлость своими милостями, началъ рѣчь свою Фидлеръ.

— Не умѣю цѣнить ихъ, перервалъ его Густавъ:—а потому не чувствую себя достойнымъ этихъ милостей!

— Не слѣдуетъ забывать, ваша свѣтлость, что Московія золотое дно...

— И можешь оставаться на этомъ днѣ, перервалъ вспыльчиво Густавъ:—а мнѣ—тяжко, душно въ Москвѣ!

— Но, государь любитъ вашу свѣтлость, какъ сына, и... я полагаю, онъ не отпуститъ васъ такъ легко отъ себя...

— Если не отпуститъ по доброй волѣ, я принужу его изгнать меня; а если будетъ держать силою — зажгу Москву и бѣгу!— крикнулъ Густавъ, выходя изъ себя.

У дрогнувшаго Фидлера, кубокъ, который онъ держалъ въ рукахъ, подскочилъ и вино плеснуло на столъ.

— Ума рѣшился! проговорилъ Семенъ Өедоровичъ Басманову, отправляясь съ донесеніемъ къ государю.

При всемъ великомъ разумѣ Бориса и при всей его проницательной смѣтливости, онъ не могъ объяснить причину внезапной и непонятной перемѣны, случившейся съ королевичемъ. Извѣщенный самой царицею о литовской жонкѣ, которая разсказывала за тайну, что королевичъ женатъ на Литвѣ, онъ велѣлъ отыскать ее и допросить.

— Не посмѣялись же надо мною любительный братъ мой Рудольфъ и посолъ его сватъ, панъ Николай Варкочъ, за дары, которыми обогатилъ я казну цесаря!... Знаю я, что эти козни и позоръ мнѣ идутъ отъ супостатовъ бояръ, моихъ ненавистниковъ! понимаю и хитрый отводъ—литовскую жонку!

Борисъ терялся еще въ догадкахъ, когда вошелъ къ нему думный дьякъ Власьевъ, и читалъ допросъ, снятый съ жонки литовской, что̀ проживаетъ за Яузой у нѣмкини шинкарки.

«Въ нынѣшнемъ 109 (1601) году, октября 9-го дня, государь царь и великій князь Борисъ Өедоровичъ указалъ дворецкому Семену Годунову сыскать и разспросить литовскую жонку Катерину о словахъ, ею изговоренныхъ въ жилецкихъ подклѣтяхъ при сѣнныхъ дѣвкахъ, и, сыскавъ и разспросивъ, велѣлъ о томъ доложить себя государя. А жонка при допросѣ учала шумѣть и учала лаять и позорными словами безчестить королевича, и «того-де, что̀ я говорила сѣннымъ дѣвкамъ, о томъ буду бить челомъ государю». А нѣмкиня шинкарка на разспросныхъ рѣ-

чахъ показала, что тая жонка передъ ней хвалилась королевной быть. А малый Петръ Зубцовскій, что̀ въ жильцахъ у королевича, по государеву крестному цалованію сказалъ, что онъ тое жонку литовскую на Литвѣ зналъ въ Вильнѣ, и что была она въ тѣ поры на примѣтѣ у семинарскихъ у св. Яна парней, а жила во дворѣ у виленскаго кастеляна за кастелянку, и сбѣжала со двора его милости, и куда дѣлась, онъ, малый Петръ Зубцовскій, того не вѣдалъ, а какъ пришла къ королевичу въ хоромы, и королевичъ велѣлъ ему, Петру, проводить ее со двора въ шею»...

Кончивъ чтеніе допроса, Аѳанасій Ивановичъ всматривался въ суровое выраженіе лица Бориса и внутренно содрогался за королевича.

— А какъ по твоему разуму, въ томъ ли вся притча? спросилъ Борисъ предстоящаго Басманова.

— Быль доброму молодцу не въ укоръ, неопредѣленно отвѣчалъ пословицей любимецъ.

— Слѣдуетъ ли издоволить королевичево хотѣніе, пустить изъ государства?

— Пустить, чтобъ у цесаря въ позорѣ не быть, да и держать при дворѣ твоемъ государскомъ королевскаго сына чужой земли присяжника, что̀ хвалится Москву сжечь—не приго̀дится.

— Нарядить съ королевичемъ приставовъ и отправить до времени въ жалованный ему удѣлъ, въ Угличъ; а литовскую жонку держать въ тюремномъ приказѣ... А тебѣ, Аѳанасій, добавилъ Борисъ, обращаясь къ Власьеву:—снаряжаться ѣхать въ Дацкую землю.

«Не дается благая часть мнѣ въ руку», подумалъ, откланиваясь, Аѳанасій Ивановичъ, предвидя въ этомъ посольствѣ новое сватовство.

XI

Почему Борисъ Ѳедоровичъ послалъ Густава въ Угличъ—привыкъ ли онъ считать удѣлъ этотъ мѣстомъ ссылки для вѣнценосныхъ узниковъ, или, во гнѣвѣ на королевича, царь не нашелъ для него инаго, худшаго заточенія, кромѣ ненавистнаго ему города?

Тяжело сказывалась Угличу опала царская: обезлюдѣлъ древній удѣлъ страстотерпца Бориса—внука великаго князя Владиміра. Въ полутораста церквахъ просторно стало молиться жителямъ, въ тайнѣ сердца, за лучшихъ гражданъ своихъ, изъ которыхъ двѣсти человѣкъ казнены на мѣстѣ, другіе—изувѣченные

томились въ темницахъ, бо̀льшая же часть была изгнана въ Сибирь, гдѣ цѣлый новый городъ Пелымъ заселился ссыльными угличанами.

Безмолвно свидѣтельствовали опустѣлые домы о совершившихся великихъ скорбяхъ. Обширный княжескій дворецъ, въ теченіи вѣковъ распространенный постройками, стоялъ гробищемъ, еще полнымъ отголосковъ страшнаго событія; а во дворѣ его, кровь св. мученика младенца, еще непокрытая воздвигнутымъ позднѣе храмомъ *св. Дмитрія на крови*, явно вопіяла къ небу...

Въ то время считался уже осьмой вѣкъ съ основанія Углича, построеннаго, какъ говоритъ преданіе, братомъ великой княгини св. Ольги—Яномъ. Подобно многимъ городамъ русскимъ, испыталъ Угличъ бѣды отъ усобицъ княжескихъ и разоренія отъ татаръ, не однажды горѣлъ и возникалъ изъ пепла, хранилъ благоговѣйную память о лучшихъ князьяхъ своихъ, чтилъ прахъ доблестныхъ, въ ихъ усыпальницѣ — древней соборной церкви Спаса Преображенія, поклонялся мощамъ святого князя своего Романа, и слушая разсказы старцевъ о древнихъ былинахъ, обрѣталъ изъ жизни своихъ предшественниковъ простую, но великую науку любить правое и ненавидѣть лукавое.

Не изживая злой памяти, Борисъ Θеодоровичъ наложилъ снова тяжелую руку свою на Угличъ; новая туча жителямъ: во дворцѣ убіеннаго царевича, гдѣ не остыли еще слѣды дорогого угличанамъ дѣтища, явился на жительство иноземный королевичъ, подъ опекою Борисовыхъ бояръ: этихъ гостей долженъ былъ чествовать и угощать обѣднѣвшій городъ.

Но наступало время, когда стоны опальныхъ угличанъ слились съ общимъ гуломъ возстонавшей земли русской.

И тогда знаменія многи быша: и громы велики, и земли трясеніе, и вихри сметающіе главы церковныя, и свѣтила невиданныя, и чудища рождаемыя.

И скоро мать-земля, какъ будто, сама исчахла за грѣхи своихъ чадъ, и не было у нея для нихъ питанія: и «живые мертвыхъ и другъ друга ядоша».

Покуда совершались въ очію эти ужасы, царь Борисъ отводилъ отъ нихъ глаза иноземцевъ, ослѣпляя ихъ пышностію двора своего, и чествуя съ пущимъ великолѣпіемъ Іоанна датскаго — новаго жениха своей дочери.

За голодомъ послѣдовалъ другой бичъ—моръ.

Думалъ Борисъ пособить людямъ; но милостыня его не въ добро была: толпами бѣжали отвсюду голодные въ Москву, заваливали стогны ея своими трупами, или разносили заразу.

Пользуясь безвременьемъ Руси, враги ея изготовляли ей на-

пасть, какую только растлѣнное воображеніе и загубленная совѣсть могли измыслить въ лицѣ Лжедимитрія. Созданный темными силами, воспринятый папою и польскимъ королемъ-іезуитомъ, самозванецъ готовъ уже былъ явиться міру.

Во все это время, занимая укромный уголъ угличскаго дворца, Густавъ снова предался своей любимой химіи, и часто проводилъ цѣлые дни у очага, равнодушный къ опостылавшей ему собственной жизни, но горячо принимая къ сердцу чужое горе.

Не философскаго камня и не золота добивался уже онъ теперь, а посвятилъ себя на служеніе страдальцамъ, готовилъ врачебныя снадобья, дѣлилъ съ неимущими послѣдній кусокъ хлѣба, и былъ опорою и совѣтнымъ другомъ для каждаго, кто приходилъ къ его порогу.

Смутное время благопріятствовало развитію его доброй дѣятельности — всѣ ходили подъ Богомъ, и не до подозрѣній и навѣтовъ было людямъ, испытывающимъ божеское посѣщеніе.

Бояре-приставы, сначала наблюдавшіе за нимъ, по наказу царя, строго, мало-по-малу, ввѣрились въ кротость агнца, котораго поручено имъ было стеречь, какъ дикаго звѣря.

Свободно посѣщалъ Густавъ больныхъ своихъ во всякое время дня и ночи, свободно входилъ въ открытые настежь храмы, гдѣ не умолкала молитва вопіющихъ о помощи свыше, свободно бесѣдовалъ съ окружавшимъ его народомъ.

Но врачуя страдающихъ, самъ онъ изнемогалъ. Неодолимая тоска томила его душу, и бренная плоть его съ каждымъ днемъ ветшала.

Стоя иногда, незамѣченнымъ толпою, въ простой одеждѣ, въ углу соборнаго храма Спаса, смотря на безмолвную скорбь, возбуждаемую могилою мученика-младенца, и слыша воздыханія о вопіющей къ небу неправдѣ, онъ думалъ съ ропотнымъ чувствомъ:

«Для чего не свершилась и надо мною злоба враговъ моихъ? смерть избавила бы меня отъ тяжкой жизни!»...

Когда же вѣсть о томъ, что царевичъ Димитрій Іоанновичъ живъ и идетъ добывать престолъ своихъ предковъ, пронеслась какъ молнія изъ края въ край, по всей Руси, и достигла до усыпальницы царевича, все содрогнулось отъ ужаса.

— Ушами слышимъ и не разумѣемъ! сказалъ бояринъ Елизаръ Корсаковъ, старожилъ углицкій, прибѣжавъ къ королевичу, съ своими друзьями и ближними.

— Или душа страстотерпца облеклась плотію, чтобъ обличить своихъ губителей! прибавилъ Богданъ Невѣдревъ.

— Не настало еще воскресеніе мертвыхъ, и не на земли сила,

которая бы вызвала ихъ изъ гроба, сказалъ Густавъ, разрѣшая ихъ недоумѣніе.

— Очевидцы смерти царевича не всѣ еще изгибли, жива еще царица Марія Өедоровна, и незапамятовало материнское сердце трепета закланнаго младенца, *аки голубя*, проговорилъ Богданъ Нагинъ.

— Слышно, что государь шлетъ митрополита на Угличъ, панихиды пѣть надъ ракою царевича, прибавилъ гость Лаптевъ Иванъ.

— Царь Борисъ только возмутитъ миръ души царевича своею святотатной молитвой! воскликнулъ Густавъ, возмутясь и самъ духомъ.

Бояре переглянулись, мысленно сочувствуя смѣлой рѣчи его.

Съ нѣкотораго времени они подняли головы. Борисъ видимо сталъ заискивать въ гражданахъ Углича. Часто стали наѣзжать бояре сподручники царскіе, подъ разными предлогами, съ наказомъ располагать умы въ пользу Бориса, разсыпать его милости и обѣщанія.

— Помолчимъ до времени, княже! сказалъ Елизаръ Корсаковъ.

— Для чего буду я молчать? спросилъ Густавъ:—одна нога въ гробѣ, другую пусть подкоситъ.

Но Борисъ умеръ, а на престолѣ буйствовалъ уже самозванецъ, и прошла страшная молва въ Угличѣ, что онъ грозитъ извергнуть тѣло убіеннаго царевича на поруганіе.

— Княже нашъ, теперь Угличъ твой удѣлъ, научи что̀ намъ дѣлать? возопили именитые граждане, собравшись снова къ Густаву.

— Братья, сказалъ онъ имъ:—говорю вамъ, и вѣрьте, что лжецъ не осмѣлится затронуть могилу праведника!

Но въ одно утро съ трепетомъ увидѣли угличане въѣзжающую въ городъ царскую колымагу, нарядным поѣздомъ, въ сопровожденіи боярскихъ дѣтей и дворянъ. Въ колымагѣ сидѣлъ осанистый бояринъ, а подлѣ него какая-то блѣдная тѣнь съ оголенною бородою, въ четырехконечной іезуитской шапкѣ, въ однобортномъ подрясникѣ, съ католическимъ распятіемъ на груди.

— Спаси, Господи, люди твоя! произносили невольно жители, смотря на поѣздъ.

Переѣхавъ черезъ мостъ рва, окружавшаго городъ, рубленый въ двѣ стѣны съ башнями и бойницами, колымага остановилась у воротъ посольской избы, въ которую и вошли пріѣзжіе изготовляться къ пріему. Но снаряженія, вопреки обычаю, были непродолжительны; черезъ часъ времени іезуитъ, подъ охраною царскаго боярина, вступалъ уже на крыльцо княжескаго дворца.

— Аѳонасій Ивановичъ! вскричалъ изумленный Густавъ, вставая на встрѣчу старому своему знакомцу.

Но Власьевъ, смутясь при взглядѣ на королевича, и съ трудомъ уже признавая его пріятныя черты въ изнуренной наружности, умолчалъ на радушный привѣтъ, нарушающій наказъ царскій, и явилъ ему прибывшаго съ нимъ слѣдующими словами:

— Посолъ его цесарскаго величества, наияснѣйшаго и непобѣдимаго самодержца, великаго государя Димитрія Іоанновича, божіею милостію цесаря и великаго князя всея Русіи, и всѣхъ царствъ и государствъ московской монархіи подлеглыхъ государя, царя и обладателя.

Радость, мелькнувшая въ лицѣ Густава, мгновенно исчезла; онъ окинулъ презрительнымъ взоромъ посла.

— Противный обычаю и безправно присвоенный титулъ императорскій, перервалъ слово Власьева посолъ: — навлекаетъ его царскому величеству недоброжелательство прочихъ государей...

Аѳонасій Ивановичъ посмотрѣлъ на него равнодушно, и продолжалъ:

— Тебя, посла, Яна Савицкаго, наияснѣйшій королевичъ вспрашиваетъ о здоровьи его цесарскаго величества, великаго государя Димитрія Іоанновича, божіею милостію цесаря и великаго князя всея Русіи...

— Императору, вѣнчанному апостольскимъ намѣстникомъ и признанному всѣми государями христіанскими, принадлежитъ первое мѣсто, достоинство и первенство власти... Самовольно же присвоенный титулъ императорскій или цесарскій, ни существовать, ни признанъ быть не можетъ.

— Послу его цесарскаго величества, прикажешь ли твоя ясная милость о здоровьи твоемъ вспросить и посольство править? сказалъ Власьевъ, не обращая вниманія на слова посла.

Но въ то же время и Савицкій началъ говорить:

— Великій господинъ и государь московскій Димитрій Іоанновичъ...

— Цесарь и самодержецъ всея Русіи и иныхъ государствъ, перебилъ Власьевъ.

— Изволилъ помыслить своимъ великимъ разумомъ, продолжалъ посолъ:—и возболѣзновалъ сердцемъ о твоей, наияснѣйшій королевичъ, злосчастной долѣ. Столько уже лѣтъ изневолена жизнь твоя въ заточеніи, и онъ, великій государь Димитрій Іоанновичъ, зоветъ тебя въ Москву, гдѣ будешь имѣть всякое, пристойное твоему сану шанованіе. И тѣмъ болѣе сокрушается великій государь о твоей участи, что самъ испыталъ отъ враговъ своихъ тѣ же гоненія: также, какъ и твоя наияснѣйшая

милость, въ младенчествѣ былъ обреченъ отъ враговъ своихъ на мученическую смерть, но божіимъ промысломъ и усердіемъ вѣрныхъ слугъ, былъ отъ смерти избавленъ, и благодареніе Богу, взрощенъ, отъ всѣхъ напастей охраненъ, и помощію божіею, благословеніемъ его святѣйшества верховнаго пастыря и главы вселенской апостольской церкви и содѣйствіемъ его наияснѣйшей милости короля Жигимонта III, нынѣ великій господинъ Димитрій Іоанновичъ на своемъ прародительскомъ престолѣ, и оповѣщаетъ тебя, королевичъ, о своемъ братскомъ дружествѣ съ законнымъ королемъ Швеціи Жигимонтомъ, Божіею милостію королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, русскимъ, жмудскимъ и мазовецкимъ, и о своемъ непремѣнномъ великаго государя намѣреніи требовать, чтобы герцогъ Карлъ возвратилъ королю Жигимонту державную власть, похищенную имъ вѣроломно, вопреки божественному уставу и праву народному, грозя въ противномъ случаѣ принудить его къ тому силою...

— Кто таковъ великій господинъ и государь московскій, я того не вѣдаю, отвѣчалъ Густавъ, не приподнимая по обычаю шапку:— а что ты, посолъ, говоришь объ участи моей будто бы сходной съ участію его, то это сходство такое же, какъ между свѣтомъ дня и мракомъ ночи. Какъ вѣрный сынъ моего отечества, щадя кровь соотчичей, соблюдая цѣлость родной земли, я признаю дядю моего Карла законнымъ королемъ Швеціи. Не только не обнажу меча на братьевъ своихъ, но и не помыслю, не пожелаю ничего злаго государю, дядѣ моему, до послѣдняго моего издыханія.

Іезуитъ, слушая Густава, смотрѣлъ на болѣзненныя черты лица его, какъ будто отыскивая въ нихъ признаки умственнаго разстройства.

— Ваша наияснѣйшая милость, принадлежа самъ къ истинной единоспасающей церкви, и исповѣдуя католическую вѣру, не можетъ не желать своему отечеству блага, которому еретикъ герцогъ Карлъ есть, былъ и будетъ непримиримымъ противникомъ.

— Я готовъ отдать жизнь, единственное мое достояніе на этой землѣ, чтобъ никогда отечество мое не испытало ига этой единоспасающей церкви! съ жаромъ произнесъ Густавъ.

Лица всѣхъ присутствующихъ, не исключая Власьева, просвѣтлѣли.

— Ничего болѣе не имѣетъ сказать мнѣ ваша наияснѣйшая милость? спросилъ Савицкій невозмутимо.

— Ничего, столь же невозмутимо отвѣчалъ Густавъ.

Бояринъ Елизаръ Корсаковъ, стоя у королевича, снявъ колпакъ, сказалъ:

— Его ясная милость, ваши рѣчи выслушавъ, велитъ вамъ, посламъ, ѣхать къ себѣ на подворье.

Савицкій, безмолвно ударивъ челомъ, вышелъ, сопровождаемый Власьевымъ, неизмѣннымъ блюстителемъ устава посольскаго.

Но въ дверяхъ, Аѳонасій Ивановичъ остановился въ какомъ-то колебаніи. Онъ взглянулъ на королевича взглядомъ, который какъ будто проговорилъ:

— Божій ты человѣкъ, вспомяни насъ на судѣ вѣчной правды!...

XII.

— Пусть лопнутъ съ досады москали, кричалъ на пиру, разгоряченный виномъ, Янъ Сапѣга: — а мы имъ поставимъ царя! Не полюбился одинъ бродяга — поставимъ другого!

Поляки и незамедлили отыскать на подставу убитому Лжедимитрію другого бродягу.

Была весна 1607 года. Въ городѣ Кашинѣ, народъ расходился съ соборной площади, выслушавъ окружное посланіе патріарховъ Іова и Гермогена, взывающее къ покаянію и молитвѣ.

Всѣ шли, отирая слезы; всѣхъ обуялъ ужасъ, какъ будто въ ожиданіи послѣдняго часа...

Въ толпѣ пробирался, своею дорогою, дряхлый старецъ, опираясь на костыль. Выраженіе лица его не рознилось съ общею скорбію. Онъ остановился у воротъ полуразрушенной обители, устроенной за два съ половиною вѣка сыномъ Михаила Тверскаго, для благовѣрной княгини Анны, матери своей, близь соборной церкви Успенія.

Старецъ постучался у покосившейся калитки и, опершись на костыль, въ ожиданіи, какъ добрый терпѣливый руснакъ, котораго нельзя было не узнать въ немъ.

Чрезъ нѣсколько времени послышался шелестъ шаговъ и бряканье ключей.

— Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ! раздался голосъ за калиткой.

— Аминь, отвѣчалъ пришедшій.

— Какъ Богъ милуетъ, дѣдушка Василій? спросила, увидѣвъ его, черница-сторожиха.

— Спасибо на ласкѣ.

— А *раба божія* Наталья, что малое дитя плоха стала, истомилась съ ней панночка твоя, промолвила монахиня, притворяя дверку.

Качнувъ головой на эти нерадостныя вѣсти, старецъ молча пошелъ по знакомой тропѣ къ одной изъ келій.

*

Рабой божіей называли старицу Наталью убогую, пришедшую, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ обитель и поселившуюся въ ней по благословенію царицы-инокини вмѣстѣ съ духовной своей дочерью Анной.

Сначала нѣкоторый почетъ, который оказывала имъ игуменья, и жизнь вполнѣ сокровенная въ Богѣ отстраняли отъ нихъ прочихъ сестеръ. Но, ступивъ на тихія воды, сидѣли онѣ, воды не замутивъ; а вскорѣ налегшія на Русь бѣды, сплотивъ всѣхъ одной печалью, разсѣяли недоразумѣнія; глаза прозрѣли, лучшія души затеплились, освѣщая сумракъ, и высокая личность Натальи убогой проявилась окружающимъ ея людямъ, а молчаливое страданіе Іоганны вызвало сочувствіе.

Около пяти уже лѣтъ, памятныхъ великими бѣдами народными, пронеслись надъ отшельницами, подъ кровомъ ветхой Успенской обители. Жизнь ихъ въ молитвѣ нарушалась только зловѣщими слухами, которыми полнилась русская земля.

— Се мы днесь уничижены, паче всѣхъ живущихъ на земли! говорила Наталья: — не имамы князя, ни вождя, ни пророка, ни жертвъ, ими же умилостивить Бога; но въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ, да будемъ пріятны передъ тобой, Господи!

Въ послѣдніе годы, тѣлесныя силы Натальи убогой видимо стали упадать. Съ наступленіемъ зимы она слабѣла, ея келья представлялась склепомъ, вмѣщающимъ отживающую; а ликъ Іоганны, склоненный надъ изголовьемъ старицы, казался духомъ жизни, который не рѣшается отлетѣть отъ нея.

Одинъ только другъ посѣщалъ ихъ, забытыхъ міромъ—старый, вѣрный Василько, пришедшій сюда съ ними и доброжелательствомъ московскихъ покровителей поставленный привратникомъ въ монастырѣ св. Димитрія Солунскаго, лежащемъ на противоположномъ берегу рѣки.

Знакомые шаги его раздались и теперь за дверью. Снявъ шапку и переступивъ черезъ порогъ, онъ перекрестился на иконы, поклонился обѣимъ подвижницамъ и сталъ въ углу молча.

— Спаси тебя Господь, старче, сказала, узнавъ его, Наталья.

— Здоровъ ли, дѣдуню? спросила Іоганна.

— Спасибо, панночко, живу по ласкѣ божіей

— Что̀ скажешь намъ?

— А что̀ сказать? втекали мы отъ латинскаго мучительства, а оно сюда притекло за нами.

Всѣ вздохнули и смолкли, никто не находилъ утѣшительнаго слова.

— Оставайся съ Богомъ, панночко, молвилъ Василько, про-

щаясь уже съ нею, провѣдавъ о ея здоровьи, и удовлетворивъ свою душу.

— Не забывай насъ, дѣдуню.

— Не забуду.

— Ты что-то долго не бывалъ.

— Не было часу.

— Что̀ мѣшало?

— Святыя ворота цѣлый *тыждень* не запирались. Королевича какого-сь по наказу государеву привезли въ нашу Дмитріевскую обитель.

— Королевича! воскликнула съ замирающимъ сердцемъ Іоганна.

— Какого королевича? спросила, вслушиваясь, Наталья.

— А Богъ же святой знаетъ. Не дужаетъ тотъ королевичъ, тяжко смертно боленъ!

— Владыко Господи! это онъ! заныло въ душѣ Іоганны невыносимой болью.

Слухи о Густавѣ, жившемъ въ опалѣ, въ Угличѣ, а потомъ по указу самозванца въ Ярославлѣ, доходили до Кашина, лежащаго въ одномъ удѣлѣ.

Отреченіе Густава отъ царственной его невѣсты и гоненія, постигшія его вслѣдствіе этого отреченія, гнетомъ гнели душу Іоганны. Искушенія точили ей сердце, и ей представлялось, что она виновница, хотя и непроизвольная, всѣхъ его несчастій.

— Оставь свои лжемудрствованія, чадо, говорила ей въ назиданіе Наталья: — ты исполнила долгъ свой, и будь надъ тобою воля Господня!

Но вотъ извѣстіе, что страдалецъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и будто само провидѣніе ихъ не разлучаетъ — нарушило миръ въ душѣ Іоганны и оживило всѣ прежнія муки съ большею силой.

— Я хочу видѣть его! прорыдала Іоганна.

Наталья приникла своимъ благодушнымъ взоромъ къ сокрушенной.

— Дитя мое! сказала она: — если такова воля Господня, если Господь сочеталъ ваши души, онъ проявитъ неисповѣдимую свою волю... Положись на Бога!

— Я хочу его видѣть! твердила Іоганна, терзаемая страшнымъ предчувствіемъ.

И горе Іоганны встало всею своею силою.

Сошла съ одра немощи Наталья убогая и повела духовную дщерь свою къ смертному одру Густава.

У отворенныхъ воротъ встрѣтилъ ихъ Василько.

На дворѣ отроки держали боярскихъ коней; собравшіеся у

настоятельскихъ келій жильцы, завидѣвъ приближающуюся, всѣми чтимую рабу-божію Наталью съ ея послушницею, разступились.

Въ горницѣ всѣ присутствующіе стояли на колѣняхъ. Іерей, держа въ рукахъ зажженную свѣчу и кропило, произносилъ послѣднее напутствіе: глазамъ вошедшихъ представился умирающій.

Все, кромѣ мертвеннаго лика, исчезло для Іоганны. Она стала передъ нимъ, какъ небесное видѣніе, оживившее чудною улыбкою леденѣющія уста.

— Іоганна! произнесъ Густавъ беззвучно, остановивъ на ней потухающій взоръ.

И въ этомъ мгновеніи пронеслась цѣлая жизнь любви невозмутимой, безпечальной, напоминавшей блаженство не здѣшняго міра, сосредоточенной въ одномъ неописанномъ взглядѣ.

Еще мгновеніе — и Густавъ лежалъ уже хладенъ; но улыбка счастія перенеслась вмѣстѣ съ нимъ въ вѣчность.

Скоро догорѣла и потухла и Іоганна.

Наталья убогая и Василько выплакали надъ нею послѣднія свои слезы.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

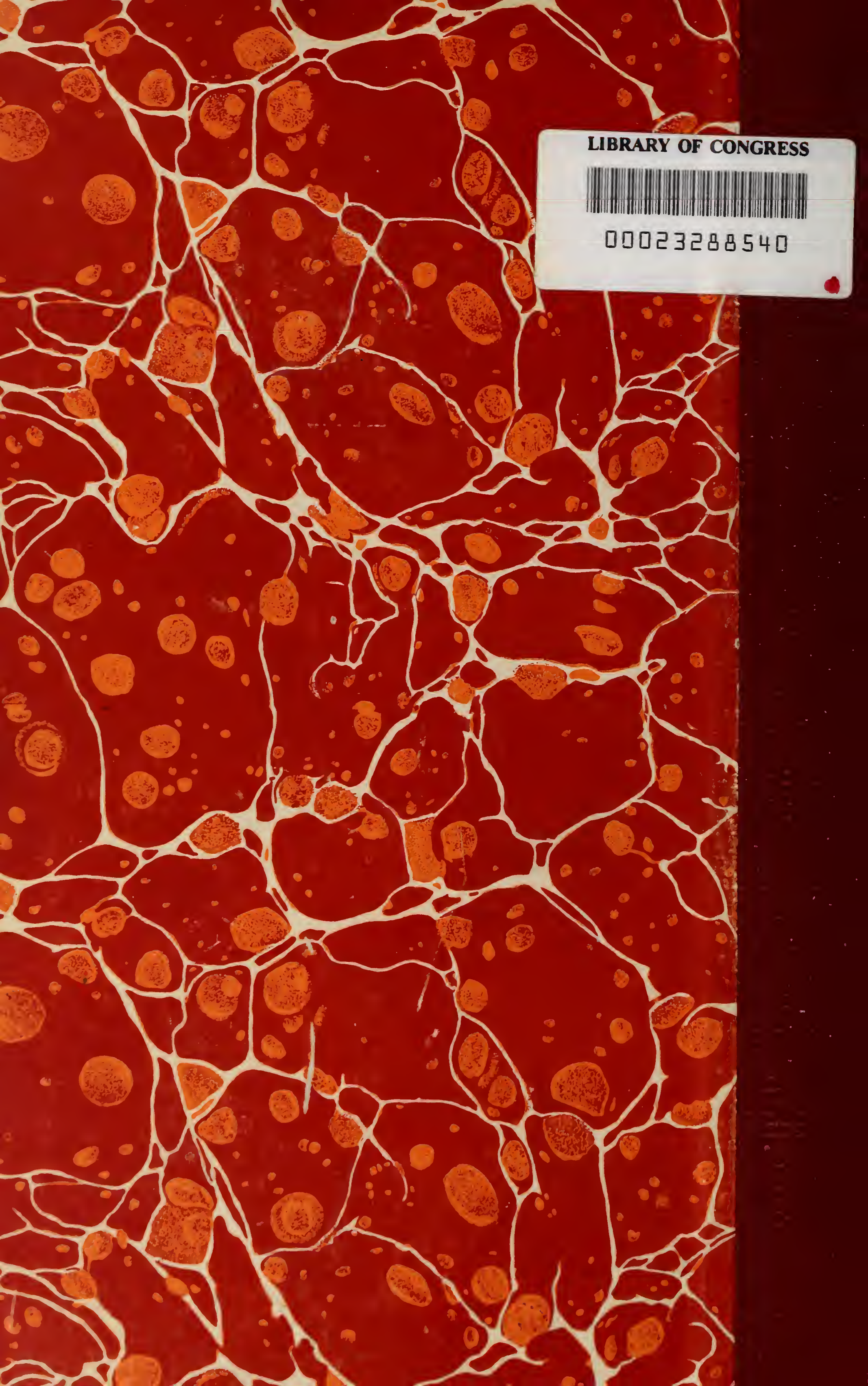
Часть V.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
1	18	Варковичь	Варкочь
10	37	постыдной	постылой
25	10	берутъ съ души	берутъ съ дуги,
28	13	дьячки	дьяки
29	27	свадебы	свадьбы
33	10	проговорилъ князь	проговорилъ въ полголоса князь
40	39	полученіи	поученіи
42	40	расправляя	растравляя
46	40	По поднебесью чурки плавають	По поднебесью щуки плавають.
49	2	Москву-рѣкѣ	Москву-рѣку
50	2	чашку	чашу
51	9	бувчатыхъ	буфчатыхъ
55	15	соединеніи	единеніи
—	21	Боричъ	Борисъ
62	14	дряхлая	дряблая
68	9	страшныя	страстныя
78	22	Новая туча	новая туга

JAN -8 1943

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


LIBRARY OF CONGRESS
00023288540